

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 6 2024

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 6 2024

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
канд. ист. наук *Д.К. Тулуш*

Редакционная коллегия номера:

Бочаров С.Г., к.и.н. (Севастополь); **Галимова М.Ш.**, к.и.н. (Казань); **Голубева Е.Н.** (Казань); **Зеленева Ю.А.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Руденко К.А.**, д.и.н. (Казань); **Саттаров Р.Р.** к.и.н. (Казань); **Ставицкий В.В.**, д.и.н. (Пенза); **Тулуш Д.К.**, к.и.н. (Казань); **Байтанаев Б.А.**, д.и.н., академик НАН РК (Алматы, Казахстан); **Хузин Ф.Ш.**, д.и.н., проф. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: archeosteppe@gmail.com
https://www.evrastep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 6 2024

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Demir K. Tulush**

Editorial board:

Bocharov Sergei G., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Galimova Madina Sh.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Golubeva Ekaterina N.** (Kazan); **Zeleneev Yurii A.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Sattarov Ruzil R.** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Stavitsky Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences (Penza); **Tulush Demir K.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khuzin Fayaz Sh.**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); **Baitanayev Bauyrzhan A.**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeosteps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

© Tatarstan Academy of Sciences, 2024

© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2024

СОДЕРЖАНИЕ*

Исследование памятников эпохи камня, раннего металла и раннего железа Урало-Поволжья и сопредельных территорий: новые материалы, гипотезы, проблемы и методы

Галимова М.Ш. (Казань, Россия), Березина Н.С., Березин А.Ю., Михайлов Е.П. (Чебоксары, Россия) Результаты функционального анализа пластин финальнопалеолитической стоянки Шолма в Чувашском Поволжье.....	8
Сайфуллаев Б.К. (Самарканд, Узбекистан), Воробьева Е.Е. (Казань, Россия), Эргашев О.Т., Джуракулова Д.М., Бердикулов М.Т. (Самарканд, Узбекистан) Техника расщепления в неолитическом гроте Тода-1 (Южный Узбекистан)	16
Андреев К.М. (Самара, Россия), Кулькова М.А. (Санкт-Петербург, Россия), Петрожицкий А.В. (Новосибирск, Россия) Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья	29
Малютина А.А. (Санкт-Петербург, Россия), Выборнов А.А. (Самара, Россия), Гречкина Т.Ю. (Астрахань, Россия) Изделия из кости неолита Нижнего Поволжья	43
Кудашов А.С. (Самара, Россия) К вопросу о культурном статусе ранне-неолитических памятников лесного Среднего Поволжья.....	52
Сомов А.В. (Самара, Россия) О культурной принадлежности неолитических памятников Устья Камы	60
Бесетаев Б.Б. (Алматы, Казахстан), Мерц И.В. (Павлодар, Казахстан), Тулегенов Т.Ж. (Есик, Казахстан) Новые находки позднего бронзового века в Юго-Восточном Казахстане ...	69
Мимоход Р.А. (Москва, Россия) Волго-Уральская культурная группа посткатакомбного периода	83
Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. (Оренбург, Россия), Салугина Н.П. (Москва, Россия) Новый погребальный комплекс ямной культуры с медным топором утевского типа в Оренбургском Приуралье	106
Красноперов А.А., Камалеев Э.В. (Уфа, Россия) Два погребения Югомашевского могильника: к вопросу о взаимодействии гляденовской и мазунинской культур в контактной зоне	119
Средневековая археология Урало-Поволжья и сопредельных территорий	
Насретдинов Р.Р., Султанов Р.Р., Федоров В.К. (Уфа, Россия) Биметаллический киммерийский меч их Южного Зауралья	129
Воробьева С.Л. (Уфа, Россия) Материалы археологических раскопок элитного погребения эпохи Великого переселения народов на территории города Уфы (из фондов Национального музея Республики Башкортостан)	138
Данилов П.С., Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия) Археологические исследования Типсирминского селища в Чувашии (итоги работ 2023 г.)	156
Никитина Т.Б., Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия) О погребальном обряде Амоксарского могильника X–XII вв. (по материалам раскопок 2021–2023 гг.)	168
Логинов Я.С., Кондрашин В.В., Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия) Черный металл Танкеевского могильника (к постановке проблемы технологического изучения)	182
Владимиров С.И. (Воронеж, Россия) Результаты археологических работ на правом берегу Цимлянском городище в 2020-2022 гг.: находки и материалы	196
Харламов П.В. (Воронеж, Россия) О находках письменных принадлежностей в кочевнических памятниках золотоордынского времени	202
Семькин Ю.А. (Ульяновск, Россия), Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия) Новые материалы по черной металлургии и металлообработке города Джукетау	209

* Материалы Международной научной конференции «IX Халиковские чтения»

Недашковский Л.Ф., Волков И.В., Шигапов М. Б. (Казань, Россия) Золотоордынская неполивная керамика с Багаевского селища	223
Ситдиков А.Г. (Казань, Россия), Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия) Археологические исследования на Царевском городище Волгоградской области в 2023 г. ...	238
Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Масловский А.Н. (Азов, Россия) Амфоры «трилийской» группы в Золотой Орде (последняя треть XIII-XIV вв.)	251
Проблемы сохранения, изучения и музеефикации объектов археологического наследия, ученые-исследователи Урало-Поволжского региона и их научное наследие	
Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В., Гирич А.П. (Москва, Россия) Применение алгоритма мультимасштабного интегрального инварианта при исследовании амфорных клейм	260
Боталов С.Г. (Екатеринбург, Россия) Кочевники Южного Урала и новые религиозные доктрины средневековых империй Центральной Азии	271
Егоров А.В. (Киров, Россия) История изучения Ташьялудского клада золотоордынских монет	290
Девяшин М.М., Кисагулов А.В. (Екатеринбург, Россия), Богайчук Е.А. (Барнаул, Россия), Идимишев А.А. (Томск, Россия) Археозоологические материалы поселения Потаповы Лужки III (Томское Приобье): по результатам работ 2020–2021 годов	296
Рослякова Н.В. (Самара, Россия), Бачура О.П. (Екатеринбург, Россия), Жемков А.И. (Саратов, Россия), Аськеев И.В., Шаймуратова Д.Н. (Казань, Россия) Комплексное изучение археозоологических материалов поселения срубной культуры «Старочутинская Стоянка»	305
Абдуллин Х.М. (Казань, Россия) Письмо А.С. Башкирова председателю Академцентра Татнаркомпроса С.С. Атнагулову из Биляра 21 июня 1929 г.	325
Исхаков Д.М. (Тобольск, Россия) Материалы тюркских дастанов как исторический источник: опыт кросс-культурного анализа	332
Хроника	
Выборнов А.А. (Самара, Россия) Вадиму Сергеевич Мосину – 70 лет!	341
Критика и библиография	
Боталов С.Г. (Екатеринбург, Россия), Любчанский И.Э. (Челябинск, Россия) Рецензия на монографию Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). Алматы, 2023. 384 с.	343
Список сокращений	347
Правила для авторов	349

CONTENT

The study of monuments of the stone, early metal and early iron eras Ural-Volga region and adjacent territories: new materials, hypotheses, problems and methods

Galimova M.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Berezina N.S., Berezin A.Yu., Mikhailov E.P. (<i>Cheboksary, Russian Federation</i>) Results of Functional Analysis of the Blades from the Terminal Paleolithic Site of Sholma in the Chuvash Volga Region.....	8
Sayfullaev B.K. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>), Vorobeva E.E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Ergashev O.T., Djurakulova D.M., Berdikulov M.T. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>) Splitting Technique in the Neolithic Toda-1 Grotto (Southern Uzbekistan).....	16
Andreev K.M. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Kulkova M.A. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Petrozhitskiy A.V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>) New Radiocarbon Dates of Neolithic Sites in the Middle Volga and Kama-Vyatka Basin.....	29
Malyutina A.A. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Vybornov A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Grechkina T.Yu. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) The Neolithic Bone Items of the Lower Volga Region	43
Kudashov A.S. (<i>Samara, Russian Federation</i>) To the Question of the Cultural Status of Early Neolithic Sites in the Forest Middle Volga Region ..	52
Somov A.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>) About the Cultural Affiliation of the Neolithic Monuments at the Kama River Mouth	60
Besetayev B.B. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), Merts I.V. (<i>Pavlodar, Kazakhstan</i>), Tulegenov T.Zh. (<i>Esik, Kazakhstan</i>) New Finds of the Late Bronze Age in the Southeastern Kazakhstan	69
Mimokhod R.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Volga-Ural Cultural Group of the Post-Catacomb Period	83
Morgunova N.L., Fayzullin A.A. (<i>Orenburg, Russian Federation</i>), Salugina N.P. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) New Burial Assemblage of the Yamnaya Culture with a Copper Axe of the Utevka Type in the Orenburg Urals.....	106
Krasnopeorov A.A., Kamaleev E.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Two Burials of the Yugamash Burial Ground: to the question of the interaction of the Glyadenovo and Mazunino cultures in the contact zone	119
Medieval archaeology of the Ural-Volga region and adjacent territories	
Nasretdinov R.R., Sultanov R.R., Fedorov V.K. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Bimetallic Cimmerian Sword from the Southern Transurals.....	129
Vorobyeva S. L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Materials of Archaeological Excavations of the Migration Period Elite Burial in the City of Ufa (from the collections of the Bashkortostan National Museum).....	138
Danilov P.S., Pigarev E.M. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Archaeological Studies at the Tipsirmy Settlement in Chuvashia (2023 Work Results).....	156
Nikitina T.B., Akilbaev A.V. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) About the Burial rite of the Amoksar burial ground of the X–XII centuries (based on the excavations in 2021–2023)	168
Loginov Ya.S., Kondrashin V.V., Shaykhutdinova E. F. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Ferrous Metal of the Tankeyevka Burial Ground (to the statement of the issue of technological study).....	182
Vladimirov S. I. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>) Results of Archaeological Works on the Right-Bank Tsimlyansk Fortress in 2020-2022: finds and materials.....	196
Kharlamov P.V. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>) About the Finds of Writing-Materials in the Nomadic Monuments of the Golden Horde Period.....	202

Semykin Yu.A. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>), Nabiullin N.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) New Materials on Ferrous Metallurgy and Metalworking in the City of Juketaw	209
Nedashkovsky L. F., Volkov I. V., Shigapov M. B. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Golden Horde Non-Glazed Ceramics from Bagaevka Settlement	223
Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Pigarev E.M. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Archaeological Research at the Tsarev Settlement of the Volgograd Region in 2023	238
Bocharov S.G. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>), Maslovskiy A.N. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Amphorae of the "Triglia" Ware on the Golden Horde (the last third of the 13th-14th centuries)....	251

**Problems of preservation, study and museification of archaeological heritage sites,
research scientists of the Ural-Volga region and their scientific heritage**

Svoisky Yu.M., Olkhovsky S.V., Romanenko E.V., Zaitsev A.V., Girich A.P. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Use of the Algorithm of Multi-Scale Integral Invariant in the Study of Amphora Stamps.....	260
Botalov S.G. (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>) Nomads of the Southern Urals and New Religious Doctrines of the Medieval Empires of Central Asia.....	271
Egorov A.V. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) History of the Study of the Tashyalud Hoard of Golden Horde Coins	290
Devyashin M.M., Kisagulov A.V. (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>), Bogaychuk E.A. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>), Idimeshev A.A. (<i>Tomsk, Russian Federation</i>) Archaeozoological Materials of the Potapovy Luzhki III Settlement (Tomsk Ob Region): results of work in 2020–2021	296
Roslyakova N.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Bachura O.P. (<i>Екатеринбург, Россия</i>), Zhemkov A.I. (<i>Saratov, Russian Federation</i>), Askeyev I.V., Shaymuratova D.N. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Comprehensive Study of Archaeozoological Materials of the Settlement of the Srubnaya Culture «Staryye Chuti Campsite».....	305
Abdullin Kh.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Letter from A.S. Bashkirov to the Chairman of the Academic Center of People's Commissariat for Education S.S. Atagulov from Bilyar on June 21, 1929.....	325
Iskhakov D.M. (<i>Tobolsk, Russian Federation</i>) Materials of Turkic Dastans as a Historical Source: the experience of cross-cultural analysis	332

Chronicle

Vybornov A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Vadim Sergeyevich Mosin Turned 70 Years Old!	341
---	-----

Critics and Bibliography

Botalov S.G. (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>), Lyubchansky I.E. (<i>Chelyabinsk, Russian Federa- tion</i>) Review of the monograph by Astafyev A.E., Bogdanov E.S. Burial and memorial assemblage Altynkazgan (III – the first half of the VI century AD). Almaty, 2023. 384 p.	343
List of Abbreviations	347
Instructions for Authors	349

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ, РАННЕГО
МЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ,
ГИПОТЕЗЫ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ**

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.8.15>**РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЛАСТИН
ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ШОЛМА
В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

©2024 г. М.Ш. Галимова, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, Е.П. Михайлов

В результате раскопок стоянки Шолма I на реке Цивиль (правобережье Волги, Чувашия), осуществленных авторами в 2007, 2011 и 2017 гг., получена значительная коллекция нуклеусов, пластин и орудий, характеризующая кремневую индустрию конца плейстоцена (около 11.1 – 10.8 тыс. CalBC). В статье представлены результаты функционального изучения группы пластин без вторичной обработки (355 экз.), которые в своем большинстве несут следы использования в качестве различных ножей, вкладышей ножей, стамесок, проколов, резчиков и др. Особого внимания заслуживают мелкие фрагментированные пластины, на поверхности которых фиксируются признаки метательных повреждений и слома от удара, служившие первыми вкладышами пазовых наконечников. Основным занятием обитателей стоянки была специализированная охота на дикую лошадь. С этой целью практиковалось изготовление составного метательного оружия с использованием вкладышей (в том числе мелких трапеций). Трасологическое изучение кремневого инвентаря указывает на достаточно широкий спектр трудовых операций: разделку добычи, скобление, резка кости, изготовление костяных орудий (оформление пазов), деревообработку. В этих целях использовались как специально оформленные орудия, так и пластины с естественным острым краем.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, финальный палеолит, кремневые орудия, пластины, трасологический анализ, функциональные группы.

**RESULTS OF FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE BLADES
FROM THE TERMINAL PALEOLITHIC SITE OF SHOLMA
IN THE CHUVASH VOLGA REGION**

M.Sh. Galimova, N.S. Berezina, A.Yu. Berezin, E.P. Mikhailov

As a result of the excavations of the Sholma I site on the Tsvil River (right bank of the Volga, Chuvashia), carried out by the authors in 2007, 2011 and 2017, a significant assemblage of nuclei, plates and tools was obtained. This assemblage is characterizing the flint industry of the late Pleistocene (about 11.1 – 10.8 thousand CalBC). The paper presents the results of a functional study of a group of blades without secondary processing (355 copies), which for the most part bear traces of use as various knives, knife inserts, chisels, punctures, burins etc. Special attention should be paid to small fragmented blades, on the surface of which signs of projectile damage and breakage from impact are recorded, which served as the first inserts of the grooved arrowheads. The main occupation of the inhabitants of the hunter's camp was specialized hunting for wild horses. For this purpose, the manufacture of composite projectile weapons using inserts (including small trapezoids) was practiced. The use-wear study of flint blades indicates a fairly wide range of labor operations: butchering, scraping, bone cutting, making bone tools (making grooves), woodworking. For these purposes, both specially designed tools and blades with a naturally sharp edge were used.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Terminal Palaeolithic, flint tools, blades, use-wear analysis, functional groups

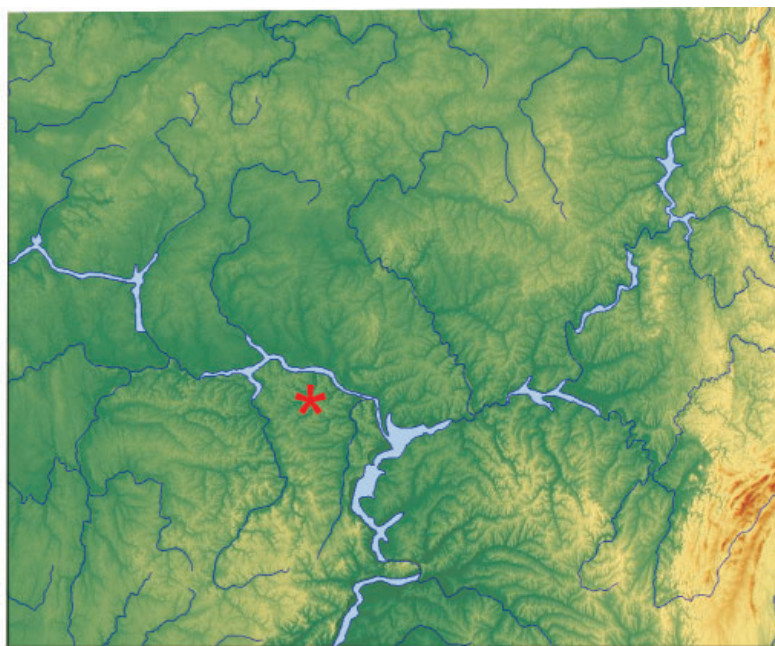

Рис. 1. Стоянка Шолма I. Местоположение и панорама памятника
Fig. 1. Site of Sholma I. Location and panorama.

В результате раскопок стоянки Шолма 1 на реке Цивиль (правобережье Волги, Чувашия), осуществленных авторами в 2007, 2011 и 2017 гг. (рис. 1), получена значительная коллекция нуклеусов, пластин и орудий, характеризующая кремневую индустрию конца плейстоцена (около 11.1 – 10.8 тыс. CalBC) (Березина, 2021; Березина, Березин, Галимова и др., 2009; Березина, Галимова, Березин, 2018; Березина, Березин, Галимова, Гольева, 2020; Березина, Березин, Галимова, 2021). Регулярные пластины (с правильной огранкой спинки), длинные (пластинчатые) сколы, реберчатые длинные сколы без вторичной обработки в коллекции из раскопа 2007 г. насчитывают 249 экземпляров, раскопа 2011-2012 гг. – 19 экз., раскопа 2017 г. – 185 экз. Среди пластин и длинных сколов – как целые экземпляры, так и различные фрагменты, в том числе медиальные.

По результатам предшествующего изучения авторами нуклеусов и техники их расщепления, было сделано предположение о том, что на стоянке практиковались две стратегии расщепления кремневого сырья: 1) получение пластин и длинных сколов с конусовидных или призматических нуклеусов; 2) получение укороченных пластин. В первом случае нуклеусу придавали подокруглую форму с продольным ребром. С таких нуклеусов получали как крупные пластины, так и микропластины. Также для получения небольших длинных узких пластин подготавливались вторичные торцовые нуклеусы на массивных первичных сколах, которые одновременно могли служить ретушными резцами. Вторая технологическая линия была нацелена на получение коротких узких пластин. Для этого служили пренуклеусы в форме скребков высокой формы со скола-

Таблица 1
Table 1

N	Функциональные группы пластин	Ширина менее 15 мм	Ширина более 15 мм	Всего
1	Вкладыши метательного оружия	108	52	160
2	Ножи и вкладыши ножей	31	18	49
3	Строгальные ножи	2	6	16
4	Резцы и резчики	10	-	6
5	Вкладыши ?	11	-	11
6	Наконечники	1	-	1
7	Ножи-скребки	4	2	6
8	Проколки и развертки	3	1	4
9	Скобели	2	3	5
10	Резец-вкладыш	1	-	-
11	Стамеска	-	1	1
12	Рукояточная часть орудия	-	1	1
	Всего пластин со следами работы:	108	52	160
	Пластины без следов	131	64	195
	Итого	239	116	355

ми по всему периметру. Сколы снимались при помощи удара жестким или мягким отбойником.

Техника отжима пластин не применялась. Для кремневой индустрии Шолмы был характерен принцип параллельного скалывания при помощи ударной техники.

Нами было изучено с трасологической точки зрения 355 пластин и длинных сколов из этих коллекций на предмет выявления следов использования в разных трудовых операциях. В результате макроскопического изучения поверхности этих артефактов было выяснено, что 131 предмет не были использованы в работе, а 160 демонстрируют следы использования и могут быть объединены в различные функциональные группы (таблица 1). Пластины длинные сколы были сгруппированы по ширине: 1) шириной менее или равной 15 мм, 2) шириной более 15 мм.

Трасологическое изучение показало, что большинство пластин и длинных сколов было использовано в качестве ножей, резчиков и резцов, а также вкладышей в разных пазовых орудиях (таблица 1) (рис. 2; 3). Ребристые пластины, будучи узкими и массивными в сечении и обладая острым концом и вогнутым профилем, были удобны для разделки добычи. Мясными ножами (в оправе и без таковой) служили также и простые пластины. Выделены также сечения пластин – вкладыши ножей (мясных и по дереву) (рис. 2: 3; 3: 10, 11). Иногда на углах таких вкладышей имеют-

ся следы работы в качестве резчика. Мелкий удлиненный скол использован как стамеска в рукояти (по дереву) (рис. 3: 9). Средние по ширине пластины служили ножами и строгальными ножами по дереву в рукояти или в виде вкладышей в оправе (рис. 2; 3).

Следует отметить мелкие фрагментированные пластины, на поверхности которых были зафиксированы признаки метательных повреждений и слома от удара (рис. 4). Среди них: дистальные фрагменты пластин и микропластин, служившие первыми вкладышами пазовых наконечников. Первыми были, по всей видимости, и целые микропластины с отломанными кончиками. Варьируют в размерах и огранке многочисленные сечения микропластин и узких пластин без вторичной обработки, на краях которых наблюдаются метательные повреждения. Некоторые из них вторично использовались как резчики и вкладыши ножей.

Своеобразие каменному инвентарю Шолмы придает сочетание изделий на широких пластинах и удлиненных сколах и фрагментов многочисленных узких пластин и микропластин, служивших вкладышами в пазовом оружии и орудиях труда. Пластины с притупленными концами и краями отсутствуют в коллекции.

Особый интерес представляют найденные в культурном слое 15 мелких трапеций и один сегмент с прямыми ретушированными сторонами (рис. 3: 1-6), а также одна трапеция с

Рис. 2. Ножи: 1 – нож разделочный; 2 – нож строгальный; 3 – вкладыш строгального ножа; 4 – нож по шкуре; 5 – нож по дереву.

Fig. 2. Knives: 1 – a carving knife; 2 – a planing knife; 3 – a planing knife insert; 4 – a skin knife; 5 – a wood knife.

вогнутыми неретушированными сторонами (рис. 3: 7), которые были выполнены на фрагментах пластин шириной от 7 до 14 мм (Березина, 2021). На них отмечены микроследы утилизации в качестве вкладышей наконечников. Иногда верхнее основание демонстрирует следы оправы.

Обилие сырья и его невысокое качество не требовало его экономии, что выразилось в использовании многих сколов и пластин,

без дополнительного формирования орудия. Использовались режущие края и острые кончики сколов без вторичной обработки.

Другим фактором определяющим преобладание морфологически невыраженных орудий было вероятно характер деятельности обитателей стоянки, а именно разделка охотничьей добычи на стоянке. Для разделки туш не требовалось специальных орудий, а необходимы были лишь режущие края и остря.

Рис. 3. 1-7 –трапеции; 5, 12, 13 – ножи; 10, 11 – вкладыши ножей; 9 – стамеска.
 Fig. 3. 1-7 –Trapezoids; 5, 12, 13 – knives; 10, 11 – knife inserts; 9 – chisel.

логический анализ показывает значительное число массивных сколов-отходов, ребристых пластин и т.д. имеющие следы резания мяса, а также скобления кости. Вместе с тем, большое число крупных массивных пластин и особенно узких ножевидных пластин, в.т.ч и микропластин получалось специально с применением обычных пластинчатых технологий, с помощью ударной техники. Основное функциональное назначение пластин – резание, строгание, скобление твердых и мягких мате-

риалов, к последним относятся шкура, мясо и дерево.

Значительными сериями представлены сечения средних и узких пластин, большинство из которых использовались в качестве вкладышей в режущих орудиях и в метательных. Основным направлением жизнеобеспечения была, по всей видимости, специализированная охота обитателей стоянки на дикую лошадь. С этой целью практиковалось изготовление составного метательного оружия с

Рис. 4. Вкладыши метательного оружия.

Fig. 4. Inserts of projectile weapons.

использованием геометрических вкладышей – трапеций. Происходило производство костяной основы, выполненной, как правило, из длинных костей конечностей лошади, а также узких ножевидных пластин для вкладышей.

Результаты датирования по кости лошади из культурного слоя стоянки Шолма подтвердили высказанное ранее предположение

(Березина и др., 2009) о финальнопалеолитическом возрасте этого памятника (Березина, Березин. Галимова и др., 2009; Березина, Березин. Галимова, 2021).

Наиболее близким по условиям расположения и возрасту к Шолме являются могильник и стоянка Гора Маяк в Самарском Заволжье, исследованный Д.А. Сташенковым,

А.Ф. Кочкиной и Л.В. Кузнецовой и отнесенный по результатам палеогеографических исследований и радиоуглеродного датирования к аллередскому потеплению (Кузнецова, Пономаренко, 2003). Функциональные особенности пластин и длинных сколов из коллекции стоянки Гора Маяк также близки выявленным нами для пластин и пластинчатых сколов стоянки Шолма (Галимова, Стащенко, Кочкина, 2020).

Трасологическое изучение пластин из кремневого инвентаря стоянки Шолма I указывает на достаточно широкий спектр трудовых операций: разделку добычи, скобление, резка кости, изготовление костяных орудий (оформление пазов), деревообработку. В этих целях использовались как специально оформленные орудия, так и пластины с естественным острым краем.

ЛИТЕРАТУРА

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги комплексного исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященных 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 251–308.

Березина Н.С., Галимова М.Ш., Березин А.Ю. Исследования финальнопалеолитической стоянки-мастерской Шолма I в Чувашском Поволжье (материалы раскопок 2011–2012 гг.) // Чувашская археология. Вып. 3 / Науч. ред. Н.С. Березина, Н.С. Мясников. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 176–2014.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Гольева А.А. Новые данные исследований стоянки финального палеолита Шолма I на Средней Волге (результаты раскопок 2017 г. и датирование) // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция к 70-летию Х.А. Амирханова. Тез. докл. / Отв. ред. К.Н. Гаврилов, Е.В. Леонова. М.: ИА РАН, 2020. С. 186.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 32–41.

Галимова М.Ш., Стащенко Д.А., Кочкина А.Ф. Предварительные результаты функционального анализа каменного инвентаря стоянки Гора Маяк в среднем Поволжье // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 317–322.

Кузнецова Л.В., Пономаренко Е.В. О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ и международной конференции / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 15–24. I

Информация об авторах:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

Березин Александр Юрьевич, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

REFERENCES

Berezina, N. S. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 8–261 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiyemetdinova, A. A., Churbanov, A. A. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e I Iuzhnyi Ural: chelovek I priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 251–308 (in Russian).

Berezina, N. S., Galimova, M. Sh., Berezin, A. Yu., 2018. In Berezina, N. S., Myasnikov, N. S. (eds.). *Chuvashskaya arkheologiya (Chuvash Archaeology)* 3. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 176–214 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Gol'eva, A. A. 2020. In Gavrilov, K. N., Leonova, E. V. (eds.). *Vostochnaya Evropa, Kavkaz, blizhniy Vostok v kamennom veke: khronologiya, istochniki I kul'turogenез (Eastern Europe, the Caucasus, the Middle East in the Stone Age: Chronology, Sources and Cultural Genesis)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 18–19 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 32–41 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2020. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 317–322 (in Russian).

Kuznetsova, L. V., Ponomarenko, E. V. 2003. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epoch (Contact Areas of Eurasia at the Turn of Epochs)*. Samara: Regional Museum of Local Lore, 15–24 (in Russian).

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Berezin Aleksandr Yu. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Mikhailov Evgenii P. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.5 (575.1)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.16.28>

ТЕХНИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ В НЕОЛИТИЧЕСКОМ ГРОТЕ ТОДА-1 (ЮЖНЫЙ УЗБЕКИСТАН)

© 2024 г. Б.К. Сайфуллаев, Е.Е. Воробьева, О.Т. Эргашев,
Д.М. Джуракулова, М.Т. Бердикулов

Статья посвящена результатам изучения техники расщепления каменной индустрии вновь выявленной на юге Узбекистана в 2016 году неолитической стоянки Тода-1. Новый археологический объект зафиксирован в 16 км к западу от г. Байсун на высоте 1100 м над уровнем моря. Грот сложен из известняковой породы, на южных ответвлениях Байсунских гор. Глубина грота составляет 15 м, вход грота шириной 5 м и высотой 3 м обращен строго на восток и напоминает асимметричный треугольник. В результате стационарных археологических исследований грота в 2018 году было выявлено 8 культурных горизонтов. Радиоуглеродные анализы взятых проб, которые были проведены в Институте палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской Академии наук, показали на переотложенное положение культурных напластований. Исследования грота позволили зафиксировать несколько сотен каменных изделий, среди которых основное место занимают материалы первичной обработки камня – отщепы, нуклеусы и пластины. Это заставило обратить внимание на технику расщепления зафиксированных артефактов. Изучение техники расщепления на рассматриваемой стоянке показало, что расщепления камней на стоянке Тода-1 осуществлялись при помощи твердых и легких каменных отбойников, а также для экстракции пластин и, реже, отщепов использовались посредник и отжимник. В качестве сырья для расщепления на стоянке, в основном, использовался кремнистый известняк, доломит, песчаник и кремль. Отсутствие сосудов позволяет отнести данный объект к докерамическому неолиту. Это, в свою очередь, наталкивает на предположение о принадлежности данного грота к отдельной культуре, отличающаяся от других неолитических комплексов Средней Азии.

Ключевые слова. Тода-1, неолит, Байсунтау, культурный горизонт, каменные орудия, микролит, пластинка, кремль, каменный топор, микропластинка, нуклеус.

SPLITTING TECHNIQUE IN THE NEOLITHIC TODA-1 GROTTA (SOUTHERN UZBEKISTAN)

B.K. Sayfullaev, E.E. Vorobeva, O.T. Ergashev,
D. M. Djurakulova, M.T. Berdikulov

The article is devoted to the results of studying the technique of splitting the stone industry of the newly discovered Neolithic site Toda-1 in the south of Uzbekistan in 2016. A new archaeological site was recorded 16 km west of Baisun at an altitude of 1100 m above sea level. The grotto is made of limestone rock, on the southern branches of the Baisun Mountains. With a depth of 15 m, the entrance of the grotto is 5 m wide and 3 m high, facing due east and resembles an asymmetric triangle. As a result of stationary archaeological research of the grotto, 8 cultural horizons were identified in 2018. Radiocarbon analyses of the samples taken, which were conducted at the Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology of the Chinese Academy of Sciences, showed a redefined position of cultural strata. Studies of the grotto allowed us to record several hundred stone products, among which the main place is occupied by materials of primary stone processing – flakes, nuclei and plates. This made us pay attention to the technique of splitting fixed artifacts. The study of the splitting technique at the parking lot under consideration showed that the splitting of stones at the Toda-1 parking lot was carried out using hard and light stone bumpers, as well as an intermediary and a squeezer were used to extract plates and, less often, flakes. Siliceous limestone, dolomite, sandstone and flint were mainly used as raw materials for splitting at the site. The absence of vessels makes it possible to attribute this object to the pre-Ceramic Neolithic. This, in turn, suggests that this grotto belongs to a separate culture, which differs from other Neolithic complexes of Central Asia.

Keywords. Toda-1, Neolithic, Baisuntau, cultural horizon, stone tools, microliths, plate, silicon, stone axe, microplate, nucleus.

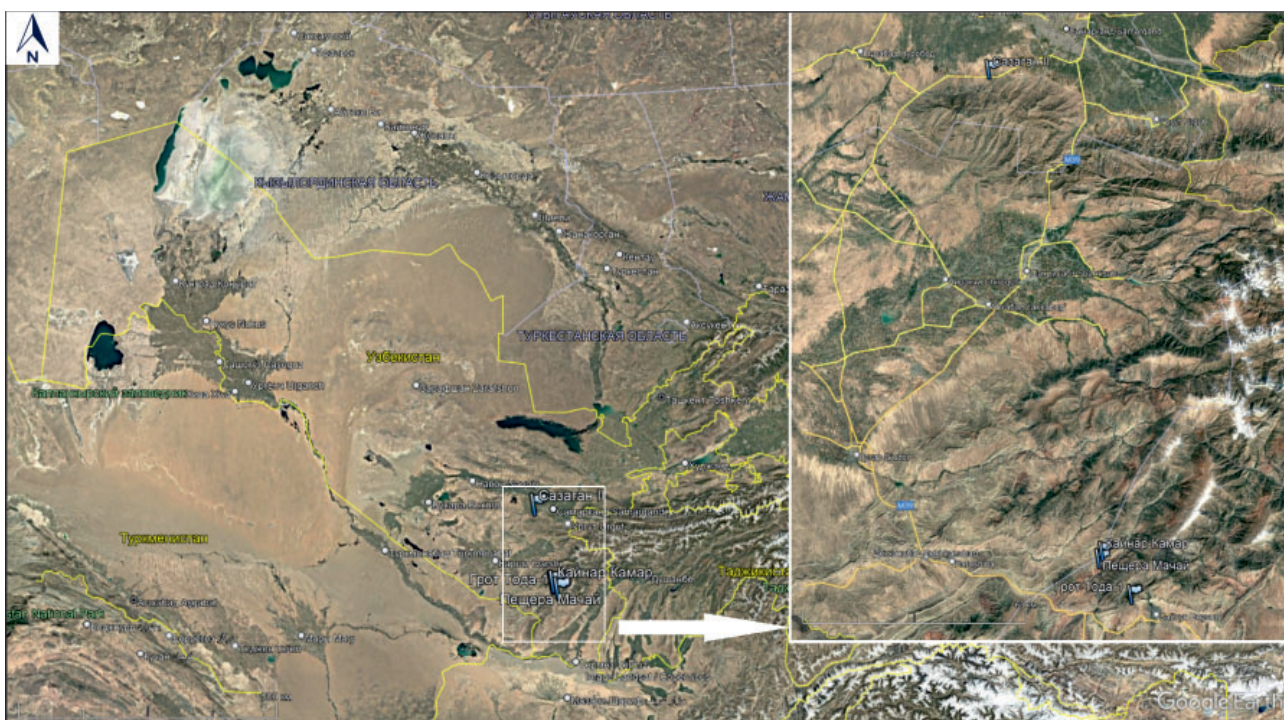

Рис.1. Карта распространения горнеолитических стоянок Узбекистана (Тода-1, Мачай, Кайнар-Камар, Сазаганские памятники).

Fig.1. Map of the distribution of Neolithic mining sites in Uzbekistan (Toda-1, Machai, Kainar-Kamar, Sazagan monuments).

Введение. Сурхандарьинская область (современная территория Южного Узбекистана), особенно расположенные здесь Байсунские горы, не перестает удивлять новыми открытиями археологических объектов каменного века. На данной территории представлены все этапы развития культур каменного века, начиная с эпохи среднего палеолита. Так, к среднему палеолиту относятся такие гроты как: Тешик-Таш (Окладников, 1940, с. 12–14), Амир-Темур (Окладников, 1940а, с. 69–70), Катта-Курган (Ранов, Несмеянов, 1973, с. 170); к позднему палеолиту – гроты Тешик-Таш-2 (Деревянко, Ширинов, Анойкин, Борисов, Гладышев, 2003, с. 101–105) и Мачай-2 (Сайфуллаев, Раджабов, 2014, с. 7–15), к мезолиту – пещера Мачай-1 (Исламов, 1975, с. 136); неолитическое время на данной территории представлено пещерой Кайнар-Камар (Нишиаки, Сулейманов, Арипджанов, Сайфуллаев, Эргашев, 2015, с. 35) и вновь выявленной стоянкой – грот Тода-1 (рис. 1).

Грот Тода-1 был открыт в 2016 году в ходе разведочных исследований сотрудниками Узбекско-Китайской экспедиции под руководством к.и.н. Жо Син Ин и к.и.н. У.В. Рахма-

нова (Син Ин, Сайфуллаев, 1917, с. 116–134). Памятник был зафиксирован на высоте 1100 м над уровнем моря в 16 км к западу от г. Байсун. Грот сложен из известняковой породы, на южных ответвлениях Байсунских гор (рис. 2). Вход грота шириной 5 м и высотой 3 м обращен строго на восток и напоминает асимметричный треугольник (рис. 3). Глубина грота составляет 15 м, а самая большая ширина составляет 7 м. В сезоне 2018 года в гроте был заложен шурф №2, размером 2×3 м, и глубина доведена до 5,8 м от реперной точки (рис. 4). Следует отметить, что шурф №1 (2×2 м и глубиной до 1 м) был заложен в центре грота без археологических остатков в 2017 году, где раскопками наткнулись на крупную глыбу, рухнувшую когда-то с потолка, что собственно, образовало отверстие на крыше пещеры. В результате археологических исследований в шурфе №2 были выявлены 8 культурных горизонтов (рис. 5), в двух из которых зафиксированы находки неолитического периода, а также были взяты пробы для радиоуглеродной датировки, анализы которых были проведены в Институте палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской Академии Наук (табл.1).

Рис. 3. Грот Тода-1. Общий вид.
Fig.3. Grott Toda-1. The general view.

Рис. 2. Грот Тода-1. Вид снизу.
Fig.2. Grott Toda-1. Bottom view.

Таблица 1. Результаты по С14 из шурфа №3 грота Тода-1
Table 1. The results of 14C dating from Toda cave

No	Depth /cm	Marital	Age /B.P.	Age/cal B.P.(1signal)
TODA-1 T-2	220	Charcoal	5800±30	6670 - 6503
TODA-1 T-2 Bottom	260	Charcoal	4390±30	5041 - 4867
TODA-1 T-2	400-415	Charcoal	670±30	676 - 630
TODA-1 T-2	425-435	Charcoal	3110±30	3386 - 3237
TODA-1 T-2	465-475	Charcoal	2880±30	3080 - 2922
TODA-1 T-2	500-510	Charcoal	2980±30	3246 - 3060
TODA-1 T-2	510-520	Charcoal	1200±30	1185 - 1055
TODA-1 T-2	555-580	Charcoal	4120±30	4726 - 4528

Методы/материалы. При исследовании вновь выявленного археологического объекта были применены методы М. Брезийллона (типологический метод) (Brezillon, 1983, с. 172) и Ж. Пелегрин и Ж.П. Тиксье (технологический метод) (Pelegrin, Tixier, 2004, р. 13), а также радиоуглеродный (радиоуглеродный) метод С14 для датировки культурных горизонтов (табл. 1).

Как видно, из таблицы слои шурфа №2 перемещены, в результате истекающих природных вод из вышерасположенного отверстия на потолке грота.

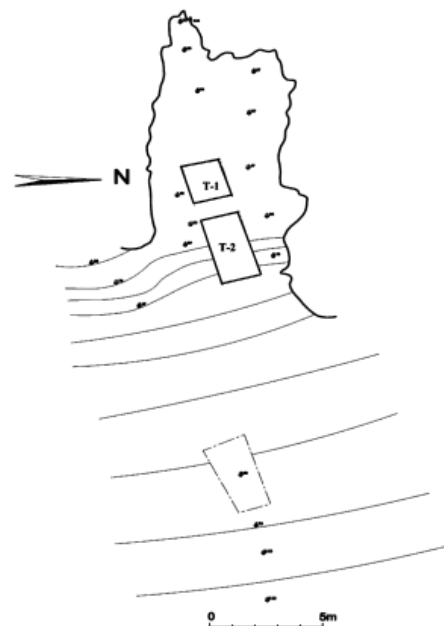

Рис. 4. Грот Тода-1. План.
Fig. 4. Grott Toda-1. Plan.

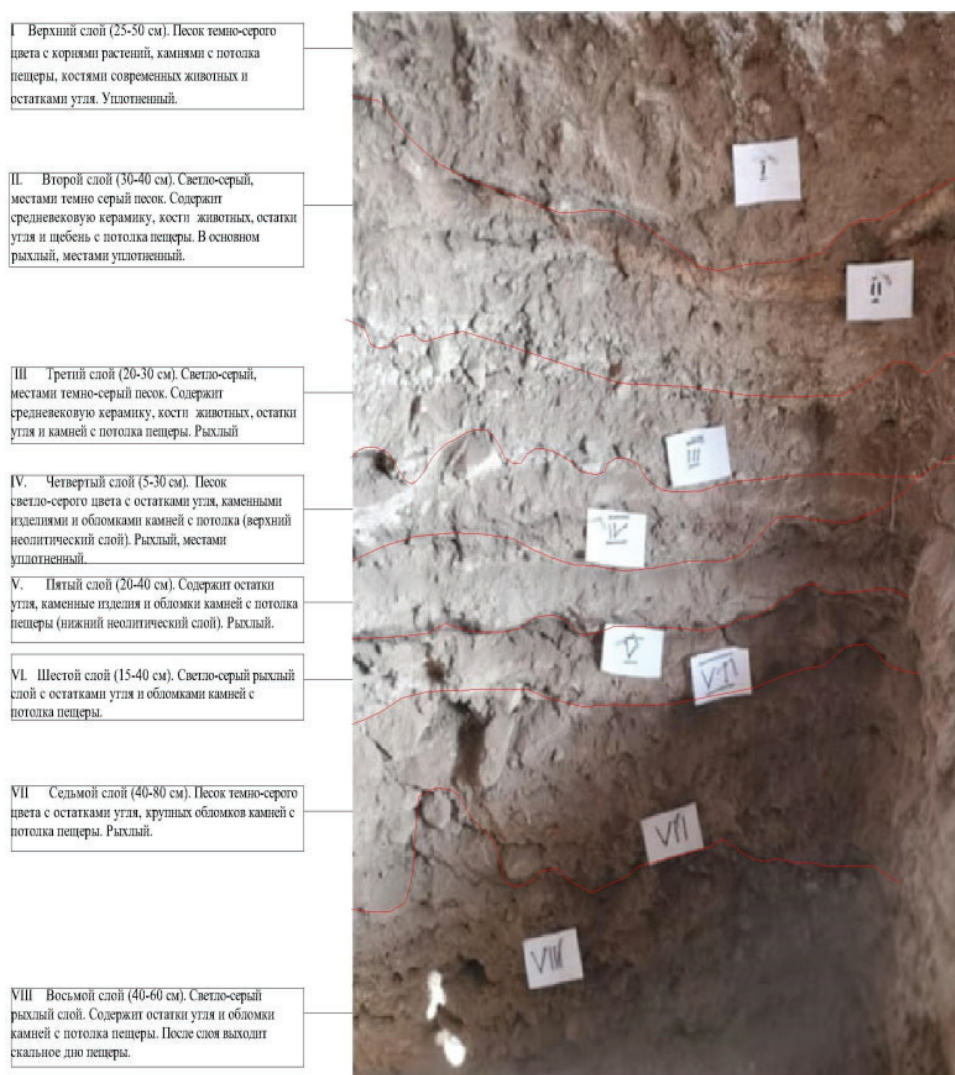

Рис. 5. Грот Тода-1. Стратиграфия шурфа №2.
Fig. 5. Grott Toda-1. Stratigraphy of pit No. 2.

Техника расщепления в неолитической стоянке Тода-1

В результате раскопок шурфа №2 в неолитическом гроте Тода-1 получено всего 394 экз. каменных изделий (табл. 2). Среди них самыми многочисленными являются отщепы (343 экз. – среди которых 37 экз. являются техническими сколами, а 19 экз. подвергались вторичной обработке с целью изготовления из них орудий труда). Также здесь зафиксированы нуклеусы (11 экз.), пластины (11 экз. – 3 экз. из которых ретушированы), пластинки (23 экз. – 14 экз. из них ретушированные) и микропластинки (6 экз. – 2 экз. из которых ретушированы) (табл. 2).

Следует отметить, что согласно используемым методикам отщепы подразделяются на 4 категории, в зависимости от длины по длинной оси расщепления: крупные отщепы – длиной

5 см и более (они отсутствуют в коллекции), отщепы средних размеров – длиной 3–4,9 см, отщепы мелких размеров – длиной 1–2,9 см и к чешуйкам отнесены отщепы длиной в диапазоне до 0,9–1 см. Ширина этих отщепов обычно не превосходит их длину.

Такие категории как пластины (табл. 3), согласно методике, представлены сколами с параллельными огранками спинки шириной более 1 см, пластинки – сколы шириной 0,5–1 см, и в категорию микропластинки включены сколы шириной менее 0,5 см. Обычно длина этих изделий превышает ширину не менее, чем в два раза (Brezillon, 1977, p. 100).

Рассмотрим каждую категорию каменных изделий в отдельности.

Нуклеусы неолитической стоянки Тода-1 (11 экз.) В результате раскопок пещерной стоянки Тода-1 выявлено 11 экз. нуклеусов

Таблица 2. Тип-лист каменных изделий первичной обработки неолитической стоянки Тода-1

Table 2. Type-list of stone products of primary processing of the Neolithic site Toda-1

№	Тип	Кол-во	%
1	Нуклеусы	11	2,7
	Дисковидный	1	
	Одноплощадочные	4	
	Унифасиальный двуплощадочный нуклеус	1	
	Ортогональные	3	
	Торцовый	1	
	Многоплощадочный	1	
2	Отщепы	343	87,5
	Крупные	-	
	Средние	143	
	Мелкие	185	
	Чешуйки	15	
	Технические сколы	37	
	Аксиденты типа сире	15	
	Отщепы дебордант	11	
	Отщепы типа фланк	4	
	Отщепы от обновления ударной площадки нуклеусов	3	
	Отщепы от отбойников	4	
3	Пластины	11	2,7
4	Пластинки	23	5,7
5	Микропластинки	6	1,4
ВСЕГО:		394	100

(Табл. 3). Обнаруженные нуклеусы изготовлялись, в основном, из сильно окремненных известняков (6 экз.) и доломитов (5 экз.), плитки которых располагались в окрестностях грота. Нуклеусы из кремня в данной коллекции отсутствуют (рис. 6). Вероятно, последние приносились на стоянку издалека и предельно срабатывались (рис.7).

Среди нуклеусов особое место занимают одноплощадочные (4 экз.). Кроме того, в наборе имеются ортогональные (3 экз.), а также по одному экземпляру представлены дисковидные, двуплощадочно унифасиальные, многоплощадочные и торцовые ядрища. Они изготовлены из кремнистого известняка черных оттенков и доломитов серого цвета.

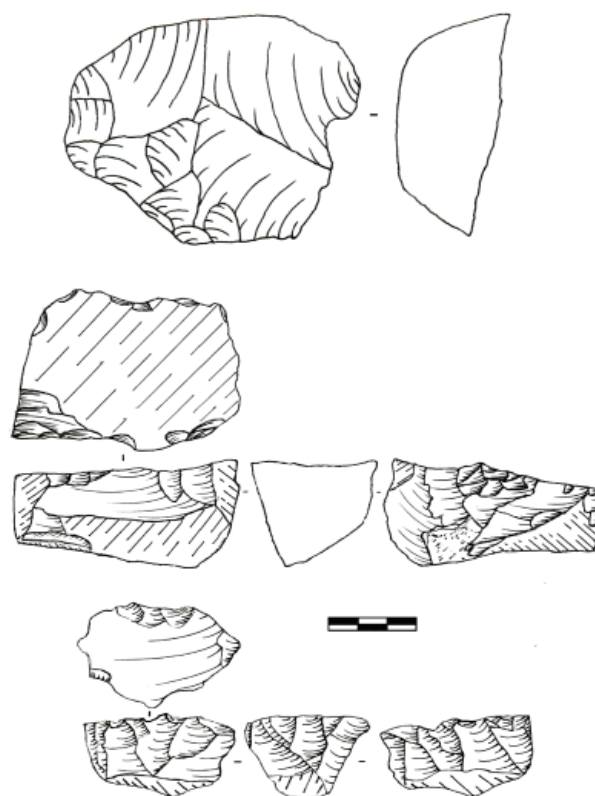

Рис. 6. Грот Тода-1. Нуклеусы.
Fig. 6. Grott Toda-1. Nuclei.

Таблица 3. Типы нуклеусов неолитической стоянки Тода-1
Table 3. Types of nuclei of the Toda-1 Neolithic site

№	Типы нуклеусов:	Кол-во
1	Дисковидный	1
2	Одноплощадочные	4
3	Унифасиально двуплощадочный	1
4	Ортогональные	3
5	Торцовый	1
6	Многоплощадочный	1
ВСЕГО:		11

На стоянке Тода-1 преобладает одноплощадочное расщепление: периферийное расщепление с одной сравнительно широкой ударной площадки и сильно сработанное унифасиальное расщепление с узкой площадки. Кроме того, в коллекции важное место занимают изделия с ортогональным расщеплением. В наборе встречаются двуплощадочные и торцовые ядрища для снятия пластинок со

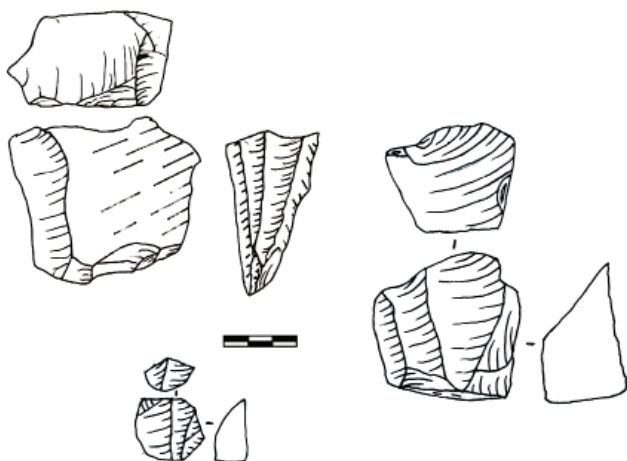

Рис. 7. Грот Toda-1. Нуклеусы.
Fig.7. Grott Toda-1. Nuclei.

встречным способом расщепления. В коллекции одним экземпляром представлен истощенный одноплощадочный нуклеус. Наблюдается малочисленность сильно окремненных или кремнистых пород в окрестностях стоянки. По технике обработки и составу сырья (за исключением кремня) нуклеусы коллекции полностью соответствуют имеющимся здесь продуктами дебитажа. Исследования показали, что население стоянки большое внимание уделяло получению отщепов укороченных пропорций.

Отщепы неолитической стоянки Тода-1 (343 экз.) Значительную часть каменных изделий, полученных из раскопок на стоянке Тода-1 составляют отщепы (87,5%). По размерам они делятся на мелкие (185 экз.) и средние (143 экз.) отщепы (табл. 2). Кроме того, в коллекции представлена серия технических сколов, образованных при подготовке нуклеусов, обновлении их ударных площадок, рабо-

чей поверхности и бортов (37 экз.). Тем не менее, основную часть технических сколов составляют аксиденты типа Сире, получаемые при сильном ударе отбойником в процессе расщепления (15 экз.). К классу отщепов относятся чешуйки, полученные при дебитаже и ретушировании (15 экз.). Всего 19 экз. отщепов коллекции подверглись вторичной обработке и, таким образом, превращены в орудия.

Среди отщепов коллекции 137 экз. (40%) сохраняют остаточные ударные площадки. К ним относятся целые и проксимальные фрагменты отщепов. По характеру ударных площадок основное место занимают гладкие площадки (59,1%). Последующие позиции в одинаковом количестве занимают двуфасеточно гладкие (8,8%), двугранные (8,8%) и фасетированные (8,8%) типы площадки. Кроме того, в коллекции представлены отщепы с естественной (7,3%), линейной (5,1%) и точечной (2,2%) ударной площадкой (Табл. 4). Ударные площадки у 60% отщепов коллекции сломаны, в основном, естественным образом (рис. 8; 9).

По характеру огранки спинки более чем половины отщепов составляют уни-продольно субпараллельные дорсалы (54,2%). Можно заключить, что в индустрии памятника господствовала уни-продольный способ расщепления. Последующую позицию занимает отщепы с перпендикулярным характером дорсалов (18,1%). В эту категорию включены технические отщепы, расщепленные с бортов нуклеусов. Среди отщепов также представлены экземпляры с продольно-встречными (6,1%), конвергентными (1,7%) спинками или дорса-

Таблица 4. Характер ударных площадок отщепов неолитической стоянки Тода-1
Table 4. The nature of the impact sites of the flakes of the Neolithic site Toda-1

№	Способ изготовления ударных площадок:	Тип ударной площадки:		Кол-во	%
		продольные	поперечные		
1	Гладкие	77	4	81	59,1
2	Двуфасеточные	9	3	12	8,8
3	Двугранные	10	2	12	8,8
4	Фасетированные	2	10	12	8,8
5	Линейные	7	-	7	5,1
6	Точечные	3	-	3	2,2
7	Естественные	10	-	10	7,3
ВСЕГО (экз.):		118	19	137	100
%		86,1	13,9		

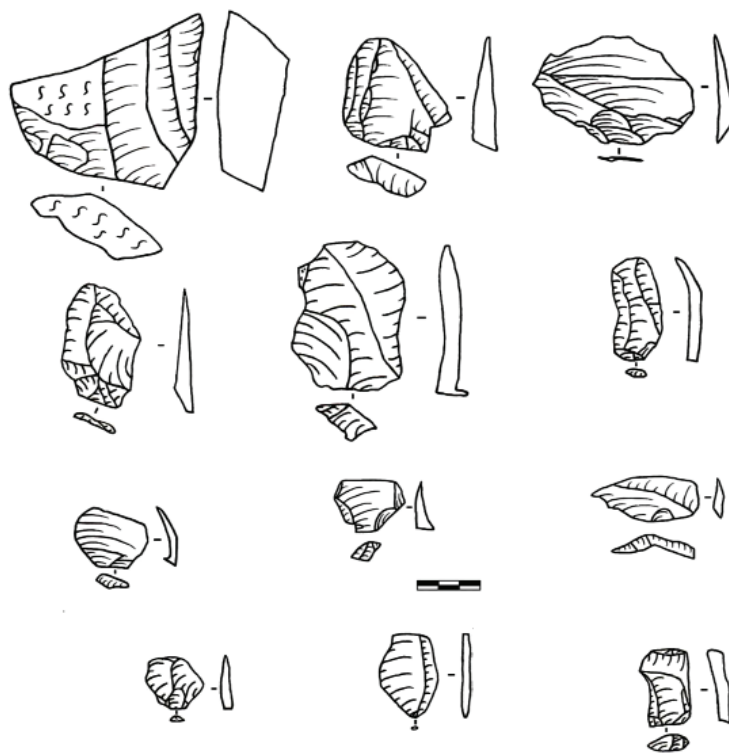

Рис. 8. Грот Toda-1. Отщепы.
Fig. 8. Grott Toda-1. Flakes.

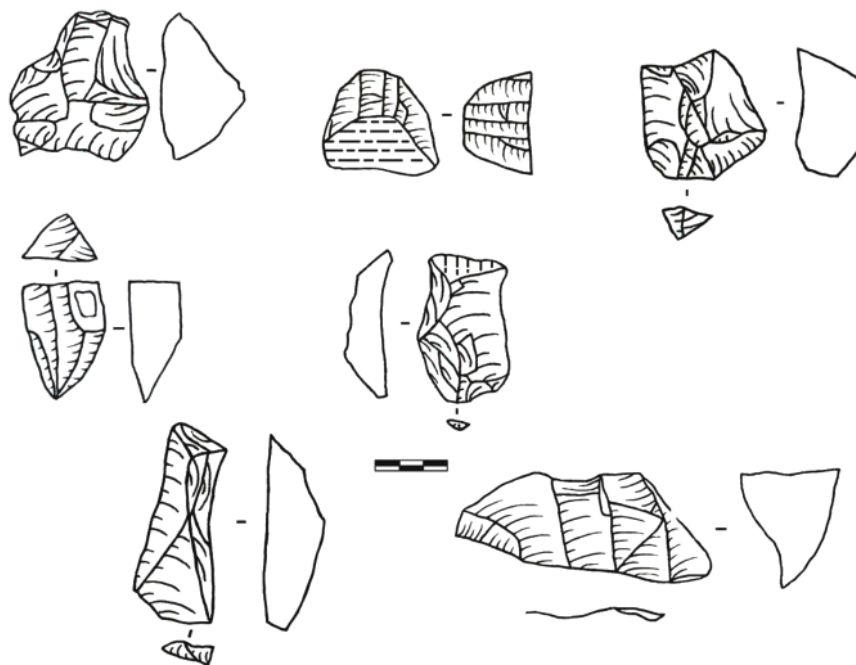

Рис. 9. Грот Toda-1. Технические сколы.
Fig. 9. Grott Toda-1. Technical chips.

лами. Кроме того, имеются отщепы с неопределимыми (15,2%) и естественными (4,7%) дорсалами. В коллекции не были выявлены отщепы с радиально-центростремительными и мультидирекциональными дорсалами (табл. 5). Отщепы с неопределимыми дорсалами в

основном покрыты известковым налетом или деформированы в результате естественных влияний.

Анализ сырья каменного инвентаря (табл. 6) позволяет предположить, что неолитическое население грота Toda-1 приносили на

Таблица 5. Характер огранки дорсалов отщепов неолитической стоянки Тода-1

Table 5. The character of the cut of the dorsal flakes of the Neolithic site Toda-1

№	Тип дорсалов	Кол-во	%
1	Продольные	186	54,2
2	Продольно конвергентные	6	1,7
3	Продольно встречные	21	6,1
4	Перпендикулярные	58	18,1
5	Борт нуклеус	4	
6	Центростремительные	-	-
7	Мультидирекциональные	-	-
8	Естественные	16	4,7
9	Неопределимые	52	15,2
	ВСЕГО:	343	100

стоянку сырьё из окрестностей памятника в виде плиток, а также из нижерасположенного русла речки в виде галек (кремнистый известняк, доломит, песчаник). Коричневый кремь и отдельные сланцы, а иногда халцедон приносили из ныне разложенных меловых отложений, расположенных в нескольких километрах от жилья, в виде маленьких галек. Анализ показал, что из кремнистых и сильно окремненных пород, преимущественно, изготавливались пластины, пластинки и микропластинки.

Первобытные мастера стоянки Тода-1 хорошо знали о качествах и свойствах пород камней. Особенно, они умело выбирали в основном сильно окремненные породы кремнистого известняка и изготавливали из них больше пластинок.

Большая часть отщепов коллекции изготавливали из кремнистых известняков (67,4%). Вторую позицию в производстве отщепов занимает доломит. Кроме того, среди отщепов

Таблица 6. Сырьевой состав отщепов неолитической стоянки Тода-1

Table 6. The raw material composition of the flakes of the Neolithic site Toda-1

№	Тип сырья	Кол-во	%
1	Коричневый кремь	24	7
2	Кремнистый известняк	231	67,4
3	Кремнистый сланец	1	0,3
4	Доломит	77	22,4
5	Песчаник	9	2,6
6	Халцедон	1	0,3
	ВСЕГО:	343	100

имеются малочисленные коричневые кремни (7 %), песчаник (2,6%), кремнистый сланец (0,3%) и халцедон (0,3%) (Табл.6).

Таким образом, на стоянке Тода-1 изготовление отщепов имеет производственный характер и предпочтение отдавалось отщепам средних и мелких размеров. Но почти все они имеют укороченные пропорции. Среди технических отщепов (их всего 37 экз.) представлены отщепы от отбойников, сломавшиеся в процессе расщепления (4 экз.).

Пластины, пластинки и микропластинки неолитической стоянки Тода-1 (40 экз.) В результате раскопок неолитической стоянки Тода-1 было выявлено 40 экз. пластин, пластинок и микропластинок (табл. 2, рис. 10). Значительная часть (23 экз.). представлена пластинками. По количеству последующие позиции занимают пластины (11 экз.) и малочисленные микропластинки (6 экз.). Пластины в основном изготавливали из кремня коричневого цвета (19 экз.) и сильно окремненных известняков (17 экз.). Кроме того, имеются пластины и пластинки, изготовленные из доломита и сланца, которые редко использовали в пластинчатом расщеплении стоянки (табл. 7).

По характеру состояния заготовок в наборе представлены: целые пластины – 2 экз., пластинки - 4 экз. и микропластинки – 1 экз. (всего 7 экз.). Большая часть составляют проксимальные фрагменты: пластины – 5 экз., пластинки - 10 экз. и микропластинки – 3 экз. Важное место занимают также медиальные фрагменты: пластины – 3 экз., пластинки – 7 экз. и микропластинки – 2 экз. Дистальных фрагментов подобных заготовок малочисленные: пластины – 1 экз. и пластинки - 2 экз. Среди микропластинок дистальных фрагментов вообще не встречено (табл. 8). Фрагментированные пластины, пластинки и микропластинки имеют в основном естественный характер и в некоторых случаях усечены при изготовлении орудий.

Среди пластин (7 экз.), пластинок (14 экз.) и микропластинок (4 экз.) 25 экз. сохраняют остаточные ударные площадки. Среди этих ударных площадок доминируют гладкие (7 экз.) и двуфасеточные (7 экз.). Следует отметить, что большинство фасетированных ударных площадок имеют ровные поверхности. Кроме того, в коллекции представлены пластины, пластинки и микропластинки с

Таблица 7. Сырьевой состав пластин неолитической стоянки Тода-1
Table 7. The raw material composition of the plates of the Neolithic site Toda-1

№	Сырье	пластины	пластинки	микропластинки	Кол-во
1	Коричневый кремнь	5	12	2	19
2	Кремнистый известняк	5	8	4	17
3	Сланец	-	1	-	1
4	Доломит	1	2	-	3
ВСЕГО:		11	23	6	40

Таблица 8. Характер суппортов пластин неолитической стоянки Тода-1
Table 8. The nature of the calipers of the plates of the Neolithic site Toda-1

№	Тип суппорта	пластины	пластинки	микропластинки	Кол-во
1	Целые	2	4	1	7
2	Проксимальные	5	10	3	18
3	Медиальные	3	7	2	12
4	Дистальные	1	2	-	3
ВСЕГО:		11	23	6	40

Таблица 9. Характер ударных площадок пластин неолитической стоянки Тода-1
Table 9. The nature of the impact pads of the plates of the Neolithic site Toda-1

№	Тип ударной площадки	пластины	пластинки	микропластинки	Кол-во
1	Гладкие	3	3	1	7
2	Двухфасеточные	2	4	1	7
3	Двугранные	-	2	-	2
4	Фасетированные	1	2	1	4
5	Точечные	-	2	1	3
6	Линейные	1	1	-	2
ВСЕГО:		7	14	4	25

Таблица 10. Аналогии каменных и костяных орудий
Среднеазиатских неолитических культур¹.
Table 10. Analogies of stone and bone tools of Central Asian Neolithic cultures².

Культуры:	Характерные орудия:						
	Пластины с выемкой	Скребки и скребла	Геометрические орудия	Галечные орудия	Полированные топоры	Костяные лопила	Производственный характер отщепов
Кельтеминарская	+	+	+	-	+	+	-
Джейтунская	+	+	+	-	+	+	-
Гиссарская	+			+	+	-	+
Центрально Ферганская	+	+	+	-	-	-	-
Сазаганская	+	+	+	+	+	+	+
Пещера Кайнар-Камар	+	+	-	-	-	-	+
Пещера Мачай	-	+	-	+	+	+	+
Грот Тода-1	+	атипичные	+1	-	+1	+3	+

¹ В таблице подсчеты производились с учетом состава изделий неолитической стоянки Тода-1.

² The calculations in the table were carried out taking into account the composition of the products of the Neolithic site Toda-1.

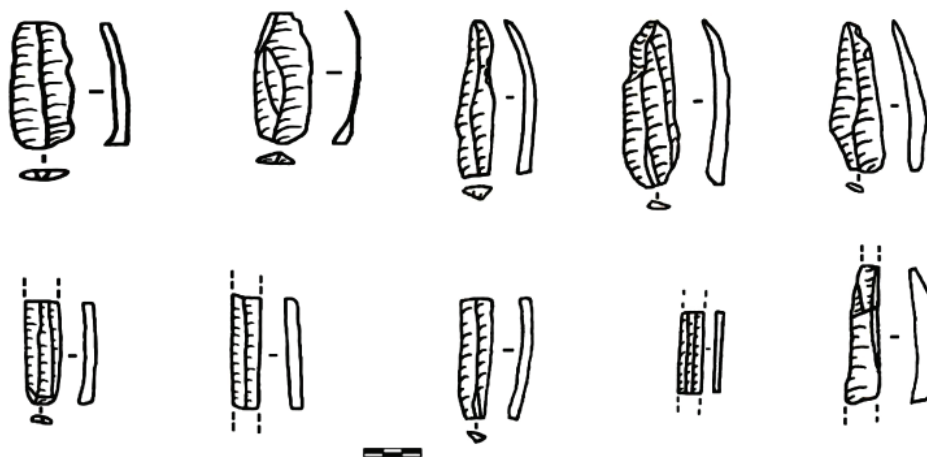

Рис. 10. Грот Тода-1. Пластины.
Fig.10. Grott Toda-1. Plates.

Таблица 11. Способы расщепления в индустрии неолитической стоянки Тода-1
Table 11. Methods of cleavage in the industry of the Neolithic site Toda-1

№	Сколы:	Способы				Кол-во	%
		Тяжелый отбойник	Легкий отбойник	Посредник	Отжимная техника		
1	Отщепы средних размеров	69	22	-	-	91	55,8
2	Отщепы мелких размеров	30	16	-	-	46	28,2
3	Пластины	2	6	-	-	8	5
4	Пластинки	-	2	7	5	14	8,6
5	Микропластинки	-	-	-	4	4	2,4
ВСЕГО:	экз.	101	46	7	9	163	
	%	62	28,2	4,3	5,5	100	100

фасетированными (4 экз.), точечными (3 экз.), двугранными (2 экз.) и линейными (2 экз.) ударными площадками (табл. 9).

Как видно, из табл. 9 на стоянке Тода-1 господствовала традиция расщепления пластин, пластинок и микропластинок с гладких, ровных двуфасеточных или фасетированных ударных площадок.

Таким образом, в результате раскопок неолитической стоянки Тода-1 получен 383 (100%) экз. продуктов первичного расщепления, из которых 343 экз. (89,5%) являются отщепами и всего 40 экз. (10,5%) составляют пластины, пластинки и микропластинки. Среди отщепов технические сколы состав-

ляют 11% (37 экз.). В пластинчатой технике расщепления основное внимание уделялось производству пластинок (23 экз.). В коллекции присутствуют малочисленные пластины (11 экз.) и еще меньшим количеством представлены микропластинки (6 экз.). При производстве отщепов предпочтение отдавалось их укороченным пропорциям.

Гипотезы. Аналогии с материалами грота Тода-1 на территории Средней Азии представляется только на уровне каменных и костяных изделий. Близкие аналогии с материалами грота Тода-1 прослеживаются на памятниках Сазаганской и Гиссарской культуры и пещеры Мачай (табл. 10). Главной

особенностью этой индустрии является сосуществование палеолитической отщеповой техники наряду с пластинчатой. В раскопе не обнаружено керамического материала. Это позволяет предположить, что, возможно, мы имеем дело со стоянкой докерамического неолита.

Заключение (Способы расщепления камня на неолитической стоянке Тода-1).

Общеизвестно, что в каменном веке имело место ряд способов техники расщепления. Нужно отметить, что с появлением новой техники расщепления в гроте Тода-1 старые традиционные способы не теряли своей значимости. Под рукой неолитического мастера стоянки Тода-1 наряду с посредником и отжимником, вероятно, имелись каменные отбойники из тяжелого и легкого сырья. Неолитический человек данного памятника умело пользовался ими. Например, для подготовки, формирования и переоформления нуклеусов использовали либо тяжелые, либо легкие каменные отбойники. Тогда, когда ядрище было доведено до определенного состояния, расщепление продолжалось с помощью посредников или отжимников.

Среди сколов неолитической стоянки Тода-1 представлены экземпляры, расщепленные с помощью разнообразных способов (табл. 11). Среди отщепов средних размеров (91 экз. с сохранившаяся ударной площадкой) коллекции большое место занимает отщепы, расколотые с помощью тяжелого каменного отбойника (69 экз.). Среди них имеется также отщепы, изготовленные с помощью легкого каменного отбойника (22 экз.). Отщепы мелких размеров данной коллекции, в основном, были расколоты с помощью тяжелого каменного отбойника (30 экз.), а также встречаются экземпляры расщепленные с помощью легкого каменного отбойника (16 экз.).

Определяемые пластины (целые и проксиимальные пластины с сохранившимися остаточными ударными площадками) коллекции составляют 8 экз., которые были расщеплены, в основном, с помощью легкого (6 экз.), а иногда и тяжелого каменного отбойника (2 экз.).

Большая часть пластинок коллекции (определяемых всего 14 экз.) расщеплялись с помощью посредника (7 экз.). Последующие позиции занимают пластинки, расщепленные с помощью отжимной техники (5 экз.) и легкого отбойника (2 экз.).

Представленные микропластинки коллекции расщеплялись с помощью посредника (4 экз.) и отжимной техники (4 экз.).

Таким образом, несмотря на то, что отщепы грота Тода-1, в основном, расщеплялись с помощью тяжелых отбойников, среди них имеются, хотя в малом количестве, отщепы, расколотые при помощи легких отбойников. Органические роговые (также легкие) отбойники на стоянке Тода-1 не использовали.

Если говорить об относительно культурной принадлежности материалов грота Тода-1 внутри Центральноазиатского неолита, то на сегодняшний день можно констатировать факт, что близкие аналогии рассматриваются среди каменных изделий грота Кайнар-Камар, расположенного примерно в 10 км к северо-востоку по птичьему полету, в селе Мачай Байсунского района. Аналогичные отщепово-пластинчатые индустрии, такие как в гроте Тода-1 встречаются не только в Кайнар-Камаре, но и на памятниках Сазаганской культуры. Отщеповая, как и пластинчатая индустрия на вышеперечисленных трех памятниках носили промысловый характер, т.е. здесь специально изготавливали орудия на отщепах и возможно, это является основной отличительной чертой докерамического горного неолита Среднеазиатского неолита.

ЛИТЕРАТУРА

Деревянко А.П., Ширинов Т.Ш., Анойкин А.А., Борисов М.А., Гладышев С.А. Исследование грота Тешик-Таш-2 (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 101–105.

Исламов У.И. Пещера Мачай. Ташкент: Фан, 1975. 136 с.

Нишиаки Т., Сулейманов Р.Х., Ариджанов О., Сайфуллаев Б.К., Эргашев О.Т. Отчет о проделанных работ в неолитическом гроте Кайнар-Камар (Байсунтау). Ташкент, 2015. 18 с. // Архив государственного музея Истории народов Узбекистана, F-5. 01. Д-253

Окладников А.П. Амир-Темур - новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан) // КСИИМК. Вып. 6 / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.; Л.: АН СССР, 1940, С. 67–69.

Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш) // СА. Вып. 6 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1940а. С. 12–14.

Окладников А.П. Первобытный человек Узбекистана // Наука и жизнь. 1940б. № 1. С. 52–67.

Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек / Отв. ред. М.А. Гремяцкий. М.: Наука, 1949. С. 5–87.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973. 161 с.

Сайфуллаев Б.К., Жоу Синг. Грот Тода-1 - новая неолитическая стоянка на Байсунтау (Узбекистан) // Археология Узбекистана. 2017. № 17–18. С. 116–134.

Breizillon (M.). La dénomination des objets de pierre taillée. Matériaux pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française; Gallia préhistoire. Suppléments, supplément 4, ÉDITIONS DU CENTRE NATIONAL DE LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE. 15, quai Anatole-France — 75700. Paris, 1977. 413 p. https://www.persee.fr/doc/galip_0072-0100_1968_sup_4_1. Fichier pdf généré le 03/02/2020.

Breizillon (M.) La dénomination des objets de pierre taillée. Édition du centre National de la recherche scientifique. 15, quai Anatole France — 75700 - Paris. 1983. – 425 p.

Pelegrin J., Tixier J-P. Les techniques de taille de la pierre préhistorique // Dossiers 'Archéologie. Paris. Février. 2004. №290. P. 4-21.

Информация об авторах:

Сайфуллаев Бахтиёр Курбанович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Самаркандского института археологии Агентства культурного наследия Республики Узбекистан (г. Самарканд Узбекистан); sayfullaevpaleo@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и реставрации наследия Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

Эргашев Одил Турсунович, PhD, доцент, заведующий кафедрой археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); odil.arхеолог@mail.ru

Джуракулова Дилфуза Мавлоновна, кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самаркандского государственного университета (г. Самарканд, Узбекистан); djurakulovadilfuza@gmail.com

Бердикулов Миролим Тугалвоевич, PhD., ассистент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); Mirolim1729@gmail.ru

REFERENCES

Derevyanko, A. P., Shirinov, T. Sh., Anoykin, A. A., Borisov, M. A., Gladishev, S. A. 2003. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 9. Part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 101–105 (in Russian).

Islamov, U. I. 1975. *Peshchera Machay (Machai Cave)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Nishiaki, T., Suleymanov, R. X., Aripjanov, O., Sayfullaev, B. K., Ergashev, O.T. 2015. *Otchet o prodelan'nykh rabot v neoliticheskom grote Kaynar-Kamar (Baysuntau) (A report on the work done in the Neolithic grotto of Kainar-Kamar (Baisuntau))*. Tashkent. Archive of the State Museum of the History of the Peoples of Uzbekistan.F-5. 01. Д-253 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1940. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 6. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR, 67–69 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1940. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (6). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR, 12–14 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1940. In *Nauka i zhizn' 9 Science and Life* 1, 52–67 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1949. In Gremyatsky, M. A. (ed.). *Teshik-Tash. Paleoliticheskiy chelovek (Teshik-Tash. Paleolithic Man)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5–87 (in Russian).

Ranov, V. A., Nesmeyanov, S. A. 1973. *Paleolit i stratigrafiya antropogena Sredney Azii (Paleolithic and stratigraphy of the Anthropogenes of Central Asia)*. Dushanbe: “Donish” Publ. (in Russian).

Sayfullaev, B. K., Jo Sin In 2017. *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* (17–18), 116–134 (in Russian).

Brezillon (M.). 1977. *La dénomination des objets de pierre taillée. Matériaux pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française; Gallia préhistoire. Suppléments, supplément 4, ÉDITIONS DU CENTRE NATIONAL DE LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE. 15, quai Anatole-France — 75700. Paris. https://www.persee.fr/doc/galip_0072-0100_1968_sup_4_1. Fichier pdf généré le 03/02/2020.*

Brezillon (M.). 1983. *La dénomination des objets de pierre taillée. Édition du centre National de la recherche scientifique. 15, quai Anatole France — 75700. Paris.*

Pelegrin J., Tixier J-P. 2004. In *Dossiers 'Archéologie* (290), 4–21 (in French).

About the Authors:

Sayfullaev Bakhtiyor K., DsC, Leading Researcher at the Samarkand Institute of Archaeology of the Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan. V. Abdullaev St., 3, Samarkand, 140151, Uzbekistan; sayfullaevpaleo@mail.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Docent of the Department of Archaeology, Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Ergashev Odil T. PhD, Assistant Professor. Head of the Department of Archaeology, Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; odil.arxeolog@mail.ru

Djurakulova Dिल्фуза M., Candidate of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History of Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; djurakulovadilfuza@gmail.com

Berdikulov Mirolim T. Assistant of the Department of Archaeology, Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; Mirolim1729@gmail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.29.42>

НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

© 2024 г. К.М. Андреев, М.А. Кулькова, А.В. Петрожицкий

За последние несколько лет авторами получено 30 новых радиоуглеродных дат по двенадцати стоянкам обозначенных в названии статьи регионов. Радиоуглеродный анализ проводился при помощи жидкостного сцинтилляционного метода и метода ускорительной масс-спектрометрии. Анализ осуществлялся по развалам или скоплениям керамики и каждое значение относится к строго определенному сосуду. Для лесостепного Поволжья получена серия из 15 датировок по слабо орнаментированной посуде и сосудам, украшенным прочерками, насечками или оттисками гребенчатого штампа. Большинство значений хорошо согласуется с массивом существующих дат для неолитических комплексов региона и укладывается в диапазон середины VI – середины V тыс. до н.э. С территории лесного Среднего Поволжья осуществлено датирование пяти образцов. Часть из них подтвердила ранее сделанные специалистами предположения, другие позволяют ставить вопрос о длительности бытования традиции изготовления неорнаментированной посуды в регионе. Впервые для Камско-Вятского междуречья по шести образцам нагара методом АМС получена группа из 10 дат. Результаты достаточно противоречивы. В ряде случаев, вероятно, они свидетельствуют о влиянии резервуарного эффекта, связанного с приготовлением рыбной пищи. В остальных дополняют имеющиеся немногочисленные датировки.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Камско-Вятское междуречье, средневолжская культура, волго-камская культура, археологическая керамика, органика из керамики, пищевой нагар, радиоуглеродное датирование.

NEW RADIOCARBON DATES OF NEOLITHIC SITES IN THE MIDDLE VOLGA AND KAMA-VYATKA BASIN²

K.M. Andreev, M.A. Kulkova, A.V. Petrozhitskiy

Over the past few years, the authors have obtained 30 new radiocarbon dates for twelve sites in the regions indicated in the title of the article. For radiocarbon dating both the liquid scintillation method and AMS technique were applied. Analysis was conducted on the vessel fragments or set of ceramics and an each date concerns to a certain vessel. 15 dates were obtained for the weakly ornamented vessels decorated by dashes, impressions or by comb stamp in the forest steppe Volga region. Most of the values agree well with the array of existing dates for the Neolithic complexes of the region and fall within the range of the middle of the VI – middle of the V millennium BC. Just 5 dates were obtained for the Neolithic pottery of forest zone of the Middle Volga basin. Several dates supported the earlier suggestions of scholars about cultural chronology in this region but the others discuss about the duration of lasting of undecorated pottery tradition. For the first time for the Kama-Vyatka basin 10 dates were got from six samples of char using the AMS method. The results are rather contradictory. In some cases, the older age can be explained by the hard water reservoir effect associated with cooking of fish food inside of pottery. Other dates have correlation with dates obtained earlier.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Kama-Vyatka interfluve, Srednevolzhskaya culture, Volga-Kama culture, archaeological ceramics, organics from pottery, food soot, radiocarbon dating.

Введение

Определение абсолютного времени бытования культур и типов керамики как в эпоху неолита, так и в другие исторические пери-

оды имеет ключевое значение для понимания исторических процессов, протекавших в том или ином регионе. Лишь корректное сопоставление синхронных явлений позволяет

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

² The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 23-78-10088 "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region".

вести речь о взаимодействии или влиянии культурных традиций друг на друга.

Разработка и широкое распространение жидкостного сцинтилляционного метода (Ковалюх, Скрипкин, 2007; Кулькова, 2014) во второй половине 2000-х годов привели к «буму» радиоуглеродного датирования на территории Волго-Камья. Данное обстоятельство позволило выйти на новый уровень интерпретации имеющихся источников. Полученные наработки легли в основу серии диссертационных работ, в которых, при построении хронологических схем, основное внимание уделялось анализу датировок по органике из керамики (Выборнов, 2009; Березина, 2011; Шалапинин, 2011; Андреев, 2015; Барацков, 2017; Лычагина, 2019). Определенный итог радиоуглеродного датирования комплексов Волго-Камья и не только был подведен в 2016 году в фундаментальном труде обобщившим все накопленные определения (Радиоуглеродная хронология..., 2016). При этом стоит отметить, что к датам по органике из керамики у исследователей сложилось не однозначное отношение. Часть исследователей считает их достаточно надежными для определения абсолютной хронологии культур и типов керамики (Манько, 2006; Выборнов, 2008; 2012; Выборнов и др., 2018; Выборнов, Кулькова, 2021; Юдин, 2009; 2012; Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012). Другие же относятся к ним настороженно (Котова, 2002; Ставицкий, 2007; Вискалин, 2010) или считают неприемлемым их использование без подкрепления датами по другим видам материала (Котова, 2015; Плихт ван дер, Шишлина, Зазовская, 2016, с. 70-82). Наконец, отметим, что на данный момент определений по нагару, кости или углю для территории Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья получено крайне ограниченное количество.

Цель предлагаемой к вниманию статьи – введение в научный оборот новейших радиоуглеродных определений неолитических комплексов Волго-Камья. В работе осуществляется их анализ и систематизация, а также устанавливается положение в системе ранее полученных абсолютных датировок. Прежде чем перейти к основной части нашего исследования стоит отметить, что отдельные даты уже появлялись в печати либо в тезисной форме (Андреев и др., 2020), либо не получили должной интерпретации в соответствующ-

щих обзорных публикациях (Выборнов, Кулькова, 2021). Нами будет осуществлено как представление самих датировок, так и характеристика сосудов, по которым они получены.

Методы и методика исследования

На протяжении 2016-2022 годов одним из авторов проводилась систематическая работа с неолитическими керамическими комплексами Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья. Она включала типологическую и морфологическую группировку материалов коллекций. Одновременно с этим осуществлялся отбор образцов происходящих от конкретных четко определяемых сосудов, а не условной обобщенной типологической выборки, для последующего радиоуглеродного датирования. Важно оговорить, что в связи с высокой фрагментированностью материала, когда один выделяемый сосуд зачастую представлен парой-тройкой черепков, отбор образцов сталкивался с объективными трудностями и ограничениями. Отдельные этапы данной работы уже введены в научный оборот (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2018; Андреев и др., 2019; Андреев, Сомов, Кулькова, 2023).

Радиоуглеродное датирование жидкостным сцинтилляционным методом осуществлялось на базе Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». Образцы керамики (70-100 г.), содержащие 1-3% углерода, обрабатываются в 1% плавиковой кислоте (HF) 2-3 дня, затем 3% соляной кислотой (HCl) до полного удаления карбонатов. После промывки дистиллированной водой, образцы подвергаются кратковременной обработке 1% NaOH. Высушенные образцы смешиваются с диоксидом марганца в специальном стальном реакторе с титановым стаканчиком. В процессе «вакуумного пиролиза» углекислый газ, выделяющийся при разложении органики соединяется с литием, образуя карбид лития. При разложении карбида лития дистиллированной водой, образуется ацетилен, который затем полимеризуется на хромовом катализаторе с образованием бензола. Измерения активности радиоуглерода проводятся с использованием низкофонового сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220.

Пробоподготовка образцов пищевого нагара осуществлялась в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геохронология кайно-

зоя» ИАЭТ СО РАН. С образцов, представляющих из себя фрагменты керамики с нагаром, механически соскребался нагар, перетирался до порошка, просеивался. Затем порошок подвергался обработке дихлорметаном при комнатной температуре на мешалке, 2 суток. Для выделения угля образец заливался 1 М HCl, выдерживался в течение 30 мин при 80 °С, промывался дистиллированной водой до pH = 7. Затем проводилась обработка раствором NaOH по 20 мин при 80 °С, начиная с концентрации 1,5 М до 0,5 М со сменой раствора, пока раствор не будет бесцветным (на этой стадии дополнительно собирался щелочной раствор для выделения гуминовых кислот), после чего осадок промывался дистиллированной водой до pH = 7. Далее угольный образец заливался концентрированной HF на 2 суток, при 60 °С, затем выдерживался 1 М HCl в течение 60 мин при 80 °С, промывался дистиллированной водой до pH = 7 и высушивался в термостате при 70 °С.

Для выделения гуминовых кислот собранный щелочной раствор центрифугировался для отделения раствора от взвеси осадка, к раствору добавлялись несколько капель концентрированной HCl (до pH = 2), выпавший осадок промывался дистиллированной водой до pH = 7 и высушивался при 70 °С.

Угольные и гуминовые пробы передавались в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-НИЦ» на графитизацию проб на приборе AGE-3 и УМС-анализ на MICADAS-28 (производство Ionplus, Швейцария). Радиоуглеродный возраст определяли в программе BATS путем нормирования на стандартный образец OX-I (SRM 4990B) с вычетом фонового значения, установленного по стандартному образцу полиэтилена (BN 268530 Thermo Scientific) с учетом изотопного сдвига, измеренного для ^{13}C в графитах на MICADAS-28.

Результаты и обсуждение

Первая группа дат получена по фрагментам сосудов, украшенных лишь ямочно-жемчужным орнаментом. Наибольшую близость с точки зрения типологии и морфологии они обнаруживают с материалами елшанской культуры лесостепного Поволжья (Мамонов, 2000; Андреев, Выборнов, 2017). По фрагментам развала остродонного яйцевидного сосуда, орнаментированного по шейке тройным пояском ямочных вдавлений Ильинской стоянки получена дата 6807 ± 70 BP (1σ 5750-

5630 calBC) (табл. 1: 1) (рис. 1: 1). Аналогичным временем датирован сосуд с жемчужным пояском и подтреугольными наколами по срезу венчика стоянки Лебяжинка I – 6830 ± 130 BP (1σ 5880-5620 calBC) (табл. 1: 9) (рис. 1: 5). Наконец, третья датировка получена по фрагментам округлобокого горшка орнаментированного сверху жемчужным, а под ним ямочным пояском стоянки Красный Яр VII, она несколько моложе представленных выше 6300 ± 130 BP (1σ 5470-5070 calBC) (табл. 1: 4) (рис. 1: 3).

Первые две даты хорошо согласуются с радиоуглеродной хронологией елшанской культуры (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012; Выборнов и др., 2016) и приходятся на второй (луговской) этапа ее развития (Андреев и др., 2019). При этом сосуд Ильинской стоянки с сохранившейся придонной частью, как и датированная случайная находка у села Красный Яр (Выборнов и др., 2016, с. 79, 88), свидетельствуют о бытовании остродонной посуды на втором этапе развития раннего неолита лесостепного Поволжья. Несколько сложнее обстоит дело с определением по сосуду со стоянки Красный Яр VII, оно совпало с одной из двух дат, ранее полученных по фрагментам этого сосуда (Выборнов и др., 2016, с. 89), стоит отметить, что другое значение почти на 250 лет древнее. Развитие елшанской культуры в лесостепном Поволжье завершается около середины VI тысячелетия до н.э., а со второй половины данного тысячелетия начинается становление средневожской культуры (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012; Выборнов и др., 2016). При этом в развитии и позднем неолите региона, судя по датам как Красного Яра VII, так и ряда других стоянок, по всей видимости, продолжает бытовать неорнаментированная или слабо орнаментированная посуда.

Сосуд со стоянки Калмыковка I, орнаментирован ямочным пояском под срезом венчика, над которым располагается ряд небрежно нанесенных вдавлений подтреугольной формы с плохо различимым фигурным отпечатком. На части черепков наколы расположены и под ямочным пояском, ниже четыре горизонтальных прочерченных линии. Венчик прямой с плоским срезом, орнаментированным теми же вдавлениями. Дата, полученная по описанному сосуду – 6717 ± 110 BP (1σ 5720-5540 calBC) (табл. 1: 2) (рис. 2: 1).

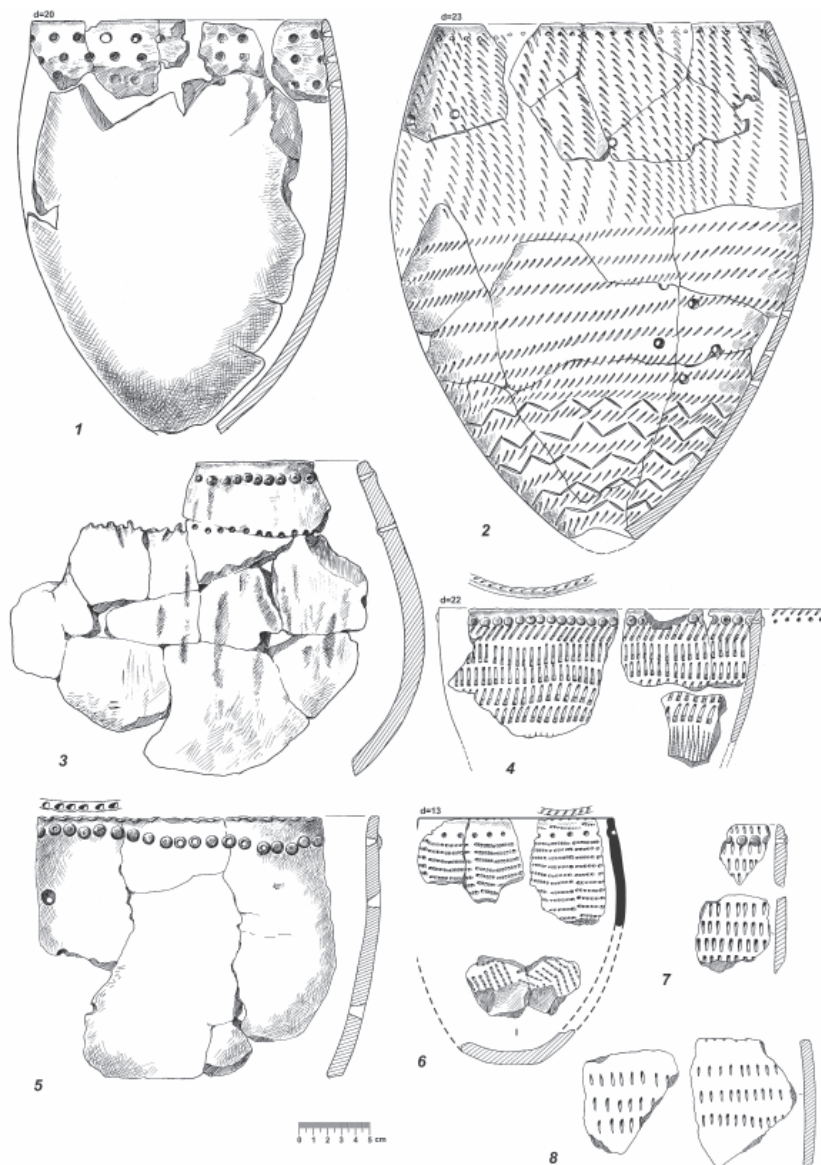

Рис. 1. Датированные неолитические сосуды (1 – Ильинка; 2, 4 – Большая Раковка II; 3 – Красный Яр VII; 5, 7-8 – Лебяжинка I; 6 – Чекалино IV).

Fig. 1. Dated Neolithic vessels (1 – Ilyinka; 2, 4 – Bolshaya Rakovka II; 3 – Krasny Yar VII; 5, 7-8 – Lebyazhinka I; 6 – Chekalino IV).

Прочерченная техника орнаментации формируется в лесостепном Поволжье в рамках елшанской культуры в раннем неолите, на немногочисленных сосудах она может сочетаться с наколами-тычками (Мамонов, 2000; Андреев, Выборнов, 2017). При этом на одном из сосудов стоянки Красный Городок на срез венчика нанесен подтреугольный накол с фигурным окончанием, а сочетание прочерченной техники с подтреугольными наколами известно в материалах стоянки Большая Раковка II (Андреев, Выборнов, 2017, с. 203, рис. 10: 1, с. 219, рис. 26: 2). Обозначенная дата хорошо соотносится со временем бытования,

упомянутого в предыдущем абзаце, луговского этапа елшанской культуры (Андреев и др., 2019) и ранее полученной по неорнаментированным фрагментам стоянки датировкой (Андреев, Выборнов, Васильева, 2018, с. 153, 159). Таким образом, согласно определениям по органике из керамики, подтверждается возможность выделения раннего пласта древностей в материалах стоянки Калмыковка I.

Достаточно выразительная группа дат получена по сосудам, орнаментированным так называемыми насечками (Сомов, 2022). Наиболее ранние определения второй – третьей четверти VI тысячелетия до н.э.

происходят от трех сосудов. На стоянке Кочкари I абсолютно преобладают находки мезолитического времени, однако в одном из секторов раскопа в 2019 году было изучено компактное скопление фрагментов плоскодонного сосуда, украшенного в нижней части четырьмя горизонтальными рядами насечек – 6767 ± 120 BP (1σ 5780-5550 calBC) (табл. 1: 3) (рис. 2: 2). Несколько более позднюю дату получили фрагменты прямостенного горшка с округлым срезом венчика стоянки Лебяжинка I, украшенного жемчужным пояском и множеством горизонтальных рядов насечек – 6640 ± 130 BP (1σ 5680-5470 calBC) (табл. 1: 11) (рис. 1: 7). И развал округлобокого сосуда с плосковогнутым дном стоянки Красный Яр VII, который украшен горизонтальными рядами насечек на тулове и в нижней трети, а также радиальными линиями насечек по дну – 6600 ± 120 BP (1σ 5660-5390 calBC) (табл. 1: 5) (рис. 2: 7). Представленные датировки согласуются с ранее полученными значениями Ильинской стоянки (Выборнов, 2008, с. 241) и могут свидетельствовать о начале формирования данной орнаментальной традиции во второй четверти – середине VI тысячелетия до н.э. и возможной связи данного процесса с носителями елшанской керамической традиции (Сомов, 2022, с. 140-142).

Еще две близкие даты стоянок Большая Раковка II и Лебяжинка I относятся к концу второй половины VI тысячелетия до н.э. На стоянке Большая Раковка II были датированы фрагменты развала яйцевидного остродонного сосуда с ямочным пояском под срезом, украшенного тремя зонами насечек: в верхней трети – вертикальные ряды насечек, в середине – горизонтальные ряды, а в нижней трети – горизонтальные ряды разделенные горизонтальным зигзагом из насечек – 6187 ± 110 BP (1σ 5300-5000 calBC) (табл. 1: 6) (рис. 1: 2). Со стоянки Лебяжинка I дата происходит от фрагментов сосуда, украшенного горизонтальными рядами разреженных насечек – 6120 ± 100 BP (1σ 5210-4940 calBC) (табл. 1: 10) (рис. 1: 8). Близкие, хотя и немногим более ранние, значения были получены по сосудам с насечками стоянки Лебяжинка IV (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2018).

Наконец, еще две даты по фрагментам, украшенным насечками стоянки Лебяжинка I имеют более позднюю хронологическую позицию. Прямостенный сосуд с жемчуж-

ным пояском под округлым срезом венчика украшенный несколькими горизонтальными рядами коротких насечек, под которыми расположены горизонтальные ряды длинных насечек, а еще ниже шагающие ряды насечек получил дату – 5630 ± 150 BP (1σ 4680-4330 calBC) (табл. 1: 14) (рис. 2: 4). Второй сосуд представлен скоплением фрагментов стенок и плоским дном орнаментированными горизонтальными рядами насечек, под которыми располагаются горизонтальные ряды диагонально ориентированных оттисков среднего по длине и ширине штампа, на дне два радиальных ряда тех же оттисков, между которыми горизонтальные ряды вдавлений штампа (рис. 2: 3). Получена датировка – 5380 ± 130 BP (1σ 4340-4050 calBC) (табл. 1: 15), которая относится к числу наиболее поздних в системе неолитических древностей средневожской культуры (Выборнов и др., 2016).

Представленные значения по посуде, украшенной насечками, подтверждают гипотезу о достаточно раннем формировании данного типа керамики в регионе и его существовании до конца VI тысячелетия до н.э. Датировки уходящие в середину – конец V тысячелетия до н.э. нуждаются в перепроверке и дополнительном осмыслении. Однако вероятность бытования рассмотренного типа керамики до финала существования средневожской культуры не исключена, в частности, с концом V тысячелетия до н.э. связана серия дат гребенчатой посуды стоянки Лебяжинка IV и не только.

Еще одна группа дат по материалам лесостепной части Поволжья получена по фрагментам украшенным гребенчатым штампом. Две близкие датировки происходят со стоянки Лебяжинка I. Одна получена по округлобокому сосуду с ямочным пояском под округлым срезом венчика, украшенному вертикальным зигзагом из коротких и широких оттисков гребенчатого штампа – 6010 ± 100 BP (1σ 5040-4780 calBC) (табл. 1: 13) (рис. 2: 6). Вторая происходит от плоскодонного сосуда, украшенного горизонтальными рядами узкой и длинной шагающей гребенки – 6040 ± 150 BP (1σ 5210-4780 calBC) (табл. 1: 12) (рис. 2: 5). Немногим более поздняя дата, получена по развалу прямостенного с округлым срезом сосуда с ямочным пояском, по срезу нанесены вдавления короткого гребенчатого штампа, на внешней поверхности

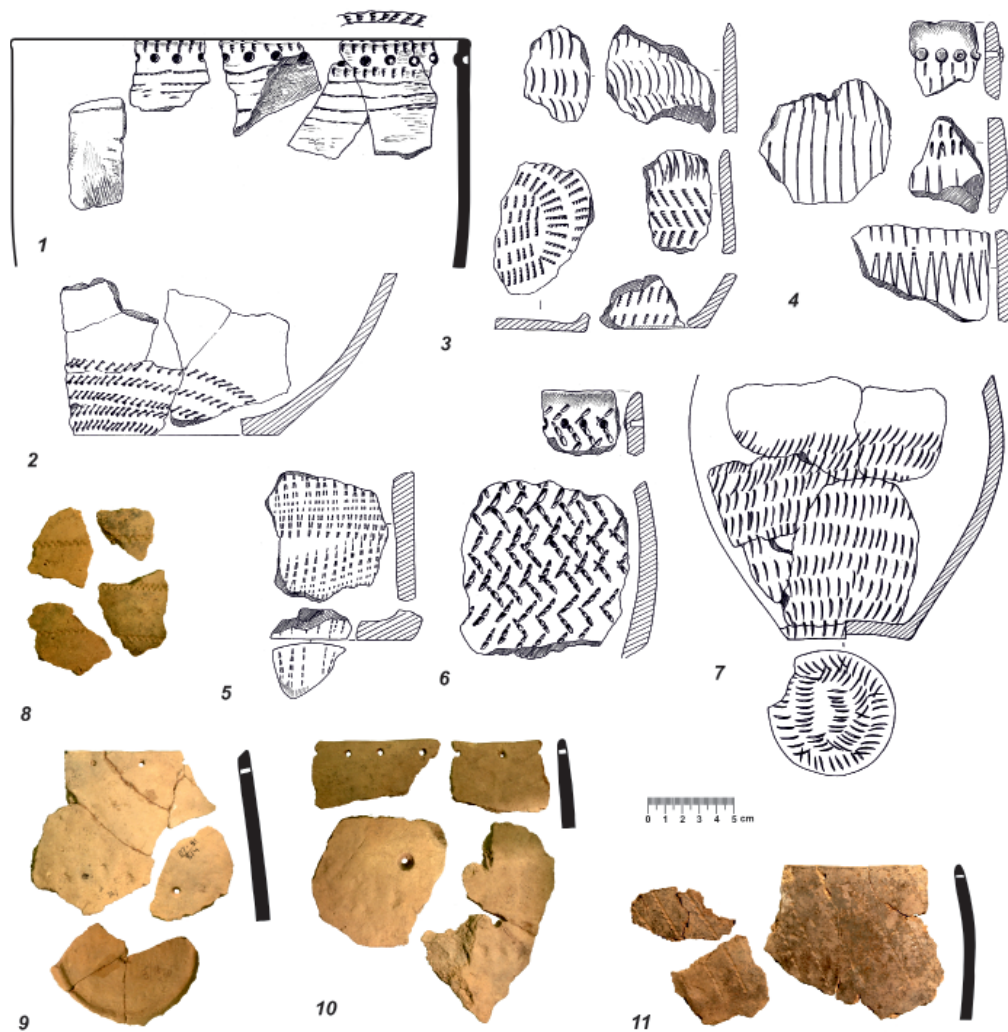

Рис. 2. Датированные неолитические сосуды (1 – Калмыковка I; 2 – Кочкари I; 3-6 – Лебяжинка I; 7 – Красный Яр VII; 8, 11 – Дубовская III; 9-10 – Отарская VI).

Fig. 2. Dated Neolithic vessels (1 – Kalmykovka I; 2 – Kochkari I; 3-6 – Lebyazhinka I; 7 – Krasny Yar VII; 8, 11 – Dubovskaya III; 9-10 – Otarskaya VI)

располагаются горизонтальные параллельные ряды оттисков длинного и широкого гребенчатого штампа, ближе к придонной части горизонтальная ориентация оттисков становится не строгой – 5807 ± 120 BP (1σ 4800-4510 calBC) (табл. 1: 8) (рис. 1: 6). Наконец, датировка 5494 ± 110 BP (1σ 4470-4180 calBC) происходит от развала прямостенного сосуда с жемчужным пояском и насечками по приотстренному срезу венчика, украшенному пятью горизонтальными рядами широких затертых оттисков, по всей видимости, гребенчатого штампа, однако зубцы не просматриваются, под которыми располагается горизонтальный ряд вдавлений шагающей гребенки (табл. 1: 7) (рис. 1: 4).

Представленные определения в целом хорошо согласуются с ранее полученными значе-

ниями гребенчатой керамики средневожской культуры (Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2016). Лишь дата со стоянки Большая Раковка II нуждается в отдельном комментарии, так как в последнее время по сосудам энеолитического чекалинского типа памятника получена серия более ранних датировок (Королев, Кулькова, Шалапинин, 2022). Данный факт можно интерпретировать двояко. Во-первых, рассматриваемое значение «омоложено» в результате влияния каких-то объективных или субъективных факторов, следовательно, не корректно. Во-вторых, если принять данную дату в качестве достоверной, нельзя исключать длительного бытования поздне-неолитического населения и его сосуществования на определенных этапах с энеолитическими группами (Андреев и др., 2023), чему

Таблица 1. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников
Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья

Table 1. New radiocarbon dates of Neolithic sites in the Middle Volga and Kama-Vyatka basin

№	Памятник	Лаб. индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC) ¹	δ13C‰	Рисунок
1	Ильинка	Spb – 2250	6807±70	1σ 5750-5630 2σ 5850-5560	н/д	1: 1
2	Калмыковка I	Spb – 2815	6717±110	1σ 5720-5540 2σ 5840-5470	н/д	2: 1
3	Кочкари I	Spb – 3188	6767±120	1σ 5780-5550 2σ 5900-5470	н/д	2: 2
4	Красный Яр VII	Spb – 4037	6300±130	1σ 5470-5070 2σ 5550-4900	н/д	1: 3
5	Красный Яр VII	Spb – 4056	6600±120	1σ 5660-5390 2σ 5720-5320	н/д	2: 7
6	Большая Раковка II	Spb – 2246	6187±110	1σ 5300-5000 2σ 5400-4800	н/д	1: 2
7	Большая Раковка II	Spb – 2247	5494±110	1σ 4470-4180 2σ 4550-4000	н/д	1: 4
8	Чекалино IV	Spb – 2249	5807±120	1σ 4800-4510 2σ 4950-4350	н/д	1:6
9	Лебяжинка I	Spb – 3763	6830±130	1σ 5880-5620 2σ 5990-5520	н/д	1: 5
10	Лебяжинка I	Spb – 3743	6120±100	1σ 5210-4940 2σ 5350-4800	н/д	1: 8
11	Лебяжинка I	Spb – 3764	6640±130	1σ 5680-5470 2σ 5780-5320	н/д	1: 7
12	Лебяжинка I	Spb – 3704	6040±150	1σ 5210-4780 2σ 5350-4550	н/д	2: 5
13	Лебяжинка I	Spb – 4036	6010±100	1σ 5040-4780 2σ 5250-4650	н/д	2: 6
14	Лебяжинка I	Spb – 3487	5630±150	1σ 4680-4330 2σ 4850-4050	н/д	2: 4
15	Лебяжинка I	Spb – 3762	5380±130	1σ 4340-4050 2σ 4500-3950	н/д	2: 3
16	Дубовская III	Spb – 2816	6930±120	1σ 5980-5710 2σ 6030-5620	н/д	-
17	Дубовская III	Spb – 2817	6467±110	1σ 5520-5320 2σ 5620-5220	н/д	2: 8
18	Дубовская III	Spb – 2818	6340±120	1σ 5470-5210 2σ 5550-5000	н/д	2: 11
19	Отарская VI	Spb – 2826	5628±110	1σ 4590-4340 2σ 4730-4260	н/д	2: 9
20	Отарская VI	Spb – 2825	5764±110	1σ 4730-4460 2σ 4850-4360	н/д	2: 10
21	Кыйлуд III (уголь)	GV – 4150	8015±64	1σ 7060-6820 2σ 7080-6690	-28.9	-
22	Кыйлуд III (гуминовая кислота)	GV – 4150	6500±47	1σ 5520-5380 2σ 5560-5360	-28.6	-
23	Кыйлуд II (уголь)	GV – 4151	7076±48	1σ 6010-5900 2σ 6050-5840	-30.4	-
24	Кыйлуд II (гуминовая кислота)	GV – 4151	6002±46	1σ 4950-4800 2σ 5020-4780	-29.9	-
25	Кочуровское I, (нагар / уголь)	GV – 4152	7219±48	1σ 6210-6010 2σ 6220-6010	-24.6	-

26	Кочуровское I (уголь)	GV – 4153	7021±51	1σ 5990-5840 2σ 6010-5780	-26.8	-
27	Кочуровское I (гуминовая кислота)	GV – 4153	6521±47	1σ 5550-5380 2σ 5610-5370	-30.6	-
28	Кочуровское I (уголь)	GV – 4154	6224±47	1σ 5300-5070 2σ 5310-5050	-27.0	-
29	Кочуровское I (гуминовая кислота)	GV – 4154	6220±46	1σ 5300-5070 2σ 5310-5050	-26.8	-
30	Кочуровское I (нагар / уголь)	GV – 4155	7699±49	1σ 6590-6470 2σ 6640-6450	-30.3	-

¹ В работе использованы калиброванные значения, полученные при помощи программы OxCal v4.4

не противоречит массив нео-энеолитических датировок региона (Шалапинин, 2017; Сомов, Шалапинин, 2019).

Осуществлено радиоуглеродное датирование пяти образцов посуды раннего неолита лесного Среднего Поволжья. По неорнаментированным мелким фрагментам от разных сосудов стоянки Дубовская III была получена достаточно ранняя дата – 6930±120 BP (1σ 5980-5710 calBC) (табл. 1: 16). Она хорошо согласуется с имеющимися определениями керамики рассматриваемой стоянки и относится к числу наиболее ранних для неолитической посуды Марийского Поволжья (Выборнов, Никитин, 2016).

Более поздние даты были получены по фрагментам орнаментированным наколами. Первая – по стенкам от сосуда, украшенного горизонтальными разреженными рядами подтреугольных спаренных наколов – 6467±110 BP (1σ 5520-5320 calBC) (табл. 1: 17) (рис. 2: 8). Вторая – по фрагментам от прикрытого горшка с округлым срезом венчика и сквозными отверстиями на нем, орнаментированного диагональными рядами овальных отступающих наколов – 6340±120 BP (1σ 5470-5210 calBC) (табл. 1: 18) (рис. 2: 11). Представленные определения несколько древнее ранее полученных в киевской лаборатории дат, как этой стоянки, так и ряда других памятников Марийского Поволжья. При этом они близки серии пока неопубликованных значений по раннеэнеолитическим стоянкам, изученным в последнее время в районе поселка Сокольный. Данное обстоятельство, по всей видимости, свидетельствует о формировании накольчатой традиции орнаментации в регионе во второй половине VI тысячелетия до н.э.

Отдельно стоит отметить две датировки полученные по развалам неорнаментирован-

ных сосудов с прямыми венчиками и округлыми или скошенными внутрь срезами и сквозными отверстиями под ними стоянки Отарская VI – 5628±110 BP (1σ 4590-4340 calBC) и 5764±110 BP (1σ 4730-4460 calBC) (табл. 1: 19-20) (рис. 2: 9-10). Они являются одними из наиболее поздних в системе раннеэнеолитических древностей лесного Среднего Поволжья. Данное обстоятельство может иметь две интерпретации. Либо представленные значения некорректны и в результате действия каких-то объективных или субъективных причин их возраст искажен. Либо, что кажется нам более вероятным, они фиксируют длительность бытования неорнаментированной посуды в регионе и ее сосуществование с керамикой украшенной наколами. В связи с последним обстоятельством показательно, что даты сосудов украшенных наколами стоянки Сутырская V близки полученным значениям, а единичные датировки, собственно, Отарской VI стоянки лишь незначительно древнее представленных (Выборнов, Никитин, 2016, с. 127-128). При этом сосуды обоих типов выявлены на памятнике в полузакрытых комплексах, жилищных котлованах, что также свидетельствует о синхронности их бытования (Никитин, 2011).

Для трех памятников Камско-Вятского междуречья по шести образцам получено 10 дат на АМС. Материалом для радиоуглеродного датирования послужил нагар, выявленный на внутренней стороне фрагментов стоянок Кыйлуд II-III и Кочуровское I (Гусенцова, 1993). При этом у ряда образцов из нагара были выделены две фракции: уголь и гуминовые кислоты, обе из которых датированы, у значений без специального указания определяющим веществом являлся только уголь из нагара. Также стоит отметить, что для всех образцов проведен анализ на содержание

стабильного изотопа $\delta^{13}\text{C}$, который находится в диапазоне 25-30‰.

По небольшому фрагменту орнаментированному наколами стоянки Кыйлуд III (Инв. № 639/1683) получены два значения: по углю из нагара – 8015 ± 64 BP (1σ 7060-6820 calBC), а по гуминовым кислотам – 6500 ± 47 BP (1σ 5520-5380 calBC) (табл. 1: 21-22). На заре массового радиоуглеродного датирования неолитических комплексов Волго-Камья по фрагментам камского типа данной стоянки была сделана дата второй четверти V тысячелетия до н.э., которой не противоречат новейшие данные (Выборнов, 2008, с. 246). По небольшому фрагменту неорнаментированной стенки стоянки Кыйлуд II (Инв. № 810/562) также получены два значения: по углю из нагара – 7076 ± 48 BP (1σ 6010-5900 calBC), а по гуминовым кислотам – 6002 ± 46 BP (1σ 4950-4800 calBC) (табл. 1: 23-24). Датировка по органике из керамики накольчатой (Выборнов, 2008, с. 246) или неорнаментированной (Лычагина, 2016, с. 151) посуды данного памятника относится к третьей четверти VI тысячелетия до н.э.

Наконец, по нагару с неорнаментированных фрагментов керамики стоянки Кочуровское I было получено пять значений. По углю из нагара – 7219 ± 48 BP (1σ 6210-6010 calBC) (табл. 1: 25). Еще по углю из нагара определение – 7021 ± 51 BP (1σ 5990-5840 calBC) (табл. 1: 26), по этому же образцу, но по гуминовым кислотам – 6521 ± 47 BP (1σ 5550-5380 calBC) (табл. 1: 27). По третьему образцу датировки угля и гуминовых кислот из нагара совпали и дали даты 6224 ± 47 BP (1σ 5300-5070 calBC) и 6220 ± 46 BP (1σ 5300-5070 calBC) (табл. 1: 28-29). Значения VII – первой половины VI тысячелетия до н.э. выглядят завышенными и не соответствует современным представлениям заинтересованных специалистов о времени бытования посуды волго-камской культуры. Определения второй половины VI тысячелетия до н.э. относятся к числу наиболее ранних датировок данного типа керамики Камско-Вятского междуречья (Лычагина, 2016) и Нижнего Прикамья (Выборнов, Морозов, 2016), а также, отмеченного выше, лесного Среднего Поволжья (Выборнов, Никитин, 2016) и не противоречат их абсолютной хронологии.

Стоит заметить, что систематически завышенными являются даты, полученные по углистой фракции из нагара, в то время как опре-

деления по гуминовым кислотам более близки «ожидаемым значениям» для данного типа посуды региона. При этом для соседнего Среднего Посурья ситуация обратная, у единственного сосуда, для которого проводилось отдельное датирование углистой фракции нагара и гуминовых кислот, последние оказались древнее на 600-700 лет первых и на 400 лет «ожидаемого значения» (Выборнов и др., 2015).

Еще одна дата по углю из нагара фрагмента керамики, украшенного так называемыми оттисками зубчатого штампа стоянки Кочуровское I – 7699 ± 49 BP (1σ 6590-6470 calBC) (табл. 1: 30). Обозначенное определение выглядит явно удревленным и вступает в противоречие, как с уже имеющимися датами по описанному типу посуды рассматриваемой стоянки и памятников сопредельных территорий, так и типологическими представлениями исследователей, иногда подкрепленными стратиграфическими данными. В этой связи стоит отметить, что по образцам нагара с посуды сопредельных Прикамья (Левшинская стоянка) и Прибелья (Муллино), получены также весьма ранние даты (Лычагина, 2016, с. 157; Выборнов, Кулькова, 2021, с. 45, 49). С одной стороны, они позволяют допускать более раннее формирование керамических традиций в рамках обоих регионов, но что более вероятно свидетельствуют о наличии резервуарного эффекта, связанного с приготовлением рыбной пищи (Плихт ван дер Шишлина, Зазовская, 2016, с. 73-77). Важно отметить, в недавних работах по материалам Верхнего и Среднего Подонья показано на примере датирования нагара с керамики и костей животных с одного памятника, что значения резервуарного эффекта могут достигать 1700 лет (Courel et al., 2021). При этом иногда датировки по нагару, подверженному влиянию резервуарного эффекта, совпадают с датами, выполненными по костям животных (Courel et al., 2021, supplementary data). В этой связи проблема достоверности «устраивающих» / «валидных» датировок остается и далека от своего решения.

Выводы

Новые данные по неорнаментированной или слабо орнаментированной керамике, а также посуде, украшенной прочерченным орнаментом, в целом, совпали с имеющейся группой дат. Они укладываются в первую половину VI тысячелетия до н.э. и позволя-

ют отнести обозначенные сосуды ко второму этапу развития елшанской культуры. Весьма представительная серия определений по сосудам, орнаментированным насечками, дала широкий диапазон значений от второй-третьей четверти VI до последней четверти V тысячелетия до н.э. Данный факт может свидетельствовать о длительности бытования рассмотренной типологической группы посуды, однако наиболее поздние датировки нуждаются в перепроверке. Несколько дат рубежа VI и V – третьей четверти V тысячелетия до н.э., полученные по сосудам украшенным оттисками гребенчатого штампа, дополнили существующий массив определений и не противоречат ему.

Для лесного Среднего Поволжья новые даты по накольчатой посуде совпали с имеющимися значениями и маркируют наиболее ранний этап развития данной керамической традиции в третьей четверти VI тысячеле-

тия до н.э. Неорнаментированные фрагменты стоянки Дубовская III с определением первой четверти VI тысячелетия до н.э. оказались одними из наиболее ранних в системе неолитических древностей региона. С другой стороны неорнаментированные горшки Отарской VI стоянки дали самые поздние датировки данного типа посуды (вторая-третья четверти V тысячелетия до н.э.). Представленное обстоятельство делает насущной необходимость перепроверки первой или второй групп определений.

Впервые методами АМС получены даты для памятников Камско-Вятского междуречья, которые, отчасти совпали с имеющимися немногочисленными значениями по органике из керамики, однако, имеют существенное отклонение от «ожидаемых» значений и представлений заинтересованных специалистов, что подталкивает к мысли о влиянии на часть из них резервуарного эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М.* Ранний неолит лесостепного Поволжья. Автореф. дисс...канд. ист. наук. СПб., 2015. 22 с.
- Андреев К.М., Выборнов А.А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н.* Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 143–160.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А.* Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 193–199.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А.* Новые радиоуглеродные даты комплексов неолитической керамики поселения Лебяжинка IV // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 203–207.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Храмов Д.Ю.* К вопросу об абсолютной хронологии керамики луговского типа // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 132–135.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Кулькова М.А.* Хронология неолита Марийского Поволжья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.Д. Бурова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. С. 9–10.
- Андреев К.М., Кудашов А.С., Сомов А.В., Шалапинин А.А.* Переход от неолита к энеолиту в лесостепном и лесном Среднем Поволжье: формы, модели и хронологические рамки // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 15–25.
- Андреев К.М., Сомов А.В., Кулькова М.А.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитических комплексов Виловатовской стоянки // *Oriental Studies*. 2024. (в печати).
- Барацков А.В.* Культурно-хронологическое соотношение неолитических памятников степного Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 22 с.
- Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья. Автореф. ... Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2011. 22 с.
- Вискалин А.В.* Рецензия на книгу Выборнова А.А. «Неолит Волго-Камья». Самара: СГПУ, 2008. // РА. 2010. № 4. С. 164–167.

- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А.* Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: Автореф. дисс... док. ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.
- Выборнов А.А.* О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам // Проблемы истории, археологии, образования / Отв. ред. Е.Л. Храмкова. Самара: ПГСГА, 2012. С. 15–31.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Гослар Т., Джалл Т., Поснерт Г., Филиппсен Б.* Новые данные о раннем неолите Среднего Посурья // Чувашская археология. Вып. 2. / Отв. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 26–31.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М.* Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.
- Выборнов А.А., Морозов В.В.* Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 129–139.
- Выборнов А.А., Никитин В.В.* Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Филиппсен Б.* Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 66–77.
- Выборнов А.А., Кулькова М.А.* Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 42–54.
- Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удм. Ун-тет. 1993. 237 с.
- Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН. 2007. С. 120–126.
- Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А.* Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических комплексов лесостепного Поволжья // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 2. С. 179–182.
- Котова Н.С.* Неолитизация Украины. Киев: ИА НАН Украины, 2002. 268 с.
- Котова Н.С.* Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан, 2015. 153 с.
- Кулькова М.А.* Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. Т.3. № 3 (8). С. 115–122.
- Лычагина Е.Л.* Радиоуглеродная хронология неолита Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 140–158.
- Лычагина Е.Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Автореф. ... Дисс. докт. ист. наук. СПб, 2019. 48 с.
- Мамонов А.Е.* Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 147–176.
- Манько В.О.* Неоліт південно-східної України. Київ: Шлях, 2006. 280 с.
- Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИ-ИЯЛИ, 2011. 470 с.
- Плихт ван дер Й., Шишлина Н.И., Зазовская Э.П.* Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект / Труды ГИМ. Вып. 203. М.: Палеограф, 2016. 112 с.
- Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.
- Сомов А.В.* Неолитическая посуда с ногтевидными насечками лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 120–146.
- Сомов А.В., Шалапинин А.А.* Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский научный вестник. 2019. Т.8. № 2 (27). С. 229–239.

Ставицкий В.В. Неолитическая тематика на конференции «Археологическое изучение Центральной России» // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2007. С. 334–341.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

Шалапинин А.А. К вопросу о хронологическом соотношении неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 380–388.

Юдин А.И. Соотношение данных стратиграфии и радиоуглеродных определений для памятников позднего неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. С. 169–171.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 213 с.

Courel B., Meadows J., Gonzalez Carretero L., Lucquin A., McLaughlin R., Bondetti M., Andreev K., Skorobogatov A., Smolyaninov R., Surkov A., Vybornov A.A., Dolbunova E., Heron C.P., Craig O.E. The use of early pottery by hunter-gatherers of the Eastern European forest-steppe // Quaternary Science Reviews. Vol. 269, 2021, 107143.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru.

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru.

Петрожицкий Алексей Валентинович, научный сотрудник; Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН (г. Новосибирск, Россия); petrozhav@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M. 2015. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (elshanskaya kul'tura) (Early Neolithic of the forest steppe Volga region (Elshanka culture))*. Samara: "Porto-Print" Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Vasilyeva, I. N. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 11. Tver: "Triada" Publ., 143–160 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 14, no. 3, 193–199 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2018. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 20, no. 3, 203–207 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A., Khramov, D. Yu. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 8, 28 (3), 132–135 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Kulkova, M. A. 2020. In Burova, N. D., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 9–10 (in Russian).

Andreev, K. M., Kudashov, A. S., Somov, A. V., Shalapinin, A. A. 2023. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 78 (1), 15–25 (in Russian).

Andreev, K. M., Somov, A. V., Kulkova, M. A. 2024. In *Oriental Studies* (in print) (in Russian).

Baratskov, A. V. 2017. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie neoliticheskikh pamyatnikov stepnogo Povolzh'ya (Cultural and chronological relationship of Neolithic sites of the Volga steppe region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

- Berezina, N. S. 2011. *Kamennyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Chuvash Volga Region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).
- Viskalin, A. V. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 164–167 (in Russian).
- Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
- Vybornov, A. A. 2009. *Neolit stepnogo-lesostepnogo Povolzh'ia i Prikam'ia (Neolithic of Steppe and Forest-Steppe Belts in the Volga and Kama Rivers Basin)*. Thesis Diss. of Doctor of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).
- Vybornov, A. A. 2012. In Khramkova, E. L. (eds.). *Problemy istorii, arkheologii, obrazovaniya (Issues of history, archaeology, education)*. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy, 15–31 (in Russian).
- Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Vasilyeva, I. N., Goslar, T., Jall, T., Possnert, G., Philipse, n B. 2015. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiya (Chuvash Archaeology)* 2. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 26–31 (in Russian).
- Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Nesterov, E. M. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 74–96 (in Russian).
- Vybornov A. A., Morozov V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 129–139 (in Russian).
- Vybornov A. A., Nikitin V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 123–128 (in Russian).
- Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova M. A., Philippsen, B. 2018. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 60 (3), 66–77 (in Russian).
- Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2021. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 42–54 (in Russian).
- Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama-Viatka Interfluve)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
- Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2007. In Zaytseva, G. I., Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 120–126 (in Russian).
- Korolev, A. I., Kulkova, M. A., Shalapinin, A. A. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 11, no 2, 179–182 (in Russian).
- Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Kotova, N. S. 2015. *Drevneishaia keramika Ukrainy (The Earliest Ceramics in Ukraine)*. Kiev; Kharkov: “Maidan” Publ. (in Russian).
- Kulkova, M. A. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 3, no 3 (8), 115–122 (in Russian).
- Lychagina, E. L. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 140–158 (in Russian).
- Lychagina, E. L. 2019. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ia (Neolithic of the Upper and Middle Kama Regions)*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).
- Mamonov, A. E. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 147–176 (in Russian).

Manko, V. O. 2006. *Neolit pivdenno-skhidnoi Ukraini (Neolithic of the south-eastern Ukraine)*. Kiev: "Shlyakh" Publ (in Ukrainian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Plicht van der, J., Shishlina, N. I., Zazovskaya, E. P. 2016. *Radiouglerodnoe datirovanie: khronologiya arkheologicheskikh kul'tur i rezervuarnyy efekt (Radiocarbon dating: chronology of archaeological cultures and freshwater reservoir effects)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 203. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Somov, A. V. 2022. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 4, no. 4, 120–146 (in Russian).

Somov A. V., Shalapinin A. A. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 8, no 2 (27), 229–239 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2007. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: Penza State Pedagogical University, 334–341 (in Russian).

Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Samara (in Russian).

Shalapinin, A. A. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 19, no. 3 (2), 380–388 (in Russian).

Yudin A. I. 2009. In Vasiliev S. A. (eds.). *Vzaimodeystvie i khronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy (Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences / Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences, 169–171 (in Russian).

Yudin, A. I. 2012. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ. (in Russian).

Courel, B., Meadows, J., Gonzalez Carretero, L., Lucquin, A., McLaughlin, R., Bondetti, M., Andreev, K., Skorobogatov, A., Smolyaninov, R., Surkov, A., Vybornov, A. A., Dolbunova, E., Heron, C. P., Craig, O. E. 2021. In *Quaternary Science Reviews* 269, 107143.

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Kulkova Marianna A. Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia. Embankment of the Moika River, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru.

Petrozhitskiy Alexey V. Researcher, Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS. Akademika Lavrentyev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; petrozhav@gmail.com.

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.43.51>**ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹**

© 2024 г. А.А. Малютина, А.А. Выборнов, Т.Ю. Гречкина

Стоянок позднекаменного века полупустынной и степной зон России с сохранившимися изделиями из кости, рога или зубов, по разным причинам, изучено мало. Тем не менее, очевидно, что артефактам как бытового, так и неутилитарного характера из этого сырья, отводилась большая роль в жизнедеятельности древнего населения неолита интересующей территории. Это подтверждается материалами стоянок Каиршак III и Варфоломеевская, на которых впервые были найдены костяные изделия. Планомерные археологические изыскания в регионе Нижнего Поволжья за последние десятилетия выявили ряд многослойных и однослойных памятников неолита. Среди них стоянки Алгай и Приозерная представляют большой интерес для изучения как периодизации культур региона, так и их хозяйственного-бытового уклада. Обнаруженные костяные изделия (13 экз.) позволили с помощью типологического и трасологического анализов получить качественно новую информацию. Выявлены как характерные признаки, так и специфические черты для каждого комплекса. Определены способы их изготовления.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, неолит, орловская культура, тентексорский тип, трасологический анализ, кость, остриё, наконечник копья

THE NEOLITHIC BONE ITEMS OF THE LOWER VOLGA REGION²

A. A. Malyutina, A. A. Vybornov, T. Yu. Grechkina

Late Stone Age sites in the semi-desert and steppe zones of Russia with preserved items made of bone, antler or teeth, for various reasons, have been poorly studied. Nevertheless, it is obvious that artifacts of both a household and non-utilitarian character made of these raw materials played a major role in the life of the ancient Neolithic population of the area under consideration. This is proved by the materials of the Kairshak III and Varfolomeevskaya campsites, where bone artifacts were found for the first time. Systematic archaeological studies in the Lower Volga region in recent decades have revealed a number of multi-layered and single-layered Neolithic settlements. Among them, the Algai and Priozernaya sites are of great interest for studying both the periodization of the region's cultures and their economic and everyday life. The discovered bone artifacts (13 items) made it possible to get qualitatively new information using typological and traceological analysis. Both peculiarities and specific features for each site have been identified. The ways of their manufacture have been determined.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Neolithic, Orlovka culture, Tentek-Sor type, traceological analysis, bone, point, spearhead

В данной статье мы представляем результаты типологического и трасологического анализа изделий из кости двух памятников неолита Нижнего Поволжья.

Комплекс Орошаемое на правом берегу р. Б.Узень в 1,5 км севернее с. Александров Гай Саратовской области начал исследоваться в 2014 г. (Выборнов и др., 2018). Археологические разновременные материалы были обнаружены на нескольких участках, которые получили разные названия: стоян-

ка Орошаемое I на северном участке мыса, стоянка Алгай1 на южном, а в центральной части между ними – Алгай 2. В данной статье мы остановимся на материалах из раскопок 2021 г. центрального участка мыса - Алгай 2 (далее Алгай). Костяные изделия (6 экз.) с этого участка были обнаружены в культурном слое, принадлежащем орловской неолитической культуре. Она характеризуется одной из наиболее ранней керамической традицией в Восточной Европе, пластинчатой технологи-

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Трансформация культур позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» - № 24-28-00103.

² The work was carried out as a part of the Russian Scientific Foundation project No. 24-28-00103 «Transformation of the Late Neolithic-Eneolithic cultures in the Low Volga region: interdisciplinary approach».

ей изготовления каменных орудий, включая геометрические микролиты, значительным количеством костяных изделий (Юдин, 2004). Что касается артефактов из кости на Алгае, то они залегали в 32,37,38 и 39 штыках. Для 32 штыка получена дата 5470 лет ВС, для 36 – 5643 ВС и для 42 – 5780 лет ВС (Выборнов и др., 2022). Гораздо больше орудий и украшений из кости и зубов (больше 20 экз.), также относящихся к орловской культуре раннего неолита, было найдено при раскопках южного участка Алгай 1 (Выборнов и др., 2018). В этом исследовании мы остановимся только на их типологии.

Получена информация о присваивающем типе хозяйства у носителей данной культуры. Так, среди остеологической коллекции стоянки неолита Алгай (раскоп 2021 г.) доминируют кости сайги, тура, тарпана, дикой лошади, в меньшей степени представлены кости кулана, благородного оленя, собаки. К единичным находкам относятся кости птиц, рыб, черепахи (Выборнов и др., 2022, с. 148-149). Установлено, что разделка туш животных происходила непосредственно на поселении. Из костей промысловых животных изготавливались орудия и украшения (Выборнов и др., 2022, с. 149, табл. 5).

Стоянка Приозерная расположена в 20,5 км на ССЗ от п. Байбек Красноярского района Астраханской области, в 19 км севернее от р. Кигач. Ограниченность жилой площадки и анализ обнаруженных находок позволяют констатировать их однокультурность и единовременность. Исходя из характерных признаков керамического (плоскодонность, профилированность, отступающая техника нанесения орнамента) и каменного инвентаря (немногочисленность, массивность заготовок, ограниченный ассортимент орудий), можно относить интересующий комплекс к тентексорскому типу позднего неолита Северного Прикаспия. Это подтверждается и результатами радиоуглеродного анализа: по углю получена дата 6700 лет ВР (Гречкина, Выборнов, 2023). Из культурных остатков этого периода происходит 7 предметов из кости со следами намеренной обработки.

Как и на ранненеолитической стоянке Алгай, так и на памятнике позднего неолита Приозерная, была получена значительная остеологическая коллекция, анализ которой показал, что население занималось охотой

на таких животных, как сайгак, кулан, тур и лошадь. Единичные кости соотнесены с такими видами как благородный олень, лисица, волк и корсак. Однако, как отмечают авторы исследования, при большом количестве фаунистических остатков, подсчёты статистики по особям указывают на кратковременный характер заселения места. Из домашних животных определены кости только собаки (Гречкина, Выборнов, 2023, с. 9-10).

Методика анализа и критика источника

Для изучения костяных изделий применена методика экспериментально-трасологического анализа. Она наиболее информативно отражает своеобразие изготовления и использования орудий и изделий по сохранившимся на их поверхности макро- и микроскопическим следам (Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996; Maigrot, 2003; Marreiros et al., 2015).

При реализации изыскания задействованы соответствующее оборудование и программное обеспечение:

- стереомикроскоп Альтами СМ0745 (косонаправленное освещение; увеличение до 45 крат);
- металлографический микроскоп Olympus (встроенное освещение; ув. до 500 крат);
- установка для макросъёмки с возможностью микрофокусировки в сочетании с камерой Canon EOS 450D, объективами Canon Macro EF-S 60 mm 1:2.8 USM, при косо направленном внешнем освещении светодиодами и люминесцентными осветителями;
- программное обеспечение Canon EOS Utility, Helicon Focus.

Для верификации зафиксированных следов использовалась база экспериментальных эталонов орудий из твёрдых органических материалов ЭТЛ ИИМК РАН.

Работ по трасологическому анализу изделий из твёрдых органических материалов региона Нижнего Поволжья не так много (Килейников, Юдин, 1993; Гречкина и др., 2020). В целом, помимо небольшого количества сохранившихся предметов из этого сырья, существенное ограничение на информативные возможности применения трасологического метода к анализу этих немногочисленных артефактов накладывает сама степень сохранности их поверхности. При проведении данного исследования учитывались такие факторы, как эрозия под воздействием хими-

ческого состава и морфологические изменения под воздействием механического перемещения во вмещающих грунтах, изменения цвета, влияние корней растений и следы жизнедеятельности грызунов. Определение данного тафономического корпуса следов и признаков модификации предметов из твёрдых органических материалов является неотъемлемой частью методики анализа изделий из них на памятниках археологии (Fernández-Jalvo, Andrews, 2016).

Алгай. Категории изделий. Морфология, технология и функция

Представлены 6 предметами, изготовленными из длинных трубчатых костей, рёбер животных и костей птиц.

1. Острия. Все орудия этой категории (4 экз.) изготовлены из костей животных. По технико-морфологическим особенностям можно выделить следующие типы.

1. 1. К этому типу отнесено два изделия (рис. 1: 1, 2; рис. 2: 1), заготовкой для которых послужили пластины, извлечённые по предварительно прорезанным пазам из стенок диафизов длинных трубчатых костей. Технологические пазы убирались посредством шлифовки на абразиве (рис. 2: 2), а финальная обработка изделий сводилась к чистовой обработке строганием каменным лезвием. Следы этих работ сохранились на поверхности предметов в виде слабо заметных линий (рис. 2: 4). В центральной части сечение острий симметричное, округло-овальное. Ближе к широкому концу стержень становится немного уплотнённым. На одном конце острий этого типа оформлено заострённое окончание, тогда как на противоположной – симметрично расширяющееся навершие. У одного предмета типа 1.1. навершие отломано (свежий скол) (рис. 1: 2), но видно, что стержень постепенно аналогичным образом переходит на расширение.

Характер утилитарного износа на обоих остриях совпадает. Так, на заострённом кончике острия начинают проследиваться редкие линейные следы, продольные оси предмета и поперечные к ней. По мере продвижения дальше, по стержню, количество линейных следов увеличивается, они становятся регулярными и однонаправленными (рис. 2: 3). Как правило, это хорошо выраженные тонкие царапины с рваными бортами, длинные и короткие, иногда как бы опоясывающие поверхность орудия. Линейные следы сопровождается интен-

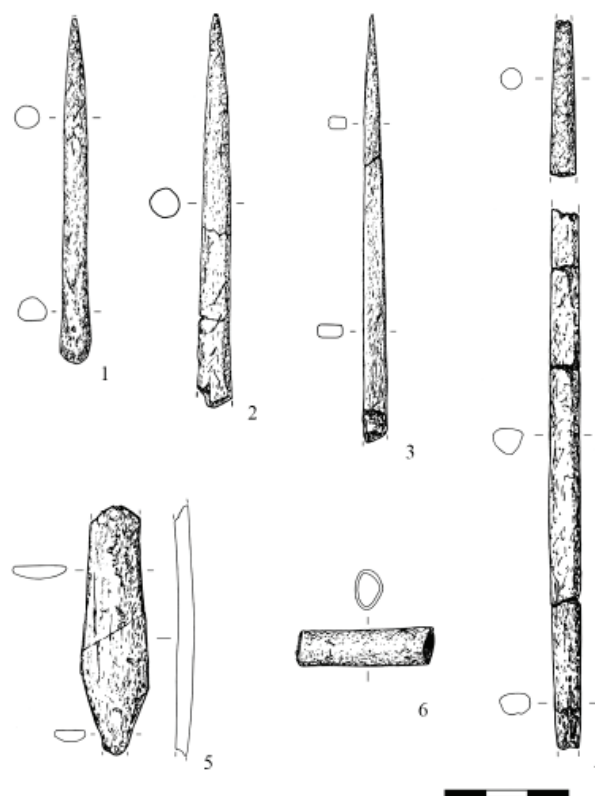

Рис. 1. Алгай (раскопки 2021 г.). Изделия из кости.

1-4 – острия; 5 – плоское изделие с выделенным симметричным сужением; 6 – украшение-пронизка.

Рисунок Малютиной А. А.

Fig. 1. Algai (2021 field season). Bone items. 1-4 – points; 5 – a flat item with a symmetrical narrowing; 6 – ring-pendant. Drawing by A.A. Maljutina.

сивная заполировка (с блеском), формирующая к, примерно, центральной части острия, ровный, плоский микрорельеф поверхности (рис. 2: 5). К расширяющемуся навершию линейные следы охватывают всю поверхность стержня (рис. 2: 5). Сама поверхность навершия подобных следов уже не имеет. Мы видим хаотичную сетку следов при равномерной поверхностной заполировке (рис. 2: 4) – рукояточный износ (общий, недифференцированный неутилитарный износ; Гиря, 2015, с. 255). Микроскопические особенности износа указывают на использование острий в работе с растительными материалами. Распространение следов и их расположение по поверхности изделий позволяют реконструировать кинематику движения при работе с остриями – это было вязание и плетение, при котором используемое сырьё свободно скользило и накручивалось вокруг инструментов.

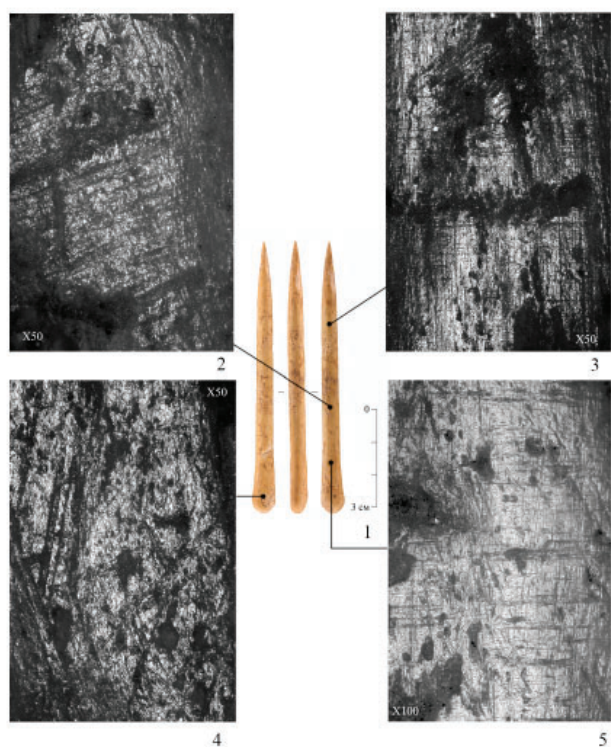

Рис. 2. Алгай (раскопки 2021г.). Острия. 1 – Тип. 1.1. 3, 5 – следы использования на поверхности орудия от работы с растительными материалами (ув. 50, 100); 2 – следы шлифовки на поверхности орудия (ув. 50); 4 – общий неутилитарный износ на рукояти (ув. 50).

Фото: Малютина А. А.

Fig. 2. Algai (2021 field season). Points. 1 – Type 1.1. 3, 5 – traces of use on the surface of the tool from working with plant materials (x50, 100), 2 – traces of grinding on the surface of the tool (x50), 4 – general non-utilitarian wear on the top of the handle (x50). Photo by A.A.Malyutina.

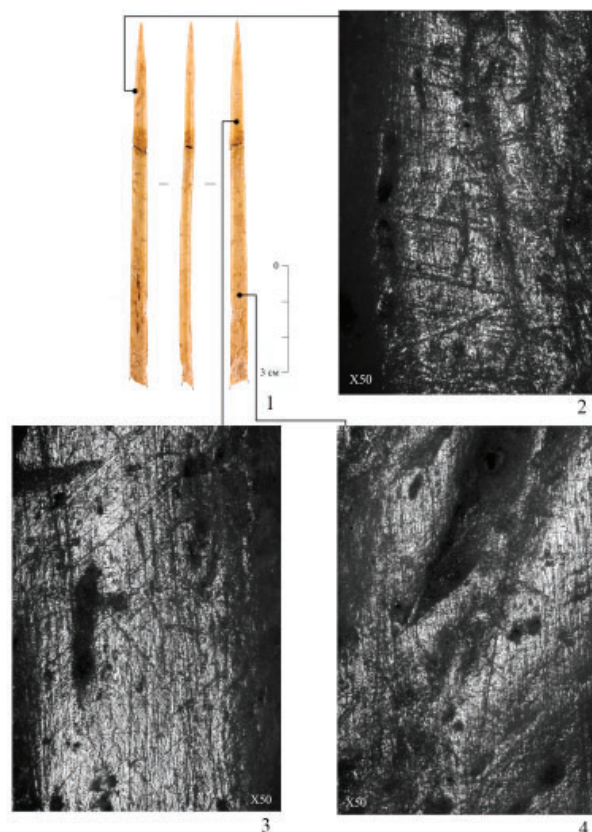
1. 2. Ко второму типу острий нами отмечено одно изделие из кости, изготовленное также на пластине (рис. 1: 3; рис. 3: 1). Отличительной особенностью данного изделия является подпрямоугольное сечение стержня от заостренного острия, до расширенного противоположного конца (рукояти). Износ на поверхности орудия также хорошо просматривается. В отличие от острий типа 1.1. линейные следы здесь фиксируются от практически самого кончика. Кончик острия, при этом, острый, т.е. прокалывания не было. Чуть ниже заостренного конца линейные следы приобретают регулярный характер, примыкая, главным образом, к боковым граням; заполировка интенсивная (с блеском) сглаживает рельеф кости (рис. 3: 2). Многочисленные линейные следы в виде однонаправленных, поперечных или под наклоном к оси изделия, царапин с рваными бортами фиксируются затем по всей

длине орудия (рис. 3: 3). Ближе к широкому концу, характер износа меняет свои особенности, что позволяет интерпретировать эту часть орудия как рукоять (рис. 3: 4). В целом, как и в случае с остриями типа 1.1. мы можем говорить об использовании изделия при работе с растительными материалами.

1. 3. Третий тип острий, представленный в одном экземпляре, изготовлен из пластины, извлеченной по пазам из стенки диафиза длинной трубчатой кости (рис. 1: 4). Заготовка в данном случае, посредством шлифовки и строгания, затачивалась на два конца. Один конец имеет округлое сечение, а противоположный трапецевидное. В центральной

Рис. 3. Алгай (раскопки 2021 г.). Острия. 1 – Тип 1.2. 2, 3 – следы использования на поверхности орудия от работы с растительными материалами (ув. 50); 4 – общий неутилитарный износ на рукояти (ув. 50). Фото: Малютина А. А.

Fig. 3. Algai (2021 field season). Points. 1 – Type 1.2. 2, 3 – traces of use on the surface of the tool from working with plant materials (x50); 4 – general non-utilitarian wear on the handle (x50). Photo by A.A. Malyutina.

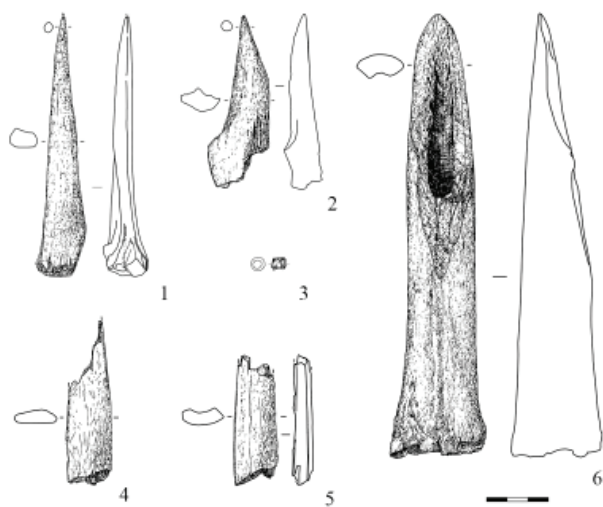

Рис. 4. Приозерная. Изделия из кости. 1, 2 – остря; 3 – заготовка (украшения-пронизки); 4 – шпатель (или лоцило); 6 – наконечник копья.

Рисунок: Малютина А. А.

Fig. 4. Priozerная. Bone items. 1, 2 – points; 3 – semi-finished product (ring-pendant); 4 – spatula (or polisher); 6 – spearhead. Drawing by A.A. Malyutina

части остриё имеет подтреугольное сечение. Поверхность изделия эродирована и следов использования обнаружено не было.

2. Плоское изделие с выделенным симметричным сужением. Один предмет представляет собой тонкую пластину (толщина до 2-3 мм), вырезанную из ребра небольшого животного (рис. 1: 5). У пластины на одном конце оформлено симметричное сужение, близкое по оформлению к наконечникам стрел, но толщина пластины не позволяет однозначно относить его к этой категории охотничьего вооружения. С обеих сторон пластина имеет сломы. Поверхность предмета эродирована, следов обработки и использования не обнаружено.

3. Украшение-пронизка. В одном экземпляре представлена категория украшений. Из трубчатой кости птицы изготовлена довольно крупная (длина 33 мм) пронизка (рис. 1: 6). Фаски срезов, по которым фрагмент кости был извлечён из диафиза кости, зашлифованы и заполированы последующим использованием. В фасках срезов обнаружены красноватые микрочастицы, которые, скорее всего, являются остатками краски из охры.

Приозерная. Категории изделий. Морфология, технология и функция

Представлены 7 предметами, изготовленными из длинных трубчатых костей, рёбер животных и костей птиц.

1. Острия. В эту категорию отнесены два предмета (рис. 4: 1, 2). Заготовкой для одного орудия послужил фрагмент грифельной кости лошади (здесь и далее определения Н. В. Росляковой), у которой был сохранён

эпифиз, а на диафизе при помощи строгания было заточено овальное в сечении рабочее остриё (рис. 4: 1). Второе изделие изготовлено на фрагменте раскалывания/ расщепления диафиза левой берцовой кости лошади, у которого на одном конце строганием было оформлено округлое в сечении остриё (рис. 4: 2). На обоих предметах были прослежены слабо выраженные участки с заполировкой по рабочим остриям, но для точной характеристики обрабатываемого материала данной информации недостаточно.

2. Шпатель (или лоцило). Анализ поверхности одного небольшого фрагмента ребра некрупного животного без следов видимой специальной обработки (рис. 4: 4), выявил наличие на одной стороне плохо сохранившихся следов использования в виде участков с заполировкой и регулярными однонаправленными линейными следами. Данные следы, как и использование рёбер без существенной обработки, характерны при заглаживании поверхности глиняной посуды (Гречкина и др., 2020). Однако плохая сохранность следов не позволяет более точно определить этап формовки (влажная глина или уже подсушенная).

3. Наконечник копья. Одним экземпляром на стоянке был найден целый наконечник. Он сделан из правой плюсовой взрослой лошади (рис. 4: 6; рис. 5: 1). Дистальный эпифиз кости был отбит посредством, судя по всему, прямого удара в кость, и, затем, на диафизе строганием/ скоблением было заточено асимметрично скошенное остриё. В торце сохранённого проксимального эпифиза было специально пробито и прорезано отверстие для фиксации деревянного насада. На острие хорошо сохранились следы использования: крупные линейные царапины продольно, прямо и под наклоном, отходящие от кончика острия, сколы утилизации и забитость кромки, умеренная заполировка (рис. 5: 2). Совокупность признаков (линейные следы и сколы образовались в результате ударов в грунт – накалывание рыбы или охота на животных).

Рис. 5. Приозерная. 1 – наконечник копья из кости; 2 – макроскопические следы износа на острие.

Фото: Малиютина А. А.

Fig. 5. Priozernaya. 1 – bone spearhead; 2 – macroscopic traces of wear on the point. Photo by A.A Malyutina.

указывает на то, что предмет использовали в качестве наконечника копья.

Заготовка. Небольшой фрагмент трубчатой кости мелкого млекопитающего – цилиндр, извлечённый по пазам, является заготовкой украшения-пронизки (рис. 4: 3). Фаски прорезанных пазов не зашлифованы и не имеют выраженной заполировки – результата трения об одежду.

Ещё два костяных фрагмента имеют следы обработки в виде шлифовки и резания (рис. 4: 5), но следов использования на них обнаружено не было.

Обсуждение

Инвентарь из кости и зубов орловской неолитической культуры раннего неолита по данным раскопок стоянки Алгай I (южный участок) включает такие категории, как: проколки, ложила, лопаточки и тупики для волососгонки, украшения в виде подвесок из зубов и пронизок из трубчатых костей птиц (технично-функциональные-морфологические определения приводятся согласно авторам исследований: Выборнов и др., 2018). Раскопки 2021 г. центрального участка Алгай-Орошаемое дополнили этот перечень, а проведённое трасологическое исследование позволило установить функции некоторых орудий этого ранне-неолитического комплекса. В целом, инвентарь из твёрдых органических материалов памятника Алгай близок материалам Варфоломеевской стоянки (Килейников, Юдин, 1993; Юдин, 2004;

Юдин, 2023). Так, категория острий со стоянки Алгай имеет много общего (технология изготовления, использование) с аналогичными изделиями со стоянки Байбек в Северном Прикаспии (Гречкина и др., 2020, с. 134, рис. 1: 8, 10, 11), с Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004, с. 92, рис. 1, 3-6), с поселения Ракушечный Яр в Нижнем Подонье (Мэгро и др., 2023). Если выходить дальше, за границы Нижнего Поволжья и Северо-Западного Прикаспия, можно сказать, что острия данного технико-морфологического облика (изготовленные на пластинах из длинных трубчатых костей, с обработкой шлифовкой, с двумя или одним остриём на концах) являются распространённой чертой культур неолита Закавказья (например, некоторые: Taha, 2014; Badalyan et al., 2022; Chataigner et al., 2022), и, если двигаться дальше, то и культур раннего неолита Передней Азии (например, некоторые: Camrana, 1989; Le Dosseur, 2006; Sidéra, 2012; Paul et al., 2022). В позднем неолите нижнего Поволжья острий данного типа уже нет, что видно на примере материалов стоянки Приозерная.

Комплексы костяных изделий стоянок Алгай (раскоп 2021 г.) и Приозерная разные между собой и аналогии некоторым предметам также находятся в разных культурно-исторических обществах. Если мы обратимся к поиску аналогий наконечнику копья из почти целой метаподии с Приозерной, то обнаружим иной контекст. Данный тип охотничьего вооружения (по классификации М. Г. Жилина – Категория С. Наконечники колющих копий – С. I. 1. 2. Втульчатые со срезанным остриём; (Жилин, 2021, с. 39) представлен на памятниках мезолита-раннего неолита лесной зоны Восточной Европы и по мнению М. Г. Жилина предназначен для нанесения глубоких колотых ран в теле животного. Наконечник копья с Приозерной отличается от описанных М. Г. Жилиным системой фиксации древка (через прорезанное небольшое отверстие в эпифизе у артефакта с Приозерной в отличие от широко раскрытого эпифиза у мезолитических копий). Копья из почти целых метаподий редки в неолите. Одно похожее изделие нам удалось найти по публикациям в материалах неолитической стоянки Сахтыш II (Гадзяцкая, 1966, с. 23, рис. 9: 18). Вероятно, продолжение этого поиска даст ещё некоторые похожие изделия. Надо отметить, что предметы охотни-

чьего вооружения (наконечники стрел, копий и пр.) из кости или рога, в целом, не характерны для раннего неолита нижнего Поволжья или нижнего Подонья. Утилитарному или неутилитарному инвентарю из твёрдых органических материалов в этот культурно-исторический период отводятся специфические функции (сочетание морфологии изделий с технологией): остря/проколки, массивные рубящие орудия из рога, лопаты, шпатели, украшения.

Следует отметить, что в изученных комплексах не найдены заготовки для изготовления артефактов. Лишь один экземпляр

представлен на Приозерной. Нет и отходов производства. Можно предположить, что это объясняется относительно непродолжительным функционированием памятника, и артефакты оказались на стоянке уже в готовом виде.

Таким образом, несмотря на редкость нахождения на памятниках позднего каменного века степного Поволжья изделий из твёрдых органических материалов, их зачастую плохую сохранность, их детальный анализ (типология, технология, функция) приносит новую и интересную для реконструкции древних культур региона информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А., Юдин А.И., Барацков А.В., Дога Н.С., Попов А.С., Курбатова Л.А., Гилязов Ф.Ф. Исследование в Александрово-гайском районе Саратовской области в 2017–2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 16 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2018. С. 1–77.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А., Платонов В.И., Попов А.С., Рослякова Н.В., Юдин А.И. Изучение стоянки Алгай в степном Поволжье в 2021 году // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 131–151. <https://doi.org/10.55355/snv2022113201>

Гадзяцкая О.С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 16–26.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 6–22. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.1>

Гречкина Т.Ю., Малютина А.А., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Костяные изделия неолитической стоянки Байбек // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 132–144.

Жилин М.Г. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 180 с.

Семёнов С.А. Первобытная техника / МИА. № 54. М.; Л.: АН СССР, 1957. 240 с.

Килейников В.В., Юдин А.И. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Вып. 1. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 63–86.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Мэгро Й., Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Ранненеолитический комплекс костяных и роговых изделий п. Ракушечный Яр: технологические стратегии и функциональный контекст // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. Вып. 4. С. 35–44.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки как один из маркеров орловской неолитической стоянки // Археологические записки. Вып. 11. / Отв. ред. А.В. Цыбрий. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2023. С. 56–74.

Badalyan, R., Chataigner, C. and Harutyunyan, A. (eds.). The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia), Excavation seasons 2004-2015. Oxford: Archeopress Archaeology, 2022. 316 p.

Campana, D.V. Natufian and protoneolithic bone tools: the manufacture and use of bone implements in the Zagros and the Levant. Oxford, 1989. 156 p. (BAR International Series; vol. 494).

Chataigner, C., Badalyan, R., Christidou, R. Neolithic bone tools from Aknashen // The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004-2015. Archaeopress Publishing Ltd., 2022. P. 195–211.

Fernández-Jalvo, Y., Andrews, P. Atlas of taphonomic identifications. 1001+ images of fossil and recent mammal bone modification. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2016. 359 p.

Le Dosseur, G. La Néolithisation au Levant Sud à travers l'exploitation des matières osseuses. Etude techno-économique de onze séries d'industries osseuses du Natoufien au PPNB récent. Thèse de Doctorat. Paris I Panthéon Sorbonne. 2006.

Maigrot, Y. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, la station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France). PhD thesis. University of Paris I. Paris, 2003. 284 p.

Marreiros, J. M., Gibajo Bao, J. F., Bicho, N. F. Use-wear and residue analysis in archaeology. Springer International Publishing Switzerland, 2015. 223 p. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-08257-8_1

Paul, J. W., Sivil, C., Çevik, Ö. The Neolithic worked bone assemblage from Ulucak Höyük, Western Anatolia // Documenta Praehistorica, Vol. XLIX. 2022. P. 2–13.

Sidéra, I. Nouveau regard sur la néolithisation. Les industries osseuses de l'Anatolie au Bassin parisien via la Méditerranée. De Boccard, 2012. 106 p.

Taha, B. A preliminary study on the Neolithic bone tools from Kamiltepe (Azerbaijan, Caucasus) // An Overview of the Exploitation of hard Animal Materials during the Neolithic and Chalcolithic. Proceedings of the GDRE PREHISTOS Work-Session in Targoviste, Romania, November 2013. 2014. P. 43–56.

Информация об авторах:

Малютина Анна Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Экспериментально-трассологической лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); kostylanya@yandex.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Гречкина Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, начальник отдела археологии АГУ АО «Научно-производственное учреждение «Наследие» (г. Астрахань, Россия); grechkina54@mail.ru

REFERENCES

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Barackov, A. V., Doga, N. S., Popov, A. S., Kurbatova, L. A., Gilyazov, F. F. 2018. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 16. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 1–77 (in Russian).

Vybornov, A. A., Vasilieva, I. N., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Kul'kova, M. A., Platonov, V. I., Popov, A. S., Roslyakova, N. V., Yudin, A. I. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 11 (3), 131–151 (in Russian).

Gadzyatskaya, O. S. 1964. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 106. Moscow: "Nauka" Publ., 16–26 (in Russian).

Girya, E. Yu. 2015. In Lozovskaia, O. V., Lozovskii, V. M., Girya, E. Yu. (eds.). *Sledy v istorii. K 75-letiu Viacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo (Traces in History: towards the 75th Anniversary of Vyacheslav Shchelinsky)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 232–268 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A. 2023. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otshoeniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4 (28), 6–22 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Malyutina, A. A., Vybornov, A. A., Lebedev, Yu. S. 2020. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 9, no 2 (31), 132–144 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2021. *Funktsional'naya klassifikatsiya predmetov vooruzheniya iz kosti i roga v mezolite lesnoy zony Vostochnoy Evropy (Functional classification of weapons made of bone and antler in the Mesolithic forest zone of Eastern Europe)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kileinikov, V. V., Yudin, A. I. 1993. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saratov: Saratov State University, 63–86 (in Russian).

Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Maigrot, Y., Mazurkevich, A.N., Dolbunova, E.V. 2023. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (51) 4, 35–44 (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Yudin, A. I. 2023. In Tsybrii, A. V. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 11. Rostov-on-Don: “Altair” Publ., 56–74 (in Russian).

Badalyan, R., Chataigner, C. and Harutyunyan, A. (eds.). 2022. *The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia), Excavation seasons 2004-2015*. Oxford: Archeopress Archaeology.

Campana, D.V. 1989. *Natufian and protoneolithic bone tools: the manufacture and use of bone implements in the Zagros and the Levant*. Oxford.

Chataigner, C., Badalyan, R., Christidou, R. 2022. In *The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004-2015*. Archaeopress Publishing Ltd., 195–211 (in English).

Fernández-Jalvo, Y., Andrews, P. 2016. *Atlas of taphonomic identifications. 1001+ images of fossil and recent mammal bone modification*. Dordrecht: Springer Science+Business Media.

Le Dosseur, G. 2006. *La Néolithisation au Levant Sud à travers l'exploitation des matières osseuses. Etude techno-économique de onze séries d'industries osseuses du Natoufien au PPNB récent*. Thèse de Doctorat. Paris I Panthéon Sorbonne.

Maigrot, Y. 2003. *Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, la station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France)*. PhD thesis. University of Paris I. Paris.

Marreiros, J. M., Gibajo Bao, J. F., Bicho, N. F. 2015. *Use-wear and residue analysis in archaeology*. Springer International Publishing Switzerland. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-08257-8_1

Paul, J. W., Sivil, C., Çevik, Ö. 2022. In *Documenta Praehistorica* (XLIX), 2–13.

Sidéra, I. 2012. *Nouveau regard sur la néolithisation. Les industries osseuses de l'Anatolie au Bassin parisien via la Méditerranée*. De Boccard.

Taha, B. A. 2014. In *An Overview of the Exploitation of hard Animal Materials during the Neolithic and Chalcolithic. Proceedings of the GDRE PREHISTOS Work-Session in Targoviste, Romania, November 2013*, 43–56 (in English).

About the Authors:

Malyutina Anna A., Candidate of historical sciences, researcher, Laboratory of the Experimental Traceology, Institute for the history of material culture Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation); kostylanya@yandex.ru

Vybornov Aleksandr A., Doctor of historical sciences, professor of Domestic History and Archeology Department; Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru.

Grechkina Tatiana Yu., Candidate of historical sciences, Head of the Department of Archaeology, Nasledie Scientific and Production Institution (Astrakhan, Russian Federation); grechkina54@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.52.59>

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ СТАТУСЕ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

©2024 г. А.С. Кудашов

В представленной статье разбирается аспект о культурной принадлежности Марийских памятников, относимых исследователями к раннему неолиту. Проводится анализ имеющихся версий относительно происхождения традиции. Сравниваются и хронологически близкие комплексы, которые могли бы воздействовать на лесное Среднее Поволжье. Приводимые отличительные черты на памятниках Подонья, Приднепровья, Верхнего, а также Нижнего Поволжья не позволяют объединять их с материалами лесного Среднего Поволжья. Основным ранненеолитическим компонентом для сопоставления является керамика. Традиция ее изготовления и типологически и технологически близки к елшанскому ареалу гончарных навыков. При этом, отмечаемые в начальной стадии неолита интересующего региона группы керамики, имея сходства с лесостепным Поволжьем, представляют собой неодинаковые комплексы. Если неорнаментированная посуда близка луговскому типу, то керамика, украшенная наколами находят аналогии в ранней средневожской культуре. Найденный сосуд елшанского типа может характеризовать связь регионов и немногим более древнее вышеуказанных традиций. Все это позволяет выдвинуть предположение о включении Марийских ранненеолитических материалов в северную периферию поздней елшанской и ранней средневожской культуры.

Ключевые слова: археология, Марийское Поволжье, ранний неолит, культурная атрибуция, керамика, орудийный набор, хронология, елшанская культура, средневожская культура.

TO THE QUESTION OF THE CULTURAL STATUS OF EARLY NEOLITHIC SITES IN THE FOREST MIDDLE VOLGA REGION²

A.S. Kudashov

The presented article examines the aspect of the cultural affiliation of the Mari sites, attributed by researchers to the Early Neolithic. The existing theories regarding the origin of the tradition are analyzed. Chronologically similar formations that could impact the forest Middle Volga region are also compared. The distinctive features on the monuments of the Don, Dnieper regions, Upper and Lower Volga do not allow uniting them with the materials of the forest Middle Volga. The main Early Neolithic component for comparison is pottery. The tradition of its production is both typologically and technologically close to the Elshanka area of pottery skills. At the same time, the ceramic groups noted in the initial stage of the Neolithic of the region of interest, having similarities with the forest-steppe Volga region, represent different complexes. If the unornamented ware is extremely close to the Lugovoy type, the pottery decorated with pins find analogies in the Early Middle Volga culture. The found vessel of the Elshanka type may characterize the relationship of the regions and is slightly older than the above formations. All this suggests the inclusion of Mari Early Neolithic materials in the northern periphery of the late Elshanka and early Middle Volga traditions.

Keywords: archaeology, Mari Volga region, early Neolithic, cultural attribution, pottery, tool set, chronology, Elshanka culture, Middle Volga (Srednevolzhskaya) culture.

Определение культурной принадлежности памятников является одной из главных в деятельности археолога. В лесном регионе Среднего Поволжья нам известны ранне-неолитические стоянки, которые содержат материалы и более позднего периода. Данный аспект несет с собой определенные трудности, поскольку нет стратиграфических

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

² The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23–78–10088 “Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region”

подтверждений распределения находок. При этом, культурная атрибуция требует многоаспектного анализа и сравнения с потенциально родственными коллективами соседних регионов.

С начала систематического изучения неолита в Марийском Поволжье выдвигалось несколько предположений о культурной принадлежности. А.Х. Халиков, а также В.П. Третьяков видели связь с днепро-донецкими древностями (Халиков, 1969; Третьяков, 1972). Одна из версий исходила из происхождения керамической традиции с территории Среднего Дона (Никитин, 1985; Никитин, 1996). Именно появление посуды является основным маркером неолитизации в лесной зоне (Ошибкина, 1996). Однако, посуда Подонья, с которой исследователь связывал марийские материалы, имеют ряд существенных отличий. Ранненеолитические сосуды Дубовских, Отарских, Сутырских, Сокольных стоянок представляют собой небольшие прямостенные банки (без орнамента с рядом сквозных отверстий или накольчатые) с плоским (или плосковогнутым) дном, подлощенные снаружи. Наколы, применявшиеся в орнаментации, преимущественно треугольной или округлой формы. Часто они составляют простые мотивы, но в некоторых случаях усложнены. Современные данные о среднедонской культуре иллюстрируют различия как в системе орнаментации (геометризм), так и в конструировании (форма дна), и в обработке поверхности (Скоробогатов и др., 2016; Сурков, 2019). Сравнение с керамикой раннего неолита Верхнего Подонья (карамышевская культура) позволяет выделить несколько сходств и отличий (Смолянинов, 2020). К последним относится процент профилированных сосудов, наличия острого дна у сосудов, а также наличие расчесов на накольчатой посуде у лесостепных коллективов (Кудашов, 2017).

При этом, ряд схожих параметров марийских и карамышевских материалов дополняется результатами технико-технологического анализа керамики (Васильева, Выборнов, 2015; Васильева, 2017). В обоих регионах в раннем неолите ведущим сырьем была илестая глина (в основном, тощая). В состав формовочной массы вводился органический раствор, шамот или шамот обожжённая глина. Не встречено в лесной зоне добавление песка, в отличие от Подонья. Прослеживаемая связь тради-

ции изготовления керамики в среде карамышевских коллективов с елшанским кругом гончарных традиций, уводит корни ее в лесостепное Поволжье. Возможно, неолитизация Марийского края и Верхнего Дона связана с одним исходным центром.

Здесь же стоит упомянуть о развитии В.В. Никитиным темы о связях вышеуказанных регионов в контексте происхождения производящего хозяйства. Специалист, основываясь на определении домашних особей по костям с Отарской VI и Дубовской III стоянок, предполагал скотоводство уже в раннем неолите, причем именно с территории Подонья (Никитин, 1996. С. 106; Петренко, 2007). Данное утверждение не находит достаточных аргументов. Особенно, если учесть результаты палинологического анализа почвы марийских стоянок, показавшего типичные признаки лесной зоны в позднем каменном веке (Андреев и др., 2020). Необходимо добавить, что проанализированные костные останки происходят с многокомплексных поселений как в лесном Среднем Поволжье (Никитин, 2011), так и в Подонье (Левенок, 1967). Если говорить о данных по производящему хозяйству, то на сегодняшний день имеются сведения в степном Поволжье (Выборнов и др., 2016б). Однако, определяемые кости животных как домашние виды связаны с чистым энеолитическим слоем. Но и в последнем случае речь идет о зарождении скотоводства и выделяются единичные особи, в то время как В.В. Никитин в аргументации приводил более высокие показатели по количеству и разнообразию видов (Никитин, 2011, с. 139).

Исследователями предполагалось включение ранненеолитических материалов Марийского Поволжья в северную часть средневожской культурной традиции (Васильев, Выборнов, 1988). Обосновывалось это сходством в типологии сосудов, системе орнаментации. В дальнейшем добавлялось, что неолитизация лесного региона связана с посудой луговского типа, которая имеет хронологический приоритет над накольчатой (Выборнов, 2008). Взаимодействие поздних елшанских традиций с ранними средневожскими отразилось в группе керамики с наколами в Марийской низине. Среди общих черт комплексов можно выделить обработку внешней и внутренней поверхностей, форму венчиков и донцев, прямостенность посуды, верх-

нюю и нижнюю треть сосуда как наиболее частую зону заполнения орнаментом (преимущественно треугольный, а также овальный накол). Говоря о территориальной близости - речные пути в неолите были объединяющими факторами. С точки зрения маршрута продвижения из лесостепного Среднего Поволжья в лесное отмечается цепочка памятников с интересующей посудой. Это Ивановка, Большая Раковка II, Красный Городок, Лебяжинка IV Ильинка в Самарском, далее Луговое III, Лебяжье I, Мелекесс II, Елшанка X, XI в Ульяновском и Щербетская II и Тетюшская IV в Приказанском Поволжье. Технично-технологический анализ керамики, проведенный по материалам сопоставляемых регионов, установил связь средневожских и марийских традиций к одному ареалу – елшанскому (Васильева, Выборнов, 2015).

Радиоуглеродные даты лугового типа максимально близки марийским по неорнаментированной керамике (Выборнов, Никитин, 2016). Три ранних определения по Дубовскому III (7000±150 ВР и 6892±40 ВР - керамика) Отарской VI (6700±40 ВР - уголь) сопоставимы (в том числе с поправками) с датировками Красного Городка (6730±100 ВР), Ильинки (6740±70 ВР) Лугового III (6700±100 ВР), Елшанки XI (6820±90 ВР – все керамика). Определения, связанные с накольчатыми сосудами средневожской культуры показали ее распространение в лесостепном Поволжье с первой четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2016а). Таким образом, хронологический аспект укрепляет предположения, сделанные выше.

Высказывалось предположение и о культурных связях накольчатых марийских материалов с Поднепровьем (Вискалин, 1999. С. 8-15). Однако, в Марийском Поволжье посуда имеет слабосопоставимые с вышеуказанным регионом параметры (форма сосуда, дна и т.д.). Кроме того, не ясны транзитные пункты с устойчивым набором признаков в материальной культуре, через которые керамика могла связывать обе территории.

Позднее, В.В. Никитин предложил включить марийские и верхневожские материалы в одну общность (Никитин, 2002. С. 303). Аргументация опиралась на сходство хозяйственного уклада и материальной культуры. Однако, в верхневожской культуре исследователи определяют несколько этапов (Косты-

лева, 1994; Цетлин, 2008). Наиболее близкими керамическим комплексам лесного Среднего Поволжья являются комплексы волго-окской культуры (этапа). Последняя характеризуется посудой с тычковым орнаментом или без такового. Выделяется она и по особенной технологии изготовления. К ранней относят и сосуды с накольчатым орнаментом, первостепенным элементом которого является подовальная, а реже треугольная форма. Мотивы представлены как более простые, так и более сложные (Лозовский и др., 2014). Венчики прямые (срез плоский/округлый), отмечаются и сквозные отверстия на них. Преимущественно плоскими являются донца.

Объединять материалы Средней и Верхней Волги не представляется возможным по нескольким причинам. Если ранние марийские сосуды имеют толщину в пределах 0,4-0,9 см (с пиком в рамках 0,5-0,7 см), то в более западном регионе эти границы определяются 0,6 – 1,1 см. В лесном Среднем Поволжье на всех памятниках наиболее часто встречающимся элементом является треугольный отступающий/разреженный накол. С другой стороны, на раннем этапе верхневожской культуры, очевидно, превалирует овальная (или тычковая) форма. Кроме того, относительно приемов в орнаментации замечен еще один отличительный признак. Процент насечек на посуде марийского края не превышает (в среднем) 7%. На западе данный показатель вырастает почти до 13,5%. С точки зрения технологии изготовления очевидным отличием является наличие в верхневожской керамике раковины (причем видимых и в больших количествах). Рецепты в традиции конструирования сосудов считаются консервативной чертой коллективов.

Если сравнивать материалы раннего этапа верхневожской культуры, то можно заметить некоторые сходства как с марийскими, так и с наиболее древними средневожскими комплексами. На поздних этапах выявляются такие различия как остродонность, нанесение гребенчатого и зубчатого штампов, геометрия орнамента и др.

К сопоставлению необходимо привлечь и каменный инвентарь комплексов лесной зоны. Проведенное сравнение ранне-неолитических марийских и верхневожских коллекций указало на некоторые отличия (Кудашов, 2023). Последние кажутся весьма важными,

так как природно-географическая среда у населения была схожей. Выделенные нуклеусы на Верхней Волге преимущественно призматические, в то время как на Средней не менее часто встречаются аморфные сильно сработанные ядрища. Представленные перфораторы более западных областей - симметричные острия, а также и с плечиками (Цветкова, 2019). На марийских памятниках с уверенностью можно определить только первый тип. Различия видны и в наконечниках - треугольно-черешковые и иволистные формы характерны для лесного Среднего Поволжья. Рассматривая деревообрабатывающие орудия, можно множество шлифованных топоров и тесел, а также и вероятное появление долот на ранних памятниках Марийского края. В верхневолжской культуре не представлены утюжки, которые встречаются восточнее. Все это добавляет аргументы о серьезных различиях двух сравниваемых традиций.

В.В. Никитиным было высказано предположение о включении ранненеолитических комплексов Марийского Поволжья в рамки орловской культуры степного Поволжья. Исследователь считал, что «устойчивая традиция производства лепной глиняной посуды... уводит к своим истокам в низовье р. Волги. Наиболее сопоставительные материалы там представлены комплексом нижнего слоя Варфоломеевской стоянки орловской культуры». И добавляет, что «анализ керамических комплексов двух регионов (лесного и степного Поволжья) указывает на прямое продвижение степного населения в северные районы и внедрение его в культуру местного мезолитического населения» [Никитин, 2011. С. 150]. Однако, кроме выделенных специалистом отличий (сложность орнамента и рецептура формовочных масс), имеющих в степном и лесном Поволжье, стоит прибавить еще целый ряд. Это весьма небольшие размеры сосудов в лесном Среднем Поволжье, их тонкостенность и лощение внешней поверхности, наличие под срезом венчика ямочных вдавлений, доля прикрытых сосудов. Также определено отсутствие на Марийских памятниках донцев плосковыпуклой формы, а в орнаменте длинных прямых прочерков, при этом в степной зоне выделяется значительный процент посуды, украшенной ногтевидными насечками. В этой связи представляется, что керамика орловской культуры Нижнего

Поволжья типологически не близка той, что найдена на Дубовских, Отарских, Сутырских, Сокольных и других лесных стоянках.

Разработка вопроса продолжилась и в дальнейшем. В.В. Никитин видит необходимость в выделении дубовско-отарской культуры, которая представляется им отдельным образованием (Никитин, 2013). Говоря о данном статусе, исследователь приводит отличия, которые имеются в марийских ранненеолитических комплексах, не позволяющих включить ни в одну из культур. Различия с средневолжской культурой заключаются, по мнению специалиста, в следующем. Отсутствие гребенчатых оттисков штампа на керамике марийских памятников. На ранненеолитических сосудах лесной зоны Среднего Поволжья данного орнамента мы действительно не отмечаем вплоть до первой четверти V тыс. до н.э. Справедливо заметить, что и в лесостепном Поволжье гребенчатый штамп появляется на развитом этапе. Другим примером культурных отличий для В.В. Никитина является и отсутствие в лесной зоне конических днищ. Однако, рассматривая накольчатую посуду средневолжской культуры, мы также обнаруживаем плоскодонную форму (Выборнов, 2008).

Таким образом, выделение особой культуры в раннем неолите интересующего региона, на сегодняшний день, автором данной статьи считается не вполне обоснованным. Если говорить о накольчатых комплексах лесостепи и леса Среднего Поволжья, большие сходства мы замечаем именно на ранних этапах. В Марийском Поволжье, видимо, происходит некоторая консервация этих традиций, а позднее развитие уже под влиянием других факторов. К последним можно причислить контакты (по датировкам с начала V тыс. до н.э.) с западными (носителями ямочно-гребенчатой посуды) и восточными (камская культура) коллективами. Это и отражается в особой ямочно-накольчатой посуде с одной стороны и проявлении изменений в рецептуре (в качестве ИПС - глина) с другой.

В ходе работ последних лет был найден сосуд елшанского типа на стоянке Сокольный XII. Эта находка позволяет предполагать о более раннем, нежели время луговского типа, знакомстве в Марийском Поволжье с керамикой. Это изделие с внешне подлощенной и внутренне заглаженной поверхностью

с расширенным туловом и плоским дном, а также с плоским срезом венчика. Сенки толщиной 0,8 – 1,1 см орнаментированы прочерченными линиями в виде кривой решетки. Под срезом венчика отмечается сверленное отверстие. Данная находка еще раз подтверждает мысль о связях лесостепного и лесного Поволжья в раннем неолите, а также иллюстрирует длительность этих контактов.

Сопоставление неорнаментированной керамики Марийского Поволжья с посудой луговского типа, а накольчатой традиции с материалами ранней средневолжской культуры, дает сходные показатели в типологии, технологии, а также по радиоуглеродным определениям. Передвижение населения с юга на северо-запад отмечается присутствием стоянок со сходной посудой в Самарском, Ульяновском Поволжье и на территории

Республики Татарстан (пример Щербетской II стоянки). При этом, в дальнейшем развитии Марийские комплексы отразят и некоторое своеобразие.

Таким образом, набор аргументов, существующий на сегодняшний день, дает основания предполагать следующее. Ранне-неолитические марийские памятники можно рассматривать как северную периферию поздней елшанской (луговской) культурной традиции. При этом, вероятно, не стоит отрицать возможность и чуть более ранних контактов населения лесостепного и лесного регионов. Группа же накольчатой керамики, распространяющаяся в интересующем регионе немногим позднее и отражает специфические черты ранней средневолжской культуры в керамическом производстве и может представлять собой локальный ее вариант.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 64–83.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Науч. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 68–98.

Васильева И.Н. Гончарная технология ранне-неолитического населения Подонья. // Самарский научный вестник. Т. 6. №3 (20). 2017. С. 109–123.

Вискалин А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016а. С. 74–96.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Выборнов А.А., Ойнонен М., Дога Н.С., Кулькова М.А., Попов А.С. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016б. Т. 21. № 3. С. 7–13.

Костылева Е.Л. Ранне-неолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Трида, 1994. С. 53–57.

Кудашов А.С. Сравнение ранне-неолитической керамики Марийского Поволжья и Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2017. С. 53–54.

Кудашов А.С. О ранне-неолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 263–270.

Левенок В.П. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком // КСИА. Вып. 111 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 116–120.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Зайцева Г.И., Поснерт Г., Кулькова М.А. Комплекс верхневолжской керамики раннеолитического слоя стоянки Замостье 2: типологический состав и хронологические рамки // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 122–136.

Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9. / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 57–81.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Черных И. Н. Тверь: Триада, 2002. С. 295–302.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2 (3). С. 11–17.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Поснерт Г. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 244–260.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк; Саратов: Десятая Муза, 2020. 399 с.

Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж: ВГПУ, 2007. 122 с.

Третьяков В.П. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 131 / Отв. ред. И.Т. Кругликова М.: Наука, 1972б. С. 46–52.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М: Наука, 1969. 396 с.

Цветкова Н.А. Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге по результатам изучения каменной индустрии. // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 119–131.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

Информация об авторе:

Кудашов Александр Сергеевич, лаборант Научно-исследовательской части, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); alexandr.kudashov@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Aleshinskaya, A. S., Vasilyeva, I. N. 2020. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 64–83 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasilieva I. N., Vybornov A. A. 2015. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).

Vasilieva I. N. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 6, no 3 (20), 109–123 (in Russian).

Viskalin, A. V. 1999. *Pamiatniki nakol'chatoi keramiki Volgo-Kam'ia (Stroke-Ornamented Ceramics Sites in the Volga and Kama Area)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Nesterov, E. M. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 74–96 (in Russian).

Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 123–128 (in Russian).

Vybornov, A. A., Oinonen, M., Doga, N. S., Kulkova, M. A., Popov, A. S. 2016. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations)* 3 (21), 7–13 (in Russian).

Kostyleva, E. L. 1994. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 1. Tver: “Triada” Publ., 53–57 (in Russian).

Kudashov A. S. 2017. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 53–54 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 263–270 (in Russian).

Levenok, V. P. 1967. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131. Moscow: “Nauka” Publ., 116–120 (in Russian).

Lozovsky, V. M., Lozovskaya, O. V., Zaitseva, G. I., Posnert, G., Kulkova, M. A. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 8 (3), 122–136 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 57–81 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: “Triada” Publ., 295–302 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3 (2), 11–17 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 6–9 (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Smolyaninov, R. V., Surkov, A. V., Oinonen, M., Possnert, G. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 244–260 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Early Neolithic of the Upper Don: Monograph*. Lipetsk, Saratov: “Desyataya Muza” Publ. (in Russian).

Surkov, A. V. 2007. *Neoliticheskie pamyatniki Srednego Pokhoper'ya (Neolithic monuments of the Middle Khopyor region)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Tretyakov, V. P. 1972. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131. Moscow: "Nauka" Publ., 46–52(in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 8, no 3 (28), 119–131 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoi ravniny: ornamentatsiia keramiki i metodika periodizatsii kul'tur (The Neolithic of the Center of the Russian Plain: Pottery Decoration and Methods of Periodization of Cultures)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kudashov Alexander S., Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; aleksandr.kudashov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.60.68>

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УСТЬЯ КАМЫ¹

©2024 г. А.В. Сомов

В статье поднимается вопрос о культурной принадлежности неолитических комплексов Устья Камы. Выявленные здесь накольчатые и гребенчатые керамические комплексы первоначально были отнесены А.Х. Халиковым к волго-камской культуре. Однако позднее большинство исследователей стали относить эти коллекции к различным неолитическим культурам, имеющим разные истоки своего формирования. Так, накольчатая посуда находит аналогии в материалах южной части лесостепного Поволжья, в то время как гребенчатый комплекс связан с неолитическими коллективами Среднего и Верхнего Прикамья. При этом фиксируется не только их сосуществование (третья – последняя четверти VI до н.э.), но и прослеживается взаимодействие и смешение двух традиций: средневожских и камских. Вместе с этим при распространении гребенчатого штампа в лесостепном Поволжье продолжают доминировать устоявшиеся технологические способы конструирования сосудов. Аналогичная ситуация наблюдается в среде камского населения, где с появлением накольчатой системы (средневожской) орнаментации преобладают местные приемы изготовления посуды. Накольчатую керамику и посуду с насечками Устья Камы следует рассматривать в рамках волго-камской неолитической культуры. При этом не исключается обособление гребенчатых материалов от камской культуры и включения их в одну культуру с накольчатой посудой.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, лесостепь, неолит, историография, средневожская культура, волго-камская культура, камская культура, керамика, технико-технологический анализ

ABOUT THE CULTURAL AFFILIATION OF THE NEOLITHIC MONUMENTS AT THE KAMA RIVER MOUTH²

A.V. Somov

The paper deals with the issues of the cultural affiliation of the Neolithic assemblages at the Kama River mouth. The stroked and combed pottery assemblages identified here were initially attributed by A.Kh. Khalikov to the Volga-Kama culture. But, later, most researchers began to attribute these collections to various Neolithic cultures with different origins. Thus, the stroked ware finds analogies in the materials of the southern part of the forest-steppe Volga region, while the combed one is associated with the Neolithic groups of the Middle and Upper Kama regions. Moreover, not only their coexistence (third - last quarter of the VI BC) is recorded, but also the interaction and mixing of two traditions: Middle Volga and Kama. At the same time, the spread of the combed stamp in the forest-steppe Volga region continues to be dominated by the established technological methods of vessel construction. A similar situation is observed among the Kama population, where, with the appearance of the stroked system (Middle Volga) of ornamentation, local methods of pottery manufacture prevail. The stroked ceramics and ware with impression in the Kama River mouth area should be considered within the Volga-Kama Neolithic culture. At the same time, the isolation of combed materials from the Kama culture and their inclusion in the same culture with stroked pottery is not excluded.

Keywords: Middle Volga region, forest-steppe, Neolithic, historiography, Middle Volga (Srednevolzhskaya) culture, Volgo-Kama culture, Kama culture, ceramics, technical and technological analysis

Вопрос о культурной принадлежности для начала необходимо представить высказанные ранее положения исследователей, в отечественной историографии является весьма неоднозначным. Поэтому, на наш взгляд, в чьих работах поднималась данная проблематика. Также следует оговориться, что в нашем

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

² The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10088 "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region".

исследовании основное внимание будет уделено лишь керамическому инвентарю. Это обусловлено тем, что в рассматриваемом регионе и на сопредельных территориях сведения о кремневой индустрии, типах жилищ и погребальных обрядах не всегда являются полными и зачастую они весьма противоречивы.

Впервые вопрос о культурной принадлежности данных материалов был поставлен А.Х. Халиковым (Халиков, 1969, с. 40). На основе имеющихся на тот момент данных (преимущественно из приустьевой части Камы) исследователь выделил волго-камскую культуру, которая, по его мнению, расширяла содержание камской культуры, как это было предложено О.Н. Бадером (Бадер, 1970, с. 157). Ее ранний период включает в себя три этапа: докерамический; раннекерамический (сосуды с закрытым горлом и коническими или плоскими (небольшими размерами) днищами, украшенные накольчатой орнаментацией в разряженной манере или ногтевидные насечки); к третьему этапу относятся котловидные сосуды с коническим дном, орнаментированные по всей поверхности треугольными наколами в отступающей манере или ногтевидными насечками, которые образовывали более сложные композиции, также на этом этапе появляется зубчатый штамп (Халиков, 1969, с. 38–64). Поздний период волго-камской культуры представлен двумя этапами, образованными вследствие внутреннего развития. Первый характеризуется сосудами схожих форм с ранним этапом, но с наличием наплыва на внутренней стороне венчика которые орнаментированы средnezубчатым штампом (до 40%) и шагающей гребенкой (до 25–40%) с сохранением традиции украшения насечками. Распространение получают гребенчато-ямочная орнаментация или разделение зон орнамента ямками. Во второй этап объединена посуда с более разнообразными и вытянутыми (полуяйцевидные очертания) формами, украшенная гребенчатым штампом и шагающей гребенкой с ямчатой орнаментацией. Наплыв встречается на более половине горшков. Распространяются сосуды с округлым днищем (Халиков, 1969, с. 75–84).

Представленная концепция развития населения Среднего Поволжья и периодизации волго-камской культуры были приняты Н.Н. Гуриной и использовались ей в предложенной схеме развития неолитических культур лесной

и лесостепной зоны Восточной Европы (Гурина, 1973). Однако, наряду с этим, несколько исследователей выразили иную точку зрения на культурную атрибуцию данных материалов.

Так, В.П. Третьяков предположил, что накольчатые (типа II Щербетской) и гребенчатые (типа Кабы-Копрынской) комплексы скорее являются разнокультурными, так как эти два типа орнамента существенно отличаются друг от друга и не могут свидетельствовать об их трансформациях в способах нанесения орнамента (Третьяков, 1972). Данная позиция была поддержана О.Н. Бадером, который относил гребенчатую и накольчатую посуду к разным неолитическим культурам (Бадер, 1973; 1981). Так, для их разграничения первая обозначалась камской культурой, а вторая рассматривалась в рамках волго-камской или средневожской культур.

Позднее Р.С. Габяшев, рассматривая накольчатые комплексы устья Камы, отмечает необходимость их выделения из комплексов камского типа в самостоятельную культурную (средневожскую) группу лесостепи, которая синхронизировалась с поздними этапами раннего периода волго-камской культуры по А.Х. Халикову и определялась первой половиной – серединой IV тыс. до н.э. (Габяшев, 1978а, с. 16; 1978б). Также исследователь отмечал определенное сходство накольчатых и гребенчатых комплексов, ввиду чего выдвинулась гипотеза о формировании данных орнаментальных традиций на местном мезолитическом населении, которое в последствии синхронно развивалось на одной территории в контакте друг с другом (Габяшев, 1976).

Со второй половины 70-х годов начинают проводиться систематические исследования неолитических памятников лесостепного Поволжья. В результате был выявлен комплекс накольчатой посуды, имеющий аналогии с усть-камскими (щербетскими) материалами волго-камской культуры (по А.Х. Халикову) или средневожской группой (по Р.С. Габяшеву). Вместе с этим исследователи отмечали своеобразные черты неолитических комплексов: они одновременно были близки южным (степным) и северным (лесным) неолитическими культурам. Это позволило выделить особую (лесостепную) линию развития неолитических коллективов Среднего Поволжья (Васильев и др., 1980, с. 185–186).

В конце 80-х годов XX века И.Б. Васильев и А.А. Выборнов представили собственную схему развития неолитического населения лесостепного Поволжья (Васильев, Выборнов, 1988). Накольчатую и зубчатую посуду данного региона исследователи рассматривали в рамках средневолжской культуры, тем самым дополняя и расширяя представленную ранее концепцию О.Н. Бадера. Накольчатые материалы южных комплексов лесостепной зоны и материалы Казанского и Марийского Поволжья, ввиду их значительного сходства, были включены в одну культурную группу с возможным выделением локальных вариантов.

Схожей точки зрения придерживается Л.А. Наговицин. Так, рассматривая проблему культурной принадлежности неолитических памятников Волго-Камья с гребенчатой и кольчатой керамикой, исследователь выделяет последнюю в качестве самостоятельного культурного типа. Вместе с этим материалы щербетского типа больше всего находят аналогии с посудой южной части лесостепного Поволжья (Ивановская, Виловатовская и др.). Ввиду этого появление кольчатой посуды на Нижней Каме связывают с продвижением коллективов из южных районов Среднего Поволжья, которая бытует одновременно с гребенчатой керамикой (Наговицин, 1988).

Предложенная И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым концепция была подвергнута критике со стороны Н.Л. Моргуновой. Сопоставляя кольчатую группу южной части лесостепного Поволжья с комплексами раннего (по А.Х. Халикову) или развитого (по Р.С. Габяшеву) этапа волго-камской культуры, исследователь приходит к выводу, что данные материалы хоть и имеют некоторые аналогии между собой, но в тоже время являются разнокультурными (Моргунова, 1984, с. 6–9). Также было отмечено, что материалы северной части лесостепи (Казанского и Марийского Поволжья), а также памятники Сурско-Мокшанского междуречья тяготеют более к лесной зоне, и поэтому вызывает возражение и термин «средневолжская» культура (Моргунова, 1997, с. 13; 2004, с. 221).

Позднее концепция выделения средневолжской культуры развивалась в трудах А.А. Выборнова. Проанализировав памятники северной части лесостепного Поволжья, он приходит к выводу о том, что материа-

лы II Щербетской и IV Тетюшской стоянок отражают прямое проникновение населения из южной части лесостепи и определяются ранним неолитом (Выборнов, 1992, с. 52–57), что в дальнейшем позволило отнести данные материалы к ранней (догребенчатой) фазе средневолжской культуры (Выборнов, 2008, с. 123).

Переменчивую позицию на культурную принадлежность материалов Казанского и Марийского Поволжья занимает В.В. Никитин. Сначала исследователь принимает концепцию И.Б. Васильева и А.А. Выборнова и включает кольчатую посуду Среднего Поволжья в одну культурную группу (Никитин, 1996, с. 112). Далее кольчатая посуда Марийского Поволжья в своем генезисе связалась с верхневолжской культурой, что позволяло их рассматривать в рамках волжской культурной общности (Никитин, 2006а), вместе с этим щербетский тип рассматривался им в рамках средневолжской культуры (Никитин, 2006б, с. 100). Позже произошло выделение марийских материалов в отдельную дубовско-отарскую культуру, ограниченную на востоке устьем Камы (Никитин, 2013, с. 16–17).

Другой подход к интерпретации неолитических кольчатых комплексов Волго-Камья был представлен А.В. Вискалиным. Им предложено пять культурно-территориальных групп кольчатой посуды: виловатовская; щербетская; татазибейская; нижнемарьяновская; чашкинская. При этом северные группы (щербетская, нижнемарьяновская и чашкинская) тяготеют к зоне верхневолжского и волгодонского неолита, а южная (виловатовская и татазибейская) находит свои истоки в Подонье и Поднепровье (Вискалин, 1999). Таким образом памятники Нижнего Прикамья исследователем были отнесены к щербетской, нижнемарьяновской и татазибейской группам, имеющим разные истоки своего формирования.

Наконец, в коллективной монографии «Археология Волго-Уралья» неолитические материалы лесостепного и лесного Среднего Поволжья, а также Среднего и Верхнего Прикамья рассматривались в рамках елшанской, волго-камской и камской культур (Каменный век ..., 2021, с. 250–296).

В результате выше сказанного можно сделать несколько выводов. Большинство

исследователей придерживаются позиции о необходимости отнесения накольчатых и гребенчатых комплексов к разным неолитическим культурам, имеющие разные истоки своего формирования. Также с накоплением источниковой базы отмечались аналогии накольчатой неолитической посуды Устья Камы с материалами южной части лесостепного Поволжья, что позволило ряду исследователей рассматривать их в рамках одной культуры – средневожской (по И.Б. Васильеву и А.А. Выборнову).

Для решения поставленной в данной статье проблемы следует более детально рассмотреть типологические группы керамики Устья Камы и сравнить их с комплексами южной зоны лесостепного Поволжья и Среднего и Верхнего Прикамья.

Для характеристики накольчатой посуды региона нами будут использоваться результаты формализованной характеристики посуды Среднего Поволжья (Андреев и др., 2023). Из общего можно отметить, что: толщина черепков в основном 0,6–0,9 см; венчики прямые с округлым или плоским срезом, который зачастую орнаментирован (30–50%); в большинстве случаев под срезом располагается ямочно-жемчужный пояс; днища плоские; треугольные или округлые/овальные наколы в основном наносились в отступающей манере; наиболее распространен мотив из горизонтальных или диагональных линий, реже зигзаги.

Вместе с этим следует отметить и ряд отличий усть-камских материалов от комплексов Самарского Поволжья: отсутствуют оттиски двузубого и гребенчатого штампа по срезу; не встречены горизонтальные расчесы на внутренней стороне; распространены горизонтальные ряды из коротких диагональных однонаправленных или разнонаправленных линий наколов.

Также можно представить результаты технико-технологического анализа рассматриваемой посуды. Так, материалы Нижнего Прикамья обнаруживают близость с традициями производства керамической посуды Самарского Поволжья. Сходство прослеживается, прежде всего, в архаичных субстратных представлениях об илистых глинах как сырье для изготовления посуды, а также в ряде рецептов формовочных масс и приемов конструирования посуды. Вместе с тем

имеются и существенные отличия, а именно, массовое распространение традиции практически обязательного введения в формовочные массы шамота в среде нижекамских коллективов, а также использование (в незначительном количестве) глины в качестве исходного пластичного сырья (Васильева, Выборнов 2013, с. 83).

Что касается времени бытования накольчатой орнаментальной традиции в Среднем Поволжье, то ее формирование (по материалам Ивановской стоянки) приходится на первую четверть VI тыс. до н.э. Учитывая, что эти даты были получены одними из первых, когда методика датирования еще не позволяла полностью удалить примесь раковин моллюсков из образца, можно предположить определенное удревание этих значений. Наибольшее распространение данная орнаментальная композиция в южной зоне лесостепи приходится на третью четверть VI тыс. – первую четверть V тыс. до н.э. н.э. (Выборнов и др., 2016, с. 76). Накольчатая керамика Устья Камы имеет наиболее ранние даты от середины VI тыс. до н.э. и бытует в регионе до начала последней четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов, Морозов, 2016, с. 129–130).

Далее следует остановиться на рассмотрении посуды, украшенной ногтевидными насечками. Подробный анализ данной типологической группы, также как и посуды с накольчатой системой орнаментации, был произведен автором данной статьи ранее (Сомов, 2022a).

Материалы Устья Камы хоть и находят аналогии с комплексами стоянок южной части лесостепного Поволжья, но, безусловно, имеют свою региональную специфику. Так, в данных коллекциях ямочно-жемчужный пояс под срезом не имеет широкого распространения. Преобладают простые мотивы (горизонтальные ряды), но здесь более широкое распространение получает вертикальная ориентация оттисков. В единичных случаях на данной территории фиксируются горизонтальные волнообразные ряды. Кроме этого, отличительной особенностью могут являться плосковогнутые днища небольших размеров, которые в Самарском Поволжье не встречены. С точки зрения технологии изготовления посуды с насечками, то можно дать такую же характеристику, как и для накольчатой керамики рассматриваемых регионов

с выделенными ранее особенностями. Время бытования данной орнаментальной традиции может определяться очень широким хронологическим диапазоном ввиду ограниченности радиоуглеродных определений — начало–конец VI тыс. до н.э.

Период позднего неолита лесостепного Поволжья отражает гребенчатая система орнаментации, на анализе которой также следует остановиться. Что касается южной зоны региона, то здесь данная посуда не совсем однородна. Так, ряд исследователей внутри этого комплекса выделяют «зубчатую» и «гребенчатую» систему орнаментации, вкладывая в эти понятия типологические особенности (Выборнов, 2008, с. 93).

Первая характеризуется прямостенными сосудами средней толщины с плоским дном и рядом ямок под венчиком, украшенными коротким слегка изогнутым зубчатым штампом с разреженной орнаментацией и ограниченностью композиций. Данный тип посуды безусловно отражает влияние лесостепных культур западных (Среднее и Верхнее Подонье) территорий и связывается с общими для лесостепной зоны Восточной Европы тенденциями развития неолитических культур (от слабоорнаментированных сосудов до накольчато-зубчатой системы орнаментации).

Вторая характеризуется толстостенными сосудами закрытой формы с округлым дном без ямочного пояса, с длинным гребенчатым штампом и шагающей гребенкой, плотной орнаментацией и более разнообразными узорами (Сомов, 2022б, с. 51–52). Данная группа хоть и отражает проникновение камского населения, но в то же время она, несомненно, представляет один комплекс и правомерно должна рассматриваться в рамках средневожской культуры.

Это обусловлено тем, что с приходом в Самарское Поволжье данной системы орнаментации не происходят кардинальных изменений в процессе изготовления сосудов. Так, верхняя часть имеет устоявшуюся ранее форму – наличие ямочно-жемчужного пояса и отсутствие характерного для камских сосудов наплыва. Наибольшее распространение толстостенных сосудов фиксируется лишь в материалах Ивановской стоянки. При появлении остро- или округлодонных сосудов продолжает преобладать плоское дно. Наряду с ограниченным использованием традиции

изготовления керамики из глины, решающую роль в технологии создания сосудов играли местные традиции.

Зубчатая орнаментальная традиция в лесостепном Поволжье возникает в период распространения посуды с накольчатым орнаментом в последней четверти VI тыс. до н.э. Керамика, украшенная длинным гребенчатым штампом и шагающей гребенкой, в материалах лесостепного Поволжья фиксируется еще в период существования в регионе зубчато-накольчатой системы. Формирование данной традиции в регионе можно отнести ко второй четверти V тыс. до н.э., которая продолжает бытовать после исчезновения зубчато-накольчатой вплоть до второй половины V тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2016, с. 76).

Иная ситуация с гребенчатой посудой складывается на устькамских памятниках. Здесь с точки зрения морфологических особенностей данной керамики можно выделить хронологические группы камской культуры: ранний (тонкостенные, круглодонные сосуды, орнаментированные мелким гребенчатым штампом по всей поверхности); хуторской (толстостенные круглодонные сосуды с наплывом, орнаментальные композиции более разнообразны, преобладание «шагающей гребенки») и левшинский (профилированные и прямостенные округлодонные сосуды с редкими наплывами на венчиках, орнаментированные средним и крупным гребенчатым штампом, на сосудах появляются незаполненные пространства).

С распространением определенных морфологических особенностей также изменяются представления о способах изготовления сосудов. С одной стороны, в регионе появляется традиция использования глин с добавлением примеси шамота для производства керамики, которая характерна для камской культуры. С другой – продолжают активно использоваться илестые глины с добавлением шамота. При этом вторая традиция изготовления гребенчатой керамики не только близка накольчатой посуде региона, но и полностью преобладает на позднем (левшинском) этапе своего существования. В Устье Камы гребенчатая орнаментальная традиция распространена в период третья четверть VI – середина V тыс. до н.э. (Выборнов, Морозов, 2016, с. 129–130). При этом следует отметить, что данная посуда в

регионе сосуществует в одном хронологическом диапазоне с накольчатой керамикой.

Подводя итог, можно отметить ряд моментов. Накольчатая и гребенчатая посуда Устья Камы имеют хронологический отрезок существования: третья – последняя четверти VI до н.э. При этом фиксируется не только их одновременность, но и прослеживается взаимодействие носителей двух традиций – распространение приемов отбора илистых глин.

Также данные традиции имеют разные истоки своего распространения. Накольчатая керамика вместе с посудой, орнаментированной ногтевидными насечками, восходят к южным коллективам лесостепного Поволжья. Однако, включать данные материалы в догребенчатую фазу средневолжской культуры (по А.А. Выборнову) не представляется возможным.

На наш взгляд в понятие «средневолжская культура» следует вкладывать комплексы, которые отражают тенденции развития неолитических культур лесостепной зоны Восточной Европы (распространение от слабоорнаментированных сосудов до накольчато-зубчатой-гребенчатой системы орнаментации), использование ямочно-жемчужного пояска под срезом венчика, орнаментация по срезу, горизонтальные расчески при обработке внутренней поверхности, преобладание плоскостенных сосудов и др. Здесь следует отметить что накольчатые и гребенчатые комплексы хоть и имеют разные истоки своего формирования в регионе (накольчатые — Нижнее Поволжье; гребенчатые — Среднее и Верхнее Прикамье), но вместе с этим безусловно составляют единый комплекс, который отражает процесс развития средневолжского населения.

Что касается керамики с гребенчатым штампом, то ее появление в Устье Камы,

безусловно, связано с представителями камской культуры. Однако с распространением устойчивых морфологических и технологических особенностей камской традиций производства фиксируется ее ассимиляция в среде существующих здесь коллективов с накольчатой посудой.

При этом если рассматривать аналогичные процессы в соседних регионах, то подобной картины не наблюдается. Так, при заимствовании гребенчатой системы орнаментации средневолжскими коллективами сохраняются использовавшиеся ранее способы изготовления керамики: наличие ямочно-жемчужного пояска, отсутствие характерных напылов, использование илов или илистых глин в производстве. Аналогичную картину можно наблюдать в Среднем и Верхнем Прикамье. Здесь хоть и фиксируются южные средневолжские гончарные традиции в изготовлении керамики без орнамента и с накольчатым орнаментом, но в то же время значительная часть такой посуды изготовлена в соответствии с камскими традициями (Выборнов, Васильева, 2013, с. 84).

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью относить накольчатую керамику и посуду с насечками Устья Камы к волго-камской неолитической культуре. Кроме этого, полученные радиоуглеродные определения и результаты технико-технологического анализа могут послужить основанием для обособления гребенчатых материалов от камской культуры и включения их в одну культуру с накольчатой посудой. При этом волго-камскую культуру следует тогда понимать как особое культурное образование, имеющее разные истоки своего формирования при их безусловном смешении. Что касается ее ареала, то тут, в отличие от А.Х. Халикова, следует ограничиться лишь рассматриваемой нами территорией – Устье Камы.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Кудашов А.С., Сомов А.В. Комплексы неолитической керамики, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 10 / Отв. ред. М.А. Турецкий, В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2023. С. 85–99.

Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Т. I / МИА. № 172. / Ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 99–106.

Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 44–48.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. № 166 / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: АН СССР, 1970. С. 157–171.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151–189.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1 (13). С. 60–86.

Вискалин А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ижевск, 1999. 19 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008: СГПУ. 490 с.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: СГПИ, 1992. 150 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.

Выборнов А.А., Морозов В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 129–139.

Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1978. 19 с.

Габяшев Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 35–46.

Габяшев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. №153 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978б. С. 74–76.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 / Ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 7–21.

Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1984. 21 с.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 1997. 32 с.

Моргунова Н.Л. К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и Южного Приуралья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 214–226.

Наговицин Л.А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / Отв. ред. Л. А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1988. С. 67–77.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006а. С. 254–259.

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 11–17.

Никитин В.В. Общие черты и специфические элементы раннеолитической посуды лесного Поволжья, степных и лесостепных районов Волго-Донского междуречья // Археологическое изучение Центральной России / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006б. С. 97–102.

Сомов А.В. Гребенчатая посуда Среднего Поволжья: происхождение и связь с неолитическими культурами сопредельных территорий // XXII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2022б. С. 51–53.

Сомов А.В. Неолитическая посуда с ногтевидными насечками лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2022. Т. 4. № 4. С. 120–146.

Третьяков В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. № 131 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1972. С. 46–52.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Информация об авторе:

Сомов Анатолий Владимирович, ассистент кафедры отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); somov.anatoly@gmail.com.

REFERENCES

Andreev, K. M., Kudashov, A. S., Somov, A. V. 2023. Turetsky, M. A., Myshkin, V. N. (eds.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 10. Samara: Samara State Pedagogical University, 85–99 (in Russian).

Gurina, N. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony evropeyskoy chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic and cultural communities of the forest and forest-steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic)*. Vol. 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. 199–106 (in Russian).

Bader, O. N. 1981. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 15. Sverdlovsk: Ural State University, 44–51 (in Russian).

Bader, O. N. 1970. In Formozov, A. A. (ed.). *Kamennyi vek na territorii SSSR (Stone Age on the territory of the USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 166. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–171 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A., Gabyashev, R. S., Morgunova, N. L., Penin, G. G. 1980. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Eneolit Vostochnoy Evropy (The Eneolithic of Eastern Europe)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 151–189 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 13 (1), 60–86 (in Russian).

Viskalin, A. V. 1999. *Pamiatniki nakol'chatoi keramiki Volgo-Kam'ia (Stroke-Ornamented Ceramics Sites in the Volga and Kama Area)*. Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama River Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Nesterov, E. M. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 74–96 (in Russian).

Vybornov, A. A., Morozov, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 129–139 (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age of the Lower Kama)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–46 (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1978. In Kругликова, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 74–76 (in Russian).

Gurina, N. N. 1973. Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony evropeyskoy chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic and cultural communities of the forest and forest-steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ., 7–21 (in Russian).

Galimova, M. Sh. (ed.). 2021. *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Morgunova, N. L. 1984. *Epokha neolita i eneolita v lesostepnoy zone Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya (The Neolithic and Eneolithic in the forest-steppe zone of the Volga-Ural interfluve)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Morgunova, N. L. 1997. *Naselenie yuga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya v epokhi neolita-eneolita-ranney bronzy (The population of the southern forest-steppe of the Volga-Ural Interfluve in the Neolithic-Eneolithic-Early Bronze Age)*. Thesis of Diss of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Morgunova, N. L. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 214–226 (in Russian).

Nagovitsyn, L. A. 1988. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniya rannego neolita lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR (Issues of studying the Early Neolithic forest zone of the European part of the USSR)*. Izhevsk: Udmurt Institute for Language, Literature and History Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–77 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: "Triada" Publ., 254–259 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 11–17 (in Russian)

Nikitin, V.V. 2006. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie tsentral'noi Rossii (Archaeological Study of Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 97–102 (in Russian).

Somov, A. V. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (22nd Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Kurgan: Kurgan State University, 51–53 (in Russian).

Somov, A. V. 2022. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 4, no. 4, 120–146 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131. Moscow: "Nauka" Publ., 46–52 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Somov Anatoly V. Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; somov.anatoly@gmail.com.

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902/904 574

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.69.82>

НОВЫЕ НАХОДКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ¹

© 2024 г. Б.Б. Бесетаев, И.В. Мерц, Т.Ж. Тулегенов

Работа посвящена исследованию случайной находки рогового удильного нащёчья и керамического сосуда позднего бронзового века около с. Таутурген в Алматинской области Казахстана. На основании сравнительно-типологического, палеозоологического, трасологического, технологического и радиоуглеродного методов проводится подробная характеристика, и рассматривается культурно-хронологическая принадлежность артефактов. Ближайшие аналоги предметам из с. Таутурген наблюдаются среди материалов чустской культуры Ферганской долины, однако декор артефакта указывает на его принадлежность к саргаринско-алексеевской культуре. На основании сравнительно-типологического метода в рамках традиционной хронологии данные предметы относятся к последней трети II тыс. до н.э. в рамках периода Яз-I. Полученная по нащёчью из с. Таутурген радиоуглеродная дата согласуется с радиоуглеродной хронологией чустской, саргаринско-алексеевской культур, комплексов Яз-Депе-I и Намазга VI в пределах второй половины XVI – начала XV вв. до н.э. Таутургенские находки ставят вопрос о существовании широкой контактной зоны между носителями чустской и позднебронзовых культур Юго-Восточного Казахстана, а также о более ранней позиции стержневидных роговых нащёчьев с отверстиями в разных плоскостях на территории Центральной Евразии, чем это принято в настоящее время. Авторами была выполнена реконструкция узды с «мягкими» удилами.

Ключевые слова: Юго-Восточный Казахстан, поздний бронзовый век, чустская культура, саргаринско-алексеевская культура, конское снаряжение, роговое удильное нащёчьё, керамический горшок, реконструкция узды.

NEW FINDS OF THE LATE BRONZE AGE IN THE SOUTHEASTERN KAZAKHSTAN²

B.B. Besetayev, I.V. Merts, T.Zh. Tulegenov

The work is dedicated to the study of a chance find of an antler bit shank and a ceramic ware of the Late Bronze Age near the village of Tauturgen in Almaty region of Kazakhstan. On the basis of comparative-typological and natural-scientific methods, including paleozoological, traceological, technological and radiocarbon methods, a detailed characterization is carried out and the cultural and chronological belonging of the artifacts is considered. The closest analogies to the objects from Tauturgen are found among the materials of the Chust culture of the Fergana Valley. However, the bit shank decoration indicates its belonging to the Begazy-Dandybay culture. On the basis of the comparative-typological method within the traditional chronology these objects belong to the last third of the II millennium BC within the Yaz-I period. The obtained radiocarbon date of the bit shank from Tauturgen agrees well with the radiocarbon chronology of the Chust culture, Begazy-Dandybay complexes and the new chronology of Yaz-Depe-I and Namazga VI. This allows us to date these objects within the second half of the 16th – early 15th century BC. In general, the Tauturgen finds raise questions about the existence of a wide contact zone between the Chust and Late Bronze Age cultures of Southeastern Kazakhstan, as well as about the earlier position of rod-shaped antler bit shanks with holes in Eurasia than is currently accepted. The authors also reconstructed bridle with “soft” bits.

Keywords: Southeastern Kazakhstan, Late Bronze Age, Chust culture, Begazy-Dandybay culture, horse equipment, antler bit shank, ceramic vessel, reconstruction of the bridle.

Введение достигнутые успехи, остаётся ещё во многом
Бронзовый век Юго-Восточного Казахстана недостаточно изученным. Поздний бронзовый
на, несмотря на многолетние исследования и век региона представлен несколькими куль-

⁰ Исследования проводились при финансовой поддержке программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК, 2023-2024, ИРН проекта BR18574057

² The research was financially supported by the program-targeted funding of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education (Kazakhstan), 2023-2024, project IRN BR18574057.

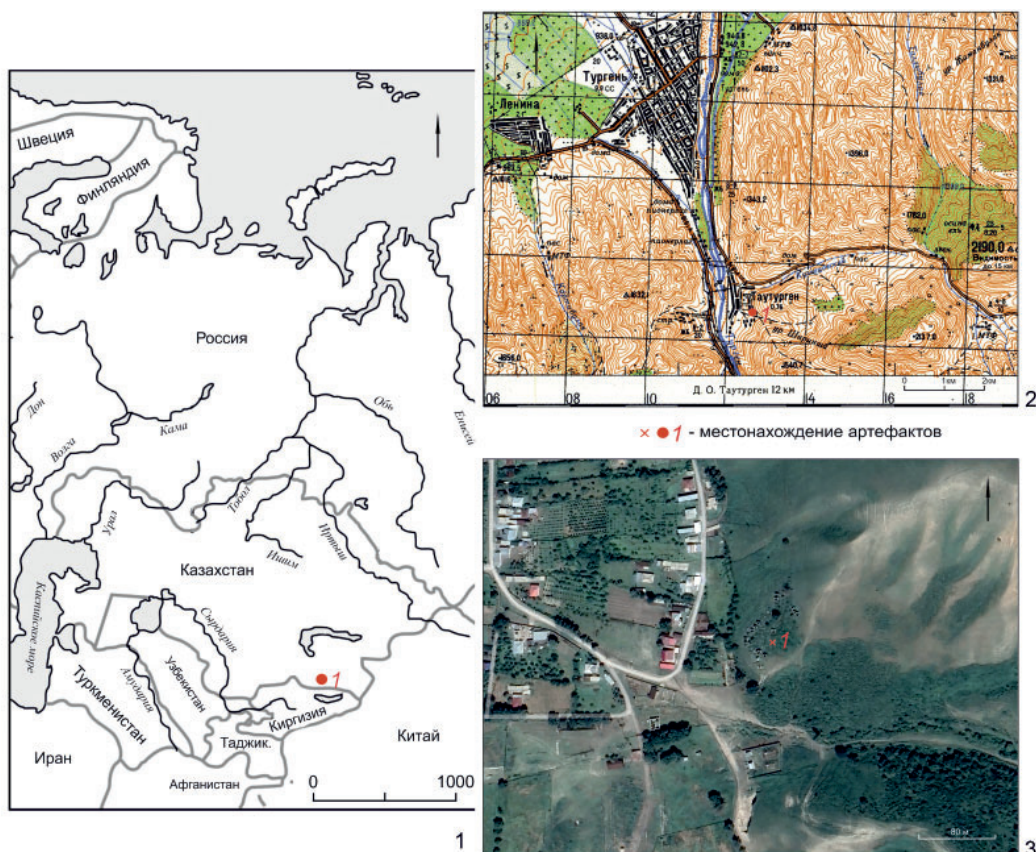

Рис. 1. Местонахождение артефактов: 1 – на карте Центральной Евразии; 2 – на карте окрестностей с. Таутурген; 3 – космоснимок местонахождения.

Fig. 1. The location of the artifacts: 1 – on the map of Central Eurasia; 2 – on the map of the surrounding of the village of Tauturgen; 3 – a satellite image of the location.

турными образованиями: саргаринско-алексеевской культурой, комплексами кульсайско-го и донгальского типа (Марьяшев, Горячев, 1999; Рогожинский, 2011a). Кроме этого, в регионе известно небольшое количество бегазы-дандыбаевских памятников (Смаилов, Сакенов, 2019, с. 180; Горячев, 2020, с. 71, рис. 47: 7). При этом практически не определено соотношение всех этих комплексов с синхронными древнеземледельческими цивилизациями Средней Азии, культурные связи с которыми фиксируются в регионе (Рогожинский, 2011b, с. 97). Для коренного изменения ситуации необходимо введение в научный оборот качественных археологических источников.

Данная работа посвящена анализу случайной находки рогового удильного нащёчья¹ и керамического сосуда около с. Таутурген Енбекшиказахского района Алматинской области Республики Казахстан (рис. 1). Основной целью исследования является определение культурной и хронологической

принадлежности данных артефактов. Среди конкретных задач – разносторонняя характеристика археологического источника и выявление датированных аналогий.

Основная часть

Контекст находок. Предметы были случайно обнаружены в 2014 г. жителем с. Таутурген Т. Тойбаевым² при рытье могильной ямы на мусульманском кладбище, расположенном на восточной окраине села, на юго-западном склоне безымянной горы, у проселочной дороги в урочище Шаранша (рис. 1: 2–3). Позднее они были переданы им в музей-заповедник «Есік», где предметы хранятся в настоящее время. По сообщению автора находок, никаких наземных сооружений на месте обнаружения артефактов не было, какие-либо другие особенности их залегания выяснить не удалось. В процессе извлечения предметы были повреждены.

Роговое удильное нащёчье (инв. № ЕКМ НТК 267) – изогнутое стержневидное, трехдырчатое (рис. 2: 1) – изготовлено из сред-

Рис. 2. Находки из кладбища с. Таутурген: 1 – роговое нащёчьё (инв. № ЕКМ НТК 267), художник: У.Е. Доспенбетов; 2 – керамический горшок (инв. № УҚ 122), художник: А.М. Байдаралина.

Fig. 2. Finds from the Tauturgan cemetery: 1 – antler bit shank (inventory number: ЕКМ НТК 267), drawing by U.E. Dospenbetov; 2 – ceramic pot (inventory number: УҚ 122), drawing by A.M. Baidaralina.

ней части отдельной ветви рогового отростка (*corpus cornus*), по-видимому, благородного оленя – тяньшаньского марала (*Cervus elaphus – songaricus*) (Млекопитающие..., 1961, с. 142)³. Концы изделия обломаны, сохранившаяся длина составляет 10,8 см. Поперечное сечение подовальное, имеет размер в верхней⁴ части, около отверстия, 2,5×2,7 см, в медиальной – 2,4×2,7 см, в нижней – 2,2×2,5 см. По бокам предмета расположены два подпрямоугольных отверстия с заоваленными краями, размерами 0,7×1,5–1,7 см. Ещё одно такое же отверстие расположено по центру, перпендикулярно остальным.

Поверхность нащёчьё украшена орнаментом в виде линий, рядов кружков и сегментов. На основании сохранившейся части изделия орнаментальная композиция может быть реконструирована. Отверстие в нижней части выделено двумя перпендикулярными, относительно продольной оси, линиями. Нижняя украшена сегментами, направленными к острию, а верхняя – проходящими через неё кружками. Центральное отверстие сверху было украшено такой же линией с кружками, однако орнамент отсутствует на его «брюш-

ке». Можно предположить, что подобным орнаментальным элементом был декорирован и верхний край изделия, около отверстия. По «спинке» вдоль продольной оси, слева от центрального отверстия, был нанесён ряд кружков, который мог проходить через все изделие. Ещё один ряд кружков располагался слева от центрального ряда, но только в проксимальной части.

Трасологическое исследование⁵ нащёчьё было проведено электронным стереоскопическим микроскопом ZEISS SteREO Discovery V8 с увеличением до 200 крат. Анализ макро- и микроследов позволил получить информацию о способах его изготовления. Первоначально мастер замачивал роговую заготовку, после чего аккуратно удалял металлическим тесаком и стамеской весь «бархатный» слой рога. После этого поверхность изделия обрабатывалась с помощью каменного лощила с мелкозернистой структурой, которое равномерно разглаживало всю шершавую поверхность рога. Дальнейшее заглаживание предмета осуществлялось с помощью кожи (рис. 3: 1).

Изделие, по-видимому, до прodelывания отверстий было орнаментировано металлическим инструментом. На это указывает сквозное отверстие для ремней, повредившее орнаментальное изображение (рис. 3: 2). Орнамент представлен четырьмя элементами: линиями, точками, окружностями и сегментами.

Три поперечные линии были нанесены на глубину 0,1–0,2 см. Орнамент в виде окружностей выполнен с помощью циркульного резца (рис. 3: 3–5). Кружки, между верхней и средней линиями с внутренней стороны изделия, прорезаны на глубину 0,24–0,25 см, а с наружной – на 0,28–0,29 см. Расстояние между парными кругами 0,1–0,2 см. Орнамент наносился от центральной точки по часовой стрелке, и в обратном порядке слева направо. Вследствие многократного вращения глубина орнамента варьировалась, достигая 0,03 см. Сегменты парные, расположены вместе через 0,2 см. Орнамент в центральной части выполнен в виде двух кругов и линии. Кружки между средней и нижней линиями с внутренней стороны были прорезаны на глубину 0,32–0,33 см, а с наружной – 0,35–0,36 см. Внутри углублений орнамента фиксируется присутствие чёрной краски (рис. 3: 4–5), что говорит о том, что изделие было окрашено.

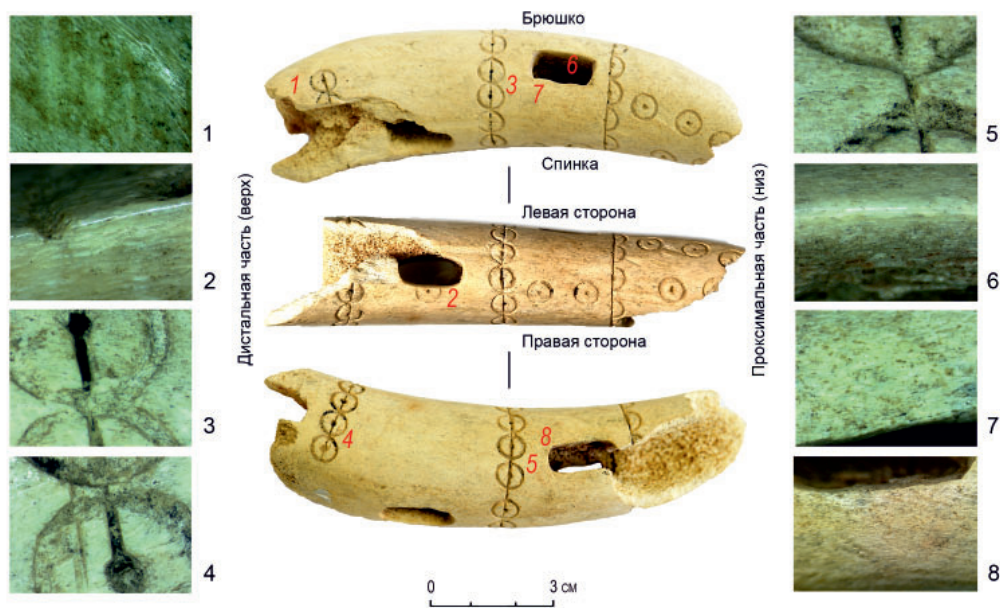

Рис. 3. Фотофиксация макро- и микроследов на роговом нащёчке: 1 – следы обработки металлическим инструментом бархатного слоя и следы утилизации (макросъёмка с увеличением 200x); 2 – место прорезки орнамента центральным отверстием и следы утилизации (макросъёмка с увеличением 250x); 3-5 – орнамент в виде кружков, через которые проходят поперечные линии, а также следы утилизации и черной краски (макросъёмка с увеличением 100x); 6 – следы полировки и краски (охра?) на центральном сквозном отверстии для ремня, следы утилизации (макросъёмка с увеличением 200x); 7 – следы стамески при обработке отверстия, следы утилизации (макросъёмка с увеличением 100x); 8 – круглые следы, отставленные узлом, вероятно, кожного ремня и следы утилизации (макросъёмка с увеличением 200x)

Fig. 3. Photo of macro and micro traces on the antler bit shank: 1 – traces of processing with a metal tool of the velvet layer and traces of utilization (macro photography with 200x magnification); 2 – place where the central hole is made on the ornament and traces of utilization (macro photography with 250x magnification); 3-5 – ornament in the form of circles through which transverse lines pass, as well as traces of utilization and black paint (macro photography with 100x magnification); 6 – traces of polishing and paint (ochre?) on the central through hole for the belt, there are traces of utilization (macro photography with 200x magnification); 7 – chisel traces when processing a hole, traces of utilization (macro photography with 100x magnification); 8 – round traces set off by a knot, probably a leather belt and traces of utilization (macro photography with 200x magnification).

Сквозные отверстия подпрямоугольной формы, размеры варьируются в пределах 1,5–1,6×0,8–1 см. В отверстиях, расположенных в боковых проекциях, виден износ от кожного ремня. Вероятно, ремень был покрашен красной краской (охра?), на что указывают следы на внутренней стороне отверстия (рис. 3: 6). Кроме того, на краях отверстий фиксируется жирный блеск, линейные следы заполированы от контакта с кожаным ремнём и телом животного (рис. 3: 7). Толщина компактного вещества рога 0,3–0,4 см указывает на непродолжительное его использование, возможно, только во время проведения каких-либо церемониальных ритуалов. Судя по следам потертости вокруг правого нижнего овального отверстия (рис. 3: 8), можно

предположить, что нащёчке использовалось с левой стороны узды.

Одна из первых работ по реконструкции уздечного комплекса эпохи бронзы принадлежит К.Ф. Смирнову, где автор, известные на тот момент находки из Поволжья, Урала и Казахстана, сопоставляет с Центральноевропейскими и Переднеазиатскими. Исследователь по морфологическим и функциональным признакам выделяет пять типов псалиев (Смирнов, 1961: 47). По расположению отверстий для крепления уздечных ремней таургенское нащёчке относится к четвёртому типу (Смирнов, 1961: 61, рис. 9: 3; 63, рис. 11: 3). С расширением источниковой базы и применением трасологических анализов появились разнообразные вариации реконструкции узды

с «мягкими удилами» (Горбунов, 1992; Кузьмина, 1994; Усачук, 1996; Пряхин, Беседин, 1998; Епимахов, Чечушков, 2004; Loshakova, 2024 и др.).

В реконструкции узды важно выявить следы сработанности нащёчья и следы изготовления самой детали. Немаловажно установить, из какого материала были изготовлены ее функциональные части (Кузнецов, 2004, с. 33). Очевидно, для нащёчий выбирался наиболее подходящий материал, в нашем случае, средний отросток рога (рис. 4: 1), а для узды использовалась кожа. Однако только кожа не могла быть основой для изготовления «мягких удил». Особенность кожи в том, что при намачивании она теряет свои свойства и имеет особенность растягиваться (Кузнецов, 2004, с. 33). Вероятнее всего, «мягкие удила» из кожи обворачивалась вокруг дополнительно конским волосом, так как волос сохраняют свои свойства, попадая во влажную среду. Авторы не исключают возможность использования скрученных, или плетеных из волос «мягких удил».

Исходя из вышесказанного, таутургенское нащёчьё использовалось с «мягкими удилами», выполненными из ремня и конского волоса. Нащёчные, наносные, затылочные и подбородочные ремни сбруи, вероятнее всего, фиксировались узловыми соединениями. В данном случае, «мягкие удила» и повод составляли одно целое, с узлом-фиксатором с обеих сторон центрального отверстия для неподвижности и эффективного управления лошадью. Уздечные ремни, вероятнее всего, для более устойчивой фиксации также завязывались узлами для надёжного крепления, и легко заменялись аналогичным ремнем при износе. Такой способ, в свою очередь, заменял функциональные и эстетические металлические или костяные (роговые) детали уздечной принадлежности в период раннего этапа эпохи железа (Бесетаев, Кариев, 2016: 76; Самашев и др., 2023: 21; Тишкин и др., 2024: 74). Исходя из этого, нами была выполнена реконструкция узды с «мягкими удилами» (рис. 4: 2).

Керамический сосуд (инв. № УҚ 122) горшечной формы, его нижняя часть обломана, что не позволяет судить о характере дна (рис. 2: 2). Сохранившаяся часть изделия имеет высоту 15,3 см. Венчик сосуда прямой, высокий (2 см), слегка отогнут наружу с

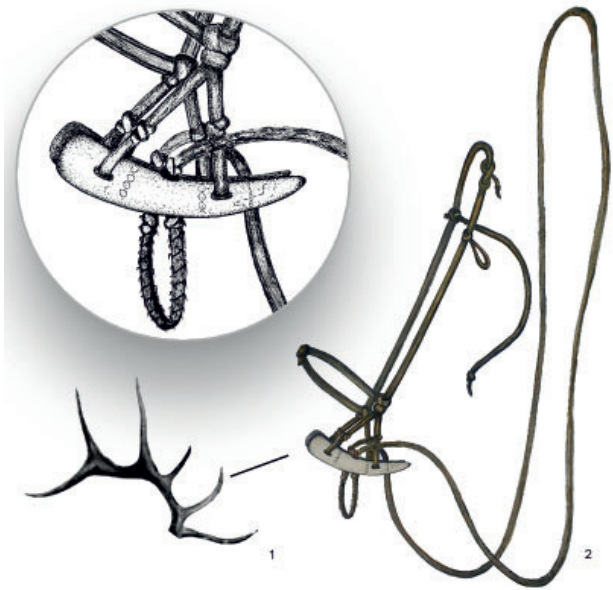

Рис. 4. Реконструкция узды с «мягкими удилами»: 1 – рог тьяньшаньского марала (*Cervus elaphus – songaricus*) (Млекопитающие..., 1961, с. 142); 2 – реконструкция узды, выполнена Б.Б. Бесетаевым и художником А. Рахметовым.

Fig. 4. Reconstruction of the bridle with “soft bits”: 1 – antlers of the Tian Shan maral (*Cervus elaphus – songaricus*) (Млекопитающие..., 1961, с. 142); 2 – reconstruction of the bridle, made by B.V. Besetaev and an artist A. Rakhmetov.

округло-приостренным срезом, диаметром 11,3 см. Шейка короткая, переходящая в округлое тулово диаметром 16,6 см, сужающееся далее ко дну. Толщина венчика составляет 0,5 см, стенок – 0,8–0,9 см. Сосуд не имеет орнамента. Поверхность заглажена, фиксируются следы выравнивания поверхности по мокрой глине с помощью шпателя (рис. 5: 1). Глиняное тесто рыхлое, в нем наблюдается мелкий песок, слюда и присутствие кремнистого сланца в соотношении 1:5 (рис. 5: 2–4). Обжиг производился в восстановительной среде. Сосуд лепной, конструирование осуществлялось лоскутным способом⁶.

Аналогии

Ближайшей прямой аналогией роговому удильному нащёчью из Таутурген являются изделия из поселений чустской культуры Дальверзин и Чуст в Ферганской долине. Чустские артефакты имеют изогнутую форму, подпрямоугольные отверстия в разных плоскостях (Заднепровский, 1962, с. 35, рис. 15; Тереножкин, 1971, с. 77). Более далёкие аналогии наблюдаются среди изделий могильника Устинкино (сооружение X, мог. 2) в Кузнецком Алатау, относимого к лугавской

культуре (Савинов, Бобров, 1983, с. 61, 65, рис. 25: 7; Амзараков и др., 2015, с. 77–78), в могильнике культуры плиточных могил Тапхар (мог. № 69) в Бурятии, в иджимской группе памятников поздней бронзы Саяны-Пограничное-4 (курган 7), в Западных Саянах (Подобед и др. 2014, с. 89, рис. 2: 3; Марсадов, 2021, с. 116, рис. 1: 14; Амзараков, 2015, с. 80). Кроме того, серия близких предметов известна в материалах западножоуских некрополей в районе Пекина – Байфу (погребении М3) и Люлихэ, а также близ Сианя – Чжанцзяпо (Варенов, 2022, с. 144, рис. 1: 3, 7, 32–34). Подобные нащёчья, но с поперечными отверстиями круглой формы, встречаются на саргаринско-алексеевских поселениях Центрального Казахстана: Кент, Атасу I и на укрепленном поселении Кордлар-Тепе (слой Iron I) в Иранском Азербайджане (Варфоломеев и др., 2017, с. 65, рис. 110: 2, 4; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 184, рис. 144; Подобед и др. 2014, с. 90, рис. 1: 3, 4).

Необходимо отметить, что на всех приведенных артефактах, в отличие от таутургенского нащёчья, отсутствует декор. Циркулярный орнамент, заполнявшийся черной пастой, встречается на роговых и костяных изделиях, в том числе и на изделиях поселений Шорианды-Булак, Кент, Аккезен и других памятников саргаринско-алексеевской культуры⁷ Центрального Казахстана и Алтая Советский Путь-1 (Маргулан, 1979, с. 211, рис. 161: 3; Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 224; Варфоломеев и др., 2017, рис. 93–94, 7, 110, 111; Варфоломеев, 2022, с. 233, 242, рис. 8). Необходимо отметить, что аналогичный орнамент известен на нащёчьях из Нижнего Поднепровья – Волошское (Панковский, 2004, с. 115, рис. 1: 2).

Известны такие орнаментальные мотивы на саргаринско-алексеевских и дандыбаевских керамических горшках (поселение Кент, могильники Бегазы – мавзолей 5, Сангыру I – мавзолей 1, Измайловка ограда – 22 и др.) (Варфоломеев и др., 2017, рис. 46: 2; Ермолаева, Тепловодская, 2013, фото. 9; Ломан, 2013, с. 251, 253, рис. 3: 10–12; 5: 7–9; 7: 1, 7). В целом данная орнаментация связана с носителями валиковой культуры региона. Наличие такого декора на нащёчье, необычной для саргаринско-алексеевской культуры формы, указывает на синкретичный характер таутургенского изделия.

Ближайшие аналоги керамическому сосуду из с. Таутурген наблюдаются в материалах чувствской культуры Ферганской долины. На поселении Ош – это сероглиняная кухонная керамика (группа V, тип 3 – горшок шаровидной формы с высокой горловиной диаметром 14–16,5 см). Схожие формы имеются среди, так называемых, «мисок с перегибом бортика» (I группа, тип 2 – миски круглодонные с резким перегибом стенок и отогнутой наружу закраиной, диаметром 30–36 см) (Заднепровский, 1997, с. 50, 53, рис. 36: 12; 38: 6). На Дальверзине подобные емкости наблюдаются среди I типа посуды, форма 5 – плоскодонные миски с перегибом бортика разной профилировки (диаметр 26–30 см) (Заднепровский, 1962, с. 26, рис. XV: 21). Близкий по форме горшок, имеющий высокую шейку, но иной, более покатый, изгиб тулова, известен из донгальского слоя поселения Тамгалы I в Шу-Илийском водоразделе (Рогожинский, 2011a, с. 169, рис. 137: 2), также с относительно раздутым туловом в археологическом комплексе Тургенъ-II и в могильнике Кызылбулак-I в Жетысу (Горячев, 2020, с. 33, 108, рис. 41: 27, 166: 9, 167: 3 и др.).

Результаты радиоуглеродного датирования

С целью определения времени функционирования рогового нащёчья в лаборатории Центра физических наук и технологий в г. Вильнюс (Литва) был выполнен его радиоуглеродный анализ. Полученная AMS ¹⁴C дата FTMC-TI52-4 (3258±27 л.н.) определяет возраст образца по 1δ (68,3%) в пределах 1597–1461 гг. до н.э., а по 2δ (95,4%) – 1612–1449 гг. до н.э.⁸ Учитывая распределения пиков на графике, полученный радиоуглеродный интервал можно сузить до **1540–1497 гг. до н.э.** (рис. 6). Следовательно, авторы данной работы придерживаются мнения, что между временем добычи рога и изготовления нащёчья прошло небольшое количество времени, а, следовательно, именно этим временем можно датировать таутургенское изделие. Полученная дата не противоречит современным датам бегазы-дандыбаевских и саргаринско-алексеевских памятников Казахстана (Бейсенов и др., 2014, с. 170–171, табл. 7; Рогожинский, 2011a, с. 174, рис. 140; Гасс, Горячев, 2016, с. 110). В целом она соответствует концу периода Намазга VI и начала периода Яз-Депе-I (Bonora, 2020, p. 738, tabl.

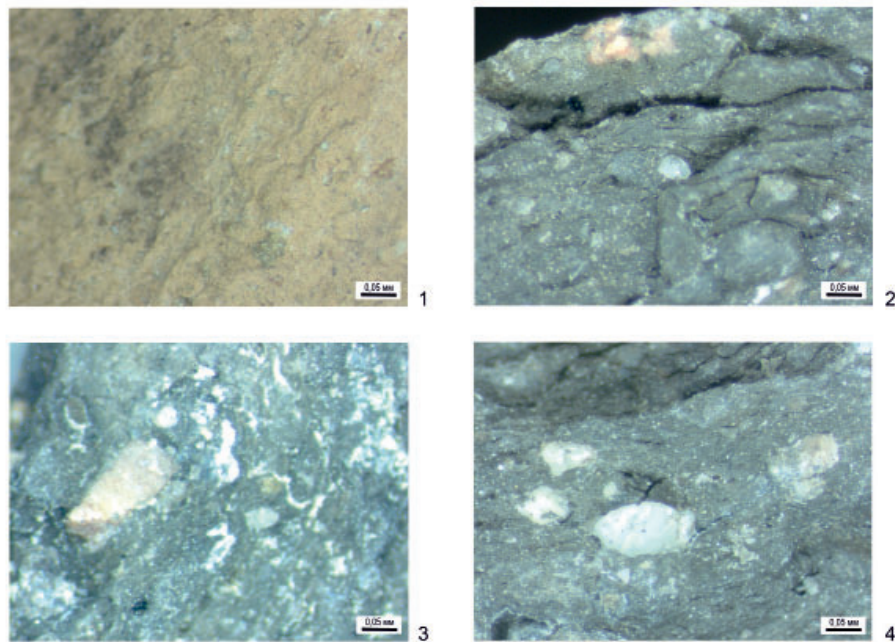

Рис. 5. Макро- и микро фотофиксация керамического сосуда: 1 – макросъемка поверхности (выравнивание с помощью шпателя); 2-4 – микроэлементы (мелкий песок, слюда, кремнистый сланец).

Fig. 5. Macro and micro photography of a ceramic vessel: 1 – macro photography of the surface (leveling with a spatula); 2-4 – trace elements (fine sand, mica and chert).

26: 1). Возраст чустской культуры (поселений Чуст, Ош, Дальверзин) определяется по радиоуглеродным датам, выполненным жидко-сцинтилляционным методом, в пределах XV–XIV вв. до н.э., что синхронно началу периода Яз-Депе I (Заднепровский, 1997, с. 76, табл. VII; Vonora, 2020, p. 738, tabl. 26: 1).

Обсуждение результатов

В сводке трехдырчатых стержневидных роговых псалиев востока Евразии В.А. Подобед с соавторами в основу классификации ставят такие конструктивные особенности как размещение отверстий относительно друг друга, их размеры и формы. Так изделия, аналогичные таутургенскому, выделяются в типы I-A-1, 3–5. Исследователи отмечают, что данные типы азиатских псалиев не находят аналогов в Европе. Изделия I типа занимают более раннюю хронологическую позицию, к XI в. до н.э. они сосуществуют с II типом (трехдырчатые с отверстиями в одной плоскости) и доживают до начала скифского времени. Отмечается, что псалии с прямоугольными отверстиями были присущи только ирменской, лугавской и культуре плиточных могил, но отсутствуют в саргаринско-алексеевских и карасукских комплексах. В Азии они появились позже, чем изделия с иными формами отверстий, и просуществовали

недолго – до эпохи раннего железного века. В целом исследователи отмечают, что: 1) к концу бронзового века стржевидные трехдырчатые псалии вытесняют иные типы в Евразии; 2) различные типы сосуществуют в пределах одной культуры; 3) псалии из разных концов Евразии имеют схожую общую морфологию; 4) изделия с прямоугольными отверстиями являются кратковременным и территориально ограниченным явлением (в пределах Азии). Отличия азиатских псалиев от европейских выражаются в большем морфологическом разнообразии, в отсутствии предметов из трубчатых костей, в распространении изделий с дополнительными отверстиями и в отсутствии традиции орнаментации (Подобед и др., 2014, с. 88–89, 98).

Согласно типологии конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии, разработанной Н.А. Боковенко на основании сочетания особенностей формы тулова, окончаний, расположения и формы отверстий, псалии, аналогичные таутургенскому, относятся к типу I и отражают древнейший этап (середина II тыс. – конец II тыс. до н.э.) развития данной категории инвентаря в евразийских степях. Подчеркивается, что расположение отверстий в разных плоскостях является наиболее архаичным признаком (Боковенко,

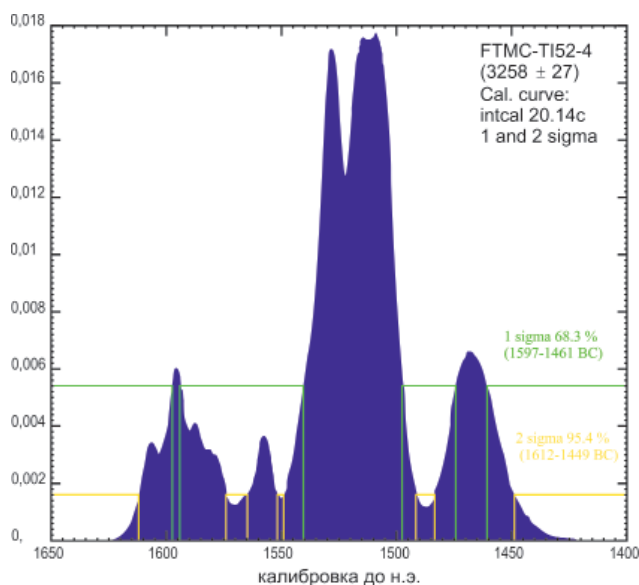

Рис. 6. Радиоуглеродная дата рогового псаля из с. Таутурген.

Fig. 6. Radiocarbon data of the antler bit shank from Tauturgen.

2017, с. 18, 35, рис. 6). К ранней категории относит такие изделия в своей типологии Л.С. Марсадалов, объединяя их в рамках псалий типа «А» «доаржанского времени» (X–IX вв. до н.э.). Псалии таких «природных» форм, изготовленные из изогнутых роговых отростков, изменялись особенно медленно, и стали прототипами для многочисленных 3-х и 2-х дырчатых типов в последующие столетия. В основу типологии были положены расположение крепежных отверстий, после чего учитывались материал, форма стежня-заготовки, форма, размер и сдвиг отверстий, оформления предмета в целом (Марсадалов, 2021, с. 115–116, 121, рис. 2). А.В. Варенов отмечает, что стержневидные трехдырчатые псалии из рога и бронзы в Китае появляются в эпоху Западного Джоу (XI–VIII вв. до н.э.), где они сосуществовали с пластинчатыми изделиями (Варенов, 2022, с. 144).

Приведённые аналогии позволяют нащёчь из с. Таутурген уверенно отнести к позднему бронзовому веку. Нащёчь из Чуста, по аналогиям с изделиями из слоя Iron I укрепленного поселения Кордлар-Тепе, датируется серединой XIII – серединой XI вв. до н.э. (Подобед и др., 2014, с. 90), из Дальверзина – концом II – начало I тыс. до н.э. (Заднепровский, 1962, с. 65). Ошское поселение синхронно с начальным этапом существования Дальверзина и Чуста, а в целом чустская культура

синхронна комплексам Яздепе I, Анау IVA, Елкен II, Тилля-Тепе (Заднепровский, 1997, с. 77, 88, 103). По современным представлениям, время Яздепе-1 определяется в пределах второй половины II тыс. до н.э. (Сверчков, Борофка, 2016, с. 15; Vonoga, 2020, р. 738, tabl. 26: 1).

Датировка нащёчья из могильника Тапхар, как и памятников культуры плиточных могил, в настоящее время определяется в пределах эпохи поздней бронзы – раннескифского времени (XIII–VII вв. до н.э.). Изделие из Устинкино (курган X, могила 2) датируется баиновским этапом (хронологический горизонт Ia) лугавской культуры – IX вв. до н.э., а псалии из кургана 7 могильника Саяны-Пограничное-4 в диапазоне XI–IX вв. до н.э. (Амзараков и др., 2015, с. 77–78).

В рамках традиционной хронологии таутургенское нащёчье относится к наиболее ранним изделиям, согласно всем вышеупомянутым классификациям. Этому не противоречит и наличие циркульного орнамента, характерного для саргаринско-алексеевской культуры. Однако определение его точного возраста является проблематичным. Сибирские и китайские изделия, обнаруженные в закрытых комплексах, в целом датируются концом II – началом I тыс. до н.э. Между тем поселенческие материалы чустской и саргаринско-алексеевской культур, на основании полученных радиоуглеродных дат, указывают на более ранний возраст подобных изделий, в пределах середины – рубежа XVI–XV – третьей четверти II тыс. до н.э. По-видимому, таутургенское нащёчье можно датировать серединой II тыс. до н.э. Перенять такие изогнутые стержневидные изделия с отверстиями в разных плоскостях, выполненные из рогового отростка, носители саргаринско-алексеевской культуры Юго-Восточного Казахстана могли из чустской этнокультурной общности, охватывавшей пространство от Ферганы и Ташкента до Копетдага и Амударьи, и далее еще южнее (Заднепровский, 1997, с. 95–96). О связях и контактах бегазыдандыбаевского и земледельческого населения Средней Азии широко известно (Усманова, Мерц, 2020, с. 90). Наличие на территории Юго-Восточного Казахстана сосуда чустской культуры позволяет говорить о существовании здесь контактной зоны между оседло-земледельческим и степным населением.

Заключение

Таким образом, обнаруженные в районе с. Таутурген керамический сосуд и роговое удильное нащёчье относятся к позднему бронзовому веку. Сосуд, судя по имеющимся аналогам можно связывать с чустской культурой Ферганы, его появление в Юго-Восточном Казахстане связано с проникновением сюда земледельческого населения из Южных районов Средней Азии. Роговое нащёчье является, по-видимому, результатом межкультурных контактов. Поскольку наиболее ранние экземпляры данного типа изделий, на современном этапе состояния источников, известны именно в чустской культуре, то его появление надо связывать именно с данным культурным образованием. Наличие орна-

мента, характерного для саргаринско-алексеевской культуры Центрального Казахстана, указывает на то, что данный тип нащёчий мог быть воспринят скотоводческим населением Юго-Восточного Казахстана из земледельческой среды, и украшен согласно собственным орнаментальным традициям. В целом таутургенское изделие можно датировать временем завершения периода Намазга VI и началом периода Яз-Депе I, и поставить вопрос о его существовании на территории Средней Азии уже в середине II тыс. до н.э., откуда позднее такие нащёчья распространяются в Сибирь и Китай через степное население Казахстана. Дальнейшее исследования позволят уточнить особенности этих процессов.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность к.и.н., старшему научному сотруднику Института археологии Национальной академии наук Украины В.Б. Панковскому за ценные советы при подготовке данной публикации.

Примечания:

¹ В данной работе авторами используется предложенный В.Б. Панковским термин «нащёчье», по прямой аналогии с англ. cheek-piece – накладка для щеки, вместо «псалия». Поскольку термин «псалий/псалион» обозначает металлический двухчастный хомут, надеваемый на нос и под губу лошади, и получивший распространение в эллино-римской античности, то использовать термин «псалий» не совсем корректно (Иессен, 1953, с. 56). Удила с боковыми распределительными подвесками и хомуты-псалионы различаются на уровне специализированных терминологических словарей (Панковский, Саргизова, 2020, с. 165, табл. 2).

² На момент открытия был сотрудником музея-заповедника «Есік».

³ Палеозоологические определения выполнены заведующим лабораторией зооархеологии Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК М.С. Шагирбаевым.

⁴ Необходимо отметить, что верхней частью артефакта называется его самое широкое окончание, а низом – самое узкое (острие), «брюшком» – выпуклая, а «спинкой» – вогнутая сторона изделия (рис. 3).

⁵ Трасологический анализ псалия выполнен ведущим научным сотрудником Лаборатории археологических технологий Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК Ph.D. А.Е. Ержановой.

⁶ Технологический анализ керамического сосуда выполнен научным сотрудником Лаборатории археологических технологий Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК Е.В. Дубягиной.

⁷ В настоящее время дандыбаевские комплексы рассматриваются в рамках саргаринско-алексеевской культуры как субкультура, которая отражает материальную культуру элиты этого общества (Варфоломеев, 2013, с. 191–192; Ломан, 2013, с. 257).

⁸ Полученные ¹⁴C даты откалиброваны с помощью программы CALIB 8.2 (Stuiver et al., 2020) и калибровочной кривой IntCal 20 (Reimer et al., 2021).

ЛИТЕРАТУРА

Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 73–83.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М. Новые материалы по конскому снаряжению из Восточного Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3(44). С. 72–78. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.3.072-078

Боковенко Н.А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 8–42.

Варенов А.В. Древнекитайские удила и псалии позднего бронзового века // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): матер-лы межд. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) (г. Санкт-Петербург, 7–11 ноября, 2022 г.) / Отв. ред. М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов, В.Б. Трубникова. СПб: ИИМК РАН, 2022. С. 143–146.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-Дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 167–197.

Варфоломеев В.В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 225–244.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XI. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 5 (Археология и этнография). С. 85–123.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: БГПИ, 1992. 180 с.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 39–45.

Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М. Керамика из бегазинских погребений Измайловского могильника // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 283–329.

Заднепровский Ю.А. Земледельческая культура Ферганы / МИА. № 118. М.-Л.: АН СССР, 1962. 329 с.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мураc, 1997. 172 с.

Иссен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части ССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Вып. XVIII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1953. С. 49–110.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья // Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 31–38.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-Дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 247–259.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Марсадолов Л.С. О хронологии евразийских роговых псалиев X–VII вв. до н.э. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: матер-лы XI межд. науч. конф. (г. Абакан, 8–11 сентября 2021 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 115–123.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Марьяшев. Алматы: Фонд «XXI век», Фонд «Родничек», 1999. С. 44–56.

Млекопитающие Советского Союза. Т. 1/ Под ред. В.Г. Гептнера, Н.П. Наумова. М.: Высш. школа, 1961. 776 с.

Панковский В.Б. Особый класс псалиев эпохи бронзы // Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 115–127.

Панковский В.Б., Саргизова Г.Б. Кейінгі қола дәуіріндегі Талдысай коньсының сүйек және мүйіз индустриясын жүйелеу // Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2020. Т. 1. С. 160–168.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 (19) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 85–117.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда эпохи средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. № 3. С. 22–35.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011а. 342 с.

Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): матер-лы межд. науч. конф. Т. 2. (г. Кемерово, 22–26 августа 2011 г.) / Тр. САИПИ. Вып. VIII / Ред. Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, А.Е. Рогожинский, В.Ф. Чирков. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011б. С. 87–99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. Вып. 12 / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1983. С. 34–71.

Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 9–29. DOI: 10.52967/akz2023.2.20.9.29

Сверчков Л.М., Борофка Н. Период Яз-II: этапы и хронология // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1(32). С. 5–18.

Смаилов Ж.Е., Сакенов С.К. Погребальные памятники бегазы-дандыбаевской культуры в предгорьях Кульжабасы // Маргулановские чтения – 2019: матер-лы межд. археол-ой науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 170–180.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46–72.

Тереножкин А.И. Дата мингечаурских удил // СА. 1971. № 4. С. 71–84.

Тишкин А.А., Торгоев А.И., Табалдиев К.Ш., Бесетаев Б.Б. Комплект бронзовых изделий раннесакского времени для конского снаряжения из Горной Маевки (Кыргызстан) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 18. С. 68–90. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.28.44.004

Усачук А.Н. О щитковых псалиях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: тез. докл. межд. науч. конф. (г. Тамбов, 2–5 декабря 1996 г.) / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 1996. С. 26–29.

Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительные результаты трасологического и функционально-типологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 218–227.

Усманова Э.Р., Мерц В.К. Саразм и степь: три паттерна культурного диалога // Саразм: сб. ст. науч.-практ. конф. «Роль Саразма в формировании цивилизации Центральной Азии», посвящ. 5500-летию Саразма. Вып. III. (г. Душанбе, 12–13 мая 2020 г.) / Отв. ред. С.Г. Бобомуллоев, Б.Т. Кобилова. Душанбе: Национальный музей древностей Таджикистана, 2020. С. 72–97.

Bonora G-L. The Oxus civilization and the northern steppes // The World of the Oxus civilization. Edited by Bertille Lyonnet and N.A. Dubova. London & New York: Routledge, 2020. P. 734–778.

Loshakova T.N. Bronze Age Settlements of the North-East Caspian Region // *Qazaq Historical Review*. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 60–89. DOI: 10.69567/3007-0236.2024.1.60.89

Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Ramsey Ch.B., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson Ch., Van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. 62(4). P. 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41

Stuiver M., Reimer P.J., Reimer R.W. 2021. CALIB 8.2 [WWW program] at <http://calib.org>, accessed 2021-9-16

Информация об авторах:

Бесетаев Бауыржан Берканович, магистр археологии и этнологии, старший преподаватель кафедры Археологии, этнологии и музеологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); bauyrzhan.besetayev@kaznu.edu.kz

Мерц Илья Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета (г. Павлодар, Казахстан); докторант Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); barnaulkz@mail.ru

Тулегонов Туралы Жаксылыкович, магистр гуманитарных наук, рук. отдела Охраны и исследования городища Талгар, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Есік» (г. Есик, Казахстан); tur4ik_kz@mail.ru

REFERENCES

Amrazakov, P. B., Lazaretov, I. P., Polyakov, A. V. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (7), 73–83 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Kasenalin, A. E. 2014. *Pamyatniki begazy-dandybaevskoi kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana (Sites of Begazy-Dandybai Culture in Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Besetayev, B. B., Kariyev, E. M. 2016. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (3), 72–78 (in Russian and English).

Bokovenko, N. A. 2017. In *Mir Bol'shogo Altaya (World of Great Altai)* 4 (3), 8–42 (in Russian).

Varenov, A. V. 2022. In Kashuba, M. T., Smirnov, N. Yu., Stoyanov, E. O., Trubnikova, V. B. (eds.). *Evrasiya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologii) (Eurasia in the Eneolithic – Early Middle Ages (innovations, contacts, translation of ideas and technologies))*. Saint Petersburg: Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 143–146 (in Russian).

Varfolomeev, V. V. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 143–146 (in Russian).

Varfolomeev, V. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 225–244 (in Russian).

Varfolomeev, V. V., Loman, V. G., Evdokimov, V. V. 2017. In Samashev, Z. (ed.). *Kent – gorod bronzovogo v tsentre kazakhskikh stepei (Kent – the Bronze Age City in the Center of Kazakh Steppes)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan. Vol. XI. Astana: “Izdatel'skaya gruppa Kazakhskogo NII kul'tury” Publ. (in Russian).

Gass, A., Goryachev, A. A. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 15 (5), 85–123 (in Russian).

Gorbunov, V. S. 1992. *Bronzovyy vek Volgo-Ural'skoy lesostepi (Bronze Age of the Volga-Ural forest-steppe)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute (in Russian).

Goryachev, A. A. 2020. *Drevniy arkheologicheskiy kompleks verkhov'ev ushel'ya Kishi-Turgen (The ancient archaeological complex of the upper parts of the Kishi-Turgen gorge)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Epimakhov, A. V., Chechushkov, I. V. 2004. In Usachuk, A.N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 39–45 (in Russian).

Yermolayeva, A. S., Teplovodskaya, T. M. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 283–329 (in Russian).

Zadneprovskii, Yu. A. 1962. *Drevnezemel'delcheskaya kultura Fergany (Ancient agricultural Fergana)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 118. Moscow; Leningrad: Academy of Science of USSR Publ. (in Russian).

Zadneprovskii, Yu. A. 1997. *Oshskoe poselenie. K istorii Fergany v epokhu pozdney bronzy (Osh settlement. On the history of Ferghana in the Late Bronze Age)*, Bishkek: “Muras” Publ. (in Russian).

Iessen, A. A. 1953. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*. 18. Moscow: the USSR Academy of Sciences 49–110 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of Ancient Cattle Breeders and Metallurgists from Saryarka)*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2004. In Usachuk, A.N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 31–38 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii. Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Origins of the Indo-Aryan Peoples. Material Culture of Andronovo Communion Tribes and Origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Loman, V. G. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 247–259 (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Marsadolov, L. S. 2021. In Polyakov, A. V., Kashuba, M.T., Tsybiktarov, A. D. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) (Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China: Proceedings of the XI International Scientific Conference (September 8-11, 2021, Abakan))*. Saint Petersburg; Abakan: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 115–123 (in Russian).

Mar'yashev, A. N., Goryachev, A. A. 1999. In Mar'yashev, A. N. (ed.). *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* 1. Almaty: Funds “XXI century” and “Rodnichek” Publ., 44–56 (in Russian).

Geptner, V. G., Naumov, N. P. (eds.). 1961. *Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza (Mammals of the Soviet Union)*. Vol. 1. Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).

Pankovskii, V. B. 2004. In Usachuk, A.N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 115–127 (in Russian).

Pankovskii, V. B., Sargizova, G. B. 2020. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulan okulary – 2020 (Margulan readings – 2020)*. Vol. 1, Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 160–168 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2014. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 85–117 (in Russian).

Pryakhin, A. D., Besedin, V. I. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 22–35 (in Russian).

Rogozhinskii, A. E. 2011. *Petroglify arkheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of the archaeological landscape of Tamgaly)*, Almaty: “Signet Print” Publ. (in Russian).

Rogozhinskii, A. E. 2011. In Ermolenko, L. N., Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A., Mukhareva, A. N., Rogozhinskiy, A. E., Chirkov, B. F. (eds.). *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiia Tomskoi pisanitsy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 22 – 26 avgusta 2011) (Proceedings of International Research Conference “Rock Art in Modern Society. On 290th anniversary of the discovery of Tomskaya Pisanitsa”). Kemerovo, 22-26.08.2011)* 1. Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) VIII Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 87–99 (in Russian).

Savinov, D. G., Bobrov, V. V. 1983. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 12. Kemerovo: Kemerovo State University, 34–71 (in Russian).

Samashev, Z., Chotbayev, A., Besetayev, B. 2023. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archeology)* 20 (2), 9–29 (in Russian).

Sverchkov, L. M., Boroffka, N. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 1 (32), 5–18 (in Russian).

Smailov, Zh. E., Sakenov, S. K. 2019. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2019 (Margulan readings – 2020)*. Nur-Sultan: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 170–180 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 46–72 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1971. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 71–84 (in Russian).

Tishkin, A., Torgoev, A., Tabaldiev, K., Besetayev, B. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 18, 68–90 (in Russian).

Usachuk, A. N. 1996. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v sisteme drevnostey epokhi bronzy stepi i lesostepi Evrazii (Abashevo cultural and historical community in the system of antiquities of the Bronze Age of the steppe and forest-steppe of Eurasia)*. Tambov: Tambov State University, 26–29 (in Russian).

Usachuk, A. N., Varfolomeev, V. V. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 218–227 (in Russian).

Usmanova, E. R., Merts, V. K. 2020. In Bobomulloev, S. G., Kobilova, B. T. (eds.). *Sarazm (Sarazm)*. 3. Dushanbe: National Museum of Antiquities of Tajikistan, 72–97 (in Russian).

Bonora, G-L. 2020. In Lyonnet, B. and Dubova, N. A. (eds.). *The World of the Oxus civilization*. London & New York: Routledge, 734–778 (in English).

Loshakova, T. N. 2024. Bronze Age Settlements of the North-East Caspian Region. *Qazaq Historical Review*, vol. 2, no. 1, 60–89 (in English). DOI: 10.69567/3007-0236.2024.1.60.89

Reimer, P.J., Austin, W.E.N., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P.G., Ramsey, Ch.B., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hajdas, I., Heaton, T.J., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kromer, B., Manning, S.W., Muscheler, R., Palmer, J.G., Pearson, Ch., Van der Plicht, J., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Turney, C.S.M., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S.M., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon*, 62(4), 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41 (in English).

Stuiver, M., Reimer, P.J., Reimer, R.W. 2021. CALIB 8.2 [WWW program] at <http://calib.org>, accessed 2021-9-16 (in English).

About the Authors:

Besetayev Bauyrzhan B. Master of Archaeology and Ethnology, Senior Lecturer at the Department of Archaeology, Ethnology and Museology of Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Kazakhstan; bauyrzhan.besetayev@kaznu.edu.kz

Merts Ilya V. Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Joint Margulan Archaeological Research Center Toraighyrov University, Lomov str., 64, Pavlodar, 140008, Kazakhstan; doctoral student at Altai State University (Barnaul, Russia); barnaulkz@mail.ru

Tulegenov Turaly Zh. Master of Arts in Humanities, Head of the Department of Protection and Research of the Talgar settlement, “Issyk” State Historical and Cultural Reserve-Museum, the Esik – Alexandrovka highway 6.6 km, Esik, 040400, Kazakhstan; tur4ik_kz@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.83.105>

ВОЛГО-УРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА ПОСТКАТАКОМБНОГО ПЕРИОДА¹

© 2024 г. Р.А. Мимоход

Статья посвящена развернутой характеристике волго-уральской культурной группы. Она занимала степи одноименного региона в финале средней бронзы, входит в блок посткатакомбных культурных образований и является неотъемлемой частью культурного круга Лола. Группа представлена подкурганскими и грунтовыми захоронениями. Основными элементами ее наглядного образа являются адоративный обряд и ориентировки в южный сектор. Отдельный интерес представляет обрядовая группа, которую составляют погребения, совершенные в сидячей позе или ее имитации. В своем развитии группа прошла два этапа в пределах периода 2200–2000 CalBC. Своим происхождением волго-уральская культурная группа была связана с лолинской культурой, а ее историческая судьба тесно связана с формированием синташтинских древностей.

Ключевые слова: волго-уральская культурная группа, блок посткатакомбных культурных образований, культурный круг Лола, погребальный обряд, периодизация, хронология, культурно-генетические процессы.

VOLGA-URAL CULTURAL GROUP OF THE POST-CATACOMB PERIOD²

R.A. Mimokhod

The article deals with a detailed description of the Volga-Ural cultural group. It occupied the steppes of the region of the same name in the final Middle Bronze Age, is part of the post-Catacomb cultural formations and is an integral part of the Lola culture area. The group is represented by burial mounds and ground burials. The main elements of its visual image are the adorative ritual and orientation to the southern sector. Of particular interest is the ritual group, which consists of burials made in a sitting posture or its imitation. In its development the group passed two stages within the period 2200-2000 CalBC. By its origin, the Volga-Ural cultural group was associated with the Lola culture, and its historical fate is closely connected with the formation of Sintashta antiquities.

Keywords: Volga-Ural cultural group, post-Catacomb cultural formations, Lola culture area, burial rite, periodization, chronology, cultural and genetic processes.

Территория Волго-Уралья является восточной периферией посткатакомбного мира. В историографическом аспекте в процессе выделения древностей финала средней бронзы этот регион оставался последним слабым форпостом защиты тезиса о доживании катакомбной культуры до начала поздней бронзы. До этого свои позиции сдали Предкавказье, где были выделены лолинская культура и кубанская культурная группы (впоследствии невинномысская культура) (Мимоход, 2006; 2007), а также Нижнее Поволжье, где нишу между позднекатакомбными и позднебронзовыми древностями заняла криволукская культурная группа (впоследствии волго-донская

бабинская культура (ВДБК)) (Мимоход, 2004). Территория Волго-Уралья всегда считалась периферийной для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. Только во второй половине первого десятилетия нашего века в выделении пласта памятников, который непосредственной подстилает начало поздней бронзы в рассматриваемом регионе, был сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление здесь было связано с проникновением сюда носителей маньчжских и волго-донских катакомбных традиций

¹ Работа подготовлена в рамках НИР НИОКТР 122011200270-0.

² The work was prepared as a part of R&D 122011200270-0.

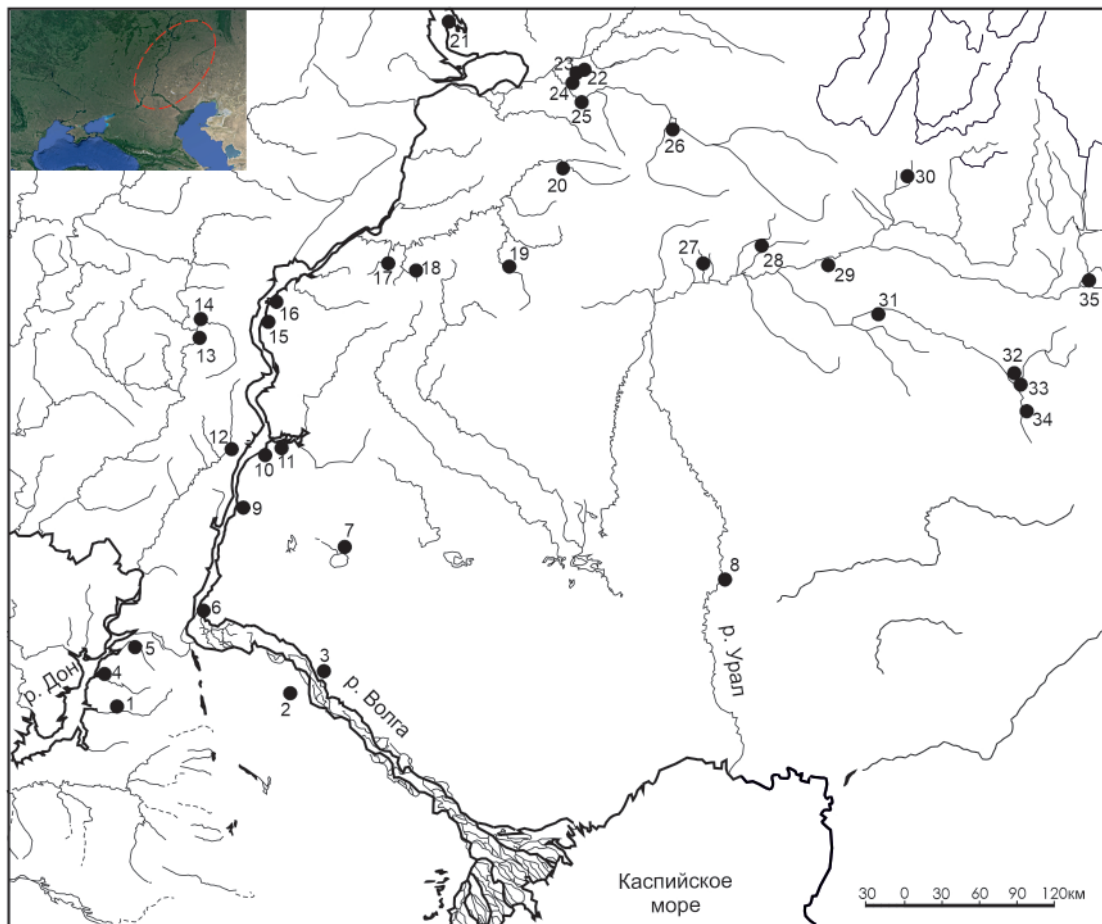

Рис. 1. Территория. 1 – Заливский I/15; 2 – Кривая Лука XIV 8/5; 3 – Степная IV 2/3; 4 – Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 5 – Тихоновка од. кург./5; 6 – Волжский 2/13; 7 – Венгеловка 5/1; 8 – Мамбеталы 5/1; 9 – Быково I 15/1,2, 16/12; 10 – Политотдельское 2/1, 12/18, Политотдельское II 1/2, Политотдельское-89 4/12; 11 – Бережновка I 14/2; 12 – Барановка I 10/4; 13 – Большие Копены 2 2/1; 14 – Горбатый мост 6/11; 15 – Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 128; 16 – Шумейка 2/4; 17 – Караман 3/1; 18 – Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 19 – Светлое Озеро 1/1, 7/1; 20 – Журавлиха 1/10; 21 – Хрящевка 2/1,2; 22 – Кутулук III 1/1; 23 – Грачевка II 5/3; 24 – Красносамарский I 1/2, II 1/2; 25 – Утевка I 1/2; 26 – Перевозинка 2/31,32; 27 – Ташла 4 6/3; 28 – Шумаево II 3/2, 6/1; 29 – Пятилетка 5/1; 30 – Имангулово II 5/3; 31 – Тамар-Уткуль VII 4/1-5; 32 – Восточно-Курайли 1 1/1; 33 – Учебный полигон п. 3; 34 – Шчилисай II 2/2; 35 – Новый Кумак 25/12,13,14.

Fig. 1. Area. 1 – Zalivsky 1/15; 2 – Krivaya Luka XIV 8/5; 3 – Stepnaya IV 2/3; 4 – Pervomaisky VIII 3/7, X 10/1; 5 – Tikhonovka od. burial mound/5; 6 – Volzhsky 2/13; 7 – Vengelovka 5/1; 8 – Mambetaly 5/1; 9 – Bykovo I 15/1,2, 16/12; 10 – Politotdelskoye 2/1, 12/18, Politotdelskoye II 1/2, Politotdelskoye-89 4/12; 11 – Berezhnovka I 14/2; 12 – Baranovka I 10/4; 13 – Bolshye Kopeny 2 2/1; 14 – Gorbaty Most 6/11; 15 – Smelovka, burials 6, 9, 12, 20, 33, 70, 128; 16 – Shumeika 2/4; 17 – Karaman 3/1; 18 – Barrow group (14 mounds) 12/1; 19 – Svetloye Ozero 1/1, 7/1; 20 – Zhuravlikha 1/10; 21 – Khryashchevka 2/1,2; 22 – Kutuluk III 1/1; 23 – Grachevka II 5/3; 24 – Krasnosamarsky I 1/2, II 1/2; 25 – Utevka I 1/2; 26 – Perevozinka 2/31,32; 27 – Tashla 4 6/3; 28 – Shumaevov II 3/2, 6/1; 29 – Pyatiletka 5/1; 30 – Imangulovo II 5/3; 31 – Tamar-Utkul VII 4/1-5; 32 – Vostochno-Kuraili 1 1/1; 33 – Uchebny polygon, burial 3; 34 – Shchilisai II 2/2; 35 – Novy Kumak 25/12,13,14.

(Ткачев, 2007, с. 228–257). Следует отметить, что в подборке исследователя наряду с действительно позднекатакомбными комплексами, оказались и отдельные посткатакомбные материалы, т.е. она не являлась однородной, но вектор решения проблемы был задан. Более 20 лет назад была написана статья, в которой обосновывалось выделение новой

волго-уральской культурной группы (ВУКГ) посткатакомбного периода, чьи древности непосредственно предшествовали памятникам начала поздней бронзы (Мимоход, 2010). При наличии уже неоднократно опубликованных работ, где посткатакомбные памятники Поволжья и Волго-Уралья рассматриваются дифференцировано, а речь идет о ВДБК и/или

ВУКГ, в не так давно вышедшей монографии, посвященной Грачевским курганам в Самарском Заволжье, памятники этих культурных образований оказались вновь смешанными (с использованием моего термина) в рамках «волго-уральской культурной группы». В ней оказались памятники как ВУКГ, так и ВДБК. Таким образом авторы фактически вернулись на уровень осмысления материала более чем десятилетней давности, с некоторой модернизацией, которая выразилась в замене термина «посткатакомбная» на «постполтавкинская» (Кузнецов и др., 2018, с. 89–91), в то время как волго-уральская группа и Волго-Донское Бабино — это не просто разные культурные образования. Они принадлежат к общностям, механизмы формирования которых, хотя и были сходны по структуре, но в корне отличаются в отношении участников культурогенеза. ВДБК является неотъемлемой частью культурного круга Бабино, происхождение которого было стимулировано миграционным импульсом из Центральной Европы и карпато-дунайского региона, а ВУКГ входит в состав культурного круга Лола, чье возникновение было обусловлено миграцией в степь части населения Северо-восточного Кавказа (Мимоход, 2018; 2022; Мимоход и др., 2022). Справедливости ради следует отметить, что через два года автор пока малопонятного термина «постполтавкинская волго-уральская культурная группа» П.Ф. Кузнецов возвращается к корректному для Волго-Уралья определению памятников как посткатакомбных (Кузнецов, 2020, рис. 2).

После выделения ВУКГ (Мимоход, 2010) я не раз обращался к характеристике этой группы (Мимоход, 2013, с. 323–326; 2018а, с. 143; 2021, с. 332–336). Однако делалось это либо в тезисном виде, либо в составе обобщающих работ, в которых совокупно рассматривались и другие посткатакомбные культуры, что естественно сказывалось на информативности разделов, посвященных ВУКГ. Да и за последние годы появились новые сюжеты, из которых опубликована только часть (Мимоход, 2021а). Данная статья посвящена полной характеристике волго-уральской группы в том объеме, который позволяет формат издания.

Территория. На данный момент известно 59 погребений ВУКГ из 37 могильников. Подавляющее большинство погребений расположено на территории Волго-Уралья

(рис. 1). Именно она и стала эпонимной при выделении этой культурной группы. Отдельные комплексы расположены на правом берегу Волги и Волго-Донском междуречье, в месте наибольшего сближения рек. Здесь памятники находятся в Сарпинской низменности, на Приволжской возвышенности, на левобережье — в Низком Заволжье и распространяются дальше на восток по территории Общего Сырта. Северная граница основного ареала ВУКГ располагается в лесостепной зоне севернее и в районе Самарской Луки. Восточный рубеж находится в бассейне среднего течения р. Урал. Южная граница ВУКГ, по всей видимости, находится на территории Северного Казахстана, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Погребальный обряд. Курганы волго-уральской группы в отличие от соседних ВДБК и лопатинской культуры никогда не образуют скоплений в курганных группах и не представлены в обособленных могильниках. Как правило, курган, возведенный носителями ВУКГ, был одиночным в составе инокультурного могильника. Насыпи небольшие высотой до 1 м, диаметром не более 20 м. Как и в ВДБК, в ВУКГ известен и бескурганый обряд погребения. В материалах масштабного грунтового могильника Смеловка (Лопатин, 2010) присутствует серия из 7 погребений этой группы. Основные захоронения составляют 32,7% от всех курганных погребений, погребения с досыпками — 4%, остальные впускные.

Погребения культурной группы одиночные. Только один раз было зафиксировано парное захоронение. В комплексе Светлое Озеро 1/1 обнаружены скелеты взрослого и ребенка (рис. 2: 3). Захоронения совершены в обычных ямах (рис. 2: 1, 2, 3: 1–21, 4: 1–9), ямах с заплечиками (рис. 2: 7–9), катакомбах (рис. 2: 4–6, 4: 11) и подбойных могилах (редуцированные катакомбы) (рис. 2: 3: 22–26).

Носители волго-уральских культурных традиций укладывали умерших скорченно на левом и правом боку. Особую группу представляют захоронения, совершенные в сидячей позиции или ее имитации (Мимоход, 2021а). Левобочное положение скелета было доминирующим. Погребения с такой позицией составляют 64,3% от всех захоронений, комплексы с положением на правом боку — 16%, сидячие погребения — 19,6%.

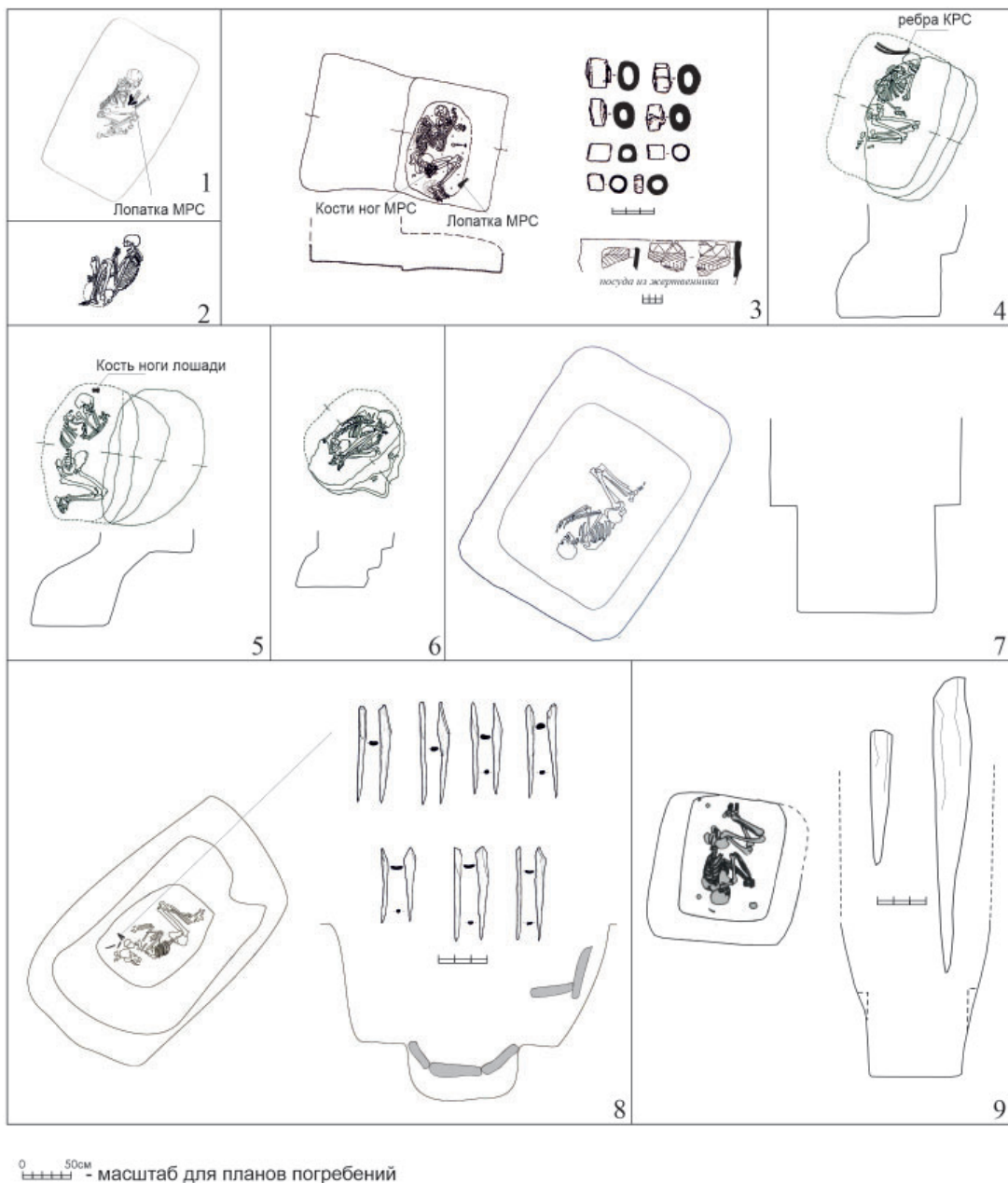

Рис. 2. Погребения ОГ I-III. 1, 2 – ОГ I; 3-6 – ОГ II; 7-9 – ОГ III.

1 – Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 2 – Учебный полигон п. 3; 3 – Светлое Озеро 1/1; 4 – Смеловка гр. мог. п. 9; 5 – Смеловка гр. мог. п. 12; 6 – Смеловка гр. мог. п. 33; 7 – Перевозинка 2/32; 8 – Имангулово II 5/3; 9 – Заливский 1/15.

Fig. 2. Burials OG I-III. 1, 2 – OG I; 3-6 – OG II; 7-9 – OG III.

1 – Barrow group (14 mounds) 12/1; 2 – Uchebny polygon, burial 3; 3 – Svetloye Ozero 1/1; 4 – Smelovka, burials 9; 5 – Smelovka, burial 12; 6 – Smelovka, burial 33; 7 – Perevozinka 2/32; 8 – Imangulovo II 5/3; 9 – Zalivsky 1/15.

В погребениях волго-уральской группы периодически встречаются следы горения. Они представлены скоплениями золы и угля и их вкраплениями. Захоронения с этим элементом обряда составляют 14% от всех комплексов. Это достаточно высокий показатель. Для сравнения в соседних культурах ВДБК и лопинской эти данные соответственно – 6,9% и 3,1%. Похоже, что огонь в погребальном

ритуале ВУКГ играл более значимую роль по сравнению с другими посткатакомбными культурами.

Очень показательна ориентировка умерших. Полностью доминирует ориентировка в южный сектор. Именно она является основным элементом наглядного образа культурной группы. Особенно это касается юго-западного направления. Погребения с таким вектором

составляют почти половину от всех погребений с установленной ориентировкой скелетов. Если сравнить данные ВУКГ с родственной ей лолинской культурой, то получится выразительная в культурном отношении картина. В пропорциональном отношении основные векторы ориентации скелетов Лолы и волго-уральской группы оказываются прямо противоположными. В первом случае доминируют северные направления, особенно северное и северо-восточное (Мимоход, 2013, илл. 14), во втором южные, особенно юго-западное и южное (рис. 2: 7–9, 3: 1–24). Такие кардинальные различия обусловлены особенностями культуругенеза ВУКГ и хорошо иллюстрируют ее культурную специфику.

В положении рук абсолютно доминирует адоративная и близкие к ней позиции (рис. 2, 3: 1–16, 18–26). Погребения с таким положением составляют 95% от всех комплексов с установленной позицией рук.

Характерной чертой обряда ВУКГ является помещение в могилу в большинстве случаев костей мелкого рогатого скота (рис. 2: 3, 3: 4, 17, 25, 26, 4: 9, 10), в меньшее число погребений – костей крупных копытных (рис. 2: 4, 5, 4: 8). ВУКГ, как и большинство культурных образований посткатакомбного блока, демонстрирует посткатакомбные традиции размещения костей животных в могилах. Главная из них это приуроченность к скелету. Катакомбные позиции, когда комплексы с КЖ отделены от тела, встречаются редко и являются рудиментами предшествующей эпохи. Будучи непосредственным соседом лолинской культуры и связанной с ней своим происхождением, а также с учетом чересполосного проживания на левом берегу Волги с носителями волго-донских бабинских традиций (Мимоход, 2018, рис. 1; 2021, рис. 1), анатомический состав КЖ в захоронениях волго-уральской группы демонстрирует синкретические черты. С одной стороны, в погребениях ВУКГ присутствуют лопатки МРС (рис. 2: 1, 3: 17), что является визитной карточкой лолинской культуры (Мимоход, 2007а), а с другой, кости конечностей мелкого и крупного рогатого скота, которые служат одним из важных культурно-хронологических индикаторов ВДБК (Мимоход, 2021б).

В последней работе, посвященной характеристике волго-уральской группы, в ее составе были выделены две обрядовые группы (ОГ)

(Мимоход, 2021, с. 333). Дальнейшая работа с признаками погребального обряда позволила увеличить их количество до семи. Общим для шести групп является скорченное положение скелета и адоративные позиции рук. Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция» и «ориентировка костяка».

ОГ I представлена двумя комплексами (рис. 2: 1, 2). Она соответствует ОГ I лолинской культуры. Умерший лежит в яме в скорченном адоративном положении, черепом ориентирован на СВ. В отличие от Лолы, где эта группа самая многочисленная (Мимоход, 2013, с. 46), в ВУКГ она явно маргинальная и составляет всего 3,4% от всех погребений.

ОГ II также соответствует классификации обрядовых групп лолинской культуры. Погребения совершены в подбойных могилах, умершие ориентированы в северный сектор (рис. 2: 3–5). Удельная доля группы – 8,9%. Этот показатель в полтора раза ниже, чем в лолинской культуре.

ОГ III представлена погребениями в ямах с заплечиками (рис. 2: 7–9). Известно три захоронения этой группы (5,1%). Умершие были ориентированы на Ю и ЮЗ. Погребения явно неординарные. Об этом свидетельствуют очень глубокие ямы 2–2,5 м. В двух из трех случаев погребения были основными в курганах (рис. 2: 7, 8). Эта группа соответствует ОГ III лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 47, илл. 30, 6–9), однако, с очень существенной разницей. В Лоле это тоже глубокие погребения с заплечиками в нижней части, подавляющее большинство которых сопровождалось насыпями, но ориентировки скелетов ОГ III лолинской культуры и волго-уральской группы диаметрально противоположны. В первом случае это С и СВ векторы, во втором – Ю и ЮЗ (рис. 2: 7–9). Еще одно серьезное различие наблюдается в инвентарном комплексе захоронений этих групп. В лолинской культуре умершие, как правило, сопровождаются богатым приданным, включая орудия из металла и даже украшения из золота (Мимоход, 2013, с. 47, илл. 30, 6–9), безынвентарных погребений здесь нет. В ВУКГ, наоборот, из трех комплексов два не имели инвентаря (рис. 2: 7, 9), а в п. 3 к. 5. мог. Имангулово II обнаружен только набор из костяных стержней (рис. 2: 8). На уровне сравнительной характеристики ОГ III лолинской культуры

и волго-уральской группы хорошо прослеживаются с одной стороны, их генетическая взаимосвязь, а с другой культурная специфика.

ОГ IV самая многочисленная в ВУКГ. Захоронения совершены в ямах, умершие ориентированы на ЮЗ, Ю, ЮВ, причем с доминированием юго-западного вектора (рис. 3: 1–21). Ситуация опять же принципиально схожа с выше охарактеризованной. В лолинской культуре самой многочисленной является *ОГ I*, где умершие лежат в ямах, головой ориентированы в северный сектор (Мимоход, 2013, с. 46, илл. 27), а в *ОГ IV* волго-уральской группы скелеты также находятся в могилах ямной конструкции, но черепом направлены в южный сектор. Близки и статистические показатели обрядовых групп, которые являются ведущими в определении наглядного образа обоих культурных образований. В Лоле захоронения *ОГ I* составляют 38,3%, в ВУКГ комплексы *ОГ IV* – 44,6%.

ОГ V представлена погребениями в подбойных могилах, в которых индивиды ориентированы на ЮЗ и ЮВ, причем также с явным доминированием юго-западного направления (рис. 3: 22–24, 26). В группу объединены три погребения, что составляет 5,1% от всего массива захоронений. В этой группе все могильные конструкции являются редуцированными катакомбами.

ОГ VI так же, как и *ОГ I*, представлена только одним комплексом (Смеловка гр. мог. п. 20). Умерший лежал в подбойной могиле, головой ориентирован на З (рис. 3: 25). Очевидно, что это также маргинальная группа (1,7%). Западная ориентировка не свойственна культурам лолинского круга.

ОГ VII представлена очень своеобразной группой погребений. В нее объединены захоронения, в которых умершие были погребены в специфической сидячей позе или ее имитации (рис. 4). Известно 13 таких захоронений, что составляет 22% от всех комплексов ВУКГ. Это существенный показатель. Данная группа в количественном отношении занимает второе место после *ОГ IV*, которая представляет основу наглядного образа волго-уральской группы. Еще большее своеобразие *ОГ VII* придает тот факт, что погребения, совершенные в положении «сидя», кроме ВУКГ, больше неизвестны в посткатакомбном мире. Эта группа подробно рассмотрена в специ-

альной статье (Мимоход, 2021а), поэтому нет смысла на ней сейчас останавливаться.

Погребальный **инвентарь** волго-уральской группы представлен керамической посудой, костяными изделиями, бронзовыми и каменными орудиями труда, бронзовыми, костяными и фаянсовыми украшениями (рис. 5).

Безынвентарность погребений, характерная для блока посткатакомбных культурных образований, хорошо выражена и в ВУКГ. Захоронения без сопровождающих вещей здесь составляют 63% от всех комплексов. По этому показателю волго-уральская группа демонстрирует большее сходство с ВДБК, чем с лолинской культурой.

Крайне редко в захоронениях встречается *керамика* (рис. 5: 1–3). Она обнаружена в трех комплексах, что составляет 5,3% от всех захоронений. Это самый низкий показатель для всего посткатакомбного блока. Помещение посуды в погребения явно не входило в канон погребальной обрядности носителей волго-уральских традиций. Это подтверждается не только единичностью погребений с керамикой, но и тем, что, как и в случае с Волго-Донским Бабино, посуда ВУКГ распадется на группы, одна из которых является инокультурной.

Первую из них представляет горшок из п. 6 гр. мог. Смеловка (рис. 5: 1). Сосуд имеет специфический орнамент. Нижний фриз представлен композицией, выполненной гладким штампом в виде лесенок. Такой же способ декорирования присутствует на банке из лолинской комплекса Островной 3/15 на Восточном Маньче (Мимоход, 2013, илл. 45: 6). С учетом генезиса ВУКГ, который непосредственно связан с лолинской культурой, именно этот сосуд является культурным маркером волго-уральской группы. Он органично вписывается в серию округлобоких горшков лолинской культуры (Мимоход, 2013, илл. 46: 8–14, 47: 1–3).

Вторую группу составляют сосуды вольско-лбищенского облика (рис. 5: 2, 3). Здесь мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда инокультурная посуда попадает в посткатакомбный контекст. Не так давно уже было показано, что вольско-лбищенские горшки в контактной зоне двух культур обнаружены и в погребениях ВДБК (Мимоход, 2020). Иными словами, посуда с вольско-лбищенскими чертами обнаружена в погребениях Волго-

Рис. 3. Погребения ОГ IV–VI. 1–21 – ОГ IV; 22–25 – ОГ V; 26 – ОГ VI.

1 – Большие Копены 2 2/1; 2 – Восточно-Курайли 1 1/1; 3 – Горбатый мост 6/11; 4 – Грачевка II 5/3; 5 – Барановка I 10/4; 6 – Красносамарский I 1/2; 7 – Первомайский VIII 3/7; 8 – Первомайский X 10/1; 9 – Политотдельское-89 4/12; 10 – Пятилетка 5/1; 11 – Утевка I 1/2; 12 – Смеловка гр. мог. п. 128; 13 – Смеловка гр. мог. п. 112; 14 – Хрящевка 2/1; 15 – Хрящевка 2/2; 16 – Шумаево II 6/1; 17 – Шумаево II 3/2; 18 – Политодельское II 1/2; 19 – Тихоновка од. кург./5; 20 – Новый Кумак 25/12; 21 – Красносамарский II 1/2; 22 – Шчилисай II 2/2; 23 – Новый Кумак 25/14; 24 – Смеловка гр. мог. п. 6; 25 – Смеловка гр. мог. п. 70; 26 – Смеловка гр. мог. п. 20.

Fig. 3. Burials OG IV–VI. 1–21 – OG IV; 22–25 – OG V; 26 – OG VI.

1 – Bolshye Kopeny 2 2/1; 2 – Vostochno-Kuraili 1 1/1; 3 – Gorbaty Most 6/11; 4 – Grachevka II 5/3; 5 – Baranovka I 10/4; 6 – Krasnosamarsky I 1/2; 7 – Pervomaisky VIII 3/7; 8 – Pervomaisky X 10/1; 9 – Politotdelskoye-89 4/12; 10 – Pyatiletka 5/1; 11 – Utevka I 1/2; 12 – Smelovka, burial 128; 13 – Smelovka, burial 112; 14 – Khryashchevka 2/1; 15 – Khryashchevka 2/2; 16 – Shumaevov II 6/1; 17 – Shumaevov II 3/2; 18 – Politodelskoe II 1/2; 19 – Tikhonovka od. burial mound /5; 20 – Novy Kumak 25/12; 21 – Krasnosamarsky II 1/2; 22 – Shchilissai II 2/2; 23 – Novy Kumak 25/14; 24 – Smelovka, burial 6; 25 – Smelovka, burial 70; 26 – Smelovka, burial 20.

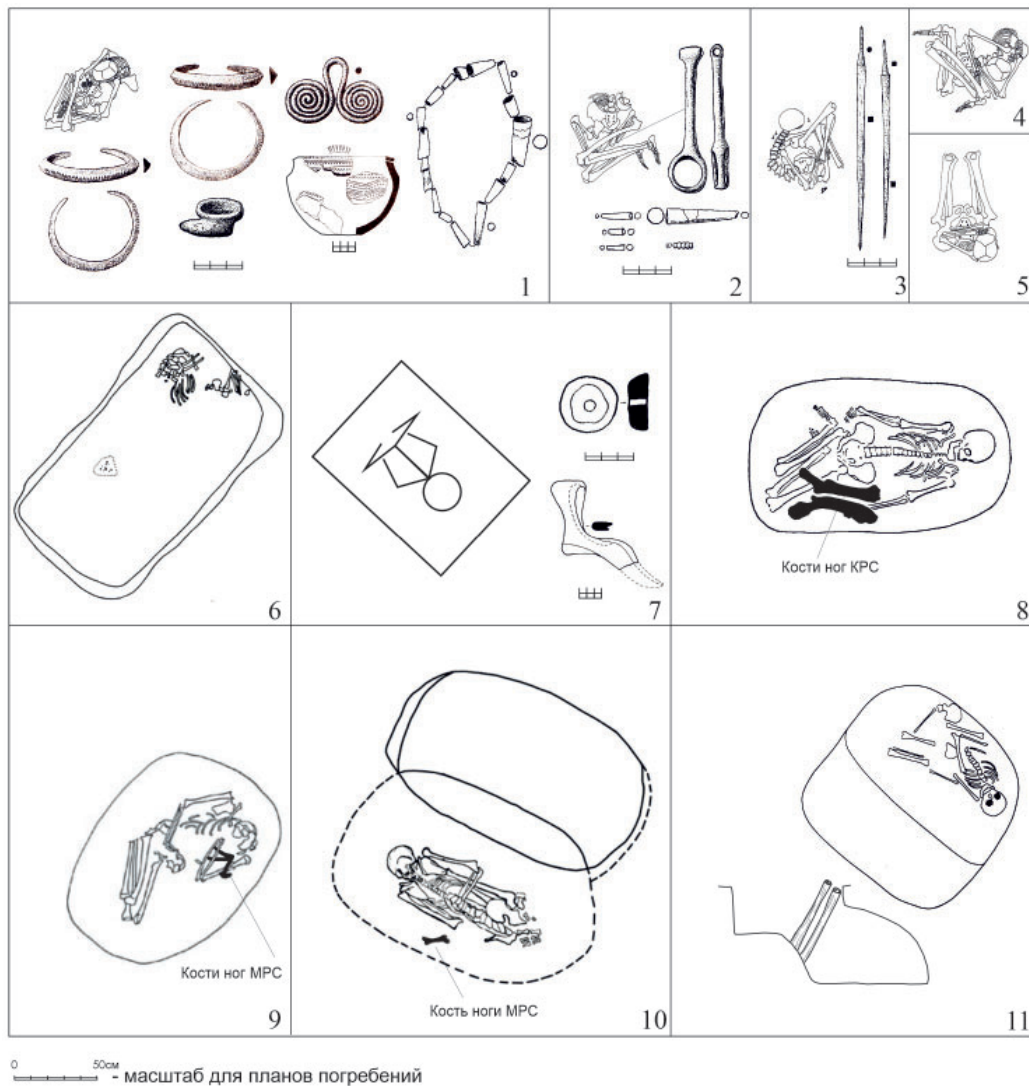

Рис. 4. Погребения ОГ VII. 1 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 2 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 3 – Тамар-Уткуль VII 4/4; 4 – Тамар-Уткуль VII 4/1; 5 – Тамар-Уткуль VII 4/2; 6 – Светлое Озеро 7/1; 7 – Мамбеталы 5/1; 8 – Бережновка I 14/2; 9 – Караман 3/1; 10 – Шумейка 2/4; 11 – Перевозинка 2/31.

Fig. 4. Burials OG VII. 1-Tamar-Utkul VII 4/5; 2-Tamar-Utkul VII 4/3; 3-Tamar-Utkul VII 4/4; 4 – Tamar –Utkul VII 4/1; 5 – Tamar – Utkul VII 4/2; 6 – Svetloye Ozero 7/1; 7-Mambetaly 5/1; 8-Berezhnovka I 14/2; 9-Karaman 3/1; 10-Shumeika 2/4; 11-Perevoznika 2/31.

Донского Бабино и ВУКГ, а это не просто разнокультурные образования, как уже отмечалось выше.

Орудия из металла представлены бронзовыми ножом, теслом и шильями (рис. 5: 4–7).

Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож (рис. 5: 5), близкий по морфологии узким листовидным клинкам 1-го типа лонинской культуры (Мимоход, 2013, с. 75–78, илл. 50: 4–6, 8–12). Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, которые являются характер-

ными деталями некоторых ножей покровской серии. В частности, близкий по форме нож с подобным оформлением черенка найден в покровском погребении того же могильника (Смирнов, 1960, рис. 10: 12).

Тесло из Утевки (рис. 5: 4) имеет поздний облик. Оно близко изделиям кнышевского типа по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову (2001, с. 66). Такие изделия особенно характерны для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья и Нижнего, непосредственно предшествовавших посткатакомбному горизонту. По пропорциям наше

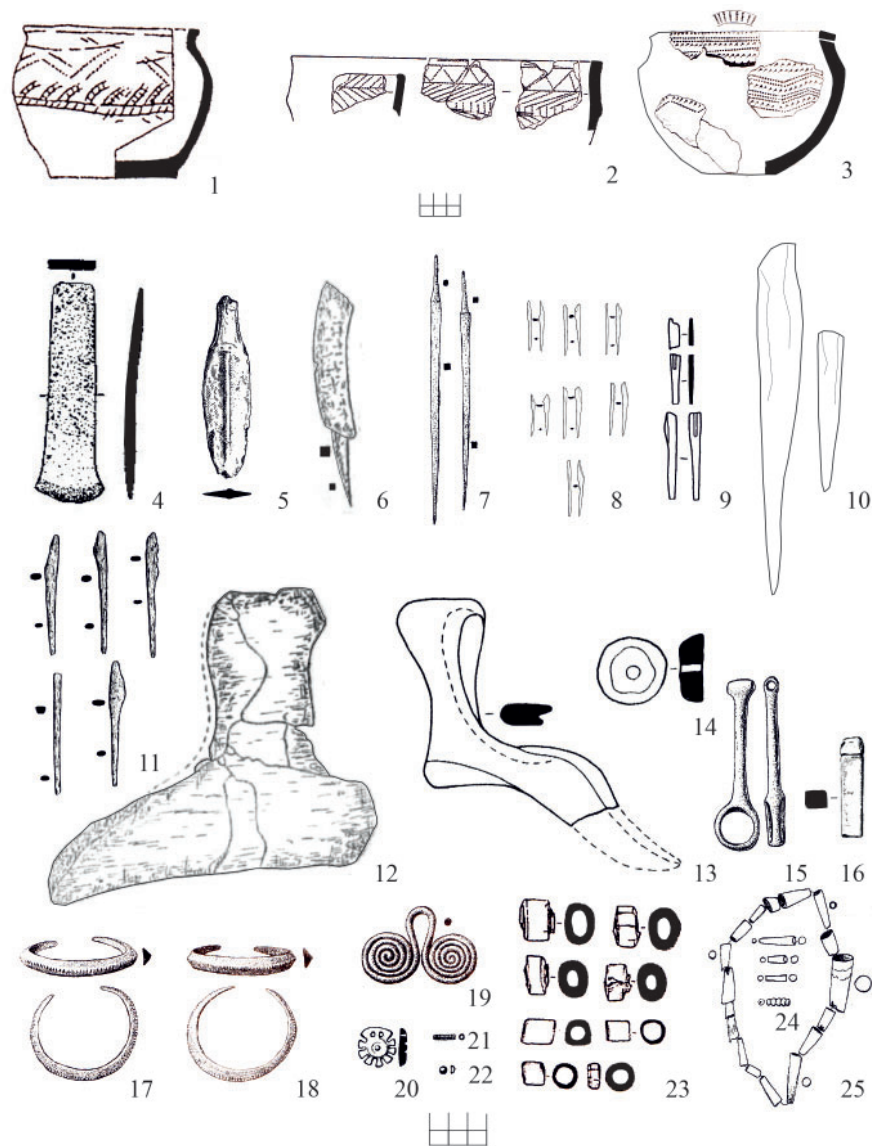

Рис. 5. Инвентарь. 1 – Смеловка гр. мог. п. 6; 2,23 – Светлое Озеро 1/1; 3,17,18,19,25 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 4 – Утевка I 1/2; 5 – Быково I 15/2; 6,12 – Красносамарский I 1/2; 7 – Тамар-Уткуль VII 4/4; 8 – Имангулово II 5/3; 9 – Венгеловка 5/1; 10 – Заливский 1/15; 11,20–22 – Красносамарский II 1/2; 13,14 – Мамбеталы 5/1; 16 – Быково I 15/1; 15,24 – Тамар-Уткуль VII 4/3.

Fig. 5. Inventory. 1 – Smelovka, burial 6; 2,23 – Svetloye Ozero 1/1; 3,17,18,19,25 – Tamar-Utkul VII 4/5; 4 – Utevka I 1/2; 5 – Bykovo I 15/2; 6,12 – Krasnosamarsky I 1/2; 7 – Tamar-Utkul VII 4/4; 8 – Imangulovo II 5/3; 9 – Vengelovka 5/1; 10 – Zalivsky 1/15; 11,20–22 – Krasnosamarsky II 1/2; 13,14 – Mambetaly 5/1; 16 – Bykovo I 15/1; 15,24 – Tamar-Utkul VII 4/3.

тесло вполне сопоставимо и с серий тесел, известных в синташтинских погребениях (Мимоход, 2013, илл. 126: 23–26).

В металлокомплексе ВУКГ представлены и четырехгранные шилья (рис. 5: 6, 7).

Хорошо представлены в погребениях ВУКГ изделия из кости (рис. 5: 8–15). Показательно обнаружение в погребениях волго-уральской группы костяных тупиков (рис. 5: 12, 13). Уже было показано, что включение в состав

инвентаря крупных кожевенных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннеолонского периода. Именно лонинская культура, по всей видимости, и сгенерировала эту традицию, которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы (Мимоход, 2013, с. 92–97; Мимоход, Усачук, 2023).

В трех комплексах обнаружены наборы костяных стержней (рис. 5: 8, 9, 11). Скорее

всего, это остатки гребней. В п. 15 к. 1 мог. Заливский найдены «два острия из осколков трубчатых костей» (рис. 5: 10) (Шилов, 1991, с. 52). Не исключено, что семантика этих предметов в данном комплексе синонимична гребням. Скорее всего, использование этих предметов в погребальной обрядности является одной из специфических черт волгоуральской группы. Однако встречаются такие изделия и раньше, а яркое развитие традиция помещения гребней в могилу получает дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы (Усачук и др., 2023).

Несомненный интерес представляет обнаружение в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 костяной пряжки (рис. 5: 15). Она относится к кольцевидно-узкопланочному типу по классификации С.Н. Братченко (1995, с. 14–15), т.е. имеет кольцо для захлестывания свободного конца ремня, длинную узкую планку с отверстием для крепления глухого конца пояса. Функциональное назначение тамаруткульского изделия подтверждает и расположение его в погребении. Пряжка находилась ниже тазовых костей у сведенных колен (рис. 4: 2), которые, скорее всего, ноги были связаны поясом. Изделие имеет многочисленные аналогии. Ближайшая в территориальном отношении – это пряжка из погребения, совершенного в руинах Ливенцовской крепости (Братченко, 1995, рис. 2: 6; 2006, рис. 24: 2). У этих предметов идентична система расположения отверстий: малое отверстие перпендикулярно большому. Кроме того, обе пряжки имеют втульчатое утолщение на конце для крепления глухого конца ремня. Вопрос о культурной атрибуции ливенцовского погребения с пряжкой пока остается открытым. Однако нельзя не обратить внимание на то, что по обрядовым признакам п. 6 из Ливенцовской крепости полностью соответствует стандартам ВУКГ (Братченко, 2006, рис. 24: 1), а пряжка из него является самой близкой и фактически прямой аналогией изделию из Тамар-Уткуля. Структурное типологическое сходство волгоуральской поясной детали наблюдается и с пряжками типа Ипатово-Типки лолинской культуры, на что не раз обращалось внимание (Мимоход, 2021а, рис. 4; 2022а, рис. 6). Не вызывает особых сомнений, что лолинские пряжки и волго-уральский экземпляр (рис. 5: 15) следует рассматривать в едином контексте поясной гарнитуры культурного круга Лола.

Каменные орудия представлены одним предметом – фрагментом каменного бруска с перетяжкой на конце (рис. 5: 16). Э.С. Шарфудинова полагает, что первоначально это было изделие с двумя перетяжками (Шарфудинова, 2001, с. 152). Если это так, то это единственный предмет такого типа в культурном круге Лола. Функциональное назначение этих вещей в качестве защитных накладок на запястье лучника было рассмотрено по материалам погребальных памятников культурного круга Бабино (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021).

Особый интерес представляют *украшения*, обнаруженные в погребениях ВУКГ.

В комплексе Светлое Озеро 1/1 найден набор костяных бус (рис. 5: 23). Эти изделия не имеют какой-либо культурно-хронологической нагрузки. То же самое можно сказать и о пронизях, сделанных из раковин *Dentalium* из тамар-уткульских погребений (рис. 5: 24, 25).

В п. 3 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII обнаружены фаянсовые пронизи, одна из которых имела сегментовидную форму (рис. 5: 24). Особенности территориального и хронологического распределения сегментовидных бус и пронизей подробно уже были рассмотрены (Мимоход, 2013, с. 200–202). Этот тип украшений характерен для позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований. В свою очередь, фаянсы не характерны для постшнурового мира. Следует напомнить, что в этом же комплексе найдена кольцевидно-узкопланочная пряжка. Иными словами, инвентарный комплекс этого захоронения имеет выразительные посткатакомбные черты.

Иначе дело обстоит с соседним в кургане комплексом Тамар-Уткуль VII 4/5, умерший в котором тоже находился в сидячем положении (рис. 4: 1). Из погребения происходят очковидная подвеска и бронзовые браслеты (рис. 5: 17–19). Эти изделия связаны в большей степени именно с постшнуровым миром. Показательны и бронзовые браслеты (рис. 5: 17, 18). Их особенностью является треугольное сечение и приостренные концы. Аналогичные предметы происходят из комплексов средневожской и южноуральской абашевских культур.

Отдельный интерес представляет гарнитур украшений п. 2 к. 1 могильника Красносамарский II. Он представлен бронзовыми бляшкой-розеткой, скорлупковидной бляшкой

и спиралевидными пронизьями (рис. 5: 20–21). Нет никаких сомнений, что здесь мы имеем дело с классическим абашевскими украшениями (Кузьмина, 2002), поэтому неудивительно, что комплекс Красносамарский II 1/2 традиционно рассматривается как погребение Средневожского Абашева (Кузьмина, 1979, с. 89; 2000а, рис. 17; 2021, с. 460). Мне кажется, что в свете новых данных культурную атрибуцию этого захоронения следует пересмотреть. Дело в том, что при абашевских украшениях в комплексе представлен совершенно неабашевский обряд. Умерший лежит скорченно на левом боку в позе адорации головой на ЗЮЗ (рис. 3: 21). Несложно заметить, что обряд в этом погребении демонстрирует все основные структурные черты ВУКГ самой распространенной ОГ IV, и он не имеет ничего общего со стандартами погребальной практики Средневожского Абашева. В качестве прямой аналогии позе умершего (рис. 3: 21) можно указать на п. 20 гр. мог. Смеловка (рис. 3: 25), которое обладает еще выраженными посткатакомбными чертами: яма с подбоем и кость конечности МРС.

Кроме характерного обряда и в самом инвентарном комплексе п. 2 к. 1 мог. Красносамарский II есть важный культурный индикатор ВУКГ. Речь идет о наборе из 8 костяных стержней, которые лежали у черепа «острием к нему, параллельно друг другу, плотным рядом» (рис. 3: 21) (Кузьмина, 1979, с. 89). Исследовательница определяла их как наконечники стрел, но это, конечно, не так. Здесь мы имеем дело с гребнем. Фактически полная аналогия этому изделию происходит из комплекса ВУКГ Имангулово II (рис. 2: 8). Здесь, как и в случае с Красносамарским II 1/2 (рис. 3: 21), мы тоже имеем дело с гребнем. Изделия располагались вплотную к черепу (рис. 2: 8), т.е. предмет находился в прическе. Кроме этих комплексов, костяные стержни обнаружены еще в двух погребениях (Венгеловка 5/1 и Заливский 1/15) (рис. 2: 9, 5: 9, 10). Иными словами, традиция помещения гребней в захоронения является хорошо опознаваемым культурным индикатором ВУКГ.

Подводя итог, следует сказать, что комплекс Красносамарский II 1/2 является погребением волго-уральской группы, в котором содержится гарнитур украшений средневожской абашевской культуры как свидетельство межкультурных контактов. Ситуация здесь

принципиально такая же, как еще с одним погребением ВУКГ Тамар-Уткуль VII 4/5, которое при посткатакомбном обряде содержит инокультурный инвентарь, связанный с постшнуровым миром (рис. 4: 1).

Таким образом, инвентарь ВУКГ при единстве погребальных традиций имеет определенные черты эклектичности. В его составе присутствуют вольско-лбищенская посуда и абашевские украшения. Тем не менее, вещи посткатакомбного облика составляют основу инвентарного комплекса волго-уральской группы. К ним относятся один из сосудов, тупики, пряслице, гребни, пряжка, нож, тесло, сегментовидные бусы. При этом следует отметить, что в материалах ВУКГ имеется только три комплекса с инокультурным инвентарем, что составляет 14,3% от всех погребений, в которых обнаружены сопровождающие вещи. Причем, расположены они в контактных зонах, где носители волго-уральских традиций непосредственно взаимодействовали с вольско-лбищенским и средневожским абашевским населением. Иными словами, ВУКГ обладает необходимыми культурно определяющими признаками, к которым относится не только единство погребального обряда, но и специфические черты инвентарного комплекса. Его основу составляют вещи посткатакомбного облика, в том числе предметы, отражающие чисто волго-уральскую культурную специфику (гребни, пряжка).

Периодизация и хронология. Датировка ВУКГ посткатакомбным периодом хорошо подтверждается *данными стратиграфии*. Как уже отмечалось, сама группа немногочисленна и насчитывает 58 погребений, поэтому и стратиграфических связей немного, но они достаточно показательны.

В к. 4 мог. Политодельское-89 и к. 7 мог. Светлое Озеро достоверно установлено следование волго-уральских погребений за волгодонскими катакомбными комплексами (рис. 6) (Жемков, Лопатин, 2008; Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020). Эти памятники хорошо иллюстрируют посткатакомбный возраст ВУКГ.

Подтверждает этот факт и стратиграфическое соотношение погребений волго-уральской группы с захоронениями позднего бронзового века. В знаменитом кургане 25 Нового Кумака основным было подбойное погребение 14 ВУКГ, затем в него впустили захоронение 12, совершенное в яме с каменной конструк-

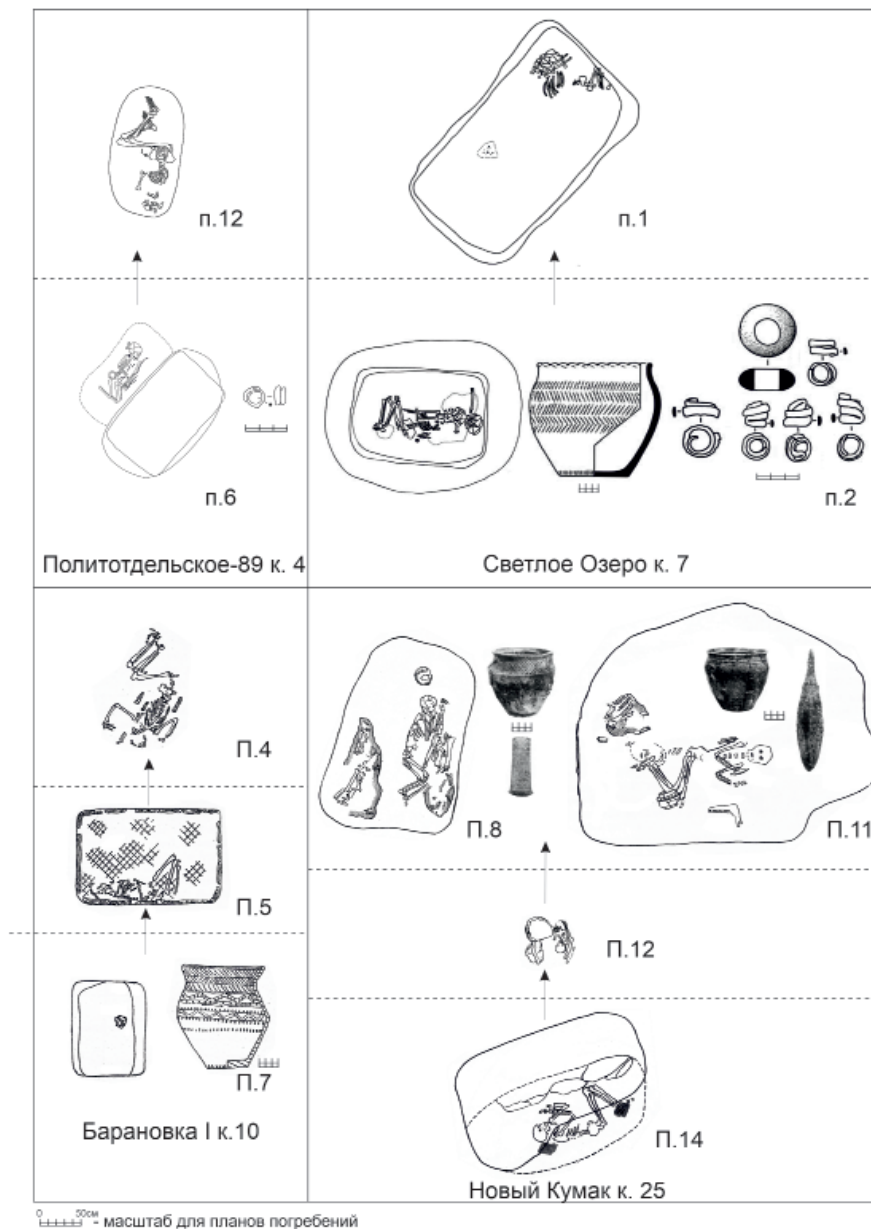

Рис. 6. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с захоронениями катакомбной, полтавкинской, волго-донской бабинской, днепро-донской бабинской и синташтинской культур.

Fig. 6. Stratigraphic correlation of the Volga-Ural Cultural Group burials with the tombs of the Catacomb, Poltava, Volga-Don Babino, Dnieper-Don Babino and Sintashta cultures.

цией в позе адорации с южной ориентировкой того же культурного контекста. После этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры (рис. 6) (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 8–18). В к. 2 мог. Перевозинка п. 31 и п. 32 были основными в кургане. Об этом свидетельствуют данные общего плана и профилей с выкидами (Смирнов, 1967, рис. 57). Позже в курган были впущены 30 погребений срубной культуры. Часть из них имеет архаичный облик и относится к покровскому времени

(рис. 7). В к. 2 мог. Шумейка основным было п. 4 волго-уральской группы, а впускным к нему п. 3, которое по показательному сосуду датируется позднепокровским временем (рис. 7) (Юдин, 2007). Как позднепокровский можно определить и баночный сосуд из комплекса Политотдельское 12/17. В кургане это погребение следовало за п. 18 ВУКГ (рис. 7) (Смирнов, 1959). В к. 6 мог. Горбатый мост основным было п. 11 волго-уральской группы, а следующий стратиграфический

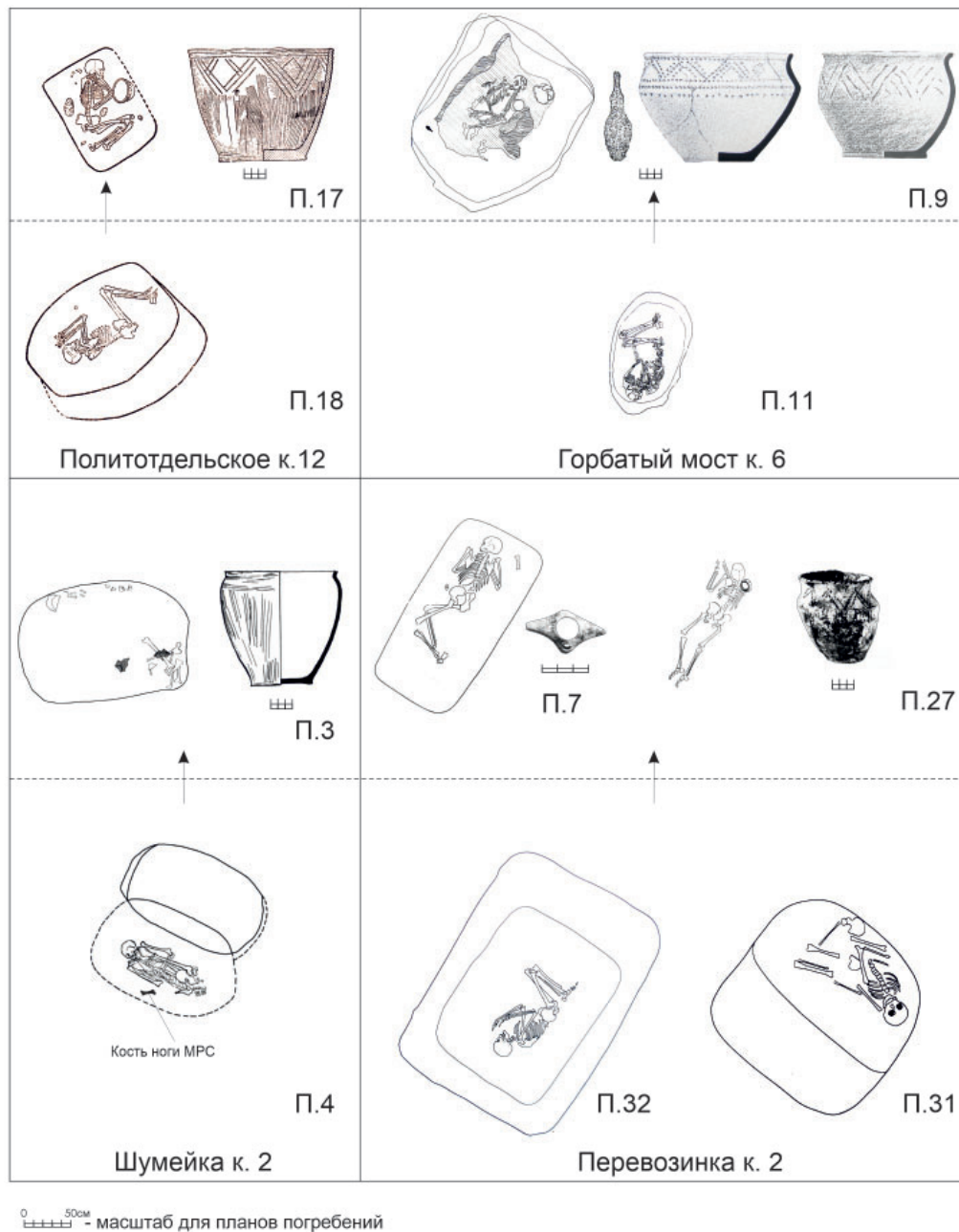

Рис. 7. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с покровскими и срубными захоронениями.

Fig. 7. Stratigraphic correlation of the Volga-Ural Cultural Group burials with the Pokrovsk and Srumnaya burials.

горизонт представляло захоронение 9 первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (рис. 7) (Тихонов, 2018). В кургане 10 I Барановского могильника была зафиксирована следующая стратиграфическая картина. Основным здесь было погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд, имеющий вольско-лбищенские черты. Затем было совершенно захоронение 5 днепро-донской бабинской культуры (ДДБК), сопровождавшееся досыпкой. В нее было впущено погребение 4 ВУКГ (рис. 6) (Сергацков, 1992). Последняя связка демонстрирует стратиграфическое соотно-

шение внутри посткатакомбного блока. Она свидетельствует о том, что ВУКГ не датируется раньше первого этапа Днепро-Донского Бабино.

Таким образом, стратиграфические данные показывают, что волго-уральская группа погребений занимает место после катакомбной культуры до начала поздней бронзы, т.е. датируется финалом среднего бронзового века.

Периодизация и хронология. К сожалению, на сегодняшний день мы имеем всего два кургана, где зафиксировано стратиграфическое соотношение погребений волго-ураль-

ской группы. В к. 2 мог. Перевозинка насыпь была устроена над погребениями ОГ III и VII (рис. 7), т.е. они представляли единый стратиграфический горизонт. Эта связка хорошо подтверждает наблюдения, сделанные по материалам родственной лолинской культуры. Глубокие ямы с заплечиками и катакомбы характерны для раннего этапа. Также дело обстоит и с ВУКГ. Информативна и вторая также уже упоминавшаяся стратиграфическая связка, зафиксированная в к. 25 мог. Новый Кумак. В этом кургане стратиграфия показывает те же тенденции, что и в лолинской культуре. Основным было погребение в катакомбе, а впускными к нему погребения в ямах, в один из которых был установлен каменный ящик (рис. 6). Это связка показывает, что подобные могилы в ВУКГ датируются ранним этапом.

I этап. *Погребальный обряд.* Ранние погребения ВУКГ совершены в катакомбах, глубоких ямах с заплечиками и в простых ямах (ОГ II–VII) (рис. 8: 1–12). Представительна доля погребений, с которыми связано курганное строительство. Из тех комплексов, которые можно отнести к раннему этапу, основные захоронения и сопровождавшиеся досыпками составляют 36%. В обряде прослеживаются катакомбные пережитки. К ним относится подобная конструкция могил, использование охры, в том числе для окрашивания ног и стоп (Быково I 16/12, Красносамарский IV 2/3, Новый Кумак 25/12, Светлое Озеро 1/1). Большая часть скелетов ориентирована в южный сектор, меньшая – в северный. В качестве раннего признака можно рассматривать расположение костей животных в нестандартной для восточной части посткатакомбного мира позиции – у ног (рис. 8: 9, 12).

Инвентарный комплекс раннего этапа отличается разнообразием. Два сосуда, происходящие из погребений этого периода, имеют инокультурные вольско-лбищенские черты (рис. 9: 1, 2). Механизм попадания такой посуды в комплексы ВУКГ уже был охарактеризован.

Металлические орудия в коллекции представлены теслом и бронзовым шилом (рис. 9: 3, 4).

Из каменных орудий следует отметить брусок с перетяжкой (рис. 9: 7). Не исключено, что это фрагмент защитной накладки на запя-

стье лучника, хотя до конца в этом уверенности нет ввиду фрагментарности изделия.

Так же, как и в лолинской культуре, хронологическими индикаторами первого этапа ВУКГ являются костяные тупики (рис. 9: 5, 6) и пряслице (рис. 9: 8). Гребни (рис. 9: 9, 10) представляют собой новацию в погребальном обряде и тоже маркируют наиболее архаичные захоронения.

Из украшений первого этапа к собственному типу ВУКГ можно отнести только костяные пронизки, обнаруженные в комплексе Светлое Озеро 1/1 (рис. 9: 11). Металлические украшения в погребениях волго-уральской группы (очковидная подвеска, браслеты, бляшка-розетка, спиральные пронизи и скорлупковидные бляшки) (рис. 9: 12–14) не имеют отношения к посткатакомбному миру. В погребения ВУКГ они попали в результате межкультурных контактов с постшнуровыми культурными образованиями, прежде всего, со средневожской абашевской культурой.

II этап. *В погребальном обряде* наблюдается сокращение количества обрядовых групп (рис. 8: 13–15). Исчезают захоронения в могилах катакомбной конструкции и глубоких ямах с заплечиками. Продолжают существовать только самые многочисленные ОГ IV и VI. Полностью доминируют южные векторы ориентировки скелетов. Северные направления, характерные для лолинской культуры, фактически исчезают, т.е. развитие ВУКГ идет по пути стандартизации собственных культурных признаков.

Из инвентарного комплекса ко второму этапу достоверно можно отнести только два изделия. Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож с валиковыми утолщениями по нервюре и черенку (рис. 9: 16). По этому признаку этот экземпляр близок некоторым клинкам покровской серии.

Хорошо датируется костяная узкопланочная пряжка из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 (рис. 9: 15). Как уже отмечалось, она близка серии поясных деталей типа Ипатово-Типки, которые относятся ко второму этапу лолинской культуры. Из этого же погребения происходит и фаянсовые пронизи, в том числе сегментовидные (рис. 9: 17).

Блок посткатакомбных культурных образований прошел в своем развитии три стадии: ПКБ (посткатакомбный блок) I, ПКБ II и ПКБ III (рис. 10) в пределах 2200–1800 CalBC

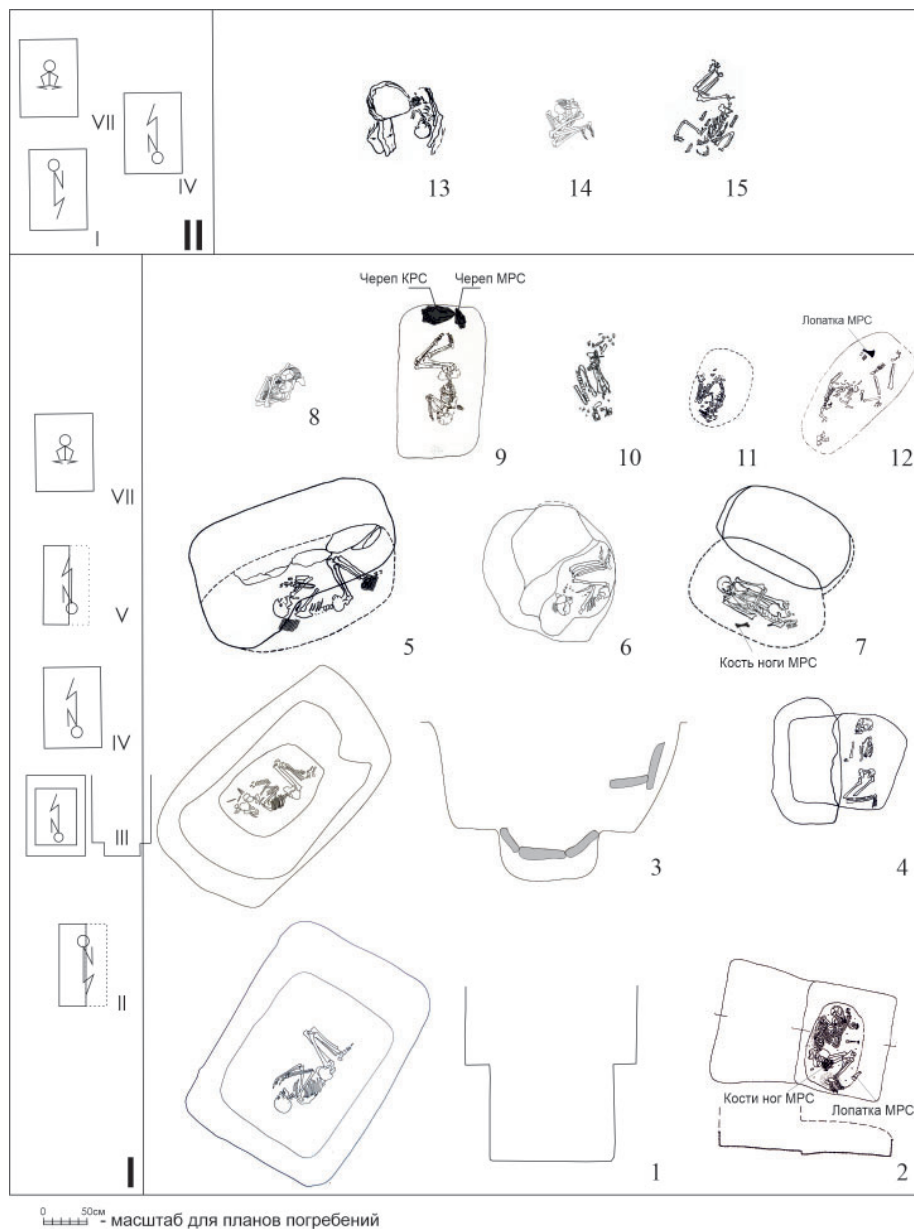

Рис. 8. Периодизация. Обряд. 1 – Перевозинка 2/32; 2 – Светлое Озеро 1/1; 3 – Имангулово II 5/3; 4 – Красносамарский IV 2/3; 5 – Новый Кумак 25/14; 6 – Шчилисай II 2/2; 7 – Шумейка 2/4; 8 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 9 – Грачевка II 5/3; 10 – Красносамарский I 1/2; 11 – Утевка I 1/2; 12 – Шумаево II 3/2; 13 – Новый Кумак 25/12; 14 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 15 – Барановка I 10/4.

Fig. 8. Periodization. Rite. 1 – Perevozinka 2/32; 2 – Svetloye Ozero 1/1; 3 – Imangulovo II 5/3; 4 – Krasnosamarsky IV 2/3; 5 – Novy Kumak 25/14; 6 – Shchilisai II 2/2; 7 – Shumeika 2/4; 8 – Tamar-Utkul VII 4/5; 9 – Grachevka II 5/3; 10 – Krasnosamarsky I 1/2; 11 – Utevka I 1/2; 12 – Shumaevov II 3/2; 13 – Novy Kumak 25/12; 14 – Tamar-Utkul VII 4/3; 15 – Baranovka I 10/4.

(Мимоход, 2022а; Мимоход и др., 2022). Волго-уральская группа, равно как и ВДБК, занимает хронологическую нишу фаз ПКБ I и II.

Линии синхронизации в рамках посткатакомбного блока следующие (рис. 10). Первый этап ВУКГ синхронен раннему периоду лопинской, а, соответственно, и наиболее архаичным памятникам невинномысской

культуры. Об этом свидетельствует наличие в составе инвентаря волго-уральской группы костяных тупиков и пряслица, которые находят аналогии в ранних материалах лопинской и невинномысской культур. О синхронности ранней ВУКГ и первого этапа ДДБК, а, соответственно, первого периода ВДБК, свидетельствует очевидная подвеска из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 (рис. 9: 13). Это доволь-

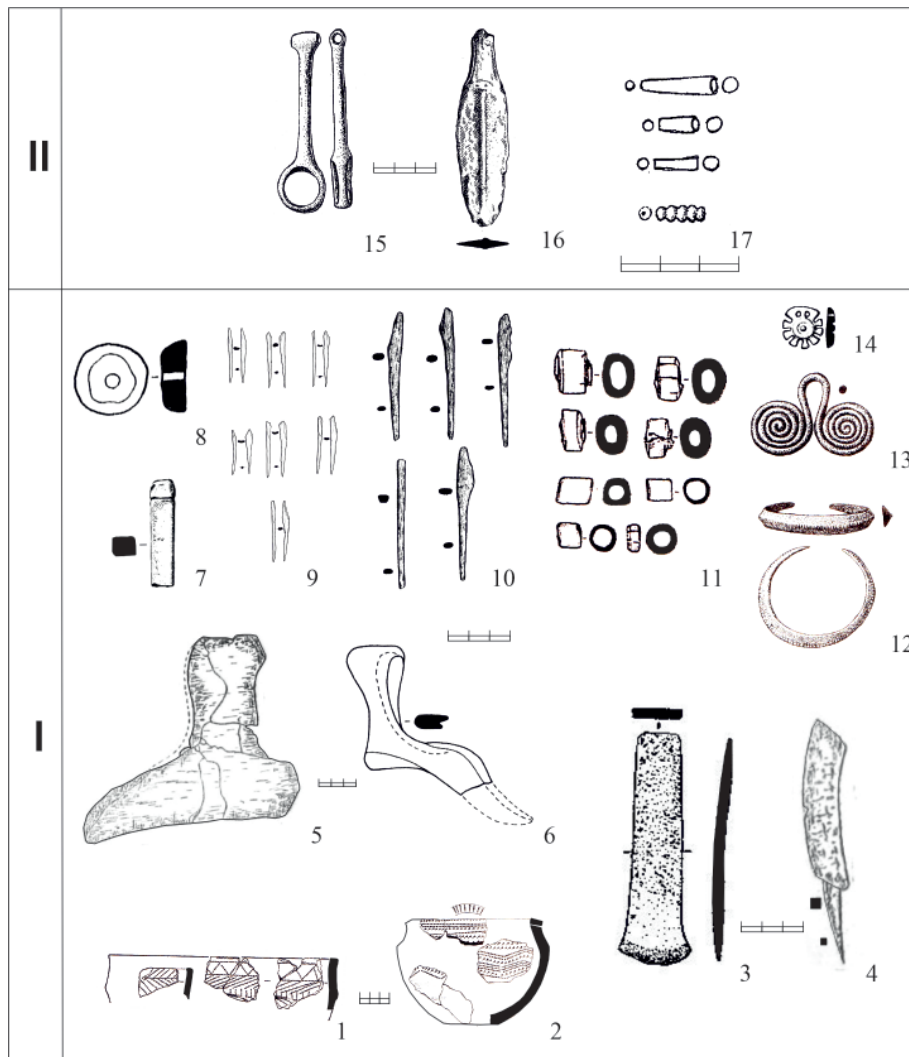

Рис. 9. Периодизация. Инвентарь. 1,11 – Светлое Озеро 1/1; 2,12,13 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 3 – Утевка I 1/2; 4, 5 – Красносамарский I 1/2; 6,8 – Мамбеталы 5/1; 7 – Быково I 15/1; 9 – Имангулово II 5/3; 10,14 – Красносамарский II 1/2; 15,17 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 16 – Быково I 15/2.

Fig. 9. Periodization. Inventory. 1,11 – Svetloye Ozero 1/1; 2,12,13 – Tamar-Utkul VII 4/5; 3 – Utevka I 1/2; 4, 5 – Krasnosamarsky I 1/2; 6,8 – Mambetaly 5/1; 7 – Bykovo I 15/1; 9 – Imangulovo II 5/3; 10,14 – Krasnosamarsky II 1/2; 15,17 – Tamar-Utkul VII 4/3; 16 – Bykovo I 15/2.

но крупное изделие, чем оно отличается от средневожской абашевской коллекции. Практически полные аналогии тамар-уткульской находке происходят из погребений ранней ДДБК.

Второй этап волго-уральской группы синхронен развитым этапам лолинской и невинномысской культур, а, соответственно, развитому этапу ДДБК и заключительному периоду ВДБК и первому этапу днепро-прутской бабинской культуры (ДПБК). Как уже отмечалось, основанием для такой синхронизации выступает кольцевидно-узкоплоская пряжка (рис. 9: 15), которая чрезвычайно близка лолинским изделиям типа Ипатово-Типки маркирующим ее развитый этап.

Радиоуглеродная хронология. Процесс накопления ^{14}C данных находится в начальной точке отсчета. На сегодняшний день известно всего 5 радиоуглеродных дат.

Пять датировок ВУКГ, которые имеются на данный момент, сделаны в пяти лабораториях (Ки, ГИН, Le, AA, IGAN_{AMS}). Из них три – это LSC-даты (табл. 1: 1–3) и две AMS-даты (табл. 1: 4, 5). Тамар-уткульская AMS-дата (табл.1: 5), «улетает» в катакомбное время (XXV–XXIII вв до н.э.). Для нее есть данные по стабильным изотопам ($\delta^{13}\text{C}$, ‰ -21, 08; $\delta^{15}\text{N}$, ‰ 10, 99), указывающие на наличие в костях высокого содержания протеина и низкого содержания $\delta^{13}\text{C}$, что может являться следствием резервуарного эффекта

и причиной удреждения даты. В то же время изотопы Имангуловских образцов свидетельствуют об отсутствии водной диеты (Купцова, 2022, с. 102), следовательно, значения этих дат можно считать верными. В любом случае, суммирование этих данных с вероятностью в одну сигму дает интервал – 2350–2020 CalBC. Дат явно недостаточно и делать какие-то даже предварительные выводы преждевременно. Следует только отметить, что большая часть указанного диапазона соответствует фазам ПКБ I и II.

Происхождение и историческая судьба. Происхождение ВУКГ связано с ранне-лолинской культурой (Мимоход, 2010, с. 71; 2013, с. 324). Нельзя не отметить выразительное сходство между похоронным ритуалом волго-уральских захоронений с лолинскими погребальными традициями. Это адоратив-

с каменным ящиком (рис. 6). Показателен в этом отношении и комплекс Быково I 15/2 в Заволжье, где адоративный костяк с южной ориентировкой имеет искусственно деформированный череп. Не случайно Н.К. Качалова рассматривала это погребение как полтавкинское с катакомбными чертами (Качалова, 1968, с. 10), а Э.С. Шарафутдинова отнесла его к уникальным покровским с элементами предкавказской катакомбной культуры (Шарафутдинова, 2000, с. 269). На самом деле серия захоронений с деформированными черепами, в том числе с южной и юго-западной ориентировками скелетов, присутствует в материалах ранней лолинской культуры, а быковский комплекс ВУКГ хорошо иллюстрирует ее генетическую связь с лолинской культурой.

Интересно, что южные и юго-западные ориентировки скелетов, характерные для

Таблица. 1. Радиоуглеродные даты.

Table. 1. Radiocarbon dates

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Имангулово II к. 5 п. 3	Ki-19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
2.	Имангулово II к. 5 п. 3	ГИН-15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
3.	Грачевка II к. 5 п. 3	Le-6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
4.	Грачевка II к. 5 п. 3	AA-53806	Кость человека	3752±52	2280–2040
5.	Тамар-Уткуль VII к. 4 п. 5	IGAN _{AMS} -7692	Кость человека	3860±20	2436–2238

ный обряд, подбойная и ямная конструкция могил, южные и юго-западные ориентировки. Особо следует отметить находку лопаток МРС в комплексах Курганная группа (14 насыпей) 12/1, Светлое Озеро 1/1 и Шумаево II 3/2 (рис. 2: 1, 3, 3: 17), которые являются визитной карточкой лолинского погребального обряда. Показательно и обнаружение тупиков в комплексах Красносамарский I 2/1 и Мамбеталы 5/1 (рис. 3: 6, 4: 7). Как отмечалось, включение в состав инвентаря крупных коженных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала ранне-лолинского периода, которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских (Мимоход, Усачук, 2023). Характерно и то, что стратиграфия кургана 25 Новокумакского могильника демонстрирует такую же последовательность соотношения типов конструкций могильных ям волго-уральской группы, что и лолинская культура. Погребение 14 в катакомбе является более ранним по отношению к захоронению 12, совершенному в яме

посткатакомбных погребений Волго-Уралья, в лолинской культуре серийно представлены только на раннем этапе. Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с восточноманьчской катакомбной культурой, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям и почти полностью изживаются к развитому этапу. В ВУКГ южные и юго-западные векторы, похоже, доминируют на всем протяжении ее существования. Подобные закономерности хорошо объясняются, исходя из модели генезиса самой лолинской культуры. Ее происхождение было связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-восточного Кавказа. Их взаимодействие с восточноманьчскими группами привело к формированию лолинской посткатакомбной культуры, что подтверждается и данными краниологии (Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010, с. 138). В результате на раннем этапе лолинской культуры четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминиру-

CalBC	Фазы ПКБ	Днепр-Прутское междуречье	Днепр-Донское междуречье	Волго-Донское междуречье	Волго-Уралье	Восточное и Центральное Предкавказье	Западное Предкавказье и Предгорья
2000-1800	ПКБ III	ДПКБ II	ДДБК III	горизонт колесничных культур		Лола III	Невинномысск III
2200-2000	ПКБ II	ДПКБ I	ДДБК II	ВДБК II	ВУКГ II	Лола II	Невинномысск II
	ПКБ I	горизонт позднекатакомбных культур	ДДБК I	ВДБК I	ВУКГ I	Лола I	Невинномысск I
2600-2300	горизонт позднекатакомбных культур						

■ – культурный круг Бабина ■ – культурный круг Лола

Рис. 10. Синхронистическая таблица. ВУКГ в системе хронологии блока посткатакомбных культурных образований

Fig. 10. Synchronistic table. Volga-Ural Cultural Group in the chronology of the post-catacomb cultural formations

ют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками, их меньшинство, и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождается инвентарь восточнокавказского облика, их большинство. Объединяет и те и другие адоративный обряд, несвойственный катакомбным традициям, но характерный для культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения лолинской культуры напрашивается следующий вывод. С притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти частично в Нижнее Поволжье на территорию ВДБК, а, главным образом, в пустующее волго-уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования лолинских древностей, поэтому неудивительно, что в ВУКГ финала средней бронзы представлен адоративный, по сути, посткатакомбный и кавказский обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов и подбойные конструкции могил. В этой связи, волго-уральскую культурную группу следует расценивать как северный дериват лолинской культуры. Подтверждает это и наличие в

ВУКГ небольшого количества традиционных для Лолы ориентировок в северный сектор (рис. 2: 1–6).

Историческая судьба ВУКГ тесно связана с синташтинской культурой. Вычлняя посткатакомбный компонент в Синташте, необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для нее юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков являются элементами наглядного образа предшествующей волго-уральской группы, которая была распространена в Приуралье на территории синташтинской культуры. С выделением ВУКГ делается понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в инвентарном комплексе синташтинской культуры. Об этом (кавказском) импульсе в формировании колесничных культур в том или ином виде неоднократно писали разные исследователи.

Таким образом, волго-уральская группа посткатакомбного периода представляет собой самобытное культурное образование, которое являлось неотъемлемым участником культурно-генетических процессов в финале средней – начале поздней бронзы. Ее выделение сделало более понятными механизмы культурных трансформаций как в Волго-Уралье, так и Предкавказье.

ЛИТЕРАТУРА

Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб., 1995. С. 8–26.

Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверсько донеччини та Донщини III тис. до н.е. Луганськ: СНУ, 2001. 108 с.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганний могильник у с. Светлое Озеро // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 157–193.

Казарницкий А.А. Краниология населения лолинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 132–140.

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 9–13.

Кузнецов П.Ф. Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.Д. Бурова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК, 2020. С. 47–49.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: САО, 2012. С. 37–82.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 195 с.

Кузьмина О.В. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев, 1979. С. 86–98.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 85–121.

Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 157–174.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 442–468.

Купцова Л.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 101–193.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Приуралье) // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 49–60.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов: Наука, 2010. 244 с.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тез. докл. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 108–114.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухум, 2006. С. 249–253.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143–154.

Мимоход Р.А. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 7 / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 118–127.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический сборник. № 13/14 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2010. С. 67–82.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М: ИА РАН, 2013. 568 с.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Редкол. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018а. С. 140–144.

Мимоход Р.А. Керамический комплекс волго-донской бабинской культуры: проблемы идентификации и культурной специфики // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 148–163.

Мимоход Р.А. Посткатакомбные памятники // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 316–338.

Мимоход Р.А. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. 2021а. № 3. С. 52–66.

Мимоход Р.А. Кости животных в волго-донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // КСИА. 2021б. Вып. 263. С. 7–24.

Мимоход Р.А. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Дисс. докт. истор. наук. Т. 1. М, 2022. 1106 с.

Мимоход Р.А. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. 2022а. Вып. 266. С. 79–96.

Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н. Костяные кожевальные орудия (тупики и струги) в погребальном обряде посткатакомбной эпохи как культурно-хронологические индикаторы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 36–49.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., Вербовский А.В. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света // Археологические вести. Вып. 32 / гл. ред. В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 386–401.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1992. С. 97–105.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. 169–272.с

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Южно-уральской археологической экспедиции в 1967 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 3557.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Тихонов В.В. Погребение рубежа средней и поздней бронзы и захоронения эпохи поздней бронзы кургана 6 могильника Горбатый мост // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 16 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: АНО НИЦ, 2018. С. 89–109.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АкОЦИЭА, 2007. 384 с.

Турецкий М.А., Мимоход Р.А., Хохлов А.А. Раскопки курганов эпохи средней бронзы в 1989 году у с. Политотдельское // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 93–113.

Усачук А.Н., Горошников А.А., Мимоход Р.А. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 36–63.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44–70.

Шарафутдинова Э.С. Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александрович Латынина / Науч. ред. Н.Г. Горбунова. СПб.: ГЭ, 2000. С. 264–275.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. / Редкол. Ю.И. Колев и др. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 148–153.

Шилов В.П. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 21–66.

Юдин А.И. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района района // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 162–175.

Информация об авторе:

Мимоход Роман Алексеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mimokhod@gmail.com

REFERENCES

Bratchenko, S. N. 1995. In *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kul'tur epokhi eneolita – bronzy Sredney i Vostochnoy Evropy (Convergence and divergence in the development of cultures of the Eneolithic – Bronze Age of Central and Eastern Europe)*. Saint Petersburg, 8–26 (in Russian).

Bratchenko, S. N., Sanzharov, S. M. 2001. *Ridkisini bronzovi znaryaddya z katakomb Siver'sko donechchini ta Donshchini III tis. do n.e. (Rare bronze tools from the catacombs of Seversky Donets region and Don region of the III millennium BC)*. Lagunsk: East Ukrainian National University (in Ukrainian).

Zhemkov, A. I., Lopatin, V. A. 2008. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 157–193 (in Russian).

Kazarnitsky, A. A. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 12 (1), 132–140 (in Russian).

Kachalova, N. K. 1968. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: “Sovetskii khudozhnik” Publ., 9–13 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2020. In Burova, N. D. Vybornov, A. A. Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 47–49 (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. 2012. In Turetskii, M. A. (ed.). *Bronzovyi vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (Bronze Age. The Time of Heroes (Based on Materials from the Burial Monuments of Samara Oblast))*. Samara: “SAO” Publ., 37–82 (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Antony, D. W. 2018. *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz (Grachyovka barrows. Archaeology, anthropology, genomic analysis)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Kuzmina, O. V. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 86–98 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2000. In Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E., Turetsky, A. M. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 85–121 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS, 157–174 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2021 In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 442–468 (in Russian).

Kuptsova, L. V. 2022. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 16. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 101–193 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Evgen'ev, A. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 49–60 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2010. *Smelovskiy mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.e.) (The Smelovsky burial ground: a model of local cultural genesis in the steppe Trans-Volga region (mid-II millennium BC))*. Saratov: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2004. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 108–114 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2006. In Bzhaniya, V. V. (ed.). *Pervaya abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya. Drevnie kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya (The first Abkhazian International Archaeological Conference. Ancient cultures of the Caucasian Black Sea region)*. Sukhum, 249–253 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 143–154 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2007. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Ckhidnoi Ukraïni (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 7. Lagunsk: East Ukrainian National University, 118–127 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2010. In Lytvynenko, R. A. (editor-in-chief). *Donets'kii arkheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 13/14. Donetsk: Donetsk National University, 67–82 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (The Lola culture. The Northwestern Caspian Sea region at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age)*. Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy (*Materials of security archaeological research*) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 33–48 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 140–144 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 259, 148–163 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 316–338 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 52–66 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 263, 7–24 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. *Kul'tury i kul'turogenез na vostoке postkatakombnogo mira (Cultures and cultural genesis in the East of the post-catacomb world)*. Diss of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 79–96 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Gak, E. I., Khomutova, T. E., Ryabogina, N. E., Borisov, A. V. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 20–34 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Usachuk, A. N. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 62 (3), 36–49 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Usachuk, A. N., Verbovsky, A. V. 2021. In Lapshin, V. A. (ed. in chief). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 32. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 386–401 (in Russian).

Sergatskov, I. V. 1992. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of the Volga–Don Steppes)* 2. Volgograd: "Peremena" Publ., 97–105 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 206–322 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169–272. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1967. *Otchet o rabote Yuzhno-ural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1967 g (Report on the work of the South Ural archaeological expedition in 1967)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 3557 (in Russian).

Smirnov, K. F., Kuzmina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2009. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 16. Saratov: SCIENTIFIC RESEARCH CENTER FOR THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE, 89–109 (in Russian).

Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology (in Russian).

Turetsky, M. A., Mimokhod, R. A., Khokhlov, A. A. 2020. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 8. Samara: "Slovo" Publ., 93–113 (in Russian).

Usachuk, A. N., Goroshnikov, A. A., Mimokhod, R. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 36–63 (in Russian).

Khokhlov, A. A., Mimokhod, R. A. 2008. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (16), 44–70 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2000. In Gorbunova, N. G. (ed.). *Sud'ba uchenogo. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Aleksandrovich Latynina (The fate of a scientist. To the 100th anniversary of the birth of Boris Aleksandrovich Latynin)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 264–275 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 148–153 (in Russian).

Shilov, V. P. 1991. In *Materialy po arkheologii Kalmykii (Proceedings on the archaeology of Kalmykia)*. Elista, 21–66 (in Russian).

Yudin, A. I. 2007. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 162–175 (in Russian).

About the Author:

Mimokhod Roman A. Doctor of historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902.2 Ф 17

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.106.118>

НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ С МЕДНЫМ ТОПОРОМ УТЕВСКОГО ТИПА В ОРЕНБУРГСКОМ ПРИУРАЛЬЕ¹

© 2024 г. Н.Л. Моргунова, А.А. Файзуллин, Н.П. Салугина

Основной целью данной статьи является представление погребения взрослого мужчины под курганом с комплексом: медный проушный топор, сосуд типа хума диск из куска охры, жертва ребенка. В погребальных комплексах ямной культуры находки медных проушных топоров крайне редки. До недавнего времени на территории Южного Приуралья было известно 3 топора утевского типа. Они являются важным источником в проблематике исследований ямной культурно-исторической общности для изучения уровня социальной организации и технологий металлургического производства приуральского очага металлургии на раннем этапе бронзового века Евразии. Поэтому каждая новая находка подобных топоров представляет исключительный интерес. Таковой является находка в кургане 4 могильника Каликино II, исследованного в 2021-2022 гг. в Западном Оренбуржье. На основании анализа находки и ее аналогов в контексте погребального обряда и сопутствующего инвентаря, а также радиоуглеродного датирования сделан вывод, что данный комплекс относится к развитому этапу ямной культуры. По мнению авторов, топоры утевского типа и подобные им орудия, известные в пределах культур циркумпонтийской культурной зоны раннего бронзового века, преимущественно использовались как боевое оружие и принадлежали представителям элиты ямного общества. При этом подобные топоры часто входят в комплексы с другими медными инструментами плотницкого назначения, что свидетельствует о его использовании и как производственного символа в ритуально-обрядовой практике.

Ключевые слова: Ямная культура, развитой этап, топор утевского типа, погребальный обряд, абсолютная хронология, социальный аспект.

NEW BURIAL ASSEMBLAGE OF THE YAMNAYA CULTURE WITH A COPPER AXE OF THE UTEVKA TYPE IN THE ORENBURG URALS²

N.L. Morgunova, A.A. Fayzullin, N.P. Salugina

The main purpose of this article is to present the burial of an adult male under barrow with a complex: a copper socketed axe, a vessel of the huma type, a disk made of a piece of ochre, a child sacrifice. Finds of copper socketed axes are extremely rare in the burial assemblages of the Yamnaya culture. Until recently, 3 axes of the Utevka type were known in the South Urals. They are an important source for studying the level of social organization and technologies of metallurgical production of the Urals center of metallurgy at the early stage of the Bronze Age of Eurasia. Therefore, each new discovery of such axes is of exceptional interest. This is the find in barrow 4 of the Kalikino II burial ground, explored in 2021-2022 in Western Orenburg region. Based on the analysis of the find and its analogues in the context of the burial rite and accompanying inventory, as well as radiocarbon dating, it was concluded that this complex belongs to the developed stage of the Yamnaya culture. According to the authors, axes of the Utevka type and similar tools, known within the cultures of the Circumpontian cultural zone of the Early Bronze Age, were primarily used as military weaponry and belonged to representatives of the Yamnaya society elite. Moreover, such axes are often included in complexes with other copper carpentry tools. This indicates their use as a production symbol in ritual practice.

Keywords: Yamnaya culture, developed stage, Utevka type axe, burial rite, absolute dating, social aspect.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² The work was financially supported by Russian Science Foundation (РНФ) within the project № 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

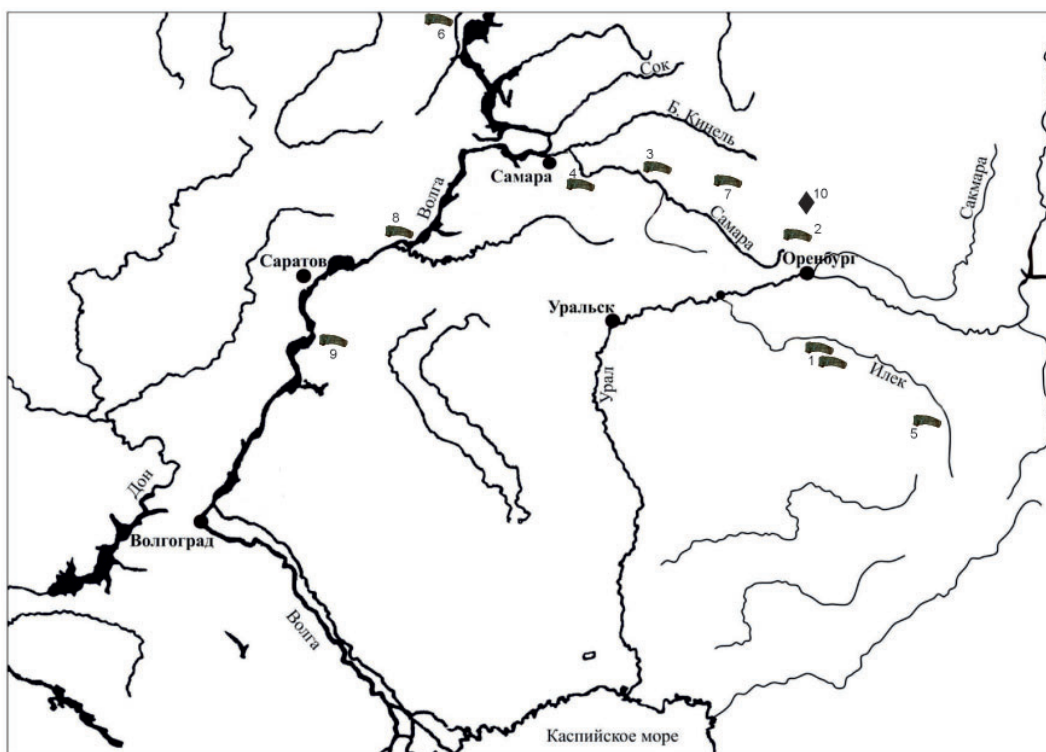

Рис. 1. Памятники ямной культуры Волго-Уральского междуречья с находками топоров утевского типа:

1 – КМ Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 – КМ Першин; 3 – Колтубанка; 4 – КМ Утевка I; 5 – Актюбинск; 6 – Курмашево; 7 – КМ Каликино; 8 – Труевская Маза; 9 – Краснополье; 10 – Каргалинские рудники.

Fig. 1. Monuments of the Yamnaya culture of the Volga-Ural basin with finds of axes of the Utevka type: 1 – Tamar-Utkul VII, VIII barrow fields; 2 – Pershin barrow field; 3 – Koltubanka; 4 – Utevka I barrow field; 5 – Akt'yubinsk; 6 – Kurmashevo; 7 – Kalikino barrow field; 8 – Truevskaya Maza; 9 – Krasnopolye; 10 – Kargalinskiye rudniki.

Введение

В ассортименте металлических орудий труда и оружия, производившихся металлургами ямной культуры в Приуральском горно-металлургическом центре, особое место занимают медные проушные топоры и не только по причине редкости этих находок (рис. 1), но и по разнообразию интерпретаций их значимости в хозяйственной и социальной сферах. Подобные топоры Е.Н. Черных включил в состав одного из показателей циркумпонтийской металлургической провинции РБВ (Черных, 1978, с. 53). Производство топоров и сопровождающих видов инвентаря на всем длительном хронологическом промежутке от позднего энеолита до раннего бронзового века включительно сосредоточивалось преимущественно в трех горно-металлургических областях Восточной Европы: Кавказской, Балкано-Карпатской и Уральской (Дергачев, 2021).

В Оренбуржье первый проушный медный топор был обнаружен в 20-е годы XX в. В.В. Гольмстен у с. Колтубанка в разрушенном

погребении (Гольмстен, 1928, с. 130-131; Сальников, 1962). Наряду с топором (рис. 2: 10) в могиле присутствовало крупное четырехгранное шило, долотообразное орудие из пластинки, свернутый в трубку, массивное четырехгранное, с загнутым одним концом – орудие и тонкая бронзовая пластинка со штампованным зубчатым орнаментом и рядом отверстий по краям. Позже подобный топор в комплексе с медными ножом, шилом, теслом, стилетобразным орудием с припаянным железным наконечником, каменным пестом для обработки металла, золотыми подвесками и массивным глиняным сосудом был найден в уникальном погребении в КМ Утевка I 1/1¹ (рис. 2: 3) (Васильев, 1980; 2015, с. 6). Еще два топора, также в комплексах с другими медными изделиями обнаружены в КМ Тамар-Уткуль VII 8/4 и VIII 4/1 (рис. 2: 1-2) (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 21-26). Со временем за данным типом топоров закрепилось название – топоры «утевского типа»², иногда используют понятие «тамар-уткульский тип».

Отличительные особенности топоров следующие (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с. 228). Средние размеры: длина топоров от 11 до 13 см, высота обуха – до 4-4,5 см, высота лезвия – 3,5-4,5 см, длина клина – 8-8,9 см. Вес тамар-уткульских изделий чуть более 300 г, что несколько меньше их аналогов в Поволжье. У топоров две конструктивных особенности: сужение клина к лезвию и скошенность лезвия по отношению к обуху. Все они были отлиты из металла, полученного из руды Каргалинского меднорудного месторождения в Южном Приуралье (Корневский, 1977; Орловская, 1994; Дегтярева, 2010). Местное производство топоров утевского типа в приуральском очаге металлопроизводства подтвердилось находкой литейной формы для отливки подобных топоров в погребении ямной культуры в КМ Першин 1/4, открытого на Каргалах (Черных и др., 2000., с. 62-66 рис.8), а также данными технологического анализа топоров из Тамар-уткульских курганов (Дегтярева, 2010, с. 33, 44).

В Волго-Урале известны находки проушных топоров из случайных находок. Это топоры из деревни Курмашево Республики Татарстан (рис.2: 7), урочища Труевская Маза (рис.2: 9) и села Краснополя в Саратовской области (рис.2: 5), находка из города Актюбинск в Казахстане (рис.2: 4) и топор из деревни Плотниково Алтайский край (рис.2: 8) (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с. 59). Наряду с ними известна находка топора из музея села Княжеское Челябинской области, который аналогичен по типолого-морфологическим признакам, химическому составу металла (чистая медь Приуральских рудников), а также по технологии изготовления (рис. 2: 6) (Виноградов и др., 2008., с. 112).

Небезынтересно отметить отдаленные аналогии топорам утевского типа на Украине, в Карпато-Подунавье и на Балканах. Однако при наличии близких приемов производства по основным признакам типологии западные образцы проушных топоров более близки кавказским образцам майкопской культуры (Дергачев, 2021, с. 409).

Приуральские топоры также иногда сравнивают с майкопскими, полагая, что они являются модификацией северокавказских образцов. При более близком

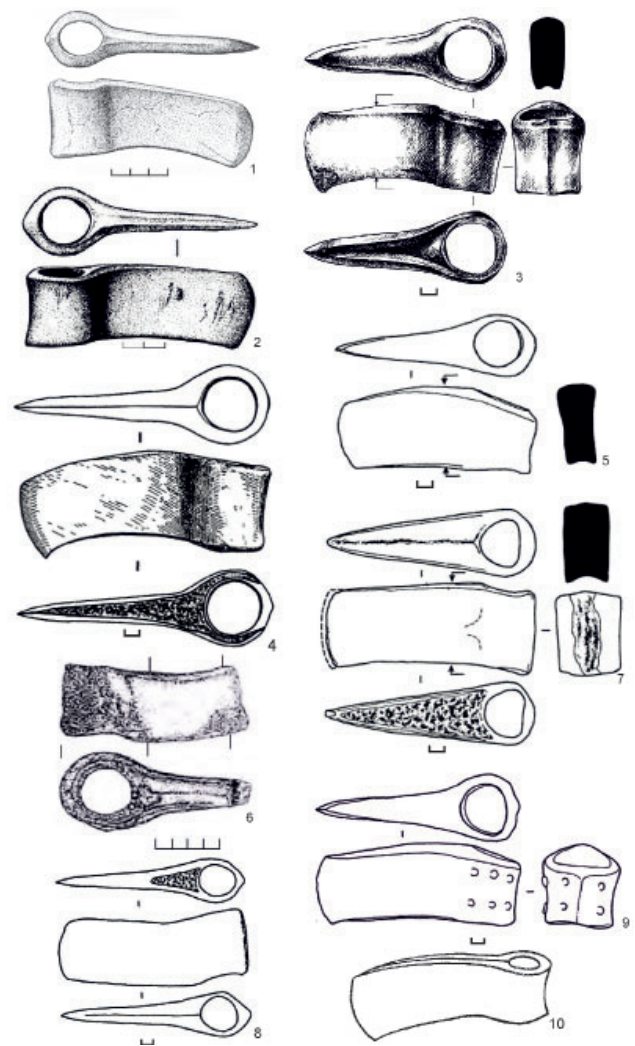

Рис. 2. Находки топоров утевского типа в Поволжье и Приуралье: 1. КМ Тамар-Уткуль VII 8/4; 2. КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1; 3. КМ Утевка 1/1. Случайные находки: 4. Актюбинск (Казахстан); 5. Краснополье (Саратовская область); 6. Княжеское (Челябинская область); 7. Курмашево (Татарстан); 8. Плотниково (Алтайский край); 9. Труевская Маза (Саратовская область); 10. Колтубанка (Оренбургская область). (по: Моргунова, Кравцов, 1994; Васильев, 2015; Кузнецов, Кузьминых, 2006; Сальников, 1962; Виноградов и др., 2008).

Fig. 2. Finds of Utevka type axes in the Volga and Urals: 1. Tamar-Utkul VII 8/4 barrow field; 2. Tamar-Utkul VIII 4/1 barrow field; 3. Utevka 1/1 barrow field. Chance finds: 4. Aktyubinsk (Kazakhstan); 5. Krasnopolye (Saratov region); 6. Knyazheskoe (Chelyabinsk region); 7. Kurmashhevo (Tatarstan); 8. Plotnikovo (Altai region); 9. Truevskaya Maza (Saratov region); 10. Koltubanka (Orenburg region). (as per: Morgunova, Kravtsov, 1994; Vasilyev, 2015; Kuznetsov, Kuzminykh, 2006; Salnikov, 1962; Vinogradov et al., 2008).

знакомстве с майкопским металлом можно убедиться в значительных типологических их

отличиях от топоров утевского типа. Майкопские топоры отличает массивность, широкий клин с расширяющимся лезвием, форма обуха (Мунчаев, 1975, рис. 38, 53; Корневский, 1974; 2011, рис. 40-46; Резепкин, 2012, рис. 167; Канторович и др., 2013). Существенно от майкопских изделий волго-уральские изделия отличает технология их производства, как по составу сырья, так и по его обработке (Резепкин, 2012, с. 64-70; Рындина, Равич, 2019, с. 47; Моргунова, 2014, с. 300; 2021, с.1256).

Главное своеобразие топоров утевского типа в сравнении с майкопскими и с причерноморскими подобными орудиями – это зауженная лезвийная часть при относительно более широкой верхней части клинка и обуха. Они по своим параметрам и форме отличаются грацильностью, что, по мнению специалистов, связано со стремлением мастеров уменьшить вес орудий (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с.58). За пределами Волго-Уралья известны только два топора с близкими показателями соотношения ширины лезвия и ширины обухной части. Один из них происходит из Черкасской, второй – из Тернопольской областей Украины (Дергачев, 2021, с.433).

Таким образом, топоры утевского типа являются, прежде всего, важным источником для изучения технологии металлургического производства приуральского очага металлургии на раннем этапе бронзового века и определения его роли и места в системе древнейшего металлопроизводства Евразии. Поэтому каждая новая находка подобных топоров представляет исключительный интерес. Данная статья посвящена представлению одной из них в кургане 4 могильника Каликино II, исследованного в 2021-2022 гг. экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета под руководством Н.Л. Моргуновой в Западном Оренбуржье. При этом основной целью публикации является определение технологических характеристик топора и керамического сосуда, определение хронологии комплекса, в том числе с помощью радиоуглеродных дат, уточнение функционального назначения топора и его символизма в понимании социального статуса погребенного под курганом представителя ямной культуры.

Материалы и обсуждение.

Памятник в количестве 30 курганов находился на высокой площадке первой терра-

сы левого берега реки Ток, в 2 км к ВЮВ от поселка Каликино Грачевского района. Курганы ямного времени, в том числе курган 4, располагались в северо-восточной части курганного поля. Особый интерес представляют материалы кургана 4, где был обнаружен топор и другие неординарные артефакты. Курган 4 достигал диаметра 28 м, высоты – 38-39 см, диаметр подкурганной площадки не превышал 13 м. На уровне материка, под сильно оплывшей насыпью зафиксирован ров, состоявший из разных размеров ям корытообразной и овальной формы. Какие-либо артефакты при вскрытии ям не обнаружены.

В центре подкурганной площадки с небольшим смещением к югу располагалось единственное, основное в кургане погребение №1 эпохи ранней бронзы (рис. 3-4). Оно представляло собой захоронение в глубокой яме прямоугольной формы, ориентированной по линии З – В. Размеры ямы: 240X148 см, глубина от уровня погребенной почвы 190 см, от уровня материка 130 см. На дне ямы обнаружен скелет мужчины около 19 лет³, в позе скорченно на правом боку, головой на восток, с заваленными вправо костями ног (кости ступней и пяток четко покоились на дне ямы). Кость левого крыла таза была приподнята вверх и накрыта кистью левой руки, череп лежал на правой стороне лицом на запад. Плечи костяка приподняты, правая рука согнута в локте и отставлена в сторону, пальцы касались бедренной кости правой ноги. По все площади дна и под скелетом сохранилась толстая подстилка, состоявшая из растительных волокон.

В захоронении обнаружены уникальные вещи. Керамический сосуд в раздавленном состоянии располагался с левой стороны скелета, к югу от плечевой кости (рис. 5-6). Между левой плечевой костью и сосудом найдена бедренная кость ребенка около 6-7 лет. Остальные кости скелета ребенка не обнаружены. Перед лицевой частью черепа находились медный топор утевского типа, лепешка из охры и кость (альчик) мелкого рогатого скота (козы). Рядом со ступней правой ноги найден фрагмент стенки от упомянутого выше сосуда.

Остановимся на каждой из находок подробнее.

Топор медный, цельнолитой в двусторонней форме (рис. 5). Максимальная длина топо-

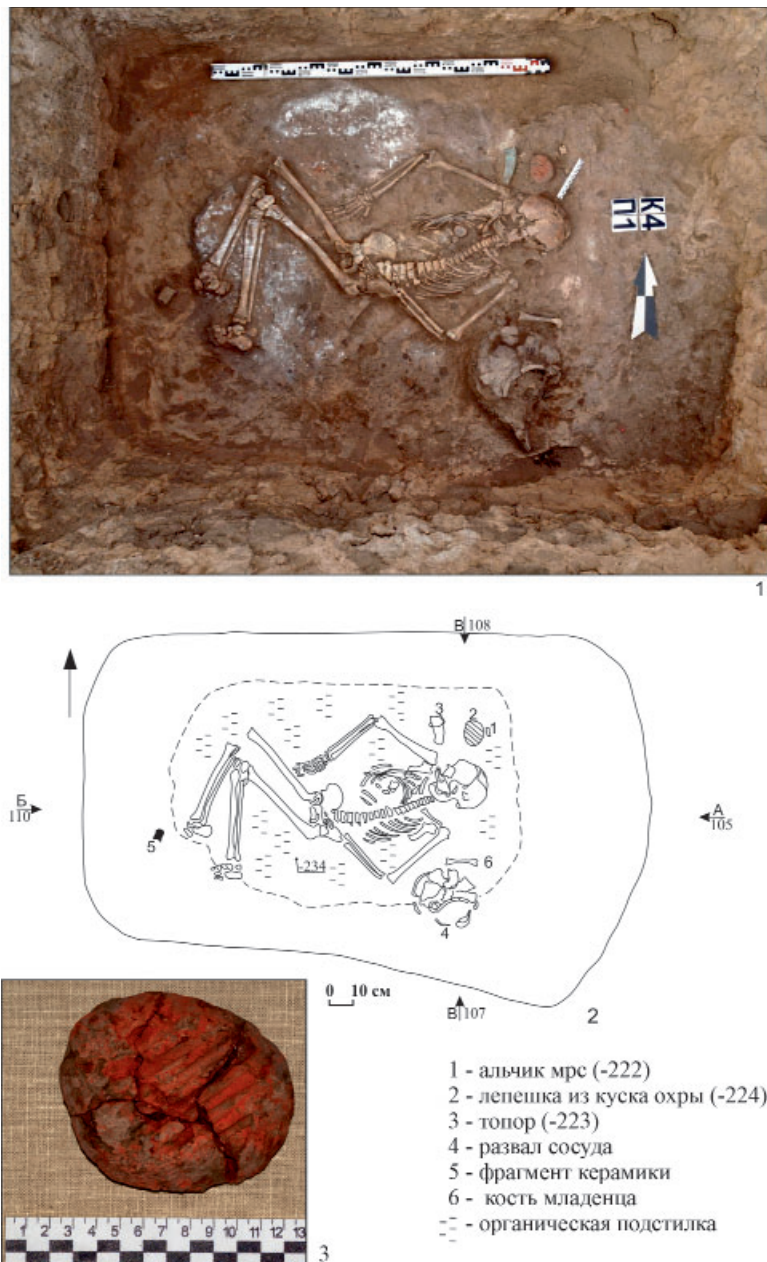

Рис. 3. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1: 1 – фото погребения; 2 – план погребения; 3 – Лепешка из куса охры.
Fig. 3. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1: 1 –photo of the burial; 2 – burial plan; 3 – flat cake from piece of ochre.

ра от обуха до лезвия – 12 см. Обух круглый в сечении (д – 3 см), с торца слегка вогнут, его высота – 3 см. Диаметр втулки – 1,3х1,8 см. Вес топора – 328 гр. Во втулке сохранился кусок древка из бука⁴. Клин орудия имеет параллельные, слегка изогнутые нижнюю и верхнюю границы, концы лезвия слабо округлены, край прямой. Клин по отношению к обуху приподнят, а затем приспущен в районе лезвия. Ширина лезвия – 2,8 см. По верхней части клина от втулки до лезвия проходит грань. По всем отмеченным признакам топор

находит прямые аналогии с топорами из Утевского кургана и Тамар-Уткульских курганов. Однако вес утевского топора вдвое больше как каликинского, так и тамар-уткульских (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с.57). Аналогично более массивными, за исключением колтубанского экземпляра, выглядят все топоры из упомянутых выше случайных находок (рис. 2). По морфологии они также достаточно близки майкопским топорам. Поскольку известен состав металла группы МП некоторых из них (Труевская Маза, Энгельс, Черных,

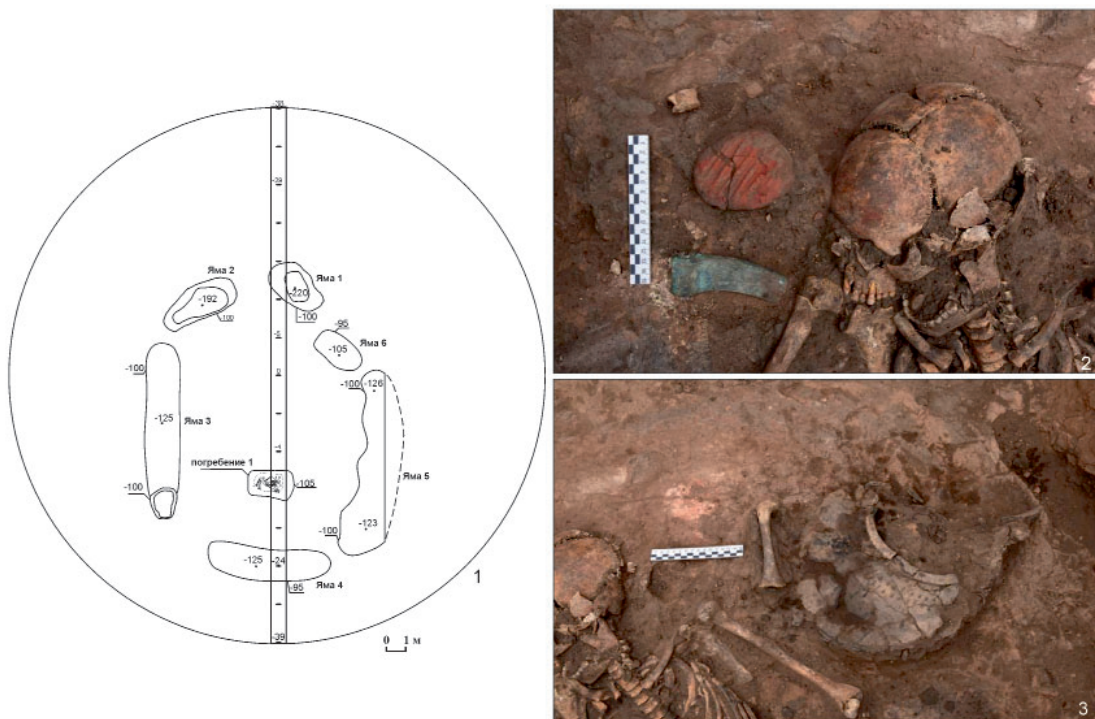

Рис. 4. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1. 1 – план подкурганной площадки; 2 – крупный план: череп, лепешка из куса охры, медный топор, кость мрс; 3 – крупный план: сосуд из глины, кость ребенка.
Fig. 4. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1. 1 – plan of under barrow area; 2 – close-up: skull, flat cake from ochre, copper axe, bone of small livestock; 3 – close-up: vessel, bone of child.

1966, с. 134-136), то можно предположить их более раннюю хронологическую позицию по отношению к топорам утевского типа, то есть производство на раннем этапе становления приуральской металлургии под влиянием металлопроизводства майкопских мастеров.

Лепешка из охры – изделие овальной формы сформовано или вырезано из крупного куса охры, видимо, во влажном состоянии (рис. 3: 3). На нижней части изделия имеются отпечатки пальцев. По верху нанесен орнамент при помощи широкого орудия в виде 6 косых, параллельных полос. Диаметр изделия – 8-10 см, толщина – 4 см. Аналогии данной находке в ямной культуре Волго-Уралья не имеются. Сложно сказать, что может символизировать такая находка. Форма изделия (круг, овал) и материал в виде охры позволяет предполагать ритуальное предназначение предмета. Находки в виде символик круга или овала встречаются в погребениях ямной культуры не только в Приуралье, но повсеместно от Волго-Уралья до Северо-Западного Причерноморья (Моргунова, Турецкий, 2003). Курганы ямной культуры имеют округлую форму, а по последним данным в древности им специально придава-

ли подобные формы – полусферы (Хохлова, и др., 2023). При декорировании погребальных камер были обнаружены округлые колеса из глины в КМ Изобильное (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 42). В погребении вождя в КМ Болдырево I 1/1 был обнаружен кусок бересты округлой формы, в которую был помещена железная руда (Моргунова, Кулькова, Кульков, 2021, с. 167). Конечно, эти примеры не являются прямыми аналогиями, но можно предположить, что эти символы связаны с солярным культом. При том, отмеченные знаки обнаружены в захоронениях лиц с высоким социальным статусом (Моргунова, Файзуллин, 2018).

Сосуд из глины шаровидной формы с круглым дном (рис. 6; 4: 3). Визуально примеси в глиняной массе не наблюдаются. Горловина невысокая, профилирована. Венчик приплюснут и отогнут на внешнюю сторону. Ширина уплощенного венчика – 1,5 см. Внешний край закруглен. Шейка прямая высотой 1 см. Внутренний диаметр горловины – 12, 3 см. Диаметр тулова – 22,5 см. Высота сосуда – 20 см. По внешней округлой части венчика нанесены небольшие вдавления-наколы. Ряд таких же вдавлений украшал уплощенную

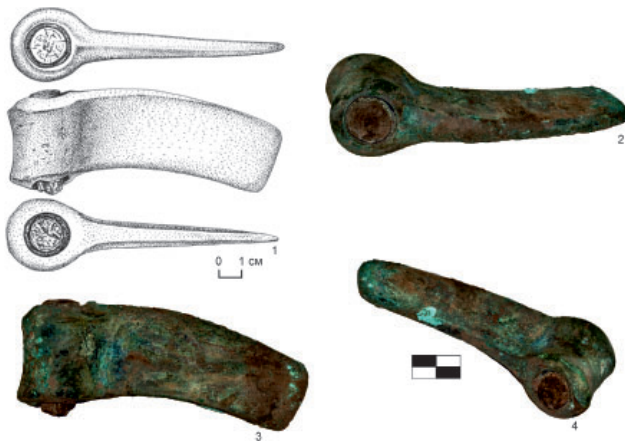

Рис. 5. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1.
1-2 – Топор медный.

Fig. 5. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1.
1-2 – Copper axe.

поверхность венчика. По плечикам орнамент выполнен в три ряда вдавлений овального слабо-зубчатого штампа в отступающей манере. По всему тулову по внешней и внутренней поверхностям было сделано заглаживание зубчатым штампом в разных направлениях.

Проведенный микроскопический анализ технологии изготовления сосуда по методике А.А. Бобринского (Салугина, Моргунова, 2024) показал, что отбиралась незапесоченная ожелезненная глина, засоренная карбонатными включениями (рис.6: 2). Формовочная масса составлялась путем добавления к глине шамота и выжимки из навоза жвачных животных. Начин сосуда выполнен в соответствии с емкостно-донной программой. Строительными элементами для изготовления как начина, так и полого тела выступали, скорее всего, короткие жгуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. Поверхность сосуда заглажена гребенчатым штампом.

Данный сосуд можно отнести к группе так называемых крупнотарных хумовидных сосудов. По морфологическим и технологическим признакам: оформление венчика, наличие небольшой, но все же выделенной шеи, обработка поверхности расчесами крупным гребенчатым штампом, отбор природной ожелезненной глины, изготовление начина в соответствии с емкостно-донной программой, сосуду из Каликино близки сосуды типа хумов с Турганикского поселения (Салугина и др., 2016, с. 92-93). Отличие состоит в отсутствии орнамента на турганикских сосудах и наличии в составе их формовочной массы дробленой, специально нагретой раковины.

Подобная хумовидная керамика, различаясь деталями оформления формы и некоторыми особенностями технологии изготовления, хотя и не часто, но встречается по всей территории распространения ямной культуры (Салугина и др., 2016, с.95, рис. 2). Практически все исследователи видят истоки традиции изготовления таких сосудов в культурах Северного Предкавказья (Салугина и др., 2016, с. 94-96). Это мнение в некоторой степени подтверждается фактом изготовления начина сосуда из Каликино по емкостно-донной программе. В свое время А.А. Бобринский отмечал, что данный прием конструирования наиболее распространен на Северном Кавказе и в Закавказье, в частности, он отмечен по материалам двух археологических культур: куро-аракской и майкопской (Бобринский, 1978, с. 115–116). Ранее мы высказывали предположение, что изготовление подобных сосудов в Приуралье может быть подражанием майкопскому гончарству в связи с активизацией контактов с предкавказским населением в период, когда в Приуралье начинается становление местного металлургического центра на базе Каргалинского месторождения медной руды (Моргунова и др., 2017, с. 170-171; Моргунова, Файзуллин, 2021).

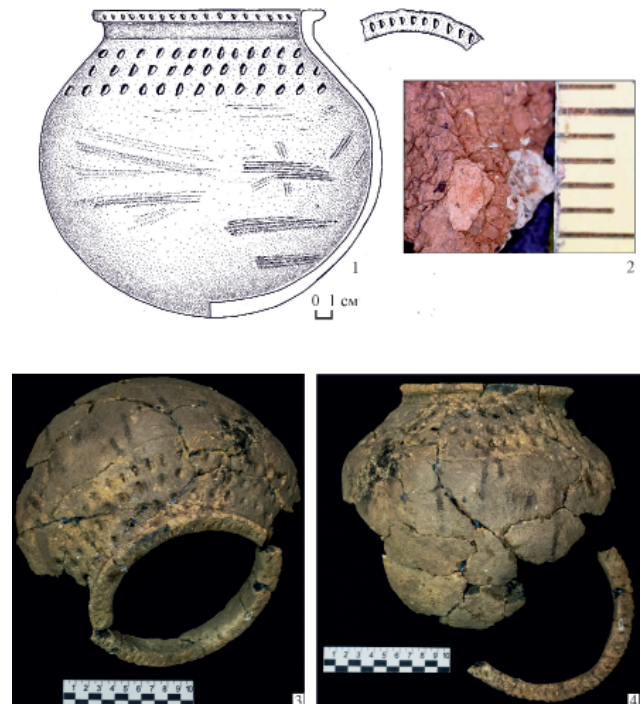

Рис. 6. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1. 1-4 – Керамический сосуд (2 – состав формовочной массы).

Fig. 6. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1. 1 – 4. Ceramic vessel (2 – composition of pottery paste).

Хронология топоров утевского типа.

По данным археологии Каликинский комплекс можно уверенно отнести к развитому этапу ямной культуры. Об этом свидетельствует и погребальный обряд, и находка топора утевского типа. Радиоуглеродные даты, полученные ранее для погребений с топорами в двух комплексах Тамар-уткульских курганов (Моргунова, Й ван дер Плихт, 2013) указывают на датировку подобных предметов началом III тыс. до н.э.

Однако наличие хумовидного сосуда, по технологии и морфологии близкого крупнотарным сосудам с Турганикского поселения, которые происходят из культурного слоя раннего, репинского этапа ямной культуры (Моргунова и др., 2017, с.221-231) оставляет сомнение в датировке каликинского погребения аналогично тамар-уткульским комплексам.

Снять это противоречие позволили данные радиоуглеродного датирования. Нами получены 2 ¹⁴С даты УМС в ЦКП «Геохронология кайнозоя» – по кости основного скелета взрослого человека и по кости ребенка (табл.1, №1-2). Дата №3 SPb-3987, полученная по дереву, немного моложе дат, полученных по костям людей. Однако, в целом, все три ¹⁴С даты показывают близкие значения и указывают на время совершения погребения в пределах хронологического интервала 2882-2626 лет ВС (95,4 % вероятности). Полученные даты полностью соответствуют АМС датам, полученным ранее для погребений с топорами утевского типа из курганов могильников Тамар-Уткуль VII, VIII и для погребения с литевой формой для таких топоров из кургана КМ Першин (Черных и др., 2000). Они также были сооружены в данном интервале времени (табл.1, № 5-7). В то же время в свете архаичных признаков в технологии сосуда нельзя не упомянуть еще одну ¹⁴С дату №4, полученную по дереву сцинтилляционным способом по тому же дереву в лаборатории г. Томска. Дата отличается слишком широким допустимым интервалом, поэтому все остальные даты, полученные на АМС представляются более предпочтительными.

Что касается архаичности сосуда и его помещения в погребение, то допустимо такое предположение, что сосуд мог быть поставлен в могилу как память о предках. Подтвердить этот вывод затруднительно, однако следует учесть сакральный характер всего комплекса,

о чем явно свидетельствуют солярный символ и жертвоприношение маленького ребенка (вернее, его части). При этом отметим, что наличие архаичных вещей в ямных комплексах Приуралья, причем, как правило, связанных с сакральным символизмом, не такая уж и редкость. К примеру, в КМ Красиково 2/1 в расчлененном погребении с отделенным черепом находилась пектораль из клыка кабана, имевших широкое распространение в наиболее престижных обрядах эпохи энеолита (Моргунова и др., 2014). Человеческие жертвы, причем детей, предварительно расчлененных, неоднократно фиксировались в элитных погребениях ямной культуры Приуралья, в том числе в одном из курганов Тамар-Уткуль с топором (Моргунова, 2014; Файзуллин, 2023, с. 17). Кроме того, обращает на себя внимание факт вхождения топоров утевского типа в комплексы с другими престижными медными изделиями – ножами, стамесками, теслами, долотами, биметаллическими резчиками.

В этой связи, представляя новый, достаточно яркий и выразительный погребальный комплекс с медным топором невозможно обойти часто обсуждаемый вопрос о социальном статусе подобных погребений и о функциональном предназначении подобных топоров. На наш взгляд, весь контекст погребения позволяет подтвердить следующие заключения, которые авторами делались ранее или высказывались на уровне предположений (Моргунова, Файзуллин, 2018).

Во-первых, погребение в кургане 4 КГ Каликино явилось еще одним свидетельством существования военно-производственного и сакрального символизма, который был присущ погребальным обрядам культур ранней фазы формирования стратифицированных комплексных обществ, что, вероятно, получило развитие в социальных процессах, происходивших на развитом этапе ямной культуры волго-уральского региона. Так, в таких элитных комплексах, как Утевка I 1/1, Тамар-Уткуль VII 1/1, Болдырево I 1/1 и др. сочетались грандиозность погребальных сооружений и наличие престижных медных орудий плотницкого предназначения.

Во-вторых, учитывая конструктивные и технологические особенности топоров, а также их встречаемость в наиболее богатых погребальных комплексах, авторы однозначно склоняются к точке зрения о домини-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты из погребений с топорами утевского типа.
Table 1. Radiocarbon dates from the burials with Utevka type axes.

№ п/п	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС 95,4%	$\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$, ‰
1	Каликино 4/1	GV-3870	кость человека	4182 ± 37	2882 – 2626	-16,4	10,7
2	Каликино 4/1	GV-3871	кость ребенка	4142 ± 37	2876 – 2621	-15,6	15,6
3	Каликино 4/1	SPb-3987	дерево	3980±45	2623 – 2343		
4	Каликино 4/1	ИМКЭС-14С2252 Томск	дерево	4855±115	3773 - 3520		
5	Тамар-Уткуль VII 8/4	GrA 54390	кость человека	4145± 35	2864– 2635	–	–
6	Тамар-Уткуль VIII 4/1	GrA 54382	кость человека	4165± 35	2873 – 2677	–	–
7	Першин 1/4	BM 3157	дерево	4200 ± 60	2900 – 2660	-	-

нирующей военной функции большинства этих изделий и их использовании в боевых действиях. Возможно, поэтому неслучайно в качестве рукоятки для каликинского топора было использовано дерево бука, произрастающего далеко на западе от Поволжья. О преимущественном использовании проушных топоров в военных целях высказывались другие исследователи (Корневский 2011: 62-67, 125; Дергачев, 2021, с. 437). Однако при этом, скорее всего, не исключается и производственное использование топоров наряду с другим инструментарием в качестве плотницкого инструмента, например, в изготовлении деревянных повозок, приобретших в ямной культуре важнейшее общественное значение

как средство передвижения в условиях развития подвижного скотоводческого хозяйства.

И в заключении еще раз отметим важный вывод, подтвержденный находкой в кургане 4 Каликинского могильника в Оренбуржье. Топоры утевского типа из памятников ямной культуры Волго-Уралья наряду с другими разнообразными медными изделиями свидетельствуют, с одной стороны, о самодостаточности приуральского очага металлопроизводства и о его высокой эффективности в плане развития технологий и производительности труда, а, с другой, о связях приуральского ГМЦ с ведущими очагами металлопроизводства Евразии в раннем бронзовом веке.

Примечания:

¹ Здесь и далее использованы следующие сокращения: КМ – курганный могильник; 1/1 – номер кургана/номер погребения.

² Данный термин представляется более предпочтительным, так как впервые в закрытом комплексе подобный топор найден в Поволжье в Утевском могильнике, т.е. термин топор утевского типа вошел в научный обиход раньше.

³ Определение пола и возраста установлено д.и.н., сотрудником ИА РАН М.Б. Медниковой.

⁴ Определение д.г.н. А.А. Гольевой (Институт географии РАН).

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВорГУ, 1980. С. 32–58.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2015. С. 4–51.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузминых С.В. Случайная находка топора древнеямной культуры в Челябинской области // РА. 2008. № 4. С. 111–114.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 125–137.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дергачев В.А. Топоры типа Майкоп-Новосвободная-Банябик. Классификация/типология. // Систематизация неолітичних і енеолітичних матеріалів Південно-Східної та Центральної Європи. Сборник научных трудов к 70-летию Сергея Рыжова / Отв. ред. А. Дьяченко. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2021. С. 369–445.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская 5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 71–108.

Корневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.

Корневский С.Н. О древнем металле бассейна р. Самары // Средневолжская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГПУ, 1977. С. 44–65.

Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.

Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В. О топорах утевского типа в степном Волго-Уралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 56–60.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Моргунова Н.Л. Металлопроизводство и его роль в культурогенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1248–1269.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 55–62.

Моргунова Н.Л., ван дер Плихт, Й. Результаты радиоуглеродного датирования Тамар-Уткульских курганов в Оренбургской области // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15. № 5. 2013. С. 261–268.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А., Кульков А.М. Метеоритное железо в производственной и ритуальной практике ямной культуры Приуралья // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 190–206.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН 2003. С. 144–159.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum Plus. 2018. № 2. С. 35–60.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. 2021. С. 5–19.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.

Орловская Л.Б. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 112–115.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: ИИМК РАН, 2012. 344с.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.: Университетская книга, 2019. С. 181–197.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л. Новый керамический комплекс ямной культуры из курганного могильника Каликино-2 в Южном Приуралье: морфология и технология изготовления // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре. Материалы конференции / Отв. ред. А. А. Выборнов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 54–56.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 91–98.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Файзуллин А.А. Пол, возраст и статус в погребальных комплексах населения ямной культуры Волго-Уралья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 11–24.

Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мякшина Т.Н. Основные приёмы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье // Почвы и окружающая среда. 2023. Т. 6. № 2. С. 1–20.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 62–84.

Информация об авторах:

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nina-morgunova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий археологической лаборатории Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация «Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований» (г. Москва, Россия); nsalug@gmail.com ORCID: 0000-0003-4031-9991

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1980. In Pryakhin, A.D. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 32–58 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 2015. In Turetskiy, M. A., (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 5. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 4–51 (in Russian).

Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 111–114 (in Russian).

Gol'msten V.V. 1928. In *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 125–137 (in Russian).

Degtyareva, A. D. 2010. *Istoriya metalloproduktstva Yuzhnogo Zaural'ya v epokhu bronzy (History of metal production in the south trans-Urals basin during the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dergachev, V. A. 2021. In D'yachenko, A. (ed.). *Sistematizatsiya neolitichnikh i eneolitichnikh materialiv Pivdenno-Skhidnoi ta Tsentral'noi Evropi. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu Sergeya Ryzhova (The systematization of Neolithic and Eneolithic materials of the Southeastern and Central Europe. Collected scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Sergei Ryzhov)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 369–445 (in Russian).

Kantorovich, A. R., Maslov, V. E., Petrenko, V. G. 2013. In Belinskii, A. B. (ed.-in-chief). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus)*. 11. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" Publ., 71–108 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 14–32 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya (Middle Volga Archaeological Expedition)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 44–65 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspekt (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Kuzminykh, S. V. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Pit Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 56–60 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti (The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural and historical region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L. 2021. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seria (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series)* 4 (66), 1248–1269 (in Russian).

Morgunova, N. L., Evgen'ev, A. A., Kryukova, E. A., Kharlamov, P. V., Fayzullin, A. A., Gol'eva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).

Morgunova, N. L., van der Pliht, J. 2013. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 15 (5), 261–268 (in Russian).

Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. 1994. *Pamyatniki drevneyamnnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L., Kul'kova, M. A., Kul'kov, A. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 262, 190–206 (in Russian).

Morgunova, N. L., Turetskiy, M. A. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 144–159 (in Russian).

Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A. 2018. In *Stratum Plus* (2), 35–60 (in Russian)

Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (1), 5–19 (in Russian)

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Orlovskaya, L. B. In 1994. Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. *Pamyatniki drevneyamnnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 112–115 (in Russian).

Rezepkin, A. D. 2012. *Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika Klady) (Novosvobodnaya culture (based on materials from the Klady burial ground))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian)

Ryndina, N. V., Ravich, I. G. 2019. *Metall maykopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza v svete analiticheskikh issledovaniy (Metal of the Maykop culture of the North Caucasus in the light of analytical research)*. Moscow: "Universitetskaia kniga" Publ. (In Russian)

Salugina, N. P., Morgunova, N. L. 2024. In Vybornov, A.A., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnyaya keramika Evrazii: ot sosuda k kul'ture (Ancient Pottery of Eurasia: from vessel to culture)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 54–56 (in Russian).

Salugina, N. P., Morgunova, N. L., Turetsky, M. A. 2016. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 17 (4), 91–98 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 16–58 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast)*. Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Fayzullin, A. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 11–24 (in Russian)

Khokhlova, O. S., Sverchkova, A. E., Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A., Myakshina, T. N. 2023. In *Pochvy i okruzhayushchaya sreda (Soils and the environment)* 6 (2), 1–20 (in Russian)

Chernykh, E. N. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–82 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Yu., Lun'kov, V. Yu. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ., 62–84 (in Russian).

About the Authors:

Morgunova Nina L., Doctor of Historical Sciences, chief researcher of the Orenburg state pedagogical University, Orenburg, 460014, Sovetskaya str. 19, Russia. E-mail: nina-morgunova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Faizullin Airat A., Candidate of Historical Sciences, leading researcher, head of the Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, 460014, st. Sovetskaya 19, Russia, faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Salugina Natalya P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Autonomous Non-profit Organization "Scientific and Educational Center for Paleoethnological Research", Novaya Ploshchad, 12, building 5, Moscow, 109012, Russia. E-mail: nsalug@gmail.com ORCID: 0000-0003-4031-9991

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904, 902.01, 903.25

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.119.128>

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ ЮГОМАШЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГЛЯДЕНОВСКОЙ И МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУР В КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

©2024 г. А.А. Красноперов, Э.В. Камалеев

В статье публикуются комплексы двух погребений Югомашевского могильника в северной Башкирии. Датировка этих могил несколько затруднена, и может быть широко определена в пределах IV в., более вероятно 2-й его половины. Памятник традиционно относится к мазунинской культуре. Сверка коллекции Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН для внесения в госкаталог выявила новые аспекты для культурной атрибуции. В рассматриваемых могилах найдены специфические маленькие высокие конические бляшки, которые не встречаются среди мазунинских материалов. Такая форма является специфической для гляденовских памятников. Сам некрополь располагается на северо-востоке ареала мазунинской культуры, в непосредственной близости к области южной группы памятников гляденовской культуры. Два погребения – Югомаш, пп. II/18 и II/23 – отражают процесс взаимодействия двух культурных групп в контактной зоне.

Ключевые слова: археология, типология, бляшки, мазунинская культура, гляденовская культура, контактная зона, взаимодействие.

TWO BURIALS OF THE YUGAMASH BURIAL GROUND: TO THE QUESTION OF THE INTERACTION OF THE GLYADENOVO AND MAZUNINO CULTURES IN THE CONTACT ZONE

A.A. Krasnopeorov, E.V. Kamaleev

The article presents complexes of two burials of the Yugamash burial ground in the northern part of Bashkiria. The dating of these burials is somewhat difficult, and can be broadly defined within the IV century, more probably its 2nd half. The site is traditionally attributed to the Mazunino archaeological culture. Checking the collection of the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center RAS for state registration revealed new aspects of cultural attribution. In the burials under consideration, specific small high conical plaques were found, which are not found among the Mazunino grave goods. This form is specific to the Glydenovo sites. The necropolis itself is located in the northeast of the Mazunino culture area, in close proximity to the zone of the southern group of monuments of the Glyadenovo archaeological culture. Two burials – Yugamash, burials II/18 and II/23 - reflect the interaction of two cultural groups in the contact zone.

Keywords: archaeology, typology, plaques, Mazunino archaeological culture, Glyadenovo archaeological culture, contact zone, interaction.

Югомашевский могильник расположен в д. Югомашево Янаульского р-на Республики Башкортостан (АКБ, 1976, № 534). Был выявлен в ходе разведочных работ Н.А. Мажитова 1967 г. (Мажитов, 1967о), которым раскопана одна могила (Мажитов, 1968, с. 109). Участки, свободные от застройки (улица, огород), раскапывались С.М. Васюткиным и В.К. Калининым в 1975 году в рамках археологической практики студентов БГУ (Васюткин, Калинин, 1975о). Три раскопами было вскрыто 656 кв. м с 81 погребением. Нумерация могил самостоятельная для каждого раскопа. Далее для удобства вводится цифровой индекс –

номер раскопа/номер погребения: раскоп I – 4; раскоп II – 67; раскоп III – 10 – могила.

Результаты раскопок не опубликованы, кроме крупной бабочковидной фибулы, арочной и нескольких мелких подвесок¹, попавших еще в информационное сообщение о проведенных работах (Васюткин, Калинин, Обыденнов, 1976, рис. на с. 165). Позднее Т.И. Останина привлекла материалы для разработки хронологии мазунинской культуры и издала несколько комплексов: пп. II/7,10,16,24, III/4 (Останина, 1997, рис. 35, 36). Поясную гарнитуру привлекала к своим исследованиям О.С. Белявская (Белявская,

Рис. 1. Югомашево, п. II/18. Комплекс погребения. 1-13, 29 – пронизки, 14-24 – бусы, 25-28 – бляшки, 30, 31 – височные кольца, 32 – нож, 33 – гривна, 34 – шило. (13 – Останина, 1997, рис. 5: 27).

Fig. 1. Yugamash, burial II/18. Burial complex. 1-13, 29 – bronze beads, 14-24 – glass beads, 25-28 – plaques, 30, 31 – temple rings, 32 – knife, 33 – neck-ring, 34 – awl. (13 – Ostanina, 1997, fig. 5: 27).

2018; 2023д), коллекцию бус обработала Р.Р. Русланова (Русланова, 2013; 2018).

В могилах найдены бабочковидные фибулы и височные подвески. В литературе прочно закрепилось определение могильника как «мазунинского», которое не подвергалось сомнению.

Новое обращение к материалам связано с процессом внесения коллекции № 323 Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН в госкаталог². Выявившиеся обстоятельства позволяют по-новому взглянуть на памятник в целом и отдельные комплексы в частности, их хронологию и культурную атрибуцию.

Не подлежит сомнению, что бабочковидные фибулы и височные подвески являются визитной карточкой именно мазунинской культуры (Красноперов, 2023) удмуртского Прикамья и среднего и нижнего Прибеля. Однако эпизодически они встречаются и на других территориях: на Вятке и Ветлуге – памятники азелинской культуры (Красноперов, 2018, рис. 3), в пермском Прикамье – южная, тулвинская», группа гляденовской культуры (Перескоков, 2018а, рис. 30: 24–28, 35: 12). Также сама Т.И. Останина отмечала специфику вещевого набора Югомашевского могильника и при разработке хронологии даже выделила его вместе с Бирским³ в отдельную корреляционную таблицу (Останина, 1997, с.

109, табл. 33) – они не вписывались в общую стройную систему (Красноперов, 2024).

В представленной работе рассматривается вещевой инвентарь из двух погребений: П/18 и П/23.

Погребение № 18⁴ (кв. С/10,11). Могильная яма подпрямоугольной формы, длиной 2 м, шириной 0,5 м, глубиной 0,87 м, была ориентирована длинными сторонами с юго-запада на северо-восток. Костяк не сохранился. В северо-восточном конце могилы найдены несколько человеческих зубов и следующие предметы: браслет из округлой бронзовой проволоки со слегка утонченными и обрубленными концами, диаметр проволоки 0,3 см, диаметр браслета 4,5 см; три бронзовые фигурки медведей; плоская, близкая к кругу по форме бронзовая бляшка диаметром 3,0–3,2 см; кольцо из округлой бронзовой проволоки с обрубленными концами, на которые надета каменная цилиндрическая бусина с позолотой, диаметр кольца 4,0–4,2 см; три конусовидные бронзовые бляшки с перемычкой на обратной стороне; одна бронзовая бочонковидная бусина; обломки бронзовой спиральки, намотанной на тонкий кожаный ремешок, на которой, видимо, висели фигурки медведей; бронзовая ромбическая в сечении и с зауживающимися сломанными концами гривна диаметром 15,7 см; 1067 мелких стеклянных и пастовых синего, голубого, желтого и бордового цветов округлой и цилиндрической формы бусин. В середине могилы, поперек её, лежал железный нож в обломках (рис. 1).

Описанные «браслеты» являются височными кольцами (рис. 1: 30, 31). Среди находок есть фрагмент прорезной пронизки с раздутым туловом (рис. 1: 13) типа (Останина, 1997, рис. 5: 27) и фрагмент шила (рис. 1: 34), внесенный в опись как часть ножа.

Среди бус есть золотостеклянные мелкие (рис. 1: 21) и одна среднего размера (рис. 1: 22), печеночно-красный рубленый бисер (рис. 1: 18), крупная желтая непрозрачная с красным пятном – на височном кольце (рис. 1: 30), и мозаичная бусина (Русланова, 2018, с. 134, тип I.5B1г, рис. 30: 1) (рис. 1: 14), не находящая соответствия в основных сводах⁵.

Погребение № 23 (кв. РС/10). Могильная яма подпрямоугольной формы, длиной 2,23 м, шириной 0,4–0,5 м, глубиной 0,8 м, была ориентирована длинными сторонами с юго-запада на северо-восток. В северо-

восточной половине могилы, ближе к стенке, найдена одна большая стеклянная бусина с позолотой; обломки нескольких конусовидных бляшек; железный нож в обломках. В середине могилы, также ближе к западной стенке, найдены обломки узкого бронзового наконечника пояса; дужка железной пряжки. В юго-западном конце могилы в куче лежали 705 мелких бусин из синего, голубого стекла и паста желтого, сиреневого цветов (рис. 2).

Количество фрагментов и разница сечений (рис. 2: 29, 30, 32) указывают, что ножей в могиле было более одного. Среди находок есть фрагмент «угловатой» накладки (рис. 2: 27).

Хронология погребения затруднена. Железная пряжка сильно разрушена. Можно лишь отметить, что рамка заметно утолщена спереди (рис. 2: 31), что является относительно поздним признаком. Золотостеклянная бусина крупная (рис. 2: 1). Спецификация наборов золотостеклянных бус рязано-окских могильников, проведенная О.С. Румянцевой, показала, что крупные бусы характерны для наборов Андреевского кургана, 2 пол. I – 1 пол. II вв., и периода К1 относительной хронологии, или от рубежа I/II до нач. III (Румянцева, 2007, с. 216–217, 221; 2020, с. 31–32), а золотостеклянные в целом, независимо от размера и формы, исчезают из комплексов к рубежу IV/V вв. (Румянцева, 2015, с. 102). Сильно разрушенные бронзовые пластинки от наконечника ремня (рис. 2: 28) могут относиться к типу «секировидных» (Малашев-Н8, 2 пол. IV в.), широко представленному на этом памятнике.

Обе могилы датируются в пределах IV в., более вероятно, захоронения совершены во 2-й половине IV в.

Объединяют эти две могилы очень специфические бляшки – маленькие, в виде высокого конуса (рис. 1: 25–27, 2: 12–26). В других погребениях такой тип не встречается⁶.

Типология бляшек мазунинской культуры разработана Т.И. Останиной (Останина, 1997, с. 40–42, рис. 4: 18–29, 5: 2, 3). Выделено пять типов – плоских и полусферических форм (рис. 3: 1–14). Самое главное – среди характерных для мазунинской культуры типов нет высоких конических.

Территориально и хронологически с мазунинской смыкаются кара-абызская и гляденовская культуры (Syrovatko, Mikhaylova, Krasnoперov, 2024, fig. 1).

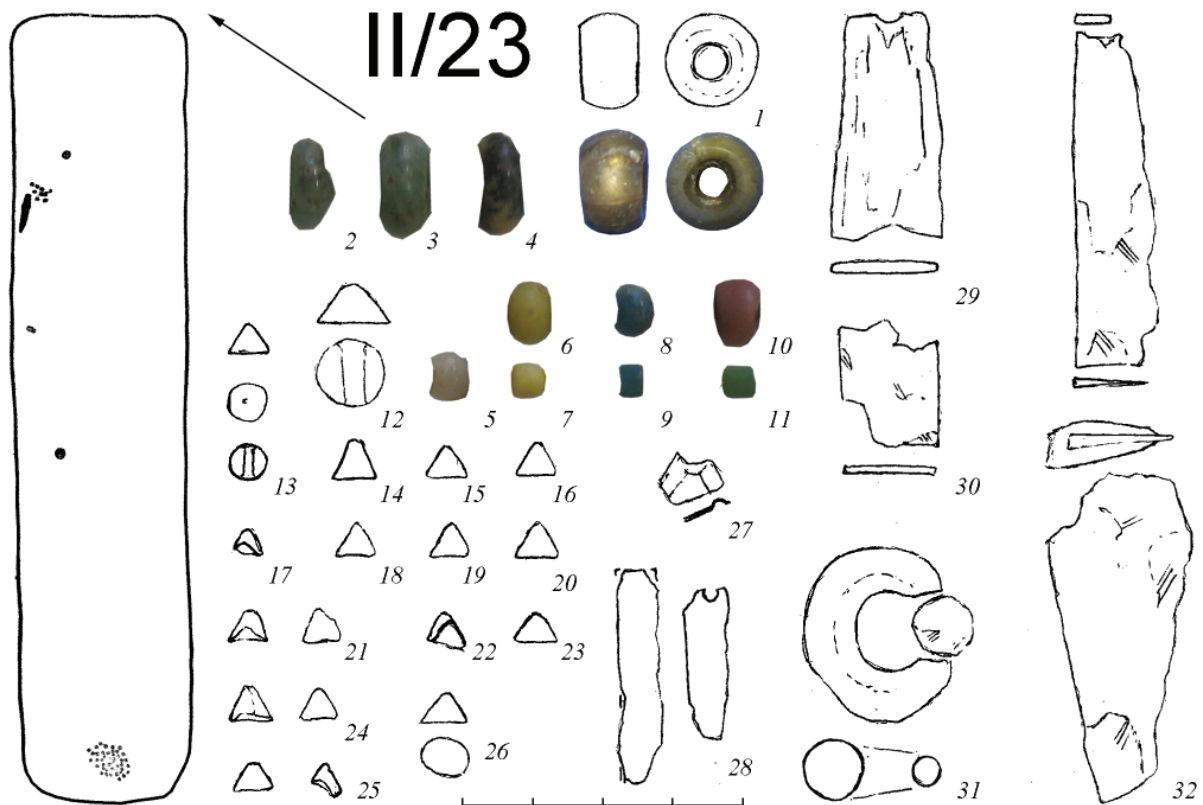

Рис. 2. Югомашево, п. II/23. Комплекс погребения. 27 – накладка, 2 – бусина, 3-15 – бляшки, 28 – наконечник ремня, 29,30,32 – нож, 31 – пряжка.

Fig. 2. Yugamash, burial II/23. Burial complex. 1-11 – glass beads, 12-26 – plaques, 27 – belt plaque, 28 – mount, 29,30,32 – knife, 31 – buckle.

Типология бляшек кара-абызской культуры разработана С.Л. Воробьевой (Воробьева, 2012д, рис. 54: 4–8, 56). Выделено четыре типа – плоских и полусферических форм (рис. 3: 15–28). Самое главное – среди характерных для кара-абызской культуры типов нет высоких конических.

Типология бляшек гляденовской культуры разработана М.Л. Перескоковым (Перескоков, 2018а, с. 59–60, рис. 33: 1–52). Выделено шесть типов (рис. 4). Именно высокие конические (Перескоков, 2018а, рис. 33: 24, 26–48) (рис. 4: 3–6, 8–16, 23–29) составляют специфику бляшечного набора гляденовских памятников (Перескоков, Доткин, Якимова, 2018, с. 190). В силу сохранности костных останков местоположение гляденовских украшений в костюме устанавливается с трудом. Но для бляшек есть два исключительных случая.

В Мокино, п. 215 (Кулябина, 2001, рис. 1; Перескоков, 2018б, рис. 7: Б), бляшки найдены в центральной части ямы, справа и слева от ног, двумя рядами на тлене органической осно-

вы. Авторы раскопок атрибутировали находку как остатки поясного набора, что, на наш взгляд, не оправдано. Расположение относительно могильной ямы и взаиморасположение находок между собой дает основания считать эти украшения остатками обшивок манжетов рукавов. В Прикамье такой способ декорирования очень показателен для мазунинского костюма (Красноперов, 2006д, рис. 162–166). Но можно еще раз повторить про характерную для гляденовского ареала крайне неудовлетворительную сохранность костяков и сложные почвенные условия (плотные вязкие глины). Случай с Мокино, п. 215, показывает, что такой декор возможен, хотя не означает, что он был повсеместно распространен.

В Мокино, п. 264, бляшки найдены за черепом погребенного (Перескоков, Доткин, Якимова, 2018). Находки относятся к головному убору и подробно рассмотрены в специальной статье.

Происхождение этого типа в гляденовской культуре не ясно. Во-первых, нет предыдущее-

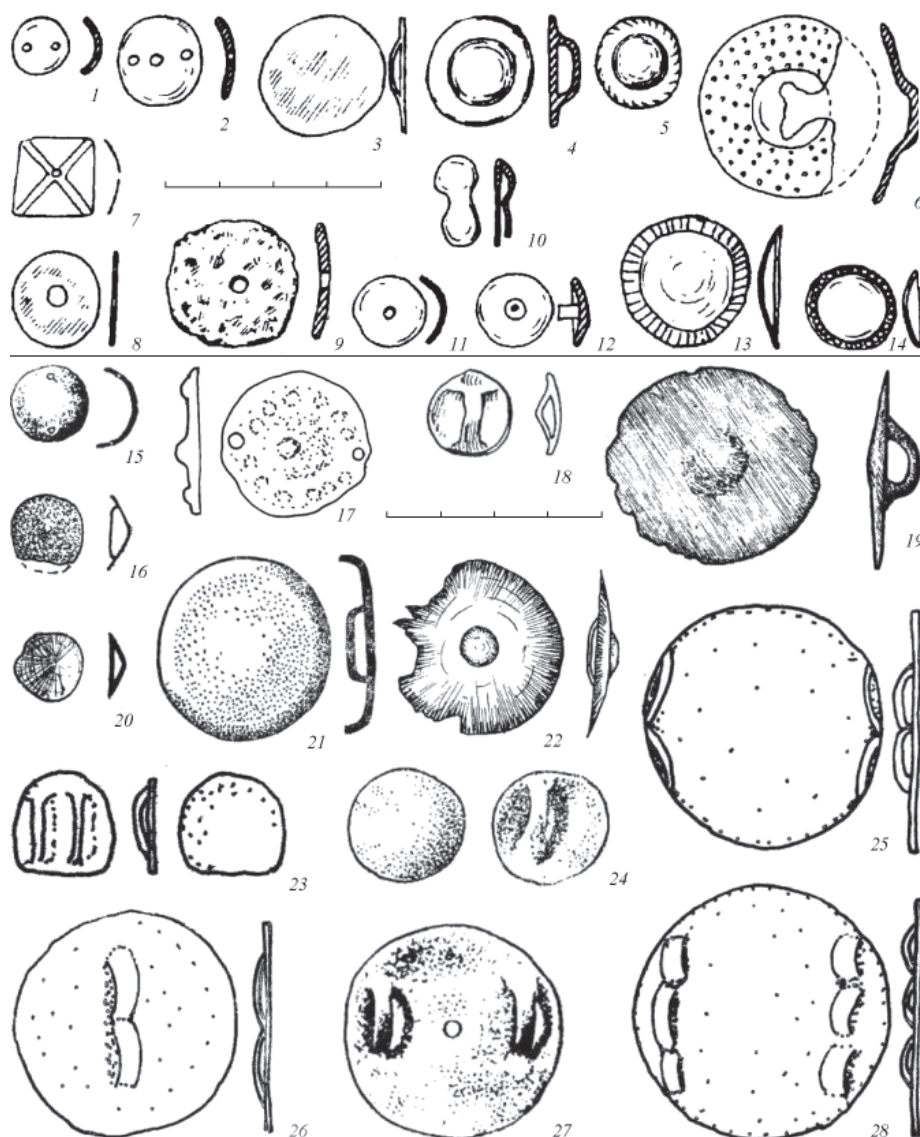

Рис. 3. Типы бляшек. 1-14 – мазунинской культуры (Останина, 1997, рис. 4: 18-29, 5: 2,3),
15-28 – кара-абызской культуры (Воробьева, 2012д, рис. 54: 4-8, 56).

Fig. 3. Plaque types. 1-14 – Mazunino culture (Ostanina, 1997, fig. 4: 18-29, 5: 2,3),
15-28 – Kara-Abyz culture (Vorobyeva, 2012d, fig. 54: 4-8, 56).

го пласта находок (памятники предшествующего этапа практически безынвентарны), во-вторых, в окружающих культурах таких нет ни синхронно, ни ранее. Конические формы в принципе редки. Нет их и далее на запад (см.: Лещинская, 2014, рис. 32; Белоцерковская, 2007; Кренке, 2019, рис. 138, 141)⁷.

Форма бляшек, отсутствующая в собственно-мазунинских и собственно кара-абызских материалах и представленная только в гляденовских, позволяет считать наборы из Югомашево, п. II/18, и Югомашево, п. II/23, синкретичными. Это не единичные случаи для памятника. Югомашевский могильник распо-

лагается на крайнем северо-востоке ареала мазунинской культуры, при этом собственно мазунинские памятники (поселенческие) есть еще дальше на северо-восток. Есть находки мазунинских типов и в самой гляденовской культуре (височные подвески и бабочковидные фибулы в Красноярском и Кудашевском могильниках). Есть находки гляденовских типов в пределах основного ареала мазунинской культуры (это самостоятельная тема для обсуждения). Т. е. можно говорить о достаточной проницаемости «границ» для древнего населения. Не таких жестких, как их рисуют на картах археологи. И некоторые зоны

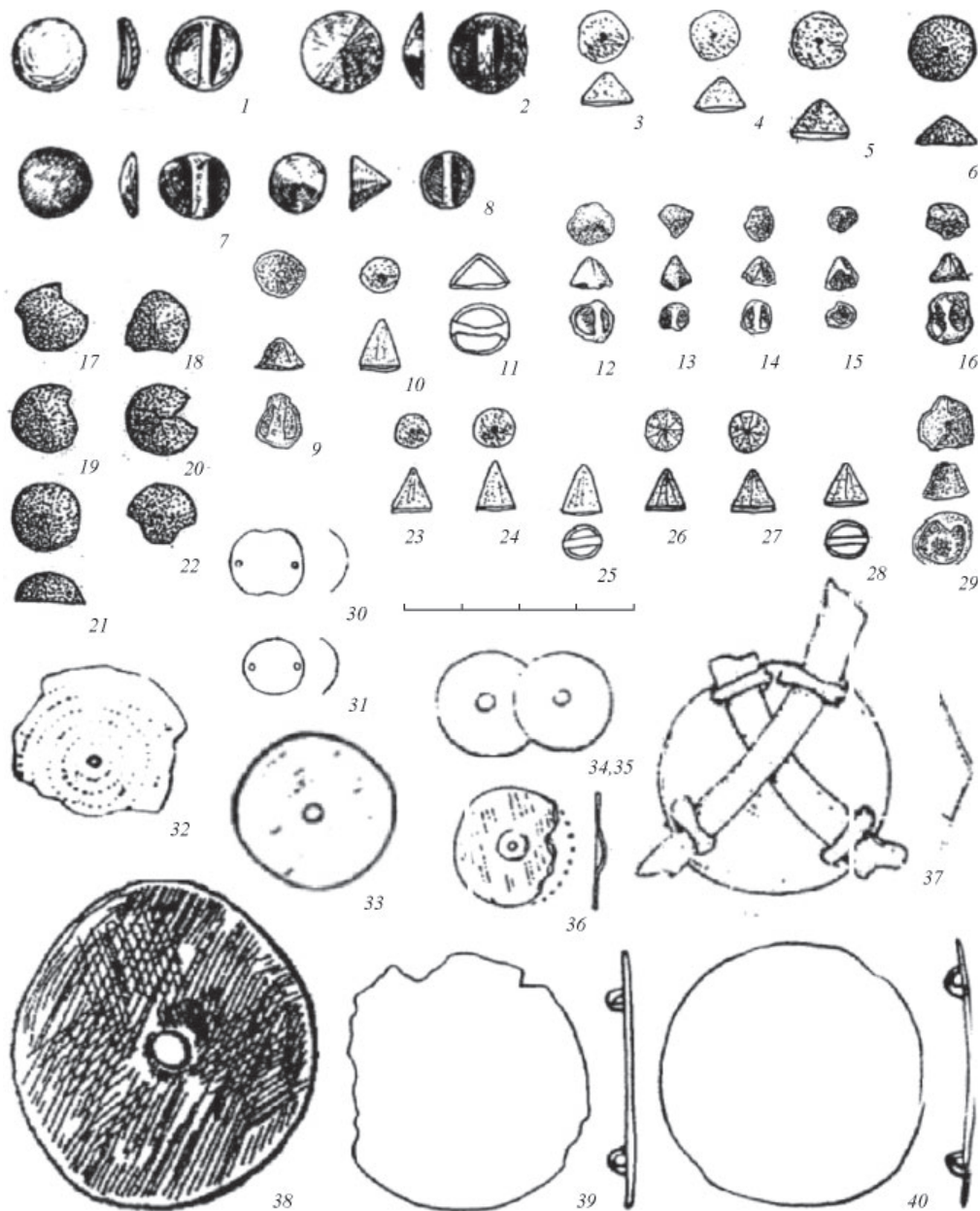

Рис. 4. Типы бляшек гляденовской культуры (Перескоков, 2018а, рис. 33: 1-52).

Fig. 4. Plaque types of the Glyadenovo culture (Pereskokov, 2018a, fig. 33: 1-52).

были контактными. Люди взаимодействовали между собой, персонально или вещами (Красноперов, 2018, с. 135–136). И матери-

лы Югомашевского могильника (а в других погребениях выявлены и другие аспекты контактов) отражают эти процессы.

Примечания:

¹ Номер могилы указан неверно.

² Работы проводятся Э.В. Камалеевым по плановой теме НИР «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, Средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № 122041900119-2.

³ Но почему-то без Бахмутинского.

⁴ Описания приводятся по отчету без купюр.

⁵ Отчасти схожа с типами Алексеева-500 (табл. 49: 45), Алексеева-497 (табл. 49: 57), Алексеева-518 (табл. 49: 96) (Алексеева, 1982, с. 43-44).

⁶ К моменту начала разбора коллекции одна бляшка конической формы – без шифра – лежала в коробке погребения П/55. В отчете указаний на находку в этой могиле нет. В коллекционной описи авторы специально

отмечали форму «конических бляшек», которые указаны только в могилах П/18 и П/23. Сверка показала, что попадание бляшки в коробку погребения П/55 – результат ошибки.

⁷ Конические бляшки со сплошной планкой на обороте есть в памятниках андреевско-писеральского типа (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25: 2,16; Мясников, 2013, рис. 2: 18, 28, 35, 36), но они датированы не позднее I четв. II в. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 53), что исключает прямое заимствование.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–214.

Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура и хронология погребения Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 86–100.

Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс. ... канд.ист.наук. М., 2023. 599 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Башгосунiversитета в 1975 г. Уфа, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1. №5657, 5657а.

Васюткин С.М., Калинин В.К., Обыденнов М.Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 164–165.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа: IV в. до н.э. – IV в. н.э. Дисс. ... канд.ист.наук. Т. 1, 2. Дисс. ... канд.ист.наук. Уфа, 2012.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 586 с.

Красноперов А.А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 130-177.

Красноперов А.А. Последние носители мазунинского культурного комплекса и стык мазунинской и бахмутинской культур // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 242-252. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.005>

Красноперов А.А. К оценке некоторых хронологических систем, предложенных для культур лесной зоны в первые века н.э. (В печати). 2024

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.: 225.

Кулябина Н.В. Поясной набор IV в. по материалам Мокинского могильника // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Материалы всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники: Пермский гос. ун-тет, 2000. С. 43–46.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдмГУ, 2014. 427 с.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3496, 3496а

Мажитов Н.А. Работы в северной Башкирии // Археологические открытия 1967 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 108–110.

Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I-VIII вв. н.э. в свете археологических данных / Научные доклады ЧГИГН. Вып.13. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 72 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018а. 320 с.

Перескоков М.Л. Археологические критерии социальной структуры населения Пермского Прикамья на позднем этапе гляденовской культуры (по материалам Мокинского могильника III-V/VI вв. н.э.) // *Stratum Plus*. 2018б. № 4. С. 47–70.

Перескоков М.Л., Доткин К.В., Якимова Д.А. Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника // *Поволжская археология*. 2018. № 1 (23). С. 178–198. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.178.198>

Румянцева О.С. Рязано-окские могильники. Бусы массовых типов // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир*. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 214–246.

Румянцева О.А. Наборы бус финнов среднего Поочья // *Германия – Сарматия*. Вып. III = *Germania – Sarmatia*. III: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы / Ред. О.А. Радюш. М.: ИА РАН, 2020. С. 30–43.

Румянцева О.С. Золотостеклянные бусы позднеантичного времени: проблема происхождения // *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века* / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 102–118.

Русланова (Тамимдарова) Р.Р. Особенность бусинных наборов Югомашевского могильника // *Инновационный потенциал молодежной науки: Материалы всероссийской научной конференции 8 ноября 2013 года* / Отв. ред. А.Ф. Мустаев. Уфа: БГПУ, 2013. С. 236–240.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A. The Western Forest Zone During the Transition From the Roman Times to the Early Middle Ages // *Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition*. Vol. 4 / Eds. Rehren, T., Nikita, E. London: Academic Press, 2024. P. 712–732. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90799-6.00241-X>.

Информация об авторах:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), 426004, Ижевск, Ломоносова, 4, e-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000–0001–7931–4536, ResearcherID-AAN –4831-2021

Камалеев Эльвир Винерович, кандидат исторических наук, и.о. старшего научного сотрудника, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3143-5037

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Belotserkovskaya, I. V. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v sere-dine I tysiacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 186–214 (in Russian).

Belyavskaya (Krapacheva), O. S. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 40 (1), 86–100 (in Russian).

Belyavskaya, O. S. 2023. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals of the III - the turn of the VII and VIII centuries)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1976. *Otchet o rabote pervogo otriada arkheologicheskoi ekspeditsii Bashgosuniversiteta v 1975 godu (Report on the Work of the First Detachment of the Archaeological Expedition of Bashkir State University in 1975)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 6, dossier 15 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K., Obydenov, M. F. 1976. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g. (Archaeological Discoveries of 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 164–165 (in Russian).

Vorobyeva, S. L. 2012. *Tipologiya elementov ubranstva kostyuma kara-abyzskoy kul'tury epokhi rannego zheleza: IV v. do n.e. – IV v. n.e. (Typology of the Wear Design Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture: IV century BC – IV century AD)*. Vol. I, II. PhD Diss. Ufa, 291 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

Krasnoperov, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 130–177 (in Russian).

Krasnoperov, A. A. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* Vol. 23 (2), 242–252 (in Russian).

Krasnoperov, A. A. (in print.) *K otsenke nekotorykh khronologicheskikh sistem, predlozhennykh dlya kul'tur lesnoy zony v pervye veka n.e. (To the assessment of some chronological systems proposed for the cultures of the forest zone in the first centuries AD)* (in Russian).

Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvyy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages)*. Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Kuliabina, N. V. 2000. In Shilov, V. V. (ed.). *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Perm Kama Region in the History of the Urals and Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference)*. Berezniki, 43–46 (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1967. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy v 1967 godu (Scientific Report on Archaeological Study Results of 1967)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Inv. R-1, no 3496. 3496a (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 g. (Archaeological Discoveries of 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–110 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2013. *Etnokul'turnye protsessy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vekakh nashey ery v svete arkheologicheskikh dannykh (Ethnocultural Processes in the Chuvash Volga Region in the 1st–8th Centuries AD in the Light of Archaeological Data)*. Nauchnye doklady ChGIGN (Scientific Reports of Chuvash State Institute for Humanities) 13. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities (in Russian).

Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State University (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018b. In *Stratum Plus* (4), 47–70 (in Russian).

Pereskokov, M. L., Dotkin, K. V., Yakimova, D. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 178–198 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 214–246 (in Russian).

Rumyantseva, O.A. 2020. In Radyush, O. A., Blyuene, A., Lyubichev, M. V. (eds.). *Germaniya – Sarmatiya* (*Germania – Sarmatia*). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 30–43 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2015. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka* (*East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century*). Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 102–118 (in Russian).

Ruslanova (Tamimdarova), R. R. 2013. In Mustaev, A. F. (ed.). *Innovatsionnyy potentsial molodezhnoy nauki* (*Innovative potential of youth science*). Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 236–240 (in Russian).

Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov* (*Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises*). Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia (in Russian).

Syrovatko, A., Mikhaylova, E., Krasnoperov, A. 2024. In Rehren, T., Nikita, E. (eds.). In *Encyclopedia of Archaeology*, 2nd Edition. Vol. 4. London: Academic Press, 712–732.

About the Authors:

Krasnoperov Alexander A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia). Researcher. e-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000–0001–7931–4536, ResearcherID-AAN -4831-2021

Kamaleev Elvir V. Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3143-5037, ResearcherID-ABA-1299-2020

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 902(470.57):903'15.227

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.129.137>

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КИММЕРИЙСКИЙ МЕЧ ИЗ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

©2024 г. Р.Р. Насретдинов, Р.Р. Султанов, В.К. Федоров

В статье публикуется меч с железным клинком и бронзовой рукоятью, найденный в Республике Башкортостан возле города Баймак. Имеет длину 82 см, конец клинка отсутствует. Навершие грибовидное, перекрестье прямое. Является образцом киммерийского клинкового оружия с крестовидной рукоятью. Датируется концом IX – началом VIII вв. до н.э. Возможно, меч происходит из разрушенного захоронения, поскольку его клинок был согнут и на лезвии сохранились остатки ткани. Наибольшее количество подобных мечей найдено на территории Украинской лесостепи. Единичные образцы происходят с Северного Кавказа (Адыгея) и Среднего Поволжья (Татарстан). Вместе с редкими погребениями (могильники Елбулак-Тамак и Шатмантамак в Башкирском Предуралье) и единичными находками бронзовых киммерийских кинжалов в Зауралье, баймакский меч является свидетельством миграций на Южный Урал в начале эпохи раннего железа отдельных групп киммерийского населения с западных по отношению к Южному Уралу территорий.

Ключевые слова: ранний железный век; кочевники; Южный Урал; биметаллическое клинковое оружие; меч; киммерийцы; миграции, военные походы

BIMETALLIC CIMMERIAN SWORD FROM THE SOUTHERN TRANSURALS²

R.R. Nasretdinov, R.R. Sultanov, V. K. Fedorov

The paper considers a sword with an iron blade and bronze hilt found not far from Baymak, the Republic of Bashkortostan. It is 82 cm long with end of blade is missing. The pommel is mushroom-shaped, the crossguard is straight. It represents a Cimmerian blade weapon with a cross-shaped hilt dating back to the late 9th – early 8th century BC. The sword was found at a destroyed burial site as its blade had been bent and there were remnants of fabric on it. The majority of such swords have been found in the Ukrainian forest-steppe zone. Some of them come from the North Caucasus (Adygeya) and from the Middle Volga region (Tatarstan). Together with rare burials (Yelbulak-Tamak and Shatmantamak burial grounds in the Bashkir Ural region) and solitary finds of bronze Cimmerian daggers in the Trans-Ural region, the Baymak sword is evidence of migrations to the South Urals at the beginning of the Early Iron Age of certain groups of the Cimmerian population from the western territories to the South Urals.

Keywords: Early Iron Age, nomads, South Urals, bimetallic bladed weapons, sword, Cimmerians, migrations, military campaigns

Публикуемый меч передан сотрудникам Историко-археологического и ландшафтного музея-заповедника «Ирендык» 21 мая 2022 г., во время мероприятия «Ночь в музее» жителям города Баймак. По утверждению передавшего, меч обнаружен на свалке за микрорайо-

ном «Южный», во время сбора металлолома. В настоящий момент меч готовится к передаче на постоянное хранение в Историко-культурный музей-заповедник «Шульган-Таш» (д. Гадельгареево Бурзянского р-на Республики Башкортостан).

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 122031400062-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2022–2024 гг. «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация» (В.К. Федоров).

² The article was prepared as a part of the State Task No. 122031400062-7 of the IES UFRC RAS for 2022-2024. "Historical and cultural heritage of the South Urals and the Urals: study, preservation and museumification" (V.K. Fedorov).

Рис. 1. Меч из окрестностей города Баймак.
Фото В.К. Федорова, рисунок В.В. Федоровой.

Fig. 1. A sword from the surroundings of Baymak. Photo by V.K. Fedorov, drawing by V.V. Fedorova.

клинок трижды сгибался, а затем распрямлялся (может быть, при этом была утрачена нижняя часть).

В 15 см выше места облома у краев одного из лезвий с двух сторон сохранились фрагменты ожелезненной ткани, на длину около 4,5 см и ширину до 1,5 см. Переплетение нитей простое полотняное (рис. 2).

Рукоять представляет собой бронзовый чехол, надетый на железную основу, являющуюся продолжением клинка и единую с ним (рис. 3). Навершие грибовидное. Сохранилось частично, примерно две трети отсутствует. Это колпачок, надетый сверху на конец рукояти и заполненный внутри каким-то серым веществом, визуально похожим на цемент. Высота колпачка – 1,7 см, ширина поперечная – 2 см, продольная – около 3 см. Толщина стенок 0,2 см. Ручка имеет длину, вместе с перекрестьем 10,8 см, ширина у навершия – 2,7 см, у перекрестья – 3,5 см. Перекрестье составляет единое целое с чехлом и представляет собой две тонкие ветви, отходящие от его нижней части. Обе ветви обломаны. Линия перекрестья, примыкающая к клинку прямая, линии же верхних частей ветвей, примыка-

Длинный биметаллический меч (рукоять бронзовая, клинок железный) общей длиной 82 см. Длина клинка 69,7 см, рукояти – 12,3 см (рис. 1). Клинок полностью не сохранился, отсутствует нижняя часть. Ширина клинка у рукояти 4 см, в середине 3,2 см, у места слома 2,4 см. В сечении ромбовидный, толщина от 0,7 см в верхней части, до 0,5 см – в нижней. Поверхность корродирована, в тех местах, где чешуйки коррозии отпали, обнажилась естественная серая поверхность металла. Металл производит впечатление очень прочного, хорошо магнитится, коррозия затронула лишь поверхностный слой. Клинок имеет следы трех сгибов – в 20,5 см и в 29,7 см от рукояти, и у места слома. Места сгибов сильнее покрыты коррозией и на них больше отслаивающихся чешуек превратившегося в окисел металла. Место слома также сильно корродировано. Создается впечатление, что

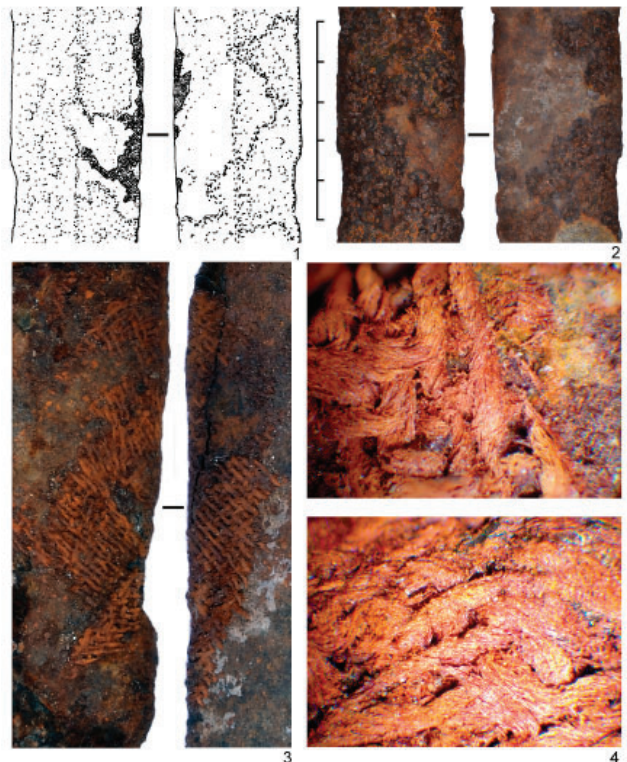

Рис. 2. Фрагменты ткани на лезвии.

1 – рисунок В.В. Федоровой, 2-3 – фото В.К. Федорова, 4 – фото Е.А. Берсенева.

Fig. 2. Fragments of fabric on the blade. 1 – drawing by V.V. Fedorova, 2-3 – photo by V.K. Fedorov, 4 – photo by E.A. Bersenev.

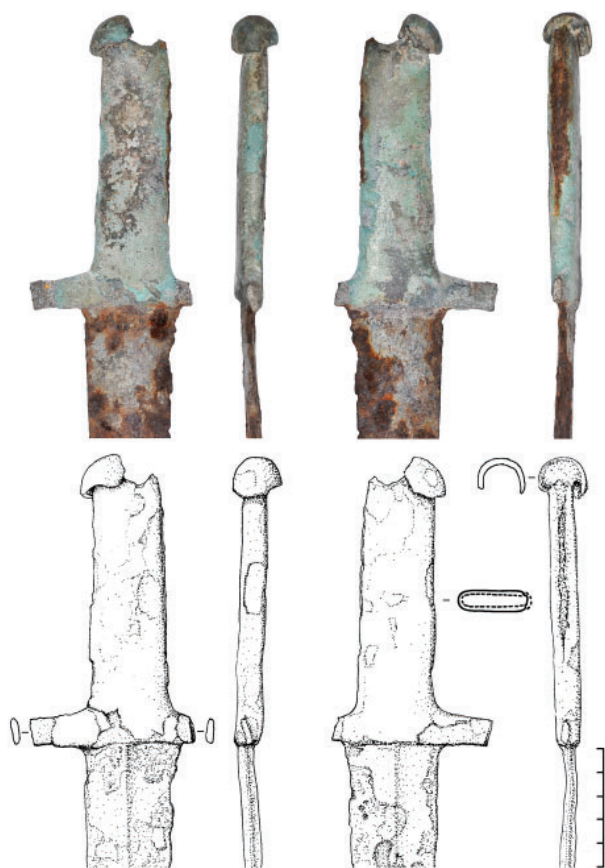

Рис. 3. Рукоять меча. Фото В.К. Федорова, рисунок В.В. Федоровой.

Fig. 3. Sword hilt. Photo by V.K. Fedorov, drawing by V.V. Fedorova.

ющих к ручке слегка наклонные. Одна ветвь сохранилась на длину 2,2 см, вторая – 0,6 см. Металл, из которого сделан чехол, превратился в поверхностной части в ноздреватый крошащийся окисел. С одного бока он почти полностью выкрошился, и стала видна железная основа рукояти. Толщина стенок бронзового чехла примерно 0,3 см.

Происхождение уникального для данного региона биметаллического киммерийского меча со свалки, строго говоря, не доказывает, что он попал туда с той же территории, где она расположена. Теоретически он мог быть привезен и издалека. Тем не менее, находки киммерийского клинкового оружия на Южном Урале известны, и мы далее будем исходить из того, что меч происходит всё же из Зауралья. Два бронзовых киммерийских кинжала из Зауралья опубликованы А.Д. Таировым, один – найденный на левобережье р. Урал в районе города Магнитогорска и хранящийся в Магнитогорском краеведческом музее, второй – на берегу оз. Балыктыколь в Костанайской

обл. Республики Казахстан (Таиров, 2002). Первый из них принадлежит тому же типу клинков с крестовидными рукоятями, что и баймакский меч (рис. 4: 1). основополагающими в тематике, связанной с киммерийскими биметаллическими мечами и кинжалами являются работы А.И. Тереножкина (Тереножкин, 1975; Тереножкин, 1976, с. 104-132). Согласно предложенной им «Схеме эволюции киммерийских мечей и кинжалов с крестовидными рукоятями на юге Европейской части СССР», баймакский меч должен быть отнесен к ранней (черногорской) ступени (Тереножкин, 1975, рис. 18: II; Тереножкин 1976, рис. 75: II)

Морфологически среди включенных в эту группу А.И. Тереножкиным мечей с баймакским наибольшее сходство имеет беспаспортный меч из Киевского исторического музея, найденный, по-видимому, в Среднем Поднепровье (рис. 4: 2). У него такая же широкая, чуть сужающаяся к верхнему концу рукоять, перекрестье же несколько отличается, конфигурация его ветвей прямоугольная, в отличие от баймакского, у которого верхние линии ветвей слегка изогнутые. Кроме того, у киевского резче обозначено отделение ветвей от рукояти, которые образуют при соединении с ней выраженные «порожки». Киевский меч короче, его общая длина 58 см, длина клинка 45,4 (Тереножкин, 1975, с. 10-11, рис. 4: 2; 7; 18: II,3; Тереножкин, 1976, с. 81, рис. 47: 3; 48: 1; 75: II,3).

По длине с баймакским может быть сопоставлен только меч, найденный в Чигиринском р-не Черкасской обл. на Субботовском городище чернолесской культуры в кладе бронзолитейщика (рис. 4: 3). Его длина 1,08 м, длина клинка 94,8 см. Баймакский меч, может быть, не достигал такой длины, но всё же он, по-видимому, второй по длине среди всех известных биметаллических мечей киммерийского времени. Его клинок к месту слома лишь чуть начал сужаться, утраченная часть была длиной явно не менее 10 см, и меч мог иметь общую длину более 90 см, а длину клинка более 80 см. Рукоять меча с Субботовского городища отличает от баймакской имитация оплетки (Тереножкин, 1975, с. 10-11, рис. 4: 5; 8; 18: II, 7; Тереножкин, 1976, с. 82-83, рис. 49: 1; 50; 75: II,7; Klochko, 2020, fig. 4: 4). Сквозь бронзовую трубку рукояти, проходит узкий железный стержень, явля-

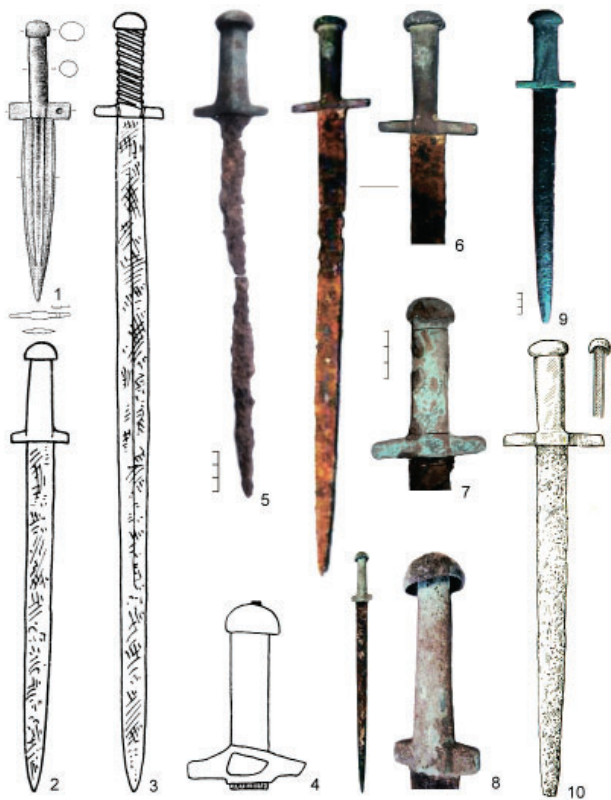

Рис. 4. Аналогии мечу из Баймака.

1 – Магнитогорский краеведческий музей, 2 – Киевский исторический музей, 3 – Субботовское городище, 4 – п. 83 Николаевского могильника, 5 – Кировоградская обл., 6,7 – Харьковская обл., 8,9 – Винницкая обл., 10 – Билярск. 1 – по: Таиров, 2002, рис. 1: 1; 2-4 – по: Тереножкин, 1975, рис. 18: 3,6-7; 5-9 – по: Klochko, 2020, fig. 4: 2,3,6,8,9; 10 – по: Халиков, 1977, рис. 59: 4.

Fig. 4. Analogies to the sword from Baymak. 1 – Magnitogorsk Museum of Regional Study, 2 – National Museum of the History of Ukraine, 3 – Subbotov settlement, 4 – burial 83 of the Nikolaevka burial ground, 5 – Kirovograd region, 6, 7 – Kharkov region, 8, 9 – Vinnytsia region, 10 – Bilyarsk. 1 – as per Tairov, 2002, fig. 1: 1; 2-4 – as per Terenozhkin, 1975, fig. 18: 3,6-7; 5-9 – as per Klochko, 2020, fig. 4: 2,3,6,8,9; 10 – as per Khalikov, 1977, fig. 59: 4.

ющийся продолжением клинка (Klochko et al., 1998, fig. 1). Радиоуглеродная датировка материалов из Субботово показывает, что меч был ровесником гибели поселения (конец IX – начало VIII вв. до н.э.) (Klochko et al., 1998, p. 672; Klochko, 2020, p. 64).

От третьего биметаллического меча, входящего в выделенную А.И. Тереножкиным раннюю группу, сохранилась лишь рукоять. Она была найдена в погребении 83 Николаевского протомеотского могильника в Адыгее

(рис. 4: 4). Конфигурация ее, известная нам лишь по схематическому рисунку, напоминает рукоять баймакского меча – верхние линии перекрестья, примыкающие к рукояти, слегка изогнутые, нижние же прямые, но посередине перекрестья как будто имеется выступ. Сквозь рукоять меча проходит длинный стержень, являющийся продолжением клинка, причем наверху имеет отверстие, сквозь которое конец стержня выходит наружу, где он расклепан (Анфимов, 1965, с. 197, рис. 1: 4; Тереножкин, 1975, рис. 9: 4; 18: П,6; Тереножкин, 1976, с. 110, рис. 68: 1; 75: П,6). Все погребения Николаевского могильника составляют одну хронологическую группу, и датируются VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Анфимов, 1965, с. 197), хотя сам меч, конечно, мог быть сделан раньше.

А.И. Тереножкин отнес появление киммерийских кинжалов с крестовидными рукоятями на территории Европейской части СССР ко времени «не позже середины IX в. до н.э.» (Тереножкин, 1975, с. 24; Тереножкин, 1976, с. 132).

Самой восточной находкой биметаллического меча с крестовидной рукоятью до последнего времени был меч из района Билярска в Татарстане (рис. 4: 10). Длина его около 55 см, длина клинка 43 см. Рукоять имеет округлое грибовидное навершие и прямое перекрестье с расширенным трапециевидным выступом в середине. Клинок плоский, узкоромбический в сечении. Датирован А.Х. Халиковым VIII–VII вв. до н.э. (Халиков, 1969, с. 276-277, рис. 1: 1; Халиков, 1977, с. 160, рис. 59: 4). Этот меч отличается от баймакского только трапециевидный выступ в середине перекрестья и меньшая длина клинка.

Недавняя статья Д.Д. Клочко, ввела в научный оборот девять новых биметаллических мечей и кинжалов, найденных в Украине (Klochko, 2020). Среди них пять морфологически чрезвычайно близки баймакскому, за исключением того, что клинки их короче.

Биметаллический меч длиной 50 см найден недалеко от г. Кропивницкого¹ (случайная находка 12.12.18) (Klochko, 2020, fig. 4: 6). Длина рукояти приблизительно 9 см. Гарда короткая и несколько асимметричная. Железный клинок сохранился полностью, однако находится в плохом состоянии (рис. 4: 5).

Две другие находки происходят из Харьковской области. Первая – хорошо сохра-

нившийся биметаллический меч (случайная находка 28.11.14) (Klochko, 2020, fig. 4: 2). У него широкая рукоять с уплощенным грибовидным навершием и длинным узким перекрестьем (рис. 4: 6). Вторая (случайная находка 05.10.19) (Klochko, 2020, fig. 4: 3) представляет собой бронзовую рукоять с грибовидным навершием. Длина перекрестья примерно 8,5 см, общая длина рукояти 9 см, она шире лезвия. Клинок сохранился частично, его ширина составляет 3 см (рис. 4: 7).

Два биметаллических меча происходят из Винницкой области. Рукоять одного (случайная находка 27.08.17) имеет необычное расположение навершия, которое, по-видимому, является дополненной деталью. Возможно, что его собственное навершие было потеряно в бою и позже небрежно заменено (Klochko, 2020, fig. 4: 8) (рис. 4: 8). Еще один меч (случайная находка 18.05.16) (Klochko, 2020, fig. 4: 9) имеет общую длину примерно 35 см, длину рукояти примерно 8,5 см. Бронзовая рукоять довольно широкая, гарда узкая и маленькая (рис. 4: 9).

Общие выводы, сделанные Д.Д. Клочко, на основании сопоставления новых находок с ранее известными таковы: «Развитая форма рукояти (наличие перекрестия (гарды) и грибовидного навершия) указывает на существование полноценного фехтования. Значительная зона распространения находок (от Татарстана на востоке, до немецко-польской границы на западе) указывает на территорию военных походов отрядов, вооруженных биметаллическими мечами и кинжалами с крестовидной рукояткой, а также свидетельствует об эффективности оружия. Значительная концентрация находок этого типа на Подолье свидетельствует о близости этой территории к изначальному центру их изготовления, однако точно установить этот центр на данный момент не представляется возможным» (Klochko, 2020, p. 70).

Приведенные выше данные могут способствовать определению места и времени изготовления баймакского меча, а также путей и причин попадания его в Башкирское Зауралье. Что касается времени, то едва ли приходится сомневаться в том, что оно близко к рубежу IX-VIII вв. до н.э. Наибольшая концентрация аналогичных изделий в Украинской Лесостепи – Киевской, Черкасской, Кропивницкой, Винницкой и Харьковской областях как будто

указывает именно на эту территорию как место его происхождения. Северокавказское также возможно, но здесь нам известна только одна аналогия – в протомеотском могильнике у с. Никольского. Так или иначе, не приходится сомневаться, что публикуемая находка попала в Южное Зауралье, проделав долгий путь. Одна из возможных причин этого, указанная Д.Д. Клочко – военный поход. Оказавшись на Южном Урале, биметаллический меч либо пополнил значительное количество единиц клинкового оружия, получивших массовое распространение в регионе²), либо был захоронен вместе с владельцем в погребении. В пользу последней версии можно привести несколько аргументов, хотя и косвенных:

1. Следы сгибания. У баймакского меча имеются следы сгибания клинка в трех местах – самые сильные в 20,5 см ниже рукояти и у места слома, а в 29,7 см ниже рукояти сравнительно небольшой изгиб. Клинок, по-видимому, был согнут в двух местах, а в третьем – лишь слегка деформирован. Разогнул его, может быть, находчик.

Находки мечей и кинжалов с согнутыми клинками и иногда рукоятками, известны в погребениях ранних кочевников, начиная от раннескифского и до позднесарматского времени на очень обширной территории, но всюду это единичные случаи. Сгибанию подвергались мечи и кинжалы всех типов. Большая часть из них просто согнута пополам, но встречаются и экземпляры, у которых клинок согнут дважды (Ильюков, Власкин, 1992, с. 83, 93, рис. 20: 21; 23: 18; Лимберис, Марченко, 2001, с. 59, 74, рис. 36: 4). Согнутые клинки находят только в погребениях. Оружие с согнутым клинком вне захоронений достоверно не известно.

2. Остатки ткани. Часто на клинках и рукоятках мечей и кинжалов фиксируются остатки дерева, по всей вероятности, от ножен и обкладок рукоятей. У баймакского меча на клинке сохранились небольшие фрагменты ткани. С той стороны, где эти частицы занимают большую площадь, на ткани фиксируется складка. Может быть, меч был обернут тканью или лежал на ткани, или касался какого-то изделия из ткани. Нити ожелезненные, органика в них замещена окислами. Очевидно, что контакт меча с тканью был продолжительным, и длительное время место, где находился меч,

не было никем потревожено. Это могло быть погребение, где меч имел контакт с одеждой покойного или каким-то саваном, покрывалом или подстилкой. Упоминания о ткани, найденной на мечах в погребениях, имеются (Обельченко, 1992, с. 157).

В Зауралье погребений киммерийского времени неизвестно, но они есть в Предуралье. Два из них – погребение 2 кургана 1 и погребение 1 кургана 2 могильника Елбулак-Тамак (Елбулак-Тамак) в Бижбулякском р-не Республики Башкортостан, которые были исследованы в 1975 г. А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1983, с.8, табл. I: 2; II: 1). По погребальному обряду и инвентарю ближайшие аналогии им находятся в районах, расположенных к западу от Южного Урала – Нижнем Поволжье и Нижнем Подонье – захоронения киммерийского времени в погребении 11 кургана 10 могильника Барановка I (Камышинский р-н Волгоградской обл.) и в погребении 2 кургана 2 Столетовского могильника на территории г. Волгодонска (Ростовская обл.) (Сергацков, 1991; Лукьяшко, 1999, с. 88, рис. 77). Они характеризуются вытянутым положением покойного, лежащего в простой могильной яме головой в западный сектор, и наличием в составе инвентаря одинаковых двухлопастных бронзовых наконечников стрел новочеркасского типа с асимметрично-ромбовидной головкой. В Барановке таких наконечников 52, в Столетовском и в погребении 1 кургана 2 Елбулак-Тамака – по одному.

Третье захоронение этого времени было исследовано в 2015 г. Это погребение 2 кургана 1 могильника Шатмантамак I в Миякинском р-не Республики Башкортостан (Епимахов, Таиров, 2020) в 18 км к юго-востоку от Елбулак-Тамака. Здесь также покойник был уложен в простой могильной яме, вытянуто, головой к западу. В головах лежал сосуд баночной формы, аналогии которому авторы указали среди посуды переходного (от эпохи бронзы к раннему железному веку) времени в Нижнем Поволжье (по К.Ф. Смирнову) – курган 17 погребение 7 группы I у с. Быково и курган 2 у с. Гуселки (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 2: 7а,8; Епимахов, Таиров, 2020, с. 175). Подобные сосуды характерны и для предскифских захоронений Нижнего Дона, где они отнесены С.И. Лукьяшко к типам II и III лепных плоскодонных горшков (Лукьяшко,

1999, с. 166-109, рис. 108, 109). Некоторые из них найдены в головах погребенных, лежащих вытянуто головой на запад – погребение 4 из кургана 34 у с. Новоалександровка, погребение 4 кургана 5 у с. Красная Поляна, погребение 15 кургана 1 у х. Подгорненский (Лукьяшко, 1997, с. 123, рис. 1: 1,2; Лукьяшко, 1999, с. 64, рис. 50; с. 69-70, рис. 56; с. 89-90, рис. 79). Полученная для шатмантамакского погребения радиоуглеродная дата – 806-794 (817-786) медиана: 801 л. до н.э. – позволяет датировать его рубежом IX-VIII вв. до н.э. (Епимахов, Таиров, 2020, с. 174, табл. 1).

Люди, захороненные в Елбулак-Тамаке и Шатмантамаке, являются, по всей вероятности, пришельцами с запада, начавшими заселять запустевшее к тому времени Южное Предуралье. Все три погребения введены в курганы срубной культуры с разрушением в них основных захоронений, что равносильно демонстрации своего права на занятую территорию. Какие-то предприимчивые мигранты этой волны пересекли и через Уральский хребет, свидетельством чему является находка баймакского меча, извлеченного, по всей вероятности, из разрушенного незаконными раскопками или земляными работами погребения. Об этом же говорят и находки киммерийских кинжалов в районе г. Магнитогорска и на берегу оз. Балыктыколь в Костанайской обл. Республики Казахстан. В посвященной им публикации А.Д. Таиров взял слово *киммерийские* в кавычки и предположил, что они изготовлены местными южнозауральскими мастерами (Таиров, 2002, с. 199). Позднее он прямо связал эти кинжалы с историческими киммерийцами (Таиров, 2017, с. 108). Мы также считаем, что это подлинные киммерийские кинжалы, попавшие на Южный Урал, по-видимому, с Северного Кавказа, где концентрируются находки их ближайших аналогий (Тереножкин, 1975, рис. 9-11; Прокопенко, 2020). Оттуда же мог попасть на Южный Урал и баймакский меч, аналогия которому имеется в протомеотском могильнике у с. Никольское в Адыгее. Возможен и другой путь – из лесостепной Украины через Среднее Поволжье, «вехой» на котором является бильярский меч в Татарстане.

Миграция с запада в самом начале эпохи раннего железа (IX-VIII вв. до н.э.) оставила на Южном Урале пока еще едва уловимые следы. В Предуралье (очевидно, пустовавшем

в ту эпоху) они проявились в виде редких и бедных захоронений, ознаменовавших начало мирного освоения данной территории. В Зауралье, судя по тому, что пришельцы оставили память о себе только в виде находок клинкового оружия, это были военные вылазки, по всей вероятности неудачные, закончившиеся потерей вооружения. Тем не менее, пришельцы делали попытки закрепиться и там, о чём свидетельствует баймакский меч, происходящий, как показано выше, по-видимому, из погребения.

Примечания:

Бывший г. Кировоград, Кировоградская область, Украина.

² Случайные находки. См. библиографию: Исмагилов, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н.В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв.ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 196–198.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане) // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 171–180. <https://doi.org/10.24852/ra2020.3.33.171.180>

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Ростов. унт-т, 1992. 288 с.

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В. К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 117–147.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI-V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Крайбибколлектор, 2001. С. 32–123.

Лукьяшко С.И. Погребения раннего железного века из районов левобережья Среднего Маныча // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 123–132.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / Донские древности. Вып. 7. Азов: Азовский краеведческий музей, 1999. 240 с.

Обельченко О.В. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в.н.э. М.: Наука, 1992. 256 с.

Прокопенко Ю.А. Находки биметаллических кинжалов предскифского времени в окрестностях г. Ставрополя и в прилегающих районах // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 98–110. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00003

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Сергацков И.В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 240–244.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 380 с.

Таиров А.Д. «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. С. 194–200.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Урал-Жайыкского междуречья в VIII-VI вв. до н.э. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 392 с.

Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1975. С. 3–33.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Халиков А.Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья // Древности Восточной Европы: К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 275–281.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Klochko D.D. On one of the Weapon Types of Cimmerian Time // Археология. 2020. № 2. С. 62–70. <https://doi.org/10.15407/archaeologyua2020.02.062>

Klochko V.I., Kovaliukh N.N., Skripkin V.V., Motzenbecker I. The Chronology of the Subotiv Settlement // Radiocarbon. 1998. Vol. 40. No. 2. P. 667-673. DOI: 10.2458/azu_js_rc.40.3741

Информация об авторе:

Насретдинов Рамиль Ринатович, ведущий специалист, Научно-образовательный центр «Археология 2.0» Института истории и государственного управления Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» (НОЦ ИИГУ ФГБОУ БГУ), (г. Уфа, Россия); заведующий структурным подразделением Историко-археологический, ландшафтный, музей-заповедник «Ирендык», Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия). Ramil.st02@gmail.com

Султанов Рашит Ришатович, старший научный сотрудник Историко-культурного музея-заповедника «Пещера Шульган-Таш» (г. Уфа, Россия). rashitlab.sultanov@yandex.ru

Федоров Виталий Кимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН) (г. Уфа, Россия). suyri@yandex.ru

REFERENCES

Anfimov, N. V. 1965. In Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoj arkhologii (Recent Trends in Soviet Archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 130. Moscow: "Nauka" Publ., 196–198 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Tairov, A. D. 2020. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 171–180 (in Russian).

Il'iukov, L. S., Vlaskin, M. V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha (The Sarmatians between the Sal and Manych Rivers)*. Rostov On Don: Rostov State University (in Russian).

Ismagilov, R. B. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.). *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 117–147 (in Russian).

Limderis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2001. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkhologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of the Kuban)* 1. Krasnodar: Kraybibkollektor, 32–123 (in Russian).

Luk'yashko, S. I. 1997. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 14. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 123–132 (in Russian).

Luk'yashko, S. I. 1999. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu (Pre-Scythian period on the Lower Don)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 7. Azov: Azov Museum of Local Lore (in Russian).

Obelchenko, O. V. 1992. *Kul'tura antichnogo Sogda: po arkhologicheskim dannym VII v. do n.e. – VII v.n.e. (The culture of ancient Sogdia: according to archaeological materials of the VII century BC – VII century AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2020. In *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 12, 98–110 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. (Culture of the Early Nomads of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sergatsky, I. V. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 240–244 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tairov, A. D. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 194–200 (in Russian).

Tairov, A. D. 2017. *Rannie kochevniki Ural-Zhayskogo mezhdurech'ya v VIII-VI vv. do n.e. (Early nomads of the Ural-Zhaysk interfluvium in the VIII-VI centuries BC)*. Astana: Kazakh Scientific Research Institute of Culture (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1975. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir (Scythian World)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 3–33 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. In Evtuykhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiu A. P. Smirnova)* (*Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov)*). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 169. Moscow: "Nauka" Publ., 275–281 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e.* (*The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klochko, D. D. 2020. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 62–70 (in English).

Klochko, V. I., Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V., Motzenbecker, I. 1998. In *Radiocarbon*. 40 (2), 667–673 (in English).

About the Authors:

Nasretdinov Ramil R. "Archaeology 2.0," the Scientific and Educational Centre, of the History and Public Administration Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology" (SEC HPAI FSBEU BSU). Zaki Validi St., 32, Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. Head of the structural subdivision of the State Budget Organisation, Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Sites of the Republic of Bashkortostan - Historical and Archaeological Landscape Museum-Reserve "Irendyk". Chernyshevsky St., 47, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; Ramil.st02@gmail.com

Sultanov Rashit R. State Budgetary Institution of the Republic of Bashkortostan Historical and Cultural Museum-Reserve "Shulgan-Tash Cave". Chernyshevsky St., 47, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; rashitlab.sultanov@yandex.ru

Fedorov Vitaliy K. Candidate of Historical Sciences. R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; syyri@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.138.155>

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ЭЛИТНОГО ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА УФЫ (ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

© 2024 г. С. Л. Воробьева

В статье впервые публикуются в полном виде материалы раскопок элитного погребения эпохи Средневековья на территории города Уфы. Археологические исследования были проведены в 1936 г. во дворе Медицинского института под руководством М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского. Коллекция хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан. В имеющихся публикациях данных комплексов много путаницы, возникшей после появления научной работы Р.Б. Ахмерова в 1951 г. Автору статьи удалось найти архивные материалы М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского, которые раскрывают особенности погребального обряда и местонахождения вещей в погребении. Для предметов из драгоценных металлов определены пробы золота и серебра. По последним данным, комплекс, раскопанный во дворе Медицинского института, датируется концом VI – первой половиной VII в. Большинство исследователей интерпретируют погребения, как турбаслинские. Два погребения (№ 1 и № 2) относятся к турбаслинской археологической культуре, одно (погребение № 3) – к кушнаренковской археологической культуре.

Ключевые слова: археология, Национальный музей Республики Башкортостан, драгоценные металлы, турбаслинская культура, кушнаренковская культура, эпоха Средневековья, погребальный комплекс, украшения, оружие.

MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE MIGRATION PERIOD ELITE BURIAL IN THE CITY OF UFA (FROM THE COLLECTIONS OF THE BASHKORTOSTAN NATIONAL MUSEUM)

S. L. Vorobyeva

The article publishes for the first time in full the excavation materials of the Migration Period elite burial in the city of Ufa. Archaeological studies were carried out in 1936 in the courtyard of the Medical Institute under the supervision of M.I. Kasyanov and B.A. Koishevsky. The collection is kept in the Bashkortostan National Museum. There is a lot of confusion in the available publications of these complexes, which appeared after the publication of the scientific work by R.B. Akhmerov in 1951. The author managed to find archival materials of M.I. Kasyanov and B.A. Koishevsky, which reveal the peculiarities of the burial rite and the position of artefacts in the burial. Gold and silver samples were determined for items made of precious metal. According to the latest data the assemblage excavated in the courtyard of the Medical Institute dates back to the end of the 6th - first half of the 7th century. Most researchers interpret the burials as Turbasly burials. Two burials (№ 1 and № 2) belong to the Turbasly archaeological culture, one (burial № 3) – to the Kushnarenkovo archaeological culture.

Keywords: archaeology, the Bashkortostan National Museum, precious metals, Turbasly culture, Kushnarenkovo culture, Middle Ages, burial assemblage, jewelry, weapons.

Введение

Территория города Уфы начинает заселяться, судя по известным археологическим памятникам, еще в эпоху мезолита (VII тыс. до н.э.). Только в Национальном музее Республики Башкортостан (*далее – НМ РБ*) хранится более 250 археологических коллекций (около 20000 предметов), в том числе и в драгфонде,

найденных в Уфе. Расширение строительства в 30-е гг. XX в., привели к массовым разрушениям могильников в черте города. В 1935, 1936, 1939 гг. здесь было вскрыто несколько богатых захоронений эпохи Средневековья, на улицах К. Маркса, Ленина, на месте строящихся Дворца культуры, Медицинского института, Театра оперы и балета. Но наибо-

лее яркие артефакты происходят из раскопок 1936 г. под руководством М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского. Эта коллекция до сих пор составляет гордость музея.

Касьянов Максим Ильич (1895–1944?) – краевед, историк, археолог-любитель. Родился в д. Михайловка Гафурийского района БАССР (возле современного н.п. Курмантау). Учился в Учительском институте до 1915 г. С 1915 по 1920 гг. работал счетоводом в Башкирском Кредитном товариществе Уфимского уезда. С 1.8.1920 г. работал инструктором по археологии БЦКМ, затем заведующим отделом археологии, а в впоследствии – заведующий отделом истории (до 1939 г.). С 1939 г. работал научным сотрудником в Башкирском центральном краеведческом музее (*сейчас – НМ РБ*). С 1924 г. состоял членом Общества по изучению Башкирии. С 1924 г. состоял членом Общества по изучению Башкирии. Организовал впервые сплошное археологическое обследование территории БАССР и провел большое количество археологических раскопок для пополнения фондов музея. Опубликовал ряд статей о своих находках на русском и татарском языках в местных газетах «Красная Башкирия» и др., а также подготовил в 1935 г. список памятников археологии на 16 л. Умер в годы Великой Отечественной войны, место захоронения не известно (Археологическая карта..., с. 7; Лебедев, 2012, с. 54; Обыденнова, 2002, с. 42).

Коишевский Борис Андреевич (18.5.1902–1945) – археолог, поэт, художник. Родился в Туркестане в семье военного, из древнего дворянского рода. После смерти отца, Коишевские переезжают в Псков. С 1920 г. до 1923 гг. работал в Псковском Губернском отделе народного образования на должности инструктора по охране памятников старины. С 1923 по 1928 гг. учится в Ленинградском государственном университете на археологическом отделении. В 1928 г. продолжает учебу в аспирантуре ИИМК (г. Ленинград). По завершении учебы, исследователь занимается археологической деятельностью и охраной памятников древности. Участвовал в ряде экспедиций в Псковской и Ленинградской областях, опубликовал научные труды. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. посещал заседания Объединения Исследователей Псковской Земли при Ленинградском Областном Бюро Краеведения и Псковской секции, где

в январе 1931 г. прочитал доклады «Палеоэтнологическое обследование в Псковском округе летом 1929 г.» и «Археологическая карта Псковского округа». В 1936 г. в рамках «Академического дела» и разгрома краеведческого движения выслан в Уфу, где работал научным сотрудником исторического отдела в Башкирском центральном краеведческом музее (*сейчас – НМ РБ*). Им было изучено несколько археологических памятников в Уфе, опубликован ряд заметок в газете «Красная Башкирия». В 1938 г. совместно с М.И. Касьяновым составил «Список памятников древностей в Башкирской АССР на предмет их охраны для дальнейшего научного обследования» на 35 объектов. В годы ВОВ, в ходе обработки коллекций БЦКМ, совместно с украинскими археологами Д.И. Блительдом, Л.Д. Дмитриевым и Е.Ф. Лаговойской этот список был расширен до 138 пунктов. Составил так называемую «Картотеку Коишевского», включающей 363 карточки со сведениями об археологических памятниках. В 1944 г. написал работу «Боевые традиции башкирского народа», которая так и не была опубликована. Подготовил обобщающую работу по археологии Башкирии, изданную после его смерти, в 1948 г. в Москве. Умер в 1945 г. в Уфе в возрасте 43 лет от хронического заболевания (туберкулеза) (Археологическая карта..., с. 7; Воробьева, 2018; Лебедев, 2012, с. 165; Фешкин, 2012).

10 июня 1936 г. в Уфе, при рытье котлована под фундамент Башкирского медицинского института по улице Зенцова (усадебный № 3), рабочими случайно в разрезе одного из карьеров были обнаружены человеческие кости и археологические предметы. О находке сообщили в Башкирский центральный краеведческий музей (*сейчас – НМ РБ*), сотрудники которого приступили к исследованию обнаруженного погребения. В это время в музее археологом работал И.М. Касьянов. В связи с тем, что в потревоженном комплексе были обнаружены золотые предметы, для их изъятия была сформирована комиссия в составе директора музея С.Г. Егорова и сотрудника М.И. Касьянова. 25 июля 1936 г. в Уфу прибыл представитель Академии наук СССР, профессор П.П. Ефименко, который принял участие в заседании Археологической комиссии при Башкирском Центральном исполнительном комитете с участием членов Правительства

БАССР. В нем участвовали: председатель ЦИК БАССР А.М. Тагиров, нарком просвещения Г.К. Давлетшин, председатель Археологической комиссии при Башкирском Центральном исполнительном комитете Г.С. Амантаев; члены комиссии – М.И. Касьянов, П.Ф. Ищериков, Б.А. Коишевский, директор музея С.Г. Егоров (Валиуллин, 2014, с. 73–74). Именно в связи с необходимостью исследования уникального памятника, в Уфу, прямо из тюрьмы, присылают археолога Б.А. Коишевского, осужденного в 1936 г. в рамках «Академического дела» и разгрома краеведческого движения в Ленинграде. Он был принят в качестве научного сотрудника в подчинение М.И. Касьянова. Вдвоем они раскопали богатые погребения и сдали материалы в фонды НМ РБ. Первоначально золотые предметы поступили в Башкирскую контору Государственного банка, откуда переданы в музей в 1939 г. Кроме того, авторы раскопок подробно описали находки, сопроводив их информацией о месте обнаружения (ДФ НМ РБ, ОФ 20825, л. 1-8).

В этом же году, М.И. Касьяновым была опубликована статья о раскопках в газете «Красная Башкирия» (Касьянов, 1936, с. 4). В публикациях 1949 и 1951 гг. археолога Р.Б. Ахмерова подробно описаны предметы и особенности погребального обряда (Ахмеров, 1949; Ахмеров, 1951). С тех пор, все последующие работы, так или иначе, повторяли публикации Р.Б. Ахмерова. Если сравнивать материалы, представленные им научному сообществу с публикацией 1936 г. М.И. Касьянова и архивными документами авторов раскопок, то вполне очевидно, что многое Р.Б. Ахмеров «додумал» и перепутал. Так, например, возраст погребенной женщины был определен еще в 1936 г. как «не свыше 25 лет» (Касьянов, 1936, с. 4), а Р.Б. Ахмеров пишет о том, что ей «25-30 лет» (Ахмеров, 1951, с. 126). В след за ним, возраст женщины как «25-30 лет», повторяет Н.А. Мажитов (Мажитов, 1973, с. 108). В публикации 2024 г., Ф.А. Сунгатов определяет, что «захоронение принадлежало женщине 30-32 лет» (Сунгатов и др., 2024, с. 182). Это не единственная неточность, так при описании мужского и женского погребения, перепутаны особенности погребального обряда: по утверждению Р.Б. Ахмерова, в женском погребении обнаружены следы тризны (Ахмеров, 1951, с. 126),

что никак не соответствовало действительности.

Но, пожалуй, самым большим «мифом» о погребениях на территории Медицинского института», является утверждение о наличии в кургане склепа. О нем написал Р.Б. Ахмеров в более поздней публикации (Ахмеров, 1970, с. 170). Он ссылаясь на то, что в архиве Государственного краеведческого музея БАССР (*сейчас – НМ РБ*) им найден «рисунок склепа, сделанный, по-видимому, М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским» (Там же, рис. 1, с. 170). После разбора всех документов, оставленных М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским, можно с уверенностью утверждать, что **никакого склепа в 1936 г. не было обнаружено**. А рисунок, опубликованный Р.Б. Ахмеровым, не имеет ничего общего с погребением, раскопанным в 1936 г. в Уфе М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским. Нет никаких оснований также считать, что в Новиковских курганах тоже был обнаружен склеп (Ахмеров, 1970, с. 169). Единственное упоминание о склепах на территории Уфы можно отнести к раскопкам Р.Г. Игнатъева в 1867 г., в ходе которых выявлено погребальное сооружение в виде склепа, сложенного из плитняковых камней (Игнатъев, 1871, с. 154).

Кроме всего прочего, в ходе «бытования» коллекции в музее» некоторые единичные вещи были перепутаны, лежали в других коллекциях, часть предметов считалась «необнаруженными». В связи с этим, в последних публикациях исследователей, не все предметы учитываются при анализе данных уникальных комплексов (Сунгатов и др., 2024, рис. 162-163, с. 365, 366; Белявская, 2019; Белявская, 2021, рис. 4, с. 352).

В ходе сверки коллекции в фондах НМ РБ найдены практически все предметы (одна бляшка пока не выявлена), относящиеся к материалам раскопок на территории Медицинского института в 1936 г. В фондах драгметаллы имеется 25 предметов (ФДМ НМ РБ, ОФ 359) и 26 предметов хранится в фонде археологии (ФА НМ РБ, ОФ 307, 308). Предметы из драгоценного металла прошли экспертизу в Федеральной пробирной палате по Приволжскому федеральному округу. Описание артефактов с местом их обнаружения имеется в документальном фонде и в научном архиве музея (ДФ НМ РБ, ОФ 20825, л. 1-8; Инвентарные книги...). Чертежей могил не сохранилось.

Таким образом, нам удалось собрать всю имеющуюся информацию по погребальному обряду и опубликовать ее в полном виде. Материалы частично были апробированы на конференциях «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Монастырщино, 11-15 ноября 2019 г.) и «IX Халиковские чтения. Итоги и перспективы развития археологической науки в Урало-Поволжье» (Казань, 2024).

Погребение под Медицинским институтом находится в исторической части города, на правом берегу р. Белая, на территории Уфимского полуострова (рис. 1). Уфимский полуостров географически, это, холмистая территория в междуречье рек Уфы и Белой, названная так за счёт схожести контуров русел рек с вытянутым полуостровом. Полуостров протянулся в длину на 23 километра и в ширину от 4 до 8 километров. Уникальность в географическом плане способствовала тому, что эта территория была привлекательна для заселения в разные эпохи. И.И. Бахшиев с соавторами относят погребения к Средневековому могильнику «Б» на территории города Уфы, «где в разные годы фиксировались богатые захоронения, совершенные под курганными насыпями – участок от входа в парк Салавата Юлаева, далее по ул. Тукая до Дома Правительства Республики Башкортостан. Курганы в древности занимали край высокой террасы правого берега р. Белой. Обнаруженный здесь богатый сопроводительный инвентарь, вероятно, указывает на расположение здесь некрополя родоплеменной знати, функционирующий параллельно, но отдельно от кургано-грунтового «рядового» могильника «А» (Бахшиев и др., 2012, с. 21).

Описание погребений

Погребение № 1 было сильно потревожено и принадлежало мужчине. Вблизи могилы обнаружена куча древесного угля и кости животных – следы поминальной тризны (Касьянов, 1936, с. 4). Среди предметов найдены обломки колчана для стрел с железным наконечником стрелы, кусок истлевшей шелковой ткани и металлические блески, возможно от гробового покрывала. Местами сохранились следы истлевшего дерева, указывающего на то, что погребенный лежал в гробу, оббитым железными пластинками (Касьянов, 1936. С. 4). Инвентарь погребения:

1. Фрагмент железной кольчуги (ФА НМ РБ, ОФ 308/1) (рис. 2) из круглых проволочных звеньев. Размер: 21x6x4,5 см. Диаметр звена 1 см, толщина проволоки – 0,15 см, толщина полотна – 0,4-0,45 см. Плетение из одного сплошного и четырех заклепанных колец. Кольца спеклись между собой. Кольчуга относится к типу римской брони *Lorica Hamata* (кольчужного доспеха из рядов сплошных и заклепанных / сведенных колец). Аналогичная по плетению кольчуга найдена в Северном Причерноморье и датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Новиченкова, 2011, рис. 22, с. 296). Многочисленные находки кольчужного полотна найдены на Боспоре: в Пантикапее (Блаватский, 1962, с. 27), Фанагории (Ростовцев, 2002, с. 271), Горгии (Виноградов, Горончаровский, 2009. с. 201). В сарматских погребениях Северного Причерноморья комплексы с кольчугами датируются I-II вв. н.э. (Савченко, 1994, с. 93). Большинство авторов сходится во мнении, что кольчуги *Lorica Hamata* изготавливали на Боспоре (Астахов, 2020, с.107; Новиченкова, 2011, с. 280).

2. Трехлопастной железный черешковый наконечник стрелы (ФА НМ РБ, ОФ 308/3), с лопастью, имеющей выемку у основания; с упором; с боевой головкой, верхняя и нижняя части которых равны по величине, т. е. линия преломления лопастей проходит по середине длины боевой головки; ширина боевой головки составляет около половины ее длины, с ровными краями лопастей (рис. 2: 2). Сечение черешка круглое. Размер: общая длина 8 см, ширина лопастей 1,5 см, длина черешка 2,8 см, диаметр сечения черешка 0,5 см. Тип 1 по И.П. Засецкой (Засецкая, 1983. С. 70). Подобные наконечники встречены в погребениях Бирского могильника (Мажитов. 1968, табл. 27: 11, с. 149).

3. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ 308/2д) (рис. 2: 1). Боковая концевая накладка на лук, костяная, пластинчатая, закругленная, с петлевидным отверстием на закругленном конце. На лицевые края и боковые грани нанесены тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: длина 21,3 см, ширина над петлей 1,8 см, средняя ширина 1,6 см, толщина 0,3 см.

4. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ

Рис. 1. Памятники эпохи раннего Средневековья (III–VIII вв.) Уфимского полуострова: а – селища; б – городища; в – погребальные памятники (одиночные погребения и могильники). 1 – Тоннельное селище; 2 – Уфимское селище (Бельские землянки); 3 – Дежневский курганный могильник; 4 – Ручейное селище; 5 – Уфимское селище (Салют); 6 – Глумилинские курганы; 7 – Чайка-1, курганный могильник; 8 – Уфа-V, городище; 9 – Селище Маяк; 10 – Селище Юнар; 11 – Дудкинское II селище; 12 – Уфимское (Чертово) городище; 13 – Новиковские курганы; 14 – Погребение по ул. Егора Сазонова; 15 – Погребение по ул. Менделеева; 16 – Уфа-I, городище («Монумент Дружбы»); 17 – Уфа-II, городище; 18 – Уфа-III, городище; 19 – Уфимские курганы («Мусульманское кладбище»); 20. Галановский могильник; 21. Уфимские погребения (могильник «А»); 22 – Уфимские погребения (могильник «Б») (по: Бахшиев и др., 2017, рис. 5. с. 64); 23 – Уфимские погребения (могильник «В»); 24 – Чайка-2, селище; 25 – Парковая-2, селище; 26 – Парковая-1, селище; 27 – Склепы у Сафроновской пристани; 28 – Местонахождение «тюркской головы»; 29 – Местонахождение монеты. Отдельные предметы: подвеска (Чайка-1, КМ), монета Римской империи императора Констанция II (317 – 361 годы правления), медальон (Дежневский курганный могильник).

Fig. 1. Monuments of the early Middle Ages (3rd-8th centuries) on the Ufa Peninsula: а – settlements; б – hillforts; в – burial monuments (solitary burials and burial grounds). 1 – Tunnelnoye settlement; 2 – Ufa settlement (Belaya River area subterranean dwellings); 3 – Dezhnevo burial mound; 4 – Ruchi settlement; 5 – Ufa settlement (Salyut); 6 – Glumilino burial mounds; 7 – Chaika-1, burial mound; 8 – Ufa-V, hillfort; 9 – Mayak settlement; 10 – Yunar settlement; 11 – Dudkino II settlement; 12 – Ufa (Chertovo) hillfort; 13 – Novikov burial mounds; 14 – Burial on Yegor Sazonov St.; 15 – Burial on Mendeleev St.; 16 – Ufa-I, ancient settlement ("Friendship Monument"); 17 – Ufa-II, ancient settlement; 18 – Ufa-III, ancient settlement; 19 – Ufa burial mounds ("Muslim cemetery"); 20 – Galanovo burial ground; 21 – Ufa burials (burial ground "A"); 22 – Ufa burials (burial ground "B") (after: Bakhshiev et al., 2017, fig. 5, p. 64); 23 – Ufa burials (burial ground "B"); 24 – Chaika-2, settlement; 25 – Parkovaya -2, settlement; 26 – Parkovaya-1, settlement; 27 – Vaults near the Safronovskaya pier; 28 – Location of the "Turkic head"; 29 – Coin location. Individual items: pendant (Chaika-1, KM), coin of the Roman Empire of Emperor Constantius II (ruled in 317 – 361), medallion (Dezhnevo burial mound).

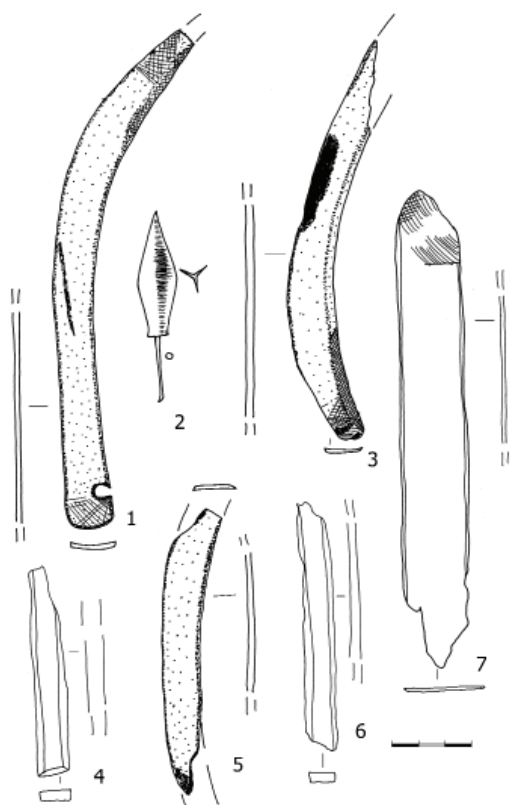

Рис. 2. Инвентарь погребения № 1: 1, 3, 5, 7 – накладки на лук, 2 – наконечник стрелы, 4, 6 – накладки; 1, 3-6 – кость, 2 – железо.
Fig. 2. Burial № 1 goods: 1, 3, 5, 7 – bow plates, 2 – arrow-head, 4, 6 – plates; 1, 3-6 – bone, 2 – iron.

308/2в) (рис. 2: 3). Боковая концевая накладка на лук, костяная, пластинчатая, закругленный конец с петлевидным отверстием отломан. На лицевые края и боковые грани нанесены тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: длина 17 см, средняя ширина 1,6 см, толщина 0,3 см.

5. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ 308/2а), фрагмент средней части (рис. 2: 5). Внешняя поверхность стерта, с выщерблинами. Размер: 12x1,8 см, толщина 0,3 см.

Происхождение трех описанных накладок исследователи связывают со степными районами Центральной Азии, Южной Сибири и южными районами Восточной Сибири, где они появились в период тюрского великодержавия в VII-VIII вв. Встречены на городище Уфа-II (Русланов, 2013, с. 74; Измайлов, 1998, с. 246; Савинов, 1981, с. 146-162).

6. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ

Рис. 3. Кольчуга. Погребение № 1; железо.
Fig. 3. Chain mail. Burial № 1; iron.

308/2с), фрагмент средней части (рис. 2: 7). Отличается от предыдущих своей формой – плоская и широкая. Внешняя поверхность частично сколота, но сохранились тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: 12x1,8 см, толщина 0,3 см. Подобные накладки по аналогии с найденными в Новиковском могильнике на территории города Уфы датируются VI – началом VII вв. н.э. (Булычев, 1902, табл II, рис 1,6; Засецкая, 2010, с.151; Голдина, 2012, с. 108-119).

7. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/2з), фрагмент, который точно определить в качестве «накладки на лук» не представляется возможным (рис. 2: 6). Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 10,7x1,4x0,4 см.

8. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/1д), фрагмент неопределенный (рис. 2: 4). Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 8,7x0,8x0,4 см.

8. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/1ф), фрагмент неопределенный, с прямоугольным концом. Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 6,7x1,7x0,4 см.

Погребение № 2 принадлежало «молодой женщине не старше 25 лет» (Касьянов, 1936, с. 4). Половозрастное определение дано научными работниками Медицинского института. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Глубина могильной ямы 190 см, остатков гробовища не обнаружено (Касьянов, 1936, с. 4). Никаких следов поминальной тризны и покрывающей вуаль с мелкими звездочками, как пишет, Р.Б. Ахме-

ров (Ахмеров, 1951, с. 126), не обнаружено (Касьянов, 1936, с. 4). Инвентарь погребения представлен уникальными украшениями из золота и серебра.

Украшения головного убора и прически:

1. От погребения остались фрагменты рыжих/русых волос, сохранившихся в музее (ФА НМ РБ, ОФ 307/7) (рис. 9: 2).

2. Колт – височная подвеска из золота (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/1, ОФ 359/20) (рис. 4). Был закреплен в косу, остатки волос сохранились внутри изделия. Состоит из двух частей (лицевая и обратная). Лицевая сторона богата украшена крупной и мелкой зернью и филигранной проволокой, имеется вставка из стекла. Обратная сторона – гладкая и украшена только двумя рядами крупной зерни. Боковая сторона состоит из спаянных колесообразных кружков. Два колесообразных кружка были отломаны еще в древности. Утрачена подвеска, на которой висел колт. Размеры: 9,8x8,7x8 см. Общий вес предмета с отдельными фрагментами 149,36 г, проба золота 900 и 700. И.П. Засецкая с соавторами называют данный артефакт «большой уфимский колт» и датируют его вт. пол. VI – нач. / перв. пол. VII в. (Засецкая и др., 2007, с. 16).

3. Височные подвески, золотые, в виде парных полуовальных коробок, закрепленных на одной петле – пять штук (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/10-14) (рис. 5). Сами подвески состоят из двух пластинок в форме арки, полых внутри, с петлей для подвешивания. На подвесках с обеих сторон – рельефные полосы и ряды зерни и скани. Петля изготовлена из цельного куска проволоки со спаянными концами. Размеры подвесок 2,3x2 см. Вес каждой подвески от 8,16 до 8,33 г, проба золота 850.

Остатки одежды. По описаниям Р.Б. Ахмерова, одежда погребенной женщины «... состояла из длинного шелкового платья и верхнего кафтана, опоясанного ремнем. Она носила длинные штаны и кожаную обувь. ... Платье ниже воротника и, возможно, кафтан, были застегнуты золотыми брошками. Кожаная обувь сверху была застегнута медными пряжками и украшена бляшками» (Ахмеров, 1970, с. 164).

1. Остатки кожи коричневого цвета хранятся в коллекции (ФА НМ РБ, ОФ 307/8, 12) (рис. 9: 2).

2. Ажурная круглая золотая бляшка (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/2) (рис. 6: 2). В виде кольца

Рис. 4. Колт – височная подвеска. Погребение №2; золото, стекло.

Fig. 4. Kolt – temple pendant. Burial № 2; gold, glass.

с перекрестием и четырьмя пластинками в форме лепестков; вокруг кольца – декорированная рамка в виде спаянных рядов зерни и скани. На лицевой стороне в центре перекрестия – вставка круглой формы и зернь; на лепестках – зернь по краю в центре. Состоит из двух отдельных фрагментов – кольца и декоративной рамки. Диаметр изделия 3,8 см, вес 6,46 г, проба золота 630.

3. Две круглые золотые бляшки с остатками серебряных припаянных петель на обороте (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/15-16) (рис. 7: 5-6). На лицевой стороне – кольцо с перекрестием, в центре – пластинка с зернью; вокруг кольца – ряд скани и зерни. Обратная сторона – цельная пластина, в центре – фрагменты серебряных припаянных петель. Диаметры бляшек 2,8 и 2,8 см, проба золота 600, серебра 900.

4. Круглая золотая бляшка (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/21) (рис. 7: 2). В центре – круглая стеклянная вставка желтого цвета, вокруг вставки – ряд зерни. Обратная сторона – цельная пластина, в центре – отверстие для крепления, само крепление утрачено. Диаметр бляшки 1,5 см, вес 2,19 г, проба золота 600.

Рис. 5. Инвентарь погребения № 2: 1-5 – височные подвески, 6-7 – наконечники ремней; золото.
 Fig. 5. Inventory of burial № 2: 1-5 – temple pendants, 6-7 – belt tips; gold.

Шейно-нагрудные украшения. По описаниям Р.Б. Ахмерова и М.И. Касьянова, «от шеи к грудной клетке погребенной опускалось ожерелье из парных медальонов, расположенных по возрастающей к низу величине» (Ахмеров, 1970, с. 164). Сохранились следующие украшения:

1. Большой золотой медальон овальной формы с четырьмя припаянными петлями для крепления (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/19) (рис. 6: 1). На лицевой стороне в центре имеется каст для вставки; вокруг каста – ряд зерни в виде полосы, два ряда зерни в виде треугольников и два ряда зерни в виде рельефных пирамидок; между ними – ряды скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. На одной петле – крючок из проволоки. Размеры изделия: 7,4×5,6 см, вес 41,33 г, проба золота 850.

2. Два золотых медальона овальной формы со стеклянными вставками и двумя петлями (плоской и двухплоскостной с зернью) (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/24-25) (рис. 6: 3-4). На лицевой стороне каждого медальона в центре имеется стеклянная вставка овальной формы, бордового цвета; вокруг вставки – три ряда

зерни в виде полосы, ряд зерни в виде треугольников; между ними – ряды скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. Размеры изделий: 4,6×3 см, 4,15×2,9 см, вес 11,05 г и 11,32 г, проба золота 650.

3. Четыре золотых медальона овальной формы со стеклянными вставками и двумя петлями (плоской и двухплоскостной с зернью) (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/4-7) (рис. 6: 6-9). На лицевой стороне каждого медальона в центре имеется стеклянная вставка овальной формы, желтого и бордового цветов; вокруг вставки – ряды из зерни и скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. Размеры изделий: 3,2×2,35 см, 3,2×2,4 см, 3,25×2 см, 3,3×1,9 см. Вес изделий 5,48 г, 5,40 г, 4,72 г, 4,68 г. Проба золота 500, 650, 700.

3. Два комплекта трехчастных золотых перстней, состоящих из трех фигурных бляшек, закрепленных на центральной пластине, с остатками серебряных припаянных петель на обороте (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/8, 9) (рис. 6: 5, 10). На лицевой стороне – в центре овальная бляшка со стеклянной желтой вставкой, вокруг вставки – пять рядов зерни и скани, по краю – ряд крупной скани в виде рельефных пирамидок.

Рис. 6. Шейно-нагрудные украшения: 1, 3-4, 6-9 – медальоны; 2 – ажурная бляшка; 5, 10 – щитки перстней. Погребение №2; золото, серебро, стекло.

Fig. 6. Neck and chest ornaments: 1, 3-4, 6-9 – medallions; 2 – an openwork plaque; 5, 10 – ring shields. Burial No. 2; gold, silver, glass.

На оборотной стороне – цельная пластина, в центре – фрагменты припаянных петель из серебряной пластины. Размеры изделий 3,3×1,95 см и 5,8×2,9 см, вес 17,51 г и 17,46 г, проба золота 650, серебра 960. Аналогичные перстни происходят из Скандинавии, погребения Шамси (Киргизия), 2 Морского Чулека, погребения у с. Суханово (Херсонская область), из Тамани, где они датируются от III до VII вв. н.э. (Засецкая и др., 20007, рис. 13, с. 41).

4. Две каплевидные золотые бляшки (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/17-18) (рис. 7: 7–8). Вероятнее всего, в бляшки вставлялись стеклянные или каменные украшения, по краю бортика украшены рядом зерни. Размеры изделий: 2,1×1,1 см. Проба золота 500 и 650.

Медальоны, аналогичные найденным в Уфе, известны в Кавказском собрании Эрмитажа (Сунгатов, 1998, с. 56), происходят также

из Северного Причерноморья (Засецкая и др., 2007, табл. II, с. 169).

Ременные украшения:

1. Накладка ременная золотая вытянутой овальной формы с серебряными шпеньками (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/3) (рис. 8: 10). Состоит из двух платин, декорирована с лицевой стороны зернью, образующей два креста с расширенными концами и окантовки; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Обратная сторона гладкая. Размеры: 1,3×3,3 см, вес 3,7 г, проба золота 700, серебра 900.

2. Два золотых коробчатых наконечника ремня (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/22, 23) (рис. 5: 6–7). Прямоугольной формы, закругленные с одной стороны. Состоят из двух спаянных пластин, внутри которых сохранились остатки кожи. Со сквозным отверстием, с выступающими концами на боковых сторонах. На

Рис. 7. Украшения одежды. Погребение № 2; золото, серебро, стекло.

Fig. 7. Clothing ornaments. Burial № 2; gold, silver, glass.

лицевой стороне – по прямому краю – бортик с рельефными насечками и ряд зерни. Обратная сторона – заломы пластины вокруг отверстия. Боковая сторона украшена двумя рядами зерни. Размеры изделий: 3,2×2,1 см и 3,1×2,1 см, вес 7,64 г и 6,92 г, проба золота 730. Гладкие коробчатые наконечники ремней встречены в погребении Портовом (Крымская область) вт. пол. VII в. (Айбабин, 1985, рис. 8: 23. с. 198), в древностях южнорусских степей (Засецкая, 1994, табл. 34: 11, 43: 4), в кладе Мартыновка, где они датируются VI–VII вв. (Казанский, 2014, с. 81).

3. Наконечник ремня из серебряной пластинки с остатками ремня из двух частей (ФА НМ РБ, ОФ 307/11). Размер: 0,096×0,036 м. Предмет на данный момент не обнаружен в фондах, сохранилась только фотография Р.Б. Ахмерова (рис. 8: 5).

4. Две пряжки с подвижным язычком и неподвижным щитком; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков, расположенных с внутренней стороны щитка (ФА НМ РБ, ОФ 307/6) (рис. 8: 3–4). Щитки «геральдической» формы с полукруглыми выемками при переходе к рамке. На одной пряжке сохранился железный язычок, прямой у основания; заходит на рамку. На обратной стороне по два металлических шпенька с крупными шляпками-«полугорошинами», припаянными к щитку, с остатками кожи. Размеры изделий: 2,4×1,9×0,5 см, 2,5×1,7×0,6 см.

5. Две бронзовые ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/5) (рис. 8: 6–7). С «геральдическими» щитками, разделенными полукруглыми боковыми выемками; с прорезной орнаментацией в виде круга в центре, сим-

метрично расположенных двух полуovalов и двух кругов; крепление к ремню происходило при помощи двух штифтов, припаянных на обратной стороне. Размеры изделий 2,8×1,3×0,3 см и 2,8×1,3×0,3 см. И.О. Гавритухиным подобные накладки причислены к серии Нижний Джулат, характерной для центральной части Северного Кавказа, и датированы перв. пол. – сер. VII в. В Крыму зафиксирована подобная накладка, которая «датируется немного ранее» (Gavritukhin, 2018, р. 8). О.С. Белявская датирует их к. VI – сер. VII в. (Белявская, 2019, с. 134).

6. Две ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/9) (рис. 8: 8–9). Состоят из комбинации «раздвоенной» верхней части и нижней фигуры, со скошенными боками. С четырьмя круглыми прорезями в верхней части и двумя круглыми прорезями в нижней. Размеры изделий: 4,4×2×0,5 см и 4,2×2×0,3 см.

7. Две ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/5) (рис. 8: 11–12). Состоят из трех соединенных прямыми сторонами щитков «геральдической» формы. Имеют три круглые прорези и орнамент в виде прочерченных линий и фигуры треугольника. Изделия полые. Крепление к ремню происходило при помощи трех штифтов. Размеры изделий: 2,7×2,7 см, 2,7×2,7 см.

О.С. Белявская, основываясь на реконструкции обувных наборов, происходящих из захоронений могильника Лучистое (Хайрединова, 2003, с. 151–157), делает вывод, что пряжки и накладки (рис. 8: 3–4, 6–7, 11–12) являлись обувными (Белявская, 2019, с. 134). Сама же гарнитура датируется ей в рамках к. VI – сер. VII в. (Белявская, 2019, с. 134).

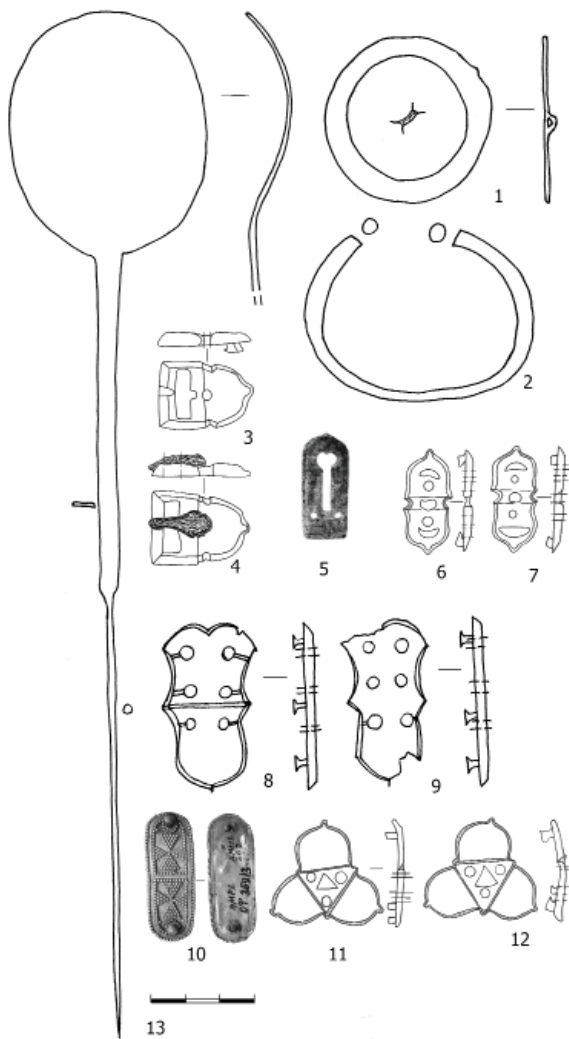

Рис. 8. Инвентарь погребения №2: 1 – зеркало; 2 – браслет, 3–4 – обувные пряжки; 5 – наконечник ремня; 6–12 – поясные накладки; 13 – ложка; 1–2, 5, 13 – металл, 3, 6–9, 11–12 – бронза, 4 – бронза, железо, 10 – золото, серебро.

Fig. 8. Burial № 2 goods: 1 – mirror; 2 – bracelet; 3–4 – shoe buckles; 5 – belt endpiece; 6–12 – belt plates; 13 – spoon; 1–2, 5, 13 – metal, 3, 6–9, 11–12 – bronze, 4 – bronze, iron, 10 – gold, silver.

Отдельные украшения:

1. Ложка из белого металла (серебро?) (ФА НМ РБ, ОФ 307/3) (рис. 8: 13). По описанию М.И. Касьянова, стержень ложки «был обложен деревянными пластинами, заключенными в особые обоймицы из сероватого металла» (Касьянов, 1936. с. 4). Вероятнее всего, речь идет об остатках деревянного футляра, в котором хранилась «ценная вещь». Длина изделия 28 см, ширина плоской части стержня до 0,8 см, размеры черпака 6×5 см. Стержень от плоского прямоугольного в сечении у основания черпака, становится круглым и острым

на другом конце. Изделие цельнолитое. Такой формы ложки, изготовленные из серебра, в количестве 12 экземпляров входили в состав римских сервизов. Они найдены в богатых домах Помпей и употреблялись для медленной еды, при этом использовались оба конца. Ложки такого типа были распространены с I в. до н.э. вплоть до IV в.н.э., и делались не только из серебра, но и из бронзы и кости (Гущина, Засецкая, 1994, с. 30–31). Несомненно, ложка, найденная в Уфе, является импортным изделием. Функционально, во время приема пищи, пользовались не только черпаком, но и острым концом – по примеру использования вилки.

2. Браслет из цветного металла (ФА НМ РБ, ОФ 307/2) (рис. 8: 2). Из толстого прута, с несомкнутыми концами. Сечение прута круглое. Размер: 6,2×4,5×0,4 см. Подобные браслеты распространены в Бирском могильнике (Мажитов 1968, табл. 14:1–2, 13. с. 133).

3. Зеркало из цветного металла с центральной петлей (ФА НМ РБ, ОФ 307/1) (рис. 8: 1). На стороне с петлей имеется орнамент в виде круга. Диаметр изделия 4,8 см. высота петли 0,3 см. Зеркала с центральной петлей и с декором в виде концентрических рельефных кругов становятся наиболее популярными в V – сер. VI в. и бытуют, прежде всего, в Северном Причерноморье и в Западном Предкавказье (Мастыкова, 2016, с. 251). И.П. Засецкая с соавторами указывает на то, что зеркала данного типа бытуют в пределах гуннской и постгуннской эпохи (к. IV – сер. VI в.) и происходят, главным образом, из памятников Боспора и его ближайшей периферии (Засецкая и др., 2007, с. 19).

Погребение № 3. Детское. Разрушено полностью. Инвентарь:

1. Гривна из белого металла (серебро?), из закрученной проволоки (ФА НМ РБ, ОФ 309/1) (рис. 9: 1). Размер: 11,5×12 см, диаметр сечения проволок 0,5 см. Серебряные витые гривны с раскованным концом известны в сарматских погребениях Алфёльда в Венгрии, женских захоронениях IV в. н.э. в могильниках цебельдинской культуры, комплексах V – нач. VI вв. из могильников Северного Кавказа, в погребениях конца III – IV вв. культуры рязано-окских могильников (Стоянова, 2011, с. 122).

2. Бляшка серебряная дугообразная, с ушком на одном конце, другой сплюснен в

Рис. 9. Инвентарь погребений №3 (1) и №2 (2): 1 – гривна, 2 – фрагменты кожаной одежды и волосы погребенной; 1 – металл (серебро?), 2 – кожа, органика.

Fig. 9. Goods from burials № 3 (1) and No. 2 (2): 1 – torque, 2 – fragments of leather clothing and hair of the buried woman; 1 – metal (silver?), 2 – leather, organic matter.

форме лопаточки (ФА НМ РБ, ОФ 309/2). Размер: 0,91×0,3 см. Изделие значится в фондах в списке необнаруженных (возможно будет найдено в дальнейшем).

3. Обломки глиняного сосуда в пяти фрагментах (ФА НМ РБ, ОФ 309/3) (рис. 10). Сосуд не высокий, с плоским дном, раздутым туловом, отогнутым слегка наружу венчиком. Реконструируемый диаметр по венчику 5,5 см, диаметр днища 4 см, диаметр тулова 10,5 см, толщина стенок 0,3 см. Высота сосуда не определена. В тесте примесь шамота и мелкого песка, хорошо заглажен, коричневого цвета. Орнаментирован резными насечками по краю венчика, шейке и тулову, резными параллельными линиями и треугольными насечками по шейке. Относится к керамике кушнаренковского типа.

Интерпретация материалов

Богатый вещевой комплекс захоронений, раскопанных в 1936 г. на территории Медицинского университета, говорит о том, что погребенные имели высокий социальный статус. Большая часть вещей имеет импортное

происхождение (Кавказ, Византия, Северное Причерноморье). Уникальность комплекса подтверждается и тем, что вокруг материалов до сих пор не утихают дискуссии. Женское погребение Р.Б. Ахмеровым датировано VII–VIII вв. (Ахмеров, 1951, с. 127). Н.А. Мажитов в разные годы давал разную датировку погребениям: VII и VIII вв. (Мажитов, 1977, с. 20), VI – VII вв. (Мажитов, 1993, с. 121), V–VII вв. (Мажитов, 1968, с. 68). Ф.А. Сунгатовым рассматриваемые комплексы отнесены к VII–VIII вв. (Сунгатов, 1998, с. 106). О.С. Белявская по ременной гарнитуре определяет, что «вероятное время возникновения самого комплекса ограничено к VI – сер. VII в.» (Белявская, 2019, с. 134). И.П. Засецкая, анализируя колт и другие золотые украшения из уфимского погребения, приходит к выводу, что они могут быть датированы вт. пол. VI – нач. или сер. VII в. (Засецкая и др., 2007, с. 16, рис. 2, 6; с. 27, 42). По мнению большинства исследователей, золотые украшения с зернью и сканью, а так же сам колт происходят из византийских мастерских. По другой версии – это продукция местных мастеров, которые работали по византийским образцам (Засецкая и др., 2007, с. 92). Вторая версия, по нашему мнению, не имеет ничего общего с элитным уфимским погребением, так как проработанность деталей зерни и скани свидетельствует о том, что на Южном Урале не могли произвести эти предметы. Свидетельством дипломатических отношений местных племен Средневековья, являются, по мнению,

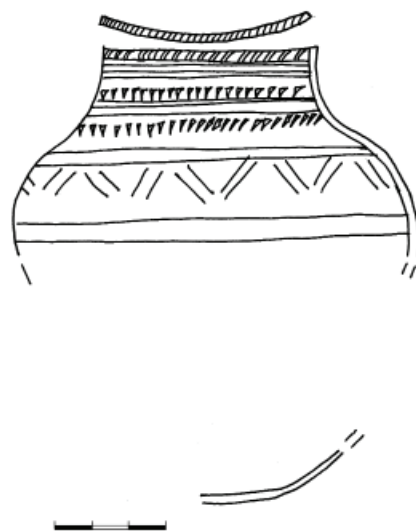

Рис. 10. Сосуд из погребения №3, керамика.
Fig. 10. Vessel from burial № 3, ceramics.

Ю.Л. Шаповой, и появление на Южном Урале византийского стекла (Шапова, 1983, с. 174). В разные годы на территории Уфы были найдены предметы византийского производства: монеты императора Феодосия II (405–450 гг. н.э.), стеклянный сосуд, медальоны с изображением соправителей и т.д. (Сунгатов, 2024, с. 185–195). Ременная гарнитура, найденная на территории Уфы, по мнению И.О. Гавритухина, отражает византийско-понтийский и кавказский импульсы в развитии геральдических стилей. В рамках VI–VII вв. они по преимуществу являются переработкой престижных византийско-понтийских образцов и представляют наиболее ранний хронологический горизонт в эволюции геральдической гарнитуры Поволжья, относясь к периоду широкого распространения пряжек новоселковской группы (Гавритухин, 1996, рис. 4, с. 125; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 85). По мнению О.С. Белявской, ременная гарнитура также является одним из показателей устойчивых связей населения бассейна р. Белой с Северным Кавказом во второй половине I тыс. (Белявская, 2019, с. 134).

Таким образом, элитное женское погребение, раскопанное в 1936 г. во дворе Медицинского института датируется, в целом, концом

VI – перв. пол. VII в. Большинство исследователей (Н.А. Мажитов, Ф.А. Сунгатов) интерпретируют погребения, как турбаслинские. В то время, как В.В. Овсянников относит мужское погребение к кушнаренковской культуре в связи с наличием остатков лука и защитного вооружения (кольчуга) (Овсянников, 1995, с. 139; Овсянников, 2001. с. 128). Детское погребение, несомненно, относится к кушнаренковскому типу по наличию горшка (рис. 10) и может быть датировано в широких временных рамках. Женское же погребение, на наш взгляд, отнести к кушнаренковской культуре нельзя, ориентируясь на глубину могильной ямы (190 см) и ориентировку погребенного (головой на северо-восток).

В связи с изложенным, однозначно отнести комплекс к одной археологической культуре не получается. Так М.И. Касьянов и Б.А. Коишевский не писали о строении курганной насыпи, относить их к одному курганному комплексу, или считать их одновременными, на наш взгляд, не представляется возможным. Поэтому, не исключено, что это разновременные и разнокультурные захоронения: погребения №№ 1 и 2 относятся к турбаслинской культуре, № 3 – к кушнаренковской.

Благодарности:

Благодарю за оказанную методическую помощь при описании предметов: хранителя фондов драгметаллы НМ РБ О.Н. Лещенко, старшего научного сотрудника Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа И.Р. Ахмедова, старшего научного сотрудника отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН И.О. Гавритухина и независимого исследователя-археолога О.С. Белявскую.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Астахов И.А.* Защитное вооружение на Позднем Боспоре: данные археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 3. С. 104–113.
- Ахмеров Р.Б.* Древние погребения в Уфе // КСИИМК. Вып. XXV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 113–117.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // КСИИМК. Вып. XL / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 125–137.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 161–193.
- Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З.* Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1 (15). С. 52–69.
- Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И.* Анализ пространственных данных в современной археологии: некрополи эпохи раннего средневековья южной части Уфимского полуострова // Этносы

и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (26 октября 2012 г.) / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: Аркаим, 2012. С. 18–22.

Белявская О.С. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых (Москва, 19-21 марта, 2019) / Отв. ред. В.Е. Родинкова М.: ИА РАН, 2019. С. 133–135.

Белявская О.С. О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 346–357.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. Пантикапей // Пантикапей / МИА. № 103 / Отв. ред. И.Б. Зеест, И.Д. Марченко. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 6–85.

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 29 с.

Валиуллин Г.Ф. Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития. 2-е изд., изм. и доп. Уфа: Информреклама, 2014. 160 с.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 349 с.

Воробьева С.Л. Коишевский Борис Андреевич (1902-1945 гг.) – первый профессиональный археолог национального музея Республики Башкортостан // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 145–153.

Гавритухин И.О. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1996. С. 115–133.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно исторический контекст / Раннеславянский мир. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (10). Сыктывкар, 2012. С. 108–119.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв. до н.э.) // История и культура сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: СГУ, 1983. С. 70–84.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной 76 принадлежности) // Археологический сборник. Вып. 38 / Ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Эрмитаж, 2010. С. 123–159.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ, 2007. 212 с.

Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды Первого археологического съезда в Москве. Приложения I / Отв. ред. А.С. Уваров. М.: Суnodальная Типография, 1871. С. 153–158.

Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины VIII-X вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 242–260.

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху великого переселения народов / Раннеславянский мир. Вып. 15 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 2014. С. 45–137.

Касьянов М.И. Тысячелетняя могила // Красная Башкирия. 1936. № 138 (17.06.1936). С. 4.

Лебедев А.И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917-2010 годах (по материалам Башкирии): Научное издание. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2012. 236 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Тайны Древнего Урала: археология, ученые, открытия, гипотезы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 183 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 119–140.

Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка. К вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6 / под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.

Новиченкова М.В. Римская кольчуга *Loricamata* I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорские исследования. Вып. XXV / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Дементра, 2011. С. 271–297.

Обыдённова Г.Т. Очерк истории развития Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. Уфа: Башкирский гос. педагогический ун-т им.М. Акмуллы, 2002. 104 с.

Овсянников В.В. Истоки и типологические связи кушнаренковского и кара-якуповского комплексов вооружения // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 138–150.

Овсянников В.В. К вопросу о городах древних башкир // Труды КАЭЭ. Вып. 1–2 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2001. С. 126–128.

Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 155 с.

Русланов Е.В. Костяные накладки луков средневекового городища Уфа-II // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н.А. Мажитова / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 70–86.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.

Савченко Е.И. Комплексы сарматского времени у ст. Калининской // Боспорский сборник. Вып. 5. / Ред. И.С. Каменецкий. М.: б.изд.. 1994. С. 87–107.

Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2011. Вып. XVII. С. 116–140.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Аминев З.Г., Кызласов И.Л., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Шамсутдинов М.Р. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау-Медиа, 2024. 386 с.

ДФ НМ РБ – Документальный фонд Национального музея Республики Башкортостан

ФА НМ РБ – Фонд археологии Национального музея Республики Башкортостан

ФДМ НМ РБ – Фонд драгметаллов Национального музея Республики Башкортостан

Фешкин В.Н. Башкирские военные традиции в работе Б. А. Коишевского // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 год: сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8–10 июня 2012 года / Гл. ред. проф. А. Г. Мустафин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 260–265.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P.49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5 (на англ.).

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия): sveta_legion@mail.ru

REFERENCES

- Aibabin, A. I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 191–205 (in Russian).
- Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Astakhov, I. A. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 3, 104–113 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1949. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 113–117 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1949. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XL. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–137 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii (Antiquities of the Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161–193 (in Russian).
- Bakhshiev, I. I., Kufterin, V. V., Bakhshiev, R. I., Gizzatov, D. Z. 2017. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 15 (1), 52–69 (in Russian).
- Bakhshiev, I. I., Nasretidinov, R. R., Bakhshiev, R. I. 2014. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Arkaim" Publ., 18–22 (in Russian).
- Belyavskaya, O. S. 2019. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh. (New Materials and Methods of Archaeological Studies: from Criticism of Sources to Generalization and Interpretation of Data)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 133–135 (in Russian).
- Belyavskaya, O.S. 2021. *Ufmskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)*. 21 (2), 346–357 (in Russian).
- Blavatsky, V. D. 1962. In Zeest, I. B., Marchenko, I. D. (eds.). *Pantikapey (Panticapaeum)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 103. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 6–85 (in Russian).
- Bulychev, N. I., 1902. *Drevnosti iz" Vostochnoy Rossii (Antiquities from Eastern Russia)*. Ufa: A.I. Mamontov Printing House Partnership (in Russian).
- Valiullin, G. F. 2014. *Natsional'nyi muzei Respubliki Bashkortostan: istoriia sozdaniia i razvitiia (National Museum of the Republic of Bashkortostan: the History of Creation and Development)*. Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A., Goroncharovskiy, V. A. 2009. *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n. e. – seredina III v. n. e.) (Military history and military art of the Bosporan Kingdom (the 6th century BC to the mid-3rd century AD))*. Saint Petersburg: "Nestor-History" Publ. (in Russian).
- Vorobeva, S. L. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *ArchLab. Arkheologiya Urala: vremia, pamiatniki, liudi (ArchLab. Archaeology of the Urals: Time, Monuments, People)* 3. Ufa: Bashkir State University, 145–153 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 115–133 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Oblomsky, A. M. 1996. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno istoricheskiy kontekst (Gaponovo Hoard and its Cultural and Historical Context)*. Series: Rannelsavyanskiy mir (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
- Goldina, R. D. 2012. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 2(10). Syktyvkar, 108–119 (in Russian).
- Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. «Zolotoe kladbishhe» Rimskoy epokhi v Prikuban'e ("Golden cemetery" of the Roman Age in the Kuban' basin). Series: Russian Archaeological Library. Issue 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1983. In Skripkin, A. S. (ed.). *Istoriia i kul'tura sarmatov (History and Culture of Sarmatians)*. Saratov: Saratov State University, 70–84 (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th–5th centuries))*. Saint Petersburg: “Ellips” Publ. (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 2010. In Alekseev, A. Yu. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 38. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 123–159 (in Russian).

Zasetskaya, I. P., Kazanski, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoii Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu (Morskoii Chulek. Burials of Noblemen from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Ignatiev, R. G. 1871. In Uvarov A. S. (ed.). *Trudy Pervogo arkheologicheskogo s'ezda v Moskve (Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow)* Appendices I. Moscow: Sunodal Typography, 153–158 (in Russian).

Izmailov, I. L. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 242–260 (in Russian).

Kazansky, M. M. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Rannelslavianskii mir. (Early Slavic World) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45–137 (in Russian).

Kasyanov, M. I. 1936. In *Krasnaya Bashkiriya (Red Bashkiria)* 138 (17.06.1936), 4 (in Russian).

Lebedev, A. I. 2012. *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennoi okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury v 1917-2010 godakh (po materialam Bashkirii). (Formation and Development of the Bodies of State Protection of Historical and Cultural Monuments in 1917-2010 (based on Materials from Bashkiria))*. Ufa (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii srediiny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1973. *Tayny Drevnego Urala: arkheologiya, uchenye, otkrytiya, gipotezy (Mysteries of the Ancient Urals: archaeology, scientists, discoveries, hypotheses)*. Ufa: “Bashk. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th — 14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 119–140 (in Russian).

Mastykova, A. V. 20016. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Divnogorsii sbornik (Divnogorsk Collection)*. Series 6. Voronezh: “Nauchnaya kniga” Publ., 241–254 (in Russian).

Novichenkova, M. V. 2011. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 25. Simferopol; Kerch: Demetra, 271–297 (in Russian).

Obydenov, G. T. 2002. *Ocherk istorii razvitiia Uralo-Povolzhskoi arkheologii pervoi poloviny XX stoletii (Essay on the Development History of the Ural-Volga Archaeology in the First Half of the 20th Century)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 1995. In Ageev, B. B. (ed.). *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala (Mounds of the Nomads of the Southern Urals)*. Ufa: “Gilem” Publ., 138–150 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 1–2. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 126–128 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 2002. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii (Hellenism and Iranism in the Southern Russia)*. Moscow: “Knizhnaya Nakhodka” Publ. (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2013. In Sultanova, A. N. (ed.). *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysiacheletiya: nauchnye publikatsii, posvyashchennye 80-letnemu yubileyu N.A. Mazhitova (The Urals and the Eurasian spaces through centuries and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N.A. Mazhitov)*. Ufa: Bashkir State University, 70–86 (in Russian).

Savinov, D. G. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146–162 (in Russian).

Savchenko, E. I. 1994. In Kamenetsky, I. S. (ed.). *Bosporskiy sbornik (Bosporan Collection)* 5. Moscow, 87–107 (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 17, 116–140 (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the funerary sites of 5th – 8th centuries AD))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Sungatov, F. A., Sultanova, A. N., Aminev, Z. G., Kyzlasov, I. L., Bakhshieva, A. K., Mukhametdinov, V. I., Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V., Sataev, R. M., Kufterin, V. V., Shamsutdinov, M. R. 2024. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya (To the issues of the cities of the Southern Urals in the Middle Ages)*. Ufa: "Samrau-Media" Publ. (in Russian).

Dokumental'nyy fond Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (Document collection of the Bashkortostan National Museum) (in Russian).

Fond arkheologii Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (Archaeology collection of the Bashkortostan National Museum) (in Russian).

Fond dragmetallov Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (Precious metals collection of the Bashkortostan National Museum) (in Russian).

Feshkin, V. N. 2014. In Mustafin A. G. (ed.). *Vklad Bashkirii v pobedu Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 god: sbornik dokladov i materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 8-10 iyunya 2012 goda (Contribution of Bashkiria to the victory of Russia in the Patriotic War of 1812: collected reports and proceedings of the International scientific and practical conference. Ufa, June 8-10, 2012)*. Ufa: Bashkir State University, 260–265 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy (Essays on the History of Ancient Glassmaking (on the Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Gavritukhin, I. O. 2018. In Belinskij, A. B., Härke, H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt-Verlag, P.49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5 (in English).

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L., Candidate of Historical Sciences, Bashkortostan National Museum. Soviet st., 14, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902 /904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.156.167>**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ИТОГИ РАБОТ 2023 Г.)**

©2024 г. П.С. Данилов, Е.М. Пигарёв

В статье представлены результаты исследований 2023 г., произведенных на Типсирминском селище, расположенном на северной окраине г. Чебоксары. Здесь, в ходе раскопок были выявлены объекты, представляющие собой многочисленные столбовые ямы и остатки сооружений с каркасно-столбовыми конструкциями. Керамический комплекс поселения представлен двумя группами лепной посуды – тесто с примесью шамота и тесто с примесью толченой ракушки. На поселении обнаружены предметы, связанные с ткачеством (пряслица, грузы-подвесы) и цветной металлургией (тигли). Кроме того, на Типсирминском селище в большом количестве обнаружены находки, относящиеся к металлургии железа: древесный уголь, шлаки, крица, содержащие железо минералы, каменный инструментарий. Ряд бытовых предметов находит аналоги в памятниках писеральско-андреевского типа. Полученная коллекция археологических предметов позволяет предположить, что основным занятием населения селища являлась черная металлургия.

Ключевые слова: археология, черная и цветная металлургия, ткачество, Среднее Поволжье, Чувашия, ранний железный век, лепная керамика, флюсы, железные руды.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT THE TIPSIRMY SETTLEMENT IN CHUVASHIA (2023 WORK RESULTS)

P.S. Danilov, E.M. Pigarev

The paper deals with the results of 2023 research carried out at the Tipsirmy ancient settlement, located on the northern outskirts of Cheboksary. Here, excavations identified objects representing numerous post-holes and the remains of structures with wattle-and-daub constructions. The pottery assemblage of the settlement is represented by two groups of hand-made pottery - fabric with an admixture of grog and clay with an admixture of crushed shells. Objects related to weaving (spindle-whorls, cargo-hangers) and non-ferrous metallurgy (crucibles) were found in the settlement. In addition, finds related to iron metallurgy were discovered in large numbers at the Tipsirmy settlement: charcoal, slags, bloom, minerals containing iron, stone tools. A number of household items find analogues in monuments of the Piseraly-Andreevka type. The resulting collection of archaeological objects suggests that the main occupation of the population of the settlement was ferrous metallurgy.

Keywords: archaeology, ferrous and non-ferrous metallurgy, weaving, Middle Volga region, Chuvashia, Early Iron Age, hand-made pottery, fluxes, iron ore.

В 2023 году в целях обеспечения сохранности объекта археологического наследия «Типсирминское селище» были проведены спасательные археологические исследования в зоне планируемой жилой застройки мкр. №6 г. Чебоксары (рис.1) (Соловьёв, 2024).

«Типсирминское селище» было выявлено С.А. Красновым в августе 2019 г. в ходе проведения археологического обследования земельных участков, выделенных под размещение жилого района «Новый город» на северной окраине Чебоксар, на правом берегу Волги (Краснов, 2021).

Территория памятника представляет собой распаханное поле с уклоном к юго-восточному краю оврага, на краю которого он распо-

лагается. Визуально фиксируемые признаки объектов археологического наследия (рвы, валы, запады грунта, насыпи курганов и т.д.) не выявлены.

Согласно данным первичного обследования, на территории объекта обнаружено значительное количество керамики, отнесенной авторами к городецкой культуре (ранний железный век, VII век до н. э. - II век н. э.). Разведочный шурф №128 (1), заложенный в центре территории распространения керамики, также выявил ее наличие (Краснов, 2021, с.54-62, рис.681-692).

В 2023 году работы на памятнике были продолжены. В ходе исследований на раскопе площадью 5000 м² было обнаружено 125 стол-

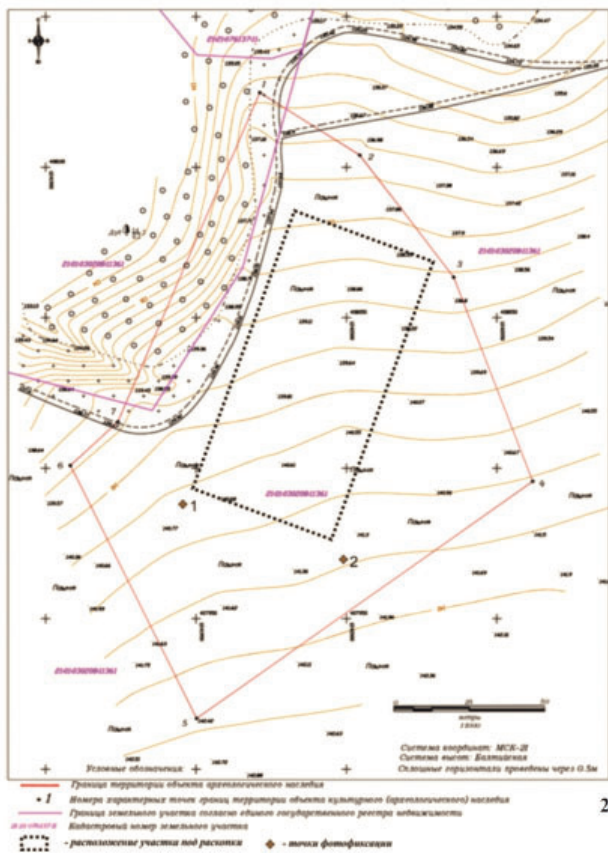

Рис.1. Типсирминское селище: 1 – космический снимок с указанием территории исследований; 2 – топографический план с месторасположения раскопа.

Fig. 1. Tipsirmy settlement: 1 – satellite image indicating the research area; 2 – topographic plan from the location of the excavation.

бовых ям и контуры впадин от 4 конструкций различного (видимо, хозяйственного) назначения (рис. 2: 2; 3: 3; 4).

В процессе изучения была сформирована коллекция находок, состоящая из фрагментов лепных сосудов (1543 экз.), обломков различных минералов (361 экз.), костей животных (432 экз.), кусков угля (211 экз.), обломков

«печины» - остатков обожженной глиняной обмазки (266 экз.), шлака (23 экз.) и некоторых предметов, связанных с металлургией и ткачеством.

На протяжении последних ста лет территория, на которой располагается селище, подвергалась глубокой интенсивной распашке, из-за чего вся она покрыта распашными полосами, вытянутыми по линии З-В. Обломки керамики, найденные в пахотном слое, имеют следы сильной окатанности.

Стратиграфия раскопа достаточно проста: профиль бортов и бровок составляет 50-60 см в высоту и состоит из двух основных слоев: плодородный слой (распашка) мощностью 35-40 см и предматерик (затронутый вспашкой материковый слой, насыщенный растительной органикой) мощностью от 10 до 20 см (рис.2: 1). В обоих слоях встречаются фрагменты керамики, обломки камней и костей животных (рис.3: 1, 2). Необходимо отметить определенную стерильность слоев – отсутствие материалов иных эпох. На некоторых участках и профилях раскопа были зафиксированы прослойки подзола. Это позволяет предположить, что после прекращения жизнедеятельности, на месте селища вырос лес, покрывший эту территорию на несколько столетий, пока в XIX или XX вв. эти земли не были превращены в пахотные.

Большая часть обнаруженных объектов представлена столбовыми ямами, впущенными в материк, заполнением которых служила рыхлая супесь с древесным тленом (рис.2: 2). Кроме того, были зафиксированы остатки четырех сооружений различного назначения, описание которых приведено ниже.

Объект 9 – обнаружен в кв. В-4-5 (рис. 3: 3; 4: 1). Впадина сооружения подпрямоугольной с округлыми краями формы, вытянута по линии С-Ю. Контуры пятна сооружения выявлены на уровне -269; -286. Размеры впадины: 560x340 см, плоское дно зафиксировано на уровне -284; -296. Заполнением служил светло-серый суглинок с включением обломков костей животных, фрагментов лепных глиняных сосудов. Внутри сооружения зафиксировано круглое пятно прокала мощностью 16 см, вероятно от очага, и две столбовые ямы. С северной и западной сторон впадины обнаружены парные столбовые ямы, являющимися остатками конструкции каркасных стен сооружения.

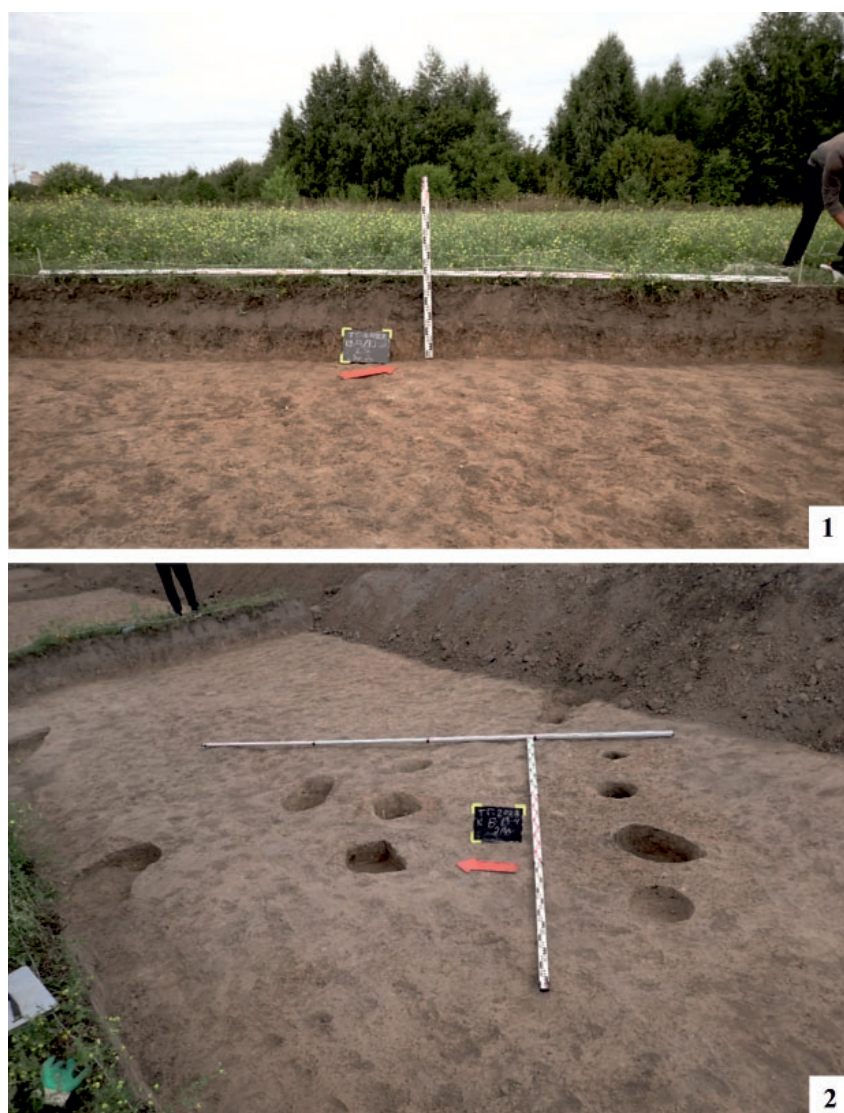

Рис. 2. Типсирминское селище: 1 – стратиграфический профиль борта раскопа; 2 – обнаруженные на материке объекты (столбовые ямы).

Fig. 2. Tipsirmy settlement: 1 – stratigraphic profile of the excavation wall; 2 – objects discovered on the virgin soil (post-holes).

В заполнении объекта №9 было обнаружено: 48 фрагментов лепных глиняных сосудов (тесто с примесью шамота), 1 обломок печины, 21 обломок песчаника, 1 обломок сланца и 1 обломок угля. Кроме того, здесь были обнаружены стеклянная бусина и бронзовая трапециевидная подвеска (рис. 7: 10, 12).

Объект 67 – обнаружен в кв. К-2-3 (рис. 3: 3; 4: 2). Впадина сооружения аморфной округло-удлиненной формы вытянута по линии С-Ю. Контуры пятна сооружения выявлены на уровне -301; -315. Размеры впадины: 300x270 см, плоское дно зафиксировано на уровне -315; -327. Заполнением служил светло-серый суглинок с включением фрагментов лепных глиняных сосудов. Внутри жилища, у

южной стенки, зафиксирован прокол грунта от возможного очага (мощностью 15 см), а у северной стенки – столбовая яма.

В заполнении объекта №67 было обнаружено: 10 фрагментов лепных глиняных сосудов (тесто с примесью шамота), 1 обломок печины, 2 обломка песчаника и 1 обломок кремня.

Объект 118 – обнаружен в кв. И-4 (рис. 3: 3; 4: 3). Впадина сооружения подовальной формы вытянута по линии С-Ю. Контуры пятна сооружения выявлены на уровне -325; -326. Размеры впадины: 500x300 см, дно зафиксировано на уровне -328; -340. Заполнением служил светло-серый суглинок с включением фрагментов лепных глиняных сосудов, обломков различных минералов и костей

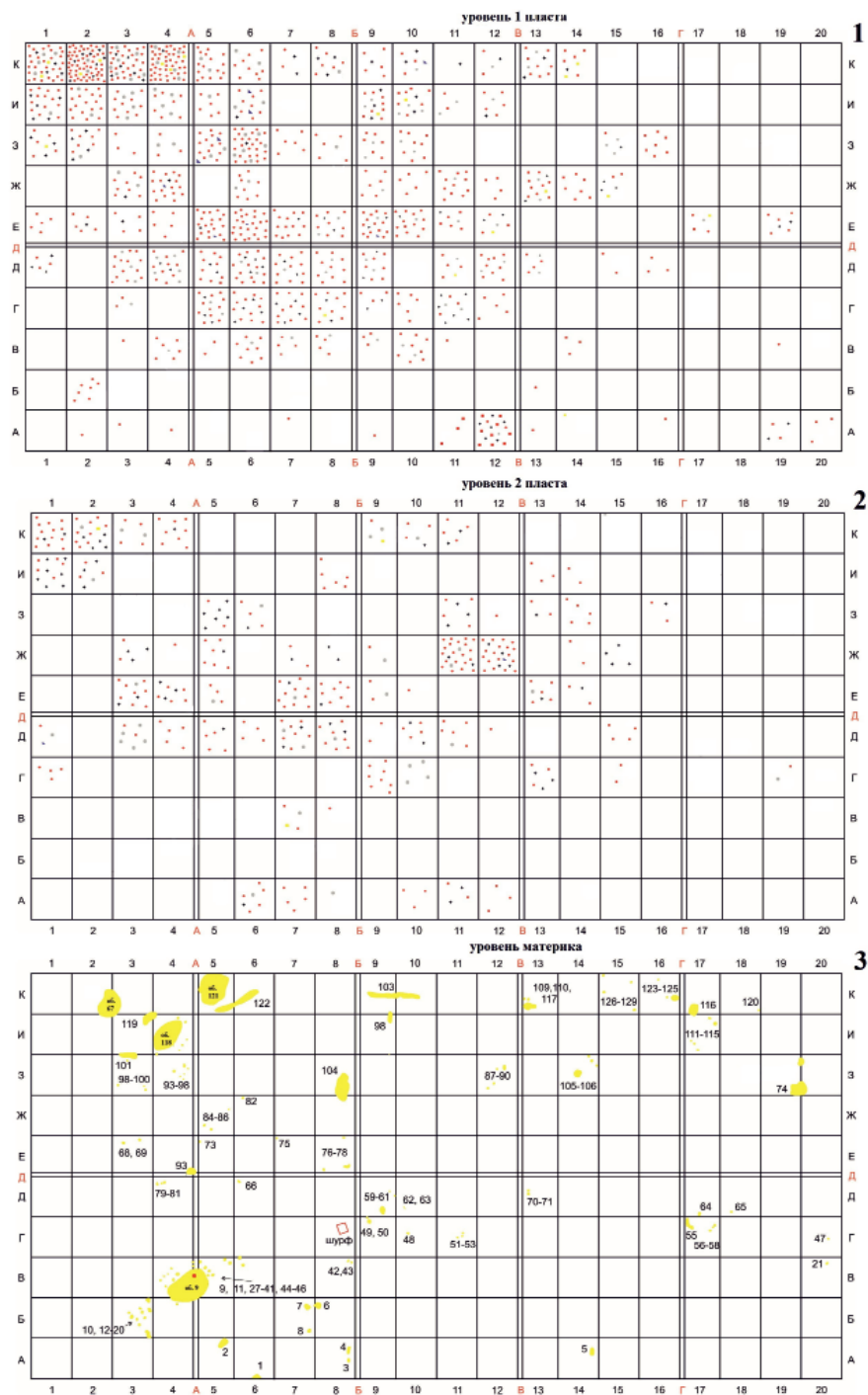

Рис. 3. Типсирминское селище: 1 – план-схема насыщенности находками на уровне 1 пласта; 2 – план-схема насыщенности находками на уровне 2 пласта; 3 – план-схема выявленных на уровне материка объектов.

Fig. 3. Tipsirmy settlement: 1 – sketch-map of saturation with finds at layer 1; 2 – sketch-map of saturation with finds at layer 2; 3 – sketch-map of objects discovered at the virgin soil level.

животных. В центральной части сооружения зафиксированы остатки очага в виде прокала мощностью до 10 см, и 2 столбовые ямы, которые, по всей видимости, представляли внутренние несущие опоры. Вокруг сооружения обнаружены 8 столбовых ям, являвших-

ся остатками конструкции каркасных стен сооружения.

В заполнении объекта №118 было обнаружено: 235 фрагментов лепных глиняных сосудов (тесто с примесью шамота) и 18 фрагментов с примесью ракушки в тесте, 8 обломков

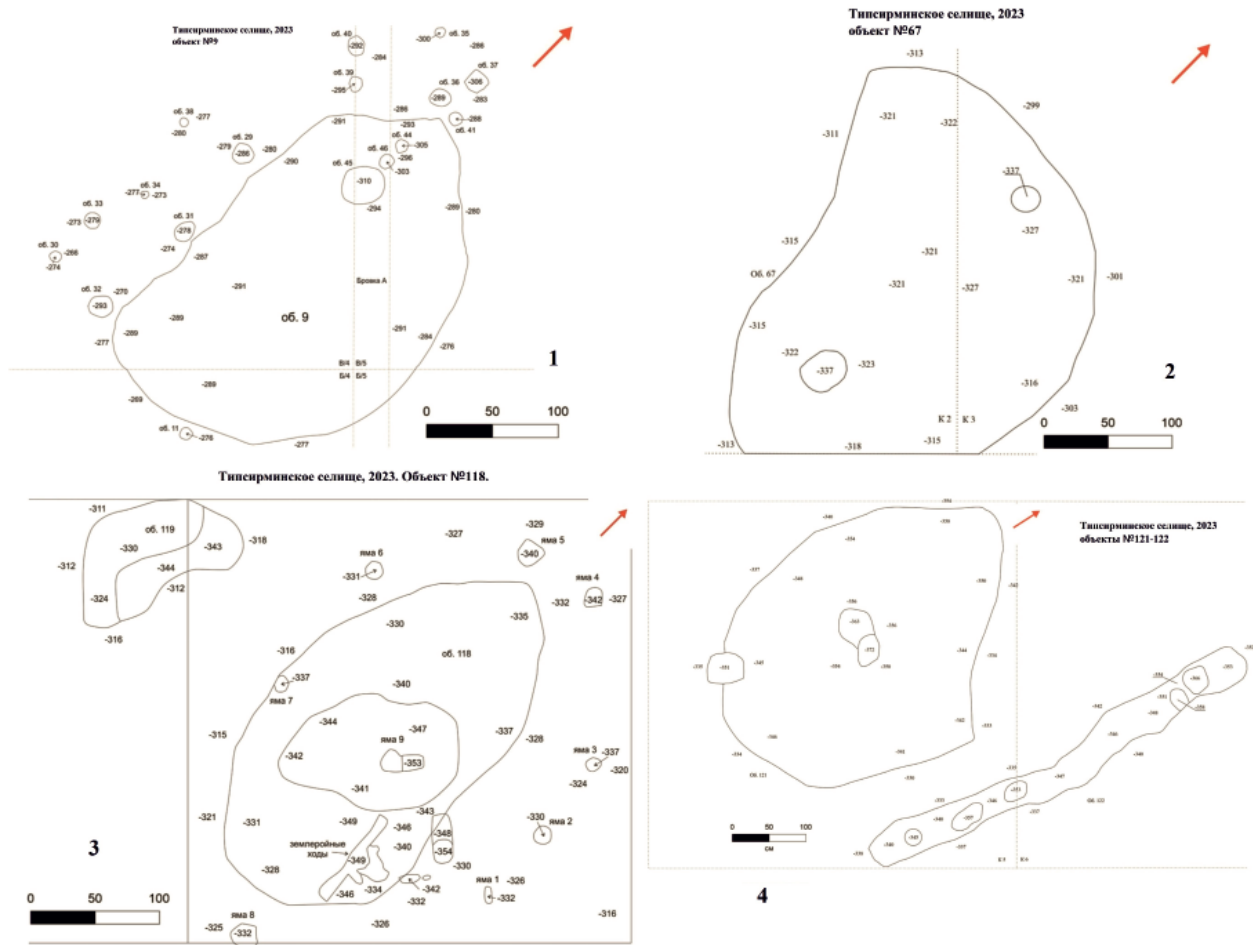

Рис. 4. Типсирминское селище, планы выявленных объектов: 1 – объект №9; 2 – объект №67; 3 – объект №118; 4 – объекты №121-122.

Fig. 4. Tysirmyn settlement, plans of identified objects: 1 – object No. 9; 2 – object No. 67; 3 – object No. 118; 4 – objects No. 121-122.

печины, 25 обломков песчаника и 38 обломков известняка (металлургического флюса) и 30 обломков различных минералов, 1 обломок угля и 17 горелых костей животных. Кроме того, здесь были обнаружены два каменных терочника, глиняное напрясло, кремневые скребки и отщеп (рис.7: 3; 8: 3, 5, 6).

Объект 121 – обнаружен в кв.К-5 (рис. 3: 3; 4: 4). Впадина сооружения подовальной формы вытянута по линии С-Ю. Контуры пятна сооружения выявлены на уровне -330; -340. Размеры впадины: 480x240 см, дно зафиксировано на уровне от -341 до -354. Заполнением служил светло-серый суглинок с включением фрагментов лепных глиняных сосудов, обломков различных минералов и костей животных. В центральной части сооружения зафиксированы остатки очага в виде прокала мощностью до 10 см, и столбовая яма.

В заполнении объекта №121 было обнаружено: 271 фрагмент лепных глиняных сосудов (тесто с примесью шамота) и 69 фрагментов с примесью ракушки в тесте, 52 обломка песчаника и 9 обломков известняка (металлургического флюса) и 30 обломков иных минералов, 6 горелых костей животных. Кроме того, здесь были обнаружены два каменных терочника, глиняное грузило от вертикального ткацкого станка, глиняный конусовидный тигель (рис.7: 1, 7; 8: 4, 7).

Восточнее объекта №121 на уровне -337, -352 обнаружен объект №122, представляющий собой траншею длиной 500 см, шириной до 40 см, на дне которой выявлено 5 столбовых ям. Вероятнее всего, траншея является остатками частокола – ограды сооружения №121 (рис. 3: 3; 4: 4).

Анализ керамического комплекса Типсирминского селища дал следующие результаты:

Рис. 5. Типсирминское селище, глиняная посуда: 1-2 – реконструированные формы сосудов; 3-11 – фрагменты венчиков; 12-17 – фрагменты донцев; (1-17 – глина с примесью шамота).
Fig. 5. Tipsirmy settlement, pottery: 1-2 – reconstructed vessel shapes; 3-11 – fragments of rims; 12-17 – fragments of bottom; (1-17 – clay with a grog admixture).

в раскопе обнаружено 1453 (94%) фрагмента лепных глиняных сосудов из теста с примесью шамота и 88 (6%) фрагментов лепных глиняных сосудов из теста с примесью ракушки. В это число не входят пряслица, ткацкие грузила и технологическая посуда (тигли). Сильная фрагментированность комплекса не позволила реконструировать много целых форм сосудов, кроме миски и стаканчика (рис. 5: 1, 2).

Характеристика керамики с примесью шамота, рис.5. По технологическим признакам визуально рассматриваемый керамический комплекс довольно однороден. Это лепные сосуды с бугристой, небрежно заглаженной (иногда со следами пальцев и пучков травы) поверхностью светло-коричневого, коричневого, бежевого, кирпично-красного, серого и чёрного цветов. Цветовая гамма

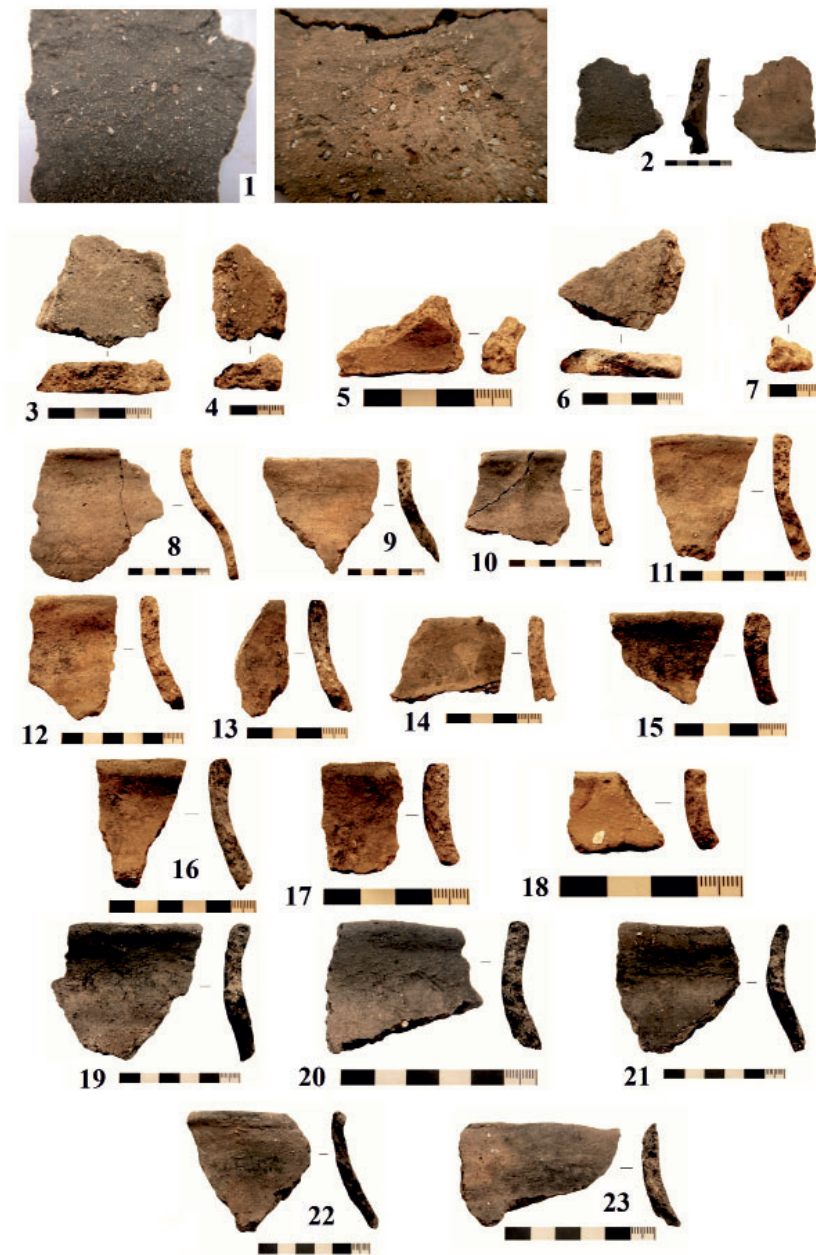

Рис. 6. Типсирминское селище, глиняная посуда: 1 – примеси ракушки в тесте (увеличено); 2-7 – фрагменты донцев; 8-23 – фрагменты венчиков; (1-23 – глина с примесью ракушки).
Fig. 6. Tipsirmy settlement, pottery: 1 – shell matter in the fabric (enlarged); 2-7 – fragments of bottom; 8-23 – fragments of rims; (1-23 – clay with a shell admixture).

отдельно взятого фрагмента неоднородна и может варьировать очень сильно на внутренней и внешней поверхности, а также на изломе, что свидетельствует о костровом обжиге. Весь рассматриваемый керамический комплекс не орнаментирован. Тесто грубое, плохо промешанное; визуально определяются примеси шамота от мелкой до грубой консистенции, изредка песка.

Все сосуды плоскодонные. Преобладают фрагменты слабопрофилированных и, в

небольшом количестве, хорошо профилированных днищ. По характеру профилировки верхних частей сосудов выделяются две группы: сосуды с горлом (горшковидные и банковидные) и сосуды без горла (чашевидные).

Керамический комплекс этой группы (тесто с примесью шамота) находит наибольшие аналоги в материалах городища Пичке Сарче, датируемых концом раннего железного века (I-III вв. н.э.) (Мясников, 2012, с. 214-222).

Характеристика керамики с примесью ракушки, рис.6. По технологическим признакам визуально рассматриваемый керамический комплекс однороден. Это лепные сосуды с бугристой, небрежно заглаженной поверхностью светло-коричневого, бежевого, серого и чёрного цветов. Цветовая гамма фрагментов неоднородна и может варьировать очень сильно на внутренней и внешней поверхности, а также на изломе, что свидетельствует о костровом обжиге. Весь рассматриваемый керамический комплекс не орнаментирован. Тесто грубое, плохо промешанное, визуально определяются примеси ракушки от мелкой до грубой консистенции. Все сосуды плоскодонные. По характеру профилировки верхних частей сосудов зафиксированы только горшковидные сосуды с горлом.

К настоящему времени, аналогов этой группе керамики (тесто с примесью ракушки) на ближайших известных памятниках нам найти не удалось.

Вещевой материал Типсирминского селища (рис. 7).

Кроме многочисленных фрагментов лепных глиняных сосудов и обломков минералов на раскопе был обнаружен ряд предметов, характеризующих деятельность населения Типсирминского селища.

Предметы, связанные с ткачеством.

Глиняные подвесы (грузила) для вертикального ткацкого станка представлены двумя экземплярами, изготовленными из хорошо отмученной глины без грубых примесей (рис. 7: 1, 2). Обожжены на костре, цвет их поверхности – от светло-коричневого до темно-серого.

Глиняные пряслица (4 экз.). Два экземпляра по форме относятся к коническим пряслицам (рис.7: 3, 4). Они изготовлены из хорошо отмученной глины и обожжены. Два экземпляра изготовлены из обработанных стенок лепных глиняных сосудов (рис.7: 5, 6). Они имеют те же технологические характеристики, что и основной керамический комплекс памятника: костровый обжиг, примесь шамота в тесте.

Предметы, связанные с металлургией.

Глиняные тигли (2 экз.). Один экземпляр лепной конусовидный, в виде чашечки на длинной ножке, с уплощенно-округлым венчиком, с размером: высота 77 мм, диаметр чашечки 39 мм, глубина чашечки 43 мм,

Рис. 7. Типсирминское селище, вещевой материал: 1-2 – грузила; 3-6 – пряслица; 7-8 – тигли; 9 – шлак; 10 – бусина; 11 – фр-т ножа; 12 – подвеска; (1-8 – глина; 10 – стекло; 11 – железо; 12 – бронза).

Fig. 7. Tysirmy settlement, set of items: 1-2 – sinkers; 3-6 – spindle-whorls; 7-8 – crucibles; 9 – slag; 10 – bead; 11 – knife piece; 12 – pendant; (1-8 – clay; 10 – glass; 11 – iron; 12 – bronze).

толщина стенки 6 мм, диаметр ножки 13 мм; тесто с примесью шамота (рис.7: 7).

Второй экземпляр, фрагментированный, в виде небольшого размера плоскодонного стаканчика с приблизительными размерами 30x35 мм, тесто с примесью шамота (рис.7: 8).

Фрагмент железной крицы; размер: 36x30x24 мм (рис.7: 9).

Бытовые предметы.

Нож железный кованый, фрагмент; рукоять прямоугольная в сечении, расширяется от конца к лезвию; размер: 39x25x4 мм (рис. 7: 11).

Бусина стеклянная, колесовидная; стекло сильно патинировано, цвет не виден; размер: 7x4 мм, диаметр отверстия 3 мм (рис.7: 10).

Подвеска бронзовая кованая, трапециевидной формы; с отверстием для подвешивания диаметром 2 мм; размер: 16x11/7x0,5 мм (рис. 7: 12).

Иные находки, связанные с металлургическим производством.

Следующий большой комплекс находок с Типсирминского селища представлен обломками различных минералов (361 экз.), кусков угля (211 экз.), обломков обожженной глиняной обмазки («печины») (266 экз.) и шлака (23 экз.). Этот комплекс состоит из двух групп: инструментарий и заготовки сырья.

К инструментарию относятся: терочки – в виде плоских округлых изделий из камня (рис. 8: 2, 7); дробильники – в виде каменных ручных молотов различных форм (рис. 8: 1, 3, 4).

Многочисленные обломки «печины» относятся, вероятнее всего, к разогревательным печам-горнам небольшого размера, применяемым в литейном производстве цветной металлургии; они представляют собой фрагменты обожженной заглаженной глины без видимых примесей (рис. 9: 6).

В качестве топлива в производственном процессе применялся древесный уголь, который вероятно, изготовлялся здесь же (рис. 9: 4). Находки металлургического шлака являются отходами производства (рис. 9: 5).

К сырьевым заготовкам относятся обломки различных минералов: песчаники, сланцы, ракушечники, галька, гранит, кремь, кварцит, известняк, базальт, лимонит. Обломки железистого песчаника представлены 146 экземплярами (рис. 9: 3). Проведенный спектральный анализ нескольких образцов обломков железистого песчаника из пластов и сооружений показал наличие в их составе железа в объеме 50-60%. Тот же анализ показал наличие на внутренних стенках глиняного тигля следов олова. Эта информация носит предварительный характер, т.к. весь комплекс находок, связанных с металлургическим производством, в настоящее время, находится на стадии исследования, результаты которого будут представлены позднее. Конкреции железной руды (лимониты) представлены 3 экземплярами (рис. 9: 2). Известняк (металлургический флюс), применявшийся в сыродутном процессе для снижения температуры плавления шлаков, представлен 62 обломками (рис. 9: 1). Предназначение других минералов, в настоящее время, не ясно, но будет определено после проведения полномасштабных лабораторных исследований.

Рис. 8. Типсирминское селище, вещевой материал: 1, 3, 4 – дробильники; 2, 7 – терочки; 5 – отщеп; 6 – скребок; (1-7 – камень).

Fig. 8. Tipsirmy settlement, set of items: 1, 3, 4 – crushers; 2, 7 – grindstone; 5 – flake; 6 – scraper; (1-7 – stone).

Археозоологический анализ костного материала (432 экз.), проведенный к.в.н. Асылгараевой Г.Ш., показал присутствие на селище только костей домашних животных, употребляемых в пищу, и отсутствие диких животных: крс – 63 экз. (44,3%), лошадь – 59 экз. (41,5%), свинья – 16 экз. (11,3%), мрс – 3 экз. (2,1%). Даже в такой небольшой выборке отмечается высокий процент костей лошади. Подобное явление зафиксировано на городище Пикче Сарче (Мясников, 2016, с.48).

Исходя из выше изложенного, на настоящий момент можно сделать некоторые предварительные выводы о занятиях населения Типсирминского селища:

- основным занятием населения селища являлась черная и цветная металлургия;
- какая-то часть населения (вероятно, женщины) занималась ткачеством;
- на селище существовало производство глиняной посуды, представленное двумя керамическими традициями.

Территория Волго-Камья представляла собой один из древнейших районов развития черной металлургии Восточной Евро-

Рис. 9. Типсирминское селище, материалы связанные с металлургическим производством: 1 – флюс (известняк); 2 – лимонит; 3 – железистый песчаник; 4 – уголь; 5 – шлак; 6 – печина (обожженная глина).
Fig. 9. Tipsirmy settlement, materials related to metallurgy: 1 – flux (limestone); 2 – limonite; 3 – iron-rich sandstone; 4 – coal; 5 – slag; 6 – pechina (baked clay).

пы. Знания о свойствах железа появились на территории Волго-Камья в период хорошо развитого бронзолитейного производства и были быстро восприняты местным населением. Дальнейшее совершенствование обработки железа привело к трансформации прикамского металлургического очага по обработке цветных металлов в область широкого распространения черной металлургии (Перевощилов, 2002, с.49).

Ярко выраженные остатки металлургии железа (шлаки, крицы, флюсы, содержащие железо руды) в Среднем Поволжье зафиксированы на многочисленных памятниках раннего средневековья. К раннему железному

веку относится горн Архангельского поселения Ульяновской области (Семыкин, 2015, с.168-173).

Предварительные результаты анализа вещевого материала.

Бронзовая подвеска (рис. 7: 12) имеет аналогии в материалах Сендимиркинского могильника (Чувашия), датируемого второй половиной II – началом III вв. (Гришаков и др., 2022, с.245, 246, рис.5: 25). Также близкая по форме подвеска известна в погребении 211 Кудашевского I могильника (Пермский край). Предварительная хронологическая оценка вещевых комплексов могильника охватывает период 3-5 в.н.э. (Казанцева, 2022, с.199, рис. 6: 9).

В Сердимиркино среди бытового инвентаря были зафиксированы и предметы из камня: кремневые скребки и отщепы, куски кварцита, гальки, мергеля (Гришаков и др., 2022, с. 248).

Глиняное грузило от ткацкого станка, обнаруженное в заполнении объекта №121 (рис. 7: 1), имеет аналогии в материалах городища Пикче Сарче, которые датируются I-III вв. н.э. и относятся исследователями к памятникам писеральско-андреевского типа (Мясников, 2013, с.119-123, рис. 1).

Большая часть керамического материала находит значительное сходство с керамикой Андреевских памятников, которые по своему происхождению связаны с Присурским очагом керамических традиций, существовавшим в конце I – начале VI вв. н.э. (Мясников, 2012, с.221). Памятники этого типа связаны с началом формирования древнемордовской культуры.

Полученные нами данные, в настоящий момент, не позволяют дать точную датировку и культурную принадлежность Типсирминскому селищу. Планирующееся продолжение работ на памятнике и многоуровневый анализ вещевого материала помогут в более точной интерпретации этого археологического объекта.

ЛИТЕРАТУРА

Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 241–250.

Казанцева О.А. Кудашевский I курганно-грунтовый могильник // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 193–206.

Краснов С.А. Отчёт по археологической разведке, проведенной в 2019 году, на территории жилого района «Новый город» г.Чебоксары Чувашской Республики. Чебоксары, 2021.

Мясников Н.С. Комплекс керамической посуды I–III вв. н.э. городища Пичке Сарче в Нижнем Присурье // Чувашская археология. Вып. 1 / науч. ред. Н.С. Берёзина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 214–222.

Мясников Н.С. Керамические грузила и пряслица городища Пикче Сарче (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) // Вестник Удмуртского университета, 2013. Вып. 1. С. 119–124.

Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского междуречья. Т. 1. Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2016. 264 с.

Перевоицков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

Семыкин Ю.А. Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 161–178.

Соловьёв Б.С. Отчёт об охранных научно-исследовательских работах (раскопках) на территории ОКН «Типсирминское селище» в г. Чебоксары Чувашской Республики – Чувашии в 2023 г. по Открытому листу №2966-2023.

Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. 700 с.

Информация об авторах:

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pavel.s.danilov@mail.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, доктор исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 241–250 (in Russian).

Kazansteva, O. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 193–206 (in Russian).

Krasnov, S. A. 2021. *Otchet po arkheologicheskoy razvedke, provedennoy v 2019 godu, na territorii zhilogo rayona «Novyy gorod» g. Cheboksary Chuvashskoy Respubliki (Report on the archaeological survey conducted in 2019 in the residential area "Novy Gorod" in Cheboksary, Chuvash Republic)* Cheboksary (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2012. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (ed.). *Chuvashskaya arkheologiya (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 214–222 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2013. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 1, 119–124 (in Russian).

Myasnikov, N. 2016. *Arkheologicheskie pamiatniki pervoi poloviny I tysiacheletia n. e. Sursko-Sviyazhskogo mezhdurech'ia (Archaeological Sites of the First Half of 1st Millennium A.D. at the Sura-Sviyaga Interfluve)* 1. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Perevoshchikov, S. E. 2002. *Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo naseleniya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ia v epokhu srednevekov'ia (tekhnologicheskij aspekt) (Iron-Working Practiced by the Population of the Kama-Vyatka Interfluve in the Middle Ages (Technological Aspect)).* Izhevsk (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 161–178 (in Russian).

Solov'yov, B. S. 2023. *Otchet ob okhrannykh nauchno-issledovatel'skikh rabotakh (raskopkakh) na territorii OKN «Tpsirminskoe selishche» v g. Cheboksary Chuvashskoy Respubliki – Chuvashii v 2023 g. po Otkrytomu listu №2966-2023.* (Report on security research works (excavations) on the territory of the cultural heritage site 'Tpsirminskoye Selishche' in the city of Cheboksary, Chuvash Republic - Chuvashia in 2023 under excavation license No. 2966-2023.). Yoshkar-Ola (in Russian).

Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). 2022. *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Danilov Pavel S., Deputy Head of the Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center (UNAEC), Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia); pavel.s.danilov@mail.ru

Pigarev Evgeny M., Doctor of Historical Sciences, Head of the Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center (UNAEC), Mari State University; Senior Researcher at the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Yoshkar-Ola, Kazan, Russia); pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.168.181>

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ АМОКСАРСКОГО МОГИЛЬНИКА X–XII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2021–2023 ГГ.)

©2024 г. Т.Б. Никитина, А.В. Акилбаев

В статье публикуются материалы раскопок 2021–2023 гг. вновь выявленного средневекового могильника, расположенного на острове, в акватории Чебоксарского водохранилища. На площади 456 кв. м. вскрыто 28 захоронений. Исследования на объекте продолжаются. Сравнительный анализ полученного материала с синхронными древностями Среднего Поволжья и Волго-Уральского региона показал близость памятника к могильникам Ветлужско-Вятского междуречья, особенно Руткинскому могильнику, которые традиционно большинство исследователей связывают с марийской культурой. Отдельные особенности погребального обряда свидетельствуют о сложных взаимоотношениях населения различных групп на территории Марийско-Чувашского Поволжья. Инвентарь представлен украшениями, орудиями труда и оружием. По предварительным выводам, время функционирования этого могильника укладывается в хронологические рамки, ограниченные с рубежа IX–X вв. до рубежа XI–XII вв., или начала XII в.

Ключевые слова: археология, Марийско-Чувашское Поволжье, средневековье, марийская культура, погребальный обряд, ингумация, дополнительные комплексы вещей.

ABOUT THE BURIAL RITE OF THE AMOKSAR BURIAL GROUND OF THE X–XII CENTURIES (BASED ON THE EXCAVATIONS IN 2021–2023)

T.B. Nikitina, A.V. Akilbaev

The article deals with the materials from excavations of a medieval burial ground in the water area of the Cheboksary Reservoir in 2021–2023. The burial ground is located on an island. 28 burials were studied on an area of 456 sq. m. Research at the site continues. A comparative analysis of the materials has shown similarities with the burial grounds in the Vetluga-Vyatka interfluvium, which researchers attribute to the Mari culture. This is especially true for the Rutka burial ground. The burial rite testifies to the complex ethnic processes in the region. The items from the burial ground are jewelry, tools and weapons. According to preliminary conclusions, the time of functioning of this burial ground falls within the chronological framework, limited from the turn of the IX–X centuries to the turn of the XI–XII centuries, or the beginning of the XII century.

Keywords: archaeology, Mari-Chuvash Volga region, Middle Ages, Mari culture, burial rite, inhumation, additional set of artifacts.

Могильник располагается на острове Амоксарв акватории Чебоксарского водохранилища на территории Моргаушского района Чувашской Республики в 3,6 км к ССВ от выселка Васильевка.

Памятник был открыт осенью 2021 года в результате совместной работы Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) и Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН): определены предварительные границы памятника, в одной из траншей изучено 3 погребения (Никитина, Акилбаев, Михайлов, 2021, с. 18).

В 2022 году отрядом Марийской археологической экспедиции начаты работы по стационарному изучению Амоксарского могильника; на площади 228 кв.м. выявлено 14 погребений (Никитина, 2022). В работах принимали участие научные сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук и в качестве волонтеров работали учащиеся лица «Инфотех» на средства образовательного учреждения.

В 2023 году исследования продолжены отрядом Марийской археологической экспедиции при участии волонтеров лица «Инфотех». На площади 200 кв. м. изучено 11 захоронений.

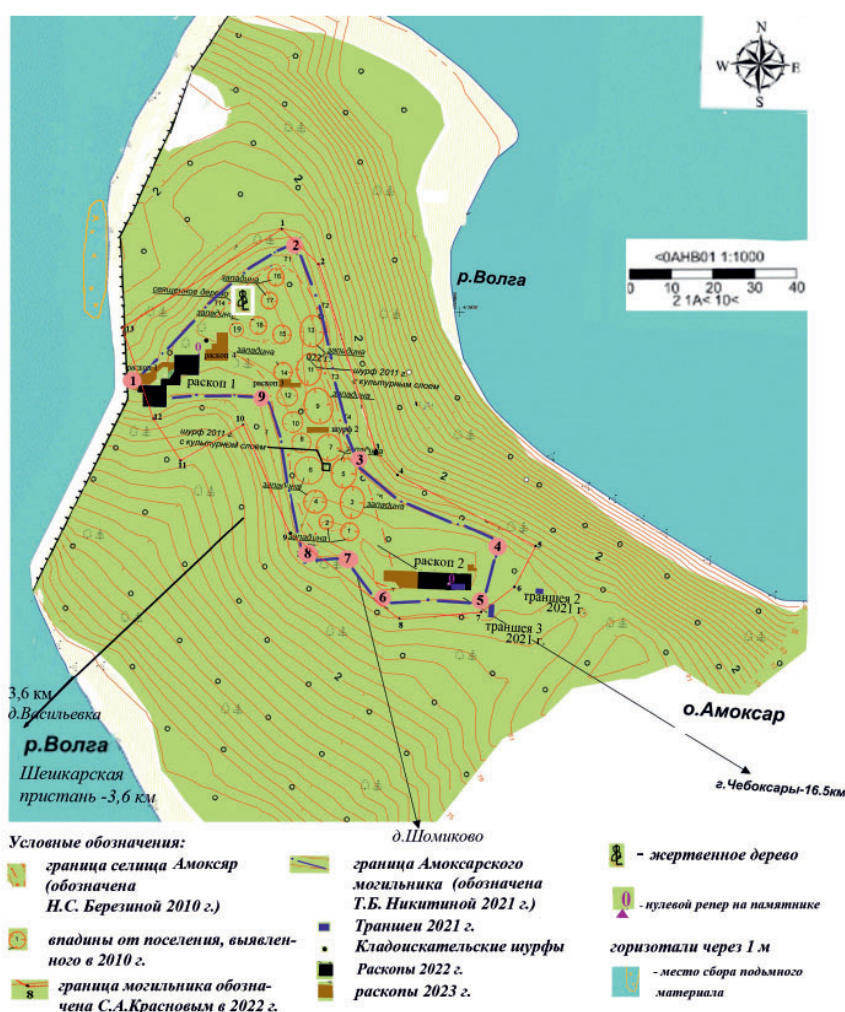

Рис. 1. Амоксарский могильник. План.

Fig. 1. Amoksar burial ground. Plan.

Таким образом, на памятнике исследованная площадь составила 456 кв. м. и вскрыто 28 захоронений. Исследования на объекте продолжаются.

По предварительным оценкам, материал этого могильника укладывается в хронологические рамки, ограниченные с рубежа IX–X вв. до рубежа XI–XII вв., или начала XII в. (Никитина, 2024, с. 37-40).

Цель данной статьи: ввести в научный оборот информацию по погребальному обряду нового памятника эпохи средневековья в Марийско-Чувашском Поволжье.

Описание материала

Остров Амоксар образовался в результате подъема Чебоксарского водохранилища и является самым крупным в акватории водохранилища в Чувашии. До подъема воды это была высокая дюна в левобережной пойме р. Волги с юго-западной стороны пойменного озера Амоксар (etomesto.ru/chuvashiya).

Могильник располагается в северо-западной части острова (рис. 1). Территория задернована, поросла смешанным, преимущественно лиственным, лесом и кустарником. Северная часть дюны хорошо выражена топографически, имеет высоту не менее 20 м от современного уровня воды. На самом высоком месте располагается святилище, состоящее из одного центрального дерева и нескольких деревьев вокруг, на которых привязаны ленточки и полотенца, а под деревьями сохранились следы приношений в виде монет и остатков пищи. Местные жители называют это место «Гора Амоксар» или гора «Ама ту», считают священным и свидетельствуют, что и в настоящее время сюда приезжают молиться чуваша и марийцы. Внешний вид и состояние места подтверждает, что оно является сакральным. Около священных деревьев и в южную сторону от них заметны впадины от поселения.

ния эпохи неолита-бронзы, которое известно с 2011 года (Археологическая карта..., с. 82).

Территория, занятая могильником, представляет собой две небольшие возвышенности. Понижение между ними незначительно, в пределах двух метров, но зрительно фиксируется. В траншее 4x2 м, заложеной в понижении, погребений не обнаружено. Стоит отметить, что погребения расположены очень редко и на первый взгляд бессистемно (рис. 2,3). Выделяются небольшие группы захоронений (3-4 могилы), в которых просматриваются нечеткие ряды. Более выражены ряды на юго-восточной возвышенности (рис. 3).

Большинство погребений обозначались под слоем лесного подзола на глубине 35-40 см от уровня современной дневной поверхности. Только в нескольких случаях не удалось зафиксировать первоначальные контуры могильных ям; заполнение в виде тлена от одежды и трупа обозначалось уже в материковом песке. Такие погребения, как правило, располагались глубже остальных.

Контуры могильных ям имели подпрямоугольные очертания со скругленными углами, поэтому часто форма погребений приближается к овалу. Размеры могильных ям зависели от роста погребенных или состава сопровождающего инвентаря. Учитывая, что в погребениях часто присутствовали дополнительные комплексы вещей разного назначения, размеры могилы в большинстве случаев превышают длину костяка (табл. 1). Рядом с двумя захоронениями зафиксированы остатки столбовых ям: контуры у погребения 1 и фрагменты дерева у погребения 8.

Особым своеобразием отличается объект в раскопе 1, кв. А'/7, который назван погребением 21 условно. Очертания ямы подпрямоугольно-овальной формы размерами 104x38 см выявлены на глубине -160-170 см. Заполнение, состоящее из прокаленного песка (возможно, охры), выделялось красным пятном на фоне светлого материкового песка. Сверху найден кремневый скребок. Яма заглублена в материк на 20-30 см, стенки отвесные, дно покатое в соответствии с естественным уклоном местности. В заполнении на разной глубине от -160 до -183 см фиксировалось большое количество рубленого бисера и бусина из керамики (?), а на дне, по центру пятна, на глубине -183 см обнаружен прокаленный крупный кремний с отверстием, который мог быть

использован в качестве подвески. Аналогии подобным объектам неизвестны. Учитывая, что среди захоронений Ветлужско-Вятского междуречья X–XII вв., к которым раскопанный могильник близок по ряду признаков, встречаются захоронения-кенотафы без костяков, с определенной долей условности объект возможно связать с могильником.

В засыпи четырнадцати погребений (1,4,5,6,7, 10, 14,15,19,20,23, 24, 26, 28) зафиксированы углистые включения, в шести из них (пп. 7,10, 14, 19,20, 26) фрагменты угля достаточно крупные. В засыпи погребения 10 обнаружено 2 браслета, завернутые в бересту; в засыпи погребения 23, ближе к костяку, лежали три наконечника стрелы. В погребении 26 над бедренными костями на глубине -50 см расчищен свернутый в кольцо наборный пояс, а кости и остальные вещи расчищены на глубине -80 см (табл. 1).

В шести случаях сохранились фрагменты от погребальных сооружений. Они представлены в основном деревянными плашками по бокам от погребенного (пп. 4, 13, 14, 20, 26) или фрагментами толстых досок под костяком (пп. 24,26,27,28). Характер древесных остатков не всегда удается интерпретировать. В захоронении 9 сохранность погребального сооружения позволяет сделать его реконструкцию: это долбленая колода.

В отдельных погребениях под костяком сохранились следы подстилки (пп. 1, 7, 9, 11, 14, 18, 24, 26) из войлока, иногда на дне фиксируются следы древесины (пп. 24, 26, 28). В ряде случаев прослеживается покрытие: в погребениях 7,14,17 – из бересты/луба и ткани, в погребениях 9, 10, 13, 18, 15, 22, 25 – из бересты или луба, в погребениях 19, 20, 26, 28 – из древесины (иногда четко видны доски), а в погребении 23 – из войлока. Вероятно, покрытие присутствовало во всех захоронениях, но не везде сохранилось. Обычно покрытие сохраняется на предметах из цветного металла, например, береста на браслетах (табл. 1).

В 26 могилах найдены останки погребенных. Все захоронения совершены по обряду ингумации.

В двух могилах костяки лежали на боку скорченно: пп. 11, 12. В остальных случаях фиксируется расположение костяка в вытянутом положении. В погребении 9 у вытянутого костяка левая рука располагалась вдоль,

Таблица 1. Характеристика устройства могильной ямы
Table 1. Characteristics of the burial pit arrangement

Номер погребения	ориентировка	Размеры ям	глубина ¹	засыпь	Наличие погребального сооружения	подстилка	Покрытие	Положение костяка	
								Вытянуто	На боку с подогнутыми ногами
Погребение 1	280°	162 x 45/47 см	(-69-74) - -108 см	углистые включения		войлок-?		+	
Погребение 2	270°	210 x 45 см	(-54-55) - -74 см	фрагменты кальцинир костей				+	
Погребение 3	283°	172 x 45 см	(-54-57) - -90 см					ноги связаны	
Погребение 4	225°	193 x 70 см	-214- -225 см-	углистые включения	с правой стороны дерева			+	
Погребение 5	95°	170 x 45 см (разрушено)	(-142-145) - -150 см	углистые включения				+	(?)
Погребение 6	360°	210 x 58 см	(-160-178) - -197 см	углистые включения				+	
Погребение 7	225°	200 x 60 см	(-186-198) - (-217-222 см)	крупные куски угля		войлок	ткань и луб	+	
Погребение 8	68°	50 x 35 см	-199 -211 см					?	
Погребение 9	45°	220 x 60/73 см	(-61- 76) - (-72-87 см)	Фрагменты кальцинир. костей	колода	войлок	луб	Торс развернут влево	
Погребение 10	20°	150...x 65 см (разрушено)	-29 - - 60 см	2 браслета, куски угля				+	
Погребение 11	240°	220 x 63 см,	(-42-47) - (-63-66 см)			войлок-?			+
Погребение 12	20°	190 x 68 см	(-53-87) - (-72-92 см)						+
Погребение 13	10°	280 x 72 см	(-57-85) - (-79-95 см)		дерево по бокам		береста, луб	+	
Погребение 14	10°	280 x 72 см	(-56-87) - (-77-97 см)	углистые включения, куски угля	дерево по бокам	войлок	береста,	ноги связаны	
Погребение 15	280-290°	150 x 50 см	(-58-72) - (-85-88 см)	углистые включения				?	

Таблица 1. Характеристика устройства могильной ямы (продолжение)
Table 1. Characteristics of the burial pit arrangement

Погребение 16	280°	230 x 55 см	(-34-48) - (-52-73 см)							+
Погребение 17	280°	235 x 66 см	(-4-19) - (-48-54 см)						ткань и луб	+
Погребение 18	45°	112 x 36 см	(-130-134) - -136°					Береста + угли		+
Погребение 19	235°	130 x 44 см (разрушено)	-118-127 см	крупный уголь					древесина	+
Погребение 20	45°	205 x 72 см	-135 - (-141-150 см)	крупный уголь	доски по бокам				доски	+
Погребение 21	46°	104 x 38 см	(-180-190) - (-195-215 см)	Прокал (охра-?), бисер						костька нет
Погребение 22	225°	135 x 54 (разрушено)	(-94-98) - 107 см						береста	+
Погребение 23	255°	230 x 55 см	(+6-+19) - -17 см	углистые включения 3 наконечника стрелы					покрытые войлок	+
Погребение 24	Костька нет	160 x 45 см	(-2 - +7) - (-28-35 см)	углистые включения	доски			войлок		
Погребение 25	255°	210 x 53 см	(-21-38 см) - (-31-57 см)						Покрытые береста	+
Погребение 26	38°	220 x 60 см	(-44-50) - (-80-84 см)	Наборный пояс	дерево по бокам, доски на дне			войлок	древесина	+
Погребение 27	25°	240 см x 100 см	(-35-41) - (-51-55 см)		доски					+
Погребение 28	68°	230 x 65 см	-38 - -56 см		доски				древесина, ткань	+

¹ Цифры в первой строчке обозначают глубину выявленных контуров могильной ямы; цифры во второй строчке обозначают глубину дна могилы

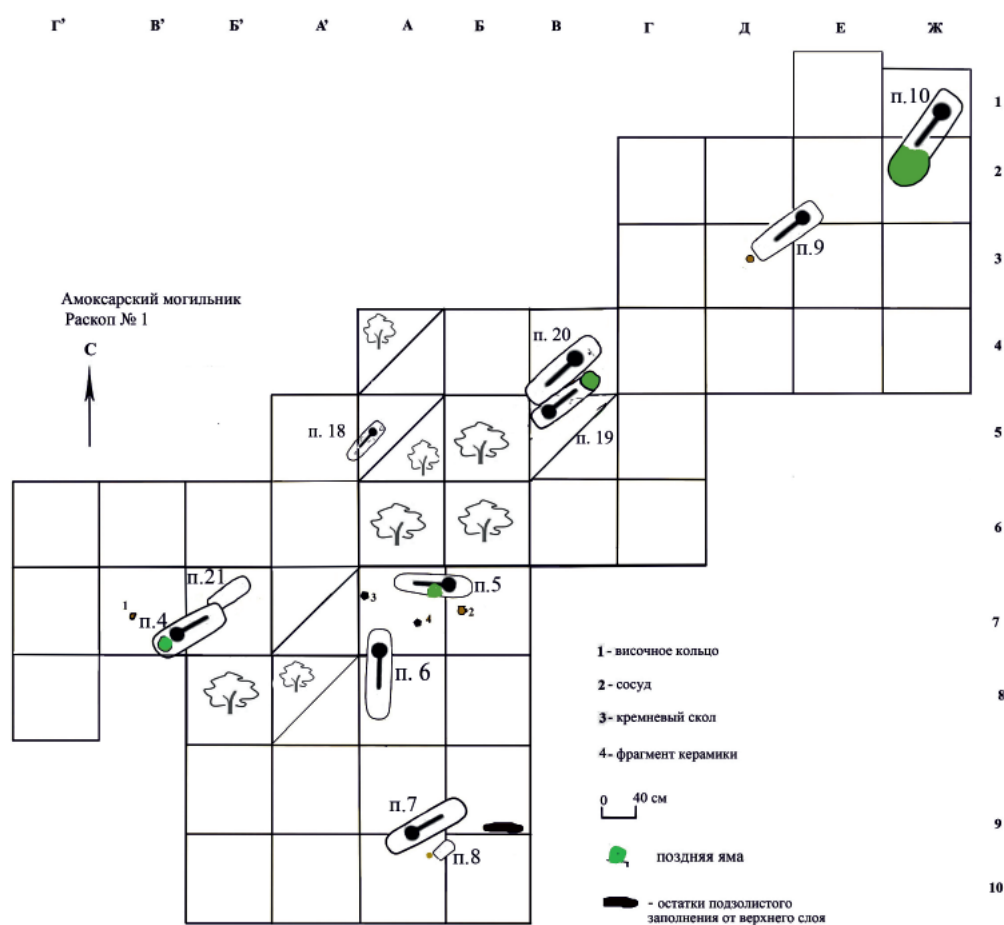

Рис. 2

Рис. 2. Амоксарский могильник. Раскоп 1.

Fig. 2. Amoksar burial ground. Excavation 1.

а правая смещена и лежала на ребрах. Создается впечатление, что покойник торсом был развернут влево. В погребениях 3, 14 кости ног в области ступней сведены вместе очень плотно и, вероятно, были связаны.

При первом взгляде на планы изученных участков обращает на себя внимание различная ориентировка погребенных (рис. 2, 3). При более системном анализе материала возможно выделить две группы с небольшими вариантами (рис. 4).

Первая группа захоронений имеет ориентировку головой в секторе С-В (с преобладанием СВ) и объединяет 13 захоронений: 5, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 18, 20, 26, 27, 28.

Вторая группа ориентирована в секторе З-ЮЗ (с преобладанием З) – 14 погребений: 1, 2, 3, 4, 7, 11, 15, 16, 17, 19, 22, 23, 24, 25.

Погребение 21, ориентированное по линии СВ-ЮЗ не содержит костных останков и вещей, позволяющих определить ориентировку.

Захоронения с разной ориентировкой не имеют строгой локализации на территории могильника, а разбросаны бессистемно. Встречаются случаи, когда погребения с различной ориентировкой располагаются рядом (пп. 7 и 8; пп. 19 и 20). Особенно беспорядочна ориентировка погребений на северо-западной возвышенности. В восточной части могилы с разной ориентировкой образуют четкие группы (пп. 12-14 ориентирована на СВ, а пп. 15-17, 23-25 на ЮЗ).

Инвентарь представлен украшениями, орудиями труда и иногда оружием (табл. 2).

Находки котлов нечасты (пп. 4, 20, 26), из них два железных и один бронзовый. Фрагменты бронзового котла найдены в деревянном разваленном сосуде погребения 13 в переотложенном состоянии в результате кладоискательского вкопа. Железные котлы поставлены кверху дном.

На территории могильника недалеко от погребения 5 обнаружен целый, поставленный

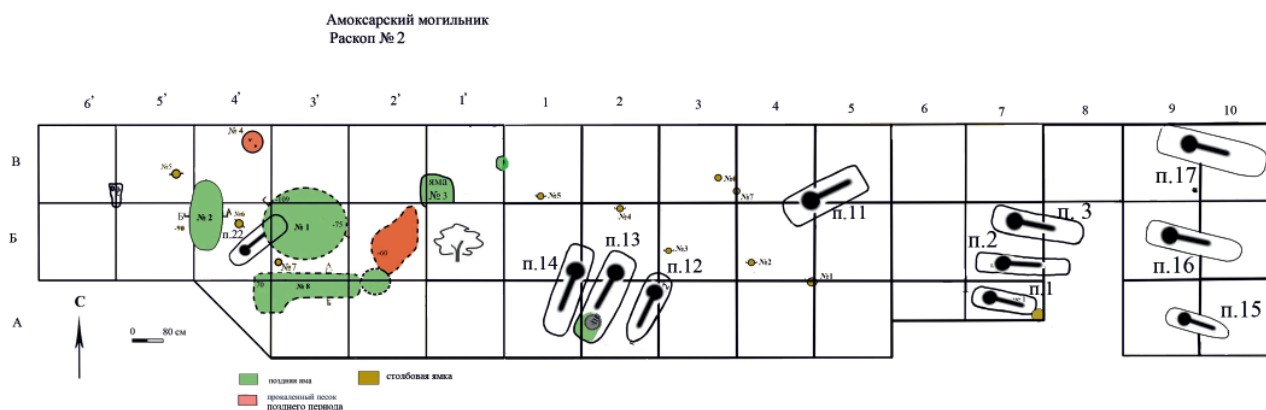

Рис. 3. Амоксарский могильник. Раскоп 2.

Fig. 3. Amoksar burial ground. Excavation 2.

устьем вверх, сосуд, не связанный с погребением. Сосуд представлял собой кружку, изготовленную на гончарном круге, и относится к общебулгарской керамике (Каховский, Смирнов, 1972, с. 74). Второй целый сосуд горшковидной формы, лежащий на боку, обнаружен в погребении 27.

Наиболее частыми находками являются ножи (20 погребений) и кресала (17 погребений), что объясняется их универсальностью и использованием в качестве орудий труда и бытовых предметов.

В 13 погребениях (пп. 3, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 17, 20, 23, 26, 27, 28) обнаружены топоры: 6 входили в состав дополнительных комплексов, а 7 располагались непосредственно около погребенного в различных местах: в ногах, у локтя, около черепа. Шесть топоров были воткнуты острием в землю. Не исключено, что часть топоров была изъята кладоискателями. Большинство кладоискательских вкопов фиксировались в области ног, где достаточно часто располагались топоры.

Характерной особенностью данного могильника являются дополнительные комплексы вещей (от 2-х и более предметов), которые помещались в изголовье или у черепа, а также в области ног (табл. 3). В 57% от всех захоронений зафиксированы комплексы, которые были составлены из украшений, орудий труда, бытовых предметов, в единичном случае из принадлежностей конского снаряжения. В одном погребении могли находиться два различных по функциональному назначению комплексов: из орудий труда и украшений. Бытовые предметы могли входить в каждый из них. Наиболее богаты

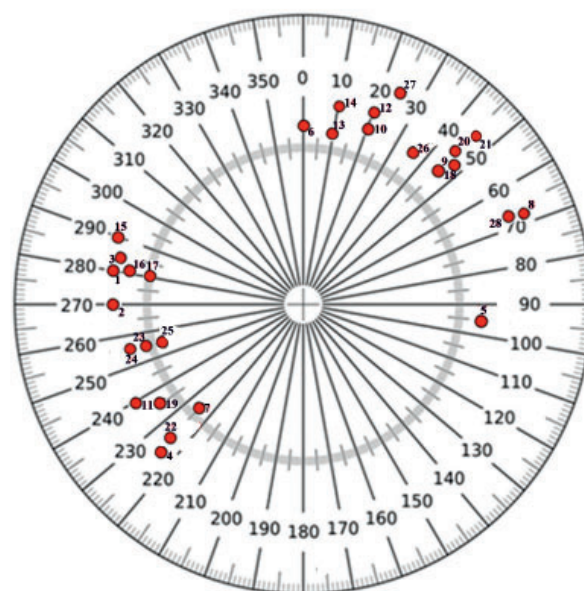

Рис. 4. Амоксарский могильник.

Ориентировка погребений.

Fig. 4. Amoksar burial ground. Orientation of burials

комплексы, отражающие профессиональные занятия погребенного. В этом отношении представляет интерес группа захоронений в центральной части могильника (пп. 26–28), расположенных в один ряд. Группа представлена погребениями женщин-«литейщиц». Захоронения отличаются богатством, а дополнительные комплексы содержат набор инвентаря, необходимый для металлообработки изделий из цветного металла: льячки, литейная форма, шилья, а также отдельные украшения из цветного металла (рис. 6).

Место украшений, не входящих в состав дополнительных комплексов, соответствует их традиционному расположению в костюме.

Таблица 3. Состав дополнительных комплексов.
Table 3. Composition of additional complexes.

Номер погребения	наборное украшение																																		
	в ногах	в изголовье	пряжка	копье	кресало	кремь	топор	након.стрел	оселки	удила	стремена	нож	втулка	перстень	сосуд	ляляка	Лит.форма	браслет	пряслице	поясные детали	пронизка	бусы	копоушки	кости живот.	гребень	бубенчик	крючок	бирка	монеты	сюльгама	височн. кольца				
1		+	+	+																															
3	+		+		+		+	+		?																									
9		+			+	+							+									+		+				+	+				+		
10		+			+	+																					+						+		
11	+		+				+			+	+		+																						
12		+																				+				+									
13		+	+										+									+	+			+									
14		+			+										+											+								+	
17	+						+					+														+								+	
20	+						+								+																				
25		+	+		+	+	+														+														
26	+				+	+									+	+		+	+		+														
27		+						+					+				+					+	+	+		+					+	+			
28	+							+			+		+	+	+	+	+	+	+	+					+		+					+			
	+						+				+		+				+																		

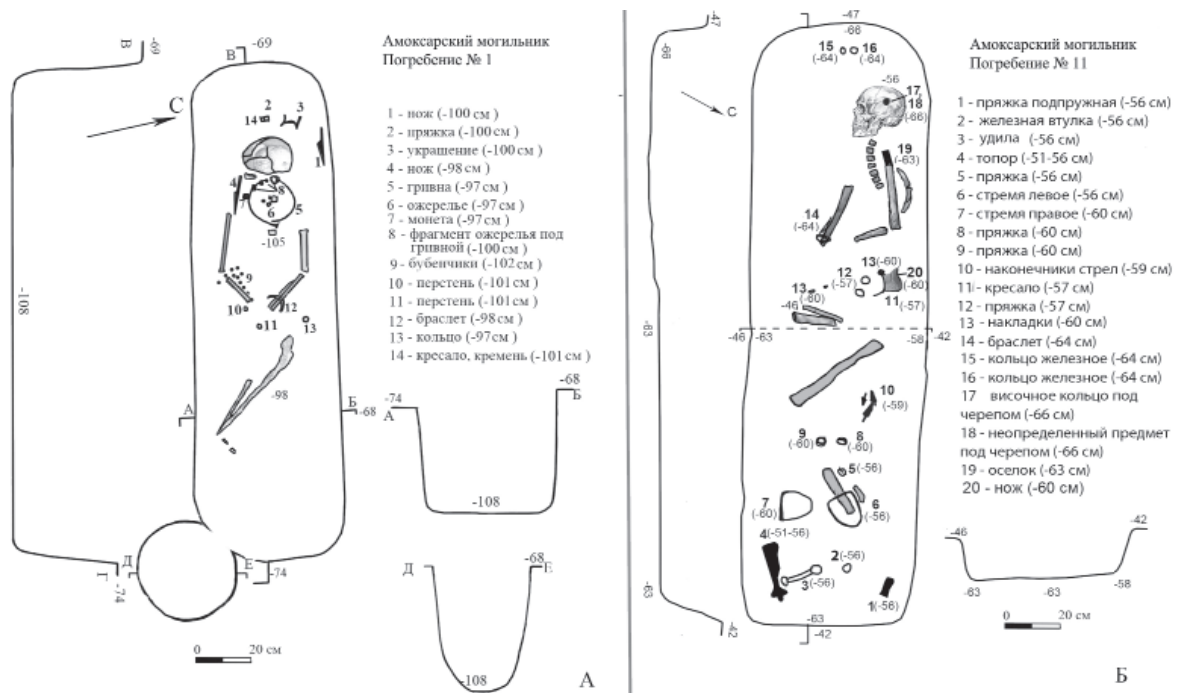

Рис. 5. Амоксарский могильник. А – погребение 1; Б – погребение 11.
Fig. 5. Amoksar burial ground. A – burial 1; Б – burial 11.

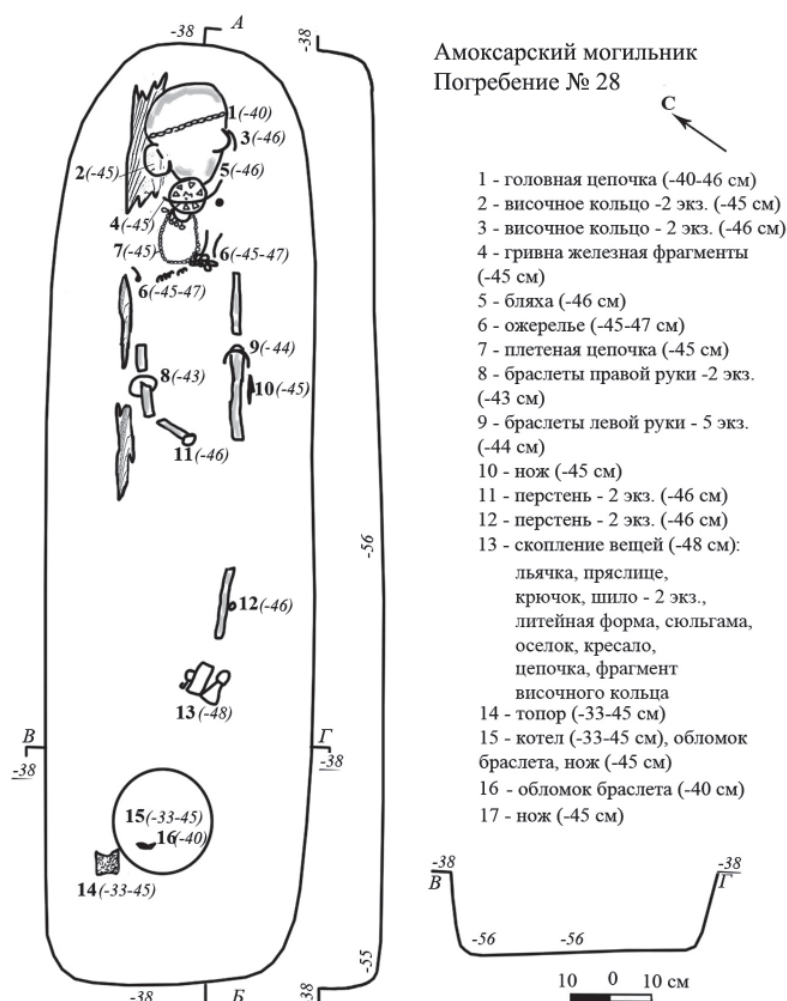

Рис.6. Амоксарский могильник, погребение 28

Fig. 6. Amoksar burial ground, burial 28

Но встречаются случаи, нарушающие традицию: в погребении 17 на ступнях положены по половинке одной разломанной на две части железной гривны, а в погребении 23 на ступнях лежали по одному браслету из цветного металла. Браслеты в погребении 23 завернуты в бересту и положены сверху. Оба отклонения зафиксированы в мужских захоронениях. В 3-х погребениях браслеты располагались в районе ключицы: пп. 14, 22, 26. Вероятно, эти украшения носят символический характер, а не являются деталью костюма.

Ряд погребений содержит украшения, являющиеся этнодиагностирующими элементами марийской культуры, выделенные по многочисленным аналогиям из других средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012, с. 83). Особый интерес представляют украшения головного убора: обернутая вокруг головы в несколько оборотов металлическая цепочка и брасле-

тообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут. Женский полный головной убор был обнаружен также в погребениях 10, 20, 26, 27, 28. Другие украшения (усатые перстни, зооморфные подвески, браслеты, наборные пояса) имеют более широкое распространение, в том числе и в памятниках Ветлужско-Вятского междуречья.

Учитывая значительное сходство инвентаря (в том числе и этномаркеров) из Амоксарского могильника с некрополями Ветлужско-Вятского междуречья, сравним погребальный обряд рассматриваемого могильника с погребальными традициями населения Ветлужско-Вятского междуречья эпохи средневековья.

Различные варианты ориентировки в захоронениях на могильниках Ветлужско-Вятского междуречья фиксировались и ранее. Расположение погребенных головой в северном и северо-восточном направлениях соответствует традиционной ориентировке костяков на сред-

невековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья с I тыс. н.э. по XIII в. н.э. Западная ориентировка встречалась значительно реже (от 5,3% в ветлужских до 10,4% в волжских памятниках) (Никитина, 2002, с. 68). Юго-западная ориентировка является достаточно частой на Руткинском могильнике (22 костяка из 45 с установленной ориентировкой) (Архипов, 1986, с. 14).

Амоксарский могильник имеет также ряд других сходных параллелей с погребальным обрядом Руткинского могильника. Оба памятника располагаются в схожей ландшафтно-географической ситуации. В настоящее время Руткинский могильник расположен на стрелке острова с названием Соколиная Гора на месте поселения волосовской культуры в акватории Чебоксарского водохранилища, который до пуска Чебоксарской ГЭС был берегом Ахмыловского озера в левобережной пойме Волги. Погребения располагаются на первый взгляд бессистемно, но просматриваются отдельные группы и неровные ряды. Такое восприятие связано также с различной ориентировкой погребенных от СЗдоЮЗ. Вероятно сходство Амоксарского и Руткинского могильников вызвано тем, что оба памятника занимают территорию более ранних первобытных поселений со впадинами от землянок и полуземлянок, и при устройстве могил наличие впадин, создающих неровную поверхность и перепад высот, учитывалось средневековым населением. На Амоксарском могильнике, как и Руткинском, не обнаружены жертвенные комплексы между могилами. На большинстве других погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья жертвенные комплексы встречаются вплоть до начала XII в. (Выжумский III могильник). Но в отличие от других некрополей этого региона, на Руткинском могильнике (как и на Амоксарском) чаще фиксируются дополнительные комплексы вещей непосредственно в погребениях, особенно часто в области ног. Г.А. Архипов, отмечая эту особенность погребального обряда Руткинского могильника, называет такие комплексы «кладами» (Архипов, 1986, с. 69). Но вполне возможно, что они могли выполнять функцию, сходную с жертвенными комплексами в межмогильном пространстве. В отличие от большинства могильников Ветлужско-Вятского междуречья, Руткинский и Амоксарский имеют малое количество

могил с котелками: Руткинский – 2, Амоксарский – 3. Обращает внимание большое количество бус на обоих памятниках.

Особенности погребального обряда Руткинского могильника отметил его основной исследователь Г.А. Архипов (Архипов, 1986, с. 69). Несмотря на очевидное присутствие этих особенностей, все-таки следует отметить, что они не противоречат характеристикам марийской культуры эпохи средневековья, выявленным по материалам IX–XII вв. Дополнительные комплексы вещей в IX–XI вв. на памятниках Поветлужья были обязательными почти для всех захоронений, а на Волге такой обряд имели более половины погребений (Никитина, 2012, с. 75). Юго-западная ориентировка и даже южная на могильниках марийской культуры также не является исключением. Это можно наблюдать по материалам Русенихинского могильника (Никитина, 2018, табл. 2), в погребениях 11, 14, 31 Веселовского, погребении 17 Выжумского могильников (Никитина, 2012, с. 75).

Таким образом, большинство погребений Амоксарского могильника по погребальному обряду идентичны захоронениям из могильников Ветлужско-Вятского междуречья, связанных с древнемарийской культурой.

В традиционную схему не вписываются погребения 1, 11, 12. В погребении 11 мужской костяк лежал на боку головой на ЮЗ (аз. 240°). череп повернут на правую сторону, ноги подогнуты; правая нога согнута сильнее левой (рис. 5: Б). Расположение костяка соответствует позе всадника. Левая рука согнута в локте, от правой сохранилась только плечевая кость. Могильное заполнение слабое, более гумусированным стало только в районе костей грудной клетки и таза. Следы подстилки сохранились только в районе пояса под фрагментами ремня. С северо-восточной стороны ног располагался комплекс вещей, состоящий из конских принадлежностей: пряжка подпружная, железная втулка, односоставные железные удила с кольцами из цветного металла. На костях ног располагались стремяна. В ногах также положен железный проушной топор. В районе согнутых коленей погребенного обнаружены железные пряжки, а ближе к северной стенке расчищено скопление железных наконечников стрел, в районе пояса – железное калачевидное кресало, железная пряжка и фрагменты кожаного

ремня с мелкими зооморфными накладками и наконечником из цветного металла. На костях правой руки располагался браслет из цветного металла плохой сохранности, в изголовье у юго-западной стенки – 2 железных кольца, а под черепом обнаружено серебряное височное кольцо и фрагменты неопределенного железного предмета.

В северной части могильной ямы захоронения 12 располагался детский костяк. Корпус лежал на боку, головой на СВ (аз. 20°), череп на левом виске, а положение костяка скорченное.

В погребении 1 костяк лежал головой на запад (аз. 280°), на спине. Руки слегка согнуты в локтях и кистями уложены в область живота. Череп повернут лицевым сводом в правую сторону, ноги также повернуты вправо на бок и слегка согнуты в коленях (рис. 5: А). Под костяком фиксируются фрагменты плотной подстилки, предположительно из войлока.

В марийских захоронениях обычно костяки покоились в вытянутом положении на спине, а иные положения фиксировались в исключительных случаях и связаны с физиологическими особенностями погребенных: на Дубовском могильнике (пп. 15, 57) на боку были захоронены горбуны (Архипов, 1963, с. 9; Архипов, 1981, с. 18), а в погребении 14 могильника Черемисское кладбище захоронена женщина с подогнутыми ногами в позе роженицы. Скорченные погребения с подогнутыми ногами, обычно на правом боку, были распространены у мордвы (Мясникова, 2007, с. 193–198). По мнению археологов, данный обряд мордовскому населению был привнесен пришлыми с юга племенами и стал харак-

терной чертой мордовской погребальной культуры XI–XIV вв. (Вихляев, Петербургский, 1999, с. 13).

У мордвы по такому обряду хоронили обычно женщин, а на Амоксарском могильнике, судя по инвентарю, женским можно считать только погребение 1; погребение 12 принадлежало ребенку, а погребение 11 – мужчине.

Обращает на себя внимание отсутствие кремаций, характерных для большинства могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Но Амоксарский могильник является не единственным исключением. Аналогичная ситуация наблюдалась на Русенихинском могильнике X – рубежа XI/XII вв. (Никитина, 2018, с. 25). Среди захоронений XII–XIII вв. этого региона обряд трупосожжения не зафиксирован (Архипов, 1986, с. 8–16).

Таким образом, погребальный обряд Амоксарского могильника отражает сложные этнические и культурные процессы, происходившие в X–XII вв. в Среднем Поволжье. Эти процессы отразились в проявлении особенностей той или иной детали погребального обряда: в разных ориентировках и положениях погребенных, а также расположении сопровождающего инвентаря. Однако, по основным характеристикам могильник близок марийским памятникам Ветлужско-Вятского междуречья. Располагаясь на окраине указанного региона в зоне активного взаимодействия различных этнических групп населения, оставившие его жители были подвержены инокультурному воздействию. Изучение степени и характера этого воздействия является задачей последующего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2014. 312 с.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с.

Архипов Г.А. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1963 год. Йошкар-Ола, 1964 // Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 1, № 257, 1964.

Архипов Г.А. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1980–1981 годы. Йошкар-Ола, 1982 // Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 1.

Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 119–161.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1972. С. 3–70.

Мясникова О.В. К вопросу о скорченных погребениях мордвы (на примере могильников Заречное II и Стексово II) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. С. 193–198.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. 253 с.

Никитина Т.Б. Отчет о раскопках Амоксарского могильника X–XII вв. в Моргаушском районе Чувашии в 2022 г. (открытый лист № 0685-2022). Йошкар-Ола, 2023 // Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 1, №1272.

Никитина Т.Б. Амоксарский могильник: легенда и действительность по археологическим материалам // Мари и чуваша: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 35–48.

Никитина Т.Б. Отчет о раскопках Амоксарского могильника X–XII вв. в Моргаушском районе Чувашии в 2023 г. (открытый лист № 1372-2023). Йошкар-Ола, 2024 // Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 1, № 1283.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Михайлов Е.П. Амоксарский могильник // Марийская археологическая экспедиция (2019–2021 гг.) / сост. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 18–19.

Etomesto.ru/chuvashiya. Доступно по URL: <http://www.etomesto.ru/chuvashiya/maps.php> (Дата обращения: 01.02.2023).

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Акилбаев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); akilbaev.alexandr@yandex.ru

REFERENCES

Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2014. *Arkheologicheskaja karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 2. Cheboksary: “Chuvashskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul’turnoi istorii Povetluzh’ia) (Mari People in 12th–13th Centuries: to the Ethno-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1964. *Otchet o rabotakh Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1963 god (Report on the work of the Mari archaeological expedition for 1963)*. Yoshkar-Ola. Scientific and manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Inv. 1, no 257 (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1982. *Otchet o rabotakh Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1980-1981 gody (Report on the work of the Mari archaeological expedition for 1980-1981)*. Yoshkar-Ola. Scientific and manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Inv. 1 (in Russian).

Vikhlyayev, V. I., Peterburgsky, I. M. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh’ia i Priural’ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 119–161 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov’ya Chuvashskogo Povolzh’ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–70 (in Russian).

Myasnikova, O. V. 2007. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: “PIRO” Publ., 193–198 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenihtinskij mogil'nik (Rusenikhino burial ground)*. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Otchet o raskopkakh Amoksarskogo mogil'nika X–XII vv. v Morgaushskom rayone Chuvashii v 2022 g. (otkrytyy list № 0685-2022). (Report on excavations of the Amoksar burial ground of the X–XII centuries. in the Morgaushi district of Chuvashia in 2022 (excavation license No. 0685-2022))*. Yoshkar-Ola. Scientific and manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Inv. 1, no 1272 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. In Ertsikova, G. A. (ed.). *Mari i chuvashi: etnokul'turnyy dialog v istoricheskoy retrospektive (Mari and Chuvash: ethnocultural dialogue in historical retrospect)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 35–48 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2024. *Otchet o raskopkakh Amoksarskogo mogil'nika X–XII vv. v Morgaushskom rayone Chuvashii v 2023 g. (otkrytyy list № 1372-2023 (otkrytyy list № 0685-2022) (Report on excavations of the Amoksar burial ground of the X–XII centuries. in the Morgaushi district of Chuvashia in 2022 (excavation license No. 0685-2022))*. Yoshkar-Ola. Scientific and manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Inv. 1, no 1283 (in Russian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V., Mikhailov, E. P. 2021. In Nikitina, T. B. (comp.). *Mariyskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya (2019–2021 gg.) (Mari archaeological expedition (2019–2021))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 18–19 (in Russian).

Etomesto.ru/chuvashiya. Available at: <http://www.etomesto.ru/chuvashiya/maps.php> / (accessed: 01.02.2023).

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Akilbaev Alexander V. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; akilbaev.alexandr@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.182.195>

ЧЕРНЫЙ МЕТАЛЛ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)¹

© 2024 г. Я.С. Логинов, В.В. Кондрашин, Е.Ф. Шайхутдинова

В статье представлены результаты исследования предметов из чёрного металла, по материалам раскопок Танкеевского могильника, расположенного на левой коренной возвышенной террасе р. Старая Рытвина и полноводного, правого притока р. Утки, левого притока Волги, в южной части с. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан. В ходе исследования были обработаны коллекции, хранящиеся в Музее археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В итоге был выявлен состав и определено количество предметов из черного металла. В рамках данного исследования выявлены категории предметов из черного металла, к которым отнесены: вооружение, конское снаряжение, предметы быта, предметы убранства костюма, сельскохозяйственные орудия. Представлена типология, с упором на хронологические позиции типов по, выявленным на других памятниках, их аналогиям. В общей сложности проанализировано 736 предметов.

Ключевые слова: раннее средневековье, ранние болгары, черный металл, предмет, тип, аналогии.

FERROUS METAL OF THE TANKEYEVKA BURIAL GROUND (TO THE STATEMENT OF THE ISSUE OF TECHNOLOGICAL STUDY)²

Ya.S. Loginov, V.V. Kondrashin, E. F. Shaykhutdinova

The article presents the results of the study of ferrous metal objects based on excavation materials from the Tankeyevka burial ground located on the left bedrock elevated terrace of the Staraya Rytvina River and the full-flowing right tributary of the Utkha River, a left tributary of the Volga, in the southern part of the village of Tankeyevka in the Spassky district of the Republic of Tatarstan. The study processed collections kept in the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov TAS. As a result, the composition and quantity of ferrous metal objects were identified. Within this study, the categories of ferrous metal objects were identified, which include: weapons, horse equipment, household items, costume elements, agricultural tools. A typology is presented, with an emphasis on the chronological positions of types according to their analogies identified at other sites. A total of 736 objects were analyzed.

Keywords: Early Middle Ages, early Bulgars, ferrous metal, object, type, analogies.

Танкеевский могильник является одним из крупнейших раннесредневековых памятников Среднего Поволжья. Памятник расположен на левой коренной возвышенной террасе р. Старая Рытвина и полноводного, правого притока р. Утки, левого притока Волги, в южной части с. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан. Систематические археологические исследования на территории Танкеевского могильника проводились А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой и Е.П. Казаковы с 1961 по 1988 годы. В результате многолетних археологических исследований на изученной площади, составляющей более

5300 м² было выявлено 1165 захоронений, содержащих разнообразный вещевой материал, среди которого присутствует большое количество предметов из черного металла. В рамках данного исследования представлена типология этих предметов с упором на определение хронологической позиции типов по, выявленным на других памятниках, их аналогиям.

В дальнейшем при изучении технологии изготовления кузнечных изделий, представленных в этой статье, предполагается выявить динамику развития производственной традиции черной металлообработки в раннеболгар-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ и АН РТ по проекту №24-28-20460 «Археометалл Волго-Уралья на рубеже раннего железного века и раннего Средневековья».

² The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation and the Tatarstan Academy of Sciences grant, project No. 24-28-20460 “Archaeometall of the Volga-Urals at the turn of the early Iron Age and early Middle Ages”.

ский период. В соотношении с планиграфическими данными (распределению типов по территории могильника) имеется шанс определить относительную хронологию бытования тех или иных типов, и, соответственно, детализировать технологическую динамику. Кроме того, возможен и «обратный эффект»: когда совпадение выявленных схем изготовления предметов (или характерных их технологических черт) укажут на хронологическую близость погребений, в которых они были найдены.

Предметы вооружения

Наконечники стрел

Всего учтено 240 наконечников, тип установлен для 119 экземпляров. Все наконечники стрел по способу насада на древко – черешковые.

По сечению пера разделены на четыре группы:

- А – линзовидное,
- Б – трехлопастные,
- В – округлые,
- Г – ромбовидные.

По форме пера разделены на типы:

- I – ассиметрично – ромбические,
- II – ромбические,
- III – вытянуто треугольные,
- IV – лавролистные,
- V – овальные,
- VI – срезни двурогие,
- VII – удлинено – пятиугольные,
- VIII – килевидные,
- IX – гвоздевидные,
- X – ланцетовидные.

Группа А, тип I. (6 экз.). Перо имеет ассиметрично ромбическую форму. Наибольшая ширина приходится на нижнюю часть пера, переход к черешку выполнен в виде тупого угла. Длина наконечников – 7,5 – 9,7 см, длина пера – 5,5 – 6 см, наибольшая ширина пера – 1,8 – 2,3 см. В литературе подобные наконечники стрел получили название «гнездовские». Аналогии найдены в армиевском курганно-грунтовом могильнике (Белорыбкин и др., 2022, с. 46. Рис. 28. 6). Подобные наконечники в основном относятся к X веку (Казаков, 1992, с. 150). (рис. 3: 4).

Группа А, тип II. (33 экз.). Перо имеет форму ромба со слегка сглаженными углами, наибольшая ширина приходится на среднюю часть. Длина наконечников – 3,8 – 10 см, длина пера – 2 – 5,8 см, наибольшая ширина

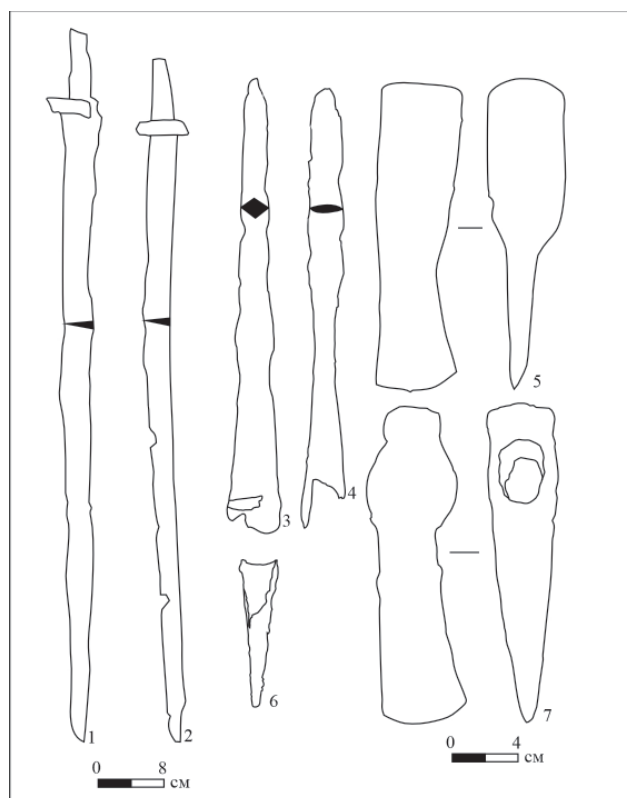

Рис. 1. Танкеевский могильник. Предметы вооружения. 1–2 – сабли; 3–4 – наконечники копий; 5 – топор; 6 – вток; 7 – топор.

Fig. 1. Tankeevka burial ground. Weapons. 1–2 – sabres; 3–4 – spearheads; 5 – axe; 6 – butt; 7 – axe.

пера – 1,8 – 2,5 см. (Казаков, 1992, с. 150). Аналогия обнаружена в курганном могильнике у с. Воскресенка курган 8, погребение 1 (Сташенков, 2020, с. 90). Е.П. Казаков датировал подобные наконечники второй половиной IX в. рубежом IX-X вв. (рис. 3: 6).

Группа А, тип III. (6 экз.). Перо имеет форму вытянутого треугольника со слегка сглаженными углами, наибольшая ширина приходится на нижнюю часть. Переход от пера к черешку выполнен в виде тупого угла. Длина наконечников – 5 – 7 см, длина пера – 4 – 5,8 см, наибольшая ширина пера – 1 – 2 см. Наконечники такого типа появились в Прикамье на рубеже эр и широко применялись в северной полосе Восточной Европы до конца XIII века. В степи у кочевников таких наконечников не было. Найдены в слоях X-XIII вв. в Новгороде, на городище Кентескалн в слое VII-VIII вв., в погребениях 102, 143, 274, 307 Больше Тарханского могильника (Медведев, 1966, с. 67-68. Табл. 13. 32) (рис. 3: 7).

Группа А, тип IV. (37 экз.). Перо имеет форму лаврового листа, наибольшая ширина

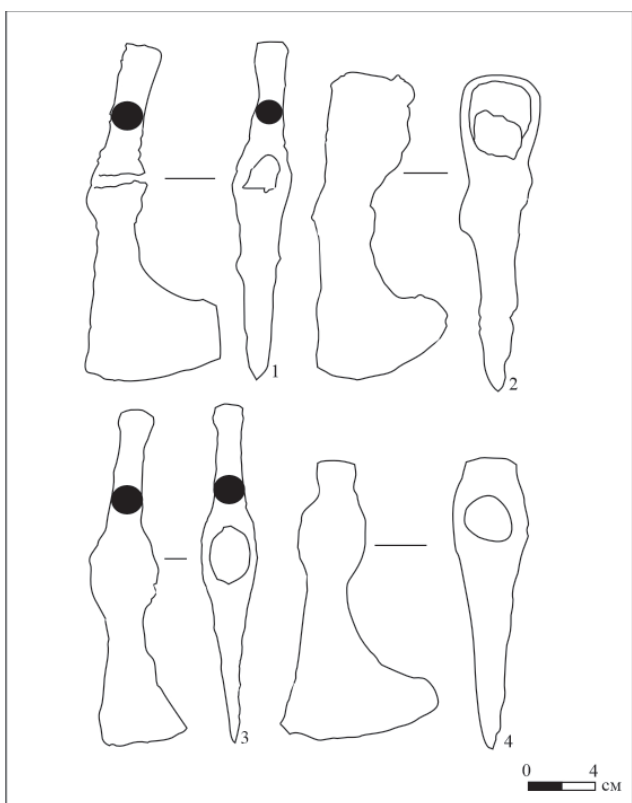

Рис. 2. Танкеевский могильник. Предметы вооружения. 1–4 – топоры.

Fig. 2. Tankeevka burial ground. Weapons. 1–4 – axes.

приходится на середину. Переход от пера к черешку плавный. Длина наконечников – 2,6 – 12 см, длина пера – 2,5 – 7,8 см, наибольшая ширина пера – 1,8 – 2 см. Подобные наконечники появились на рубеже нашей эры в Прикамье и были широко распространены в Восточной Европе до позднего средневековья, с IX века распространяются наконечники этого типа с круглым или граненым черешком и с упором для древка, иногда с шейкой (Медведев, 1966, с. 74. Табл. 16. 25) (рис. 3: 10).

Группа А, тип V. (4 экз.). Перо имеет овальную форму, наибольшая ширина приходится на середину. Переход от пера к черешку плавный. Длина наконечников – 4,1 – 6,1 см, длина пера – 2,5 – 4,5 см, наибольшая ширина пера – 1,8 – 2 см. Время бытования наконечников такого типа XI–XIII вв. Близкие аналогии обнаружены на Райковецком городище в Прикамье и в Серенске (Медведев, 1966, с. 75. Табл. 18. 27) (рис. 3: 11).

Группа А, тип VI. (2 экз.). Перо наконечника напоминает двузубую вилку, наибольшая ширина приходится на верхнюю часть. Длина наконечников – 5,8 – 6 см, длина пера – 2,5

см, наибольшая ширина пера – 2 см. (Медведев, 1966, с. 74. Табл. 30. 56). Близкая аналогия происходит из погребений на 23 – 24 км в Самарском Поволжье (Сташенков, 2020, с. 49) (рис. 3: 12).

Группа Б, тип VII. (2 экз.). Поражающая часть наконечника имеет форму вытянутого пятиугольника, лопасти пера слегка заужены к черешку. Наибольшая ширина приходится на верхнюю часть. Длина наконечников – 8,2–10 см, длина пера – 4,5 см, наибольшая ширина пера – 1,8 см. Аналогии подобным наконечникам обнаружены в курганных могильниках Брусяны IV курган, 2 погребение 1, Новинки 2 курган 11, погребение 2, Шиловка курган 2 погребение 1. (Багаутдинов и др. 1998, с. 118. Табл. VII. 13). Время распространения наконечников этого типа VIII – IX вв. (Медведев, 1966, с. 61. Табл. 30. 23) (рис. 3: 5).

Группа Б, тип VIII. Перо напоминает киль корабля, наибольшая ширина приходится на нижнюю часть. Длина наконечников – 9–10 см, длина головки – 6–7 см, переход от пера к черешку не выражен, наибольшая ширина головки – 0,5 – 1 см. Период распространения наконечников этого типа VIII – IX вв. (Медведев, 1966, с. 60. Табл. 15. 23). Аналогии подобным наконечникам обнаружены в курганном могильнике Новинки II курган 3, погребение 2 (Багаутдинов и др. 1997, с. 118. Рис. 26. 10) (рис. 3: 3).

Группа В, тип IX. (16 экз.). Перо напоминает форму гвоздя. Переход от пера к черешку не выражен. Длина наконечников – 4 – 16 см, наибольшая ширина пера – 0,5 – 1 см. В специальной литературе наконечники такого типа отнесены к «бронбейным». Были распространены только в X веке. (Медведев, 1966, с. 78–79). (рис. 3: 9).

Группа Г, тип X. (2 экз.). Перо напоминает форму вытянутого, узкого листа, наибольшая ширина приходится на среднюю часть. Переход от пера к черешку плавный. Длина наконечников – 6,2 см, длина пера – 3 – 3,5 см, наибольшая ширина пера – 1 см. Аналогия подобному наконечнику обнаружена в Гнездовском комплексе. Наконечники такого типа были известны с конца IX начала XI века. На всем протяжении существования Гнездова в «дружинный» период (Кайнов, 1999, с. 54. Рис. 2. 6) (рис. 3: 8).

Колчанный крюк использовался для крепления колчана к поясу. Наклонная подвеска

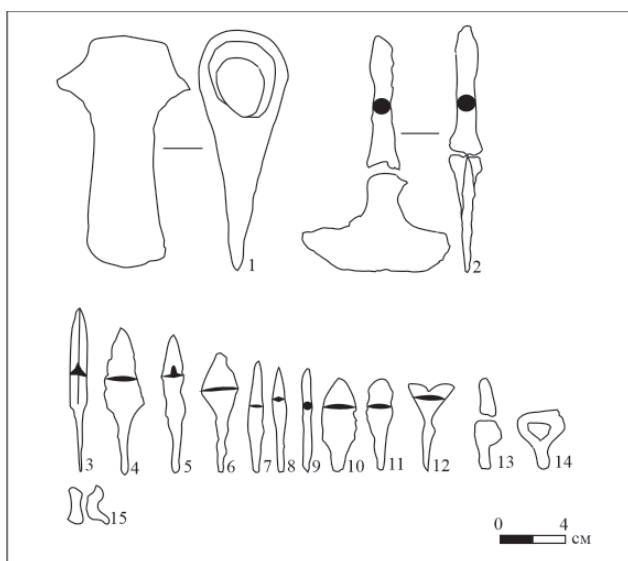

Рис. 3. Танкеевский могильник. Предметы вооружения. 1–2 – топоры; 3–12 – наконечники стрел; 13 – колчанная петля; 14 – колчаный крюк; 15 – колчанная петля.

Fig. 3. Tankeevka burial ground. Weapons. 1–2 – axes; 3–12 – arrowheads; 13 – quiver loop; 14 – quiver hook; 15 – quiver loop.

колчана на поясном или портупейном ремне обеспечивалась с помощью ремня, один конец привязывался к днищу тулова колчана, а второй с металлическим крюком крепился на поясе (Крыганов, 1988, с. 48). Учтено 6 экземпляров, тип установлен для 3. Все крюки однотипные. Ушко для продевания ремня имеет подтреугольную форму, стержень слегка изогнут. Длина крюков – 3 – 3,5 см. Наиболее близкая аналогия обнаружена на Нижнем Дону в Ливенцовском могильнике, данный комплекс датируется VIII веком (Владимиров, 2016, с. 49. Рис. 1. 17) (рис. 3: 14).

Колчаные петли служили для продевания ремня портупей (Крыганов, 1987, с. 46). В качестве типобразующего признака использована форма пластины. По форме окончания пластин выделено 2 типа. I – прямоугольные, II – ланцетовидные. Учтен 6 экземпляров, тип установлен для трёх.

Тип I, прямоугольные. (2 экз.). Пластины имеют прямоугольную форму. Близкая аналогия обнаружена в Большетиганском могильнике, погребение 12 (Казаков, 1992, с. 66. Рис. 19. 34). Материалы Большетиганского могильника датируются концом VIII - первой половиной IX вв. (Халикова, Халиков, 2018. с. 61). (рис. 3: 15).

Тип II, ланцетовидные. (1 экз.). Пластины ланцетовидной формы. Подобные петли

характерны для памятников второй половины IX–X вв. (Крыганов, 1987, с. 46. Рис. 16. 6). (рис. 3: 13).

Топор – оружие ударно рубящего действия. Всего учтено 48 топоров, типы установлены для 32. По способу насада топоры делятся на два класса А – проушные, Б – втульчатые. По функциональному назначению топоры разделены нами на три группы: I. Боевые, II. Универсальные, III. Рабочие. Первую группу объединяют боевые топоры небольших размеров с выступающим молотковидным обушком (Измайлов, 1997, с. 77). Вторая группа представлена секирами малых форм, которые использовались как универсальный инструмент во время похода и боя. Характерная особенность таких топоров опущенное лезвие. (Кирпичников, 1966, с. 28-36). Третья группа представлена тяжелыми большими проушными топорами и топорами-кельтами (Измайлов, 1997, с. 77). Для таких топоров характерно широкое в сечении лезвие.

По особенностям строения обуха и щековиц выделены отделы: А – молотковидный обух более 2,5 см, округлые щековицы, Б – невысокой около 2 см подчетырёхугольный обух, с двумя парами округлых щековиц, В – округлый обух, вытянутые щековицы, Г – округлый обух, с двумя парами подтреугольных щековиц. Типы определены по форме лезвия. I – узкое клиновидное, II – широкое лопастное, III – трапецевидное, IV – полуовальное. В основу типологии проушных топоров положены принципы схем А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966, с. 28), А.В. Крыганова (Крыганов, 1987, с. 86) и И.Л. Измайлова (Измайлов, 1997, с. 77).

Класс А, группа I, отдел А, Тип I. (13 экз.). Представлен топорами с клиновидным лезвием, характерным выступающим молотковидным обушком, округлыми щековицами и овальным проушным отверстием. Длина лезвийной части – 5 – 11 см, ширина лезвия – 4 – 6 см, высота обуха – 4 – 7 см, наибольшая длина проуха – 2,5 – 3 см. В специальной литературе такие топоры принято называть чеканами. В VIII–IX вв. они были распространены от Прикамья до Венгрии и Чехии. Наиболее близкие аналогии происходят из погребений 18, 53, 59, 67, 71, 107, 116, 128, 133, 140 Бояновского могильника. Встречены также в могильниках Запоселье, Пышын-тай, Вакинского селища Пермского Предура-

ля (Данич, 2015, с. 74. Рис. 6 – 12. 1 – 60) (рис. 2: 3).

Класс А, группа I, отдел А, тип IV. (1 экз.). Представлен топором с полуовальным лезвием, молотковидным обушком и округлыми щековицами. Длина лезвийной части – 5 см, ширина лезвия – 9,5 см, высота обуха – 7 см, длина проуха неопределима ввиду слома. Данный экземпляр близок по форме случайной находке на Харьковщине. В восточноевропейских древностях эпохи раннего средневековья близкие формы топоров имеются в материалах IX – XIII вв. (Крыганов, 1987, с. 87-88. Рис. 36. 1) (рис. 3: 2).

Класс А, группа II, отдел А, тип II. (2 экз.). Представлен топором с широким лопастным, оттянутым в сторону рукояти лезвием, характерным выступающим молотковидным обушком округлыми щековицами и овальным проушным отверстием. Длина лезвийной части – 7 – 8,5 см, ширина лезвия – 6 – 8,5 см, высота обуха – 3 – 5,5 см, наибольшая длина проуха – 3 см. Аналогии топорам данного типа происходят из Подонья. (Крыганов, 1987, с. 87-88. Рис. 35. 2). В восточноевропейских древностях эпохи раннего средневековья более или менее близкие формы топоров имеются в материалах IX–XII вв. Северного Кавказа (рис. 2: 1).

Класс А, группа II, отдел Б, тип II. (2 экз.). Представлен топором с широким лопастным, оттянутым в сторону рукояти лезвием, невысоким подчетырёхугольным молотковидным обушком, округлыми щековицами и округлым проушным отверстием. Длина лезвийной части – 9,5 см, ширина лезвия – 10 см, высота обуха – 2 см, наибольшая длина проуха – 3 см. Наиболее близкая аналогия происходит из Чердынского уезда с территории Пермского Предуралья. По мнению А.В. Данича топоры подобной формы датируются IX – XIII вв. (Данич, 2015, с. 79. Рис. 23. 172) (рис. 2: 4).

Класс А, группа II, отдел В, тип II. (2 экз.). Представлен топорами с широким лопастным, оттянутым в сторону рукояти лезвием, с прямой верхней гранью. Длина лезвийной части – 10,5 см, ширина лезвия – 7 см, наибольшая длина проуха – 3,5 см. Наиболее близкие аналогии найдены в погребении. №76 Бояновского, на Степаново Плотбище могильниках. Топоры с Пермского Предуралья в отличие от топора из Танкеевского могильника имеют одну пару подтреугольных щековиц и датируются X –

XIII вв. (Данич, 2015, с. 79. Рис. 26. 199–202) (рис. 2: 2).

Класс А, группа III, отдел Б, тип III. (8 экз.). Представлен топорами с трапецевидным лезвием, подквадратным около 2 см обушком, округлыми щековицами и округлым проушным отверстием. Длина лезвийной части – 5 – 11 см, ширина лезвия – 4 – 7 см, высота обуха – 1,5 – 2 см, наибольшая длина проуха – 3,5 см. Близкие аналогии обнаружены в Пермском Предуралье, в погребениях. №17 Демёнковского, №330, 356 Агафоновского I, №12 Плёсинского, №8, 27, 40 Каневского, №8, 138, 146 Бояновского, №2 Редикорского могильников, Редикорском городище, в нижнем слое городища Анюшкар. Аналогичные топоры встречаются в Волжской Булгарии, где они датируются IX–XII вв. (Данич, 2015, с. 76. Рис. 16-18. 110–132) (рис. 1: 7).

Класс А, группа III, отдел Г, тип III. (1 экз.). Представлен топором с трапецевидным лезвием, округлым обушком, с двумя парами подтреугольных щековиц, округлым проушным отверстием. Длина лезвийной части – 9 см, ширина лезвия – 4,5 см, наибольшая длина проуха – 4 см. Близкие аналогии найдены в Чердынском уезде, на могильнике Степаново Плотбище, в погребениях. №107 Агафоновского I, №25 Плёсинского могильников. Топоры данного типа бытовали в V – XI вв., к X в. были уже достаточно архаичны. Но, судя по их количеству, они оставались достаточно популярными ещё на протяжении всего X и XI вв. (Данич, 2015, с. 76. Рис. 14. 86-92) (рис. 3: 1).

Класс Б, группа III, тип III. (3 экз.). Втульчатые топоры-кельты, трапецевидной формы с отклоненным лезвием от оси втулки. Общая длина 15 – 20 см. Аналогии найдены в Пермском Предуралье в погребении №116 Бояновского могильника. В XI в такие топоры, видимо, выходят из употребления (Данич, 2015, с. 80. Рис. 29. 230) (рис. 1: 5).

Вток – составная часть древка копья, предназначался для упора копья в землю (Гусынин, 2011, с. 380). (1 экз.). Железный втульчатый предмет конусовидной формы, свернут из железной пластины. Длина изделия 8 см, диаметр втулки 2 см. Близкие аналогии найдены в памятниках Верхнего Посурья и Примокшья XI–XIII вв. (Гусынин, 2011, с. 378, рис. 1; 16) (рис. 1: 6).

Копье – колющее древковое оружие ближнего боя, состоящее из железного наконечника и деревянного древка (Измайлов, 1997, с. 56). Наконечники копий систематизированы по типологической схеме, предложенной Ю. С. Худяковым (Худяков, 1980, с. 52). По форме сечения пера наконечники копий разделены на группы: I – линзовидные, II – ромбические, по форме пера на типы: I – ланцетовидные, II – ассиметрично – ромбовидные.

Группа I, тип I. (1 экз.). Представлен ланцетовидным по форме наконечником. Длина наконечника 27 см, длина пера 14 см, ширина пера 2 см. Наибольшая ширина наконечника приходится на его середину. Отношение длин пера и насада 1:1 втулка сомкнута, диаметр входного отверстия втулки равен 2,5 см. Близкая аналогия происходит из Волго – Уралья. Курганный могильник Калиновский, курган 28, погребения 2. Данный комплекс датируется IX-XI вв. (Харламов, 2017, с. 367. Рис. 2. 4). (рис. 1: 4).

Группа II, тип II. (1 экз.). Представлен ассиметрично-ромбовидным по форме пера наконечником. Длина наконечника 25 см, длина пера 16 см, ширина пера 2 см. Наибольшая ширина наконечника приходится на его нижнюю часть. Отношение длин пера и насада 1:2 втулка сомкнута. Диаметр входного отверстия втулки равен 3 см. Нижняя часть втулки усилена обжимным кольцом. Близкая аналогия ассиметрично-ромбовидному копью происходит из курганного могильника Брусяны II, курган 23, погребение 6 (насыпь) в Самарском Поволжье. Подобные наконечники копий бытовали в течение всей второй половины I тыс. н. э. на широкой территории. Широкое распространение копья такого типа получили не ранее VII в. н. э. (Багаутдинов и др, 1998 с. 113-114. Рис. 24. 2). Аналогии известны в материалах неволинской культуры сухоложской стадии конца VIII – первой половины IX вв. (Голдина и др., 1990, с. 94. Табл. LXIX. 72) (рис. 1: 3).

Сабля – рубяще-колющее оружие с прямой или изогнутой рабочей частью – клинком (Худяков, 1980, с. 39). Всего учтено 4 экземпляра, тип установлен для 2. Для классификации сабель морфологические особенности разбиты на ряд признаков. Отделы подразделяются по кривизне клинка, группы информируют о длине клинка, тип информирует о перекрестии и рукояти клинка и дает его характери-

стику (материал, форма, устройство), (Харламов, 2017, с. 408).

Кривизна сабель определялась по методике предложенной С.А. Плетневой. Кривизна определялась наибольшим расстоянием от прямой, проведенной между наиболее выдающейся точкой у рукояти и концом сабли, до спинки клинка (Плетнева, 1973, с. 18). Согласно типологической схеме, предложенной А.В. Евглиевским и Т.М. Потемкиной сабельные клинки разделены на два отдела. Отдел I. Слабоизогнутые, сабельные клинки с кривизной полотна от 0,1 до 1,9 см. Отдел II. Среднеизогнутые, сабельные клинки с кривизной полотна от 1,9 до 4 см (Евглиевский и др., 2002, с. 126).

Отдел I, группа I, тип I. С прямым брусковидным перекрестием. (1 экз.). Общая длина сабли 84 см. Наибольшая ширина клинка у перекрестия 4 см. Перекрестие прямое, длиной 6 см. Такие перекрестия встречены в Пермском Предуралье на Аверинском II могильнике. Данный тип датируется IX-X вв. В большом количестве встречаются в алтайских материалах IX-X в. (Данич, 2009. с. 41. Рис. 2. 21) (рис. 1: 1).

Отдел II, группа I, тип I. С прямым брусковидным перекрестием. (1 экз.). Общая длина сабли 80 см. Наибольшая ширина клинка у перекрестия 3 см. Перекрестие прямое, длиной 6 см. Такие перекрестия встречены в Пермском Предуралье на Аверинском II могильнике. Данный тип датируется IX-X вв. В большом количестве встречаются в алтайских материалах IX-X в. (Данич, 2009. с. 41. Рис. 2. 21). (рис. 1: 2).

Конское снаряжение

Удила были важнейшей частью уздечки, обеспечивающей всаднику управление конем во время движения, (Крыганов, 1989, с. 147). В основе классификации удил лежит способ сочленения псалиев со звеньями грызл. Данная схема использовалась в ряде работ А.В. Крыганова (Крыганов, 1989, с. 148). Всего удил 52, 38 из них восстановлены по форме. Удила представлены двумя типами: Тип I – кольчатые, Тип 2 – стержневые. Кольчатые делятся на два подтипа: подтип IA – имеют два звена с неподвижными кольцами, подтип IB – имеют одно, реже два подвижных кольца. Стержневые также делятся на два подтипа: IA – с костяными псалиями, IB – с железными псалиями.

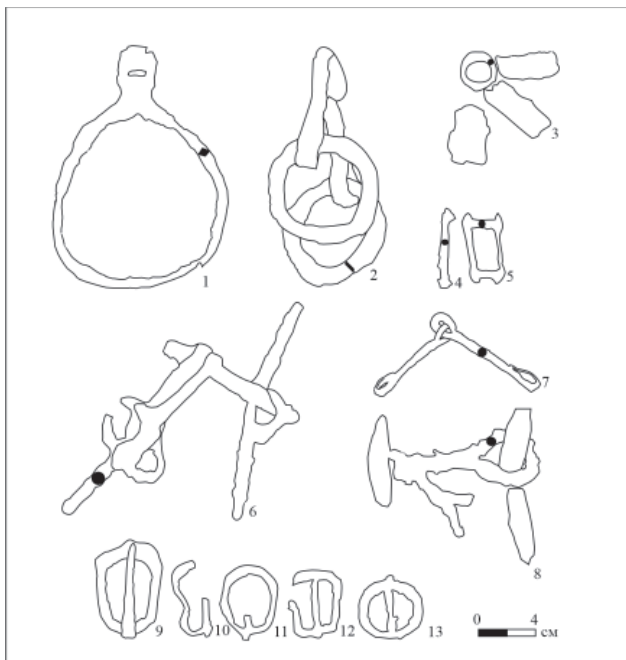

Рис. 4. Танкеевский могильник. Конское снаряжение.
1 – стремя; 2 – удила; 3 – соединительное кольцо;
4–5 – крепления луки седла; 6–8 – удила;
9–13 – подпругные пряжки.

Fig. 4. Tankeevka burial ground. Horse equipment.
1 – stirrup; 2 – bit; 3 – connecting ring; 4–5 – saddle pommel fastenings; 6–8 – bit; 9–13 – girth buckles

Tun I, подтип IA. (2 экз). Удила данного подтипа самые простые по конструкции, состоят из двух звеньев с неподвижными кольцами на концах. Наиболее близкие аналогии удилам данного типа обнаружены в курганных могильниках Новинки II курган 8, погребение 5, Брусяны II курган 3, погребение 1, насыпь кургана 14. (Багаутдинов и др, 1998, с.124. Рис. 29. 1,2,4). Удила подобного типа встречаются в памятниках VIII-X вв. Среднего Поволжья и Южного Урала конца (Крыганов, 1988, с. 148). (рис. 4: 7).

Tun I, подтип IB. (25 экз). Удила данного типа снабжены одним реже двумя подвижными кольцами на концах грызл. В раннем средневековье подобные удила использовались практически всеми кочевниками Евразии (Крыганов, 1988, с. 148). Концентрация таких удил наблюдается в Поволжье и Южном Урале, также найдены в могильниках неволинской культуры в Приуралье (Голдина и др., 1990, с. 94. Табл. LXIX. 68). Удила с двумя подвижными кольцами встречаются в комплексах, датируемых не позднее IX в. (рис. 4: 2).

Tun II, подтип IA. (4 экз). Удила с костяными псалиями. В Трензельные кольца на концах грызл продевались костяные псалии. Аналогии известны Сухогомольшанском и Красногорском могильниках, датируемых IX первой половиной X вв. Подобные удила по аналогиям для салтово-маяцкой культуры, датируются второй половиной VIII первой половиной IX вв. (Крыганов, 1988, с. 153). (рис. 4: 8).

Tun II, подтип IA. (4 экз). Удила с железными стержневыми псалиями. Стержни удил данного типа снабжены петлями, для крепления ремней оголовья. Удила с такими псалиями в раннесредневековое время появляются в конце VII начале VIII вв. (Крыганов, 1988, с.153. Рис. 74. 1). (рис. 4: 6).

Стремя представляет собой часть седла, приспособление для упора ноги всадника при посадке на лошадь и езде верхом (Красильников, 2012, с. 361). Стремя представлено одним экземпляром. Стремя с пластинчатым ушком с прямоугольным отверстием для продевания ремня, имеют округлую подножку, усилено ребром жесткости, дрот стремени в сечении ромбический, соответствует типу БП/2 по классификации П.В. Красильникова (Красильников, 2012, с. 366). Аналогии стремянам данного типа обнаружены в памятниках салтово – маяцкой культуры в среднем течении р. Северный Донец (Кравченко, 2020, с. 201-202. Рис. 4. 3). Подобные стремяна датируются VIII-X вв. (Красильников, 2012, с. 366). (рис. 4: 1).

Соединительные кольца. Учтено 6 экз., тип установлен для 5. Кольца использовались для крепления к рамкам уздечки (Казаков, 1992, с. 155). В литературе они иногда называются скрепителями или разделителями Железные кольца округлой формы, в сечении округлые, диаметр 2,5 – 3 см. (Крыганов, 1998, с. 162. Рис. 79. 1). Соединительные кольца встречаются в комплекте с железными подпрямоугольными пластинами. Аналогии найдены кургане №312 у д. Зеленки. (Плетнева, 1973, с. 36. Табл. 10. 5). Комплекс датируется в пределах XI-XIII вв. (Плетнева, 1973, с.15). (рис. 4: 3).

Подпругные пряжки использовались для удержания седла (Крыганов, 1988, с. 155-156). По форме рамки нами выделено 5 типов: тип I – круглые, тип II – овальные, тип III – трапецевидные, тип IV – прямоугольные, тип V – восьмеркообразные. Всего учтено 42

пряжки, тип установлен для 10 экземпляров. Чаще всего подпружные пряжки найдены в комплексах по одной, что может свидетельствовать об использовании одного подпружного ремня (Крыласова, 2017, с. 47).

Тип I, круглые. (2 экз). Размеры пряжек 4x4 см, аналогии подобным пряжкам происходят из Рождественского могильника (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 19) характерны для памятников Поволжья, Подонья и Южного Урала IX–X вв. (Крыганов, 1988, с.157. Рис. 76. 7). (рис. 4: 13).

Тип II, овальные. (2 экз). Размеры пряжек: длина от 2,5 до 5 х ширина от 4 до 6 см. В VIII–XIII вв. были известны различным племенам и народам Евразии (Крыганов, 1988, с.157), аналогии подобным пряжкам происходят из Рождественского могильника (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 17), пряжки подобного типа были распространены на Руси в XI–XIII вв. (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 17) (рис. 4: 11).

Тип III, трапецевидные. (3 экз). Размеры пряжек: длина от 4 до 6 см, ширина 4 см. Аналогии подобным пряжкам обнаружены в Рождественском могильнике, (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 9), пряжки такого типа по мнению Н.Б. Крыласовой бытовали в VII–IX вв. (Крыласова, 2017, с. 47). (рис. 4: 9).

Тип IV, прямоугольные. (2 экз). Размеры пряжек: длина от 5 до 6 см, ширина 4 см. Аналогии подобным пряжкам обнаружены в Рождественском могильнике, (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 13), пряжки такого типа по мнению Н.Б. Крыласовой бытовали в VII–IX вв. (Крыласова, 2017, с. 47). (рис. 4: 12).

Тип V, восьмеркообразные. (1 экз). Размеры пряжек 5x4 см. Аналогии подобным пряжкам обнаружены в Рождественском могильнике, (Крыласова, 2017, с. 53. Рис. 3. 15), пряжки такого типа были наиболее популярны в X–XI вв. (Крыласова, 2017, с. 47). (рис. 4: 10).

Крепления луки седла. (3 экз.). Трудно определяемые в функциональном назначении предметы, в виде двух подпрямоугольных пластин, соединённых двумя штифтами, размеры 5,5 х 3,5 см. (Крыганов, 1987, с. Рис. 50. 6.), характерны для памятников IX–X вв. (рис. 4: 5).

Крепление луки седла. (6 экз.). Трудно определяемые в функциональном назначении предметы, в виде скоб в сечении округлые и подквадратные длиной от 4,5 до 5,8, шириной 1,5 до 2,5 см. Аналогии подобным изделиям не найдены (рис. 4: 4).

Предметы быта

Кресало – это приспособление для добычи огня, представляющее собой стальную пластинку, служившую для удара о кремь при высеке искры. Это одна из интереснейших категорий бытового инвентаря, распространённого повсеместно в период средневековья, как у оседлых, так и у кочевых народов. (Крыласова, 2003, с. 79.). Нами учтено 15 экз., кресал, для 8 установлен тип.

Группа 1, однолезвийные, тип 1. С образные. (4 экз.). Кресала с ударником С-образной формы из узкой полосы железа. Такая пластинка с загнутыми концами забивалась в деревянную рукоятку. Размеры кресала: длина 6 см, ширина 2 см. (Казаков, 1972, с. 104. табл. VIII. Рис. 8). Аналогии подобным кресалам не найдены (рис. 5: 12).

Тип 2, калачевидные. (1 экз.) Данные кресала получили свое название из – за наличия двух изогнутых рукоятей, что делает изделие похожим на калач. (Крыласова, 2003, с. 82–83). Размеры кресала: длина 4 см, ширина 2,5 см. Близкая аналогия кресалам данного типа происходит из Рождественского археологического комплекса, расположенного в Карагайском районе пермской области. (Крыласова, 2003 с. 81–83. Рис. 1.10) (рис. 5: 3).

Тип 3, в виде кузнечных клещей. (1 экз.). Рукоять кресал подобного типа оформлена в виде кузнечных клещей. Размеры кресала: длина 12 см, ширина 4 см. Близкая аналогия кресалам данного типа происходит из Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964. Табл. X. Рис. 5) (рис. 5: 1).

Группа 2, двулезвийные, тип 1, Овально-подпрямоугольные. Кресала в виде сомкнутого кольца. (1 экз.). Размеры кресала: длина 6 см, ширина 2,5 см. Аналогии подобным кресалам не найдены (рис. 5: 2).

Ножи – режущий инструмент с однолезвийной заточкой. Данная категория орудий труда самая многочисленная на могильнике. Ножи обнаружены в 185 погребениях, 55 экземпляров привлечено для системного анализа. За основу была принята типологическая схема С.Э. Зубова с некоторыми изменениями (Багаутдинов и др., 1998, с. 128). Все ножи с односторонней заточкой. Типы выделены по форме перехода лезвия к черешку. Тип I – с плавным переходом от клинка к черешку. Тип II – с уступами со стороны спинки и лезвия. Тип III – с ободком обоймой (перекрестием)

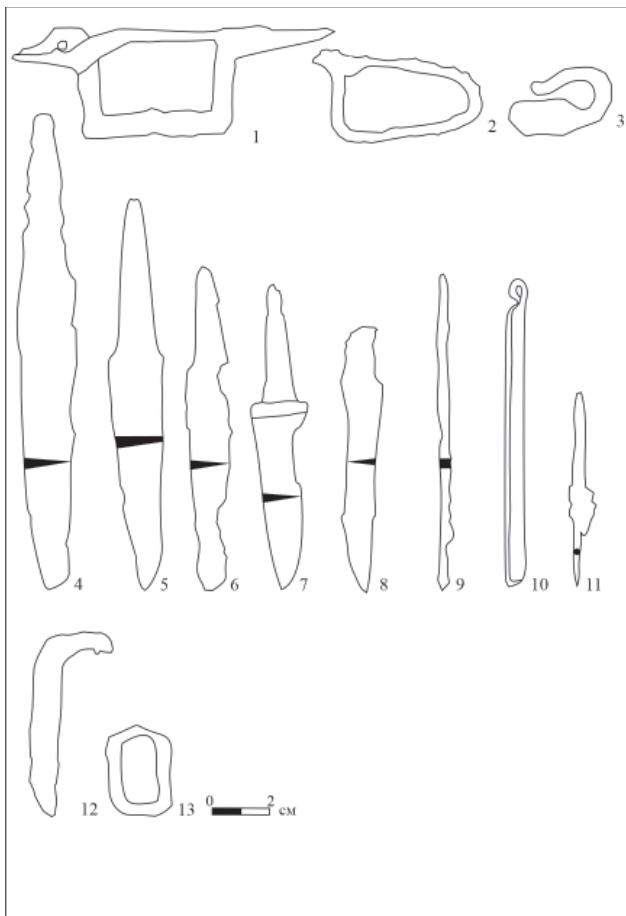

Рис. 5. Танкеевский могильник. Предметы быта и убранства костюма. 1–3 – кресала; 4–8 – ножи; 9 – стержень; 10 – трубица трута; 11 – шило; 12 – кресало; 13 – пряжка поясная.

Fig. 5. Tankeevka burial ground. Household items and costume decoration. 1–3 – fire lighters; 4–8 – knives; 9 – rod; 10 – tinder box; 11 – awl; 12 – fire lighters; 13 – belt buckle.

при переходе от клинка к черешку. Тип IV – с уступом со стороны спинки. Тип V – с уступом со стороны клинка.

Tun I. (19 экз.). Представлен ножами, имеющими следующие характерные признаки. Линия кромки спинки клинков представляет плавную дугу, переходящую в черенок. Черенок по форме в виде узкого треугольника. Общая длина ножей 5,8 – 15,8 см, ширина 1 – 2 см. Близкая аналогия происходит из курганного могильника Новинки II (К7П1). (Багаутднидов и др., 1998, с. 129. Рис. 31.1). (рис. 5: 6).

Tun II. (13 экз.). Представлен ножами, имеющими следующие характерные признаки. Спинка клинков в виде слабой дуги, немного приподнятой на краях. Черенок по форме в виде узкого треугольника, отделен от

клинки уступами. Уступы образуют со спинкой и режущей кромкой тупые углы. Общая длина ножей 8,5 – 15,8 см, ширина 1,8 – 2 см. Близкая аналогия происходит из курганного могильника Малая Рязань (К1П1), Новинки II (К8П6). (Багаутднидов и др., 1998, с. 129. Рис. 31.2-3). (рис. 5: 5).

Tun III. (15 экз.). Представлен ножами, имеющими следующие характерные признаки. Спинка клинков в виде слабой дуги, немного приподнятой на краях. Черенок по форме в виде узкого треугольника. Перекрестие свинцовое в виде обоймы. Общая длина ножей 10,2–13,8 см, ширина 2 см. Близкая аналогия происходит из курганного могильника Новинки II (К4П5). (Багаутднидов и др., 1998, с. 129. Рис. 31.9) (рис. 5: 7).

Tun IV. (2 экз.). Представлен ножами, имеющими следующие характерные признаки. Спинка клинков в виде слабой дуги, немного приподнятой на краях. Черенок трапецевидной формы, отделен от клинка уступом со стороны спинки. Общая длина ножей 5–9 см, ширина 1 – 1,8 см. Близкая аналогия происходит из курганного могильника Новинки II (К15П7). (Багаутднидов и др., 1998, с. 129. Рис. 31.11) (рис. 5: 8).

Tun V. (6 экз.). Представлен ножами, имеющими следующие характерные признаки. Линия кромки спинки клинков представляет плавную дугу. Черенок по форме в виде треугольника. Общая длина ножей 7 – 16,5 см, ширина 1,5 – 2 см. Близкая аналогия происходит из Тушемлинского городища (Минасян, 1980, с. 69. Рис. 1. 3) (рис. 5: 4).

Стержни. Учтено 6 экземпляров. Для описания привлечен 1 целый экземпляр. трудноопределимый предмет в функциональном назначении. Предположительно стержень мог служить инструментом, либо заготовкой (Семькин, 2015, с. 53). Предмет вытянутой формы, квадратного сечения. Длина изделия 11 см, ширина 0,5 см (рис. 5: 9).

Трубица трута – один из элементов огнива, в основном представлены во фрагментах. Всего учтен 41 экземпляр, для описания привлечено 9 целых экземпляров. Однотипные изделия, в виде трубки, изготовленные из свернутой железной пластины, края которой отогнуты на внешнюю сторону и не сомкнуты. Между краями вертикальный паз. У одного экземпляра конец завершён свернутой петлей для подвешивания. Длина изделий 9–13 см.

Аналогии происходят из Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, с. 44. Табл. X. 1) (рис. 5: 10).

Шило – предмет в виде заостренного металлического стержня для прокалывания отверстия. Учтено 53 экземпляра, тип установлен для 17. Шилья в сечении округлые, с деревянными и костяными рукоятями, длиной от 4,5 до 8,5 см. Аналогии выявлены в Среднем Поволжье, в праболгарских курганных могильниках конца VII-VII вв. (Багаутдинов и др., 1998, с. 164). Брусяны II, курган 23, погребение 1, Малая Рязань I, курган 1, погребение 1, Новинки II, курган 7, погребение 1. (Багаутдинов и др., 1998, с. 130. Рис. 32. 9-13). (рис. 5: 11).

Предметы убранства костюма

Поясная пряжка – деталь ременной гарнитуры. Учтено 10 экземпляров, тип установлен для одной. Пряжка подпрямоугольной формы, язычок утрачен. Размеры 3 x 2,5 см. Аналогия выявлена в Среднем Поволжье, в праболгарском курганном могильнике конца VII-VII вв. (Багаутдинов и др., 1998, с. 164). Новинки II, курган 1, погребение 1. (Багаутдинов и др., 1998, с. 97. Рис. 17. 19) (рис. 5: 13).

Сельскохозяйственные орудия

Серп – орудие, используемое для уборки зерновых культур. Учтен 1 экз. Клинок угловатой формы, общая длина изделия 22 см, наибольшая ширина рабочей части 2,5 см. Данный экземпляр соответствует болгарскому типу серпов по классификации М.В. Киреевой. (Киреева, 2011, с. 453). Близкая аналогия серпу происходит из Золотаревского поселения Верхнего Посурья (Киреева, 2011, с. 454. Рис. 1.1) (рис. 6: 3).

Скобель – деревообрабатывающий инструмент с дугообразной рабочей частью и широким сильно изогнутым клинком (Иконников и др, 2017, с. 141). Учтено 2 экземпляра, для 1 установлен тип. Сохранившаяся длина изделия – 8, 9 см, наибольшая ширина дуги овала клинка – 7, 8 см, ширина клинка – 2,5 см. Скобели были распространены в средние века в Восточной Европе и применялись для обработки внутренних полостей деревянных изделий. Чаще всего скобелки использовались в бондарном деле (Иконников и др, 2017, с. 141) (рис. 6: 1).

Мотыжка – ручной почвообрабатывающий инструмент. (Семыкин, 2015, с. 82). Учтено 5 экз., тип установлен для 2. Орудия трапецевидной формы, с вертикальной втулкой,

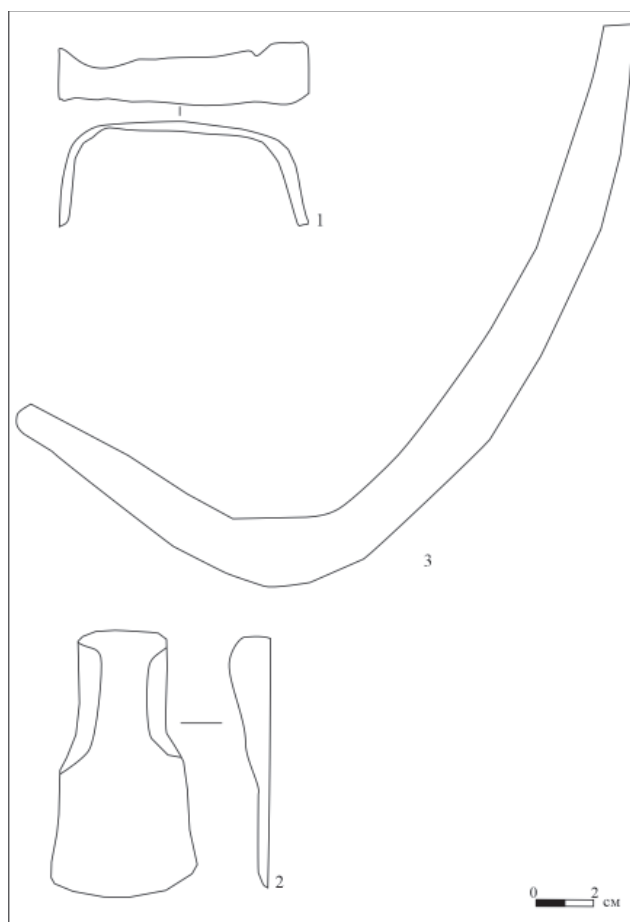

Рис. 6. Танкеевский могильник. Сельскохозяйственные орудия. 1 – скобель; 2 – мотыжка; 3 – серп.

Fig. 6. Tankeevka burial ground. Agricultural tools. 1 – scraper; 2 – hoe; 3 – sickle.

имеющие несомкнутые края. Общая длина 9 см., ширина рабочей части от 3 до 5 см. Такие изделия имеют широкий как хронологический, так и территориальный диапазон бытования (Казаков, 1992, с. 140). Близкая аналогия происходит из курганного могильника Новинки II, курган 8, погребение 5 (Богачев и др., 1998, с. 133. Рис. 33.2) (рис. 6: 2).

Таким образом, нами было проанализировано 736 предметов из черного металла Танкеевского могильника. В основном коллекция представлена предметами вооружения, конского снаряжения и предметами быта. Количественное и типологическое разнообразие характерно, для предметов вооружения, в основном для наконечников стрел. Среди предметов быта выявлено большое количество ножей, шильев и трубиц трута. Попытки технологического анализа поковок из материалов Танкеевского могильника уже предпринимались ранее: Ю.А. Семыкиным была выявлена технология изготовления 61

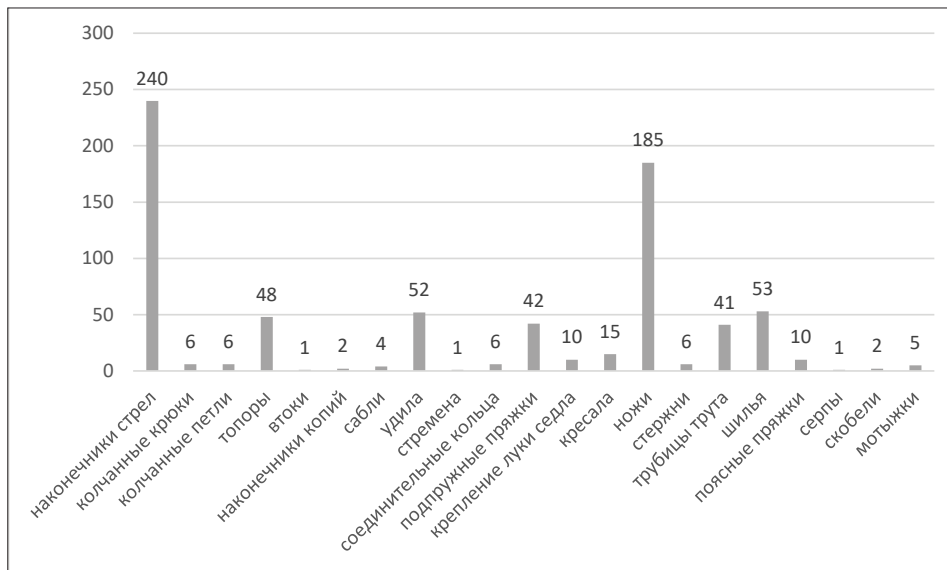

Рис. 7. Танкеевский могильник. Количественное распределение предметов из черного металла.

Fig. 7. Tankeyevka burial ground. Quantitative distribution of ferrous metal items

изделия, в основном, предметов вооружения. Особенностью, изученной металлографической коллекции, являлась значительная в количественном плане выборка топоров (19 экземпляров из 48), (Семыкин, 2015, с. 46). Уже их количество достаточно показательно демонстрирует, с одной стороны – степень милитаризованности, а с другой – уровень обеспеченности высокотехнологическими кузнечными изделиями населения, оставившими Танкеевский могильник.

Несмотря на то, что металлографическому анализу подверглись образцы, относящиеся не ко всем, выделенным в данной статье,

разновидностям топоров, проявилась определенная взаимосвязь между их типами и технологическими схемами их изготовления. Подобная связка: «тип предмета – устойчивый способ изготовления» при дальнейшем, комплексном, исследовании может позволить использовать результаты технологического анализа кузнечных изделий Танкеевского могильника как для уточнения хронологических позиций материалов его погребений, так и для выяснения характера динамики традиций обработки черного металла, бытовавших у ранних болгар Волго-Камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Багаутдинов Р.С. Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге у истоков истории татар Волго-Камья. Самара: Возрождение, 1998. 286 с.

Белорыбкин Г.Н, Измайлов И.Л, Мельниченко О.В, Осипова Т.В Павлихин А.В, Халиков А.Х. Армиёвский курганно-грунтовый могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. 479 с.

Владимиров С.И. Колчанье крюки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Грамота. 2016. № 1 (63). С. 47–49.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 204 с.

Голдина Р.Д. Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутск гос. ун-та, 1990. 169 с.

Гусынин А.В. Наконечники копий и втоки из раскопок памятников Верхнего Посурья и Примокшанья XI – XIII веков // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 376–380.

Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2015. №10. С. 71–124.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 291–336.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Иконников Д.С., Башиева Д.И. Деревообрабатывающие инструменты с территории Наровчатского городища и его окрестностей // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 138–144.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–156.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии этапы этнокультурной истории. М.: Наука, 1992. 171 с.

Каинов С.Ю. Лаетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49–62.

Киреева К.М. Новый комплекс серпов с Золотаревского поселения // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. 2011. № 23. С. 453–455.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX – XIII вв / САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 200 с.

Красильников П.В. К вопросу о типологии стремлян с памятников раннебулгарского времени // Труды КАЭЭ. 2012. №8. С. 360–367.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы в VII – X вв. Дисс... канд. ист. Наук. Харьков, 1988. 371 с.

Крыласова Н.Б. Конь и элементы конской сбруи в погребальном обряде Рождественского могильника в Пермском крае // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2017. №13. С. 44–54.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв / САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 183 с.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21 / Отв. ред. Я. В. Доманский. Л.: Искусство, 1980. С. 68–74.

Плетнева С.А. Древности черных клубуков / САИ. Вып. Е1–19.. М.: Наука, 1973. 96 с.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII - начале XIII вв. / Археология Евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье / сост. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Харламов П.В. Комплекс вооружения кочевых племен Волго-Уральского региона в IX-XI вв. // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 364–368.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Информация об авторах:

Логинов Ярослав Сергеевич, младший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); y-loginov2012@mail.ru

Кондрашин Виталий Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник средневекового отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); willikon@yandex.ru

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); доцент, Казанский Национальный Исследовательский Технического университет им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань, Россия); доцент, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия); eugeh@mail.ru

REFERENCES

Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Sredney Volge u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya (Proto-Bolgars on the Middle Volga at the origins of the history of the Volga-Kama Tatar population)*. Samara: "Vozrozhdenie" Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Melnichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. 2022. *Armievskiy kurganno-gruntovyy mogil'nik (Armiyovo barrow and subsoil burial ground)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 28. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ. (in Russian).

Vladimirov, S. I. 2016. In *Gramota (Diploma)*. 63 (1), 47–49 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University (in Russian)

Gusynin, A. V. 2011. *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. V.G. Belinskogo (Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky)* 23, 376–380 (in Russian).

Danich, A. V. 2015. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 10, 71–124 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 291–336 (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Baisheva, D. I. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 138–144 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: *Arkheologiya i etnografiya Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria)* 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 94–156 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bulgarii etapy etnokul'turnoy istorii (The culture of early Volga Bulgaria: stages of ethnic and cultural history)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kainov, S. Yu. 1999. In Nosov, S. Yu. (ed.). *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedey (Early medieval antiquities of the northern rus and its neighbours)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 49–62 (in Russian).

Kireeva, K. M. 2011. *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. V.G. Belinskogo (Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky)* 23, 453–455 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Krasilnikov P. V. 2012. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 8, 360–367 (in Russian).

Kryganov, A. V. 1987. *Vooruzheniie i konskoe snariazhenie kochevnikov iuga Vostochnoi Evropy (Armament and Horse Equipment of the Nomads of the South of Eastern Europe in the 7th-10th cc.)*. Diss. of Candidate Historical Sciences. Kharkov (in Russian).

Krylasova, N. B. 2017. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 13, 65–74 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th – 14th Centuries)*. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Minasyan, R. S. 1980. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 68–74 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of Chorni Klobuky)* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–19. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Semikin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII - nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bulgaria in the 8th - early 13th centuries)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 21. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. (comp.). 2020. *Drevnie vengry i ikh okruzenie v Samarskom Povolzh'e (Ancient Hungarians and their surrounding in the Samara Volga region)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. *The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 364–368 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Loginov Yaroslav S., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation;; y-loginov2012@mail.ru

Kondrashin Vitaly V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation;; willikon@yandex.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. PhD, senior researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; associate professor, Kazan National Research Technical university named after A.N. Tupolev – KAI. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugeh@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.196.201>

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ПРАВОБЕРЕЖНОМ ЦИМЛЯНСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2020-2022 ГГ.: НАХОДКИ И МАТЕРИАЛЫ

© 2024 г. С. И. Владимиров

Статья посвящена анализу археологических находок, полученных в результате работ на Правобережном Цимлянском городище в 2020–2022 гг. За три года была исследована площадь 105,6 кв.м, с внутренней стороны примыкавшая восточной, утраченной стене крепости. Массовым материалом на исследованном участке стали фрагменты керамики, преимущественно кухонной посуды, относящейся к салтово-маяцкой археологической культуре. Остатки столовой и импортной посуды (амфоры, ойнохой) обнаружены значительно реже. Также обнаружена строительная керамика, представленная несколькими видами находок: обожжённые кирпичи квадратной и близкой ей формы, плитка, калиптеры и керамиды. К находкам строительных материалов относятся кусочки штукатурки и фрагменты стеновых блоков с бороздами, на одном из которых зафиксированы следы штукатурки с краской. Индивидуальные находки немногочисленны: пряслице из стенки сосуда и металлическое изделие неясного назначения. Единичные находки на памятнике относятся к эпохе поздней бронзы.

Ключевые слова: археология, Нижний Дон, раннее Средневековье, Хазарский каганат, салтово-маяцкая археологическая культура, стратиграфия, керамика.

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL WORKS ON THE RIGHT-BANK TSIMLYANSK FORTRESS IN 2020-2022: FINDS AND MATERIALS

S. I. Vladimirov

The article is dedicated to the analysis of archaeological finds discovered during research at the Right-bank Tsimlyansk fortress in 2020–2022. For three years, an area of 105.6 m² was investigated on the territory near eastern wall, which was destroyed. Fragments of ceramics, mainly cookingware, belonging to the Saltovo-Mayaki archaeological culture, became the mass material on the area under study. Fragments of tableware and imported ceramics (amphorae, oinochoes) were found much less frequently. Building ware was also found and represented by several types of finds: burned bricks of square and similar shapes, tiles, calypters and ceramides. Building ware includes pieces of plaster and fragments of building blocks with furrows, one of which has traces of plaster with paint. There were few individual finds: a spindle whorl made of the vessel wall and a metal product of unclear purpose. Solitary finds on the monument belong to the Late Bronze Age.

Keywords: archaeology, Lower Don, Early Middle Ages, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayaki archaeological culture, stratigraphy, ceramics.

Правобережное Цимлянское городище – памятник представляющий остатки белокаменной крепости Хазарского каганата. Расположен на правом берегу Цимлянского водохранилища (некогда р. Дон) на треугольном мысу между станицей Хорошевская и пос. Саркел Ростовской области (рис. 1: 1). Городище известно с XVIII в., в XX в. раскопки на памятнике проводили И.И. Ляпушкин (1939), С.А. Плетнёва (1958–1959), В.С. Флёров (1987–1988, 1990). В 2006 г. В.С. Флёров вернулся к раскопкам городища, продолжавшимся до 2010 г. Работы на памятнике возобновились в 2017 г. и проводились в 2018 г. под руководством Д.А. Моисеева. В 2020 г. горо-

дище исследовалось Л.И. Красильниковой, а в 2021–2022 гг. автором статьи при научной консультации В.С. Флёрова.

С 2006 г. раскопки на городище приобрели спасательный характер. Их главной целью являлось исследование юго-восточной части памятника, подверженной разрушению под действием эрозионных процессов, причиной которых является близость Цимлянского водохранилища. Подробно этот процесс рассмотрен в отдельной статье (Флёров, 2020, с. 346–348). Стоит лишь отметить, что средняя скорость обрушения берега в районе ПЩГ составляет около 1 м в год (Флёров, 2020, с. 349). Тогда же, в 2006 г. был заложен раскоп

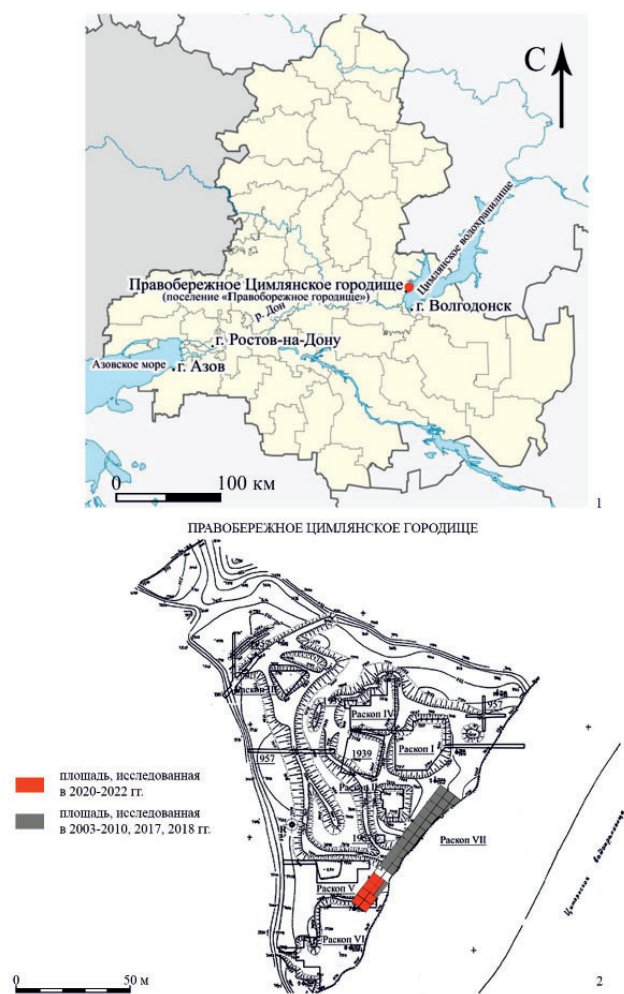

Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище:
1 – расположение на карте Ростовской области;
2 – топографический план, выполненный
В.С. Флёровым, с расположением места раскопок.
Fig. 1. The Right-bank Tsimlyansk fortress: 1 – location
on the map of the Rostov region; 2 – topographic plan,
made by V.S. Flyorov, with the location of the excavation
site.

VII, ориентированный длинной осью параллельно разрушающемуся берегу водохранилища с остатками крепостной стены, по большей части уже утраченной (Флёров, 2020, с. 352). В рамках этого раскопа и проходили исследования последующих лет на памятнике.

Работы на Правобережном Цимлянском городище в 2020–2022 гг. были сосредоточены в юго-западной части раскопа VII (рис. 1: 2). Общая исследованная площадь составила 105,6 кв.м. Стратиграфия изученной части раскопа отличается наличием мощного слоя песка, образовавшегося в период после сооружения Цимлянского водохранилища. Дующие

с его стороны ветры, разрушают коренной берег, сложенный песчаниками, а выдуваемый песок аккумулируется на поверхности мыса. Мощность песка на разных участках варьировалась в пределах 0,01–0,84 м. Под песком в северо-западном борте квадратов № 21–23 зафиксирована прослойка супеси коричневого цвета толщиной 0,01–0,25 м, происхождение которой связано, видимо, с задерновкой развала стен крепости после их разборки в середине XVIII в. Ниже залегает слой, состоящий из рваных меловых блоков и щебня мощностью 0,37–1,60 м, его происхождение относится к середине XVIII в., когда стены крепости разбирались казаками для строительства укреплений Черкаска (ныне станция Старочеркасская). Развалы стен покоятся на тонком слое хазарского времени до 0,1 м, который залегал локальными пятнами, а не сплошной площадью. Такая «мозаичность» залегания культурного слоя у стен крепости, на наш взгляд, также является следствием их разборки, в результате чего находки, в том числе эпохи бронзы, попали в слой развала стен. В отдельных местах под слоем хазарского времени выявлен тонкий слой меловой крошки, образовавшийся, видимо, во время строительства крепости. Такая же прослойка зафиксирована при раскопках южного угла крепости. В основном же хазарский слой лежал на слое эпохи бронзы иногда отделяемый от последнего тонкой прослойкой песка. Слой эпохи бронзы не исследован, однако с ним связаны находки лепной керамики и кремня, преимущественно, из вышележащих слоёв. Таким образом, прослеженная на участке стратиграфия соответствует наблюдениям В.С. Флёрова, сделанным ранее при исследовании южного угла крепости (Флёров, 1994, с. 481–482).

Большая часть находок хазарского времени происходит из слоя развала стен. Массовой категорией находок является керамика (271 фрагмент). Среди фрагментов керамики преобладают остатки кухонных горшков (189 фрагментов – 70%) (рис. 2: 1–6). Стенки чаще всего орнаментированы горизонтальным рифлением (рис. 2: 4–6), реже встречается рифление в виде волны (рис. 2: 1, 3) и прочерченных линий. Венчики имеют орнамент в виде отпечатков гребёнки, зацепов (рис. 2: 2) и насечек по срезу (рис. 2: 1). Основной примесью в тесте выступает песок, часто

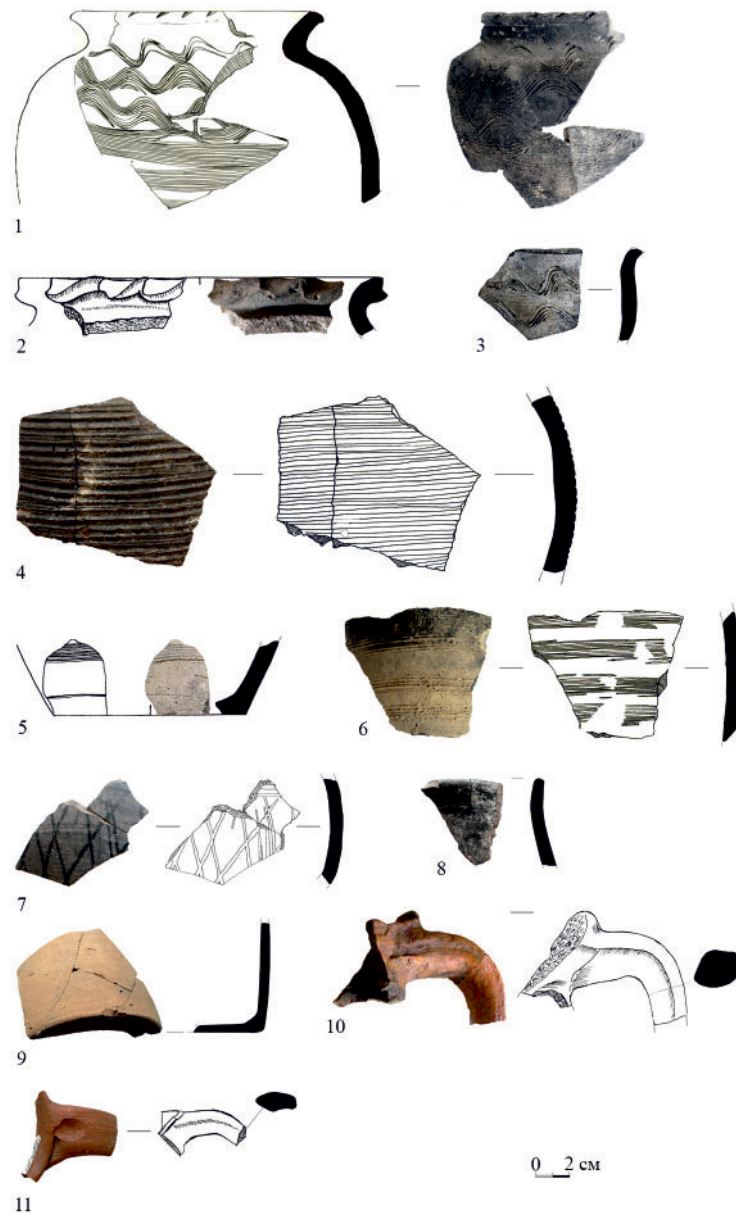

Рис. 2. Фрагменты посуды салтово-маяцкой культуры из раскопок Правобережного Цимлянского городища: 1-6 – кухонная керамика; 7, 8 – столовая керамика; 9-11 – импортная керамика.

Fig. 2. Fragments of the Saltovo-Mayaki ware culture from the excavations of the Right-bank Tsimlyansk fortress: 1-6 – cookingware; 7, 8 – tableware; 9-11 – imported ceramics.

вместе с шамотом, реже встречен шамот, как отдельная примесь, и ракушка. Иногда в тесте присутствуют вкрапления белого цвета, похожие на мел. В качестве отощителя в керамике ПЦГ мел упоминался и ранее (Плетнёва, 1994, с. 328). Практически вся кухонная керамика относится к круговой, однако выявлены единичные фрагменты лепной посуды, зафиксированной на памятнике ранее и тоже в небольшом количестве (Плетнёва, 1994, с. 327; Флёров, 1994, с. 475).

В сравнении с кухонной обращает на себя внимание малое количество столовой керами-

ки (46 фрагментов – 17%). Близкий по доле процент столовой посуды был обнаружен при раскопках южного угла крепости (Флёров, 1994, с. 474). Она представлена фрагментами сосудов, покрытых зональным (рис. 2: 7) и, реже, сплошным лощением (рис. 2: 8). Также в качестве орнамента использованы горизонтальный каннелюр и прочерченные линии. Среди примесей в керамике преобладает песок, часто с шамотом. Реже единственной примесью в тесте выступает шамот.

Импортная керамика встречена почти так же редко, как и столовая (35 фрагментов

– 13%). Она представлена черепками оранжевого и тёмно-красного цвета. Большая их часть относится к амфорам (рис. 2: 10), однако встречены фрагменты и иных форм привозных сосудов, например, ойнохой (рис. 2: 9, 11). В половине случаев примесь в тесте не зафиксирована, среди оставшихся преобладает рецептура с добавлением шамота, в единичных случаях песка, шамота и песка.

Помимо фрагментов посуды при раскопках обнаружены строительные материалы, в частности, строительная керамика. Наиболее многочисленными оказались находки обожжённых кирпичей – от фрагментов размером в пару сантиметров до целых форм (рис. 3: 5). В изломе сердцевина кирпичей тёмного цвета, ближе к краям – оранжевого. В тесте фиксируются многочисленные полости разных размеров от выгоревшей органики. Находки кирпичей тяготели к квадрату 21, в котором был обнаружен строительный комплекс, представлявший собой кирпичную выкладку с сохранившейся в отдельных местах на высоту трёх рядов. Целые формы кирпичей были квадратной формы со сторонами, преимущественно, 24x24 и 25x25 см, несколько кирпичей имели размер 26x26 и один 27x27 см. Толщина целых кирпичей и фрагментов с сохранившимися гранями (20 ед.) достаточно вариабельна и колеблется в диапазоне от 3,2 до 7 см с пиком, приходящимся на значение 4,6–4,8 см.

К строительной керамике относится плитка. Всего в 2020–2022 гг. обнаружено шесть фрагментов плитки. На редкость её находок уже обращалось внимание в литературе (Калинина и др., 2014, с. 129). Снаружи и в изломе плитка бледно-красного цвета, однако у некоторых фрагментов в центре зафиксирована тёмная узкая полоска. Изготовлена из хорошо отмученной глины, при этом в тесте фиксируются мелкие полости. Аналогия плитке с ПЦГ обнаружена в материалах раскопок Фанагории (Чхаидзе, 2012, рис. 129: 19; Флёров, 2015, с. 64).

Помимо кирпичей и плитки в раскопе выявлены фрагменты калиптеров и керамид. На сегодняшний день черепица зафиксирована лишь на пяти нижнедонских памятниках хазарского времени, в том числе на ПЦГ (Моисеев, 2020, с. 297). По типологии Д.А. Моисеева черепица ПЦГ относится к двум группам – оранжевоглиняной и сероглиняной

Рис. 3. Строительные остатки и строительная керамика из раскопок Правобережного Цимлянского городища: 1 – блок с бороздами и окрашенной штукатуркой; 2, 3 – керамиды; 4 – калиптер; 5 – обожжённый кирпич.

Fig. 3. Building remains and building ware from the excavations of the Right-bank Tsimlyansk fortress: 1 – building block with furrows and painted plaster; 2, 3 – ceramides; 4 – calypter; 5 – burned brick.

(Моисеев, 2020, с. 299). Обе группы зафиксированы и во время работ 2020–2022 гг. В частности, калиптеры представлены семью фрагментами, преимущественно, оттенков оранжевого, реже бледно-красного и серого цвета (рис. 3: 4). Их толщина варьируется от 1,8 до 2,1 см, единожды встречены фрагменты толщиной 1,2 и 1,6 см. К керамидам относятся пять фрагментов серого (рис. 3: 2, 3), а также оранжевого и бледно-красного цвета толщиной от 1,8 до 3,1 см.

Строительные остатки включают в себя находки обломков блоков и штукатурка. В пределах исследованной площади обнаружено 13 фрагментов блоков, на лицевую (ровную) поверхность которых были нанесены линейные пересекающиеся борозды. На одном из фрагментов блоков зафиксирован известня-

ковый раствор бледно-красного цвета (рис. 3: 1). В связи с этим следует отметить находки в пределах раскопа VII фрагментов штукатурки и известняковых «кирпичиков» со следами красной краски (Флёров, 2015, с. 56). Штукатурка представлена немногочисленными фрагментами белёсого цвета, изготовленными на основе мелкой известняковой крошки. Малое количество фрагментов штукатурки объясняется тем, что она использовалась не повсеместно, а локально, лишь частично покрывая стены и башни крепости (Флёров, 2010, с. 47).

Помимо фрагментов посуды, строительной керамики и строительных остатков в раскопе выявлены две индивидуальные находки. Одна из них представляет собой железное изделие овальной формы с двумя шипами на концах. Такие предметы уже были обнаружены на ПЦГ, но их назначение остаётся неизвестным (Плетнёва, 1994, с. 321; рис. 43: 1-5). Второй находкой является половинка пряслица из стенки кухонного сосуда. Керамические пряслица на ПЦГ чаще всего изготавливались из стенок амфор и столовых сосудов, реже материалом для них служили стенки кухонных сосудов (Плетнёва, 1994, с. 322).

Также обнаружено достаточно много костей животных, в том числе три астрагала. При этом костные остатки рыб располагались скоплениями, в которых попадалась и чешуя,

что говорит о важном месте рыбы в рационе обитателей крепости (Флёров, 1994, с. 479).

Таким образом, в результате работ на ПЦГ в 2020–2022 гг. была получена коллекция предметов, характеризующих быт населения средневековой крепости. Все находки относятся к категориям, выявленным на памятнике ранее. Особый интерес представляют остатки строительной керамики, имевшей импортное происхождение. Обнаруженные предметы имели широкие рамки бытования и не противоречат общей хронологии ПЦГ – начало–середина IX в. Стратиграфические наблюдения находят соответствие с ситуацией, известной по работам предыдущих лет в пределах раскопов VI и VII, расположенных у восточной стены крепости.

Помимо выявленных материалов, в 2020–2022 гг. были обнаружены строительные комплексы, связанные с восточной и, предположительно, внутренней стенами крепости, а также кладка из обожжённого кирпича. Частично эти материалы опубликованы (Флёров, 2023), в остальном требуют дальнейшего осмысления.

Как было сказано в начале статьи, Правобережная Цимлянская крепость постепенно разрушается и остаётся только надеяться, что работы на памятнике в будущем возобновятся, и он будет сохранён для науки.

ЛИТЕРАТУРА

Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. 208 с.

Моисеев Д.А. Черепица Правобережного Цимлянского городища // Хазарский альманах. Т. 17 / Гл. ред. О. Б. Бубенок. М.: Индрик, 2020. С. 297–325.

Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1995. С. 271–396.

Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1995. С. 441–516.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.- Иерусалим: Мосты Культуры – Gesharim, 2011. 258 с.

Флёров В.С. Строительные и отделочные материалы византийского происхождения на Нижнем Дону // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 15/ Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани, 2015. С. 50–83.

Флёров В.С. Работы на Правобережном Цимлянском городище в 2003–2006 гг. и процессы его разрушения // Хазарский альманах. Т. 17 / Гл. ред. О. Б. Бубенок. М.: Индрик, 2020. С. 339–373.

Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость Хазарского каганата по раскопкам 2006–2021 гг. // РА. 2023. № 3. С. 114–128.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI – X вв. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.

Информация об авторе:

Владимиров Сергей Игоревич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной и культурно-просветительской деятельности музея-заповедника «Дивногорье» (г. Воронеж, Россия); SergeiHistory@mail.ru

REFERENCES

Kalinina T.M., Flerov V.S., Petrukhin V.Ya. 2014. *Khazariya v krosskul'turnom prostranstve. Istoricheskaya geografiya. Krepostnaya arkhitektura. Vybor very (Khazaria in the cross-cultural space. Historical geography. Fortress architecture. The choice of faith)*. Moscow: “Rukopisnye pamyatniki drevney Rusi” Publ. (in Russian).

Moiseev, D. A. 2020. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazaraskii al'manakh (Khazar Almanac)* 17. Moscow: “Indrik” Publ., 297–325 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 441–516 (in Russian).

Flyorov, V. S. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 441–516 (in Russian).

Flyorov, V. S. 2011. «Goroda» i «zamki» Khazaraskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost' (“Towns” and “Castles” of Khazar Khaganate. Archaeological Reality)*. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ. (in Russian).

Flyorov, V. S. 2015. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 15. Armavir: “Nasledie Kubani” Publ., 50–83 (in Russian).

Flyorov, V. S. 2020. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazaraskii al'manakh (Khazar Almanac)* 17. Moscow: “Indrik” Publ., 339–373 (in Russian).

Flyorov, V. S. 2023. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 114–128 (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2012. *Fanagoriya v VI – X vv. (Phanagoria in the VI – X centuries)*. Moscow: “Triumph Print” Publ. (in Russian).

About the Author:

Vladimirov Sergey I., Candidate of Historical Sciences, Museum-Reserve Divnogorye. Koltsovskaya St., 56a, Voronezh, 394030, Voronezh Region, Russian Federation; SergeiHistory@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.202.208>

О НАХОДКАХ ПИСЬМЕННЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ В КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2024 г. П.В. Харламов

В представленной научной публикации рассматривается очень редкая категория вещевого инвентаря, связанная с развитием письменности в кочевой среде. Территориально представленные предметы происходят из кочевнических погребений XIII–XIV вв. исследованных в Волго-Уральских степях. Также в работе использовались случайные находки, хронологически относящиеся к этому периоду. Цель научного исследования – ввод в научный оборот новых предметов и создание свода находок, связанных с письменностью, на основе археологического материала XIII–XIV вв., обнаруженного в указанном регионе. Полученные результаты указывают о наличии письменности в кочевой среде, где наибольшее распространение она находит только у аристократии, которая могла использовать ее для ведения внутренней переписки, делопроизводства, а так же в литературном творчестве. Необходимо отметить, что на сегодняшний день, часть предметов связанных с письменностью в Золотой Орде, выявлена только в памятниках кочевников степной зоны Волго-Уралья.

Ключевые слова: Золотая Орда, степи Волго-Уралья, кирпичные мавзолеи, письменные принадлежности.

ABOUT THE FINDS OF WRITING-MATERIALS IN THE NOMADIC MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

P.V. Kharlamov

This scientific publication deals with a very rare category of artifacts associated with the development of writing among nomadic tribes. Geographically presented items come from nomadic burials of the XIII–XIV centuries studied in the Volga-Ural steppes. The chance finds chronologically related to this period are also used in the work. The objectives of the scientific research is to introduce new objects into scientific discourse and to create a set of finds related to writing, based on the archaeological material of the XIII–XIV centuries found in the mentioned region. The results obtained indicate the presence of writing in a nomadic environment, where it was most widespread only among the elite, which could use it for internal correspondence, record-keeping, as well as in literary work. It should be noted that to date, some of the items related to writing in the Golden Horde have been identified just in the monuments of nomads of the Volga-Ural steppe zone.

Keywords: Golden Horde, steppes of the Volga-Urals, brick mausoleums, writing-materials.

Со становлением улуса Джучи и образованием золотоордынского государства требовался разветвленный аппарат чиновников, обладающий навыками делопроизводства на основе принятой письменности. Письменность также начинает распространяться среди аристократии и зажиточного населения. Для ведения делопроизводства и личной переписки использовалось большое количество орудий письма и бумаги. На сегодняшний момент ввиду исторических событий мы имеем ограниченное количество литературных памятников и делопроизводственных документов. Единственным археологическим свидетельством в рамках археологии о грамотности и просвещенности населения являются

письменные принадлежности, подтверждающие наличие письменной культуры.

Известно, что в Золотой Орде практически вся политическая, экономическая и духовная жизнь кипела в городских центрах и вокруг них: на это указывает археологический материал и различные сведения, получаемые из письменных источников. В крупных городах с развитием и распространением ислама начинают строиться мечети, а при них - медресе. Города становятся центрами просветительской деятельности (Нуриева, 2011, с. 29-30). Значительное количество находок, связанных с письменной культурой, известно по материалам раскопок золотоордынских городов и поселений. Наиболее массовым материалом

из данной категории вещей являются керамические чернильницы, редко – металлические писала. Стоит отметить, что в Золотой Орде соединились письменные традиции различных народов и культур, а применение арабской и уйгурской графики в письме обусловило особый характер развития письменной культуры для этого государственного образования (Абзалов, 2011, с. 120). Подтверждением этому служат немногочисленные находки фрагментов рукописей в погребениях золотоордынского времени:

- берестяная книжечка из разрушенного золотоордынского погребения, обследованного в окрестностях с. Подгорное-Терновка в Саратовской области. Берестяная книжечка содержала стихи, написанные на двух языках – монгольском и уйгурском. В рукописи использовано три графических письменных алфавита – монгольский, монгольский-квадратный и уйгурский (Малов и др., 2013, с. 386);

- фрагмент бересты из погребения 37 Ванкуровского грунтового могильника в Астраханской области, содержащий текст светского характера, написанный на арабском языке (Кутуков и др., 2011, с. 103-104).

В то же время значительный вес в золотоордынском обществе имела кочевая аристократия, которая часто проживала вдали от городов. Как показали известные события XIV в., кочевники играли одну из главных, ключевых ролей в политической, экономической и религиозной жизни государства. Но кочевой образ жизни, практически полное отсутствие поселенческих памятников и полученный в ходе исследований памятников археологический материал, не позволяют нам в полной мере, оценить уровень грамотности этого населения. О том, что какая-то часть кочевого населения была знакома с грамотой, позволяют судить немногочисленные косвенные данные, в основном связанные с религиозным контекстом (находки амулетниц иногда сопровождающиеся изречениями из Корана), инкрустированные надписи на оружии, металлической посуде и других предметах.

Количество письменных принадлежностей, обнаруженных в погребениях кочевников, в количественном плане, даже близко не соотносится с тем, что обнаружено в слоях поселений. Тем не менее, такие предметы есть, и они отличаются большим многообразием.

Хронологически одной из первых находок на территории степного Приуралья является набор "писца" выставленный в экспозиции Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, посвященной эпохе средневековья. Состоит: из пенала для хранения писал, чернильницы и двух крышечек соединенных между собой цепочкой. Ранее эти вещи составляли единый комплекс и находились в кожаном чехле.

Письменные принадлежности обнаружены в V Свердловском курганном могильнике (Тептяри), исследованном Сергеем Александровичем Поповым с 1968 по 1970 г. Памятник расположен на юге Тоцкого района Оренбургской области. Курганный могильник состоял из групп курганов позднего бронзового века, раннего железного века и трех золотоордынских мавзолеев. Мавзолеи располагались компактной группой в юго-западной части могильника. В настоящее время материалы и результаты раскопок золотоордынских мавзолеев не опубликованы полностью¹. Интересующая нас категория предметов обнаружена в кургане 6, погребении 5 (Попов, 1970).

Погребение выявлено в северной части мавзолея. Над погребением было сооружено кирпичное надмогильное перекрытие, в половину могильной ямы. В заполнении погребальной ямы фиксировались фрагменты дерева, угля, золы и фрагменты костей лошади. На дне могилы находился костяк человека в вытянутом положении головой на запад, кисти рук располагались на тазовых костях. В состав заупокойного инвентаря входил набор писца, положенный справа у головы погребенного, над плечом (рис. 1; 3: 1).

Пенал и чернильница находились в кожаном чехле, который плотно их облегал и составлял единый комплекс вещей (рис. 1: 1, 3). Все металлические предметы изготовлены из сплава на основе меди (бронза?). Крышечки соединены между собой цепочкой, состоящей из 6 звеньев s-образной формы. Изделия изготовлены по единой схеме из плоского листа металла, из которого сворачивалась полусферическая форма (рис. 1: 4). В месте соединения монтажного шва, по центру, вставлялась петля, скрученная из небольшого прута. Соединительный шов и место крепления петли тщательно запаяно. К основанию полусферической формы припаивалась тонкая округлая пластина (втулка), для более плотно-

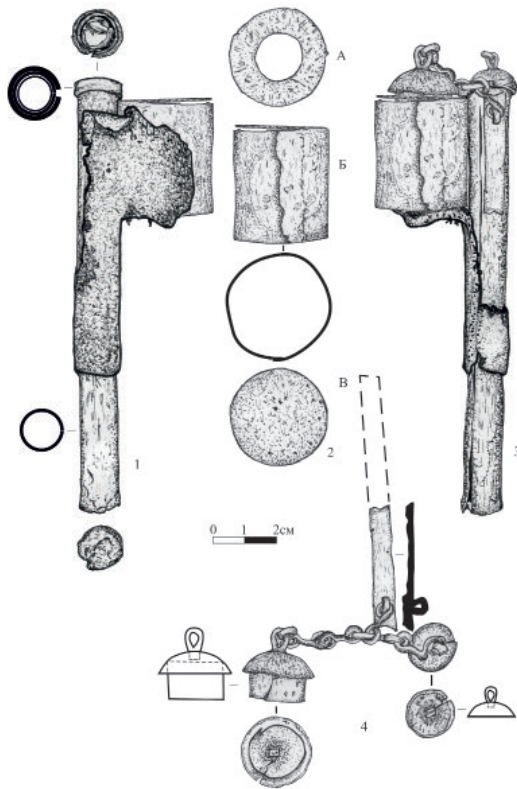

Рис. 1. Набор писца из Свердловского КМ (Тептяри). Курган 6, погребение 5.

Fig. 1. Set of scribes from the Sverdlovsky barrow field (Teptyari). Barrow 6, burial 5.

го втульчатого насада. Крышка для чернильницы целиком образует грибовидную форму, высотой вместе с петлей 24 мм и диаметром шляпки 23 мм. Втулка чернильницы трапециевидной формы, диаметр в верхней части 17 мм, в нижней 12 мм. Крышка пенала для писал: высота сохранившейся части вместе с петлей 12 мм, диаметр 14 мм, диаметр втулки 11,5 мм. Втулка обломана, фрагменты ее фиксируются в футляре для писал.

Цепочка прикреплена к длинной узкой пластине снабженной петелькой, при помощи размыкания одного из звеньев². Первоначальная длина пластины (согласно отчету) достигала 8 см, ширина 0,6 см. Петля, находящаяся на узкой пластине, изготовлена из тонкого металлического прута, согнутого пополам, которая затем вставлялась в пластину и закреплялась при помощи разгибания кончиков. Узкая пластина, судя по морфологическим признакам, вставлялась в кожаный чехол.

Чернильница от времени распалась на три фрагмента (рис. 1: 2). Тулово изготовле-

но из одного листа, образуя цилиндрическую форму (рис. 1: 2Б). К основанию цилиндра при помощи припоя крепилась округлая пластина - доньшко (рис. 1: 2В) и верхняя - крышкочко (рис. 1: 2А). Высота цилиндра 42 мм, диаметр 31 мм. Диаметр накладных деталей: крышки приемника и дна чернильницы 32 мм, диаметр отверстия под вставляемую крышку 16 мм, толщина стенок 1 мм.

Футляр для писал свернут из плоского листа металла, в области крепления крышки дополнительно скреплялся обжимным кольцом (рис. 1: 1, 3). Дно футляра снабжено округлой пластиной, плотно вставленной в тубус и запаянной. Внутри приемника фиксируются фрагменты втулки от крышки. На футляре сохранился кожаный чехол Г-образной формы, изготовленный из одного куска кожи, который сшивался мелкими стяжками. Длина металлического футляра 141 мм, диаметр 14 мм, толщина стенок около 1 мм. Диаметр обжимного разомкнутого кольца 16 мм, толщина 1,2 мм.

Полной аналогией набору писца, обнаруженному в Свердловском мавзолее (курган 6) является набор из кургана 3 могильника Бахтияровка обследованного И.П. Лисицыным в 1967 г. (Мыськов, 2015, с. 358, рис. 86). Интересно, что в пенале из этого погребения сохранились 6 заостренных палочек для письма, одна из которых изготовлена из бука, а остальные из бамбука. Длина писал составляла от 11 до 13 см. Хорошо сохранился кожаный чехол, в который помещались чернильница и пенал. Нижняя часть пенала покрыта чехлом и окантована узким бронзовым кольцом, что обеспечивало более плотное прилегание кожи. На аналоге из Свердловского мавзолея подобное кольцо не сохранилось. Верхняя часть чехла снабжена двумя кожными отворотами, закрывавшими полностью предметы, создавая, таким образом, герметичность конструкции (рис. 2). Судя по расположению набора писца в погребении, кожаный чехол мог крепиться к поясу.

Достаточно близкими по составу являются находки чернильницы и пенала для писал, происходящих из коллекции находок, обнаруженных у д. Брик-Алга в Белебеевском районе Республики Башкортостан (Гарустович и др., 2004, с. 254).

По мнению авторов, обследовавших данную местность, в окрестностях села Брик-

Алга был разграблен купеческий болгарский караван (Антонов, 2019, с. 109). Наличие в коллекции предметов нумизматического материала, позволяет отнести данные находки ко второй пол. XIV в.

Чернильница – бронзовая, восьмигранной в сечении формы. В отличие от чернильниц из КМ Бахтияровка и Свердлово, на ней выделяется горловина, которая, как и тулово восьмигранной формы, диаметром 1,4 см. Высота чернильницы 4,4 см, диаметр дна 3,5 см. Крышка не сохранилась (рис. 2: 2.1). Пенал для хранения писал аналогичен вышеописанным футлярам по технологии изготовления, но немного отличается в размерах (рис. 2: 2.2). Его длина составляет 11,7 см, диаметр 1,3 см. Крышка не сохранилась. Судя по находкам наборов писцов из КМ Свердлово и Бахтиярово, возможно, что данные предметы составляли единый комплекс.

Редкой и уникальной по своему художественному оформлению является чернильница, обнаруженная в Баймакском районе Республики Башкортостан в окрестностях д. Карышкино (Гарустович, Валлиулин, 2008, с. 102-105). Предмет состоит из двух частей: крышки и цилиндрического корпуса, общей высотой 10 см (рис. 2: 3; 3: 2). Чернильница и крышка изготовлены при помощи литья, декорированы гравировкой, инкрустированы медью и серебром, фон покрыт специальным пастообразным составом. Поверхность изделия покрыта растительным орнаментом, письменами и антропоморфными личинами.

Крышечка втульчатый способом закрывала чернильницу, поэтому диаметр цилиндра в верхней части 7,8 см, а в основании 8 см. Высота цилиндрического тулова сосуда 5,9 см.

Высота крышечки - 1,4 см, диаметр - 8 см, высота куполообразного выступа (ручка) - 3,2 см. Крышечка была снабжена тремя шарнирными петлями (сохранилась одна), через которые продевался шнур для подвеса сосуда.

Чернильница, найденная у д. Карышкино Баймакского района, по мнению авторов находки, имеет иранское происхождение и могла быть изготовлена в XIII-XIV вв. В настоящее время хранится в Национальном музее Республики Башкортостан.

Следующая находка обнаружена на территории КМ 3 у с. Озерки в Курманаевском районе Оренбургской области. Курганный

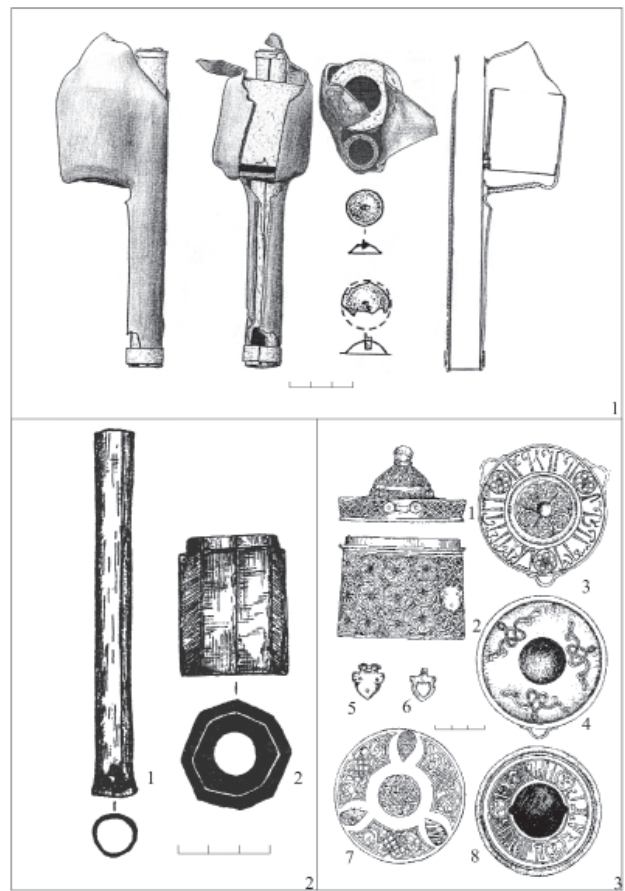

Рис. 2. 1 - набор писца из кургана 3 КМ Бахтияровка (Мысков, 2015); 2 - чернильница и пенал для писал обнаруженные у д. Брик-Алга в Белебеевском районе Республики Башкортостан (Гарустович и др., 2004); 3 - чернильница найденная в окрестностях д. Карышкино Баймакского района Республики Башкортостан (Гарустович, Валлиулин, 2008).

Fig. 2. 1 - a set of scribes from the barrow 3 of the Bakhtiyarovka barrow field (Myskov, 2015); 2 - an inkwell and stylus case found at the village of Brik-Alga in the Belebei district of the Republic of Bashkortostan (Garustovich et al., 2004); 3 - an inkwell found nearby the village of Karyshkino in the Baymak district of the Republic of Bashkortostan (Garustovich, Valliulin, 2008).

могильник насчитывает несколько земляных насыпей, сооруженных, по всей видимости, в раннем железном веке. Среди учтенных курганов выделяется насыпь кургана 5, на поверхности и вокруг которого множество битого обожженного кирпича. Судя по внешним признакам, данный курган ранее являлся мавзолеем золотоордынского времени. Но природные факторы и ежегодная распашка разрушили его до основания. Во время мониторинга состояния памятников археологии в 2023 г. на поверхности кургана 5 был обнаружен керамический ребристый сосудик с

широким туловом, интерпретированный как чернильница (рис. 3: 3).

Внешняя и внутренняя поверхность сосуда покрыты прозрачной бирюзовой поливой. Венчик и ножка не сохранились. Судя по сколам, предмет изготовлен из белой формовочной массы (кашин). Высота сохранившегося сосуда 4,8 см. Диаметр тулова по центру 5,7 см, диаметр кольцевой ножки 3,8 см, диаметр венчика 2,5 см, внутренний диаметр отверстия венчика 1,6 см. Толщина стенок сосуда 0,3-0,5 см.

Керамические чернильницы довольно часто встречаются в золотоордынских городских центрах, большинство из них изготовлено из кашина и покрыты глазурью различных цветов, иногда декорировались подглазурной росписью. По форме они выделяются широким туловом по центру, низким горлышком и кольцевой ножкой. Размеры чаще всего не сильно разнятся: высота от 4 до 8 см, диаметр изделий до 8 см, диаметр горлышек 2-3 см.

Таким образом, рассмотренные предметы можно разделить на две группы: металлические чернильницы и керамические чернильницы.

Металлические чернильницы и футляры для писал могли крепиться или располагаться на поясе. Снабжались плотно вставляемыми крышками для сохранения содержимого.

Наборы писцов из Свердловского мавзолея (курган 6) и КМ Бахтияровка курган 3 на сегодняшний день являются единственными хорошо сохранившимися экземплярами подобного типа. Конструктивно наиболее подходили для использования в походно-кочевых условиях. Аналогичные наборы в золотоордынских поселенческих памятниках, пока не встречены.

Керамические чернильницы находят наибольшее распространение в стационарных населенных пунктах. Использовались во время письменных работ, куда наливались разведенные чернила и обычно не снабжались крышечками. Известно, что вместе с другими письменными принадлежностями (писала - калямы, подставки под перья, перочинный нож, чернила, бумага, печати и т.д) хранились в специальных коробах - каптарга (Абзалов, 2011, с. 225).

Наличие письменных принадлежностей, обнаруженных в мавзолеях,шний раз подтверждает, что кирпичные мемориаль-

Рис. 3. 1 - набор писца из Свердловского КМ (Тептяри). Курган 6, погребение 5; 2 - чернильница найденная в окрестностях д. Карышкино Баймакского района Республики Башкортостан (Гарустович, Валиулин, 2008); 3 - чернильница обнаруженная на развалинах мавзолея (курган - 5) курганного могильника 3 у с. Озерки.

Fig. 3. 1 - a set of scribes from the Sverdlovsky barrow field (Teptyari). Barrow 6, burial 5; 2 - an inkwell found nearby the village of Karyshkino in the Baymak district of the Republic of Bashkortostan (Garustovich, Valliulin, 2008); 3 - an inkwell found on the mausoleum ruins (barrow - 5) of the barrow field 3 at the village of Ozerki.

ные сооружения, располагавшиеся в степной зоне, могла позволить себе построить высшая кочевая аристократия, тесно связанная политическими, культурными и экономическими контактами с городскими центрами Золотой Орды.

В настоящее время на территории Оренбуржья известно около двух десятков мавзолеев, относящихся к золотоордынской эпохе. Подавляющая часть этих памятников безжалостно уничтожается ежегодной распашкой. Мавзолеи в степи необходимо сохранять, так как их изучение может дать подробные пред-

ставления о контактах кочевого населения ностей являются одним из примеров таких золотоордынского государства с городскими контактами. Находки письменных принадлеж-

Примечания:

¹ Отчасти результаты раскопок V Свердловского КМ опубликованы в статье И.В. Матюшко (2011). В данной работе фигурируют только материалы из кургана 7. В научно-популярной книге С.А. Попова "Тайны Пятимаров" имеются обобщенные сведения об исследованных им мавзолеях. Материалы курганов 6 и 8 полностью не публиковались.

² В 1970 г. пластина зафиксирована в обломках, в экспозиционной витрине в краеведческом музее демонстрируется ее фрагмент с крышечками и цепочкой.

Благодарности:

Выражаем благодарность ГАУК "Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей" за предоставление возможности работы с материалами раскопок КМ V Свердловско (Тептяри).

Выражаем благодарность сотруднику учебной археологической лаборатории ФГБОУ ВО "ОГПУ" Мельникову В.С., студентам исторического факультета Дзугкоевой А.А. и Толочко В.О. за помощь в подготовке иллюстративной части научной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: ЯЗ, 2011. 252 с.

Антонов И.В. Находки золотоордынских монет на территории Башкортостана // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 105–118. Доступно по URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nahodki-zolotoordynskih-monet-na-territorii-bashkortostana> (дата обращения: 26.03.2024).

Гарустович Г.Н., Валлиулин Г.Ф. К вопросу о культурных связях населения Южного Урала с Ираном в эпоху средневековья // УАВ. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: Гилем, 2008. С. 102–105.

Гарустович Г.Н., Сунгатова Ф.А., Яминов А.Ф. Брик-Алгинские древности XIV века на западе Башкортостана // УАВ. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов. Уфа: Гилем, 2004. С. 246–255.

Кутуков Д.В., Перерва Е.В., Резк М.Я. Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-1 в Астраханской области // *Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология.* 2011. № 1 (5). С. 99–104.

Малов Н.М., Пилипенко С.А., Сергеева О.В. Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное-Терновка // *Археология Восточно-Европейской степи.* Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. С. 382–396.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // *Археологические памятники Оренбуржья.* Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нуриева Ф.Ш. Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода. Астана: Сарыарка, 2011. 208 с.

Попов С.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №5438.

Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1971. 197 с.

Информация об авторе:

Харламов Павел Викторович научный сотрудник учебной археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); kharlamovmore@rambler.ru

REFERENCES

Abzalov, L. F. 2011. *Khanskie pistsy. Iz istorii stanovleniya i razvitiya kantselyarskoy sluzhby khanov Zolotoy Ordy (Khan scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the Golden Horde khans).* Kazan: "Yaz" Publ. (in Russian).

Antonov, I. V. 2019. In *Magistra Vitae*. 2, 105–118 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nahodki-zolotoordynskih-monet-na-territorii-bashkortostana> (accessed 26.03.2024).

Garustovich, G. N., Valliulin, G. F. 2008. In Ovsyannikov, V. V. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 8. Ufa: “Gilem” Publ., 102–105 (in Russian).

Garustovich, G. N., Sungatov, F. A., Yaminov, A. F. 2004. In Kotov, V. G. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5. Ufa: “Gilem” Publ., 246–255 (in Russian).

Kutukov, D. V., Pererva, E. V., Rezk, M. Ya. 2011. *Nauchnyy vestnik Volgogradskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby. Seriya: Politologiya i sotsiologiya (Scientific bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. Series: Political Science and Sociology)* 5 (1), 99–104 (in Russian).

Malov, N. M., Pilipenko, S. A., Sergeeva, O. V. 2013. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: Saratov State University, 382–396 (in Russian).

Matyushko, I. V. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 146–155 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

Nurieva, F. Sh. 2011. *Atributsiya yazyka pis'mennykh pamyatnikov zolotoordynskogo perioda (Attribution of the language of written monuments of the Golden Horde period)*. Astana: “Saryarka” Publ. (in Russian).

Popov, S. A. 1970. *Otchet o rabote Orenburgskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1970 g. (Report on the work of the Orenburg archaeological expedition in 1970)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, no 5438 (in Russian).

Popov, S. A. 1971. *Tainy Pyatimarov (Secrets of the Pyatimary)*. Chelyabinsk: “Yuzhno-Ural'skoe kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

About the Author:

Kharlamov Pavel V., Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya, str. 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; kharlamovmore@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.209.222>

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ ГОРОДА ДЖУКЕТАУ

©2024 г. Ю.А. Семькин, Н.Г. Набиуллин

Статья посвящена общей характеристике черной металлургии и металлообработке города Джукетау. Технология кузнечного производства Джукетау исследовалась на основе метода археометаллографии, разработанного Б.А. Колчиным, и дополненного работами его учеников. Металлографические анализы были выполнены в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова с использованием металлографического микроскопа МИМ-7, микротвердомера ПМТ-3. В результате были установлены характер и качество кузнечного сырья, номенклатура кузнечной продукции, набор технологических приемовковки различных изделий и качество выполнения кузнечных операций. В пределах исследованной выборки (55 ед., 54 предмета) было выделено две технологические группы, в их пределах – 11 технологических схем. Технологическая группа I (36 ед., около двух третей в выборке): ковка из простого кричного железа; ковка из сырцово-неравномерно науглероженной стали; цементация поверхности; ковка из цельностальных заготовок; ковка из заготовок пакетного металла. Технологическая группа II (20 ед., более одной трети в выборке): ковка из заготовок трехслойного пакета; вварка стальной лезы в основное тело, откованное из кричного железа, сырцово-неравномерно науглероженной стали или из пакетованной заготовки; торцовая наварка; ковка из двухполосных заготовок; ковка из трехполосных заготовок; V-образная наварка. Также в процессе исследования был проведен сравнительный анализ по технологическим группам синхронных памятников.

Ключевые слова: археология Среднего Поволжья, X–XIV вв., Волжская Булгария, Улус Джучи, Золотая Орда, Джукетау, черная металлургия, кузнечное производство, технология, археометаллография.

NEW MATERIALS ON FERROUS METALLURGY AND METALWORKING IN THE CITY OF JUKETAU

Yu.A. Semykin, N.G. Nabiullin

The article is dedicated to the general characteristics of ferrous metallurgy and metalworking in the city of Juketaw. The Juketaw blacksmithing was studied on the basis of the archaeometallography method developed by B.A. Kolchin, and supplemented by the works of his students. Metallographic analyses were carried out in the archaeological laboratory of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov using a metallographic microscope MIM-7, microhardness tester PMT-3. As a result, the nature and quality of forging raw materials, the range of blacksmithing items, a set of technological methods for forging various products and the quality of forging operations were established. Within the studied samples (55 units, 54 items), two technological groups were identified, within them 11 technological schemes. Technological group I (36 units, about two thirds in the set): forging from simple bloomed iron; forging from raw unevenly carburized steel; surface cementation; forging from all-steel billets; forging from metal blanks. Technological group II (20 units, more than one third in the set): forging from blanks of a three-layer package; welding of a steel rod into the main body forged from bloomed iron, raw unevenly carburized steel or from packaged billets; end welding; forging from two-strip blanks; forging from three-strip blanks; V-shaped welding. Also, during the research, a comparative analysis was carried out on technological groups of synchronous sites.

Keywords: archaeology of the Middle Volga region, X–XIV centuries, Volga Bolgaria, Ulus of Jochi, Golden Horde, Juketaw, ferrous metallurgy, blacksmithing, technology, archaeometallography.

Известный археолог Т.А. Хлебникова отмечала, что не позже второй половины домонгольского периода город Джукетау превращается в экономический и культурный городской центр Нижнего Прикамья (Хлебникова, 1975, с. 249–250). Как и основная масса населе-

ния Волжской Булгарии, жители Джукетау занимались земледелием и скотоводством, а прибрежное расположение города предполагало занятие рыболовством. В вещевом комплексе Донауровского селища (в домонгольское время один из посадов, в золотоор-

дынское время – непосредственно территория города «открытого типа») достаточно весомо и разносторонне представлены орудия труда и предметы, характеризующие производственно-хозяйственную деятельность, в том числе – инструментарий и предметы труда ремесленников (Набиуллин, 2022, с. 293–304; Набиуллин, 2022а, с. 303–316). При этом из-за распаханности культурного слоя не всегда удается разделять материалы домонгольского и золотоордынского периодов.

Пока не выявлены производственные объекты, связанные с черной металлургией и металлообработкой, надежно датированные домонгольским временем. С территории городища¹, функционирование которого приходится на домонгольское время, известна находка железной крицы (рис. 1: 3; 2: 1) в форме параллелепипеда размерами 110×70×45 мм, весом 0,7 кг, с продольным разрезом по средней части глубиной 4 мм) (Баранов и др., 2016, с. 163, рис. 22.1.7). Есть основания полагать, что абсолютное большинство изделий, видимо, является продукцией местных ремесленников (на что указывают и пока немногочисленные находки с признаками заготовок изделий).

Данных о времени Улуса Джучи на порядок больше. Расположенная непосредственно на берегу р. Кама северная оконечность Донауровского селища была связана с металлургическим производством. Золотоордынский слой здесь насыщен сажей, мелким углем, обожженной и сырой глиной, железным шлаком. По данным Ф.Ш. Хузина, к золотоордынскому времени относятся остатки металлургической наземной печи, с вертикальными стенками и округлым в плане дном. Диаметр в плане 100–105 см, сохранившаяся высота 75 см. Сохранилось десять рядов, сложенных на глинистом растворе: два нижних ряда из известнякового камня и восемь рядов – из обломков кирпичей (одна целая плинфа имела размеры 25×25×5 см) и известняковых камней. Заполнение сооружения состояло из рыхлой серой супеси с большим содержанием древесного угля, золы, мелкого шлака (Хузин, 1994, с. 139–142; Семькин, 2022, с. 514, 516, рис. 10, 11).

В центральной части селища Ф.Ш. Хузин выявил сооружение, интерпретированное им как остатки жилой или производственной постройки типа кузнечной мастерской (возможно, с каркасно-столбовой конструк-

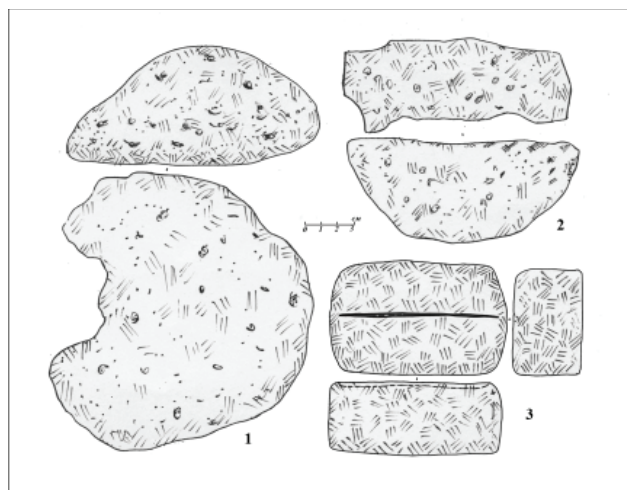

Рис. 1. Крицы из Джукетау.
Fig. 1. Blooms from Juketaw

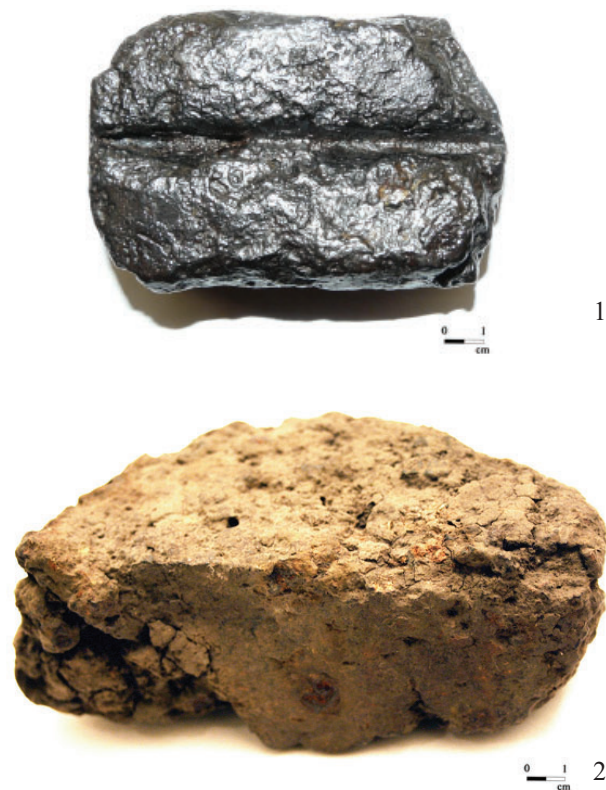

Рис. 2. Крицы из Джукетау.
Fig. 2. Blooms from Juketaw

цией стен) с очагом на глиняной платформе. Оно подпрямоугольное в плане, ориентированное углами по сторонам света, размерами 5,2×4,6 м. Разнесенная распашкой верхняя часть сооружения выявилась в виде пестроцветного пятна с включениями глины, древесного угля и железного шлака, окаймленного полосой древесного тлена и угля шириной 10–15 см. Глиняный массив мощностью до 30

см подстилался тонкой прослойкой древесного угля. В пределах сооружения выделилось овальное пятно прокала из обожженной глины, шлака, угля, под ним – яма диаметром 140–160 см в устье и 80 см на дне со скошенными к центру ровными стенками и дном на глубине 60 см. Деревянная стена или ее часть (у очага) была, видимо, обмазана глиной, о чем свидетельствуют найденные здесь куски глиняной обмазки. Сооружение ограничено столбовыми ямками диаметром и глубиной 30–40 см. По периметру сооружения найдены железные скобы, гвозди, которые могут быть связаны с деревянной конструкцией (Хузин, 1994, с. 139–142).

Как и в прибрежной части, культурный слой центральной части Донауровского селища чрезвычайно насыщен железным шлаком, мелкими обломками кирпича. Здесь выявлены плохо сохранившиеся многочисленные следы объектов в виде ям, в заполнениях которых среди прочего найдены железные крицы. Наиболее многочисленны крицы и шлак в виде аморфных «лепешек» разных размеров, имеющие среднюю плотность и значительную пористость структуры. Есть крупные экземпляры, например, одна из «лепешек» весила 2,3 кг (рис. 1: 1). Среди готовых железных криц – обрезок (около половинки) цилиндрической крицы диаметром примерно 16 см, толщиной 4–5 см, весом 1,13 кг (рис. 1: 2; 2: 2). Пока остается открытым вопрос о чугунолитейном производстве в Джукетау (Набиуллин и др., 2017, с. 42–58; Shaykhutdinova etc., 2017, pp. 87–93).

К инструментарию кузнецов и ювелиров относятся бородки, пробойник, зубило, наковаленка (?), напильник и др. (рис. 3, 4) Большими информативными возможностями для характеристики ремесленной деятельности обладает конечная продукция – кузнечные изделия. Значительный интерес для определения особенностей кузнечной технологии представляют результаты металлографического анализа пока еще небольшой серии некоторых изделий (Семыкин, Набиуллин, 2007, с. 100–109; Семыкин, 2018, с. 292–298). К настоящему времени в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета проведено металлографическое исследование серии кузнечных изделий из 54 предметов (55 анализов).

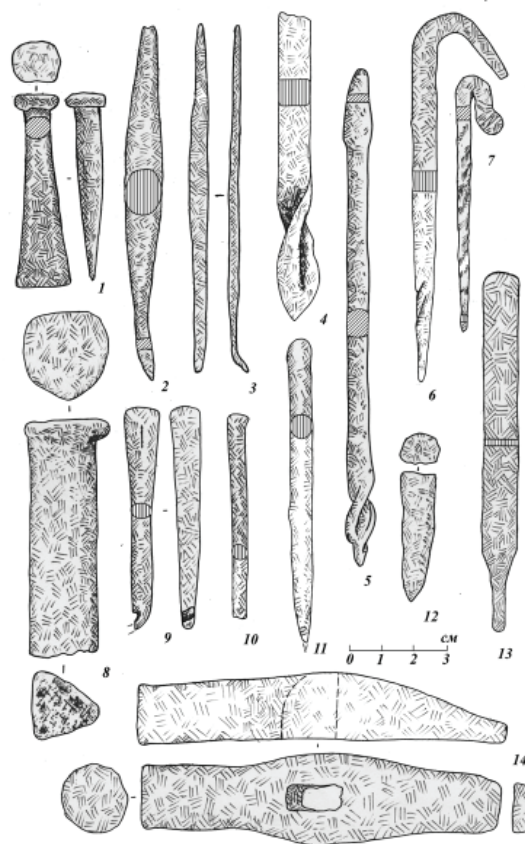

Рис. 3. Инструментарий ремесленников Джукетау
Fig. 3. Tools of Juketaw craftsmen

В исследовании представлены следующие категории кузнечного инвентаря: ножи хозяйственного, производственного, а также боевого² назначения (38 экземпляров, анализы №№ 34, 35, 40–43, 878–885, 897, 900–902, 905–908, 910–917, 919–922, 925, 927, 928), топор-кельт (1 экземпляр, анализ № 896); коса-горбуша (1 экземпляр, анализ № 899), двулезвийное вытянуто-овальное кресало (1 экземпляр, анализ № 898); наконечники стрел (8 экземпляров, анализы №№ 887–893, 926), кольцо от кольчуги (1 экземпляр, анализ № 895) и заклепка от кольчужного кольца (1 экземпляр, анализ № 895а), скребница для ухода за лошадьми (1 экземпляр, анализ № 903); 8) ключ от пружинного замка (1 экземпляр, анализ № 894), 9) замок (1 экземпляр, анализ № 929), 10) слесарный напильник (надфиль) (1 экземпляр, анализ № 886) (рис. 5–7).

Металлографические анализы были выполнены по методике, разработанной в конце 1950-х – начале 1960-х годов Б.А. Колчиным

Рис. 4. Инструментарий ремесленников Джукетау
Fig. 4. Tools of Juketaw craftsmen

и применяемой в ряде археолого-металлографических лабораторий России и ближнего зарубежья (Колчин, 1953). Для исследования технологии изготовления кузнечных изделий образцы выпиливались преимущественно из рабочих частей инструментов. Выпиленные образцы по 5–10 экземпляров заливались в специальные пластиковые обоймы эпоксидной смолой. Образцам были присвоены номера по сквозной нумерации металлографических анализов, практикуемых в археологической лаборатории УлГПУ. Далее следовал этап абразивной обработки с последующей шлифовкой и полировкой поверхности шлифов на шлифовальном станке с помощью водного раствора окиси хрома. Следующим этапом было изучение макроструктуры шлифа на бинокулярном микроскопе МБС-9 при увеличении до 50 крат. После этого исследование переносилось на металлографический микроскоп МИМ-7. Кратность увеличения при этом достигала 120–240. На этом микроскопе вначале шлифы изучались в нетравленном состоянии. Затем поверхность шлифов подвергалась легкому

травлению 3–5% растворами азотной и пикриновой кислот в этиловом спирте. Микротвердость структур замерялась микротвердометром ПМТ-3.

Результаты металлографического исследования рассмотрим по отдельным категориям кузнечной продукции.

Технология изготовления ножей

Исследованные ножи (38 ед.), за исключением одного (анализ № 921), найденного на домонгольском городище, происходят в основном из пахотного и золотоордынского слоев Донауровского селища. Выявлено две технологические группы изготовления ножей, в пределах которых – следующие технологические схемы. К I технологической группе (22 ед.; рис. 5) отнесены изделия, откованные с применением простых технологий без использования сварных железо-стальных конструкций. Такие технологии были характерны для раннего этапа становления кузнечного производства. Ко II технологической группе (рис. 6) отнесены технологии с конструктивным соединением, в основном способом кузнечной сварки стальных рабочих частей на железную основу (16 ед.).

Четыре ножа (анализы №№ 880, 912, 914, 915) оказались изготовленными из заготовок обычного кричного железа без дополнительных операций по улучшению рабочих качеств инструмента. Об этом свидетельствуют выявленные на травленной поверхности шлифов ферритовые микроструктуры. Ковка лезвий ножей из кричного железа не может считаться практичной, так как железное острие лезвия быстро теряло остроту заточки в процессе эксплуатации. Не исключено, что в условиях товарного производства ремесленной кузнечной продукции часть изделий выпускалась и по самой простой технологии. Это объяснялось стремлением кузнецов сократить затраты дефицитного стального сырья, да и времени на изготовление подобной продукции требовалось значительно меньше, чем на производство качественных изделий. Такое объяснение наличию значительного числа железных изделий в материалах с древнерусских памятников давал Б.А. Колчин.

В восьми случаях на ножах Джукетау выделена технологическая схема ковки ножей (в том числе, предположительно, боевой (анализ № 928) из сырцово-неравномерно науглеро-

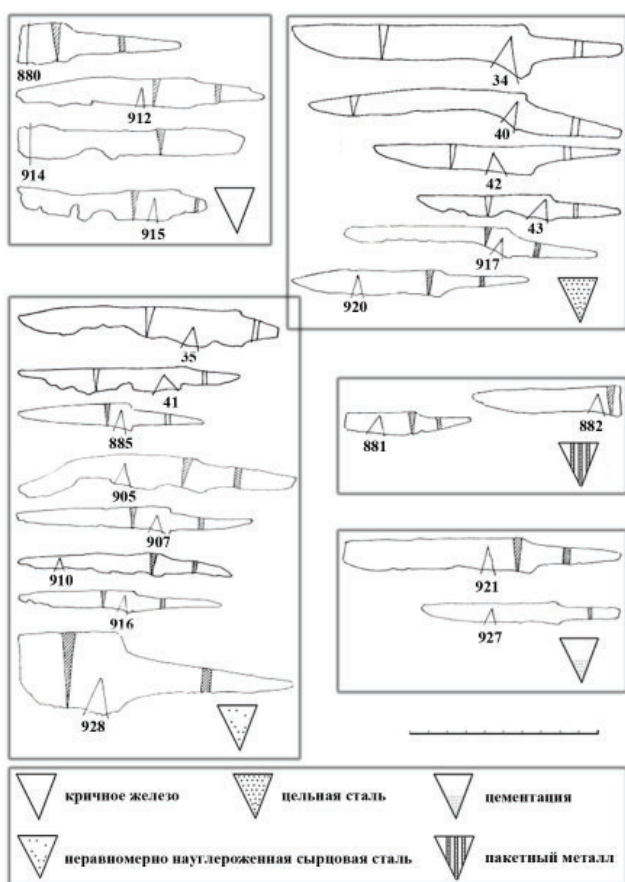

Рис. 5. Ножи из Джукетау. Технологическая группа I.
Fig. 5. Knives from Juketaw. Technological group I.

женной стали (анализы №№ 35, 41, 885, 905, 907, 910, 916, 928).

Металл в основном средней степени кузнечной прокованности. На шлифах наблюдаются ферритовые и феррито-перлитовые микроструктуры с микротвердостью феррита 97–129–140–143–159 кг/мм². Микротвердость феррито-перлитовых микроструктур на шлифах данной группы составляет 201–206 кг/мм².

На шлифе с ножа ан. № 910 наблюдается сорбитовая микроструктура с микротвердостью 305–358 кг/мм², свидетельствующая о мягкой закалке.

Технологическая схема цементации поверхности готового изделия³ была прослежена в двух случаях (анализы №№ 921, 927). После цементации микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры ножа ан. № 921 составила 221 кг/мм². Микротвердость ферритовой микроструктуры на ноже ан. № 927 в пределах 159 кг/мм², а феррито-перлитовых микроструктур – 201–212 кг/мм².

Шесть ножей (анализы №№ 34, 40, 42, 43, 917, 920) были откованы из высокоуглеродистых специально подготовленных цельно-стальных заготовок с последующей мягкой закалкой. Качество проковки металла на ножах этой группы в основном среднее. На шлифах присутствуют мелкие шлаки и неметаллические включения. Микротвердость феррито-перлитовых микроструктур на ножах этой группы варьировала в пределах 178–263 кг/мм², сорбитовой – 358 кг/мм² и мартенситовой (на ноже – ан. № 34) – 515 кг/мм².

Таким образом, термообработка на цельно-стальных ножах свидетельствует о преднамеренном использовании качественного высокоуглеродистого сырья с целью получения твердого острого лезвия. Но применение мягкой закалки лезвия ножей свидетельствует о стремлении избежать поломки лезвия ножа с резкой закалкой.

В двух случаях (анализы №№ 881, 882) выделена технологическая схемаковки из заготовки пакетного металла, когда единый блок заготовки формовался способом кузнечной сварки из полос стали и кричного железа. В одном случае – на ноже (ан. № 881) металл заготовки ножа прокован был слабо, о чем свидетельствует сильная засоренность шлаками неметаллическими включениями. Заготовка другого ножа была прокована лучше.

Шестнадцать экземпляров металлографически исследованных ножей принадлежат ко II технологической группе (рис. 6).

На шести ножах была выявлена технологическая схема трехслойного пакета (№№ 878, 900, 901, 906, 908, 919). Эта технология была широко распространена в конце VIII – XII вв. В XIII–XIV вв. технология трехслойного пакета на ножах заменяется наварными. На всех нетравленных шлифах группы ножей с трехслойным пакетом присутствуют шлаки и неметаллические включения. После травления в центральных зонах четырех шлифов (анализы №№ 878, 901, 906, 919) выявлены микроструктуры закаленной стали. На шлифах анализов №№ 878, 906 присутствует микроструктура сорбитообразного феррито-перлита, на шлифе ан. № 919 – сорбит. На шлифе ан. № 901 присутствуют троостит с микротвердостью 476 кг/мм² и мартенсит с микротвердостью 515 и 805 кг/мм². При этом в основном отмечена кузнечная сварка высокого качества.

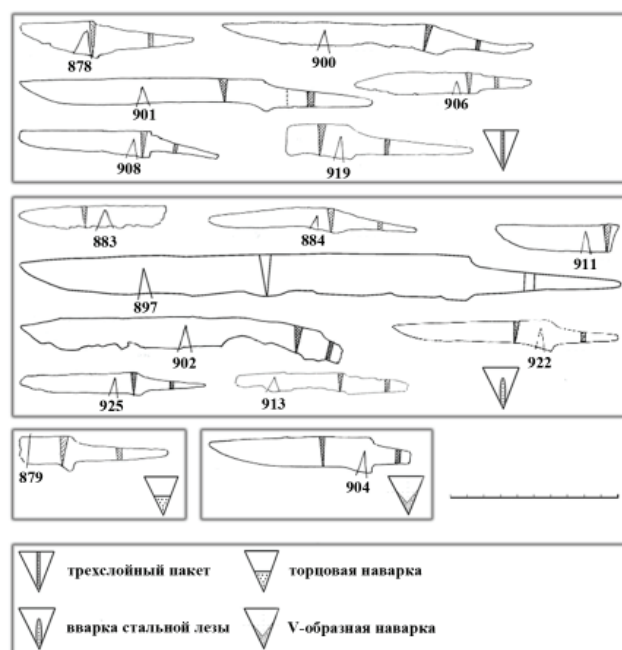

Рис. 6. Ножи из Джукетау. Технологическая группа II.
Fig. 6. Knives from Juketaw. Technological group II.

На восьми ножах (в том числе на предположительно боевом; анализ № 897) была выявлена технологическая схема вварки стальной высокоуглеродистой пластины в основу, откованную либо из кричного железа, либо из пакетного металла (анализы №№ 883, 884, 897, 902, 911, 913, 922, 925). Ножи этой группы как средней степени прокованности, так и хорошей. Среди них четыре ножа (анализы №№ 883, 897, 911, 913) прошли мягкую закалку, три (анализы №№ 902, 922, 925) – резкую.

Микротвердость ферритовых микроструктур основы лезвия ножей в пределах 106–115–120–134 кг/мм². Во вварных лезьях отмечены микроструктуры закаленной стали: сорбит с микротвердостью 206–248 кг/мм² (ан. № 883), 263–314 кг/мм², 263–314–426 кг/мм² (ан. № 911).

На двух ножах заметна микроструктура мартенсита с микротвердостью 515–695 кг/мм² (ан. № 902) и 805 кг/мм² (ан. № 922). Качество кузнечной сварки основы ножей со стальными лезьями различное. Качественная сварка отмечена на одном ноже (ан. № 902), среднее качество сварки – на остальных ножах.

Технологическая схема торцевой наварки стальной пластины на железную основу встречается в одном случае на ноже (анализ № 879). На наварной торцевой пластине после мягкой закалки образовалась сорбитовая

микроструктура с микротвердостью 278 кг/мм².

Технологическая схема V-образной наварки также встречена на одном ноже (анализ № 904). Здесь также была применена мягкая закалка, в результате на наварной пластине образовалась сорбитовая микроструктура с микротвердостью 305 кг/мм².

Технология изготовления слесарного инструментария

К числу инструментов слесаря относится небольшой напильник (анализ № 886), по размерам приближающийся к надфилям (110×10 мм в рабочей части ×2 мм). Подъемный материал с территории Донауровского селища. Хотя на поверхности предмета и не сохранилось следов от насечек, характерных для напильников, тем не менее, на основании данных микроструктурного анализа можно уверенно предположить, что предмет являлся напильником. Он имеет форму плоского стержня с черешком с одной стороны и овальным закруглением с противоположной. Металлографический анализ показал, что все изделие целиком было отковано из высокоуглеродистой стальной заготовки, а заключительной операцией при его изготовлении была мягкая закалка на сорбит. После мягкой закалки с переходом в резкую в металле образовалась сорбито-трооститовая микроструктура с микротвердостью 270–346 кг/мм² – 410–426 кг/мм².

Среди кузнечной продукции Волжской Булгарии такие инструменты пока единичны, и поэтому представляют большой интерес. Металлографический анализ инструмента типа надфиля с Семеновского селища показал, что его рабочая часть также была цельностальной и подверглась мягкой локальной закалке. Из цельностальной заготовки был откован также напильник с Муромского городка (Семыкин, Казаков, 1989, с. 123–132).

Технология изготовления топоров

«Топор-кельт» («мотыжка») втульчатый, с вертикальной трубицей с сомкнутыми (?) краями, общая длина 150 мм, в том числе длина лезвия до 90 мм, диаметр втулки 40–43 мм, длина лезвия в рабочей части 43 мм. Найден в золотоордынском слое Донауровского селища. Микроструктурный анализ лезвия топора-кельта (анализ № 896) показал, что он бы откован в технологииковки из пакетованной заготовки. На поверхности

Рис. 7. Кузнечные изделия из Джукетау.
Fig. 7. Blacksmithing products from Juketaw

нетравленого шлифа заметны многочисленные шлаки и неметаллические включения. На травленном поле шлифа проявилась мелкозернистая ферритовая и феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 129–159 кг/мм². При этом для формовки блока заготовки кузнец выбрал полоски железа и сырцовую неравномерно науглероженную стали. Качество кузнечно-сварочных работ на данном топоре было средним. Кузнечной сваркой на этом экземпляре топора были соединены также две части инструмента – лезвие и втулка. Но втулка топора оказалась не цельной, а с разъемом. Возможно, в распоряжении мастера не было заготовки необходимого размера.

Технология изготовления орудий уборки урожая

Технология изготовления косы прослежена на одном фрагменте (анализ № 899). Сохранившийся обломок имел длину 145 мм, сечение лезвия – 35–40×3 мм. Фрагмент косы имеет широкую датировку по условиям нахождения, в пределах домонгольского

– золотоордынского времени. По результатам металлографического исследования коса была откована из простого кричного железа, значительно засоренного шлаковыми и неметаллическими включениями. На шлифе с косы прослежены микроструктуры феррита с микротвердостью 129 кг/мм², и сорбитообразный феррито-перлит с микротвердостью 201–221 кг/мм². Видимо, для улучшения рабочих качеств инструмента кузнец провел операцию локальной цементации рабочей части лезвия, в результате чего оно стало стальным – высокоуглеродистым, а значит более прочным и износостойчивым.

Технология изготовления инвентаря по уходу за домашними животными

Металлографически исследована технология изготовления скребницы – железного инструмента для ухода за гривой и хвостом лошадей. Это изделие длиной 11 см в виде согнутой «лапы» с «пальцами». Она найдена в пахотном слое Донауровского селища. Микроструктурное исследование образца металла с боковой грани скребницы (анализ № 903) показало, что она была откована из простого кричного железа, плохо прокованного, сильно засоренного шлаками и неметаллическими включениями. На шлифе выявлена однородная ферритовая микроструктура с микротвердостью 106 кг/мм². Но заготовка при этом формовалась пакетованием однородного металла. Качество кузнечной сварки металла было недостаточно высоким. Однако к такому простому предмету, как скребница высоких требований по прочности не предъявлялось, поэтому ожидать здесь наличие следов высо-

ких технологий не приходится. Для сравнения укажем, что одна исследованная конская скребница, происходящая с Билярского городища, оказалась откованной из пакетованной заготовки при высоком качестве кузнечной сварки (Семыкин, 2015, с. 160).

Технология изготовления предметов быта

Ключ от навесного кубического цилиндрического замка с продольной ключевой щелью (тип А по Б.А.Колчину) (Колчин, 1982, рис. 3). Найден в прибрежной части Донауровского селища в золотоордынском слое (переотложен). Исследованный металлографически экземпляр ключа (анализ № 894) представляет собой прямоугольный стержень (103 мм) с прямоугольной лопатковидной рабочей площадью. На этой площадке имеются четыре фигурные паза для зажимания пружинных узлов. На конце ключа установлено свободное подвижное кольцо. Рукоять ключа была изготовлена способом наварки металлических полосок, о чем свидетельствуют отслоившиеся в результате коррозии слои металла. В Древней Руси такие замки и ключи были известны уже в IX–X вв., эксплуатировались на протяжении XI–XII вв., в середине XIII в. начали выходить из употребления. На территории Волжской Булгарии являются одними из наиболее ранних.

Металлографический анализ показал, что ключ от замка был откован из заготовки сырцово-неравномерно науглероженной стали средней степени прокованности. Выявлена феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 105–129–201 кг/мм².

Навесной двухцилиндровый замок (тип В по Б.А.Колчину), с квадратным в поперечном сечении большим цилиндром, с донным вводом ключа (высота 40 мм, ширина 34–38 мм). Найден на территории Донауровского селища, в золотоордынском слое. В Древней Руси такие замки датируются в целом второй половиной XII – началом XV вв. (Колчин, 1982, с. 156–177). По данным металлографического анализа (№ 929), изготовлен из хорошо прокованной сырцово-неравномерно науглероженной стали с микротвердостью 129 кг/мм².

Из числа предметов быта исследована технологияковки кресала (анализ № 898). Кресало двулезвийное, вытянуто-овальное, размеры 127х32х4 мм. Подъемный материал

с территории Донауровского селища. Такие кресала были широко распространены в XII–XIII вв. (Колчин, 1959, с. 100). Как и предполагалось, оно было отковано с применением стальной рабочей части. В данном случае была выявлена технологическая схема наварки стальной высокоуглеродистой пластины на основу из обычного кричного железа (такой вариант наварки принято называть торцовой). На шлифе выявлены микроструктуры феррито-перлита, троостита и мартенсита с микротвердостью соответственно 223–441–805 кг/мм². Обращает на себя внимание высокое качество выполнения кузнечно-сварочных работ. Наличие на рабочей стальной плоскости инструмента отдельных участков мартенситовой структуры свидетельствует о том, что кресало подверглось резкой закалке, но побывало в огне, и поэтому произошел отпуск стали.

Технология изготовления предметов вооружения

Из числа предметов вооружения были исследованы восемь наконечников стрел и одно звено от кольчуги с заклепкой. Наконечники стрел найдены на площадке раскопа V на территории Донауровского селища, в пахотном и золотоордынском слое. Все наконечники стрел черешковые, один плоский (тип 48; здесь и далее по А.Ф. Медведеву, 1966) (анализ № 889), остальные граненые, бронебойные.

Пять наконечников стрел откованы с применением технологий, условно отнесенных к I технологической группе.

Долотовидный наконечник (анализ № 891), близок к типу 100, но отличается заостренным завершением боевой головки в обеих сечениях, что делает его похожим на наконечники типа 83 (Медведев, 1966, с. 81). Шейка и черешок круглые в сечении. Наконечник откован из простого кричного железа с микротвердостью ферритовой микроструктуры 106 кг/мм². Металл заготовки был значительно засорен шлаковыми и неметаллическими включениями.

Из сырцово-неравномерно науглероженной стали было отковано два наконечника. Первый (анализ № 888) – бронебойный в виде кинжалчика ромбического сечения с перехватом типа 97 (вид 4); датируются широко – X–XIV вв. (Медведев, 1966, с. 85). Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры составляет 201 кг/мм². Второй (анализ

№ 926) – наконечник типа 83, с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического (подовально-ромбического) сечения, с шейкой. Металл наконечника сильно засорен шлаками. Наконечники данного типа очень характерны для XI в. Они наиболее многочисленны на Джукетау.

На одном наконечнике (анализ № 892) была прослежена технологическая схема цементации. Наконечник пирамидальной формы с массивной короткой боевой головкой ромбического сечения, с перехватом у черешка. Наконечник имеет широкий хронологический диапазон бытования – с X по XIV в. (Медведев, 1966, с. 83). Микротвердость ферритовой микроструктуры на шлифе с этого наконечника составляет 89,4–106 кг/мм², а феррито-перлитовой – 143 кг/мм². Среди металлографически исследованных наконечников болгарских памятников цементованных изделий встречено крайне мало (Семькин, 1991, с. 79–108).

Следующий наконечник стрелы – плоский ромбический с упором – тип 48 по А.Ф. Медведеву (анализ № 889). Пропорции пера 1:2,5. Такие наконечники были в употреблении с IX по XIV вв. (Медведев, 1966, с. 68–69). Откован из заготовки пакетного металла. Качество кузнечной сварки железных и сырцовых стальных полос высокое.

Три наконечника стрел откованы с применением технологий, условно отнесенных к II технологической группе.

Двухполосные заготовки пошли на поковку двух наконечников (анализы №№ 890 и 893). Первый – наиболее многочисленный на Джукетау наконечник типа 83, очень характерный для XI в. (Медведев, 1966, с. 81), с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического (подовально-ромбического) сечения, с шейкой. Второй – наконечник типа 88 (X–XIV вв.), пирамидальный квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки, сечение черешка квадратное (Медведев, 1966, с. 82). Качество кузнечной сварки на наконечнике № 890 признано неудовлетворительным, так как сварочный шов оказался с трещиной. Это же можно сказать и о качестве выполнения кузнечной сварки на другом наконечнике (анализ № 893). Здесь сварочный шов также забит шлаками. Но в тоже время качество внешней отделки наконечников можно оценить как весьма высокое, особенно это

касается наконечника № 893. Один наконечник стрелы (анализ № 890) подвергся мягкой закалке на сорбит.

Один из наконечников (анализ № 887) был откован из трехслойной заготовки металла (двух стальных и одной железной пластин). Это долотовидный наконечник типа 100, широко распространенный в домонгольское время, начиная с середины XI в. (Медведев, 1966, с. 86). Отличаются по решению боевой головки по одному из продольных сечений. Данный экземпляр расширяется в верхней части и имеет незаостренное завершение, черешок имеет квадратное сечение. Для изготовления блока заготовки были применены две стальные и одна железная пластина. Кузнечная сварка при подготовке блока была выполнена на среднем уровне. Для придания наконечнику большей пробивной силы его подвергли термообработке – мягкой закалке. Надо сказать, что такая технологическая схема в домонгольских коллекциях встречена впервые.

Завершая рассмотрение технологии изготовления наконечников стрел, отметим, что на восьми наконечниках стрел аналитически были выявлены шесть технологических схем. При этом на наконечниках стрел одного типа присутствуют разные технологические схемы изготовления.

К числу предметов вооружения относится фрагмент кольчуги, от которой сохранилось 6 плоских соединенных друг с другом круглых и подовальных колец диаметром 12–14 мм и средней толщиной 0,5 мм. Фрагмент кольчуги найден в пахотном слое Донауровского селища.

Аналитически были исследованы один поперечный срез такого колечка (анализ № 895) и заклепочка от него (анализ № 895а). Микроструктурный анализ показал, что и кольчужное кольцо, и заклепка были откованы из очень тщательно прокованного кричного железа. При этом для получения круглого и тонкого в диаметре профиля проволоки заготовки применялась операция волочения, то есть протаскивания разогретого участка проволоки через ряд стальных калибров с уменьшающимся диаметром отверстия. В результате этой операции происходило образование очень мелкозернистой ферритовой микроструктуры, практически не содержащей неметаллических и шлаковых вклю-

чений. Сборка колец в кольчужное полотно производилось с применением операции клепки специально изготовленными железными клепочками с грибовидной шляпкой. Для выполнения этой операции использовалось специальное оборудование, состоящее из наковаленки с гнездом для головки клепки и специального обжимника. Металлографический анализ этой категории защитного доспеха представляет интерес в том отношении, что такое исследование было выполнено пока впервые.

Таким образом, всего в пределах исследованной выборки (55 ед., 54 предмета) было выделено две технологические группы, а в их пределах – 11 технологических схем. Технологическая группа I (35 ед., около двух третей в выборке): ковка из простого кричного железа (8 ед.): ножи (4 ед.), наконечник стрелы (1 ед.), кольцо и заклепка от кольчужного кольца (по 1 ед.), скребница (1 ед.); ковка из сырцово-неравномерно науглероженной стали (12 ед.): ножи (8 ед.), наконечники стрел (2 ед.), ключ (1 ед.), замок (1 ед.); цементация поверхности (4 ед.): ножи (2 ед.), коса-горбуша (1 ед.), наконечник стрелы (1 ед.); ковка из цельносталей заготовок (7 ед.): ножи (6 ед.), напильник (1 ед.); ковка из заготовок пакетного металла (4 ед.): ножи (2 ед.), топор-кельт (1 ед.), наконечник стрелы (1 ед.). Технологическая группа II (20 ед., более одной трети в выборке): ковка из заготовок трехслойного пакета (6 ед. – ножи); сварка стальной лезы в основное тело, откованное из кричного железа, сырцово-неравномерно науглероженной стали или из пакетованной заготовки (8 ед. – ножи); торцовая наварка (2 ед.): нож (1 ед.), кресало (1 ед.); ковка из двухполосных заготовок (2 ед. – наконечники стрел); ковка из трехполосных заготовок (1 ед. – наконечник стрелы); V-образная наварка (1 ед. – нож).

Распределение технологических схем по отдельным категориям изделий в исследованной коллекции представлено в таблице 1. Широкий хронологический диапазон бытования большинства находок и их происхождение из смешанных напластований не всегда позволяет проводить корректные сравнения. В картину соотношения технологических групп и особенно схем вносят погрешность единичная или невысокая (ножи) представленность большинства категорий изделий,

да и в целом пока относительно небольшая имеющаяся общая выборка.

Вместе с тем, на примере наиболее представленной категории находок – ножей (см. выше) – имеются основания предварительно соотнести материалы Джукетау с коллекциями других синхронных памятников. Как было указано, в металлографически проанализированной серии ножей из Джукетау (38 ед.) к технологической группе I отнесены 22 ед., к технологической группе II – 16 ед. Сопоставимое соотношение технологических групп наблюдается в представительных выборках из памятников как золотоордынского, так и домонгольского времени. 22 из 58 проанализированных ножей домонгольского Биляра отнесены к технологической группе I, 36 – к технологической группе II (Семыкин, 2015, с. 119, табл. 12). Среди ножей из Болгара (73 экз.), которые, по данным исследователей, в основной массе относятся к золотоордынскому периоду, к технологической группе I отнесены более половины изделий, к технологической группе II – около половины (Средние века., 2022, с. 517). Близкое соотношение технологических групп наблюдается в статистически представительных выборках русских городов золотоордынского времени – Пскове, Твери, Торжке (Завьялов и др., 2007, с. 38, табл. 3, с. 45, табл. 4, с. 80, табл. 9); в то же время в крупнейшей выборке кузнечных изделий Новгорода (300 ед.) технологическая группа II представлена в 2,3 больше, чем группа I (Завьялов и др., 2007, с. 31, табл. 2).

Представленность технологических схем ожидаемо более пестрая в небольших выборках. Например, как и в Джукетау, в распределении ножей Болгара практически не наблюдается выраженности определенных технологических схем: в технологической группе I – цементация (12 ед.); ковка из заготовок пакетного металла (10 ед.); ковка из простого кричного железа и сырцово-неравномерно науглероженной стали (7 ед.)⁴; ковка из цельносталей заготовок (5 ед.); в технологической группе II – боковая наварка (13 ед.), варианты V-образной наварки (9 ед.); трехслойный пакет, сварка стальной лезы, торцовая наварка (по 3 ед.) (по убыванию количества в пределах технологических групп) (Семыкин, 1996, с. 101). Следует отметить, что в коллекции ножей из Джукетау не отмечена распространенная в золотоордын-

Таблица 1. Технологические схемы кузнечной продукции Джукетау
 Table 1. Technological diagrams of forging products from Juketaw

Категории изделий	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ												Всего
	кричное железо	сырцовая неравномерно науглероженная сталь	цементация поверхности	цельная сталь	пакетный металл	трехслойный пакет	сварка стальной лезы	торцовая наварка	двухслойная железо-стальная сварка	трехслойная железо-стальная сварка	V-образная наварка	Всего	
Ножи	4	8	2	6	2	6	8	1			1	38	
Слесарные надфили / напильники				1								1	
Топоры-кельды					1							1	
Косы-горбуши			1									1	
Скребицы	1											1	
Ключи		1										1	
Замки		1										1	
Кресала								1				1	
Наконечники стрел	1	2	1		1					1		8	
Кольца от кольчуги	1											1	
Заклепки от кольчужных колец	1											1	
Всего	8	12	4	7	4	6	8	2	2	1	1	55	
Всего по технологическим группам			35					20					

ское время технологическая схема боковой наварки стальной пластины на основу из кричного железа или из сырцової стали.

В то же время в проанализированной небольшой серии ножей из Хмелевского I селища второй половины XIII–XIV вв. 21 из 23 ножей отнесены к технологической группе I, в которой 12 экземпляров были откованы из цельностальной заготовки (Недашковский и др., 2024, с. 159, табл. 17). Доминирование определенной технологической группы и выраженность одной из технологических

схем в пределах этой небольшой выборки может быть и не случайностью, а объективным отражением особенностей конкретного ремесленного центра – что демонстрируется в представительных выборках городских центров (Завьялов и др., 2007, с. 31, табл. 2, с. 38, табл. 3, с. 45, табл. 4). В контексте изучения сельского ремесла, в том числе влияния городских ремесленных центров на ремесло сельской округи, значительный интерес представляют и материалы исследований сельских поселений (Завьялов и др., 2024, с. 69–93).

Примечания:

¹ Происхождение этой находки требует уточнения. Во всяком случае, нахождение крицы в данном случае вряд ли стоит увязывать именно с производственной деятельностью.

² Между хозяйственно-универсальными и предполагаемыми боевыми ножами (которые традиционно выделяются в основном по размерам) нет четкой границы, поэтому последние рассматриваются вместе, а не среди предметов вооружения. Возможно, боевыми являются два ножа с выраженным переходом черешка к лезвию (клинку). Первый имеет общую длину 40 см, ширину лезвия до 28 мм и толщину до 9 мм (анализ № 897); второй обломан и имеет ширину лезвия до 43 мм и толщину до 5 мм (анализ № 928).

³ Некоторые исследователи выделяют в самостоятельную технологическую группу III.

⁴ Посчитаны вместе.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н., Щербаков В.Л. Металлургия и железообработка на сельских поселениях Древней Руси. М.: Таус, 2024. 216 с.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 293–304.

Набиуллин Н.Г. Джукетау и прилегающие территории // Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022а. С. 303–316.

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 42–58.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б., Аськеев И.В., Егорьков А.Н., Кочанова М.Д., Семькин Ю.А., Спиридонова Е.А., Шаймуратова Д.Н. Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья. М.: Наука, 2024. 239 с.

Семькин Ю.А. Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Болгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 79–108.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 89–153.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Болгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

Семькин Ю.А. Технология кузнечного производства у населения Среднего Поволжья золотоордынского периода // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 292–298.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное дело. Чугунолитейное производство // Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 508–525.

Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Технология кузнечного производства на сельских памятниках домонгольской Волжской Булгарии // Краеведческие записки. 1989. Вып. 8. С. 123–132.

Семыкин Ю.А., Набиуллин Н.Г. Технология изготовления кузнечной продукции с городища Джукетау по данным металлографическим анализам // Краеведческие записки. 2007. Вып. 13. С. 101–109.

Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 139–142.

Shaykhutdinova E., Khramchenkova R., Belyaev A., Yanbaev R., Sitdikov A. Interdisciplinary research of iron casting technologies in the town of Juketaw during the golden horde period // Acta IMEKO. 2017. Vol. 6, Is. 3. P. 87–93.

Информация об авторах:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия), semiku@mail.ru

Набиуллин Наиль Гатиятулович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); NabiullinNG@gmail.com

REFERENCES

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei Bolgarskoi tsivilizatsii. Istoriia tyurko-bolgarskoi tsivilizatsii (Museum of Bulgarian Civilization. History the Turkic-Bulgarian civilization) 2*. Kazan: Glavdizain Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zavyalov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2007. *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskii period i epokhu Moskovskogo gosudarstva (Russian blacksmithing in the Golden Horde and Moscow state periods)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

Zavyalov, V. I., Terekhova, N. N., Shcherbakov, V. L. 2024. *Metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh poseleniyakh Drevney Rusi (Metallurgy and ironworking in rural settlements of Old Rus)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2022 In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bulgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 293–304 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 303–316 (in Russian).

Nabiullin, N. G., Belyaev, A. V., Khramchenkova, R. Kh., Shaikhutdinova, E. F., Yanbaev, R. M. 2017. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 20 (2)*, 42–58 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B., Askeev, I. V., Egorkov, A.N., Kochanova, M. D., Semykin, Yu. A., Spiridonova, E. A., Shaimuratova, D. N. 2024. *Material'naya kul'tura zolotoordynskikh selishch tsentral'noy chasti Saratovskogo Povolzh'ya (Material culture of the Golden Horde settlements in the central part of the Saratov Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar – Capital of Pre-Mongol Bulgaria)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 79–108 (in Russian).

Semikin, Yu. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurogov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).

Semikin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bulgaria in the 8th - early 13th centuries)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 21. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 292–298 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 508–525 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Kazakov, E. P. 1989. In *Kraevedcheskie zapiski (Local history notes)* 8, 123–132 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Nabiullin, N. G. 2007. In *Kraevedcheskie zapiski (Local history notes)* 13, 101–109 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1994. In Nikitin, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 139–142 (in Russian).

Shaykhutdinova, E., Khamchenkova, R., Belyaev, A., Yanbaev, R., Sitdikov, A. 2017. In *Acta IMEKO*. Vol. 6, Is. 3, 87–93.

About the Authors:

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences, Ulyanovsk State Pedagogical University after named I.N. Ulyanov, V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; semiku@mail.ru

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; NabiullinNG@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.223.237>

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА¹

© 2024 г. Л.Ф. Недашковский, И.В. Волков, М.Б. Шигапов

В статье рассматриваются золотоордынские неполивные керамические изделия с Багаевского селища второй половины XIII – XIV в. (найденные на памятнике монеты отчеканены с конца 1270-х по начало 1360-х гг.), располагающегося в Саратовской области. Комплекс, в частности, представлен восемью напряслами, двумя рыболовными грузилами, тремя «фишками» и двумя неопределенными изделиями. Показанная на иллюстрациях керамическая посуда представляет собой 21 кувшин, афтобу, кружку, две копилки, трубу, три светильника, два горшка, три котла, 22 хумчи и хум. Приведены статистические данные о находках неполивной золотоордынской керамики при раскопках Багаевского селища. Все материалы даны в сравнении с аналогичными комплексами из раскопок других близлежащих золотоордынских поселений Саратовского Правобережья.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, золотоордынская неполивная керамика.

THE GOLDEN HORDE NON-GLAZED CERAMICS FROM BAGAEVKA SETTLEMENT²

L. F. Nedashkovsky, I. V. Volkov, M. B. Shigapov

The article examines Golden Horde non-glazed ceramic wares from the Bagaevka settlement of the second half of the 13th – 14th century (coins found on the monument were minted from the late 1270s to the early 1360s), situated in the Saratov region. The complex, in particular, is represented by eight spindle-whorls, two fishing sinkers, three ‘chips’ and two indeterminate wares. The pottery presented in the illustrations are 21 jugs, an aftabeh, a mug, two money boxes, a pipe, three lamps, two pots, three cauldrons, 22 humchas and hum. Statistical data on the finds of non-glazed Golden Horde ceramics during excavations of the Bagaevka settlement is given. All materials were given in comparison with similar assemblages from excavations of other nearby Golden Horde settlements of the Saratov right bank of Volga.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Golden Horde non-glazed ceramics.

Раскопки золотоордынского Багаевского селища проводились экспедицией Л.Ф. Недашковского (обнаружившего поселение в 1995 г.) в течение 16 сезонов в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016, 2020–2022 и 2024 гг. Заложено два раскопа: раскоп I площадью 1313,1 кв. м. в юго-западной части памятника и раскоп II площадью 64 кв. м в центральной части.

Выявлен комплекс предметов материальной культуры золотоордынского времени. Коллекции переданы в фонды Саратовского областного музея краеведения. Наиболее массовым материалом из раскопок является золотоордынская неполивная керамика.

Прежде чем перейти к характеристике керамической посуды, следует остановиться на других изделиях (рис. 1).

Керамические напрясла (рис. 1: 1–8), насадки на веретено, сделаны индивидуально – одно нелощеное напрясло равномерного обжига (рис. 1: 4), или из стенок гончарных сосудов с примесью песка в тесте (рис. 1: 1–3, 5–8). Сосуды, использованные для изготовления напрясел, были в трех случаях лощеными (рис. 1: 1, 2, 7), а в четырех – нелощеными (рис. 1: 3, 5–6, 8); все они были равномерного окислительного обжига, два из них были орнаментированы прочерченными линиями (рис. 1: 6–7) и фестонами (рис. 1: 7). Напрясла имеют

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, <https://rscf.ru/project/24-28-00024/>.

² This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant no. 24-28-00024, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00024/>.

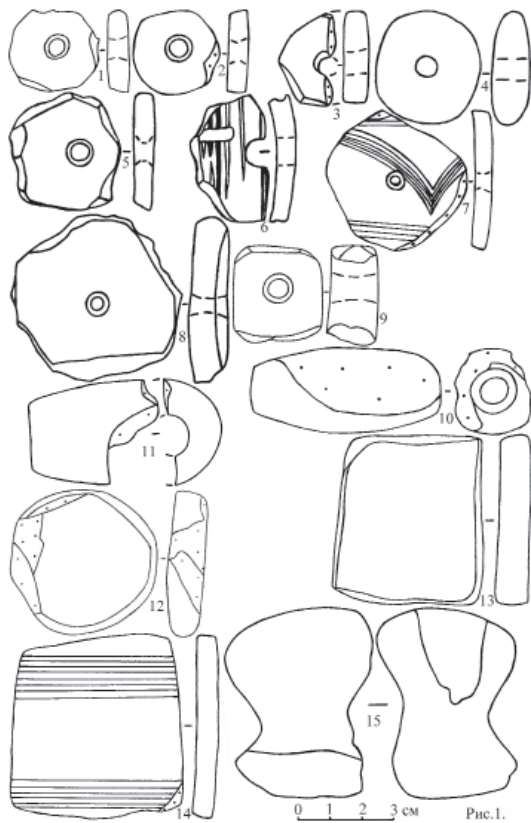

Рис. 1. Керамические напрясла (1-8), неопределенные изделия (9, 15), рыболовные грузила (10-11) и «фишки» (12-14) с Багаевского селища: 1 – раскоп I-2012, культурный слой (№ 1, +18 см); 2, 7 – раскоп I-2021: 2 – культурный слой (№ 2, +20 см), 7 – яма 9 (№ 29, -29 см); 3 – раскоп I-2003, культурный слой (№ 1, -44 см); 4-6 – раскоп I-2009: 4 – культурный слой (№ 6, -52 см), 5-6 – яма 22 (№ 58, -120 см; № 53, -132 см); 8 – раскоп I-2007, культурный слой (№ 12, -47 см); 9 – раскоп I-2011, яма 9 (№ 12, -73 см); 10, 13-14 – раскоп I-2016: 10 – культурный слой (№ 2, +15 см), 13-14 – яма 42; 11 – раскоп I-2014, культурный слой (№ 3, -8 см); 12 – раскоп I-2010, культурный слой; 15 – подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2009 г.

Fig. 1. Ceramic spindle-whorls (1-8), indeterminate wares (9, 15), fishing sinkers (10-11) and 'chips' (12-14) from the Bagaevka settlement: 1 – excavation area I-2012, cultural layer (No. 1, +18 cm); 2, 7 – excavation area I-2021: 2 – cultural layer (No. 2, +20 cm), 7 – pit 9 (No. 29, -29 cm); 3 – excavation area I-2003, cultural layer (No. 1, -44 cm); 4-6 – excavation area I-2009: 4 – cultural layer (No. 6, -52 cm), 5-6 – pit 22 (No. 58, -120 cm; No. 53, -132 cm); 8 – excavation area I-2007, cultural layer (No. 12, -47 cm); 9 – excavation area I-2011, pit 9 (No. 12, -73 cm); 10, 13-14 – excavation area I-2016: 10 – cultural layer (No. 2, +15 cm), 13-14 – pit 42; 11 – excavation area I-2014, cultural layer (No. 3, -8 cm); 12 – excavation area I-2010, cultural layer; 15 – investigations by L.F. Nedashkovsky, 2009.

в семи случаях коричневый цвет (рис. 1: 1-3, 5-8), в одном – серый (рис. 1: 4). Предметы имеют диаметр от 2,5 см до 5,2 см, диаметр отверстий 0,3-0,7 см, толщину 0,5-1,2 см. Размеры напрясел и их вес связаны с необходимостью прядения нитей из определенного сырья и определенной толщины.

Рыболовные грузила подовальные в продольном сечении (рис. 1: 10, 11), они служили для оснастки небольших волоковых сетей. Грузила нелощеные, сплошного обжига с примесью мелкого песка в тесте, цвет изделий коричневый. Длина лучше сохранившегося грузила 6 см, диаметр 2,7 см; второй предмет сохранился фрагментарно, его длина 4,1 см, диаметр 3,4 см. Находки грузил, наряду с находками костей рыб, свидетельствуют о занятиях жителей села рыболовным промыслом на Волге. Подобные грузила хорошо известны на Увекском городище и поселениях его округи, на Царевском городище, в Среднем Поволжье и на многих древнерусских памятниках (Недашковский, 2002, с. 123, 125, рис. 2, 6-8).

«*Фишки*» (рис. 1: 12-14). Данные изделия из стенок золотоордынских коричневых керамических сосудов с примесью песка в тесте служили для игр или в качестве инструментов (Бадеев, 2019). Фишки изготовлены из лощеного (рис. 1: 12) и нелощеных (рис. 1: 13, 14) сосудов равномерного (рис. 1: 12, 14) или слоистого (рис. 1: 13) обжига.

Тип 1. Округлой формы (рис. 1: 12) диаметром 4,6 см, толщиной 1,1 см.

Тип 2. Прямоугольной формы (рис. 1: 13-14), размеры изделий 4,6×5,3 и 5,4×5,7 см. Толщина предметов 1,1 и 0,7 см соответственно. Одна фишка изготовлена из стенки сосуда, орнаментированного горизонтальными линиями (рис. 1: 14).

Аналогии подобным предметам имеются в материалах Болгарского городища золотоордынского времени (Баранов и др., 2016, с. 157-158, рис. 7.3.51-7.3.56).

Неопределенные керамические изделия (рис. 1: 9, 15). Один предмет подквадратной формы (рис. 1: 9) размерами 2,8×3,1 см сделан из ручки коричневого гончарного нелощеного золотоордынского сосуда хорошего обжига с примесью песка в тесте; он имеет отверстие диаметром 0,6-1 см. Грубая коричневая нелощеная лепная поделка плохого обжига с несквозным отверстием в центре имеет примесь дресвы (рис. 1: 15) и размеры 4,6×6 см.

Керамические напрясла выявлены в культурном слое (5 экз.), яме 9 (1 экз.), представляющей собой природное понижение, в котором было оборудовано жилище, и хозяйственной яме 22 (2 экз.), расположенной в створе ямы 9. Рыболовные грузила найдены в культурном слое, «фишки» – в культурном слое (1 экз.) и яме 42, являвшейся погребом (2 экз.), неопределенные изделия происходят из ямы 9 и из подъемного материала.

С Хмелевского I селища (оттуда известно и керамическое лощило) происходит 6 керамических напрясел из стенок сосудов, с селища Широкий Буерак – 1, с Константиновского селища – 3, а с селища Колотов Буерак – специально изготовленное напрясло. Таким образом, на Багаевском селище выявлено большее количество керамических напрясел, чем на прочих исследованных золотоордынских селищах, расположенных в округе Укека. Керамические грузила и фишки на других упомянутых поселениях, кроме Багаевского, не встречены.

Золотоордынская неполированная керамика Багаевского селища представлена различными формами (рис. 2–8). Посуда присутствует лощеная (рис. 2: 1, 4, 6–7, 9; 3: 1, 4–5, 7, 9; 4: 2; 5: 2, 5; 6: 9; 7: 6; 8: 1, 9, 11, 12, 14) и нелощеная (рис. 2: 2, 3, 5, 8; 3: 2, 3, 6, 8; 4: 1; 5: 1, 3, 4, 6; 6: 1–8, 10–11; 7: 1–5; 8: 2–8, 10, 13); керамика равномерного (рис. 2: 2, 3, 5–9; 3: 1, 2, 4, 5, 8; 4: 1; 5: 1–5; 6: 1, 2, 4, 7, 10, 11; 7: 1, 3; 8: 1, 4–11, 13, 14) обжига количественно несколько преобладает над керамикой, имеющей темную прослойку в средней части излома (рис. 2: 1, 4; 3: 3, 6, 7, 9; 4: 2; 5: 6; 6: 3, 5, 6, 8, 9; 7: 2, 4–6; 8: 2, 3, 12). Цвет посуды коричневый (рис. 2: 1–9; 3: 1, 3–8; 4: 1, 2; 5: 1–3, 5, 6; 6, 7; 8: 1, 3–14), красный (рис. 3: 9; 5: 4), серый (рис. 3: 2; 8: 2), бурый или желтый. Общая цветовая особенность золотоордынских изделий округи Укека – «бежевые», «пастельные» оттенки у всех основных вариантов обжига. Золотоордынская керамика имеет примесь мелкого песка в тесте, иногда посуда дополнена красным ангобом. Значительная часть сосудов имеет естественную примесь опоки в разной концентрации (рис. 2: 8; 5: 5; 7: 3, 5–6), что является отличительным признаком для продукции района Укека, а также шамота (рис. 6: 8) и пор от выгоревшей органики (рис. 6: 5; 7: 4).

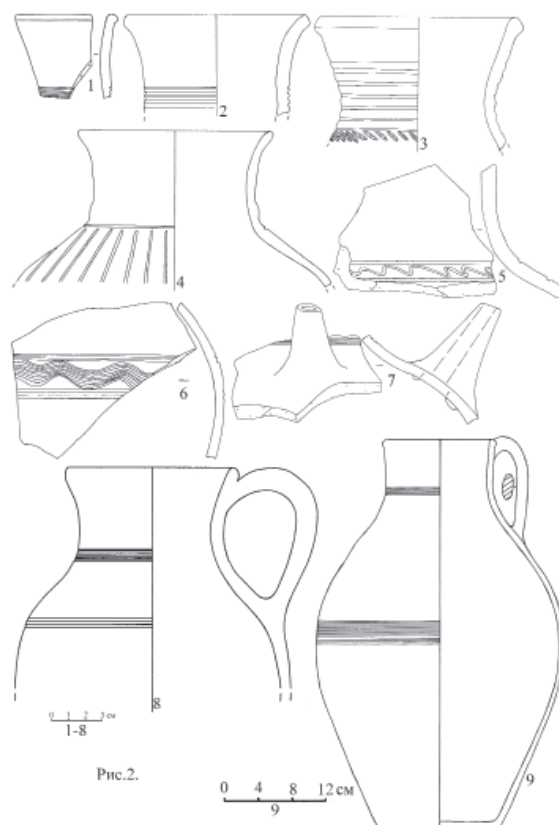

Рис. 2. Золотоордынские неполированные кувшины (1–6, 8–9) и афтоба (7) с Багаевского селища: 1 – раскоп I-2015, культурный слой; 2, 6 – раскоп I-2011, яма 9; 3, 5, 7 – раскоп I-2010: 3 – культурный слой, 5, 7 – яма 9; 4 – раскоп I-2012, яма 35; 8 – разведки Л.Ф. Недашковского 1995 г.; 9 – раскоп I-2008, яма 9.

Fig. 2. The Golden Horde non-glazed jugs (1–6, 8–9) and aftabeh (7) from the Bagaevka settlement: 1 – excavation area I-2015, cultural layer; 2, 6 – excavation area I-2011, pit 9; 3, 5, 7 – excavation area I-2010: 3 – cultural layer, 5, 7 – pit 9; 4 – excavation area I-2012, pit 35; 8 – investigations by L.F. Nedashkovsky, 1995; 9 – excavation area I-2008, pit 9.

Представлены следующие виды золотоордынской посуды: кувшины (рис. 2: 1–6, 8, 9; 3–4; 5: 1, 5), афтоба (рис. 2: 7), кружка (рис. 5: 2), копилки (рис. 5: 3, 4), труба (рис. 5: 6), светильники (рис. 6: 1, 2, 5), горшки (рис. 6: 3, 4), котлы (рис. 6: 6–8), хумчи (рис. 6: 9, 10; 7–8) и хум (рис. 6: 11).

Кувшины представлены 21 экземпляром археологически целых форм и значительных фрагментов (рис. 2: 1–6, 8, 9; 3, 4; 5: 1, 5).

У двух сосудов удалось полностью реконструировать форму (рис. 2: 9; 5: 1), их размеры: диаметр венчика 13,4 и 10,6 см, диаметр горла 12,6 и 8,5 см, диаметр тулова 29,2 и

18,2 см, диаметр днища 14,4 и 10,1 см, высота 45,8 и 24,3 см.

У трех кувшинов сохранилась горловина (рис. 2: 2-3; 4: 1); диаметр венчика 11, 12,3 и 12,8 см, диаметр горла 8,5, 9 и 9,9 см.

У трех кувшинов реконструируется горловина и верхняя часть тулова (рис. 2: 4; 3: 1, 9); диаметр по венчику 11,5, 12,2 и 5,8 см, диаметр горла 9,5, 7,6 и 3,5 см.

У двух сосудов реконструируется наиболее широкая часть тулова (рис. 2: 8; 3: 7). Размеры этих сосудов: диаметр по венчику 10,2 и 10,7 см, диаметр горла 8,5 и 8,4 см, диаметр по тулову 16,2 и 18,7 см.

У двух сосудов (рис. 4: 2; 5: 5) хорошо сохранилось только тулово (диаметр 28,2 и 18,9 см) и днище (диаметр 15,8 и 12 см); сохранившаяся высота сосудов 32,8 и 18,7 см.

Характерно, что горловины практически всех кувшинов, за исключением крупного (рис. 2: 9), значительно расширяются кверху. Венчики есть без слива (рис. 2: 2-4, 8; 3: 7) и со сливом (рис. 2: 9; 3: 1, 9; 4: 1; 5: 1).

Кувшины орнаментированы вертикальным лощением (рис. 2: 4; 3: 9; 5: 5), прочерченными горизонтальными линиями (рис. 2: 1-6, 8, 9; 3: 1, 7, 9; 4: 5: 1, 5), отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2: 3; 3: 3), однорядной (рис. 2: 5) и многорядной (рис. 2: 6; 4: 1; 5: 5) волной.

Подобные кувшины известны с Увекского городища и многих других золотоордынских памятников (Материальная, 2024, с. 53, 211, рис. 22, 2, 23; Недашковский, 2000, с. 95-96, 99, рис. 24, 1-4, 25, 5; Федоров-Давыдов, 2001, с. 29, 34-38, 54, 57, 59-68, 70-74, 77-79, 83-84, 87-97, табл. 18, 1-2, 19, 1, 3, 27, 1, 3, 31, 3, 32, 33, 3, 34, 35, 1-2, 36, 1-2, 37, 39-40, 41, 2-3, 43, 1, 4, 46, 5, 47, 6, 48, 1, 4, 6, 49, 50, 2), из домонгольских и золотоордынских напластований Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 55-64, рис. 34, 5, 35, 2, 4, 6, 36, 1-2, 4-5, 7-9, 37, 1, 7-8, 38, 1, 7-9, 39, 4-8).

Г.А. Федоров-Давыдов предложил классификацию золотоордынских кувшинов на основании кластерного анализа на базе 14 признаков, этому распределению соответствует и распределение по общей высоте (Федоров-Давыдов, 2001, с. 32-34). Исследователь выделяет три группы: крупные сосуды высотой 28-75 см, средние высотой 13-24 см, малые высотой 7-12 см. На основании данной классификации четыре кувшина с Багаевского селища относятся к средним (рис. 2: 8; 3: 9; 5:

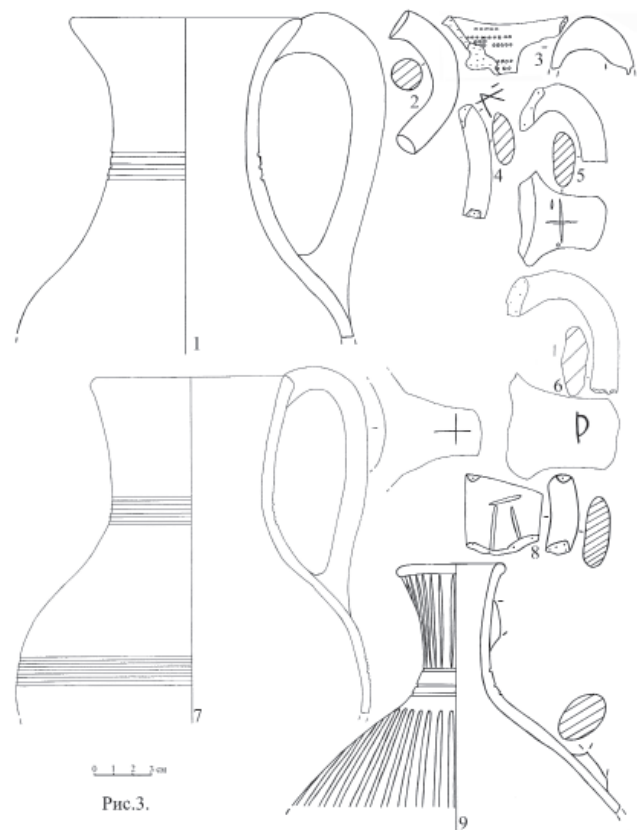

Рис. 3. Золотоордынские неполивные кувшины (1, 7, 9) и их ручки (2-6, 8) с Багаевского селища: 1 – раскоп I-2008, культурный слой; 2-3 – раскоп I-2009: 2 – яма 9, 3 – культурный слой; 4 – раскоп I-2014, культурный слой; 5 – раскоп I-2016, культурный слой; 6-7 – раскоп I-2010: 6 – культурный слой, 7 – яма 9; 8-9 – раскоп I-2020: 8 – культурный слой, 9 – яма 9.

Fig. 3. The Golden Horde non-glazed jugs (1, 7, 9) and their handles (2-6, 8) from the Bagaevka settlement: 1 – excavation area I-2008, cultural layer; 2-3 – excavation area I-2009: 2 – pit 9, 3 – cultural layer; 4 – excavation area I-2014, cultural layer; 5 – excavation area I-2016, cultural layer; 6-7 – excavation area I-2010: 6 – cultural layer, 7 – pit 9; 8-9 – excavation area I-2020: 8 – cultural layer, 9 – pit 9.

1, 5), а 8 – к крупным (рис. 2: 2м4, 9; 3: 1, 7; 4). Из крупных кувшинов 4 найдены в жилище (яма 9), по одному в ямах 35 (хозяйственная в створе ямы 9) и 45 (хозяйственная яма, соединенная с более глубоким погребом). Средние кувшины происходят из ям 8 (хозяйственная), 9 и 14 (хозяйственная в створе ямы 9). Сосуды среднего размера, возможно, применялись для хранения скоропортящихся продуктов, а крупные кувшины – для воды, длительного хранения сыпучих и жидких продуктов. Примечательно, что отсутствуют кувшины малого размера, тогда как в городах их коли-

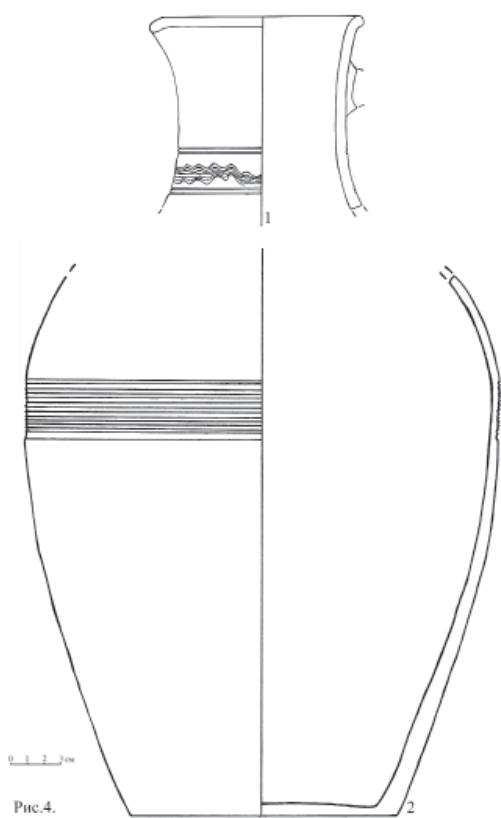

Рис. 4. Золотоордынские неполивные кувшины с Багаевского селища: 1 – раскоп I-2022, яма 9; 2 – раскоп I-2020, яма 45.

Fig. 4. The Golden Horde non-glazed jugs from the Bagaevka settlement: 1 – excavation area I-2022, pit 9; 2 – excavation area I-2020, pit 45.

чество превышает количество крупных, а средние кувшины являются наиболее многочисленными (Федоров-Давыдов, 2001, с. 33).

Ручки кувшинов одним концом крепились к тулову, а другим к верхней части горловины, непосредственно к венчику или под венчиком. Выделяются ручка сероглиняного хорезмского кувшина (рис. 3: 2) и ручка сосуда, украшенного изнутри оттисками гребенчатого штампа (рис. 3: 3).

На ручках 4 кувшинов с Багаевского селища имеются прочерченные знаки, 2 в виде крестов, в виде букв А, П и полукруга (рис. 3: 4-8), один из них, возможно, нанесен до обжига сосуда (рис. 3: 5). Граффити в форме креста встречаются на ручках сосудов с золотоордынских поселений (Полубояринова, 1980, с. 175, 178-180, рис. 1, 16, 3, 7; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 170, табл. IX, 6, 21). Знаки в виде букв А и П имеют сходство со знаками с Царевского, Селитренного и

Болгарского городищ (Полубояринова, 1980, с. 182, 186-187, 190, рис. 4, 18, 26, 5, 6; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 170, табл. IX, 18, 22, X, 4, 8). Знак в виде полукруга имеет аналогию с Царевского городища (Полубояринова, 1980, с. 182, 186, 188, рис. 4, 23, 5, 1). Один из сосудов со знаком найден в яме 9. М.Д. Полубояринова считает, что знаки наносились на сосуды купцами, использовавшими кувшины как емкости для продажи жидкостей или сыпучих продуктов, знаком купец мог удостоверить количество и качество товара (Полубояринова, 1980, с. 205).

Имеется фрагмент стенки афтоба с сохранившимся носиком длиной 6,1 см, закрепленным на верхней части тулова (рис. 2: 7). Сосуд орнаментирован выше носика горизонтальными линиями, он обнаружен в жилище. Подобные изделия найдены на городищах Селитренное, Водянское (Федоров-Давыдов, 2001, с. 102-103, 105, 107, 109-110, табл. 52, 2, 55, 57, 1, 58), Сарайчик (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 38-39), в золотоордынских напластованиях Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 55-56, 61-64, рис. 34, 8, 39, 1, 3).

Кружка (рис. 5: 2) имеет диаметр тулова 8,2 см и высоту 7 см. Орнаментирована двумя рядами оттисков палочки, ручка крепится к тулову и венчику. Сосуд найден в яме 4 (зерновая, соединенная с погребом). Подобные кружки встречаются в золотоордынских слоях Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 64-66, рис. 43, 2, 4, 8, 23, 44, 3).

Копилки (рис. 5: 3-4) орнаментированы прочерченными горизонтальными линиями; они имеют диаметр 10,3 и 10,6 см. Высота археологически целого изделия из зерновой ямы 39 составляет 9,2 см; аналогичная копилка происходит с Увекского городища (Недашковский, 2010, с. 173, рис. 10, 2).

В яме 9 найден фрагмент трубы (рис. 5: 6) диаметром 15,4 см, имеющий аналогии в материалах золотоордынских городов (Федоров-Давыдов, 2001, с. 187-188, табл. 99, 1; Хлебникова, 1988, с. 99, рис. 74, 16).

Светильники представлены тремя изделиями (рис. 6: 1-2, 5), одно из которых лепное (рис. 6: 5). Предметы имеют диаметр 9,5-12,3 см и высоту 2,8-3,8 см. Два изделия найдены в яме 9. Подобные светильники известны с Увекского городища, а также других средневековых памятников Восточной Европы (Недашковский, 2000, с. 96, 100, рис. 25, 6, 8).

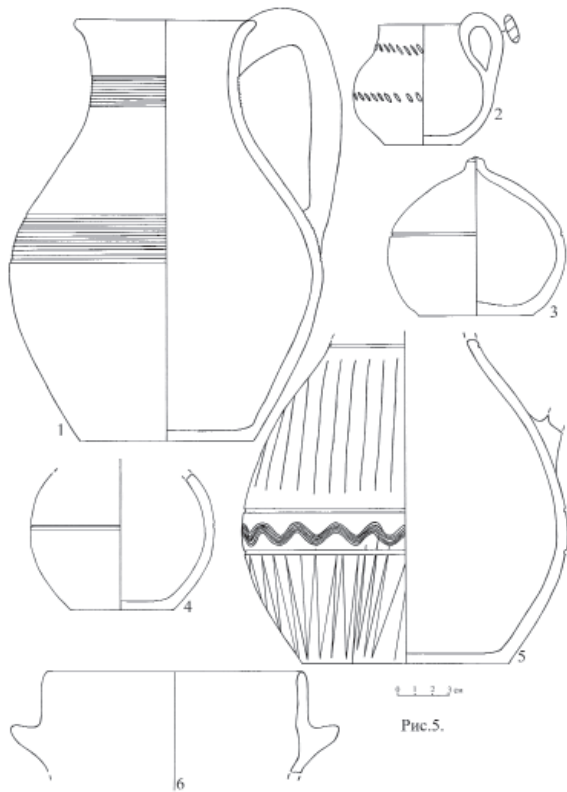

Рис. 5. Золотоордынские неполивные кувшины (1, 5), кружка (2), копилки (3-4) и труба (6) с Багаевского селища: 1-2, 5 – раскоп I-2008: 1 – яма 14, 2 – яма 4, 5 – яма 8; 3-4 – раскоп I-2016: 3 – яма 39, 4 – культурный слой; 6 – раскоп I-2021, яма 9.

Fig. 5. The Golden Horde non-glazed jugs (1, 5), mug (2), moneyboxes (3-4) and pipe (6) from the Bagaevka settlement: 1-2, 5 – excavation area I-2008: 1 – pit 14, 2 – pit 4, 5 – pit 8; 3-4 – excavation area I-2016: 3 – pit 39, 4 – cultural layer; 6 – excavation area I-2021, pit 9.

Котлы представлены археологически целым лепным сосудом с округлым дном и двумя пластинчатыми ручками, направленными близко к вертикали, а также двумя ручками разных сосудов (рис. 6: 6–8). Размеры сохранившегося изделия: диаметр венчика 19,4 см, диаметр тулова 20,3 см, высота 12,8 см. В формовочной массе обильная примесь крупного шамота (до 5 мм в поперечнике), что выделяет его из продукции золотоордынского комплекса. Возможно, это дальний импорт или местная попытка подобрать формовочную массу и технологию для редкой формы (вероятно, емкость получена составлением двух ленточных колец для тулова и диска для дна). Подобный орнаментирован-

Горшковидные сосуды также представлены (рис. 6: 3-4); хорошо сохранившиеся экземпляры имеют диаметр по венчику 16,1 и 14,4 см, диаметр по тулову 15,1 и более 20 см. Горшки использовались в качестве столовой посуды, поскольку устойчивая связь нагара на внешней придонной поверхности с этой формой не прослеживается. Подобные изделия найдены на Хмелевском I селище и на других золотоордынских поселениях Среднего и Нижнего Поволжья (Материальная, 2024, с. 52-53, 209, рис. 19, 21-23).

Рис. 6. Золотоордынские неполивные светильники (1-2, 5), горшки (3-4), котлы (6-8), фрагменты хумчей (9-10) и хум (11) с Багаевского селища: 1, 10 – раскоп I-2011, яма 9; 2 – раскоп I-2020, культурный слой; 3 – раскоп I-2012, яма 29; 4 – раскоп I-2008, культурный слой; 5 – раскоп I-2021, яма 9; 6, 9 – раскоп I-2009: 6 – культурный слой, 9 – яма 9; 7, 11 – раскоп I-2010: 7 – культурный слой, 11 – яма 9; 8 – раскоп I-2016, культурный слой.

Fig. 6. The Golden Horde non-glazed lamps (1-2, 5), pots (3-4), cauldrons (6-8), fragments of humchas (9-10) and hum (11) from the Bagaevka settlement: 1, 10 – excavation area I-2011, pit 9; 2 – excavation area I-2020, cultural layer; 3 – excavation area I-2012, pit 29; 4 – excavation area I-2008, cultural layer; 5 – excavation area I-2021, pit 9; 6, 9 – excavation area I-2009: 6 – cultural layer, 9 – pit 9; 7, 11 – excavation area I-2010: 7 – cultural layer, 11 – pit 9; 8 – excavation area I-2016, cultural layer.

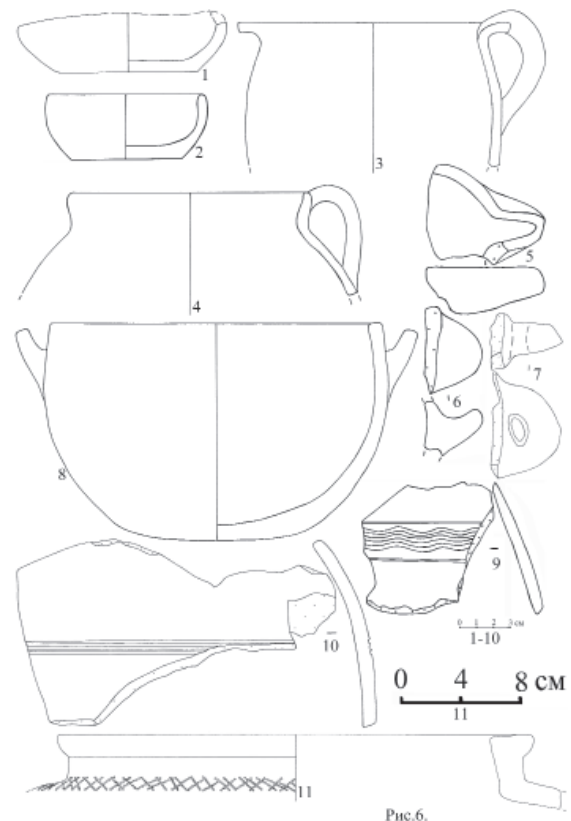

Рис.6.

ный котел происходит с Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 2001, с. 10, табл. 3).

Хум (рис. 6: 11) имеет диаметр по венчику 32 см, диаметр горловины 30,9 см, высоту горловины 1,7 см. Сосуд орнаментирован перекрещивающимися оттисками гребенчатого штампа.

Хумчи (рис. 6: 9, 10; 7, 8), сосуды для воды, хранения сыпучих и жидких продуктов, являются очень многочисленной категорией посуды. Археологически целые сосуды не сохранились, хотя к ним относится большинство фрагментов. Диаметр сосудов (рис. 7: 1, 4, 5) по венчику 13,4-21,2 см. У двух сосудов (рис. 7: 4, 5) реконструируется горловина диаметром 16 и 19,2 см; один из них (рис. 7: 4) имеет отверстие, сделанное при починке. Крупный экземпляр с сохранившейся нижней частью (рис. 7: 6) имеет диаметры тулова более 28,5 см и дна 16 см. Хумчи орнаментированы прочерченными горизонтальными линиями (рис. 6: 9-10; 7: 4-5; 8: 2, 4-14), отпечатками гребенчатого штампа (рис. 7: 4), многорядной волной (рис. 6: 9; 7: 2, 3; 8: 1-3, 5, 8, 10, 12) и фестонами (рис. 7: 4, 5; 8: 2, 7). Аналогии хорошо сохранившимся изделиям известны из позднезолотоордынских материалов Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 79, 81, рис. 57) и практически всех золотоордынских памятников.

На Багаевском селище преобладает посуда для хранения воды, сыпучих и жидких продуктов: крупные и средние кувшины, хумчи. Миски полностью отсутствуют, кружка представлена в одном экземпляре. Обращают на себя внимание фрагмент трубы, а также две копилки, которым трудно было подобрать иное назначение, кроме как для помещения туда монет, хорошо представленных в находках с поселения.

На раскопе I была найдена 21521 фрагмент золотоордынской неполивной керамики (табл. 1), из них в слое - 13777 фрагментов (64%), в ямах - 7744 фрагмента (36%). В первом штыке найдено 4819 фрагментов, во втором - 5309, в третьем - 1399, в четвертом - 1615, а в маломощном пятом - 39. В первых двух пластах, представляющих собой слой старой пашни, в основном встречается мелко фрагментированная керамика, крупные фрагменты единичны. В третьем, четвертом и пятом штыках крупные фрагменты встречаются значительно чаще. Наличие значительно большего количе-

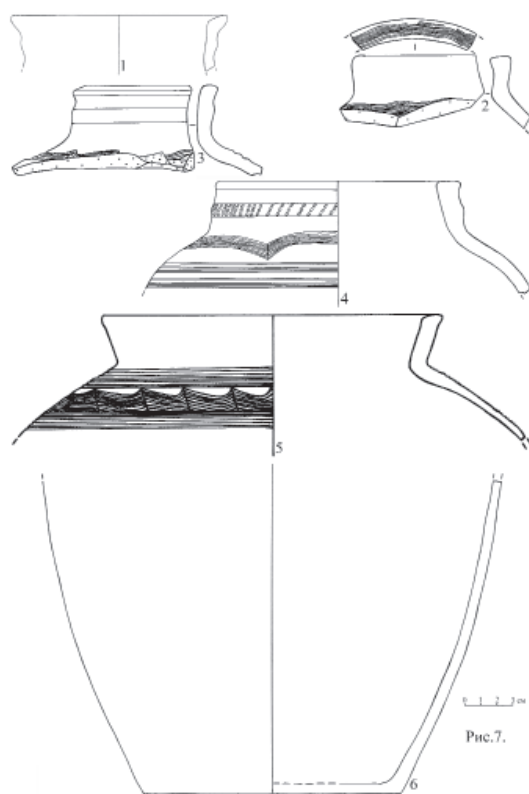

Рис. 7. Золотоордынские неполивные хумчи с Багаевского селища: 1 – раскоп I-2010, культурный слой; 2 – раскоп I-2009, яма 9; 3 – подъемный материал Л.Ф. Недашковского 1995 г.; 4 – раскоп I-2020, яма 44; 5-6 – раскоп I-2008, яма 9.

Fig. 7. The Golden Horde non-glazed humchas from the Bagaevka settlement: 1 - excavation area I-2010, cultural layer; 2 - excavation area I-2009, pit 9; 3 - investigations by L.F. Nedashkovsky, 1995; 4 - excavation area I-2020, pit 44; 5-6 - excavation area I-2008, pit 9.

ства фрагментов керамики в первом и втором пластах по сравнению с тремя нижележащими связано с многолетней распашкой селища. В третьем и четвертом штыках наблюдается примерно одинаковое количество золотоордынской керамики, что говорит о равномерном ее отложении в нижнем, не тронutom распашкой, горизонте слоя.

Нелощеная керамика (16255 фрагментов, 75,5%) преобладает над лощеной (5266 фрагментов, 24,5%). Керамика сплошного обжига (13614 фрагментов, 63,3%) преобладает над посудой с темной прослойкой в средней части излома (7907 фрагментов, 36,7%). Что касается цвета неполивной керамики, то можно заключить, что абсолютно преобладает коричневый (17893 фрагмента, 83,1%) цвет, затем идут красный (3133 фрагмента, 14,6%), серый

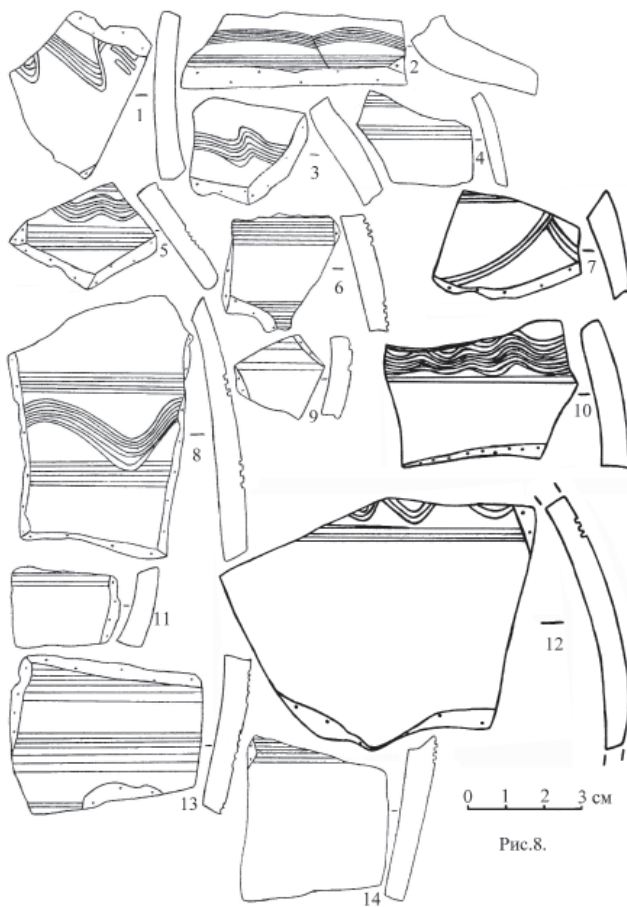

Рис. 8. Фрагменты золотоордынских неполивных хумчей с Багаевского селища: 1-6, 8-9, 11, 13-14 – раскоп I-2010: 1-3, 5, 13 – культурный слой, 4 – яма 27, 6 – яма 26, 8 – яма 9, 9 – яма 23, 11 – яма 24, 14 – яма 25; 7, 10, 12 – раскоп I-2009, культурный слой.

Fig. 8. Fragments of the Golden Horde non-glazed hunchas from the Bagaevka settlement: 1-6, 8-9, 11, 13-14 – excavation area I-2010: 1-3, 5, 13 – cultural layer, 4 – pit 27, 6 – pit 26, 8 – pit 9, 9 – pit 23, 11 – pit 24, 14 – pit 25; 7, 10, 12 – excavation area I-2009, cultural layer.

(269 фрагментов, 1,3%), бурый (201 фрагмент, 0,9%) и желтый (25 фрагментов, 0,1%).

На раскопе II, заложенном в части селища со слабо насыщенным культурным слоем, найдено 42 фрагмента золотоордынской керамики (табл. 2). Нелощеная керамика (76,2% неполивной золотоордынской посуды) абсолютно преобладает над лощеной (23,8%). Керамика с равномерным окислительным прокалом (61,9%) заметно превосходит посуду с темной прослойкой в изломе (38,1%). Абсолютно преобладает коричневый (88,1%) цвет, затем идут красный (9,5%) и бурый (2,4%).

Выявлены следующие виды орнамента, в порядке убывания частоты встречаемости

(табл. 3): горизонтальные линии (рис. 2: 1, 2, 4, 7-9; 3: 1, 7, 9; 4: 2; 5: 1, 3, 4; 6: 10; 8: 4, 6, 9, 11, 13-14); горизонтальные линии и многорядная волна (рис. 2: 6; 4: 1; 5: 5; 6: 9; 8: 5, 8, 10, 12); горизонтальные линии и фестоны (рис. 7: 5; 8: 2, 7); многорядная волна (рис. 7: 1-2; 8: 1, 3); фестоны; горизонтальные линии и однорядная волна (рис. 2: 5); горизонтальные линии и гребенчатый штамп (рис. 2: 3); горизонтальные линии и оттиски палочки; гребенчатый штамп (рис. 3: 3); оттиски палочки или гончарного ножа (рис. 5: 2); перекрывающиеся оттиски гребенчатого штампа (рис. 6: 11); резные линии; многорядная волна и гребенчатый штамп; многорядная волна и оттиски палочки; фестоны и гребенчатый штамп; горизонтальные линии, фестоны и однорядная волна; горизонтальные линии, фестоны и гребенчатый штамп (рис. 7: 4). Есть сосуды, покрытые лощением, в том числе вертикальным (рис. 2: 4; 3: 9; 5: 5) и в виде зигзагообразных вертикальных линий (рис. 5: 5). На раскопе I найдено 5685 фрагментов керамики с орнаментом, что составляет 26,4% всей золотоордынской неполивной керамики.

Большое количество неполивной золотоордынской керамики найдено в следующих ямах: в яме 2 (овин) найдено 273 фрагмента, в яме 4 (зерновая яма, соединенная с погребом) – 323, в яме 5 (зерновая) – 206, в яме 12 (хозяйственная в створе ямы 9) – 118, в зерновой яме 29 – 114, в яме 31 (погреб, соединенный с хозяйственной ямой) – 463, в яме 36 (зерновая) – 155, в яме 37 (хозяйственная) – 199, в яме 39 (зерновая) – 105, в яме 42 (погреб) – 370, в яме 44 (погреб, соединенный с хозяйственной ямой) – 182, в яме 50 (хозяйственная) – 120. В яме 9, представляющей собой природное понижение, в южной части которого оборудована полуземлянка, найдено 4334 фрагмента золотоордынской посуды, что составляет 20,1% общего количества золотоордынской керамики.

Источником поступления массовой неполивной керамической посуды золотоордынского комплекса на крупное сельское поселение, которым является Багаевское селище, несомненно, было гончарное ремесло крупных и малых городов Нижнего Поволжья. Об этом свидетельствует абсолютное преобладание посуды окислительного горнового обжига, также следует отметить практически полное отсутствие на селище кустарных изде-

лий (исключением являются лишь лепные поделка, котел и светильник).

Наличие в материалах Багаевского селища определенных форм гончарной посуды объясняется потребностями жителей золотоордынского села, основными занятиями которых были земледелие и скотоводство.

На Увекском городище, помимо форм керамики, отмеченных на Багаевском селище, зафиксированы двуручные кувшины, крышки, туваки, сфероконусы, миниатюрные сосудики, фляга, миска, чаша, погребушка.

На Хмелевском I селище (малый город) найдены крышки, туваки, фляги, миски, которые не найдены на Багаевском селище. Вместе с тем на Багаевском селище найдены кружка и копилки, которые отсутствуют на Хмелевском I селище.

Сравним приведенные формы посуды Багаевского поселения с материалами других сельских поселений округа Укека. На селище Широкий Буерак найдены фрагменты кувшинов и хумчей. На селище Колотов Буерак обнаружены фрагменты кувшинов, афтоба и хумчей. Кувшины, хумчи и лепной светильник были найдены на Константиновском селище.

Сравнение данных статистики, характеризующих золотоордынскую неполивную посуду с Багаевского селища и Хмелевского I селища, приводит к определенным выводам. Данные по керамике без темной прослойки в средней части излома с Хмелевского I поселения (53,3-63,5% на разных раскопах) соответствуют данным Багаевского селища. Коричневой посуды на Хмелевском I селище на разных раскопах 44,3-85,3%, красной – 7,1-33,7%, серой – 1-7,6%, бурой – 0,5-19,6%, желтой – не более 0,7%. На центральном раскопе I Хмелевского I селища коричневая посуда составляет 44,3%, а красная – 33,7%, тогда как на раскопах на окраине поселения количество красной посуды значительно снижается, а количество коричневой возрастает; таким образом, по соотношению коричневой и красной керамики Багаевское селище ближе к периферийным раскопам Хмелевского I селища. Вероятно, значительная часть керамики

на Багаевское селище поступала из близлежащего малого города - Хмелевского I селища, на котором существовало местное керамическое производство и не всегда выдерживался равномерный окислительный обжиг.

На Хмелевском I селище абсолютно преобладает нелощеная керамика (76,7-94,3% на разных раскопах; 90,7% на раскопе I в центральной части селища). Очевидно, что на Багаевском селище несколько больше лощеной посуды, чем на Хмелевском I; это можно объяснить тем, что на Багаевском селище, возможно, больше раннезолотоордынских материалов (найденные на раскопе I на Багаевском селище джучидские монеты отчеканены с конца 1270-х по начало 1360-х гг., а на раскопе I на Хмелевском I селище - с начала XIV в. до 1350-х гг.).

Сравним статистические данные, характеризующие золотоордынскую неполивную посуду с Багаевского селища и соседних сельских памятников. На селище Широкий Буерак керамика сплошного обжига (69,5%) преобладает над посудой с темной прослойкой в средней части излома, что соотносится с данными Багаевского селища, также на селище Широкий Буерак значительно больше керамики красного цвета (23,9%), чем на Багаевском; вместе с тем, на селище Широкий Буерак значительно больше керамики бурого (2,2%) и желтого (0,8%) цвета. На Багаевском селище керамика с темной прослойкой в средней части излома составляет немногим более трети, в то время как на селище Колотов Буерак такая посуда преобладает (57,9%); на селище Колотов Буерак наблюдается максимальное количество лощеной керамики (40,3%) в рассматриваемой группе памятников. Константиновское селище несколько уступает Багаевскому селищу по керамике сплошного обжига (59,1%) и лощеной керамике (19,4%).

Таким образом, по параметрам поступавшей на сельские поселения золотоордынской неполивной посуды, Багаевское селище занимает сравнительно близкое положение с другими памятниками.

Таблица 3. Статистика орнаментированной неполивной золотоордынской керамики из раскопа I на Багаевском селище

Table 3. Statistics of the Golden Horde non-glazed ornamented ceramics from excavation area I at the Bagaevka settlement

	горизонтальные линии	много-рядная волна	фес-тоны	гребен-чатый штамп	перекре-щиваю-щиеся отгиски гребен-чатого штампа	отгиски палочки	резные линии	горизон-тальные линии и много-рядная волна	горизон-тальные линии и одно-рядная волна	горизон-тальные линии и фестоны
шт. 1	929	31	9	6	1	2	1	54	14	15
шт. 2	1198	34	15	1	1	2	-	77	14	53
шт. 3	345	7	5	1	-	-	-	14	2	13
шт. 4	411	12	6	-	-	2	-	32	4	16
шт. 5	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-
бровки	132	-	2	2	-	-	-	8	4	9
всего излюя	3028	84	37	10	2	6	1	185	38	106
яма 4	53	-	1	1	-	1	-	4	2	4
яма 5	48	-	-	-	-	1	-	2	-	-
яма 6	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-
яма 7	14	-	-	-	-	-	-	-	-	1
яма 8	7	1	-	-	-	-	-	4	1	-
яма 9	1096	31	12	4	3	3	-	91	14	60
яма 10	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 11	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 12	19	-	1	-	-	-	-	6	-	3
яма 13	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 14	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 15	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-
яма 16	6	-	-	-	-	-	-	-	1	-
яма 20	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 22	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 23	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 24	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 25	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 26	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 27	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 28	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 29	30	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 31	120	2	2	-	-	-	-	8	1	8
яма 32	22	-	-	-	-	-	-	-	-	1
яма 33	11	-	-	-	-	-	-	1	-	-
яма 35	15	-	-	-	-	-	-	2	-	-
яма 36	35	2	2	1	-	-	-	3	-	-
яма 37	36	1	1	1	-	-	-	-	-	2
яма 38	8	-	-	-	-	-	-	4	-	-
яма 39	27	-	-	-	-	-	-	2	-	1
яма 40	14	1	-	-	-	-	-	-	1	-
яма 42	83	3	1					6		
яма 44	45	-	-	-	-	1	-	2	-	5
яма 45	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 46	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 50	40	1	-	-	-	-	-	4	-	-
яма 51	4	-	1	-	-	-	-	-	-	-
всего изям	1774	42	22	7	3	6	-	141	20	85
итого	4802	126	59	17	5	12	1	326	58	191

Таблица 3. Статистика орнаментированной неполивной золотоордынской керамики из раскопа I на Багаевском селище (продолжение)

Table 3. Statistics of the Golden Horde non-glazed ornamented ceramics from excavation area I at the Bagaevka settlement

	горизонтальные линии и гребенчатый штамп	горизонтальные линии и оттиски палочки	многорядная волна и гребенчатый штамп	многорядная волна и оттиски палочки	фестоны и гребенчатый штамп	горизонтальные линии, фестоны и однорядная волна	горизонтальные линии, фестоны и гребенчатый штамп
шт. 1	14	13	-	-	-	-	-
шт. 2	19	3	-	-	-	-	-
шт. 3	3	1	-	1	-	-	-
шт. 4	5	-	-	-	-	-	-
шт. 5	-	-	-	-	-	-	-
бровки	1	-	-	-	-	-	-
всего из слоя	42	17	-	1	-	-	-
яма 4	-	-	-	-	-	-	-
яма 5	-	-	-	-	-	-	-
яма 6	-	-	-	-	-	-	-
яма 7	-	-	-	-	-	-	-
яма 8	-	-	-	-	-	-	-
яма 9	3	5	-	-	-	1	-
яма 10	-	-	-	-	-	-	-
яма 11	-	-	-	-	-	-	-
яма 12	-	-	-	-	-	-	-
яма 13	-	-	-	-	-	-	-
яма 14	-	-	-	-	-	-	-
яма 15	-	-	-	-	-	-	-
яма 16	-	-	-	-	-	-	-
яма 20	-	-	-	-	-	-	-
яма 22	-	-	-	-	-	-	-
яма 23	-	-	-	-	-	-	-
яма 24	-	-	-	-	-	-	-
яма 25	-	-	-	-	-	-	-
яма 26	-	-	-	-	-	-	-
яма 27	-	-	-	-	-	-	-
яма 28	-	-	-	-	-	-	-
яма 29	3	1	-	-	-	-	-
яма 31	2	2	-	-	-	-	-
яма 32	-	-	-	-	-	-	-
яма 33	-	1	-	-	-	-	-
яма 35	-	-	-	-	-	-	-
яма 36	2	-	-	-	-	-	-
яма 37	1	-	-	-	-	-	-
яма 38	-	-	-	-	-	-	-
яма 39	-	-	-	-	-	-	-
яма 40	1	-	-	-	-	-	-
яма 42	1	-	-	-	-	-	-
яма 44	2	-	-	-	1	-	1
яма 45	-	-	1	-	-	-	-
яма 46	-	-	-	-	-	-	-
яма 50	-	-	-	-	-	-	-
яма 51	-	-	-	-	-	-	-
всего из ям	15	9	1	-	1	1	1
итого	57	26	1	1	1	1	1

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю. О вариативности использования изделий из фрагментов керамических сосудов (по материалам исследований средневекового Болгара) // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции (г. Азов, 14-18 октября 2019 г.) / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник, 2019. С. 30-34.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья / Отв. ред. Л.Ф. Недашковский. М.: Наука, 2024. 239 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округа // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленев. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 122-128.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 165-212.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: МГУ, 2001. 256 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68-171.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара. // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7-102.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Шигапов Марат Баязитович, кандидат исторических наук, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

REFERENCES

Badeev, D. Yu. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 30-34 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the Town)*. Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. (ed.). 2024. *Material'naya kul'tura zolotoordynskikh selishch tsentral'noy chasti Saratovskogo Povolzh'ya (Material culture of the Golden Horde settlements of the central part of the Saratov Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2002. In Egorov, V. L., Zelenev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum, 122-128 (in Russian)

Nedashkovsky, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.) *Srednevekovie drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165-212 (in Russian).

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika (na kazakhskom, ruskom i angliyskom yazykakh) (Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English)..

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt (Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68–171 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.) *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7-102 (in Russian).

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Shigapov Marat B. Candidate of Historical Sciences, Povolzhskaya arkheologiya LLC. Nekrasova St., 28, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.238.250>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЦАРЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2023 Г.

©2024 г. А.Г. Ситдиков, Е.М. Пигарев

В статье представлены материалы раскопок гончарной мастерской Царевского городища по производству поливных изразцов из кашина и глины, обнаруженной в 2021 г. в ходе проведения геофизических исследований памятника. Дан комплексный анализ предметам печного припаса, с объяснением функционального предназначения каждого их типов. Приведено подробное описание конструкции горна и его технологических особенностей. Определен тип горна и вариант его применения. Показаны конструктивные отличия горнов Царевского городища от горнов Селитренного городища. Приводится информация о химическом красителе для глазурей, впервые встреченном на нижневолжских золотоордынских памятниках. На основании нумизматического материала, обнаруженного на раскопе, дана хронологическая характеристика производственного участка Царевского городища.

Ключевые слова: археология, Царевское городище, Гюлистан, Золотая Орда, археологические раскопки, гончарное производство, горн, печной припас, изразцы, нумизматика.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE TSAREV SETTLEMENT OF THE VOLGOGRAD REGION IN 2023

A.G. Sitdikov, E.M. Pigarev

The article presents the excavation materials of the pottery shop from the Tsarev settlement for producing glazed tiles from kashin and clay, discovered in 2021 during the geophysical research of the monument. A comprehensive analysis of the kiln supplies is given, with an explanation of the functional purpose of each of their types. A detailed description of the kiln design and its technological features is given. The type of kiln and its application option have been determined. The constructive differences between the kilns of the Tsarev settlement and the kilns of the Selitrennoye settlement are shown. Information is provided on the chemical colouring agent for glazes, first found on the Lower Volga Golden Horde sites. Based on the numismatic material found at the excavation, a chronological description of the production site of the Tsarev settlement is given.

Keywords: archaeology, Tsarev settlement, Gulistan, Golden Horde, archaeological excavations, pottery, kiln, kiln supplies, tiles, numismatics.

В 2023 г. археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были проведены научные исследования на территории Царевского городища, расположенном в Ленинском районе Волгоградской области, на северо-западной окраине с. Царев, на левом берегу р. Ахтубы (рис. 1: а)¹.

Царевское городище является вторым по величине археологическим памятником золотоордынского времени в Нижнем Поволжье и крупнейшим памятником в Волгоградской области. В последнее время отождествляется специалистами с золотоордынским городом Гюлистан (Евстратов, 1997, с.88-118; Гончаров, 2001, с.67; Клоков, Лебедев, 2010, с.437-504; Глухов, 2011, с.308).

Целью работ 2023 г. являлось продолжение изучения производственного района Царевского городища, проводившееся специалистами

Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в 2021 г., когда на этом участке городища были начаты комплексные исследования, включающие в себя проведение магнитометрических и археологических исследований.

Проведенные в 2021 г. магнитометрические исследования выявили несколько аномалий, которые были связаны с четырьмя производственными объектами (горнами) (рис. 1: б). Археологические раскопки одной из аномалий подтвердили результаты магниторазведки. В раскопе площадью 40 м² был открыт горн (№1) для обжига поливных изразцов и кирпичей, а также несколько ям, связанных с производством (Глухов, 2022).

В 2023 г. было продолжено изучение этой гончарной мастерской, для чего раскоп был расширен в северном направлении, накрывая одну из аномалий магниторазведки (рис. 1; б).

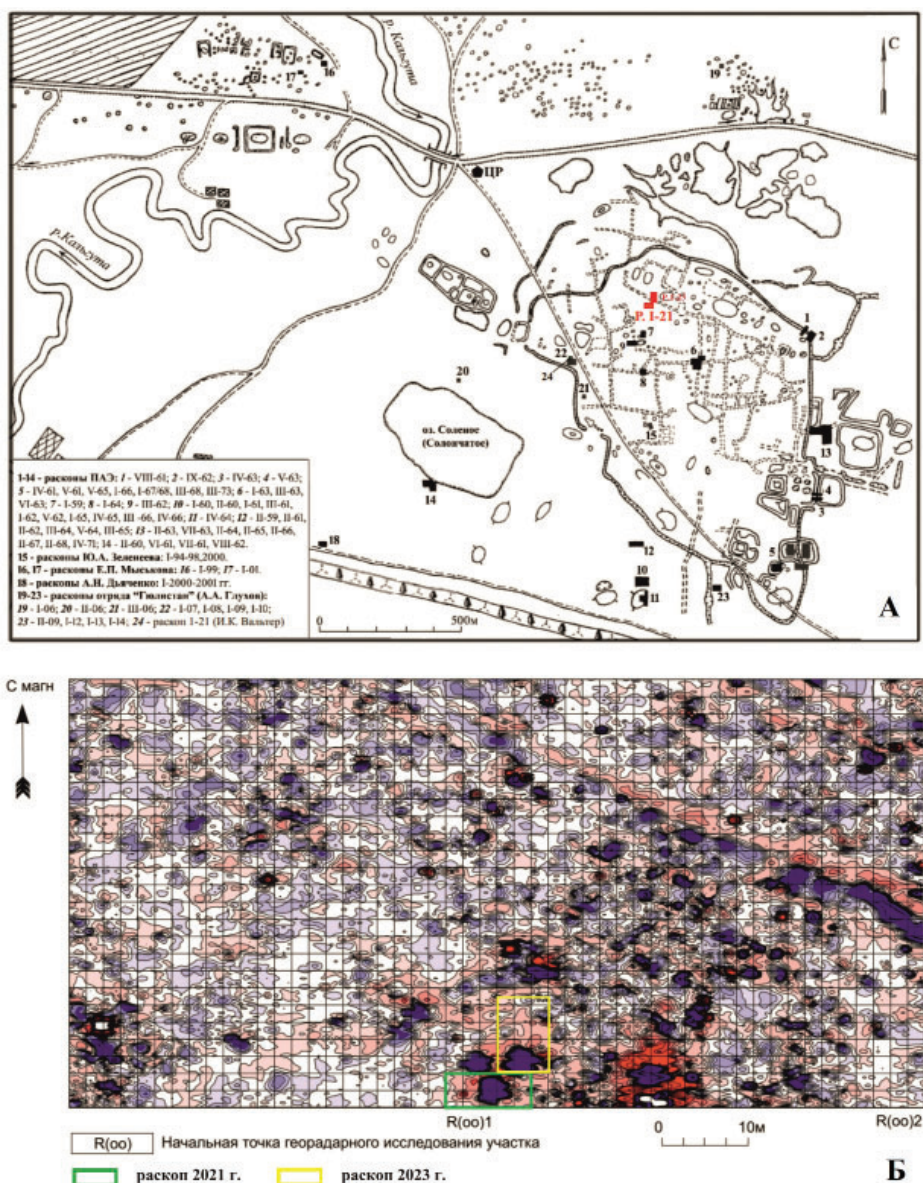

Рис.1. План-схема Царевского городища с указанием месторасположения раскопов разных лет (А); участок магнитометрических исследований с наложенной сеткой квадратов и обозначением границ раскопов 2021 и 2023 гг.

Fig.1. Sketch-map of the Tsarev settlement indicating the location of excavations of different years (A); a magnetometric research site with a superimposed excavation grids and marking the borderlines of excavations in 2021 and 2023.

Раскоп 2023 г. имел прямоугольную форму и был ориентирован стенками по сторонам света, площадь раскопа составила 54 м².

В раскопе был исследован горн (№2) для обжига поливных изделий и 6 хозяйственных ям, не связанных с производством (рис. 2). Культурные напластования (стратиграфические слои) достаточно однородны, основу их составляет мешанный коричневый суглинок с различными цветовыми оттенками, насыщенный кирпичной и сырцовой крошкой и иными включениями.

Конструкция горна №2 была обнаружена в квадратах Ф-Х/26-27 раскопа. Горн имел округлую форму и относился к типу двухъярусных, в которых камера обжига располагалась над топочной камерой (рис. 3–6). В связи с особыми местными условиями (близость грунтовых вод и сильная засоленность почвы) горн выстраивался на дневной (средневековой) поверхности с небольшим заглублением топочной камеры в материк на 0,15–0,2 м. Вокруг топочной камеры устраивалась теплоизолирующая конструкция, на которой

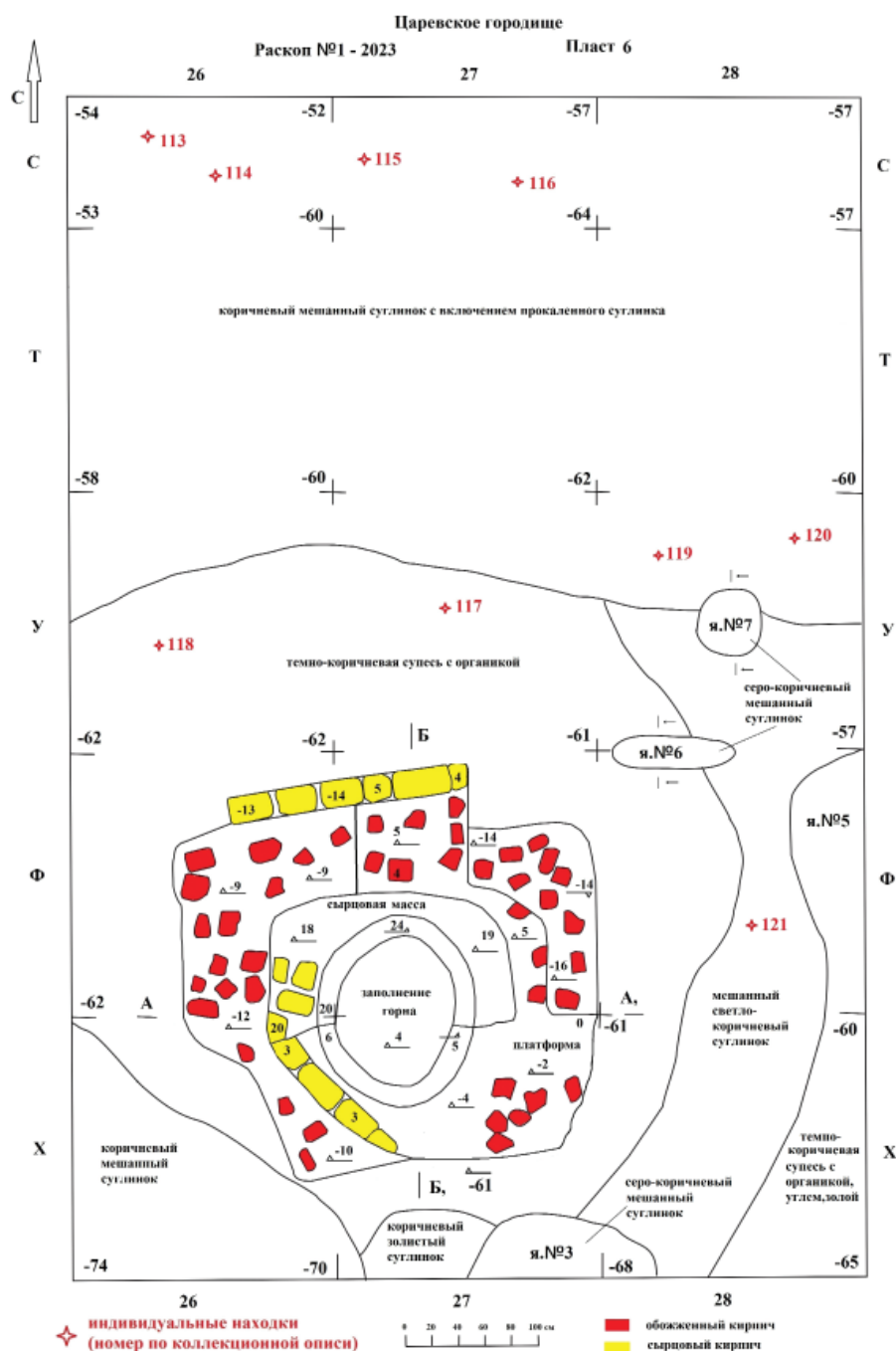

Рис. 2. План раскопа 2023 г. на уровне 6 пласта с выявленной конструкцией горна №2 и хозяйственными ямами.

Fig. 2. Excavation plan 2023 at layer 6 with the identified construction of kiln No. 2 and household pits.

устанавливалась камера обжига. На платформе этой конструкции располагались рабочая площадка и камера обжига горна.

Камера обжига горна не сохранилась до наших дней, но судя по остаткам конструкции, её стены выкладывались из сырцового кирпича на глиняном растворе. Обжигаемая в горне продукция укладывалась на глиняные полки, которые опирались на глиняные

штыри-полкодержатели, которые в свою очередь, вставлялись в стены камеры обжига между сырцовыми кирпичами (рис. 6: б; 7: 1–5). Загрузка продукции в камеру обжига происходила через верх. Вероятнее всего, камера обжига была одноразовой, после окончания процесса обжига она разбиралась. Это подтверждается отложением вокруг горна слоя коричневого мешанного суглинка с вклю-

Рис. 3. Конструкция горна №2 до начала внутренней расчистки, вид с юго-запада (А); фасадная часть топочной камеры горна №2, вид с юга (Б).

Fig. 3. Construction of kiln No. 2 before the start of internal cleaning, view from the southwest (A); front part of kiln chamber No. 2, view from the south (B).

чением прокаленного суглинка (мощностью до 0,6 м), где прокаленный суглинок является обожженной сырцовой массой.

Перед каждым новым обжигом, топочная камера убиралась от производственного мусора и загружалась топливом. Затем над ней выстраивалась камера обжига, которая загружалась обжигаемой продукцией. После чего камера обжига обмазывалась теплоизолирующим слоем из окружающих суглинков, и горн разжигался через топочное отверстие. С окончанием процесса обжига, горн остывал, камера обжига разбиралась, отожженная продукция вынималась, и горн готовился к следующему запуску.

Верхний уровень сооружения был зафиксирован после снятия пластов 1 и 2 на уровне отм. 22, 23 и представлял собой округлое пятно сырцового прокала. На уровне пласта 3 (отм. 8, 23) границы круглой в плане топочной камеры горна (размер: 1,7×1,9 м) проявились полностью. На уровне пласта 4 (отм. 5, 9) были выявлены границы теплоизоляционной конструкции горна прямоугольной формы размером 3,3×3 м. В процессе расчистки из-за плохой сохранности стены конструкции обрушались, что привело к изменению первоначального размера.

Остатки горна сохранились в высоту 1,1 м от уровня пода топочной камеры.

Рис. 4. Конструкция горна №2 после выборки заполнения топочной камеры (А);
технический разрез топочной камеры горна (Б).

Fig. 4. Construction of kiln No. 2 after sampling the filling of kiln chamber (A);
technical section of kiln chamber (B).

Верхний уровень обнаружения зафиксирован на уровне отм. 23, под камеры обжига (в центральной части) зафиксирован на уровне отм. -86. Топочная камера округлой формы, слегка вытянутой по линии С-Ю, грушевидная в разрезе, с чашевидным дном (рис. 4; 5).

Стены топочной камеры выложены из обожженного кирпича в один ряд вперевяз на глиняном растворе и сохранились в высоту 10 (по линии А-А,) и 9 (по линии Б-Б,) слоев. Два нижних кирпичных слоя утеплены в темно-коричневую супесь с органикой (ранний бытовой слой) и опираются на материковую поверхность. В кладке использованы

только целые кирпичи размером 21×21×5 см и 22×22×5 см (рис. 9: 7). Внутренняя поверхность стены топочной камеры покрыта сильно оплавленной глиняной штукатуркой. Материковое дно топки также покрыто глиняной штукатуркой толщиной до 3 см. На дне топочной камеры был зафиксирован спрессованный слой, образовавшийся после сгорания топлива, толщиной до 3 см. Судя по сильно оплавленной внутренней поверхности топки, горн эксплуатировался достаточно длительное время.

Вокруг топочной камеры была сложена теплоизоляционная конструкция прямоу-

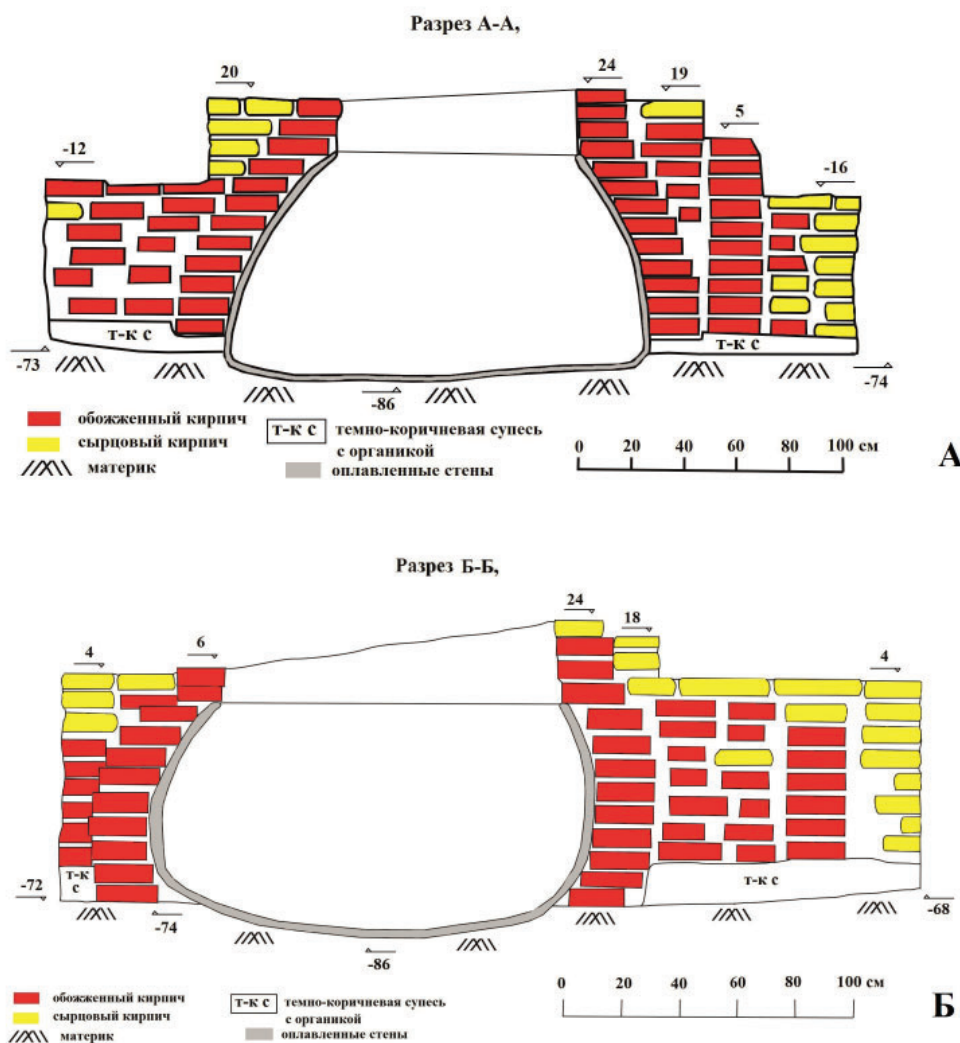

Рис. 5. Топочная камера горна: разрез по линии А-А, (А); разрез по линии Б-Б, (Б).
Fig. 5. Kiln chamber: section along the line А-А, (А); section along the line Б-Б, (Б).

гольной формы размером 3,3×3 м, состоящая из двойных стеновых кладок, опирающихся на темно-коричневую супесь с органикой (ранний бытовой слой), (рис. 5; 6). Внутренние стены этой конструкции были сложены из обожженного кирпича уложенного плашмя вперевяз на глиняном растворе. В кладке использовались как целые, так и фрагментированные кирпичи. С запада и востока внутренние стены были сложены впритык к топочной камере, с севера в 0,5 м от неё, с юга находилось топочное отверстие. Пространство между стеной топочной камеры и внутренней стеной теплоизоляционной конструкции было забутовано супесью насыщенной органикой (навоз?) и обломками обожженного и сырцового кирпича.

Внешние стены теплоизоляционной конструкции, расположенные в 0,4 м от внутренних с запада и востока, были устроены из сырцового кирпича (размер: 35×20×6/8 см), уложенного плашмя вперевяз на глиняном растворе. С севера сырцовая стена примыкала к стене из обожженного кирпича (рис.4: б; 5: б). Пространство между внешними и внутренними стенами теплоизоляционной конструкции было забутовано супесью насыщенной органикой (навоз?) и обломками обожженного и сырцового кирпича.

Поверхность теплоизоляционной конструкции была обложена целыми и фрагментированными обожженными кирпичами и служила рабочим уровнем, с которого происходило обслуживание камеры обжига.

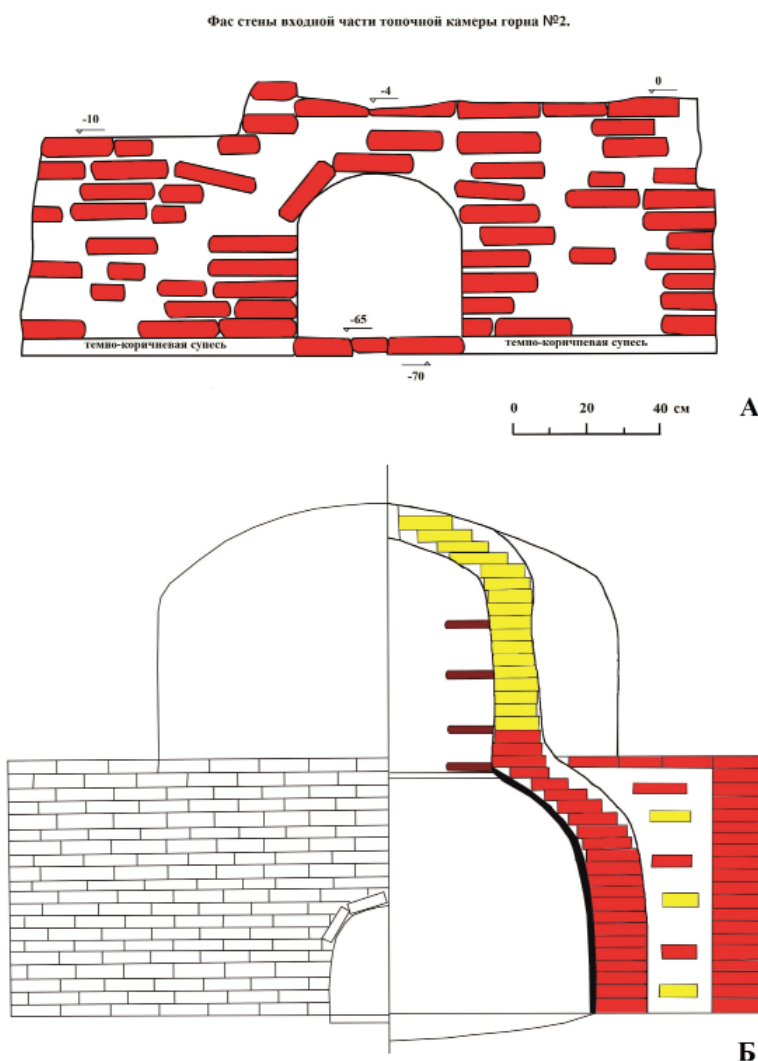

Рис. 6. Фасировка южной стены топочной камеры горна (А); условная реконструкция горна №2 (Б).

Fig. 6. Elevation of the southern wall of the kiln chamber (А); conventional reconstruction of kiln No. 2 (Б).

Как уже отмечалось выше, разбор горна с целью изучения его конструкции осуществлялся секторами – юго-восточный, северо-восточный, юго-западный. Это позволило полностью изучить как конструкцию самого горна, так и его теплозащитной системы (рис. 4).

Восточная стена теплоизоляционной конструкции сохранилась: внутренняя кладка в высоту 10 рядов обожженного кирпича, внешняя – в высоту 7 рядов сырцового кирпича. Западная стена конструкции сохранилась в худшем состоянии: внутренняя кладка в высоту 8 рядов обожженного кирпича, внешняя разрушена полностью. Северная стена конструкции сохранилась: внутренняя кладка в высоту 7 рядов обожженного кирпича, внешняя – в высоту 8 рядов сырцового кирпича (рис. 5).

Южная стена, лицевая, фасадная была устроена из обожженного кирпича, уложенного плашмя вперевяз на глиняном растворе. Стена пристроена впритык к стене топочной камеры. Отсутствие забутовки между стенами повлияло на плохую сохранность южной стены. Кладка стены сохранилась в высоту 9-11 рядов обожженного кирпича. В южной стене конструкции было устроено топочное отверстие горна, представлявшее собой проём прямоугольной формы, размером 0,46x0,5 м, с арочным верхом, с кирпичной ступенькой в нижней части (рис. 3: б; 6: а).

Анализ конструкции показал, что горн №2 относится к типу периодически действующих круглых двухъярусных горнов с восходящим движением газов, с несплошным перекрытием топочной камеры – класс I вид 2 (Пигарев, 2014, с.110-111, 204, рис.55-1; 56). По харак-

теристике устройства дымовытяжного отверстия, раскопанный нами горн относится к варианту 1 – горн со сводчатым перекрытием, снабженным дымовытяжным и одновременно загрузочным отверстием (Пигарев, 2014, с. 117–118). Подобные горны использовались для обжига архитектурного декора из кашина с покрытием глазури. Основное отличие, исследованных в 2021 и 2023 гг., горнов Царевского городища от горнов Селитренного городища заключается в том, что топочные камеры селитренских горнов полностью заглублены в материк. Горны Царевского городища, из-за близости грунтовых вод и засоленности грунта, устроены на материковой поверхности. В связи с этим, для уменьшения тепловых потерь, вокруг горнов устраивались теплоизолирующие площадки, в виде кирпичных конструкций, окружающих горн, забутованных грунтом.

После полной разборки конструкции горна №2 был зафиксирован участок слоя темно-коричневой супеси с органикой, опирающимся на материковую поверхность и являющимся бытовым слоем, сформированным до строительства горна, рис.2. Мощность этого слоя составила от 0,1 до 0,3 м.

В ходе расчистки заполнения топочной камеры горна и его теплоизоляционной конструкции было обнаружено: 7 фрагментов гончарной красноглиняной керамики, 2 обломка глиняных поливных изразцов, 15 обломков поливных изразцов на кашине, 57 обломков штырей-полкодержателей, 21 фрагмент печного припаса, 6 костей человека, 2 обломка кварцита.

Кроме конструкции горна на раскопе было обнаружено 6 ям различного назначения, из которых только две (яма №2 и №3) могут быть связаны со временем существования гончарной мастерской, и обе являлись продолжением ям, обнаруженных в раскопе 2021 г.

Яма №2 обнаружена в кв. X-27 при зачистке материковой поверхности (отм.-71, имеет в пределах раскопа округлую форму размером 0,6х0,42 м, впущена в материк. Заполнением ямы служил серо-коричневый мешанный суглинок с включением кирпичной крошки. В заполнении был обнаружен краситель синего цвета, использовавшийся при изготовлении глазури, рис.9: 1. По заключению к.т.н. Е.Ф. Шайхутдиновой краситель имел следующий химический состав: Барий 98,20%, Строн-

ций 0,84%, Железо 0,72%, Кадмий 0,24%. Химический состав синего пигмента сходен с составом китайского (ханского) синего или фиолетового: $\text{BaCuSi}_4\text{O}_{10}$ и $\text{BaCuSi}_2\text{O}_6$ (соответственно). Источником бария для данного пигмента бария был или витерит (BaCO_3), или барит (BaSO_4).

Яма №3 обнаружена в кв. X/27-28 при зачистке уровня пласта 6 (отм.-68), имеет в пределах раскопа округлую форму размером 1,16х0,5 м, впущена в материк. Заполнением ямы служил серо-коричневый мешанный суглинок с включением кирпичной крошки, в котором был обнаружен изразец-кирпич кашинный поливной купольный, замковый с поливой зеленого и бирюзового цвета, размером: 11х10х8 см (рис. 8: 4).

Яма №5 обнаружена в кв. Ф-X/28 при зачистке уровня пласта 6 (отм.-65), имеет в пределах раскопа аморфную вытянутую форму размером 3,9×1/0,6/0,2 м. Яма большей частью уходит за пределы раскопа в южном и восточном направлениях. По восточному и южному бортам раскопа стенки ямы прорезают слой темно-коричневой супеси с органикой и материковую поверхность. Заполнением ямы служила темно-коричневая супесь, насыщенная органикой, углем, золой, сгоревшими костями животных и закопченными обломками гончарной красноглиняной керамики. В заполнении ямы было обнаружено 32 фрагмента гончарных красноглиняных сосудов и 2 фрагмента кашинных поливных сосудов. Кроме того, в яме находились: медная серьга в виде знака вопроса со стеклянной бусиной на конце (рис. 9: 5), заколка из медной проволоки (рис. 9: 6), две медных монеты (анонимные пулы монетного двора Сарай ал-Джедиды времени правления хана Джанибека (1340-е гг.) с изображением двуглавого орла. Судя по заполнению и находкам, яма являлась бытовой мусорной, и использовалась до строительства горна.

Яма №6 обнаружена в кв. У-Ф/28 при зачистке уровня пласта 6 (отм.-61), имеет в пределах раскопа вытянутую форму размером 1х0,3 м. Заполнением ямы служил серо-коричневый мешанный суглинок, в котором встречены фрагмент круговой красноглиняной керамики и обломок поливного изразца на кашине. Назначение ямы не ясно.

Яма №7 обнаружена в кв. У/28 зачистке уровня пласта 6 (отм.-60), имеет в преде-

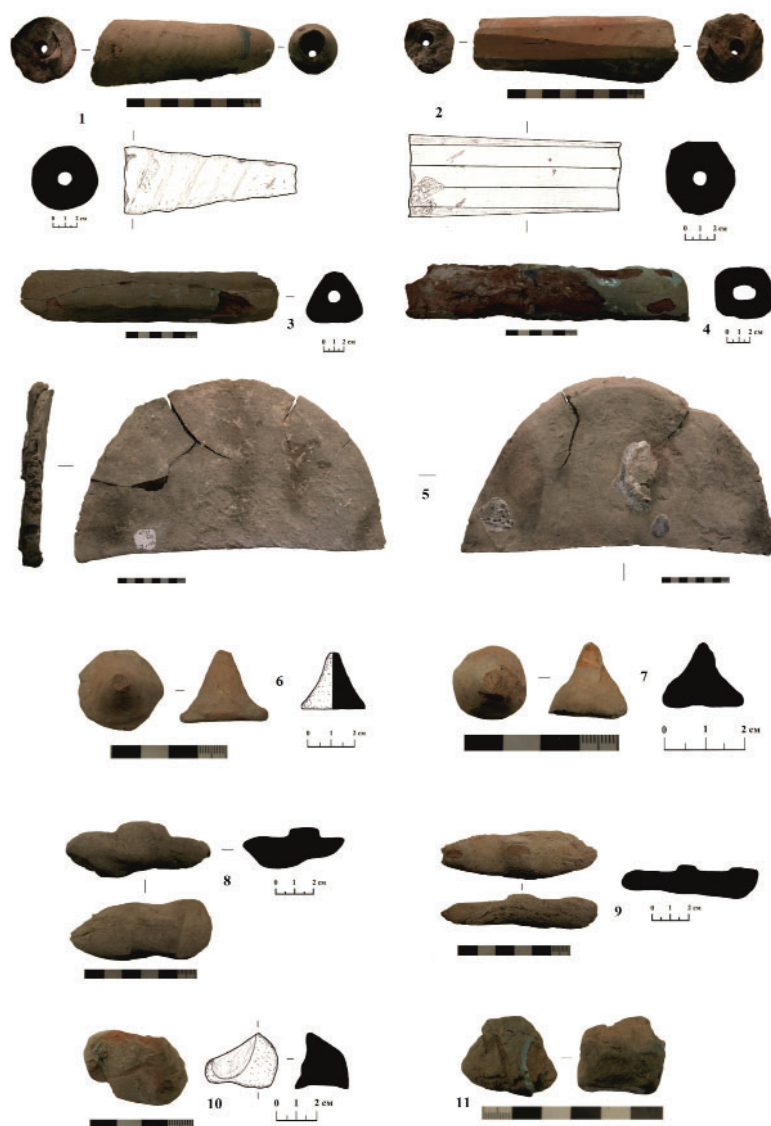

Рис. 7. Образцы печного припаса: 1-4 – штыри-полкодержатели; 5 – глиняная полка; 6, 7 – конусы; 8, 9 – «колбаски»; 10, 11 – комочки

Fig. 7. Samples of kiln supplies: 1-4 – holder pins; 5 – clay shelf; 6, 7 – cones; 8, 9 – "sausages"; 10, 11 – lumps.

лах раскопа округлую форму размером 0,6 м. Заполнением ямы служил серо-коричневый мешанный суглинок без находок. Назначение ямы не ясно.

Яма №8 обнаружена после разбора горна, под восточной стеной его теплоизоляционной конструкции в кв Х-27, в слое темно-коричневой супеси, насыщенной органикой на уровне отм. -52. Яма имела круглую форму диаметром до 0,45 м, выкопана в культурном слое (темно-коричневая супесь с органикой), сформированном до строительства горна, и впущена в материк. Заполнением ямы служила темно-серая супесь с золой и углем, в котором обнаружен один фрагмент стенки кругового красноглиняного сосуда с прорезным линей-

ным орнаментом и оплавленная серебряная монета.

Кроме того, на площади раскопа обнаружены: фрагменты оконного стекла (рис. 9: 2), стеклянная глазчатая цветочная подвеска (рис. 9: 4), фрагменты изделий из цветных металлов (рис.9: 3, 6), многочисленные крупные и мелкие обломки кварцита (рис. 9: 8), фрагмент каменного жернова (рис. 9: 9).

Коллекция предметов печного припаса и изразцов позволяет высказать предположение о предназначении горна №2, изученного в 2023 г.

С площади раскопа было получено: 236 обломков штырей-полкодержателей различных типов, на которых располагались кера-

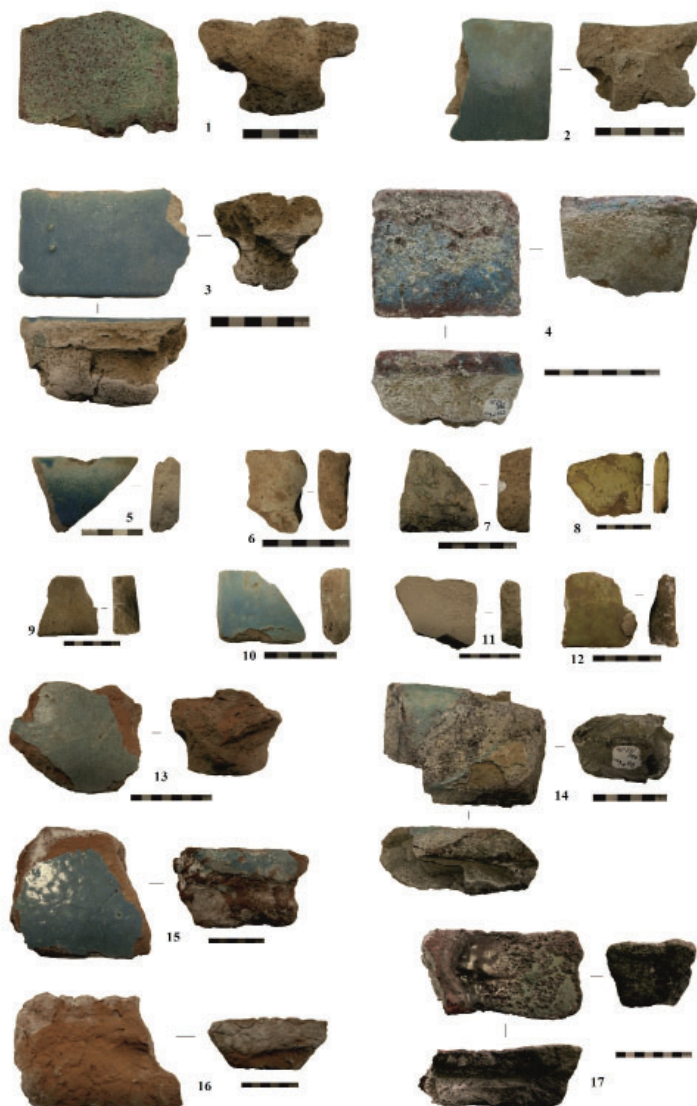

Рис. 8. Образцы архитектурного декора: 1-4 – изразцы купольные кашинные поливные; 5-12 – плитки кашинные поливные; 13-17 – изразцы купольные глиняные поливные.

Fig. 8. Samples of architectural decor: 1-4 – kashin glazed dome tiles; 5-12 – kashin glazed tiles; 13-17 – clay glazed dome tiles.

мические полки с обжигаемыми изделиями (рис. 7: 1-4); 16 фрагментов и 1 целая глиняная полка для раскладки обжигаемых изделий (рис. 7: 5); 59 комочков – грубо сформованных комочки глины, предназначенных для подпорки изделий в ходе установки их на полки (рис. 7: 10, 11); 80 глиняных «колбасок» – грубо сформованных округлых, овальных, иногда уплощенных в сечении, вытянутых кусочков глины, предназначенных для вертикальной установки, путём вдавливания в них, кашинных плиток, о чём свидетельствуют оставшиеся на них парные следы (рис. 7: 8, 9); 4 глиняных конуса, предназначенных для укладки на

них обжигаемых поливных изделий (изразцы и плитки) в ходе второго обжига (рис. 7: 6, 7).

Также на раскопе было обнаружено: 39 целых и фрагментированных купольных кашинных изразцовс бирюзовой поливой (рис. 8: 1-4); 121 обломок кашинных плиток (108 с бирюзовой поливой (рис. 8: 5, 10), 3 – с желтой (рис. 8: 8), 7 – с белой (рис. 8: 6, 11), 3 – с зеленой (рис. 8: 7, 12)); 7 кашинных мозаичных вставок с поливой бирюзового цвета; 7 фрагментов кашинных изразцов-бордюров (4 бирюзового и 3 зеленого цвета).

Необходимо отметить, что в заполнении топочной камеры горна встреченные образ-

Рис. 9. Находки с разных участков раскопа: 1 – химический краситель; 2 – фрагмент оконного стекла; 3 – фрагмент медного изделия с орнаментом; 4 – стеклянная подвеска; 5 – бронзовая серьга; 6 – медная проволочная закладка; 7 – глиняный кирпич; 8 – обломок кварцита; 9 – фрагмент каменного жернова.

Fig. 9. Finds from different sites of the excavation: 1 – chemical colouring agent; 2 – fragment of window glass; 3 – fragment of a copper item with an ornament; 4 – glass pendant; 5 – bronze earring; 6 – copper wire clip; 7 – clay brick; 8 – quartzite fragment; 9 – fragment of a stone millstone.

цы печного припаса не несут на себе следов глазури. Также следов и потеков глазури не зафиксировано на дне и стенках топочной камеры. Это наблюдение, вкупе с находкой внутри топки обломка кашинной плитки без глазури (рис. 8: 9), позволяет сделать предположение, что в этом производственном объекте происходил первичный обжиг «полуфабрикатов» поливных кашинных купольных изразцов и плиток. Это подтверждается и составом печного припаса – при достаточном количестве глиняных «колбасок» и комочков, встречено всего лишь 4 глиняных конуса,

непосредственно применявшихся при обжиге изделий, покрываемых глазурью. Однако, полностью подтвердить или опровергнуть это предположение можно будет только после полного изучения мастерской.

Монетный комплекс раскопа представлен 12 золотоордынскими монетами: 6 анонимных пулов с изображением двуглавого орла (монетный двор – Сарай ал-Джедида, 740-е гг.х.), 3 анонимный пула с изображением цветочной розетки (монетный двор – Сарай ал-Джедида, 750-е гг.х.), 1 нечитаемого пула, 1 дирхема Бердибека 759 г.х. (монетный двор

Гюлистан) и 1 оплавленной нечитаемой серебряной монеты.

Нумизматический материал, полученный в процессе раскопок этого участка городища, показывает, что слой темно-коричневой супеси, насыщенной органикой, который перекрывается конструкцией горна, формировался в 1340-х гг. В 1350-х гг. на этом участке появляется обжигательный горн, просуществовавший, видимо, до конца 1350-х гг. Вероятно, в связи с начавшимся политическим кризисом, мастерская прекратила свое существование.

Результаты геофизических исследований 2021 г. показали, что на территории гончарной мастерской находятся минимум четыре производственных объекта различных типов, два из которых изучены в 2021 и 2023 годах. Продолжение исследований гончарной мастерской, запланированное на ближайшее время, даст возможность выяснить конструктивные особенности всех производственных объектов, определить их взаимосвязь и последовательность появления и работы.

Примечания:

¹ Работы проводились в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 годы)» в рамках исполнения: п.1.15 «Проведение II этапа историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюркотатарских городов за пределами Республики Татарстан».

ЛИТЕРАТУРА

Глухов А.А. Царевское городище: археологические свидетельства военного погрома во второй половине 60-х гг. XIV в. // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 302–309.

Глухов А.А. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории ОКН федерального значения «Развалины Сарай-Берке (Новый Сарай)» (Царевское городище) в Ленинском районе Волгоградской области в 2021 году. Казань, 2022. 213 с.

Гончаров Е.Ю. Очерк истории города Гюлистана (вновь о «двух столицах» в Золотой Орде) // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931-2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПУ, 2001. С. 66–67.

Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на месте Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Мат-лы межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау / Отв. ред. И.И. Дремов. Саратов: Изд-во Саратовского госпединститута, 1997. С. 88–118.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Царевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 437–504.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.7. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 208 с.

Ситдииков А.Г., Воробьева Е.Е. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории ОКН федерального значения «Развалины Сарай-Берке (Новый Сарай)» (Царевское городище) близ с. Царев в Ленинском районе Волгоградской области в 2023 году (в 2-х томах). Казань, 2024. 151 с., 125 с.

Информация об авторах:

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик АН РТ, руководитель (директор), Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); Казанский (Приволжский) федеральный университет (г.Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, доктор исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Gluhov, A. A. 2011. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.).” March 17, 2009.)* 1. Kazan: “Fan” Publ., 302–309 (in Russian).

Gluhov, A. A. 2022. *Otchet o provedenii arkhelogicheskikh raskopok na territorii OKN federal'nogo znacheniya «Razvaliny Saray-Berke (Novyy Saray)» (Tsarevskoe gorodishche) v Leninskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2021 godu (Report on archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance "Ruins of Sarai-Berke (New Sarai)" (Tsarev settlement) in the Leninsk district of the Volgograd region in 2021).* Kazan (in Russian).

Goncharov, E. Yu. 2001. In Guseva, T. V. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod Pedagogical University Publ., 66–67 (in Russian).

Evstratov, I. V. 1997. In Dremov, I. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze and Early Iron Ages in the History of the Ancient Tribes of the Southern Russian Steppes)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 88–118 (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 437–504 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2014. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Saray (Selitrennoe gorodishche) (Pottery Production of the Golden Horde city of Sarai (Selitrennoe Settlement))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vorobeva, E. E. 2024. *Otchet o provedenii arkhelogicheskikh raskopok na territorii OKN federal'nogo znacheniya «Razvaliny Saray-Berke (Novyy Saray)» (Tsarevskoe gorodishche) bliz s. Tsarev v Leninskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2023 godu (v 2-kh tomakh). (Report on archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance "Ruins of Sarai-Berke (New Sarai)" (Tsarev settlement) near the village of Tsarev in the Leninsk district of the Volgograd region in 2023 (in 2 volumes))*. Kazan (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Pigarev Evgeny M. Doctor of Historical Sciences, Head of the Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center (UNAEC), Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.2/094 «4/14»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.251.259>**АМФОРЫ «ТРИЛИЙСКОЙ» ГРУППЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIII XIV ВВ.)¹**

© 2024 г. С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский

В работе охарактеризована одна из групп византийских амфор, поступавших на территорию Золотой Орды в ранний период её существования. В отечественной научной литературе эта группа амфор получила название «Триллия» по порту Никейской империи на Мраморном море или «амфор с высокоподнятыми ручками». Ранее она не упоминалась в отдельных публикациях. Она занимает третье место по численности находок среди византийской керамической тары на территории Золотой Орды. Приводится обзор точек зрения относительно места её производства. Даются технологическая и морфологическая характеристика изделий группы, сосуды которой изготовлены путем вытягивания тулова из комка глины по емкостно-донной программе с отдельно изготовленным горлом. Данные амфоры являются важным хроноиндикатором при изучении материального комплекса памятников Золотой Орды, позволяя выделять материалы и памятники, появившиеся не позднее первой четверти XIV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, Византия, Триллия, археология, керамология, амфоры византийского производства, торговля вином, амфоры.

**AMPHORAE OF THE "TRIGLIA" WARE ON THE GOLDEN HORDE
(THE LAST THIRD OF THE 13TH- 14TH CENTURIES)²**

S.G. Bocharov, A.N. Maslovskyi

The article describes one of the groups of Byzantine amphorae that entered the territory of the Golden Horde in the early period of its existence. Previously, there were no separate publications on this topic. Amphorae made of Triglia ceramics occupy the third place in terms of the number of finds among Byzantine ceramic vessels in the territory of the Golden Horde. An overview of the points of view regarding the place of their manufacture is provided. The technological and morphological characteristics of these amphorae are proposed. These amphorae are an important chronoinicator. The presence of these amphorae in the pottery assemblage makes it possible to identify materials and objects that appeared on the territory of the Golden Horde no later than the first quarter of the 14th century.

Keywords: Golden Horde, Byzantium, Triglia, archaeology, ceramology, Byzantine amphorae, wine trade, amphorae.

Амфорная керамика, ввозившаяся в города Золотой Орды из обломков Византийской империи в середине XIII - конце XIV вв. явление, не обойдённое совсем вниманием специалистов. Вместе с тем, в этой области остаётся ещё немало слабо освещённых проблем. Среди них, остановимся на амфорах, получивших ранее в российской археологической литературе описательное название «амфор с высокоподнятыми ручками» (Якобсон, 1978, с. 110–111, рис. 68, 5-8). Хотя находки их на

золотоордынских памятниках известны уже давно, до сих пор отдельной работы, которая была бы посвящена их описанию, не появилось. В распространённой ныне классификации Н. Гюнсенин их место следует искать в типе Günsenin III (Günsenin, 2018, p. 100–102, fig.9), хотя точных аналогий в зарубежных публикациях найти пока не удалось.

Отсутствие обобщающей публикации данной группы амфор из раскопок на памятниках Золотой Орды, к сожалению, приве-

¹ Работа над статьёй была выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям (FEFM-2024-0014)»

² The work on the article was carried out as a part of the State Task of Sevastopol State University "The formation and functioning of settlement structures and the population of the Crimea from the Middle Ages to Modern times according to archaeology and interdisciplinary research (FEFM-2024-0014)"

ло к появлению курьёзного мнения о том, что амфоры типа Günsenin III должны были производиться в XII – первой трети XIII вв. (Сазанов, 2022, с. 158). Поскольку амфоры золотоордынского периода следует поместить в рамки данного, несколько аморфного типа, и они найдены на памятниках, где домонгольский слой отсутствует, то данное мнение говорит о незнакомстве исследователя с работами своих оппонентов, мнение которых он предлагает «дезаурировать».

В группу «триллийских» амфор следует объединять несколько разновременных типов, выпускавшихся в одном центре. Данная работа была проделана И.В. Волковым. Им был прослежен эволюционный ряд развития форм сосудов этой группы на протяжении X–XIV вв. и предложена локализация их производства (Волков, 1992, с. 150, 153; 1996, с. 93–95, рис. 2).

Относительно места производства амфор этой группы было высказано три гипотезы. Первая из них была обоснована И.В. Волковым, который предположил, что эти амфоры следует связывать с упоминаемым вывозом вина из порта Триллия (Волков, 1992, с. 150, 153, рис. 5; 1996, с. 93–95, рис. 2). Это предположение основано на анализе хронологии поступления амфор на территорию Восточной Европы, их численности и ареала, а также данных письменных источников.

В документах упоминается о вывозе вина из Триллии – порта на южном берегу Мраморного моря. Сами амфоры и вино для них производились, вероятно, в районе Никеи, для которой Триллия была морскими воротами. Поэтому было бы справедливо назвать их никейскими. Этот винодельческий район, вероятно, являлся вторым по значению винодельческим районом в византийских землях того времени и поэтому является очевидным претендентом на роль одного из основных поставщиков византийского вина в Восточную Европу.

Объём поступления этой группы амфор, в отличие от продукции Трапезунда, резко изменялся со временем. В домонгольский период она занимала второе место, уступая «трапезундской» группе по численности в несколько раз. Анализ распределения находок по ярусам в Новгороде позволил И.В. Волкову выделить два перерыва в их поступлении. Один датируется последней четвертью

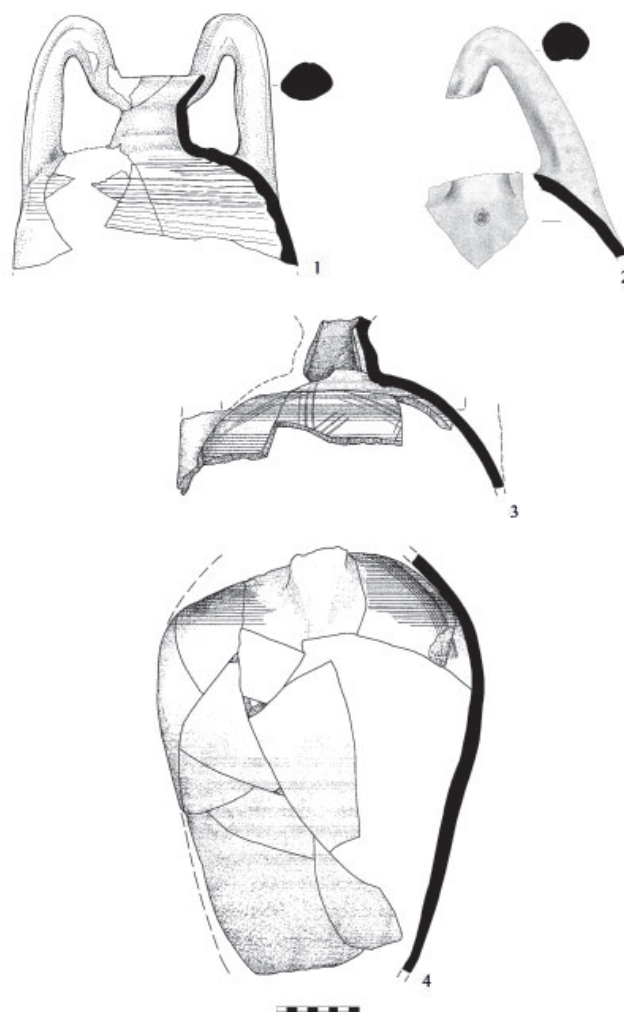

Рис. 1 Амфоры триллийской группы. Азак.

1 – ул. Толстого, 41 (2000 г., раскопки А.Н. Масловского); 2 – пер. Социалистический, P-I, яма 19 (1979 г., раскопки В.В. Чалого); 3 – Петровский б-р, 7, P-II жилище-5, я-А (2013 г., раскопки С.М. Гончаровой); 4 – ул. Чехова, 3, яма 26 (1990 г., раскопки А.Л. Бойко).

Fig. 1 Amphorae of the "Triglia" ware. Azak.

1 – 41 Tolstoy St. (2000, excavations by A.N. Maslovsky); 2 – Socialistichesky Lane, P-I, pit 19 (1979, excavations by V.V. Chaly); 3 – Petrovsky Boulevard, 7, P-II dwelling-5, я-А (2013, excavations by S.M. Goncharova); 4 – Chekhov St., 3, pit 26 (1990, excavations by A.L. Boyko).

XI в., второй первой половиной XIII в. (Волков, 1996, с. 94–95). Это хорошо увязывается с известными нам событиями политической истории. Первый перерыв следует связывать с захватом сельджуками Никеи после битвы при Манцикерте, а возобновление поступления амфор в начале XII в., с её освобождением, в результате Первого крестового похода. Второй перерыв связан с захватом Константинополя крестоносцами в

1204 г., после которого выход в Черное море для никейских купцов был закрыт. На поселениях Приазовья середины XIII в. и в, примерно синхронных им, наиболее ранних комплексах Азака, амфоры этой группы являются редким исключением (Волков, 2005, с. 129; Масловский, 2006а, с. 277). Их поступление возобновляется только во 2 пол. XIII в., что также хорошо объяснимо с точки зрения политической истории. Поэтому локализация места производства этих амфор в районе Трилли выглядит очень логичной. Для проверки данной гипотезы можно выдвинуть предположение, что амфоры этой группы должны были исчезнуть примерно в одно время с потерей Византийской империей Никеи в 1331 г. Это предположение находит своё подтверждение в материалах закрытых комплексов Азака, где позднее конца первой четверти XIV в. отмечены только единичные находки.

Недавно была предпринята попытка оспорить время прекращения поступления этой группы в Восточную Европу в домонгольский период, установленное И.В. Волковым по материалам Новгорода (Коваль, 2016, с. 125–127). В.Ю. Коваль, на основании распределения амфорных находок в культурных напластованиях Переяславля Рязанского и Рязани, сделал вывод о поступлении амфор «триллийской» группы на территорию Рязанского княжества вплоть до монгольского нашествия. Хотя исследование основано на скрупулезных подсчётах и снабжено графиком, данный вывод вызывает обоснованные сомнения, поскольку точность датировки отдельных пластов слоя средневекового города, накапливавшегося много столетий, имеет свои пределы. В данной работе, как нам кажется, сделан ряд допущений, проверить которые читатели не имеют возможности.

Но, даже если для какого-то памятника возможно обеспечить датировку конкретного пласта с точностью до четверти столетия, то делать выводы о датировке отдельных категорий вещей с такой же точностью нельзя. В особенности это актуально, если речь идет о паре десятков обломков сосудов. Увы, фрагментарный керамический материал, превращаясь в случайный мусор, может попадать в заметном количестве в слои намного более поздние по времени. Это, например, демонстрируют слои Судака, где «запаздывание» отдельных групп керамики носит массовый

характер. Это отмечено даже в материалах Азака с большим числом закрытых комплексов. Поэтому существуют такие проблемы с датировкой материалов с точностью хотя бы до столетия у исследователей византийских городов. Напомним, что так обстоит дело с датировкой этой группы амфор в Средиземноморье (Günsenin, 2018, p. 101, fig. 1). О бытовании «триллийских» амфор в XIV в. нам известно только из раскопок на территории Золотой Орды.

Именно поэтому материалы Новгорода с особыми условиями накопления здесь культурного слоя имеют безусловный приоритет, хотя даже здесь отмечаются случайные «запаздывания» находок. Для того, чтобы опровергнуть данные Новгорода о времени поступления «триллийских» амфор на Русь следует зафиксировать развалы, хотя бы разрозненных амфор в комплексах, погибших во время монгольского завоевания.

Альтернативную точку зрения высказал В.В. Булгаков (Булгаков, 2021, с. 163–164), который предложил считать местом их производства Трапезунд. Основным аргументом в пользу этого является отсутствие амфорных клейм на сосудах, что, по его мнению, означает не подконтрольность производителей администрации Константинополя и это должно исключать область Пропонтиды. Однако, власть епарха, при всей её значимости, не простиралась далее пригородов Константинополя. В этой зоне отсутствовало производство тарных амфор. К тому же неясно, почему клеймение амфор в Византии носило такой спорадический характер.

Также в пользу такой локализации, по мнению автора, говорит география находок почти исключительно в пределах Причерноморья. С последней, однако, всё обстоит непросто, поскольку исчерпывающей статистики о распространении амфор этой группы воедино не собрано. Однако, они встречены не только по всему Эгейскому морю, но даже на Кипре, в Палестине и в Отранто.

Ещё более существенно то, что данное предположение противоречит в корне известной нам хронологии поступления этой группы амфор в Восточную Европу. Здесь она изучена намного лучше, чем в Средиземноморье и Западном Причерноморье, где датировки типа III расплывчаты — XII–XIV вв. В классификации Н. Гюнсенин приведены мнения исследова-

дователей о датировке подобных амфор XII-XIII вв. На предложенной ею схеме эволюции амфор этот тип отнесён к XIII в. (Günsenin, 2018: 101, fig. 1). О том, что продукция этого центра продолжала поступать на территорию Золотой Орды ей известно только слов А.И. Романчук. В работе Э. Тодоровой этот тип амфор помещен в период между 1110 и 1400 гг. (Todorova, 2012, p. 20).

В настоящее время в зарубежной литературе активно продвигается точка зрения о производстве этих амфор на острове Эвбея в районе Халкиды (Waksman S.Y. и др. 2014; Waksman S.Y. и др., 2018). Горячим сторонником этой гипотезы среди российских археологов является А.В. Сазанов (Сазанов, 2022, с. 15). Возможно, этим объясняется предложенная им странная датировка данного типа амфор.

Эта точка зрения обоснована изучением материалов гончарной мастерской, исследованной здесь и естественнонаучными анализами образцов керамики. Казалось бы, теперь место производства данной группы амфор определено. Однако, внимательное прочтение работ международной группы исследователей, занимающихся изучением гончарного центра, исследованного в Халкиде, заставляет относиться к этому варианту локализации несколько скептически. В действительности, если производство здесь поливной керамики подтверждено большим числом находок печного припаса и полуфабрикатов, то производство амфор выводится исключительно из одинакового химического состава, найденных здесь черепков поливных сосудов и амфор и сопоставлением их с составом местных глинищ.

О находках бракованных амфор или припаса для их производства речи не идет. Учитывая, что браков и остатков печного припаса от производства амфор в разы больше, чем от производства поливной посуды, то это умолчание - аргумент против предложенной гипотезы. Идентичность же состава глины не является, вопреки распространяющейся моде, решающим доказательством. Химический и минералогический их состав не настолько уникален. Учитывая, что любой потенциальный центр производства этой группы амфор будет расположен в пределах одного региона со сходной геологией, сходство глины решающим аргументом считаться не может.

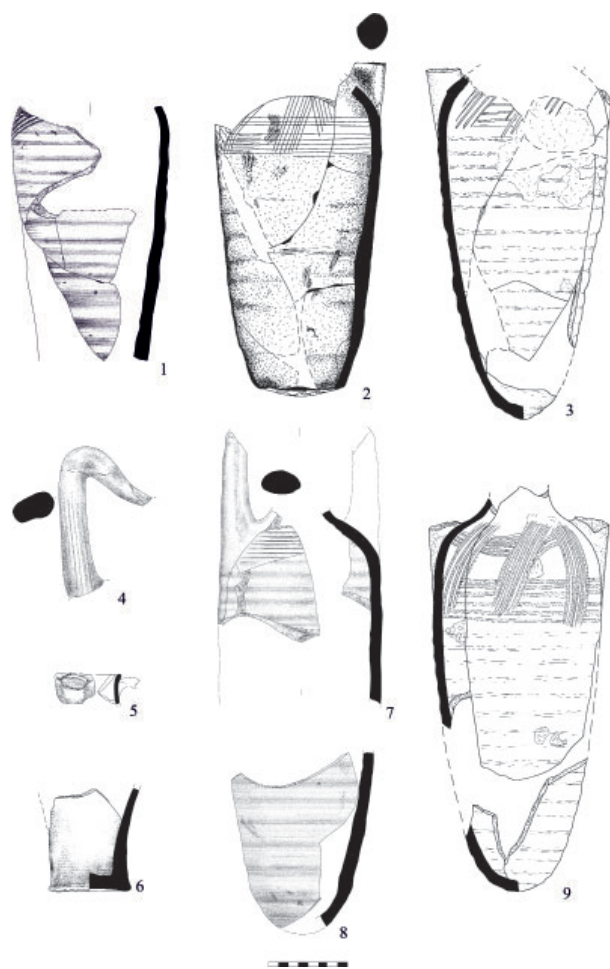

Рис. 2. Амфоры триллийской группы. Азак.

1, 7 – ул. Московская, 38-40, P-V, яма 20 (1999 г., раскопки А.Н. Масловского); 2 – Петровский б-р, 5, яма 6 (2012 г., раскопки С.М. Гончаровой); 3, 9 – Пороховой погреб (1977 г., раскопки Н.М. Фомичева); 4 – ул. Московская, 79, жилище 1 (2013 г., раскопки С.М. Гончаровой); 5 – ул. Мира, 37 (2010 г., раскопки С.А. Кравченко); 6 – пер. Социалистический, P-I (1979 г., раскопки В.В. Чалого); 8– ул. Фрунзе, 4 шурф, пл.9 (2014 г., раскопки Д.И. Зенюка).

Fig. 2. Amphorae of the "Triglia" ware. Azak.

1, 7 – Moskovskaya St., 38-40, P-V, pit 20 (1999, excavations by A.N. Maslovsky); 2 – Petrovsky Boulevard, 5, pit 6 (2012, excavations by S.M. Goncharova); 3, 9 – Powder-magazine (1977, excavations by N.M. Fomicheva); 4 – Moskovskaya St, 79, dwelling 1 (2013, excavations by S.M. Goncharova); 5 – Mira St., 37 (2010, excavations by S.A. Kravchenko); 6 – Socialistichesky Lane, P-I (1979, excavations by V.V. Chaly); 8– Frunze St., test pit 4, area 9 (2014, excavations by D.I. Zenyuk).

К тому же, исследования не отвечают на ряд существенных вопросов. Почему, центр по производству амфор расположен ближе к периферии ареала? В работах международной команды исследователей делается вывод

о непрерывности развития гончарного центра после западноевропейского завоевания. В таком случае, следовало бы ожидать появление этих амфор в Западном Средиземноморье, но это, кажется, не наблюдается. Не объясняет такая локализация и хронологию бытования этой группы амфор. Почему на поселениях Приазовья в середине XIII в. этих амфор почти нет? Ведь Эвбея была владением крестоносцев, и ничто не мешало итальянским купцам возобновить их экспорт в Восточную Европу. Почему в дальнейшем объём экспорта отсюда в Причерноморье оставался таким скромным? Число находок венецианских поливных чаш в Азаке, примерно равно или даже больше числа находок амфор «трилийской» группы. Неясно, почему импорт этой группы амфор на территорию Золотой Орды прекращается к концу первой трети XIV в. Можно было бы предположить, что результатом влияния итальянцев стал отказ от производства амфор и переход к перевозке вина исключительно в бочках. Однако, сами исследователи приходят к выводу о сохранении местных ремесленных традиций после завоевания острова крестоносцами. На все эти вопросы политическая история данного региона ответов не даёт.

Для проверки предложенных локализаций производства данной группы керамической тары можно выдвинуть проверяемые гипотезы. Производство амфор на Эвбее, принимая во внимание местоположение региона, развитие в это время морской торговли и заслуженную славу греческих вин, которые ценились выше вин Западного Средиземноморья, должно было бы привести к распространению амфор, как в восточном, так и в западном направлении. Халкида должна была бы располагаться близко к центру ареала этих амфор. Между тем, Эвбея, как уже было сказано, расположена на его западной периферии. Большая часть находок происходит из Причерноморья и Восточной Европы, а в Западном Средиземноморье они встречены только в Отранто (Günsein, 2018, p. 102). Такая география распространения амфор делает их производство в Халкиде крайне маловероятным, если не брать недоказуемого предположения, что подобные амфоры из однотипных глин производили в разных регионах византийского мира по единой технологической схеме, что предполагает невиданный для средневековья уровень стандартизации производства в

рамках целого государства. Также не объясняет предположение о производстве амфор в Халкиде и хронологию их бытования.

В данной работе мы охарактеризуем только находки золотоордынского периода, которые известны намного хуже предшествующего периода. Объём ввоза этой группы амфор на территорию Золотой Орды не идет ни в какое сравнение с домонгольским периодом. Наиболее достоверные цифры дают материалы поселения Железнодорожный II, расцвет которого примерно совпадает с периодом поступления трилийских амфор в Золотую Орду. Здесь они составляют 0,4% импортной тарной керамики. Учитывая, что расцвет данного поселения совпадает с периодом поступления амфор этой группы в Золотую Орду, данную цифру нужно рассматривать как ориентир для оценки объёма их ввоза.

В Золотой Орде они известны, помимо Закубанья и Азака (Масловский, 2006б, с. 389–390), в Сарае (Волков, 1992, с. 163), Укеке (Недашковский, 2000, с. 99, рис.27, б) и на поселениях его округа (Недашковский, 2013, с. 9, 11, 16), Маджаре (Волков, 2016, с. 214, рис. 80, 2). Наверняка, география их распространения значительно шире. Они должны присутствовать на памятниках в Крыму, но здесь их непросто выделить из массы более ранних находок.

Характеристика изделий группы золотоордынского периода мало чем отличается от более раннего периода.

1. Сосуды изготовлены путем вытягивания тулова из комка глины по ёмкостно-донной программе с отдельно изготовленным горлом. Складка в месте соединения двух элементов сосуда хорошо читается на внутренней стороне (рис. 3: 7). Примесь навоза в формовочной массе, из которой изготавливалось горло несколько больше (рис. 3: 1–2) чем в тулове. Эта программа конструирования не изменялась всё время существования производства группы.

2. Природная глина пластичная, с очень небольшим количеством крупной белой кварцевой дресвы.

3. Формовочная масса содержит мелкий шамот (до 10%), не выделяющийся по цвету и органику (навоз). В ручках примесь навоза очень большая (рис. 3: 2–5). В остальной части сосуда примесь навоза незначительна. Вероятно, с этой примесью связаны очень характерные округлые поры с белёсыми ореолами.

Рис. 3. Амфоры триллийской группы. Азак 1 – Петровский б-р, 20, Р-I, пл. 6 (2019 г., раскопки С.Г. Бочарова); 2 - Петровский б-р, 20, Р-ХІІІ, пл. 1 (2019 г., раскопки С.Г. Бочарова); 3 – Петровский б-р, 38-22, Р-I, жилище 7 (2019 г., раскопки Д.А. Кубанкина); 4, 5 – ул. Лермонтова, 6, сооружение 1; контрфорс 3 (2012 г., раскопки С.М. Гончаровой); 6 – ул. Мира, 37 (2010 г., раскопки С.А. Кравченко); 7 – Петровский б-р, 7, Р-II, жилище 5, яма А (2013 г., раскопки С.М. Гончаровой); 8, 9 – пер. Социалистический, Р-I (1979 г., раскопки В.В. Чалого); 10 – Петровский б-р, 20, Р-I, мостовая 9 (2019 г., раскопки С.Г. Бочарова); 11 – ул. Чехова, 3, яма 26 (1990 г., раскопки А.Л. Бойко); 12 – Петровский б-р, 5, яма 6 (2012 г., раскопки С.М. Гончаровой).

Fig. 3. Amphorae of the "Triglia" ware. Azak 1 – Petrovsky Boulevard, 20, P-I, area 6 (2019, excavations by S.G. Bocharov); 2 - Petrovsky Boulevard, 20, P-XIII, area 1 (2019, excavations by S.G. Bocharov); 3 – Petrovsky Boulevard, 38-22, P-I, dwelling 7 (2019, excavations by D.A. Kubankin); 4, 5 – Lermontov St, 6, building 1; buttress 3 (2012, excavations by S.M. Goncharova); 6 – Mira St, 37 (2010, excavations by S.A. Kravchenko); 7 – Petrovsky Boulevard, 7, P-II, dwelling 5, pit A (2013, excavations by S.M. Goncharova); 8, 9 – Socialistichesky Lane, P-I (1979, excavations by V.V. Chaly); 10 – Petrovsky Boulevard, 20, P-I, pavement 9 (2019, excavations by S.G. Bocharov); 11 – Chekhov St., 3, pit 26 (1990, excavations by A.L. Boyko); 12 – Petrovsky Boulevard, 5, pit 6 (2012, excavations by S.M. Goncharova).

4. На внутренней поверхности часто заметны потеки жидкой глины. Сама поверхность из-за выступающих частиц отощителя имеет характерную бугристость.

5. Обжиг сквозной светло-коричневый с оранжевыми или розовыми тонами, иногда со специфическим лиловым оттенком (рис. 3: 4, 5, 10). Внешняя поверхность часто приобретает белёсый или зеленоватый цвет (рис. 3: 3–5, 10, 12).

6. Верхняя часть сосудов покрывалась при помощи зубчатого штампа мелким рифлением. Для золотоордынского периода более характерны косые расчески крест-накрест на верхней части тулова, которые сочетаются с горизонтальным рифлением (рис. 1: 3-4; 2: 1-3, 9; 3: 10-12). Но есть экземпляры с традиционным мелким горизонтальным рифлением (рис. 1: 1).

Выделяется два размерных типа. Крупные сосуды с максимальным диаметром тулова около 26–28 см (рис. 1), имеют корпус близкий к яйцевидной форме. По разнице в конту-

рах плеча их можно разделить на два подтипа. Большинство встреченных обломков относятся к небольшим сосудам с веретенообразным туловом и максимальным диаметром примерно 16-17 см (рис. 2: 1–4, 7–9). Профилировка деталей сосудов второй половины XIII – первой трети XIV вв. близка к сосудам предшествующего периода. Отличия невелики, и учитывая небольшой объем выборки, возможно в будущем их можно будет описать детальнее. Большая часть венчиков высокие, образуют воронкообразные расширения в верхней части горл (рис. 1: 1). Отмечены и короткие валикообразные венчики. Нижняя часть горла цилиндрическая. Верхние прилепы ручек укорочены. Их корни подняты на венчик и самую верхнюю часть горла. Сами ручки более короткие и менее массивные по сравнению с домонгольским периодом. Это вероятно можно объяснить их меньшими размерами.

Помимо амфор встречены единичные фрагменты столовой неполивной керамики (рис. 2: 5, 6; 3: 6, 8, 9), изготовленные из

аналогичной формовочной массы и имеющие те же особенности обжига. Менее определенно можно предполагать принадлежность к данной группе отдельных фрагментов поливных чаш. Сказать что-то определенное, в силу единичности находок об ассортименте группы помимо амфор, невозможно.

Несмотря на свою малочисленность, амфоры «трилийской» группы на территории

Золотой Орды являются ценными находками, поскольку они позволяют выявить памятники и отдельные комплексы, образовавшиеся не позднее конца первой четверти XIV в. С другой стороны, привлечение внимания к данной группе керамики на золотоордынских памятниках является веским аргументом в дискуссии о месте её производства.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 153–164.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. краевед. музей, 1992. С. 143–157.

Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10 / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Г. Гайдуков. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1996. С. 90–103.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Т. I. / Ред. С.Г. Бочаров С. Г., В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.

Волков И.В. Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // Материалы Первого Маджарского археологического форума / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 10–15.

Коваль В.Ю. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 117–130.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155, кн.3. ч. 1. С. 7–19.

Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006а. С. 257–295.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006б. С. 308–473.

Сазанов А.В. Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции (Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.) / Отв. ред. А.В. Зайков. Севастополь: Антитква, 2022. С. 154–161.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // *Anatolia Antiqua*, XXVI, 2018. P. 89–124.

Todorova E.P. Byzantine amphorae from present-day Bulgaria (7th – 14th century AD) Summary of a PhD thesis. Sofia, 2012. 42 p.

Waksman S.Y., Skartsis S. S., Kontogiannis N. D., Vaxevanis G. The main "Middle Byzantine Production" and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // *Annual of the British School at Athens*. Vol. 109. 2014. P. 379–422.

Waksman S.Y, Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // *Journal of Archaeological Science: Reports* 21(2018). P. 1111–1121.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра «Археологические исследования», доцент кафедры Всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Азовского государственного историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

REFERENCES

Bulgakov, V. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaja trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 153–164 (in Russian).

Volkov I. V. 1992. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)* 10. Azov: The Azov Museum of Local Lore, 143–157 (in Russian).

Volkov I. V. 1996. In Ankudinov, I. Yu., Gaidukov, P. G. (comp). *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 10. Novgorod: Novgorod State University Museum-reserve, 90–103 (in Russian).

Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)* I. Kiev: "Stilos" Publ., 122–159 (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo Madzharskogo arkheologicheskogo foruma (Materials of the First Major Archaeological Forum)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 139–222 (in Russian).

Zherebilov, S. E., Maslovsky, A. N. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo Madzharskogo arkheologicheskogo foruma (Materials of the First Major Archaeological Forum)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 10–15 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 245, 117–130 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 155. Book 3., part 1, 7–19 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Museum-Reserve 257–295 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473 (in Russian).

Sazanov, A. V. 2022. In Zaikov, A. V. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnyu i srednevekovuyu epokhi (The history and archaeology of the Northern Black Sea region in the ancient and medieval eras)*. Sevastopol: "Antikva" Publ., 154–161 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Günsenin, N. 2018. In *Anatolia Antiqua*. XXVI, 89–124 (in French).

Todorova, E. P. 2012 *Byzantine amphorae from present-day Bulgaria (7th – 14th century AD)*. Summary of a PhD thesis. Sofia.

Waksman, S. Y., Skartsis, S. S., Kontogiannis, N. D., Vaxevanis, G. 2014. In *Annual of the British School at Athens*. 109, 379–422.

Waksman, S. Y., Skartsis, S. S., Kontogiannis, N. D., Todorova, E. P., Vaxevanis, G. 2018. In *Journal of Archaeological Science*. 21. 1111–1121.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences, Associated professor. Director of Archaeological Center; Associated professor, Department of World History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Maslovskiy Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archaeological excavations of Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.

Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ
ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ,
УЧЕНЫЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО
РЕГИОНА И ИХ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ**

УДК 930.26

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.260.270>

**ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМА МУЛЬТИМАСШТАБНОГО
ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНВАРИАНТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ
АМФОРНЫХ КЛЕЙМ¹**

**©2024 г. Ю.М. Свойский, С.В. Ольховский, Е.В. Романенко,
А.В. Зайцев, А.П. Гирич**

При изучении эпиграфических памятников, в том числе амфорных клейм, нередко возникает задача прочтения и информативной публикации надписей плохой сохранности. Настоящая статья посвящена применению алгоритма мультимасштабного интегрального инварианта (Multiscale Integral Invariant, MSII) для изучения амфорных клейм. Алгоритм рассматривается в сопоставлении с другими способами математической визуализации геометрии трехмерной полигональной поверхности, примененных при работе с массивом из 359 амфорных клейм, найденных в ходе подводных археологических раскопок в Керченском проливе. В статье рассмотрены практические вопросы определения оптимальных параметров расчета для преобразования модели алгоритмом мультимасштабного интегрального инварианта, а также выбора способов визуализации, различным образом адаптированных непосредственно для исследования амфорного клейма и для его публикации электронным и полиграфическим способом. Применение алгоритма MSII позволяет получить растровые рендеры, пригодные для обеспечения внешней верификации авторского прочтения легенды амфорного клейма.

Ключевые слова: амфорное клеймо, мультимасштабный интегральный инвариант (MSII), карта кривизны, цифровое документирование.

**USE OF THE ALGORITHM OF MULTI-SCALE INTEGRAL INVARIANT
IN THE STUDY OF AMPHORA STAMPS²**

Yu.M. Svoiskiy, S.V. Olkhovsky, E.V. Romanenko, A.V. Zaitsev, A.P. Girich

When studying epigraphic monuments, including amphoric stamps, the task of reading and informative publication of inscriptions of poor preservation often arises. This article is dedicated to using the Multi-Scale Integral Invariant algorithm (MSII) for the study of amphora stamps. The algorithm is considered in comparison with other methods of mathematical visualization of the geometry of 3D polygonal surface used at work with an array of 359 amphora stamps found during underwater archaeological excavations in the Kerch Strait. The article deals with practical issues of determining the optimal calculation parameters for model transformation by the algorithm of MSII, as well as the choice of visualization methods adapted in various ways directly for the study of the amphora stamps and for its electronically and polygraphically publication. The use of the MSII algorithm makes it possible to get raster image suitable for providing external verification of the author's reading of the legend of the amphora stamps.

Keywords: amphora stamps, Multi-Scale Integral Invariant (MSII), curvature map, digital documentation.

Постановка проблемы

Сохранность существенной части фрагментов клейменной керамики, найденных при изучении археологических памятников

Северного Причерноморья и сопредельных регионов, оставляет желать лучшего из-за продолжительного воздействия процессов физического, химического и биологического

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 22-28-02058.

² This article was prepared by the support of the RSF grant No. 22-28-02058.

выветривания. Результаты этих воздействий проявляются в сколах (прежде всего на выступающих частях легенды клейма), в дезинтеграции относительно нестойких минералов формовочной массы, в формировании корки из гипергенных минералов, которые не всегда возможно удалить без повреждения фрагмента керамики. Цвет поверхности часто необратимо изменяется под воздействием химически активных компонентов грунтовых вод и продуктов жизнедеятельности живых организмов. Одновременно для значительного числа клейм характерны дефекты производства - малая глубина оттиска, стертость штампа, смазанность оттиска при небрежном или повторном клеймении, деформация оттиска до обжига сосуда. Различные сочетания этих факторов нередко делают распознавание символов и прочтение легенды клейма весьма непростой задачей. Общепринятые способы документирования и публикации амфорных клейм (фотография, зарисовка, графитовая протирка) часто не позволяют однозначно идентифицировать клеймо и обеспечить возможность внешней верификации предлагаемого прочтения его легенды. Вследствие этого среди специалистов по клеймам нередко возникают неразрешимые споры о достоверности и обоснованности предложенных идентификаций, что затрудняет введение клейм плохой сохранности в научный оборот и их использование в качестве надежных хронологических маркеров археологических комплексов. Решение этой проблемы, на наш взгляд, заключается в создании точных цифровых образов (трехмерных полигональных моделей) амфорных клейм и применении математических алгоритмов для визуализации геометрии поверхности моделей.

К настоящему времени в практике изучения надписей и изображений по их трехмерным моделям сложился комплекс методов и техник, позволяющих визуализировать элементы геометрии поверхности объекта исследования и тем самым облегчить его изучение и публикацию. В общем случае можно говорить о трех подходах к решению этой задачи:

- * анализ необработанной модели;
- * построение и анализ матриц высот модели;
- * построение и анализ карт кривизны модели.

Все три подхода не являются взаимоисключающими и могут успешно применяться в комплексе. Следует, однако, подчеркнуть, что, вне зависимости от применяемого подхода к визуализации, набора методов и техник, хорошие результаты могут быть получены только по моделям высокого качества. Необходимый уровень качества модели достигается методами, описанными нами в статье по результатам документирования серии из 359 амфорных клейм, происходящих из подводных раскопок в Керченском проливе (Свойский, Ольховский, Романенко, Зайцев, 2023). Этот массив был документирован фотограмметрическим способом, с использованием фотоаппарата с полнокадровой матрицей высокого разрешения, оснащенного длиннофокусным макрообъективом и накамерным осветителем. Комплекс примененных программных и аппаратных средств позволил получить трехмерные полигональные текстурированные модели клейм с дискретностью порядка 0,005 мм и точностью масштабирования в пределах 1%.

Работа с необработанной моделью

Изучение поверхности необработанной модели выполняется простейшими средствами визуализации поверхности, которые сводятся к включению и отключению цвета поверхности и эмуляции освещения этой поверхности под разными углами («метод затенений»). Подобным функционалом обладает целый ряд известных приложений - Geomagic, Meshlab, GigaMesh, Blender, Cinema4D и др. В простых случаях (а также при выборе оптимального способа изучения конкретного клейма) метод затенений и отключение цвета могут быть применены на модели пониженной детальности, адаптированной для публикации на интернет-ресурсе.

Цвет поверхности клейма может быть сохранен либо в виде растрового файла текстуры, наложенной на модель, либо путем присвоения цвета непосредственно полигонам модели. Оба эти способа имеют свои преимущества и недостатки, поэтому обычно применяются совместно: для каждой модели формируются файл в формате OBJ с текстурой в формате JPG и файл в формате PLY с колоризованными полигонами. В дальнейшем оба эти файла используются на разных этапах работы с моделью. Корректность цветопередачи обеспечивается достаточно

Рис. 1. Поверхность модели клейма с текстурой и без текстуры. Модель SF0091, 18 млн. полигонов.

Fig. 1. The surface of the stamp model with and without texture. SF0091 model, 18 million polygons

высоким разрешением файла текстуры (до 16384×16384 пикселей с JPG-текстурой, до 32768×32768 пикселей с PNG-текстурой) и высокой детальностью моделирования (чем меньше размер единичного полигона модели, тем более детально может быть передан цвет поверхности). Цвет поверхности керамического фрагмента, как правило, скорее мешает идентификации клейма и, в частности, прочтению легенды, поэтому в большинстве случаев изучение поверхности выполняется с отключением цвета. Но в отдельных случаях цвет может быть полезен – так, например, различного рода загрязнения на вогнутых участках оттиска могут способствовать прочтению.

Эмуляция освещения поверхности выполняется посредством математического алгоритма, вычисляющего яркость поверхности в зависимости от направления падения света. Перпендикулярные вектору освещения участки поверхности при этом окрашиваются в светлые тона, и чем больше угол между поверхностью и направлением вектора освещения, тем в более темный цвет окрашивается поверхность. Участки, оказывающиеся в тени, становятся наиболее темными. Для «подсветки» надписи, как правило, нужно «осветить» ее с разных направлений, манипулируя векторами одного или нескольких «источников света» (рис. 1).

Эмуляция освещения и управление цветом проводятся на первом этапе изучения модели. В относительно простых случаях этих средств достаточно для надежного прочтения легенды

клейма. В случае плохой читаемости легенды клейма, связанной с дефектами производства (малая глубина оттиска, стертость штампа, смазанность оттиска при небрежном нанесении, деформация до обжига) и/или внешними воздействиями (сколы, дезинтеграция нестойких минералов формовочной массы, гипергенная минерализация, биогенное разрушение), после анализа надписи с помощью этих средств, принимается решение о способах дальнейшего преобразования модели.

Построение матриц высот

Матрица высот модели амфорного клейма представляет собой регулярную сеть ячеек с шагом в диапазоне $0,010\text{--}0,005$ мм, каждому узлу которой присваивается значение высоты относительно условной плоскости, построенной субпараллельно поверхности амфорного клейма. Матрица высот строится на основе трехмерной полигональной модели. Для этого модель сначала выравнивается таким образом, чтобы вся поверхность клейма находилась в положении, максимально соответствующем плоскости координатных осей X и Y. Затем она преобразуется в облако точек, на основе которого рассчитывается матрица высот.

Визуализация матрицы высот выполняется посредством присвоения условных цветов узлам сети ячеек в зависимости от геометрии поверхности. Этот цвет может быть определен (1) высотой поверхности относительно плоскости, субпараллельной этой поверхности, (2) углом наклона поверхности и (3) направлением наклона поверхности. Алгоритмы присвоения цвета могут быть тонко настроены, а читаемость легенды дополнительно улучшена изменением вектора освещения поверхности. Кроме того, матрица высот представляет собой удобный инструмент для измерения глубины штампа и, при необходимости, построения поперечных профилей отдельных гасов литер легенды клейма. Применение матриц высот, как и анализ непреобразованных моделей, достаточно эффективны для относительно хорошо сохранившихся клейм. Комбинация различных способов присвоения условного цвета позволяет сформировать серию растровых рендеров, иллюстрирующих геометрию клейма. Однако для клейм плохой сохранности этот метод недостаточно эффективен, так как не позволяет обеспечить высокую контрастность на наиболее сглаженных участках поверхности (рис. 2).

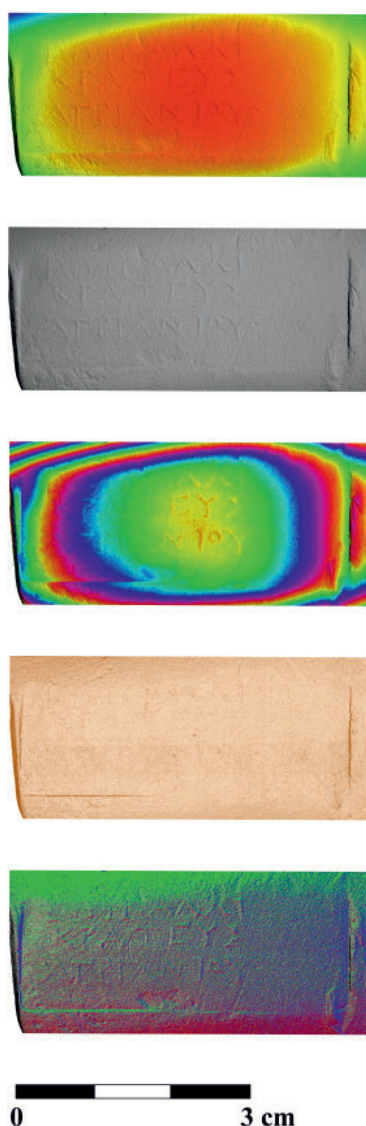

Рис. 2. Матрица высот, построенная на основе трехмерной полигональной модели. Исходная модель SF0091, 18 млн. полигонов, дискретность матрицы высот 0,005 мм, коэффициент масштабирования координаты Z $\times 8$. Схемы визуализации для матрицы высот: (1) по относительной высоте тепловая, (2) по относительной высоте градиентная, (3) по относительной высоте спектральная с многократным повторением спектра (4) по углу наклона поверхности, (5) по направлению наклона поверхности.

Fig. 2. Altitude matrix based on 3D polygonal model. Initial SF0091 model, 18 million polygons, the discreteness of the altitude matrix is 0.005 mm, the scaling factor of the Z $\times 8$ coordinate. Visualization schemes for the altitude matrix: (1) thermal in relative height, (2) gradient in relative height, (3) spectral in relative height with multiple repetition of the spectrum (4) by surface tilt angle, (5) by surface tilt direction.

Рис. 3 Результат применения алгоритма «масштабирование сияния» в ПО MeshLab. (1) Модель SF0091, 18 млн. полигонов и (2) модель SF0020, 15 млн. полигонов.

Fig. 3. The result of applying the "radiance scaling" algorithm in MeshLab software. (1) SF0091 model, 18 million polygons and (2) SF0020 model, 15 million polygons

Построение карт кривизны

Построение карт кривизны, вероятно, является самым эффективным способом визуализации поверхности амфорных клейм, решающим как задачи их прочтения, так и публикации. В общем случае этот способ заключается в присвоении псевдоцветов вогнутым и выпуклым участкам поверхности модели, что может быть реализовано различными способами.

Вероятно, наиболее распространенным способом построения карт кривизны является применение алгоритма «масштабирование сияния» (Radiance Scaling), основанного на принципе расчета характера отражения света от выпуклой и вогнутой поверхности (Подробнее см. Vergne, Pacanowski, Barla, Reuter, 2012, P. 417–421). Причиной распространенности этого алгоритма является не столько его эффективность, сколько то, что он реализован в программном обеспечении MeshLab и не требует предварительных преобразований модели. Эта реализация имеет ряд ограничений, связанных с плохой адаптацией MeshLab для работы с моделями высокой детальности, а также с невозможностью настроить некоторые параметры визуализации, в особенности - разрешение изображения. Тем не менее, эксперименты с алгоритмом «масштабирование сияния» в реализации MeshLab показали принципиальную возможность применения

карт кривизны поверхности для исследования амфорных клейм плохой сохранности (рис. 3).

Более перспективным для практического применения представляется алгоритм «мультимасштабного интегрального инварианта» (Multi Scale Integral Invariant, далее – MSII), разработанный Хубертом Мара для улучшения читаемости клинописных текстов (Mara, 2012) и надписей и реализованный в программном обеспечении GigaMesh (GigaMesh.eu). Этот алгоритм осуществляет пересчет трехмерной модели таким образом, чтобы для каждого узла модели было рассчитано значение вектора кривизны поверхности. Это значение затем визуализируется множеством способов, допускающих достаточно тонкую настройку и, тем самым, обеспечивающих хорошую контрастность псевдоцветов, назначаемых полигонам модели.

Для вычисления интегрального инварианта трехмерной полигональной модели используется метод сферических сегментов, который заключается в создании сфер разного радиуса с центром в каждом узле модели. Радиус каждой сферы рассчитывается делением максимального радиуса на число сфер, т.е. если задается 4 сферы с радиусом максимальной сферы 1 мм, то создаются сферы с радиусом 0,25, 0,5, 0,75, 1 мм. Число сфер может быть задано через степень числа 2 (2, 4, 8, 16, 32 и т.д.). Затем производится расчет кривизны поверхности модели относительно сегмента каждой сферы. Результатом становятся рассчитанные для каждого узла модели векторы, элементы которых представляют собой значения кривизны для сфер разного радиуса, построенных с центром в каждом узле модели.

Радиус максимального сферического сегмента определяет размер элемента поверхности, который должен быть выявлен на модели с помощью алгоритма. Поэтому радиус расчета определяется конкретной целью расчета и не должен задаваться меньше предполагаемого минимального размера элемента поверхности, подлежащего выявлению. Соответственно радиус расчета, применительно к эпиграфическим памятникам, упрощенно определяется шириной линий начертания надписи. При этом, если визуализируемая надпись или изображение состоят из линий различной ширины, может оказаться необходимым применение нескольких радиусов

расчета. Кроме того, практика применения алгоритма MSII показывает, что для целей анализа и публикации зачастую необходимы преобразованные модели, рассчитанные по нескольким радиусам.

Расчет интегрального инварианта трехмерной полигональной модели требует значительного объема вычислений и может быть выполнен лишь достаточно мощными компьютерами при затрате существенных ресурсов машинного времени. Практика показала, что для преобразования относительно небольшой модели, состоящей из 15 млн. полигонов, в зависимости от применяемого процессора, требуется¹:

* Intel(R) Core(TM) i9-10980XE, 14 нм, 3.00 GHz, 18 ядер, 36 потоков – 5 часов

* Intel(R) Core(TM) i9-13900 10 нм, 2.00 GHz, 24 ядра, 32 потока – 10 часов

* Intel(R) Core(TM) i7-7820X 14 нм, 3.60 GHz, 8 ядер, 16 потоков – 13 часов

* Intel(R) Core(TM) i7-11800H, 10 нм, 2.30 GHz, 8 ядер, 16 потоков – 20 часов

Анализ конфигурации примененного вычислительного оборудования показывает, что скорость расчета практически не зависит от объема установленной на компьютере оперативной памяти и характеристик графического процессора (во всех случаях использовались компьютеры с объемом оперативной памяти не ниже 32 Гб и видеокартами NVidia GeForce RTX разных поколений). Критически важным, однако, является число потоков обработки данных, количество ядер процессора и его тактовая частота.

Простейшие расчеты показывают, что даже на самом мощном из имеющихся в нашем распоряжении компьютеров расчет массива из 300 моделей занимает 1500 часов, т.е. более 2 месяцев непрерывной работы компьютера. При использовании менее производительных процессоров это время возрастает в 2-4 раза – т.е. до 4-8 месяцев, что делает метод непригодным для массового применения. Быстродействие алгоритма расчета, помимо возможностей вычислительного оборудования, зависит от (1) числа полигонов модели, (2) радиуса расчета и (3) числа расчетных сфер. Как следствие, практическая пригодность алгоритма к внедрению на массовом материале может быть обеспечена в основном управлением этими тремя параметрами.

Размер модели, выражаемый через число составляющих ее полигонов, в имеющейся выборке варьируется от 4 до 70 млн., при среднем размере 19 млн. полигонов. Преобразование исходной модели путем механического уменьшения числа полигонов технически возможно посредством задания размера единичного полигона. При документировании серии амфорных клейм из раскопок на Ак-Буруне фактический размер полигона исходной мастер-модели составляет 0,005-0,010 мм. Теоретически дискретность модели может быть уменьшена путем увеличения размера полигона до, например, 0,02-0,05 мм, но это неизбежно приведет к сглаживанию мелких деталей рельефа поверхности. Применение алгоритмов визуализации на модели недостаточной детальности бессмысленно, так как «анализировать становится нечего». Определить же «универсальный» размер полигона, гарантированно обеспечивающий читаемость легенды любого клейма, не представляется возможным вследствие достаточно высокой вариативности изучаемого материала.

На наш взгляд, увеличение производительности расчета рациональнее обеспечивать не снижением детальности исходных данных, а настройкой алгоритма – т.е. подбором параметров расчета, обеспечивающих хорошую контрастность изучаемого трехмерного изображения. Для этого можно оперировать двумя параметрами – радиусом расчета и числом расчетных сфер.

В рамках исследования серии амфорных клейм, найденных при подводных раскопках на Ак-Буруне и в Фанагории, для выборки из 3 клейм с различным начертанием легенды, имеющих разнородные повреждения (затертость, смазанность, дезинтеграция нестойких минералов формовочной массы, гипергенная минерализация) была выполнена серия преобразований с различным радиусом расчета – 0,2, 0,5, 1 и 2 мм.

Оказалось, что все 4 опробованных варианта расчета позволяют получить результат, в той или иной степени пригодный для надежного прочтения легенды клейма и подтверждения этого прочтения иллюстративным материалом. Наилучшие результаты были получены при радиусах 0,5 мм и 1 мм. При расчете с радиусом 0,2 мм лучше выявляются мелкие элементы рельефа поверхности, одна-

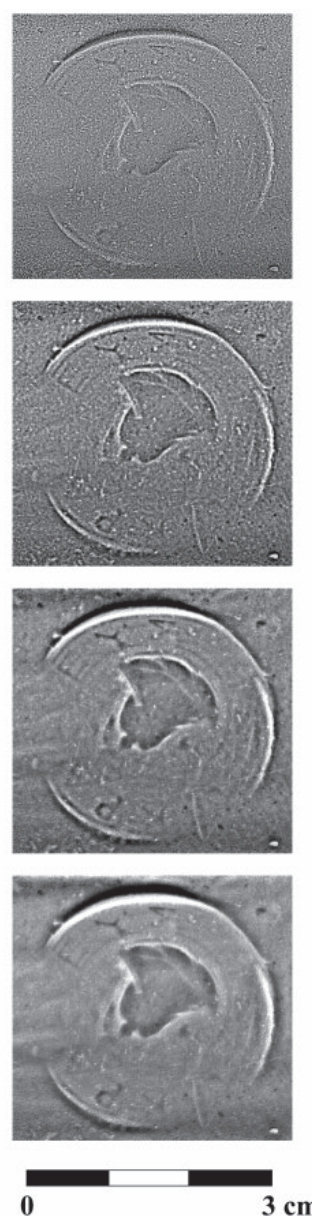

Рис. 4 Сопоставление результатов расчета MSII в ПО GigaMesh при радиусах (1) 0,2 мм, (2) 0,5 мм, (3) 1 мм, (4) 2 мм. Модель SF0022, 20 млн. полигонов. Метод расчета Feature Vector, нормальное представление.

Fig. 4. Comparison of MSII calculation results in GigaMesh software at radii (1) 0.2 mm, (2) 0.5 mm, (3) 1 mm, (4) 2 mm. SF0022 model, 20 million polygons. Feature Vector calculation method, normal representation

ко результат неудобен для публикации, так как при уменьшении изображения до размера 1:1 эти элементы смазываются. Шаг 2 мм, наоборот, позволяет получить отличное изображение для публикации, однако для анализа это изображение менее пригодно, так как мелкие элементы рельефа теряются. Мнимый парадокс – «загрубление улучшает читаемость» – объясняется тем, что при увеличении ради-

Рис. 5 Сопоставление результатов расчета MSII в ПО GigaMesh при числе сфер (1) 16 и (2) 4. Модель SF0091, 18 млн. полигонов, радиус расчета 0,5 мм. Метод расчета Feature Vector, нормальное представление.

Fig. 5. Comparison of MSII calculation results in GigaMesh software with the number of spheres (1) 16 and (2) 4. SF0091 model, 18 million polygons, calculation radius 0.5 mm. Feature Vector calculation method, normal representation.

уса расчета до значения, несколько превышающего «значение оптимального отображения кривизны», происходит некоторая генерализация изображения и отфильтровывается «шум», создаваемый неоднородностями формовочной массы керамического фрагмента (рис. 4).

По умолчанию расчет вектора значений кривизны поверхности в ПО GigaMesh выполняется по 16 сферам. Экспериментальное уменьшение числа сфер до 4 показало², что для исследуемого материала существенной деградации контрастности трехмерного изображения не происходит (рис. 5), но производительность вычислений существенно увеличивается.

С учетом результатов экспериментов с изменением радиуса расчета и числа сфер подход к применению алгоритма MSII был переосмыслен. Исходный подход предполагал для каждой модели расчет 4 вариантов (радиусы 0,2 мм, 0,5 мм, 1 мм и 2 мм) для 16 сфер с последующей отбраковкой избыточных результатов. Однако такой подход требует неприемлемых затрат машинного времени и человеческого труда. Модифицированный техпроцесс основывается на расчете одного варианта с радиусом расчета 0,5 мм для 4 сфер с последующим дополнительным расчетом при других радиу-

сах и другом числе сфер расчета в тех случаях, когда базовый вариант оказывается недостаточным. Такой подход вполне себя оправдал и позволил выполнить основной объем преобразований интегрального инварианта за три машино-месяца, т.е. несколько более 100 моделей за машино-месяц³.

Визуализация результатов

Расчет интегрального инварианта моделей создает источниковую базу для анализа (в первую очередь для прочтения легенд клейм), но преобразованные модели не могут быть полноценно использованы без подбора оптимальных способов визуализации результатов моделирования. При динамической визуализации, используемой для прочтения легенд и распознавания эмблем, важна максимальная контрастность изображения и возможность тонкой настройки контрастности по одному или нескольким параметрам. При статической визуализации формируется набор растровых рендеров, подтверждающих корректность идентификации и пригодных для электронной и полиграфической публикации. При этом необходимо принимать меры к минимизации деградации электронного изображения при его уменьшении до натуральной величины клейма. Подготовка этого массива иллюстраций должна быть оптимизирована таким образом, чтобы избежать индивидуального формирования каждого растрового рендера, т.е. параметры формирования рендера должны быть максимально унифицированы.

Функционал визуализации результатов расчета интегрального инварианта полигональной модели, реализованный в ПО GigaMesh, весьма обширен. Визуализация основана на 12 базовых цветовых схемах (Morgensterning, Hot, Cold, Grayscale, YIOrBr, Copper, Sienna, Rust, RdGy, Spectral, RdYIGn, Parula), построенных на принципах обеспечения максимальной контрастности изображения. Мы выбрали для визуализации вектора кривизны три способа (Feature Vector, Feature Distance, Feature Element), каждый из которых дополнительно настраивался (рис. 6 и рис. 7). Возможности настройки включают смещение середины цветовой шкалы, дополнительный пересчет относительно выбранного значения и инвертирование цвета. Эксперименты с различными способами визуализации показали, что все 12 цветовых схем решают задачу улучшения читаемости легенды клейма и ни

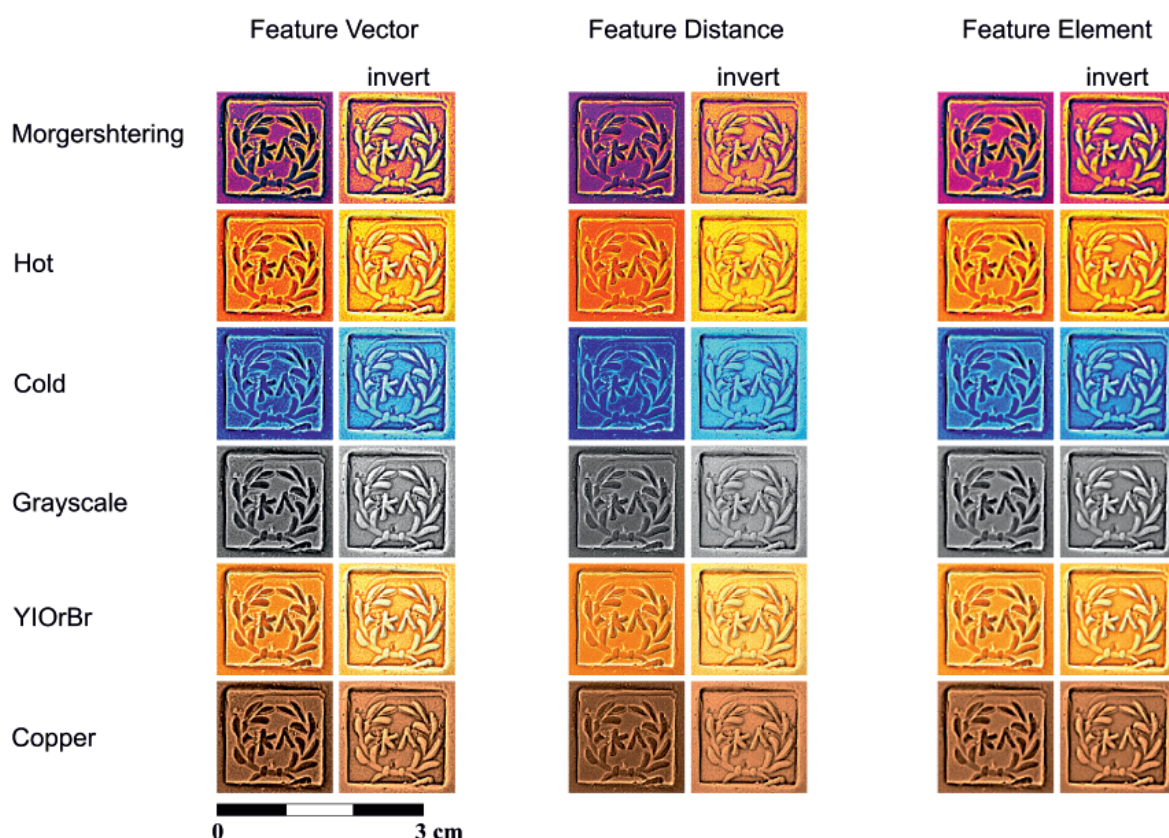

Рис. 6 Визуализация результатов расчета интегрального инварианта в ПО GigaMesh. Модель SF0023, 5 млн. полигонов, радиус расчета 0,5 мм. Расчет визуализации в 6 цветовых схемах (Morgershtering, Hot, Cold, Grayscale, YIOrBr, Copper), тремя способами (Feature Vector, Feature Distance, Feature Element), нормальное (слева) и инвертированное (справа) представление.

Fig. 6. Visualization of the calculation results of the integral invariant in GigaMesh software. SF0023 model, 5 million polygons, calculation radius 0.5 mm. Calculation of visualization in 6 colour schemes (Morgershtering, Hot, Cold, Grayscale, YIOrBr, Copper), in three ways (Feature Vector, Feature Distance, Feature Element), normal (left) and inverted (right) representation.

одна из них не имеет несомненных преимуществ. На этапе исследования клейма выбор базовой цветовой схемы определяется скорее эстетическими предпочтениями исследователя, чем практическими соображениями. Однако для сложных клейм плохой сохранности рекомендуется использование нескольких цветовых схем, нескольких способов расчета, инвертирование результата визуализации. Подготовка иллюстративных материалов для публикации клейм требует несколько иного подхода. На наш взгляд, эти материалы должны быть подготовлены таким образом, чтобы:

* Облегчить визуальное сопоставление иллюстраций с ранее опубликованными материалами, подготовленными традиционными способами (графитовая протирка, зарисовка, прорисовка по фотографии, монохромная фотография).

* Обеспечить возможность достаточно экономичной полиграфической публикации,

при которой неизбежны некоторые потери разрешения исходного цифрового изображения.

* Обеспечить возможность быстрой подгрузки цифровых изображений при доступе к базе данных посредством сети Интернет.

Исходя из этих соображений, мы вынуждены отказаться от полихромных цветовых схем и при подготовке результатов расчета интегрального инварианта моделей для массовой публикации использовать только монохромную цветовую схему Grayscale, визуализирующую кривизну поверхности оттенками серого цвета. Эксперименты показали, что оптимальными для прочтения и публикации клейм являются три способа расчета формирования растрового рендера:

* Расчет значения цвета по максимальному значению вектора, вне зависимости от того, для какой сферы он рассчитан (способ

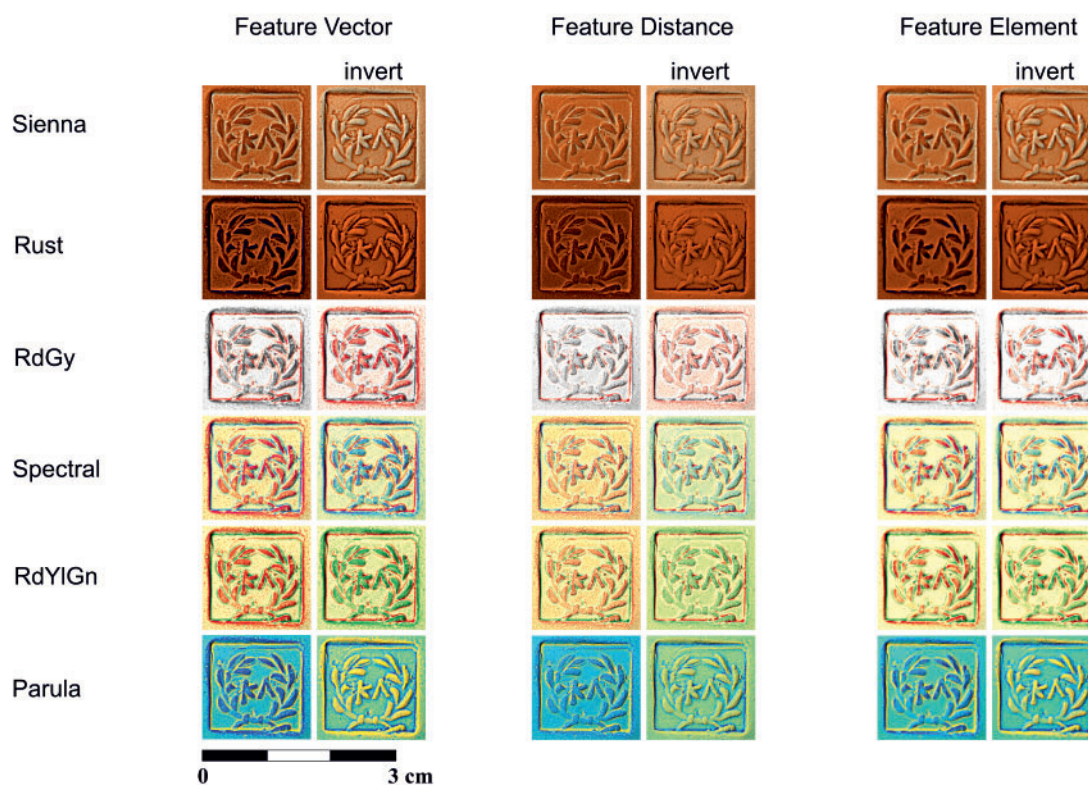

Рис. 7. Визуализация результатов расчета интегрального инварианта в ПО GigaMesh. Модель SF0023, 5 млн. полигонов, радиус расчета 0,5 мм. Расчет визуализации в 6 цветовых схемах (Sienna, Rust, RdGy, Spectral, RdYIGn, Parula), тремя способами (Feature Vector, Feature Distance, Feature Element), нормальное (слева) и инвертированное (справа) представление.

Fig. 7. Visualization of the calculation results of the integral invariant in GigaMesh software. SF0023 model, 5 million polygons, calculation radius 0.5 mm. Calculation of visualization in 6 colour schemes (Sienna, Rust, RdGy, Spectral, RdYIGn, Parula), in three ways (Feature Vector, Feature Distance, Feature Element), normal (left) and inverted representation

Feature Vector). В этом случае формируется усредненное (неоптимизированное) изображение, показывающее как более мелкие, так и более крупные детали. Такой способ расчета рассматривается как универсальный и оптимален на первом этапе изучения клейма.

* Расчет значения цвета относительно произвольно выбранного узла модели, расположенного рядом с литерами легенды и, одновременно, имеющего относительно низкое значение вектора кривизны (способ Feature Distance). В этом случае интенсивность цвета пересчитывается относительно наименее искривленной поверхности, что дает улучшение контрастности изображения на литерах легенды. Этот способ расчета представляет собой адаптацию к геометрии конкретного клейма и обеспечивает наилучшее прочтение литер.

* Расчет значения цвета по максимальному значению вектора для одной сферы

(способ Feature Element), при этом используется самая большая сфера. Такой вариант оптимален для визуализации относительно крупных форм рельефа поверхности. Мелкие детали (в основном связанные с разрушением менее стойких к выветриванию минералов формовочной массы) при этом теряются и при увеличении изображения относительно естественных размеров клейма рендер получается несколько размытым. Однако именно это изображение представляется оптимальным для публикации полиграфическим способом.

Для каждого из этих вариантов формируется нормальное и инвертированное изображение, так что в конечном итоге каждое клеймо получает 6 растровых рендеров карты кривизны. Формирование растровых рендеров производится вручную, но временные затраты для создания пакета изображений на одну модель остаются приемлемыми (4-8 минут). Возможность электронной публикации в размещен-

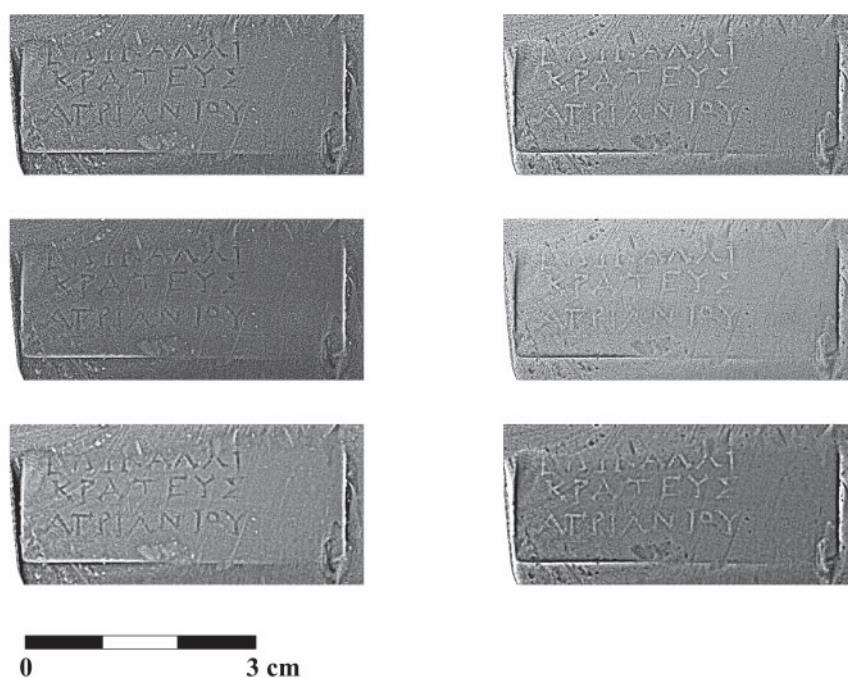

Рис. 8. Шесть вариантов визуализации результатов расчета MSII, предназначенных для публикации полиграфическим и электронным способами. Модель SF0091, 18 млн. полигонов, радиус расчета 0,5 мм, методы расчета Feature Vector, Feature Distance, Feature Element (сверху вниз), нормальное (слева) и инвертированное (справа) представление.

Fig. 8. Six options for visualizing the results of the MSII calculation for publication electronically and in print. SF0091 model, 18 million polygons, calculation radius 0.5 mm, calculation methods Feature Vector, Feature Distance, Feature Element (from top to bottom), normal (left) and inverted (right) representation.

ной на онлайн-ресурсе базе данных позволяет показать все 6 вариантов визуализации клейм (рис. 8). При подготовке полиграфической публикации исследователь выбирает из вариантов тот рендер, который наилучшим образом отображает детали рельефа поверхности.

Выводы

Алгоритм мультимасштабного интегрального инварианта является перспективным инструментом исследования и публикации амфорных клейм, в первую очередь трудночитаемых. Его применение требует высокого качества документирования и моделирования (что, впрочем, обычно для практически любого аналитического метода), мощного вычислительного оборудования и существенных затрат машинного времени. Программное обеспечение, реализующее этот алгоритм, постоянно развивается и предоставляет

все более широкие возможности по управлению визуализацией результатов расчета. По нашему мнению, в обозримом будущем применение алгоритма MSII позволит получить верифицируемые прочтения не только амфорных клейм, но и ряда других эпитафических памятников, ранее считавшихся нечитаемыми. Не менее важной представляется и возможность получения с помощью этого алгоритма растровых рендеров, пригодных для полиграфической публикации изображений, плохо воспроизводимых фотографическим способом. В конечном итоге, внедрение в практику эпитафических исследований преобразования трехмерных моделей алгоритмом мультимасштабного интегрального инварианта позволит окончательно отказаться от использования аналоговых методов – зарисовки, графитовой протирки, эстампажа.

Примечания:

¹ В этом эксперименте расчет выполнялся при радиусе 2 мм, с расчетом 16 сфер.

² Эксперимент выполнялся для выборки из 98 моделей, которые рассчитывались с одинаковым значением радиуса расчета для 16 и для 4 сфер (94 модели с радиусом расчета 0,5 мм, 2 модели с радиусом расчета 1 мм и 2 модели с радиусом расчета 2 мм).

³ Это число не включает машинное время, израсходованное на экспериментальные расчеты.

Благодарности:

Авторы выражают признательность доктору Хуберту Мара за разработку прекрасного инструмента, позволяющего продвинуться в решении ряда острых проблем эпиграфических исследований.

В документировании, фотограмметрической обработке, трехмерном моделировании, преобразовании моделей методом MSII, формировании растровых рендеров моделей, помимо авторов статьи, принимали участие А. Н. Уральская, П. А. Мосалева и М. А. Никитина.

Авторы выражают благодарность руководству и сотрудникам ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» Т. В. Умрихиной, Н. В. Быковской, Е. В. Болонкиной.

ЛИТЕРАТУРА

Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В. О методике массового бесконтактного документирования амфорных клейм // КСИА. 2023. № 270. С. 370–383.

Vergne R., Pacanowski R., Barla P., Granier X., Reuter P. Enhancing surface features with the Radiance Scaling Meshlab Plugin // *Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*. 2012. Mar 2012. P. 417–421.

Mara H. Multi-Scale Integral Invariants for Robust Character Extraction from Irregular Polygon Mesh Data. PhD thesis. Heidelberg, Germany, 2012. 210 p.

GigaMesh.eu. URL: <https://www.gigamesh.eu/> (дата обращения: 20.11.2023).

Информация об авторах:

Свойский Юрий Михайлович, Лаборатория RSSDA; Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. (г. Москва, Россия); rutil28@gmail.com.

Ольховский Сергей Валерьевич, заведующий Центром подводного археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); uwiaran@gmail.com

Романенко Екатерина Васильевна. Лаборатория RSSDA (г. Москва, Россия); eromanenko@yandex.ru

Зайцев Антон Витальевич, младший научный сотрудник Института цифровых гуманитарных инициатив, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; лаборант Центра подводного археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Лаборатория RSSDA; antinanqo@gmail.com

Гирич Анна Павловна, лаборант Центра подводного археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Лаборатория RSSDA; girichap20@gmail.com

REFERENCES

Svoiskiy, Yu. M., Olkhovskiy S. V., Romanenko E. V., Zaytsev A. V. 2023. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 270, 370–383 (in Russian).

Vergne, R., Pacanowski, R., Barla, P., Granier, X., Reuter, P. 2012. In *Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)* (3), 417–421.

Mara, H. 2012. *Multi-Scale Integral Invariants for Robust Character Extraction from Irregular Polygon Mesh Data*. PhD thesis. Germany, Heidelberg.

GigaMesh.eu. Available at: URL: <https://www.gigamesh.eu/> (accessed 20.11.2023).

About the Authors:

Svoiskiy Yury M., RSSDA Laboratory. Moscow, Russian Federation; HSE University. Pokrovsky boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; rutil28@gmail.com.

Olkhovsky Sergei V., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; uwiaran@gmail.com

Romanenko Ekaterina V. RSSDA Laboratory. Moscow, Russian Federation; eromanenko@yandex.ru

Zaitsev Anton R., HSE University. Pokrovsky boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; RSSDA Laboratory. Moscow, Russian Federation; antinanqo@gmail.com

Girich Anna P., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; RSSDA Laboratory. Moscow, Russian Federation; girichap20@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904; 299.4

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>

КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА И НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОКТРИНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

©2024 г. С.Г. Боталов

Посвящаю светлой памяти Л.Р. Кызласова

Статья посвящена интерпретации и систематизации изобразительных образов, помещенных на лицевой стороне предметов торовитики из средневековых памятников Южного Урала. Опорой рассматриваемой коллекции явились артефакты из погребального комплекса Уелги. До недавнего времени изобразительные образы средневековой торовитики ременной гарнитуры интерпретировали абстрактно как «растительный», «зооморфный», «антропоморфный», «орнитоморфный», геометрический и пр. орнаменты. Анализируя материал, автор в последние годы пришел к убеждению, что изобразительные образы и символы представляют собой стройную систему иконографических религиозных традиций, сложный культурно-религиозный комплекс, который формируется под воздействием манихейских традиций. В этой связи основной целью и задачами настоящей статьи является анализ и интерпретация основных стилистических изобразительных групп и образов в торовитике кочевнических памятников Алтая, Восточного Казахстана, Южного Урала и далее на запад до Карпатской котловины, времени исхода и обретении Родины венграми-мадьярами (IX–X вв.). Методами исследования является сравнительный анализ и интерпретация отдельных изобразительных групп, сюжетов и линий в материалах, полученных из памятников Южного Урала (Уелги, Синеглазово, Актюба, Нижний Яр, Ишимбаевские, Старохалиловские курганы), а также других одновременных комплексов Урала, Поволжья, Поднепровья и Карпатской котловины. Основным выводом исследования является предположение, что возникновение и развитие большинства стилистических групп и линий происходит на Алтае и Южном Урале. Дальнейшее движение этих традиций и артефактов, отражающих их, направлено на Запад, вероятно в период миграции будущего венгерского населения на Новую Родину в Карпатскую котловину, где они получают новое развитие.

Ключевые слова: Уелги, манихейство, несторианство, сrostкинская культура, тухтятская культура, средневековье.

NOMADS OF THE SOUTHERN URALS AND NEW RELIGIOUS DOCTRINES OF THE MEDIEVAL EMPIRES OF CENTRAL ASIA²

S.G. Botalov

Dedicated to the blessed memory of L.R. Kyzlasov

The article is dedicated to the interpretation and systematization of pictorial images placed on the front side of toreutic items from medieval sites of the Southern Urals. The collection under consideration is based on artifacts from the Uelgi burial assemblage. Until recently, the medieval toreutic images of the belt set were interpreted abstractly as “plant”, “zoomorphic”, “anthropomorphic”, “ornithomorphic”, geometric and other decors. Analyzing the material, the author has come to the conclusion in recent years that images and symbols represent a harmonious system of iconographic religious traditions, cultural and religious complexes, which were formed under the influence of Manichaean traditions. In this regard, the research is aimed to analyze and interpret the main stylistic pictorial groups and images on the toreutics of the nomadic sites in the Altai, Eastern Kazakhstan, Southern Urals and further west to the Carpathian Basin of the ancient Hungarian migration period (IX–X centuries). The research methods are comparative analysis and interpretation of individual pictorial groups, plots and lines in materials from the sites of the Southern Urals (Uelgi, Sineglazovo, Aktyuba, Nizhny

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени» <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

² This work was financially supported by the Russian Science Foundation № 24-18-20055 Economy and social organization of pastoral societies of the Southern Trans-Urals: from late antiquity to modern time <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Yar, Ishimbayevo, Starokhalilovo barrows), as well as other contemporaneous assemblages of the Urals, Volga region, Dnieper and Carpathian basins. The main conclusion of the study is the assumption that the emergence and development of most stylistic groups and lines occurs in the Altai and Southern Urals. The further movement of these traditions and artifacts reflecting them is directed to the West, probably during migration period of the future Hungarian population to the New Homeland in the Carpathian Basin, where they receive new development.

Keywords: Uelgi, Manichaeism, Nestorianism, Srostki culture, Tyukhtyaty culture, Middle Ages.

В 763 году в столице Уйгурского каганата Орда-Балыке при кагане Идигяне четыре манихейских монаха провозгласили учение Мани официальной религией каганата. Это событие имело значение не только в сиюминутной политической конъюнктуре, но и весьма серьезное культурно-идеологическое последствие в дальнейшем развитии кочевнических сообществ Центральной Азии. Новая религиозная доктрина кардинально изменила облик кочевников Саяно-Алтая. Прежде всего, это отразилось на поясной гарнитуре украшений упряжи коня и предметах украшений в женских погребениях. На смену поясам и украшениям упряжи, представленных прямоугольными и фигурными плоскими серебряными и бронзовыми накладками, приходят комплексы полиметаллической (серебро с золотом плакировкой) торевтики, украшенной богатым растительным, антропоморфным, зооморфным и прочими сюжетами.

В VIII–X вв. складываются два основных изобразительных стиля: сrostкинский (алтайский) и тюхтятский (енисейско-минусинский). Со второй половины IX века эти новые традиции начали внедряться в культурную среду южноуральских кочевников. Причиной этого вероятно явилась широкая экспансия кочевого населения Саяно-Алтая на Южный Урал. В своем изобразительном арсенале они, по сути, отображают общие семантические сюжеты, разницу составляют технологические особенности. Алтайский вещевой комплекс (полиметаллическое серебро, позолота) наряду с литьем присутствуют штампованные артефакты. Енисейско-минусинские, как правило, представлены монометаллическими цельнолитыми вещевыми комплексами. Безусловно, эти различия касаются и особых изобразительных приемов, присутствующих в этих стилистических группах, которые впоследствии и легли в основу их культурной идентификации.

С конца VIII в. эти новые традиции начали внедряться в культурную среду южноуральских кочевников. Причиной этого вероятно

явилась широкая экспансия тюркского населения Саяно-Алтая на Южный Урал. Этот факт отмечался исследователями в разные годы (Гаврилова, 1965; Савинов, 1976; 1978; 1979; Мажитов, 1981).

Так сложилось, что с первых дней открытия (2009 г.) и последующего более чем десятилетнего исследования погребального комплекса Уелги на Южном Урале стилистическая типология материалов ременной гарнитуры составила основу первичных и последующих систематизаций материалов памятника (Боталов, Грудочко, 2011; Грудочко, Боталов, 2013; Боталов, 2018; Боталов и др., 2019, с. 82–86).

Метод систематизации предметов ременной гарнитуры и украшений по стилистическим группам, избранный в самом начале исследований Уелгов, оказался вполне продуктивным. За основы были выбраны техника изготовления и сюжетные изобразительные линии. Методологическая оправданность данного подхода на наш взгляд определяется тем обстоятельством, что южноуральские кочевники развитого средневековья вступили в период монорелигиозных предпочтений. Большую часть изобразительных практик кочевнической торевтики составляют устоявшиеся к концу VIII века в Саяно-Алтае манихейские сюжетные линии. Как известно манихейство как синкретическая религия вобрала в себя не только учения зороастризма, христианства (несторианства), буддизма и индуизма, но и весь спектр изобразительных образов, сопровождающих и символизирующих эти верования.

Сrostкинская стилистическая группа (сердцевидные, арочные и концевые накладки с изображением цветов, стеблей и плодов «Древа жизни» – смоквы) при детальной картографии ее далее на восток, первый опыт которой был проделан венгерскими коллегами Эрвином Галом и Гергели Зенсе, имеет весьма широкий диапазон распространения от Алтая до Карпатской котловины (Erwin Gall, Gergely Szenthe, 2020, p. 181–197) (рис. 1).

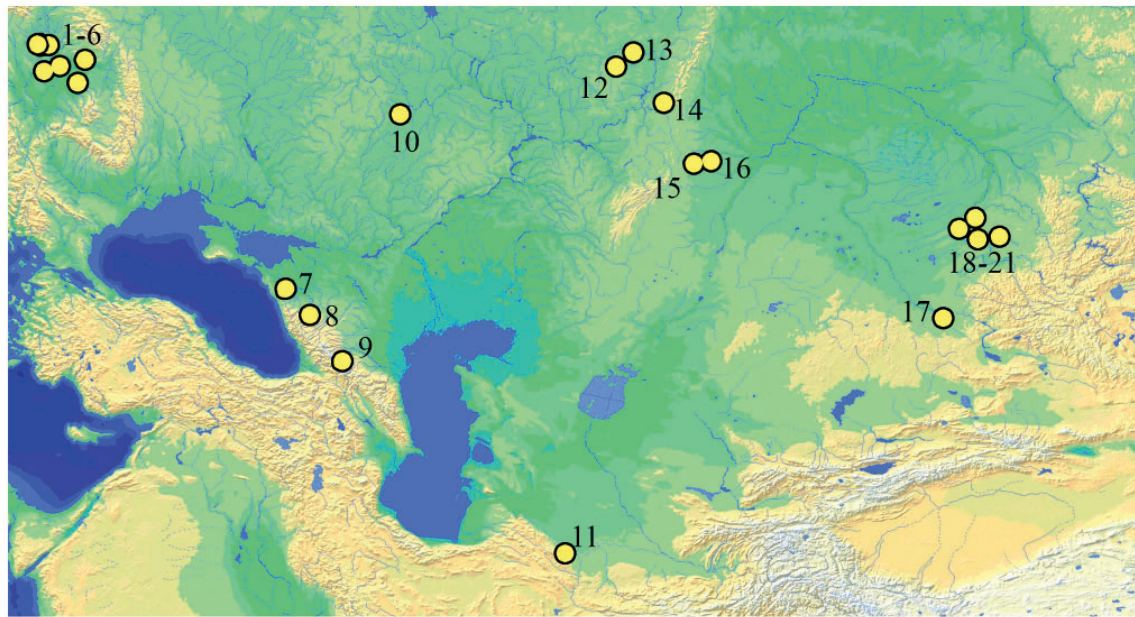

Рис. 1. Распространение накладок сrostкинского типа с изображением смokвы.
 Fig. 1. Distribution of Srostki type mounts with figs.

Особую интригу эта группа представляет в южноуральских средневековых комплексах. Здесь артефакты сrostкинского типа, изначально присутствовали с целым рядом стилистических групп, о чем будет сказано ниже. Так с исследованием кургана 11 погребального комплекса Уелги стало очевидно, что сrostкинский предметный ряд и предметы мадьярского облика присутствуют в одном кургане. Особенно ярко это взаимосочетание

отобразилось в могильнике Актюба, расположенном в 20 км к В от Уелгов. где в одном комплексе, наряду с украшениями упряжи, бляхами и накладками, выполненными в карпатском стиле, присутствуют пояс, щиток пряжки, сердцевидные и арочные (с прорезью) накладки сrostкинского типа (рис. 2: 5–13) (Боталов и др., 2021, с. 84–90).

Среди предметного Уелгинского комплекса просматривается еще до десятка стилистиче-

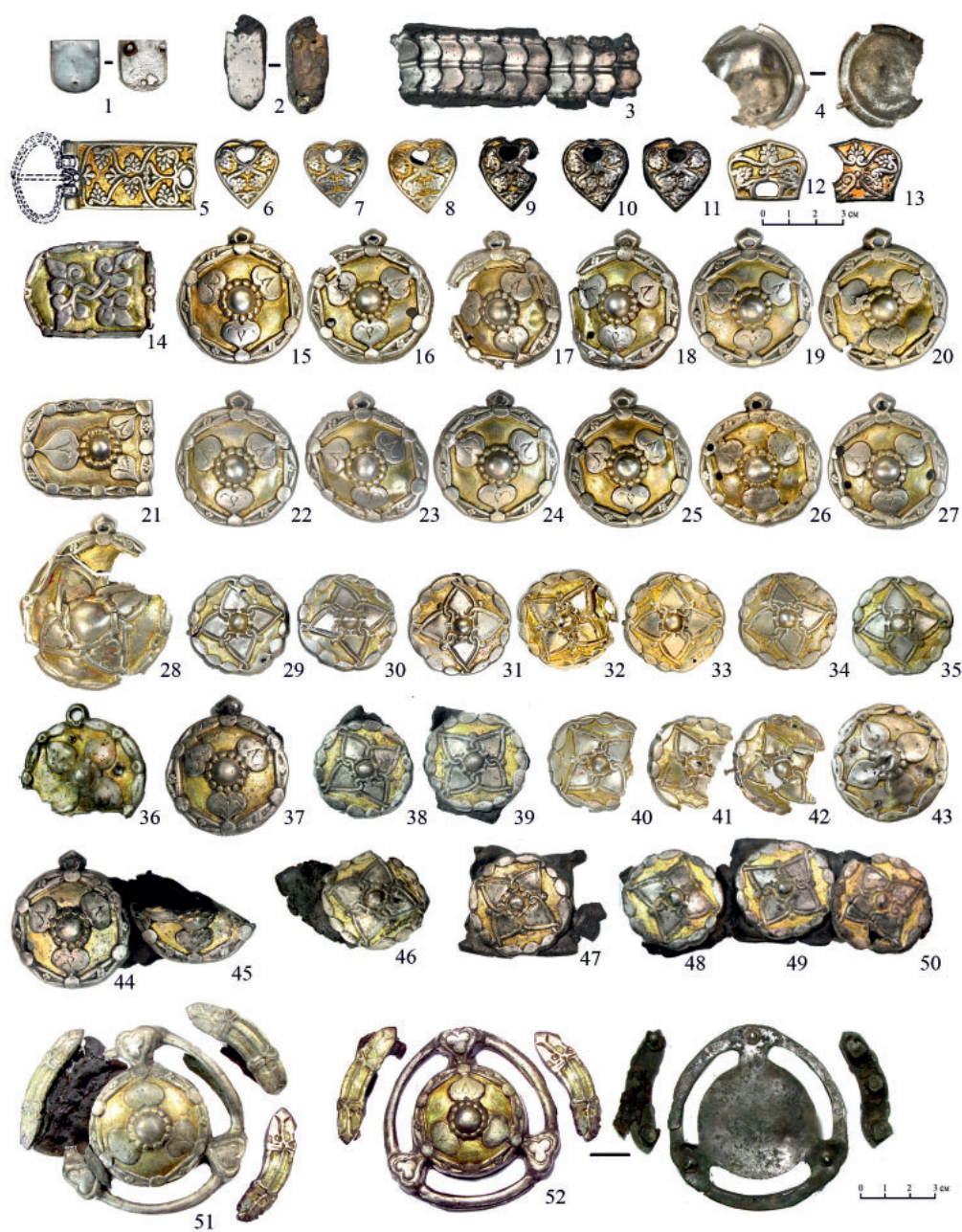

Рис. 2. Актюба
Fig. 2. Aktyuba

ских групп и линий, которые так или иначе связаны с манихейской символикой. К первой относятся изобразительные сюжеты, связанные с уже упомянутым растительным орнаментом, символизирующим цветы и листья Древа жизни (смоковницы, инжира), изображенных на вышеописанных «сросткинских» накладках. В работе, посвященной кочевнической тюревтике, Г.Г. Король и О.Б. Наумова также картографировали распространение прямоугольных накладок с прорезью в нижней части, украшенной композицией раститель-

ного орнамента с «симметричными гроздьями винограда» (Король, Конькова, 2007, с. 145–156; Король, Наумова, 2017, с. 12, рис. 4). Ареал их распространения оказался также впечатляющим – от Бурятии до Поднепровья, включающим районы Минусы, Кузнецкой котловины, Тувы и Средней Азии. Авторы отнесли этот сюжет к буддийской символике, равно как и мотив «цветка смоквы». К сожалению, изображения прямоугольных накладок приведены в графическом исполнении, что не всегда оказалось убедительным, так как

Рис. 3. Манихейская стилистическая группа
 Fig. 3. Manichaean stylistic group

на некоторых из них кроме гроздей «винограда» хорошо просматриваются уже известные «цветы смоквы». Не пытаюсь оспаривать авторитетное мнение специалистов, выскажем осторожное предположение. Этот тип накладок вероятнее всего относится также к кругу предметов, имеющих растительную орнаментацию, в виде цветка смоквы или «древа жизни», образ которого является универсальным и одновременно может относиться к раннехристианским и буддийским символам и как универсальный к манихейским (Боталов, 2022, с. 57–61). Вероятнее всего, эту же символику содержат другие накладки с расти-

тельным орнаментом из коллекции Уелгов, их отличие лишь в степени изобразительной стилизации.

Манихейская стилистическая группа. Образ пламенеющей жемчужины. В Уелгинской коллекции присутствуют пять монометаллических накладок (вероятнее все они происходят из 29 кургана): три сердцевидной и две арочной формы с фигурной прорезью внизу (рис. 3: 1–6). Изобразительный сюжет данных накладок получил в литературе название «пламенеющая жемчужина». Вероятно он явился первым стилистическим образом, который в начале 1980-х годов Ю.С. Худяков

сравнил с языками пламени уйгурско-манихейских светильников, на материалах могильника Ник-Хая (Минуса) (Худяков, 1983, с. 144–153). Позднее С.Н. Нестеров приводит значительную географию подобных находок среди памятников чагатаской и тюхтятской культур (Нестеров, 1990, с. 64).

Манихейская стилистическая группа. *Несторианские сюжеты* хорошо просматриваются на примере образов Иисуса с поднятым в правой руке двуперстием на уелгинской накладке и на щитке известной пряжки из субботцевского комплекса (рис. 3: 7–10). В этот же ряд входят и накладки с образами *парных птиц*, изображенные у Древа жизни. Этот сюжет имеет широкое распространение не только в материалах Уелгов. Наиболее близкой по сюжету (две курочки с расправленными крыльями соприкасаются грудками и клювами поддерживают росток Древа жизни) уелгинской концевой накладки является накладка из погребения Краснореченского городища (Семиречье) (рис. 3: 11–12, 15) (Торгоев, 2003, с. 286, рис. 18; 2004, с. 341, рис. А. 2). Специалистами по средневековой тюркитике они приводятся как образ птиц или птиц-фениксов (Король, Наумова, 2017, с. 26–28, рис. 14, А, Б. 1, 2, 5–15, 16–25) в большинстве своем из памятников и местонахождений Саяно-Алтая и Минусы. Этот образ также известен и в салтовской культуре (Верхнесалтовский могильник, кат. 32) (Король, Наумова, 2017, с. 27, рис. 14Б).

Интересный сюжет парных птичек присутствует в погребении кургана 6 Старо-Халиловского могильника (Башкортостан), где в украшении (портупея (?), сумочка (?)) вошел комплекс из двух полиметаллических (серебро с позолотой) накладок: фазанов и цветка (рис. 3: 14).

Нечто подобное мы видим в материалах Уелгов и могильника у с. Решетниково Омской области, исследованного Г.Н. Малаховым в 1867 году, где на кожаной сумочке нашиты две пары серебряных птицевидных накладок (фазаны?) вокруг четырехлистной серебряной накладки с концами в виде цветков смородины (Король, 2008, с. 273, табл. 14.10; Heikel, 1894, p. 80–85, pl. XXIV) (рис. 3: 16).

Образ парных птичек у Древа (или цветка) жизни присутствует и среди материалов Карпатской котловины на известном серебряном браслете из Tiszaeszlar-Bashalom-

Рис. 4. Манихейская стилистическая группа
Fig. 4. Manichaean stylistic group

Fenyvespart II – на двух створках в круглых рамках изображены четыре птицы, возможно, серых куропаточек, перепелок или коростелей (по заключению орнитолога В.Гашек), сидящих с двух сторон от цветка смородины в изобразительной аналогии *синеглазовой группы* (см. ниже) (рис. 3: 17, 18) (Mesterházy Károly, 2018).

Особым элементом манихейско-несторианской стилистической традиции является *символ креста*. В материалах Уелгов насчитываются до десятка накладок в виде крестов и крестовых изображений, вписанных в округлые и арочновидные накладки, они встречаются как полиметаллические (серебро с позолотой), так и изготовленные из серебра и меди (рис. 4: 1–8). Их семантическое значение, как символ несторианства, нами было приведено в ряде статей (Боталов, Байоглу, 2017, с. 98–103; Боталов, 2022, с. 58, рис. 6, 1–5; Боталов и др., 2019, с. 166–169).

Интересно, что находки ременной гарнитуры с символикой креста не картографируются восточнее Южного Зауралья. Исключение составляют находки изображений несторианских крестов на керамической и металлической посуде, а также на архитектурных деталях из памятников Семиречья и Согда (Кызласов, 2006, с. 142–144, рис. 2–4; Кляшторный, Плоских, Мокрынин, 2013; Рогожинский, Железняков, 2019, с. 169, рис. 1, 1–4; Железняков, 2002, с. 299–302; Григорьев, Железняков, 2007; Ротт, 2005, с. 44–50). Вероятнее всего близость Южного Зауралья с тюркскими столицами Западно-Тюркского, Тюркешского и Караханидского каганатов (Суяб, Невакет, Баласагун), где, как известно, располагались несторианские и манихейские монастыри и буддийские храмы, оказало решающее значение на формирование этих традиций (Кызласов, 2006, с. 140–141, рис. 1). Особые случаи изображения крестов и крестовых символов фиксируются в памятниках Карпатской котловине времени Обретения Родины. Некоторые из этих артефактов по своей форме принадлежат к несторианским (равноконечные, расширяющиеся к краю). Особые находки относятся к крестам-энколпионам византийского типа, на концах которых в круглых рамках-овалах располагаются богоматерь, архангелы и святые (рис. 4). Безусловно, энколпионы указывают на активную деятельность византийских миссионеров с первых десятилетий пребывания венгров в Паннонии, что привело к ранней христианизации кочевой элиты и отразилось в появлении этих артефактов в материалах эпохи Обретения Родины (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 230, 3; 272–273, 35, 37; 291, 2, 3; 300, 1; 330, 1; 409, 2) (рис. 4: 10–15). Однако первостепенная манихейская составляющая, как нам представляется, вполне могла иметь место и в этом случае.

На западе известна также находка сферической накладки с тисненным по центру несторианским крестом в материалах мадьярско-карпато-Днестровского региона (Диногечия, Румыния) (Рябцева, Рабинович, 2007, с. 208, рис. 2, 23).

Среди материалов Карпатской котловины в памятниках времен Обретения Родины встречено значительное количество нательных крестов и их изображений на предметах торевтики (A honfoglaló magyarság, 1996,

р. 182, 183, 2, 3; 193, 1; 228, 2; 230, 3; 245, 2; 247, 3; 272; 273, 35, 37; 291, 2, 3; 330, 1; 408, 2; 409, 2). Особенно интересным в этой связи нам представляется богато изготовленный серебряный с золотой плакировкой наборный пояс из могильника Каранчлапуйтё (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 399, 1). Как известно он является прямой аналогией пояса из п. 505 Крюковско-Кужновского могильника (Иванов, 1952, с. 217, табл. XXXIII, 1, 2; Зеленцова, 2018, с. 294, рис. 11, 1–5) (рис. 4: 16–17). Коллеги, которые посвятили данным артефактам специальное исследование совершенно справедливо пришли к мнению, что данные поясные наборы представляют собой парадную деталь костюма человека с определенным социальным статусом, возможно воина (Зеленцова, Митоян, Саприкина, 2012, с. 50). Безусловно, необычную орнаментацию, украшающую изделия: парные крестообразные тисненные изображения, обрамление насечками (в венгерском случае) или выступающим бордюром (в мордовском памятнике) можно интерпретировать как оригинальный и очень стилизованный трилистник. Однако нам представляется, это особая крестообразная символика, которая украшает неординарный пояс, принадлежавший вероятно, особой персоне, обладающей неким духовным статусом.

Манихейская стилистическая группа. Буддийско-индуистская линия. При анализе Субботцевского комплекса поясной гарнитуры кроме центрального несторианско-манихейского образа Иисуса с поднятым двуперстием венгерский коллега Клима Ласло предложил интерпретацию еще двух изображений – авалоки-гашвары и танцующих дев – «аспаров» (рис. 5: 6, 7). Предложенная им картография подобных находок включает: Катериновка, Новониколаевка (Поднепровье), Ишимбаевский могильник (Башкортостан) и Редикор (клад) (Пермский край) (Klima Laszlo, 2018, р. 136–149) (рис. 5: 1–6).

В Уелгинском могильнике найдено четыре округлых накладки – многорукой богини плодородия и материнства (Парвати) в позе подмасана и с цветками в руках. Очень похожие накладки в этой же позе составляют пояс из погребения 357 Баяновского могильника (Подосенова, 2016, с. 129–132, рис. 4, 5) (рис. 5: 12–15).

Наиболее ярким буддийским восточным стилистическим образом, обнаруженным

Рис. 5. Манихейская стилистическая группа

Fig. 5. Manichaean stylistic group

в материалах средневековых памятников Южного Урала и в могильнике Уелги в частности, является серия зооморфных изображений. Самую большую серию их составляет образ собаки «Шицзы», так называемой сидячей собаки, восходящей ко льву Будды (Король, Наумова, 2017, с. 19–21, рис. 9, 10). Этот универсальный буддистский образ собаки и сидящего льва встречается в памятниках Татарстана и Южного Урала, а также Карпатской котловины (Комар, 2018, с. 345, рис. 30, 17; Халикова, Халиков, 2018, с. 127, табл. XIX, 6; A honfoglaló magyarság, 1996, p. 154, 6; Horváth Ciprián, 2022, p. 125, 72, 2; 212, 34, 3–6) (рис. 5: 16–27). Большое количество этих изображений встречены в пределах

Саяно-Алтая, в этой связи мы не приводим эти аналогии, ссылаясь на авторов, уделившим этому сюжету особые разделы (Король, Наумова, 2017, рис. 9) (рис. 5: 16–21).

Большая коллекция зооморфных изображений собак, обнаруженных в памятниках Семиречья, и львов из Краснореченского и Ак-Башимского городищ, относящихся к VIII–IX вв. (Торгоев, 2003, с. 285–287, рис. 20; 2004, рис. a1, 3В 10, 11; 015–17).

Кроме обозначенных существуют также особые изобразительные группы, которые содержат некоторый маркирующий сюжет.

Синеглазовская стилистическая группа. Летом 1959 года В.С. Стоколосом при проведении аварийных раскопок курганов

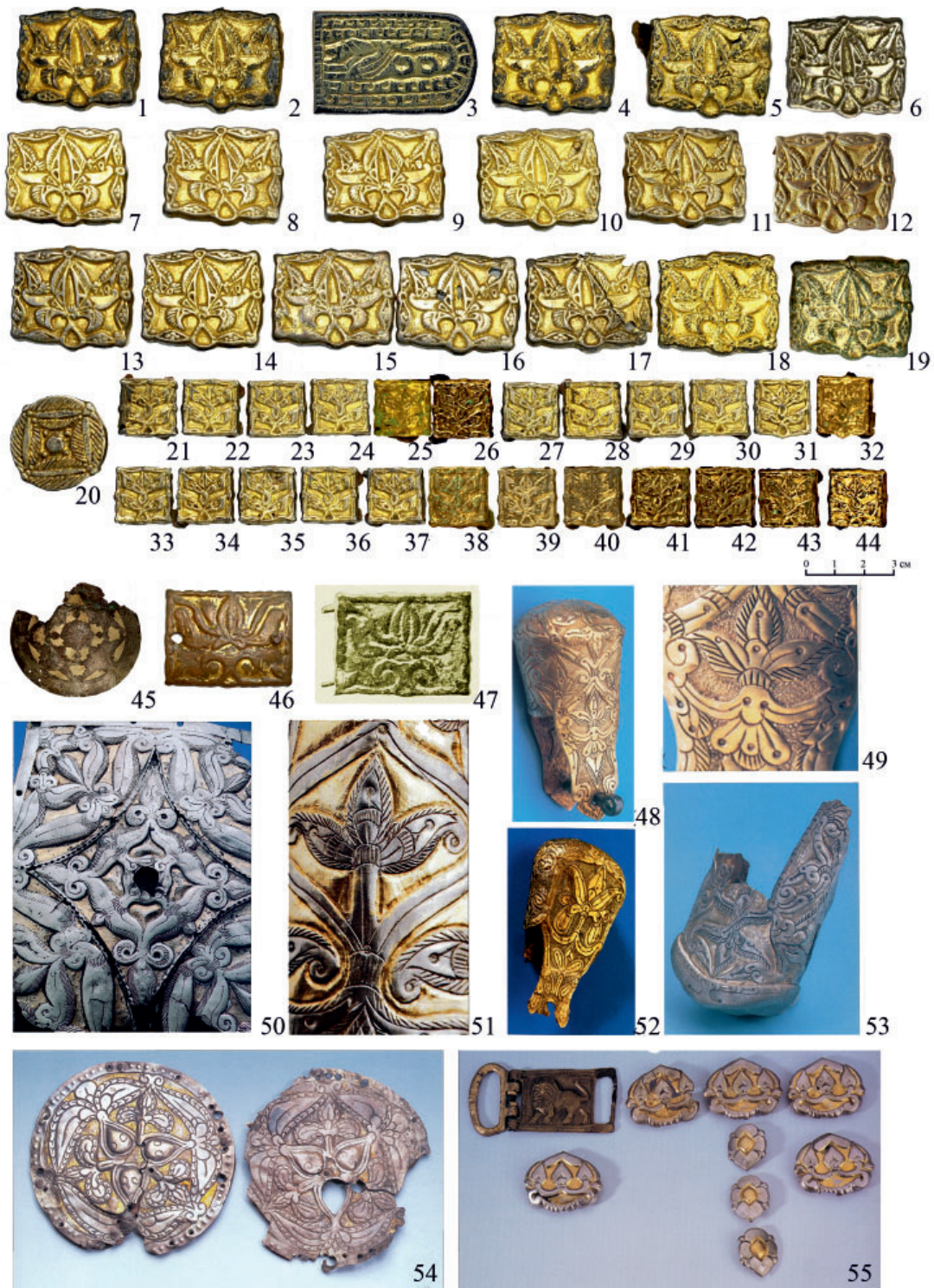

Рис. 6. Синеглазовская стилистическая группа
 Fig. 6. Sineglazovo stylistic group

на озере Синеглазово (Стоколос, 1962, с. 163–168) были обнаружены остатки украшений конской упряжи. Они состояли из 15 крупных прямоугольных, 24 мелких квадратных, одной круглой и одной концевой полиметаллических (серебро с золотом) накладок, имеющих изображение цветка смоковницы,

спускающегося сверху от центральной петли, далее от округлого соцветия отходят вверх, загибаясь, в бока и вниз, заостряющиеся на концах лепестки соцветия (рис. 6: 1–44). В этой связи этот узор получил впоследствии рабочее название «лилия». Позднее подобная прямоугольная накладка была обнаружена

в 2009 году в первичных подъемных сборах могильника Уелги, впоследствии такие накладки найдены в насыпи кургана 11. При этом было обращено внимание, что Синеглазовские и Уелгинские накладки являются идентичными и выполнены одним мастером. Все накладки изготовлены на одном рабочем шаблоне и имеют характерный дефект: правая сторона накладки меньше, чем левая (рис. 6: 1–2, 4–19). Таким образом, изделие скорее трапециевидное, чем прямоугольное. Данный факт вынуждает признать, что появление этих изделий в разных некрополях, удаленностью почти на сто километров друг от друга, указывает, скорее всего, на их изготовление местным мастером.

Общая картография данной стилистической группы включает накладку из могильника Вак-Кур (Нижнее Притоболье), Каранаевские курганы, к-н 58, погр. 25, Ишимбаевские курганы, к-н 2 (Южный Урал), могильник Новониколаевка (Поднепровье) (рис. 6: 35–37). В своей работе В.В. Мурашева приводит европейскую географию ремесленных наклеек с этим растительным сюжетом, приводя их аналогии с Кавказа, Венгрии и Воскресенского кладя (Мурашева, 2000, с. 37, рис. 44). В работе Т.Арне, на которую она ссылается, это местонахождение наклеек, отражающих данный стиль, существенно расширяется: Гнездов, Самарканд, Сибирь и Кубань (Арне Т., 1914, р. 135, fig. 176–179).

Наиболее ярко именно этот прием изображения цветка Древа жизни с заостренными вытянутыми и поднятыми вверх, загнутыми по краям и опускающимися книзу лепестками и листьями, ярко представлен в орнаментике предметов из комплексов периода Обретения Родины в Карпатской котловине. Вероятно в Карпатской котловине этот сюжет явился наиболее популярным и излюбленным изобразительным образом венгерских мастеров (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 80, 6; 114, 4; 128, 1; 133, 3; 178, 1; 183, 3; 199, 3; 217, 4; 307, 1; 342, 1; 389, 1; Dienes Istvan, 1972, fig. 3, 4, 7, 13, 22, 25, 25) (рис. 6: 38–45).

Крюковско-кужновская стилистическая группа. Еще одна группа, условно названная крюковско-кужновской по названию могильника, где предметы этого стиля были обнаружены впервые (Иванов, 1952, табл. XXVIII, 12; XXXIII, 4; XXXIV, 5, 15; Комар, 2018, с. 366, рис. 50, 55в). Оригинальный изобразительный

сюжет этого стиля состоит из двух цветков смоквы, обращенных с боков навстречу друг другу или одного (на щитках пряжек) цветка, имеющие длинные фигурные лепестки.

Фрагменты пояса с подобным украшением гарнитуры был найден в 11 кургане могильника Уелги (крайне восточное местонахождение), а также в 279 погребении Баяновского могильника (Пермский край), далее накладки этого типа картографируются собственно в Крюковско-Кужновском могильнике (Мордовия), в Поднепровье (курган у г. Слободзея) (Тельнов, 2018, с. 228, рис. 2), наконец, в Карпатской котловине (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 204; 238, 4) (рис. 7).

Карпатская стилистическая группа является наиболее известной. Наличие ее четко опредметилось с первых дней исследований могильника Уелги, когда серия круглых сферических накладок была обнаружена в подъемных сборах. Она представлена круглыми накладками-бляхами различного размера, имеющими сферическую в сечении форму. Изобразительный сюжет в обязательном порядке содержит в центре сферическое ядро, оформленное ободком или фигурным пояском, три или четыре лепестка сердцевидной или подтреугольной формы и характерный бордюр в виде чередующихся овалов и кругов. В ряде случаев внутри овалов вписан четырехлистник. Впоследствии вероятно происходит стилизация этого сюжета, которая заменяется трех или четырехлепестковыми формами, которые так ярко представлены в памятниках Венгрии Времен обретения Родины.

Именно эта стилистическая группа становится впоследствии наиболее маркерная для памятников Карпатской котловины (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 170, fig. 2; 213, 4, 5; 214, 7, 8; 235, 4, 5; 304, 2; 322, 2; 357, 3, 5, 6; 392, 1; 404, 2; 413, 2, 3; Reversz Laszlo, 1996, р. 229, nebla 7, 1–3, 5, 10–12; 241, 22, 7–17; 291, 69, 1–3, 5–9, 26, 27; 315, 92, 14–36; 318, 95, 1–26; 359, 136, 3; 356, 143; 384, 162, 1–3, 5–9, 13, 14; 385, 162, 14–37; 386, 163, 1–26, 29–40). Появление первых накладок этого стиля в материалах Уелгов первоначально создало определенную интригу для исследователей. Так как ранее подобные материалы не были обнаружены столь далеко на востоке. Появление их серии в материалах кургана 11 и комплексе Актюба, где разнообразные

Рис. 7. Крюковско-Кужновская стилистическая группа
Fig. 7. Kryukovo-Kuzhnovo stylistic group

накладки и бляхи карпатского стиля оказались в едином комплексе с поясным набором пряжек и сrostкинских накладок, а также других стилистических групп и линий, упомянутых выше (рис. 2; 8).

В это же число входят наконечники ремней подпрямоугольной формы со скругленным внешним краем. Они также содержат цветковый орнамент в виде отходящих от центральной сферы бутонов, либо переплетенных стеблей цветков (смоквы?).

Подобные концевые накладки с переплетенными стеблями были обнаружены в Карпатской котловине: Артанд-Надьфаркашдомб, п. 207 т Саконь-Кавичбанья, п. 7 (Horváth Ciprián, 2022, p. 127, fig. 73, 2).

Однако самое большое количество подобных накладок (4 ед.) встречены в комплексе из Зауралья Нижний Яр (Курганская область). Он был добыт в результате деятельности поисковиков и позднее в полном объеме оказался в частной коллекции¹. Этот комплекс конской узды и упряжи идентичен по набору из Актюба. В него входили серебряные налобники с фигурным и лепестковидным основанием, с навершием в виде рыбьего хвоста; 4 концевые серебряные с золотой плакировкой накладки с сюжетом переплетений стеблей и бутонов; 2 круглыми крупными и 21 мелкими серебряными с золотой плакировкой накладками, оформленными в виде округлых сферических, овальных или подква-

дратных выступов по краю, трех соцветий и переплетенных соплодий и стеблей смоквы; плоскими серебряными круглыми бляхами: 1 крупной, 2 средними и 12 мелкими; пряжками: подпружная серебряная с нанесенной золотой плакировкой цветка (трилистника) на носике и подобная трензельная мелкая; 2 небольшие концевые накладки, одна серебряная с золотой плакировкой и одна бронзовая, имеющие растительную орнаментацию (трилистник); остатки от удил, кольчатое грузило и декорированные обломки псалий (рис. 9).

Кроме уже упомянутых концевых накладок с переплетенными стеблями в этой коллекции особый интерес составляют круглые орнаментированные накладки с перекрестием стеблей, цветов (или плодов) смоквы. На наш взгляд в данном случае мы видим некий поиск новых изобразительных сюжетов карпатского стиля, который будет наиболее популярным впоследствии. В кургане 1 была также найдена накладка карпатского стиля, где четко прорабатываются стебли и цветки смоквы, как и на нижнеярских накладках.

Тюхтятская стилистическая группа. Если сrostкинская составляющая уже достаточно точно отслеживается в материалах Уелгинского комплекса, то более восточная – тюхтятская требует своего особого осмысления.

В 1987 году на юге Челябинской области в долине р. Большая Караганка (левый берег р.

Рис. 8. Погребальный комплекс Уелги, курган 11, насыпь.
Fig. 8. Uelgi burial assemblage, barrow 11, mound.

Урал) были исследованы своеобразные памятники, в которых на подкурганых площадках вместе с продуктами горения были обнаружены своеобразные керамические сосуды: высокие банки и кувшинообразные сосуды (вазы) с плавной профилировкой. Когда количество подобных памятников достигло 15 единиц стало очевидно, что мы имеем дело с особыми археологическими объектами, которые впоследствии были отнесены автором к памятникам «селенташского» типа (Боталов, 1996, с. 148–158).

При личной встрече Л.Р. Кызласов после ознакомления с материалами данного типа памятников предложил отнести их к комплексам, которые связаны с объектами средневекового хакасского населения тюхтятской культуры на территории Южного Зауралья.

С открытием могильника Уелги тюхтятская повестка получила свое особое значение. В коллекции поверхностных сборов и раскопов появились вещи (тройники с растительным орнаментом, прямоугольные накладки с растительным орнаментом, ажурные застёжки с фигурным носиком-выступом, наконеч-

ники ножен, сердцевидные бляхи с умбоном по центру) (рис. 10: 1–12).

Чуть позже появились ажурные подвески и арочные наконечники ремня с трилистником, связующим элементом в основании, а также концевые накладки с парными цветами смоквы.

В 2017 году в археологическую лабораторию ЮУрГУ² поступила интересная коллекция случайных находок у с. Дубровное, Ярковского района Тюменской области. Она состоит из четырех бронзовых предметов: накладки-застёжки (игольница), цельнолитой пряжки, Т-образной накладки-тройника и фигурной накладки с ушком (с остатками золотой плакировки), а также прямоугольной накладки из желтой бронзы. Это оказался характерный комплекс тюхтятской гарнитуры (Король, Конькова, 2007, рис. 1, 2, 3). Подобные вещи были найдены на раскопках городища Красная Речка (Семиречье) (Торгоев, 2003, с. 287, рис. 19, 24, 29, 30, 31; 2013, с. 389, 390, илл. 6. 1–7; 10, 12, 18, 19). Это цельнолитая пряжка с растительным орнаментом, подквадратная орнаментированная пряжка с прямо-

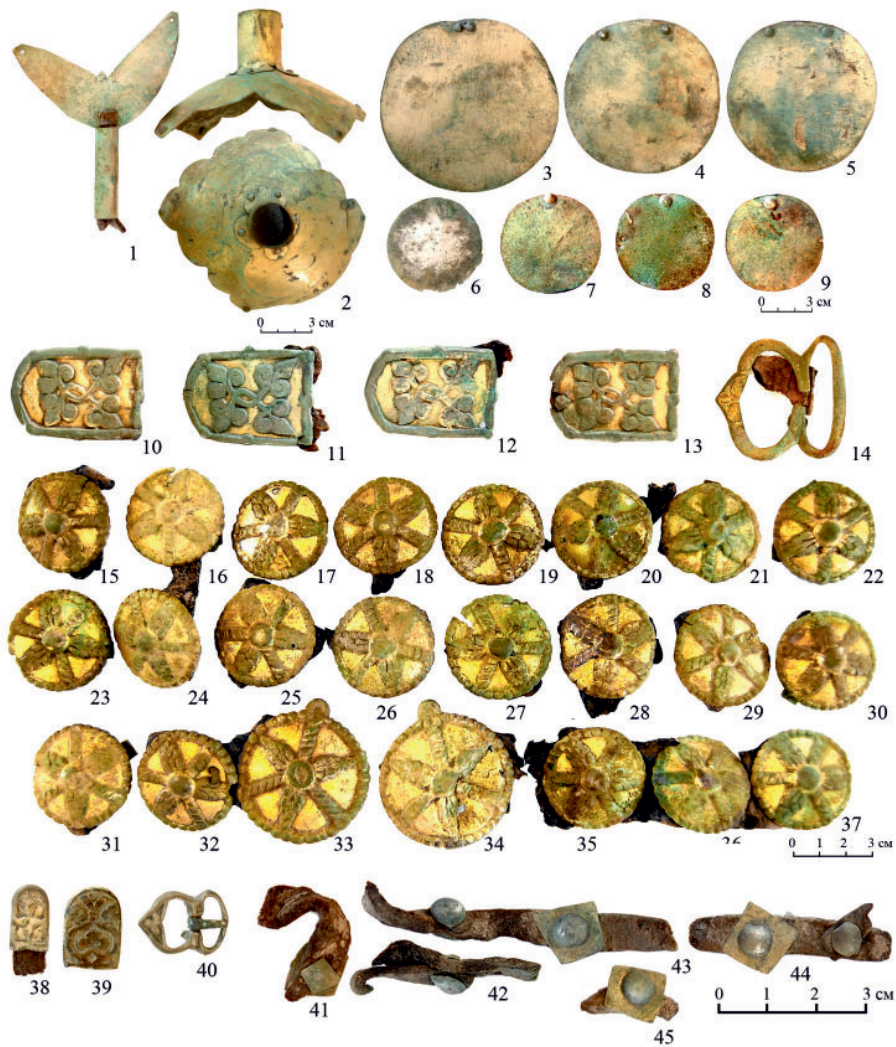

Рис. 9. Нижний Яр
Fig. 9. Nizhny Yar

угольной прорезью в нижней части, схожая с серией накладок с мотивом виноградной грозди (Король, Конькова, 2007, с. 145–156), накладка с ушком в нижней части, накладка в виде трехрогой лунницы, а также концевая накладка с растительной Н-образной орнаментацией, привязанной к округлому центральному ядру, оформленной растительными стеблями, а также концевые ременные накладки с характерными сюжетами растительного орнамента, расположенного ярусами по краям и по центру (рис. 10).

Появление новых стилистических традиций и линий, которые в основе своей несут манихейские символы, происходит непосредственно в южноуральской среде. Вероятнее всего здесь сказалось влияние Семиреченских столиц тюркских средневековых империй: Суяб, Мин-Булак, Баласагун и Невакет

(Красная Речка), где, как известно, находились многочисленные манихейские, несторианские и буддийские монастыри и храмы (Кызласов, 2006).

Возможно эти два культурно-идеологических вектора воздействия: восточный – Саяно-Алтайский и южный – Семиреченский имели решающее значение в сложении на Южном Урале новых особых и разнообразных стилистических групп: манихейская (несторианско-буддийская), синеглазовская, крюковско-кужновская, как составляющие мадьярской – карпатской, которая впоследствии и составила культурное своеобразие населения периода Обретения Родины в Карпатской котловине. В этой связи, вероятно сегодня нет смысла утверждать о некой «культурной утрате», которую понесли уральские мигранты по пути на новую Родину (Комар, 2018). По

Рис. 10. Тюхтятская стилистическая группа
Fig. 10. Tyukhtyaty stylistic group

всей видимости, они привнесли в Карпатскую котловину не только свое сложившееся культурное своеобразие, но и особую идеологию, которая отличала их (по крайней мере, элиту этого объединения) особым образом. Думается, что переселенцы не были в привычном

смысле просто шаманистами и язычниками, а представляли собой носителей своеобразной идеолого-религиозной доктрины. Однако этот вопрос требует своего отдельного углубленного исследования.

Примечания:

¹ К сожалению, местонахождение данной коллекции сегодня неизвестно.

² Благодарю коллегу А.Д. Таирова за предоставление в мое распоряжение уникальной находки.

ЛИТЕРАТУРА

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 81–93.

Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 148–158.

Боталов С.Г. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 3–34.

Боталов С.Г. Культурно-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) // *Stratum Plus*. 2022. № 5. С. 45–64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Боталов С.Г., Байоглу А. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 98–103.

Боталов С.Г., Грудочко И.В. Новые материалы по культуругенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // *Археологія і давня історія України*. Вып. 7 / Гл. ред. Д.Н. Козак. Київ: вид. ІА НАНУБ ЦП НАНУ і УТОПИК, ЦОДПА, 2011. С. 79–99.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Актюба – новый мадьярский комплекс в Южном Зауралье // *Труды КАЭЭ*. 2021. № 19. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90>

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. Доступно по URL: <http://www.vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (дата обращения: 22.03.2023).

Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск, Шадринск, 13–15 августа, 2013 г.) / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–138.

Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря. Вып. 6 / Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Киев: Фототипия и тип. С.В. Кульженко, 1907. 44 с.

Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века // *Известия МОН РК, НАН РК, Сер. общ.* 2002. № 1. С. 299–302.

Зеленцова О.В. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов правобережья Волги // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10) / Ред. Türk Attila, Александр С. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Társaság, 2018. С. 279–301.

Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Саприкина И.А. Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы // *РА*. 2012. № 2. С. 42–51.

Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Türcologica*. К 80-летию академика А.Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный и др. Л.: Наука, 1986. С. 153–164.

Кляшторный С.Г., Плоских В.М., Мокрынин В.П. Раннее Христианство и тюркский мир Центральной Азии. Часть 1, 2 // *История Кыргызстана и кыргызов* Доступно по URL: <http://kghistory.akipress.org/find:%D0%A1.%D0%93.%D0%9A.%D0%BB%D1%8F%D1%88%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%20%D0%92.%D0%9C.%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%92.%D0%9F.%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BD/author>. (дата обращения 15.03.2013).

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKEBTK Régészettudományi Intézet; MTA BTK Magyar Östörténeti Társaság, 2018. 426 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия X–XIII вв. // *Археологические вести*. 2007. № 14. С. 146–156.

Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.). М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2006. № 2. С. 138–150.

Кюннер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 351 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-е краеведч. музея, 1952. 232 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюрок племен Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 140 с.

Подосенова Ю.А. «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6-10 июля 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10) / Ред. Türk Attila – Александр С. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadó – РРКЕ ВТК Régészettudományi Intézet – МТА ВТК Magyar Őstörténeti Társaság, 2018. С. 121–136.

Рогожинский А.Е., Железняков Б.А. Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии // Отан тарихы. 2019. № 3 (87). С. 167–183.

Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Бишкек: Илим, 2005. С. 44–51.

Рябцева С.С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях IX–X вв. // Revista Arheologica. 2007. Vol. III, nr. 1–2. С. 195–230.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков по археологическим данным // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 94–104.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. // Тюркологический сборник. 1975 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 209–225.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1979. С. 53–72.

Стоколос В.С. Курган на озере Синеглазово // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1962. С. 163–168.

Тельнов Н.П. Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 223–228.

Торгоев А.И. О хронологии наременных украшений Семиречья // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2 / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб: ГЭ, 2003. С. 285–289.

Торгоев А.И. Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 1–4 декабря, 2004) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб: СПбГУ, 2004. С. 338–341.

Торгоев А.И. Украшения караханидов (к постановке проблемы) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Труды ГЭ. Т. 62 / Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. СПб.: ГЭ, 2013. С. 376–401.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.) / История Южного Урала. Т. 5 / сост. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 392 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: ФЭН, 2018. 144 с.

Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребения Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 144–153.

A honfoglaló magyarság: kiállítási katalógus / Fodor István (Szerk.). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. 477 ol.

Arne T. La Suède et l'orient études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 240 p.

Dienes Istvan. A Honfoglaló Magyarok. Budapest: Corvina, 1972. 135 p.

Erwin Gáll, Gergely Szenthe. The problem of “structural integration”. A case study of the 9th–10th century burials (graves 49 and 50) at Hortobágy – Arkus // Materiale și cercetări arheologice (serie nouă). 2020. XVI. P. 181–197. <https://doi.org/10.3406/mcarh.2020.2134>

Heikel A. Antiquites de la Sibirie Occidentale. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1894. 206 p.

Horváth Ciprián. Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I. Budapest: Magyarországi Kutató Intézet, 2022. 220 p.

Klíma László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренковской и ломоватовской культур) // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 136–149.

Mesterházy Károly. Pántkarperecek a magyar honfoglalás korából // A Kaposvári Rippl-Rónai Múzeum Közleményei (6.). 2018. Pp. 187–230. DOI: 10.26080/krrmkozl.2018.6.187

Révész L. A karosi Honfoglalás kori temetők: Regeszeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez. – Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. 500 ol.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

REFERENCES

Akhinzhanov, S. M. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 81–93 (in Russian).

Botalov, S. G. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: “Kamennyi poia” Publ., 148–158 (in Russian).

Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 3–34 (in Russian)

Botalov, S. G. 2022. In *Stratum Plus* (5), 45–64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564> (In Russian)

Botalov, S. G., Bayoglu, A. 2017. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 4, 98–103. (In Russian)

Botalov, S. G., Grudochko, I. V. 2011. In Kozak, D. N. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini (Archaeological Researches in Ukraine)* 7 Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 79–99 (in Russian).

Botalov, S. G., Tairov, A. D., Grudochko, I. V., Gazizova, S. R., Parunin, A. V. 2021. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 19, 84–90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90> (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grigoriev, F. P., Zheleznyakov, B. A. *Nefritovaya podveska s krestom iz Chuyskoy doliny (Nephrite pendant with a cross from the Chui Valley)* Available at: <http://www.vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (accessed 22.03.2023) (in Russian).

Grudochko, I. V., Botalov, S. G. 2013. In Boalov, S. G., Ivanov, N. O. (eds.). *II-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium (Chelyabinsk, Shadrinsk, 13–15 avgusta, 2013 g.) (II International Magyar Symposium (Chelyabinsk, Shchadrinsk, August 13–15, 2013))*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ, 110–138 (in Russian).

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. (comp.). 1907. In *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo moray (Antiquities of the Dnieper region and the Black Sea coast)* 6. Kiev: Phototype and typ. S. V. Kulzhenko (in Russian).

Zheleznyakov, B. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 236 (1), 299–302 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2018. In Türk Attila, Zelenkov, A. S. (eds.). *III-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium. Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g. (III International Magyar Symposium. Budapest, June 6–10, 2016)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsop, 279–301 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Mitoyan, R. A., Saprikina, I. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 42–51 (in Russian)

Kliashturnyi, S. G. 1986. In Kliashturnyi, S. G. et al. (eds.). *Türcologica. K 80-letiyu akademika A.N. Kononova (Türcologica. To the 80th anniversary of academician A.N. Kononov)*. Leningrad: “Nauka” Publ, 153–164 (in Russian).

Kliashturnyi, S. G., Ploskih, V. M., Mokrynin, V. P. 2013. In *Istoriya Kyrgyzstana i kyrgyzov (History of Kyrgyzstan and the Kyrgyz)*. Available at: <http://kghistory.akipress.org/find:%D0%A1.%D0%93.%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D1%88%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%20%D0%92.%D0%9C.%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%92.%D0%9F.%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BD/author>. (accessed 15.03.2013) (in Russian).

Komar, A. V. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and Archaeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKEBTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörtöneti Témacsoprt (in Russian).

Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Oчерki (Art of medieval nomads of Eurasia. Essays)*. Moscow; Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).

Korol, G. G., Konkova, L. V. 2007. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 14, 146–156 (in Russian).

Korol, G. G., Naumova, O. B. 2017. *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.). (Metal art pieces of nomads (Central Asia at the turn of the I–II millennium))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 2006. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VIII. Istoriya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria VIII. History)* (2), 138–150 (in Russian).

Kyuner, N. V., 1961. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka (Chinese information about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Kriukovsko-Kuzhnovskii mogil'nik. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P.P Ivanova (Materials on History of the Mordva of 8th – 11th Centuries. Kryukovo-Kuzhnovskii Burial Ground. P. P. Ivanov's Journal of Archaeological Excavations)*. Morshansk: Museum of Local Lore (in Russian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.) (Early Russian Built-up Belt Decoration (10th–13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

Nesterov, S. P. 1990. *Kon' v kul'takh tyurok plemen Tsentral'noy Azii (Horse in the cults of the Turkic tribes of Central Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2018. In Türk Attila, Zelenkov, A. S. (eds.). *III-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium. Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g. (III International Magyar Symposium. Budapest, June 6–10, 2016)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörtöneti Témacsop, 121–136 (in Russian).

Rogozhinsky, A. E., Zheleznyakov, B. A. 2019. In *Otan tarixi (History of the Homeland)* 3, 167–183 (in Russian).

Rott, F. G. 2005. In Kolchenko, V. A., Rott, F. G. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana (Materials and research on the archaeology of Kyrgyzstan)* 1. Bishkek: “Ilim” Publ., 44–51 (in Russian).

Ryabceva, S. S., Rabinovich, R. 2007. In *Revista Apheologica*. Vol. III, nr. 1–2, 195–230 (in Russian).

Savinov, D. G. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 94–104 (in Russian).

Savinov, D. G. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1975: (Collected Papers on Turkic Studies 1975)*. Moscow: “Nauka” Publ., 209–225 (in Russian).

Savinov, D. G. 1979. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri (History, archaeology and ethnography of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State Univesity, 53–72 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 163–168 (in Russian).

Telnov, N. P. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 223–228 (in Russian)

Torgoev, A. I. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 285–289 (in Russian).

Torgoev, A. I. 2004. In Savinov, D. G. (ed.). *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii (Pictorial monuments: style, era, compositions)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 338–341 (in Russian)

Torgoev, A. I. 2013. In Lurje, P.B., Torgoev, A. I. (eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii «Sogdiitsy doma i na chuzhbine», posvyashchennoi pamyati B.I. Marshaka (1933–2006) (Sogdians, Their Precursors, Contemporaries and Heirs Based on proceedings of conference “Sogdians at Home and Abroad” held in memory of Boris Il'ich Marshak (1933–2006))*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 62. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 376–401 (in Russian).

Botalov, S. G. (comp.). 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX– nachalo XV v.) (At the origins of the South Ural peoples. The Southern Ural in the era of the Golden Horde (IX– early XV century))*. Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik) (Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshe-Tigansky burial mound))*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 25. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1983. In *Plastika i risunki drevnikh kul'tur (Plastics and drawings of ancient cultures)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 144–153 (in Russian).

Fodor István. (Szerk.). 1996. *A honfoglaló magyarság: kiállítás katalógus*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Arne, T. 1914. *La Suède et l'orient études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings*. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri.

Dienes Istvan. 1972. *A Honfoglaló Magyarox*. Budapest: Corvina.

Erwin Gáll, Gergely Szenthe. 2020. In *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*. XVI. P. 181–197. <https://doi.org/10.3406/mcarh.2020.2134>

Heikel, A. 1894. *Antiquités de la Sibirie Occidentale*. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise.

Horváth Ciprián. 2022. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványtelepek a Nyugat-Dunántúlon I*. Budapest: Magyarországi Intézet.

Klima László. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 136–149 (in English).

Mesterházy Károly. 2018. *Pántkarperecek a magyar honfoglalás korából*. In *A Kaposvári Rippl-Rónai Múzeum Közleményei* (6.). P. 187–230. DOI: 10.26080/krrmkozl.2018.6.187

Révész, L. 1996. *A karosi Honfoglalás kori temetők: Regeszeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum.

About the Author:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.290.295>

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАШЬЯЛУДСКОГО КЛАДА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ

© 2024 г. А.В. Егоров

Данная статья посвящена истории обнаружения и дальнейшего изучения найденного в 1888 г. местными крестьянами на берегу р. Лекмы клада, состоящего из 242 золотоордынских монет и 4 «татарских» браслетов, в последствии датированного первой половиной XV в. Представлен подробный обзор упоминаний и истории изучения Ташьялудского клада золотоордынских монет и браслетов, начиная с дореволюционного периода (архивные документы Вятского губернского статистического комитета) и заканчивая современными обобщающими работами (Г.А. Федоров-Давыдов, Е.Ю. Мокерова и проч.). Отдельно рассмотрены: хронология клада и ее связь с масштабными историческими событиями в регионе, возможные причины его тезаврации, историческая топография места обнаружения и связь с ближайшими археологическими памятниками современного Ярского района Республики Удмуртия. Сделано предположение о связи клада с болгаро-татарским населением, переселившимся в бассейн р. Чепцы в период кардинальных изменений в Волго-Камском регионе, вызванных распадом Золотой Орды.

Ключевые слова: Вятская губерния, Республика Удмуртия, р. Лекма, Ташьялудский клад, Золотая Орда, джучидские монеты, Старозыанкинское поселение, Ташьялудское поселение, эпоха Средневековья.

HISTORY OF THE STUDY OF THE TASHYALUD HOARD OF GOLDEN HORDE COINS

A.V. Egorov

This article is dedicated to the history of the discovery and further study of a hoard found in 1888 by local peasants on the banks of the Lekma River, consisting of 242 Golden Horde coins and 4 «Tatar» bracelets, later dated to the first half of the XV century. A detailed review of the references and history of the study of the Tashyalud hoard of Golden Horde coins and bracelets, starting from the pre-revolutionary period (archival documents of the Vyatka Provincial Statistical Committee) and ending with modern generalizing works (G.A. Fedorov-Davydov, E.Y. Mokerova, etc.) is presented. The chronology of the hoard and its connection with large-scale historical events in the region, possible reasons for its thesaurus, the historical topography of the discovery site and the link with the nearest archaeological sites of the contemporary Yar district of Udmurtia are considered separately. An assumption has been made about the connection of the hoard with the Bolgar-Tatar population that moved to the Cheptsya River basin during the period of cardinal changes in the Volga-Kama region caused by the dissolution of the Golden Horde.

Keywords: Vyatka province, Republic of Udmurtia, Lekma river, Tashyalud hoard, Golden Horde, Jochid coins, Staroye Zyankino settlement, Tashyalud settlement, Middle Ages.

Клады и отдельные находки золотоордынских монет известны на широкой территории Вятского края начиная с дореволюционного времени. Большая часть из них была опубликована в виде многочисленных обобщающих статей (Мокерова, 1995, с. 34-63; Федоров-Давыдов, 1960, с. 94-193 и др.) и публикаций отдельных находок с раскопок различных памятников (Никульчинское и Ковровское городища (Макаров, 2012, с. 511)), некоторые (например, Лопаревский (Хан, 2002, с. 155-162) и Уржумский (Мокерова, 2009, с. 73-75) клад) стали объектом отдельных статей и исследований. В этой связи пред-

ставляется интересным обратиться к истории изучения, хронологии и возможным причинам тезаврации Ташьялудского клада, найденного на территории бывш. д. Ташьялуд бывш. Глазовского уезда Вятской губернии (ныне - Ярский район Республики Удмуртия) (рис. 1).

Бывш. д. Ташьялуд (варианты названия – Тяготлуд, Чурина Мельница) расположена в современном Ярском районе Удмуртской республики, на обоих берегах р. Чуры, к юго-востоку от с. Укан. По письменным источникам деревня известна с XIX в. как починок Ташьялудский «при рч. Чуре», расположенный «по левую сторону Нолинской

торговой дороги (отделяющейся от Вятско-Пермского почтового тракта) до рч. Суны». На момент описания починка в нем насчитывалось 4 двора, в которых проживало 69 жителей (Вятская губерния..., 1876, с. 110). У этого починка, согласно рапорту Глазовского уездного исправника на имя Вятского губернатора, в ночь на 28 сентября 1888 г. крестьянин Г.Я. Веретенников со своим младшим братом Федором ходили по берегу р. Лекмы для рыбной ловли с фонарем. Недалеко от воды Федор Веретенников наступил на какой-то предмет, издавший брэнчащий звук. Этим предметом оказалась баночка, сделанная из воска и в ней 152 монеты. На другой день, на том же месте Григорий Веретенников нашел еще 90 штук аналогичных монет и четыре металлических браслета. Все эти находки крестьянин предоставил приставу второго стана, который, в свою очередь, сообщил о них Глазовскому уездному исправнику. Далее 242 серебряные монеты (в рапорте исправника определены как «монгольские»), 4 браслета и восковая баночка были пересланы в г. Вятку (ЦГАКО, л. 6-7). Крестьяне Веретенниковы «заявили желание получить вознаграждение за находку по ее стоимости». Императорская археологическая комиссия оценила находку в 20 рублей, которые были направлены исправнику для выдачи крестьянам (ЦГАКО, л. 9-10).

В том же 1888 г. археолог А.А. Спицын на страницах газеты «Вятские губернские ведомости» пересказал историю обнаружения клада и впервые дал его описание. Найденные монеты исследователь определил как «золотоордынские или, в лучшем случае, болгарские; по клеймам на некоторых из них можно разобрать, что они относятся к 617 или 716 г., т.е. к началу XIII или XIV вв.» (Спицын, 1888, с. 3). Восковой сосуд, в котором были найдены монеты, «не больше вершка в диаметре ... имеет круглое дно и формою очень походит на горшки, находимые при раскопках вотских городищ». Четыре найденных в кладе браслета были определены как «узорчатые татарские печкезы (браслеты)» (Спицын, 1888, с. 3). Позже, в обобщающей работе по вятским древностям «Приуральский край», А.А. Спицын указал, что монеты, попав в Императорскую археологическую комиссию, были определены как золотоордынские, относящиеся к XIV в. (Спицын, 1893, с. 81).

В последствии, 81 монета клада была отобрана и определена В.Г. Тизенгаузенем следующим образом: Шадибек, Сарай, 806 г.х. – 1 экз.; Булгар, 804 г.х. – 1; 805 г.х. – 6; 807 г.х. – 6; год? – 11; Шадибек и Пулад, Сарай, год? – 3; Пулад, Орда, 812 г.х. – 1; 816? г.х. – 4; Булгар 810 г.х. – 2; 820? Г.х. – 2; Булгар ал-Джедид год? – 2; Булгар год? – 23; Булгар ал-Джедид год? – 7; Мухаммед, город и год? – 2; стертые – 6 (Мокерова, 1995, с. 50, № 18). Остальные монеты были отправлены в переплавку как нечитаемые. Сам же клад, как видно из определения монет, можно отнести к XV в.

В 1931 г. Ташьялудский клад был упомянут А.П. Смирновым в статье посвященной чепецким городищам. Клад, и в особенности сосуд (аналогичный сосудам с городищ), в котором он был найден, были отмечены исследователем в контексте датировки средневековых памятников в бассейне р. Чепцы (Смирнов, 1931, с. 65).

Краткие упоминания о кладе содержатся в работах М.В. Талицкого (Талицкий, 1951, с. 96), И.А. Талицкой (Талицкая, 1952, с. 35), В.Ф. Генинга (Генинг, 1958, № 69), М.Г. Ивановой (Иванова, 1979, с. 124, № 2). В статье Г.А. Федорова-Давыдова, обобщающей многочисленные находки кладов джучидских монет на широкой территории СССР, Ташьялудский клад указан дважды – под номером 202 (с неточным названием места обнаружения – Починок Татъяльский) и под № 290. Вариант под № 202 отнесен к XV в., а № 290 указан как клад, время которого не определено (Федоров-Давыдов, 1960, с. 170, № 202, с. 183, № 290). В 1995 г. клад у Починка Ташьялудского подробно описан в статье Е.Ю. Мокеровой: приведено описание найденных в нем монет (по В.Г. Тизенгаузену), а сам клад датирован XV в. (Мокерова, 1995, с. 50, № 18). Ташьялудский клад упомянут в коллективной работе «Археологическая карта северных районов Удмуртии». Приведена подробная библиография статей по кладу, браслеты описаны как «пластинчатые, с продольными вилками и орнаментированными концами» (Иванов, Иванова, Останина..., 2004, с. 212, № 277).

Учитывая, что часть атрибутированных монет выпущена при Шадибек-хане (1399-1407 гг.), Пуладе (1407-1410 гг.) и Улу-Мухаммеде (1419-1423 гг.), можно предположить, что тезаврация данного клада произошла в первой половине XV в. (не ранее 20-х гг.

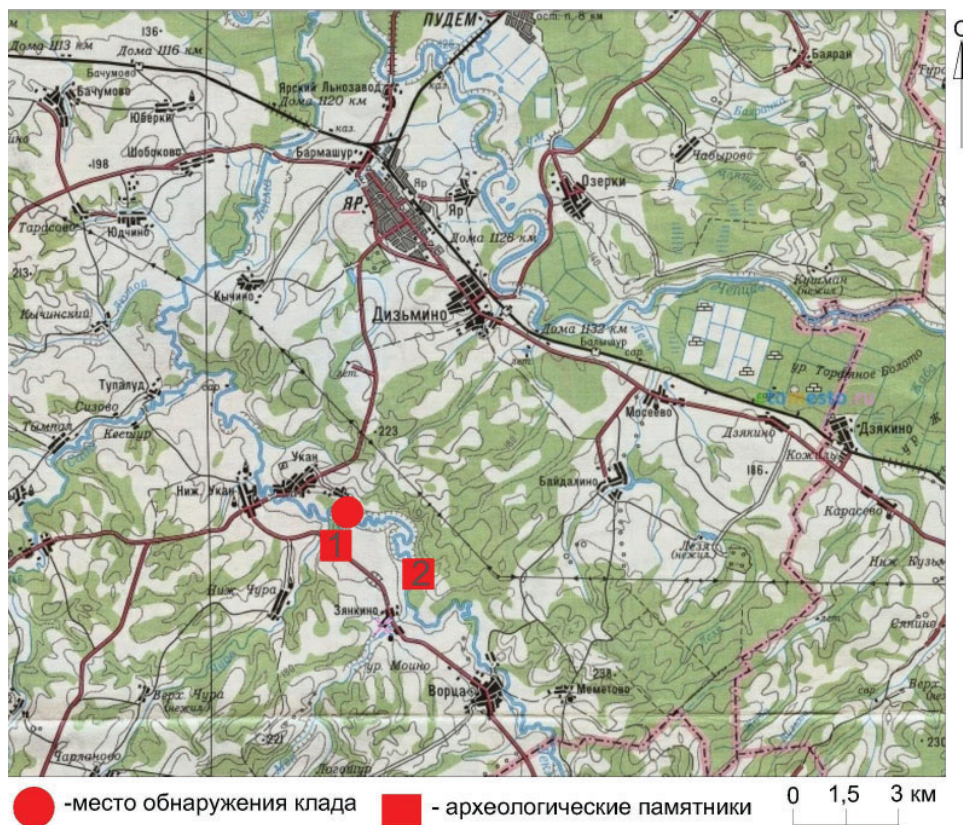

Рис. 1. Топографическая карта части Ярского района Республики Удмуртия:
1 – Ташьялудское поселение, 2 – Старозянкинское поселение.

Fig. 1. Topographic map of a part of the Yar district, Udmurtia:
1 – Tashyalud settlement, 2 – Staroye Zyankino settlement.

XV в., беря во внимание наличие двух самых поздних монет эпохи Улу-Мухаммеда). Данный исторический период является переломным в судьбе Золотой Орды - начинается постепенный распад этого государства на многочисленные независимые ханства. Именно в первой половине XV в. от Золотой Орды отделяются Крым и Булгария, наиболее богатые и культурные области, в самом государстве начинаются «годы смуты и политической анархии, почти хаоса» (Греков, Якубовский, 1950, с. 406-407). Все эти неблагоприятные события, усиленные многочисленными эпидемиями, безусловно сказались и на населении широкой территории Волго-Камского региона.

В этой связи интересно рассмотреть Ташьялудский клад не только как маркер торговых контактов и вовлеченности населения региона в систему экономики улуса Джучи, но и как свидетельство присутствия болгаро-татарского населения, переселившегося в бассейн р. Чепцы. А.П. Смирнов отмечал, что болгарские князья, еще в период расцвета Золотой Орды,

пользуясь покровительством золотоордынских ханов, начали расширять свою территорию и в XIV в. появились на р. Чепце. Маркерами данного проникновения исследователь считал некоторые могильники (Бигер-Шаи) и болгарские надмогильные плиты с эпитафиями (Смирнов, 1951, с. 54-55). В этот же ряд можно отнести и клады золотоордынских монет данного периода. Так, Е.Ю. Мокерова, рассматривая клады золотоордынских монет в Вятском крае, относит их к свидетельствам пребывания болгаро-татар в регионе (Мокерова, 1995, с. 37). П.Н. Петров, рассматривая клады джучидских монет на территории Нижегородской области, связывает их появление как с деятельностью восточных купцов, так и с эпидемиями чумы в Нижнем и Среднем Поволжье, повлиявшими на увеличение потока переселенцев из этих регионов (Петров, 2017, с. 279). В данном контексте интересно рассмотреть археологическую карту памятников современного Ярского района Удмуртии (рис. 1). Рядом с бывш. починком Ташьялуд, около которого был найден клад, известно

Ташьялудское поселение, в материалах которого исследователи выделяют группу гончарных сосудов светло-коричневого, охрового цвета, с хорошо отмученным песком в тесте. Подобные сосуды имеют ближайшие аналогии среди общебулгарской посуды Казанского ханства (Иванов, Иванова, Останина..., 2004, с. 204, № 254). К юго-востоку от места обнаружения клада расположено Старозянкинское поселение, среди материалов которого известна гончарная керамика красно-охрового цвета, предположительно выполненная в болгаро-татарской традиции (Иванов, Иванова, Останина..., 2004, с. 204, № 253). Данные поселения, хотя и датированы широким периодом XVII–XIX вв., могут содержать и более ранние слои. Наличие же среди их материалов болгаро-татарской керамики может указывать на присутствие болгаро-татарского населения, которое могло оставить после

себя и Ташьялудский клад. Их появление на территории современного Ярского района можно связать с массовым оттоком населения с территории Волжской Булгарии, начавшимся еще во второй половине XIV в. (Алишев, 2009, с. 92-93), в годы т.н. «великой замятни» (междоусобицы), и, вероятно, достигшем пика в годы окончательного распада Золотой Орды в XV в. В этих же эпохальных событиях второй половины XIV - первой половины XV вв. – вынужденных миграциях населения, распаде государств, междоусобицах, угасании торговли – уместно искать и причины тезаврации Ташьялудского клада. Вероятно, пришлое население не ощущало себя в безопасности на новом месте проживания и, учитывая общую неблагоприятную экономическую обстановку в регионе, решило отложить накопленные монеты и украшения оставив данный клад.

Благодарности:

Автор выражает благодарность сотруднику отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ А.И. Бугарчеву за идею написания данной статьи и консультации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алишев С.Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII-XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 159 с.
- Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. 192 с.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 479 с.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванова М.Г.* Памятники чепецкой культуры (материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1979. С. 115–149.
- Макаров Л.Д.* Хронология древностей Вятской земли XII-XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 494–542.
- Мокерова Е.Ю.* Клады и находки монет VIII–XVII вв. на территории Вятского края (хронология и топография) // Монета / Отв. ред. А.В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 34–63.
- Мокерова Е.Ю.* Клад золотоордынских монет XIV века из Уржумского района Кировской области // Музеи - хранители культурного наследия / Отв. ред. С. В. Ельцин. Киров: О-Краткое, 2009. С. 73–75.
- Петров П.Н.* Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 275–282.
- Смирнов А.П.* Финские феодальные города // На удмуртские темы. Вып. II. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1931. С. 36–75.
- Смирнов А.П.* Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 295 с.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. - 1861-1885. Вып. 10. Вятская губерния/ Список населенных мест по сведениям по сведениям 1859–1873 годов / обраб. ред. Е. Огородниковым ; СПб. : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1876. 993 с.
- Спицын А.* Археологические находки // ВГВ. 1888. № 100. С. 3.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1 / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Э. Лиснера, Ю. Романа, 1893. 192 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 226 с.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X XI вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Хан Н.А. Лопаревский клад золотоордынских монет и денежных слитков XIV в. // РА. 2002. № 1. С. 155–162.

ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1158.

Информация об авторах:

Егоров Андрей Владимирович, Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров, Россия); general882007@yandex.ru

REFERENCES

Alishev, S. Kh. 2009. *Bolgaro-kazanskie i zolotoordynskie otnosheniya v XIII-XVI vv. (Bolgar-Kazan and Golden Horde relations in the XIII-XVI centuries)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtknigoizdat" Publ. (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. *Yu Zolotaya Orda i ee padenie (The Golden Horde and its fall)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Ivanov, A. G., Ivanova, M. G., Ostanina, T. I., Shutova, N. I. 2004. *Arkheologicheskaya karta severnykh rayonov Udmurtii (Archaeological map of the northern regions of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ. (in Russian).

Ivanova, M. G. 1979. In *Severnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n. e. (Northern Udmurts at the Beginning of the 2nd Millennium AD)*. Izhevsk: Research institute of the Council of Ministers of the Udmurt SSR Publ., 115–149 (in Russian).

Makarov, L. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaya atributsiya (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 494–542 (in Russian).

Mokerova, E. Yu. 1995. In Bykov, A. V. (ed.). *Moneta (Coin)*. Vologda: "Ardivisura" Publ., 1995, 34–63 (in Russian).

Mokerova, E. Yu. 2009. In Elshchin, S. V. (ed.). *Muzei - khraniteli kul'turnogo naslediya (Museums - keepers of cultural heritage)*. Киров: "O-Kratkoe" Publ., 73–75 (in Russian).

Petrov, P. N. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 275–282 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1931. In *Na udmurtskie temy (On Udmurt themes)* 2. Moscow: Center publishing house of the peoples of the USSR, 36–75 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Ogorodnikov, E. (ed.). 1876. *Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. Sankt-Peterburg: Tsentr. stat. kom. Min. vnutr. del, 1861–1885 (Lists of Localities of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistic Committee of the Ministry of Interiors. Saint Petersburg: Central Statistic Committee. Ministry of Interiors, 1861–1885)*. Issue X. *Vyatskaya guberniia. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859–1873 godov (Vyatka Province. List of Localities by the Data from 1859–1873)*. Saint Petersburg (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1888. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 100, 3 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1893. *Priural'skiy kray. Arkheologicheskie razyskaniya o drevneyshikh obitatel'nykh Vyatskoy gubernii* (*The Ural region. Archaeological research on the ancient inhabitants of the Vyatka province*). Series: *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii* (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates) 1. Moscow: "Tipografiya E. Lissnera, Yu. Romana" Publ. (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1952. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim)* (*Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M.V. Talitsky)*). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia* (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) Vol. IV. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Talitsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia* (*Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area*) III. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 33–96 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika* (*Numismatics and Epigraphy*) I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Khan, N. A. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (*Russian Archaeology*). (1), 155–162 (in Russian).

Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti (*The Central State Archive of the Kirov region*) Fund 574, Inv. Op. 1, dossier 1158.

About the Author:

Egorov Andrey V. Research and Production Center for the Protection of the objects of cultural heritage of the Kirov Region. Karl Liebknecht St., Kirov, 610019, Russian Federation; general882007@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 904:59(470.57)"653/654"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.296.304>

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ ПОТАПОВЫ ЛУЖКИ III (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ): ПО РЕЗУЛЬТАТОМ РАБОТ 2020–2021 ГОДОВ

©2024 г. М.М. Девяшин, А.В. Кисагулов, Е.А. Богайчук, А.А. Идимешев

Проанализированы остеологические остатки с поселения самусьской культуры Потаповы Лужки III, расположенного в черте г. Томска на правобережной надпойменной террасе р. Томи. Всего остеологическая коллекция насчитывает 1674 кости, подавляющее большинство которых принадлежит млекопитающим и рыбам. Кости птиц единичны. Показано, что основу хозяйства жителей поселения составляла охота и рыбная ловля. Вылов рыбы производился орудиями массового лова, в которые попадает добыча разной видовой принадлежности и размера. Охота осуществлялась в основном на бобра и в несколько меньшей степени – лося. Добыча остальных видов не была основной. Домашние животные представлены в основном собакой. Кости крупного рогатого скота и лошади единичны и могут представлять из себя позднее загрязнение. Эта картина отличается от описанной ранее на поселении той же культуры Крохалевка 1, где кости домашнего скота по своему количеству были сопоставимы с костями диких видов, а среди последних преобладал лось. Однако, поселение Крохалевка 1 находится значительно южнее и отражает более поздний этап развития самусьской культуры.

Ключевые слова: Томское Приобье, археозоология, самусьская культура, бронзовый век

ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS OF THE POTAPOVY LUZHKI III SETTLEMENT (TOMSK OB REGION): RESULTS OF WORK IN 2020–2021

M.M. Devyashin, A.V. Kisagulov, E.A. Bogaychuk, A.A. Idimeshev

The osteological remains from the Samus culture settlement of Potapov Luzhki III, located within the city of Tomsk on the right-bank floodplain terrace, are analyzed. In total, the osteological collection includes 1,674 bones, the vast majority of which belong to mammals and fish. Bird bones are rare. This fact demonstrates that the basis of life of the settlement inhabitants was hunting and fishing. The fish of different species and size was caught using mass fishing tackle. Hunting was mainly of beaver and, to a slightly lesser extent, elk. The prey of other species was not the main one. Domestic animals are represented mainly by dogs. Cattle and horse bones are rare and may represent late contamination. This picture differs from the one described earlier at the same culture settlement of Krokhalievka 1, where the number of domestic animal bones was comparable with bones of wild species, and elk predominated among the latter. However, Krokhalievka 1 is located much further south and reflects a later stage in the development of the Samus culture.

Keywords: Tomsk Ob region, archaeozoology, Samus culture, Bronze Age

В кислых почвах лесной зоны плохо сохраняются кости человека и животных. На территории лесного Томского Приобья известно всего 32 археологических памятника с костями животных, большинство из которых датируются ранним железным веком и средневековьем. К более раннему времени относятся только поселение периода поздней бронзы Чекист и многослойный памятник Самусь IV, в котором отнесение остеологических материалов к эпохе бронзы представляется маловероятным. В это время с территории лесостепного Приобья таких археологических памятников уже 95 (Троицкая, 1976; Молодин,

1985; Косинцев, 2002; Васильев, Новикова, 2005; и др.), примерно половина из которых (41) отнесена к энеолиту и бронзовому веку. Тем ценнее становится открытие новых древних памятников на территории лесной зоны Сибири.

Одним из таких памятников стало поселение Потаповы Лужки III, которое расположено в нижнем течении р. Томи (в черте г. Томска), на правобережной надпойменной террасе. В археологической коллекции представлены артефакты периодов доандроновской и постандроновской бронзы, раннего средневековья. Около 92 % керамического

комплекса памятника относится к самусьской культуре, датируемой кон. 3 – сер. 2 тыс. до н.э. (Идимешев, Богайчук, Степанова, 2023, с. 46–51). Таким образом, на рассматриваемой территории до настоящего времени отсутствовали археозоологические материалы, которые можно достоверно отнести ко времени существования самусьской культуры.

Настоящая публикация посвящена анализу археозоологической коллекции, полученной в ходе раскопок поселения Потаповы Лужки III. На раскопанном участке памятника (41,6 м²) отсутствуют какие-либо археологические объекты, кости животных залегали в культурном слое вместе с артефактами.

Материал и методы

Всего остеологическая коллекция насчитывает 1674 кости, подавляющее большинство которых принадлежит млекопитающим (563 экз., 34%) и рыбам (1096 экз., 65%). Кости птиц единичны (табл. 1).

Определение видовой принадлежности костных остатков производилось с исполь-

зованием эталонной коллекции Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). При описании материала определяли тип элемента скелета, видовую принадлежность, а в случае птиц и млекопитающих – сохранность и степень фрагментации, состояние эпифизов (прирос / не прирос). Фрагментация костей описывалась по опубликованной методике (Ерохин, Бачура, 2011). При оценке раздробленности все элементы скелета делились на две группы: целые (или условно целые) и фрагменты. К целым и условно целым костям отнесены все собственно целые кости; целые верхние и нижние концы, целые диафизы плечевой, лучевой, бедренной, берцовой костей и метаподиальных костей; целые суставные впадины лопатки и таза; целые зубные ряды верхних и нижних челюстей; целые тела позвонков; ребра, сохранившиеся более чем на половину и локтевой отросток с суставной впадиной локтевой кости. Производился подсчет костей, подвергшихся искусственному воздействию:

Таблица 1. Таксономический состав костных остатков

Table 1. Taxonomic composition of bone remains

Вид	Количество костей, экз.	Минимальное количество особей
Домашние млекопитающие		
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	2	1
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	2	1
Собака – <i>Canis familiaris</i>	50	5
Дикие млекопитающие		
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	5	1
Олень северный – <i>Rangifer tarandus</i>	11	1
Лось – <i>Alces alces</i>	64	4
Косуля азиатская – <i>Capreolus pygargus</i>	4	1
Соболь – <i>Martes zibellina</i>	1	1
Волк – <i>Canis lupus</i>	1	1
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	1	1
Медведь бурый – <i>Ursus arctos</i>	12	1
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	11	3
Бобр – <i>Castor fiber</i>	127	9
Сурок лесостепной – <i>Marmota kastschenkoi</i>	5	1
Полёвка водяная – <i>Arvicola amphibius</i>	4	3
Грызун – <i>Rodentia</i>	1	-
Млекопитающие, ближе не определимые – <i>Mammalia indet.</i>	262	-
Птицы		
Глухарь – <i>Tetrao urogallus</i>	2	-
Тетерев – <i>Lyrurus tetrix</i>	2	-
Птицы, ближе не определимые – <i>Aves indet.</i>	11	-
Рыба		
Карповые – <i>Cyprinidae</i>	12	-
Язь – <i>Leuciscus idus</i>	4	-
Обыкновенная щука – <i>Esox lucius</i>	120	-
Сиги – <i>Coregonus</i>	655	-
Нельма – <i>Stenodus leucichthys nelma</i>	99	-
Налим – <i>Lota lota</i>	133	-
Речной окунь – <i>Perca fluviatilis</i>	2	-
Рыбы, ближе не определимые	71	-
Всего костей	1674	-

огня, погрызов, разрубов, насечек и т.д. Расчет долей разных отделов скелета млекопитающих (голова, туловище, проксимальные и дистальные отделы конечностей), представленных среди костных остатков, производился без учета зубов и коленных чашечек.

Кости головы рыб рассматривались единой группой, и более подробно не идентифицировались. Среди костей туловища различались позвонки, ребра и кости плавников. Представители семейства карповых достоверно различаются только по глоточным костям. В силу того, что в исследуемых материалах не было найдено глоточных костей, мы не выделяли таксоны ниже семейства карповые – *Cyprinidae*. Для более детального понимания использования рыб был проведен анализ соотношения костей головы и туловища у всех выявленных видов и групп рыб. В группу «голова» вошли все обнаруженные кости черепа, нижней челюсти и жаберного аппарата, в группу «туловище» – позвонки, ребра и плавники.

Кости птиц единичны и детально не анализировались. Прочие позвоночные в выборке не представлены.

Результаты и обсуждение

Млекопитающие. Из всех костей млекопитающих 301 (53%) определено до вида или рода. В общей сложности диагностировано 16 видов млекопитающих, среди которых представлены как домашние, так и дикие животные (табл. 1). На долю домашних животных приходится 54 экземпляра или 10% от общего количества определимых костных остатков.

Домашние млекопитающие представлены в основном собакой (93% от всех костей домашних видов). При этом 62% костных остатков приходится на кости конечностей (табл. 2). Интересно, что, судя по трубчатым костям, у которых можно определить степени прирастания эпифизов, почти половина из

них (16 экз., 42%) принадлежит полувзрослым животным. Всё это косвенно указывает, что собак на поселении могли употреблять в пищу.

Свидетельства употребления мяса собак в пищу, зафиксированы на памятниках Западной Сибири более позднего периода – переходного этапа от бронзового к раннему железному веку (Мыльникова и др., 2011, с. 112). Применительно для периода ранней-развитой бронзы зафиксированы различные варианты использования собак как в хозяйственных, так и в ритуальных целях. Так скелет собаки в анатомическом порядке обнаружен на поселении Крохалевка-1 в слое самусьской культуры, что может указывать на особое отношение к собакам и использованию их в обрядах (Молодин, Глушков, 1989, с. 117, 127). Также скелет собаки обнаружен в Утинкинском погребении, предположительно относящемся к самусьской культуре, но убедительные доказательства этому отсутствуют поскольку погребение было уничтожено (Бобров, Волков, Герман, 2010, с. 76). В рассматриваемый период собак могли использовать также в ритуалах, связанных с бронзолитейным производством. Об этом свидетельствуют обнаруженные кости молодой собаки вместе с большим количеством углей, бронзовым кинжалом и обломком сосуда с антропоморфным изображением на поселении Тух-Эмтор IV (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 35-37). Особо интересным представляется, что подобный набор предметов, обнаружен в хозяйственной пристройке, которая могла относиться к жилищам №4, №5, материалы которых отражают «южную» изобразительную традицию самусьской культуры, и ее взаимодействие с культурной средой с гребенчатой керамикой (Есин, 2009, с. 9-10). Также следы ритуальных действий с собакой прослеживаются на трех бронзолитейных участках поселения кротов-

Таблица 2. Соотношение отделов скелета собаки
Table 2. Ratio of the subdivisions of the dog skeletal system

Отдел скелета	Целые	Фрагменты	Всего	Доля, %
Голова (череп, нижняя челюсть)	1	9	10	20
Туловище (позвонки, рёбра)	6	3	9	18
Проксимальные части ног (лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая)	7	13	20	40
Дистальные части ног (метаподии, фаланги)	7	0	7	14
Пяточная, таранная	4	0	4	8
Всего костей	25	25	50	100

ской культуры Венгерово-2 (Дураков, Мыльникова, 2021, с. 23), в погребении ребенка на Еловском II могильнике (Матющенко, 2004, с. 118). Использование собак в различных ритуалах сохранилось до этнографической современности у народов Западной Сибири (Молодин, Глушков, 1989, с. 117). Эксплуатация собак в качестве помощников на охоте и при выпасе скота зафиксирована у носителей елунинской культуры (Кирюшин, 2002, с. 102). Стоит отметить, что традиции использования собак как в хозяйственных, так и в ритуальных целях могли сосуществовать в рамках одной культуры. С учетом слабой изученности поселения Потаповы Лужки III специфика использования собак на данном памятнике окончательно не определена.

Дикие млекопитающие. Бобру принадлежит половина костей диких видов на поселении. Кости представлены в основном проксимальными частями конечностей (табл. 3).

ших в сборах костей из древних поселений Томского Приобья. В исследуемом поселении кости этого вида занимают второе место после бобра по многочисленности среди диких видов. Представлены все отделы скелета, но преобладают дистальные части конечностей (24%), в основном (17 экз.) фаланги пальцев. В настоящее время лось распространен по всей лесной зоне Западной Сибири, заходя в лесостепную, а по поймам рек даже в степную. Является обычным промысловым видом.

Северному оленю принадлежит 11 костей. Представлены все отделы скелета, кроме черепа. В настоящее время вид не обитает в окрестностях памятника, но в XVIII в. ареал вида, пересекая Иртыш где-то в области 57° с.ш. в междуречье Иртыш-Обь, вероятно опускался до 55° с.ш. Есть данные о появлении этого вида в Барабинской лесостепи в середине XIX века (Гептнер, 1961).

Таблица 3. Соотношение отделов скелета бобра*
Table 3. Ratio of the subdivisions of the beaver skeletal system*

Отдел скелета	Целые	Фрагменты	Всего	Доля, %
Голова (череп, нижняя челюсть)	3	15	18	15
Туловище (позвонки, рёбра)	11	8	19	16
Проксимальные части ног (лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая)	43	36	79	64
Дистальные части ног (метаподии, фаланги)	5	0	5	4
Пяточная, таранная	1	0	1	1
Всего костей	63	59	122	100

* – в таблице не учитываются отдельные зубы

Вероятно, вид использовался и как источник пушнины, и как источник мяса.

Доля лося обычно является самой значительной среди костей диких млекопитающих

Интересны находки пяти костей сурка, в настоящее время крайне редкого в окрестностях памятника. Не исключено, что кости попали в местонахождение уже после остав-

Таблица 3. Соотношение отделов скелета лося*
Table 3. Ratio of the subdivisions of the elk skeletal system*

Отдел скелета	Целые	Фрагменты	Всего	Доля, %
Голова (череп, нижняя челюсть)	0	5	5	9
Туловище (позвонки, рёбра)	0	2	2	4
Проксимальные части ног (лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая)	0	18	18	33
Дистальные части ног (метаподии, фаланги)	10	18	28	52
Пяточная, таранная	0	1	1	2
Всего костей	10	44	54	100

* – в таблице не учитываются отдельные зубы

ления поселения человеком. Единичны кости других видов: фрагменты черепа и рёбер кабана, метаподиальная кость лисицы, нижний премоляр волка, нижняя челюсть соболя, кости мелких грызунов. Все эти виды обычны для фауны региона (Млекопитающие России, 2012).

Среди костей **неопределимых до вида млекопитающих** почти половина (42%) представлена костями крупных копытных, вероятно, лося. Остальные принадлежали мелким копытным – косуле или мелкому рогатому скоту.

Следы внешних воздействий на костях млекопитающих. Девять костей млекопитающих (1 фрагмент диафиза плечевой кости лося, 1 позвонок собаки, остальные – неопределимые до вида млекопитающие) несут на себе следы воздействия огня: 8 обожжены, 1 кальцинирована. Десять костей несут на себе следы погрызов собаки. Один поясничный позвонок оленя несёт на себе след рубящего удара.

Таким образом, охота носила в большей степени мясную направленность, поскольку кости пушных зверей составляют гораздо меньшее количество. Исключением является кость бобра, который мог выступать как пушной, так и мясной зверь. Подобная ситуация наблюдается и на поселении Крохалева-1 в слое самусьской культуры (Молодин, Глушков, 1989, с. 127). Если жители поселения занимались пушным промыслом, то тушки обдирались за пределами этого поселения.

Полученный материал позволяет предварительно определить хозяйственную специализацию носителей самусьской культуры на территории Томского Приобья, учитывая, что проанализированы материалы только с одного памятника, но в настоящее время иные археозоологические данные для данного культурно-хронологического периода отсутствуют. В рассматриваемый период активно начинает распространяться производящее хозяйство на сопредельных территориях. Так, в материалах елунинской, кротовской, одиновской и окуневской культур зафиксировано наличие животноводства (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 140; Грушин и др., 2016, с. 226; Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 121; Поляков, 2022, с. 117), как и в более южном ареале самусьской культуры – Новосибирском

Приобье (Молодин, Глушков, 1989, с. 127). В то время как на исследованном памятнике кости крупного рогатого скота представлены единичными экземплярами, не исключено, что они относятся к более поздним периодам. На сегодняшний день нет убедительных доказательств существования производящего хозяйства у носителей самусьской культуры на территории Томского Приобья.

Рыбы. Большая часть остатков рыб представлена целыми костями. К неопределимым были отнесены сильно фрагментированные кости головы, а также ребра, лучи плавников и элементы жабр. Доля неопределённых до таксона остатков невелика (7%).

По количеству костей в общей выборке поселения доминирует группа сиговых (69% включая нельму) (табл. 1). Костные остатки налима и щуки сопоставимы по количеству (12% и 11% соответственно), при этом значительно уступая сиговым. Единичные кости принадлежат карповым, язю и речному окуню.

Для более детальной характеристики использования рыб древним населением был проведен анализ соотношения количества костей по отделам скелета (табл. 4). Кости скелета рыб были разделены на две группы. В первую группу вошли кости головы (кости черепа и нижняя челюсть), вторую группу составили кости туловища (позвонки, ребра, кости плавников).

Согласно данным таблицы 4 можно заключить, что соотношение костей черепа и туловища у щуки близко к таковому у живой рыбы. Мы предполагаем, что древнее население отрезало голову щукам непосредственно перед готовкой пищи, т.к. крупные и острые зубы щуки могут повредить человеку или животному при питании этой рыбой.

Из таблицы видно преобладание костей черепа над костями туловища у нельмы (табл. 4). По нашему мнению, это не отражает реального соотношения остатков этих двух отделов. Кости черепа нельмы имеют специфическое строение, и легко отличаются от костей головы других сиговых рыб. В то время как позвонки сиговых очень сходны между видами, поэтому вычленивать позвонки именно нельмы в ряде случаев невозможно. Если же рассматривать соотношение костей двух в целом для сиговых (суммируя их с костями нельмы), то будет очевидно преобладание

Таблица 4. Количественный состав отделов скелета рыб
Table 4. Quantitative composition of the parts of the fish skeleton

Вид	Голова		Туловище	
	n	%	n	%
Карповые	12	100	-	-
Сиги	86	13	569	87
Обыкновенная щука	45	37	75	63
Налим	20	15	113	85
Нельма	78	79	21	21
Речной окунь	2	100	-	-
Язь	4	100	-	-

костей туловища (78%) над костями головы (22%). Это может быть связано с двумя факторами. Головы сиговых могли специально отрезать и утилизировать за территорией поселения. Либо же тонкие кости черепа в процессе варки и переваривания в желудке измельчались и не сохранялись в слое. Вероятно, аналогичное объяснение справедливо и для налима, у которого кости туловища также преобладают над костями черепа. Немногочисленные остатки мелких карповых рыб (n=12) могут быть связаны с потреблением их налимом (Петкевич, Никонов, 1969).

Единичные кости окуня и язя происходят из черепа, их малочисленность не позволяет сделать каких-либо выводов.

Отдельного анализа размерных классов рыб не проводилось. Однако можно отметить, что всем массовым таксонам рыб (сиги, налим, щука) свойственно нормальное распределение размеров тела, когда мелкие (молодые) и самые крупные (старые) особи образуют наименьшие группы, а основная масса рыб представлена средними размерами. Подобная ситуация может свидетельствовать о том, что рыбу добывали не избирательно, при помощи орудий массового лова (сети и морды). В данной ситуации размерный состав рыб из поселения может отражать реальный размерный состав части популяции этих видов в водоеме в прошлом. О том, что носители самусьской культуры использовали сети для рыбной ловли свидетельствует наличие грузил и якорей как на исследуемом памятнике, так и на других памятниках культуры. Кроме этого, в комплексах самусьской культуры зафиксированы и орудия индивидуального лова, представленные гарпунами и рыболовными стерженьками (Матющенко, 1973, с. 66; Молодин, Глушков, 1989, с. 124; Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020, с. 120-121).

В целом, обнаруженный остеологический материал позволяет сделать вывод о том, что на поселении Потаповы Лужки III ведущей специализацией хозяйства являлись рыболовство и охота. Подобная ситуация отмечена на другом памятнике самусьской культуры Томского Приобья – поселении Самусь IV, которое расположено в 47 км ниже по течению р. Томи. В составе зооархеологической коллекции поселения Самусь IV выделяются кости лося, медведя, барана, утки, щуки, осетра, муксуна (Матющенко, 1973, с. 65, 68). Однако, утверждать, что данные фаунистические остатки относятся к самусьской культуре, затруднительно, поскольку памятник многослойных и содержит материалы других культурно-хронологических горизонтов. На поселении самусьской культуры Новосибирского Приобья – Крохалевка-1, отмечены остеологические остатки лося, медведя, бобра, собаки, крупного рогатого скота и лошади (Молодин, Глушков, 1989, с. 126-127). Эти данные схожи с публикуемыми в настоящей статье материалами, но на поселении Потаповы Лужки III представлено большее видовое разнообразие диких видов животных (с явным преобладанием бобра) и рыб. Кроме этого, фиксируется различие в соотношении диких и домашних видов; на поселении Крохалевка -1 они почти равны, в то время как на поселении Потаповы Лужки III значительно преобладают дикие (относить кости крупного рогатого скота и лошадей к слою самусьской культуре следует с осторожностью.). Вероятно, это связано с более южным расположением поселения Крохалевка-1 или его более поздним существованием (Молодин, Глушков, 1989, с. 130).

Заключение

Основу хозяйства древнего населения на территории Томского Приобья в период существования носителей самусьской куль-

туры, исходя из материалов поселения Потаповы Лужки III, составлял рыбный промысел и в несколько меньшей степени охота. В рыбном промысле древнего населения представлены следующие таксоны рыб: карповые, сиви, нельма, налим, щука, речной окунь, язь. Из них существенно преобладают остатки сивов. Значима доля налима и щуки. Внутри каждого из таксонов представлены кости разных размерных классов. Мы считаем, что это связано с отсутствием избирательности в вылове рыбы, который, вероятно, производился орудиями массового лова, такими

как сети и морды (в коллекции материалов памятника имеются грузила и якоря), в которые попадают особи разных видов и разных размеров. О некоторой доле индивидуального лова свидетельствуют находки костяных гарпунов. В сборах представлено 16 видов млекопитающих, не все из которых, вероятно, были объектами охоты. Основными объектами добычи древнего населения являлись бобр и в несколько меньшей степени лось. Добыча медведя, зайца и северного оленя не была столь значительной. Домашние животные представлены в основном собакой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В.* Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 76–84.
- Васильев С.К., Новикова А.В.* Фаунистические остатки памятников Ояшкинского археологического микрорайона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Часть I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 265–269.
- Дураков И.А., Мильникова Л.Н.* Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 15–27.
- Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: АлтГУ, 2016. 270 с.
- Есин Ю.Н.* Древнее искусство Сибири: Самусьская культура / Труды музея археологии и этнографии Сибири. Т. II. Томск: Томский государственный университет, 2009. 526 с.
- Идимешев А.А., Богайчук Е.А., Степанова Н.Ф.* Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Потаповы Лужки-III (Томское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 1. С. 46–58.
- Идимешев А.А., Бычков Д.А., Асочакова Е.М.* Каменная индустрия поселения Самуська III по результатам статистического анализа // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 115–127.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 171 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
- Косинцев П.А.* Типология териокомплексов лесостепного Приобья из поселений эпохи бронзы // Фауна Урала в плейстоцене и голоцене / сост. П.А. Косинцев. Екатеринбург: Университет, 2002. С. 162–166.
- Матющенко В.И.* Самусьская культура. Ч. 2 / Из истории Сибири. Вып. 10. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 208 с.
- Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В.И., Нестерова М.С., Мильникова Л.Н.* Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 110–124.
- Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Нохрина Т.И., Кулик Н.А., Мильников В.П., Кобелева Л.С.* Специализация поселений лесостепной зоны Западной Сибири на рубеже бронзового и раннего железного

веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2011. Т. 10. №. 3. С. 106–117.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Троицкая Т.Н. Развитие скотоводства у племён Новосибирского Приобья в I тысячелетии до н.э.–5 в. н.э. // Из истории Сибири. Вып. 21 / Ред. Л.М. Плетнева. Томск: Томск гос. ун-т, 1976. С. 155–164.

Информация об авторах:

Девяшин Михаил Михайлович, научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); DevjashinM@yandex.ru

Кисагулов Антон Владимирович, младший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); akis9119@gmail.com

Богайчук Елена Андреевна, магистрант, 1 курс, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); helenn.00@mail.ru

Идимешев Асап Алексеевич, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии историко-филологического факультета, Томский государственный педагогический университет (г. Томск, Россия); asap.i@mail.ru

REFERENCES

Bobrov, V. V., Volkov, P. V., German, P. V. 2010. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4, 76–84 (in Russian).

Vasiliev S.K., Novikova A.V. 2005. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 11. Part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 265–269 (in Russian).

Durakov, I. A., Mylnikova, L. N. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 53 (2), 15–27 (in Russian).

Derevyanko, A. P. (ed.). 2016. *Eluninskiy arkheologicheskiy kompleks Teleutskiy Vzvoz I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya (Yelunino Archaeological Complex Teleutsky Vzvoz I in the Upper Ob Region: Interdisciplinary Study Experience)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Esin, Yu. N. 2009. *Drevnee iskusstvo Sibiri: Samus'skaya kul'tura (Ancient Art of Siberia: the Samus culture)*. Series: Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri (Proceedings of the Siberian Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University). Part II. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Idimeshev, A. A. Bogaichuk, E. A., Stepanova, N. F. 2023. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 1 (35), 46–58 (in Russian).

Idimeshev, A. A., Bychkov, D. A., Asochakova, E. M. 2020. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)*. 29 (3), 115–127 (in Russian).

Kiryushin Yu.F. 2002. *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri (Chalcolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Grushin, S. P., Tishkin, A. A. 2011. *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi (Berezovaya Luka is a Bronze Age settlement in the Aley steppe)* II. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Maloletko, A. M. 1979. *Bronzovyy vek Vasyugan'ya (Bronze Age of Vasyugan)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Kosintsev, P. A. 2002. In Kosintsev, P. A. (ed.). *Fauna Urala v pleystotsene i golotsene (Fauna of the Urals in the Pleistocene and Holocene)*. Yekaterinburg: “Universitet” Publ., 162–166 (in Russian).

Matyushchenko, V. I. 1973. *Samus'skaya kul'tura. Ch. 2 (Samus culture. Part 2)*. Series: Iz istorii Sibiri (From the History of Siberia) 10. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Matyushchenko, V. I. 2004. *Elovskiy arkheologicheskiy kompleks. Chast' vtoraya. Elovskiy II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы (Elovka archaeological complex. Part 2. Elovka II burial ground. Pre-Irmen complexes)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy (Baraba in the Bronze Age)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Glushkov, I. G. 1989. *Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e (Samus culture in the Upper Ob region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Nesterova, M. S., Mylnikova, L. N. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 110–124 (in Russian).

Mylnikova, L. N., Durakov, I. A., Nokhrina, T. I., Kulik, N. A., Mylnikov, V. P., Kobeleva, L. S. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 10 (3), 106–117 (in Russian).

Polyakov, A. V. 2022. *Khronologiya i kul'turogenез pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin (Chronology and Cultural Genesis of the Paleometal Epoch Sites in Minusinsk Basins)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1976. In Pletneva, L. M. (ed.). *Iz istorii Sibiri (From the History of Siberia)* 21. Tomsk: Tomsk State University, 155–164 (in Russian).

About the Authors:

Devyashin Mikhail M., Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Marta, str., 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; DevjashinM@yandex.ru

Kisagulov Anton V., Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Marta, str., 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; akis9119@gmail.com

Bogaichuk Elena A. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; helenn.00@mail.ru

Idimishev Asap A., Tomsk State Pedagogical University. Kievskaya str., 60, Tomsk, 634061, Russian Federation; asap.i@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.305.324>

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ «СТАРОЧУТИНСКАЯ СТОЯНКА»¹

© 2024 г. Н.В. Рослякова, О.П. Бачура, А.И. Жемков,
И.В. Аськеев, Д.Н. Шаймуратова

В статье представлены результаты археозоологического изучения костей животных на поселении срубной культуры «Старочутинская стоянка» на реке Ик. На памятнике собрана представительная остеологическая коллекция, включающая более 3 тысяч экземпляров. Выделены разные по своему происхождению категории костных остатков: кухонные отбросы, остатки ремесленных и ритуальных комплексов. В коллекции присутствуют кости всех видов домашних копытных, собаки, лисицы, бобра, птиц, рыб, а также раковины моллюсков. В кухонных остатках существенно преобладают кости крупного рогатого скота, чье мясо составляло большую часть мясного рациона жителей поселения. Конина, баранина, козлятина и свинина съедались в гораздо меньших объемах. Установлено наличие различных форм эксплуатации для крупных домашних копытных и мелкого рогатого скота. Забой скота на поселении производился круглогодично. Избирательность в забое того или иного вида в определенный сезон года отсутствует. Охота на диких млекопитающих и птиц и рыбная ловля занимали незначительную роль в хозяйственной деятельности. Детальное изучение комплексов костей животных из заполнения и со дна колодцев позволило предположить их принадлежность к жертвенным комплексам. Основные параметры изучаемой коллекции схожи с параметрами коллекций синхронных поселенческих памятников Восточной Европы, для которых реконструирована подвижная форма скотоводства.

Ключевые слова: археозоология, кости животных, срубная культура, бронзовый век, Волго-Камье, бассейн реки Ик, сезон забоя домашнего скота, ритуальная практика.

COMPREHENSIVE STUDY OF ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS OF THE SETTLEMENT OF THE SRUBNAYA CULTURE «STARYYE CHUTI CAMPSITE»²

N.V. Roslyakova, O.P. Bachura, A.I. Zhemkov, I.V. Askeyev, D.N. Shaymuratova

The article presents the description of archaeozoological study of animal bones from the Staryye Chuti campsite of the Srubnaya culture on the Ik River. An osteological collection with more than 3000 bones was investigated. There are different categories of bone remains by their origin: kitchen garbage, remnants of craft and ritual complexes. In collection there are bones of all domestic ungulates species, dogs, foxes, beavers, birds, and fish, as well as mollusk shells. The kitchen remnants are significantly dominated by bones of cattle, whose meat constituted the major part of the meat diet of the settlement inhabitants. Horse meat, mutton, goat meat and pork were eaten in much smaller quantities. For large domestic ungulates and small cattle the several forms of exploitation have been established. Slaughtering of livestock at the settlement was carried out all year round. There was no selectivity of particular species slaughtering during certain season of the year. Hunting of wild mammals and birds and fishing played an insignificant role in economic activity. A detailed study of animal bone sets from filling and bottom of wells allows us to assume the connection of them with sacrificial complexes. The main parameters of the collection are similar to the ones from synchronous settlement of Eastern Europe, for which the mobile form of cattle breeding has been reconstructed.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 24-28-00782 «Система жизнеобеспечения населения лесостепного и степного Волго-Уралья в эпоху энеолита-средневековья (по археозоологическим данным)», <https://rscf.ru/project/24-28-00782/>

² The study was supported by Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00782 «Life support system for the population of the forest-steppe and steppe Volga-Urals in the epoch of the Eneolithic-Middle Ages (according to archaeozoological data)», <https://rscf.ru/project/24-28-00782/>

Keywords: archaeozoology, animal bones, Srubnaya culture, Bronze Age, Volga-Kama region, Ik River basin, season of livestock slaughtering, ritual practice

Введение

Наиболее информативным источником для изучения хозяйственной деятельности древнего населения являются представительные в количественном отношении остеологические коллекции из однослойных памятников. Для территории лесостепного Волго-Камья этим критериям соответствуют коллекции костей животных нескольких поселений: Казангулово I, Мурадымовское, Набережное I. Результаты их изучения показали, что основные стратегии осуществления скотоводческой деятельности населением региона в эпоху поздней бронзы не противоречат общим тенденциям, известным для развития скотоводства на всей территории Восточноевропейской степи (Антипина, Моралес, 2005а; Петренко, 2007; Лыганов, 2011). Скотоводство являлось основой экономики края с преимущественным разведением крупного рогатого скота (КРС). Преобладание в коллекциях костей взрослых особей, позволило исследователям сделать вывод о наличии не только мясной, но и молочной, а также, возможно, других форм эксплуатации КРС, МРС и лошади на поселениях. (Петренко, 2007, с. 35).

В последние десятилетия изучение систем и стратегий жизнеобеспечения древнего населения вышло на новый качественный уровень благодаря исследованиям, включающим методы археологии, палеоантропологии, археозоологии, палеопочвоведения, изотопного и липидного анализов, генетики и др. (Шишлина, Азаров, Дятлова и др., 2018; Шишлина, Рослякова, Колев и др., 2019; Kristiansen, 2022; Scott, Hermes, Nagan et al., 2022; Епимихов, 2023 и др.) Появились новые возможности для реконструкции основных форм скотоводческой деятельности жителей региона (придомной, отгонной, кочевой и др.), возможных путей сезонных миграций, выявления наличия или отсутствия обмена скотом между жителями разных поселений и решения других вопросов, связанных с детализацией наших знаний о древнем скотоводстве. Для проведения таких исследований необходимо междисциплинарное изучение особенностей локальных адаптационных моделей, практикующихся населением отдельных

микрорайонов. Микрорайонами, включающими несколько поселений, объединенных единой хозяйственной системой, может быть бассейн одной реки (Anthony, 2016) или более крупные регионы (Ресурсы аридных регионов..., 2023; Ткачев, Косинцев, Бачура и др., 2023).

Одной из первостепенных задач для изучения поставленных вопросов является изучение остеологических коллекций поселенческих памятников. В 2021 году ООО «Поволжский археологический центр» (г. Саратов), под руководством А.И. Жемкова, был исследован объект культурного наследия «Старочутинская стоянка» в Бавлинском районе Республики Татарстан на реке Ик. Памятник является однослойным поселением срубной культуры. В процессе его изучения было собрано значительное количество костей животных. Настоящая статья посвящена результатам комплексного исследования остеологической коллекции, полученной в ходе раскопок.

Материал и методика исследования

Старочутинская стоянка расположена на первой надпойменной террасе левого берега реки Ик (левый приток Камы), в 1,3 км на север-северо-восток от деревни Старые Чути. Исследование стоянки проводилось двумя раскопами, расположенными с двух сторон существующего автомобильного моста через р. Ик. Площадь раскопа № 1 составила 1100 кв. м, раскопа № 2 – 520 кв. м. В процессе раскопок памятника была собрана остеологическая коллекция, включающая более 3 тысяч фрагментов костей животных. Кости происходят из толщи культурного слоя, заполнения котлованов жилищ и ям и из рекогносцировочного шурфа, заложенного в центральной части раскопа 1.

Обработка костей проводилась отдельно для каждого пласта культурного слоя и для выборок из ям. Культурный слой разбирался по пластам в 0,2 м. В раскопе 1 после выборки условного 3 пласта были зафиксированы контуры жилищно-хозяйственной постройки № 1, которая представляет собой полуземлянку, разделенную на две основных части, размерами 40,0 x 10,0 м. Начиная с 4 условного пласта и ниже археологические находки

связаны преимущественно с постройкой 1. Основная масса находок обнаружена внутри заполнения и непосредственной близости от границ постройки № 1. В раскопе 1 было выявлено и исследовано 108 ям. Все они расположены в центральной части раскопа, по линии С-Ю. Большинство из них являются столбовыми. Кости животных зафиксированы в заполнении 19 ям. Из них, судя по размерам, только 4 являются столбовыми – ямы 7, 13, 44 и 71. Некоторые из ям имели хозяйственно-бытовое назначение – ямы 6, 21, 22, 51, 58, 62, 72, 75, 76, 91, 102, 103. Наиболее крупными из них являются хозяйственные ямы 51, 91 и 102, расположенные по центральной оси постройки № 1. Яма 51 имеет размеры 224 x 235 см, максимальная глубина в материке 131 см. Яма 91 округлой формы, размером 197 x 170 см, максимальная глубина в материке 105 см. Яма 102 округлой формы, размером 194 x 175 см, максимальная глубина в материке 43 см. В заполнении ям, во всех слоях, обнаружены разрозненные фрагменты керамики и кости животных.

В раскопе 2 выявлена жилищно-хозяйственная постройка № 2, которая реконструируется как полуземлянка размерами более 20 м в длину и более 8 м в ширину. Её очертания были выявлены после снятия второго условного пласта. Основная масса керамического и остеологического материала обнаружена вокруг пятна заполнения древней постройки № 2. На уровне материка были изучены столбовые и хозяйственные ямы. Всего исследовано 33 ямы, в 15 из них обнаружены кости животных. Ямы хозяйственно-бытового назначения – 21, 27, 28, 29, 30. Две наиболее крупные ямы – 14 и 19, расположенные по центральной оси постройки являются колодцами. На дне ямы 14, вдоль стенок, сохранились фрагменты плетня. Яма 14 имела размеры 235 x 222 см, максимальная глубина в материке 139 см. Размеры ямы 19 – 233 x 272 см, максимальная глубина в материке 205 см. В заполнении обеих ям обнаружены фрагменты керамики и большое количество разрозненных костей животных.

Для оценки степени фрагментарности костей для каждой выборки высчитывался индекс раздробленности – число костных обломков в единице стандартного объема (дм³) (Антипина, 2011, с. 226). Возраст забоя домашних копытных определялся на осно-

вании данных о состоянии зубной системы для нижних челюстей (Silver, 1969) и степени стертости жевательной поверхности для нижнекоренных зубов в разном возрасте (Grant, 1982). Оценка степени стертости жевательной поверхности зубов, найденных вне челюстей, проводилась только для тех из них, которые были последними прорезавшимися в челюсти. Промеры костей крупного рогатого скота, овец и коз выполнены по схеме А.А. Von den Driesch (Von den Driesch, 1976), лошади – по схеме V. Eisenmann (Eisenmann, et al., 1988).

Сезон гибели животных определяли по ростовым слоям, которые ежегодно образуются в корневом цементе и дентине зубов млекопитающих в известной последовательности (Клевезаль, 1988). Для анализа было отобрано 12 зубов всех видов домашних копытных, происходящих из разных объектов.

Кости рыб и птиц были определены с использованием сравнительной коллекции современных остатков позвоночных животных лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ.

Результаты и обсуждение

Основные характеристики остеологического материала и структура остеологической коллекции

В раскопе 1 собрано 1248 костей животных (табл. 1). Естественная сохранность большей части костных фрагментов плохая и удовлетворительная (2–3 балла по пятибалльной шкале), реже встречаются кости хорошей сохранности (4 балла) и единичны находки очень плохой сохранности (1 балл). Индекс искусственной раздробленности костного материала в среднем составил 18 фрагментов в 1 дм³. Этот показатель имеет более высокое значение для нескольких ям, в некоторых случаях достигая 70–80 фрагментов на дм³ (ямы 59, 75). Связано это с нахождением в данных объектах единичных мелких костей плохой сохранности.

Остеологическая коллекция раскопа 2 включает 1785 костей. Естественная сохранность костных остатков варьирует от очень плохой до удовлетворительной (1–3 балла), редко встречаются кости с хорошей сохранностью (4 балла). Степень искусственной раздробленности костного материала в культурном слое составила от 20 до 27 фрагментов (в среднем 24 фрагмента), в ямах – от 4

до 133 фрагментов (в среднем 22 фрагмента) в одном куб. дм (табл. 1). Как и в раскопе 1 повышение индекса искусственной раздробленности костей в некоторых ямах коррелирует с плохой естественной сохранностью костных фрагментов (ямы 21, 25, 31, 33). Индекс раздробленности костного материала на стоянке Старочутинская соответствует параметрам, характерным для выборок остеологических материалов, являющихся «кухонными остатками» – от 10 до 50 фрагментов на 1 дм³ (Антипина, 2011, с. 226).

Таблица 1. Структура и стратиграфическое распределение археозоологических материалов на Старочутинской стоянке

Table 1. Structure and stratigraphic distribution of archaeozoological materials at the Staryye Chuti campsite

Объекты раскопок	Общее число костей	Объем костей (куб. дм)	Индекс фрагментарности костей	Оценка естественной сохранности (шкала 1-5)	Определимые до вида кости - доля (%)
Раскоп 1					
Культурный слой (пласты)	699	48,3	14	2-3	59,5
Яма 6	15	3,4	4	4	60,0
Яма 7	2	0,03	67	3	100,0
Яма 13	1	0,1	10	3	100,0
Яма 21	39	1,9	21	3-4	66,7
Яма 22	9	0,7	13	3-4	55,6
Яма 44	2	0,2	10	4	50,0
Яма 50	1	0,05	20	3-4	100,0
Яма 51	196	6,6	30	3-4	57,1
Яма 58	55	2,5	22	3	40,0
Яма 59	7	0,1	70	2-3	28,6
Яма 62	42	0,7	60	2-3	38,1
Яма 71	6	0,1	60	1	100,0
Яма 72	12	0,2	60	2-4	25,0
Яма 73	17	0,3	57	3-4	29,4
Яма 75	8	0,1	80	2-3	62,5
Яма 76	18	0,8	23	3	44,4
Яма 91	104	2,0	52	3-4	30,8
Яма 102	14	0,4	35	4	85,7
Яма 103	1	0,1	10	3	0,0
Всего в ямах:	549	20,3	27	2-4	48,8
Всего в раскопе 1:	1248	68,6	18	2-3	54,8
Раскоп 2					
Культурный слой (пласты)	865	35,8	24	1-3	44,9
Яма 14	170	9,1	19	2-4	63,5
Яма 16	2	0,05	40	3-4	0,0
Яма 17	1	0,05	20	3-4	0,0
Яма 18	2	0,1	20	3-4	0,0
Яма 19	546	38,3	14	3	80,2
Яма 20	1	0,05	20	3	100
Яма 21	8	0,1	80	1	25
Яма 25	24	0,3	80	1-3	29,2
Яма 27	19	0,3	63	3	52,6

Яма 28	15	0,6	25	2–3	73,3
Яма 29	6	0,2	30	2–3	33,3
Яма 30	111	5,3	21	1–2	39,6
Яма 31	4	0,03	133	2	0,0
Яма 32	1	0,1	10	2–3	100
Яма 33	10	0,1	100	2–3	40
Всего в ямах:	920	54,7	17	2-3	68,3
Всего в раскопе 2:	1785	90,5	20	2-3	56,9
ВСЕГО:	3033	159,1	19	2-3	56,1

До видового и таксономического уровня определено 54,8% всех костей (684 экземпляра) в раскопе 1 и 56,9% (1016 экземпляров) в раскопе 2. Для всей коллекции этот показатель составил 56,1%.

На 486 фрагментах (38,9% всей коллекции) в раскопе 1 и 552 фрагментах (30,9%) в раскопе 2 зафиксированы следы искусственного воздействия – дробления, разрубов, надрубов, порезов острым лезвием, огня и высокой температуры (свыше 800°C), погрызов собаками и грызунами (табл. 2). Наиболее многочисленными оказались следы кухонного дробления (64,2% всех следов на раскопе 1 и 70,3% на раскопе 2), а также следы огня и высокой температуры (21,5% на раскопе 1 и 19,4% на раскопе 2). Такие следы являются типичными для «кухонных остатков», что в совокупности с оценкой степени раздробленности костей в остеологической коллекции подтверждает правомерность отнесения большей её части к этой категории. На 24 фрагментах присутствуют следы окислов меди зеленого цвета, вероятно, связанные с бронзолитейным производством.

Остатки ремесленных комплексов маркируют следы обработки и использования в качестве орудий труда, зафиксированные на 16 костях. Описание этих костей приводится отдельно (см. статью А.И. Жемкова, А.В. Лыганова и др., в настоящем номере).

Для оценки однородности остеологической коллекции было проведено сравнение основных параметров костного материала из культурного слоя и из заполнения ям. Ряд исследователей считают не случайным попадание костей животных, фрагментов керамики и некоторых других предметов в заполнение ям, в том числе и столбовых (Мимоход, 1999; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013). Нахождение подобных находок в ямах и рядом с ними авторы связывают с ритуальными действиями, осуществляемыми жителями поселений.

На Старочутинской стоянке выборки костей из ям мало отличаются от выборок из культурного слоя: в них присутствуют кости всех видов домашних животных, их анатомический набор включает кости из разных частей туш, костные остатки происходят от особей разного возраста, на фрагментах имеются следы кухонной разделки. Некоторые отличия в остеологическом спектре животных могут быть обусловлены небольшим объемом выборок из ям. При этом на костях из ям, как и на костях из культурного слоя, встречаются следы погрызов собаками, это говорит о том, что для помещения в ямы были взяты старые кости, либо они были доступны собакам после попадания в ямы или кости попали в ямы в процессе археологизации памятника вместе с грунтом. В большинстве ям, кости животных находились во фрагментарном состоянии, целыми встречаются как правило зубы, астрагалы, кости запястья и заплюсны, фаланги. Эти кости и в кухонных остатках обычно остаются целыми, так как довольно прочные, имеют небольшие размеры и не представляют собой пищевой ценности. Далее приводится описание комплексов в составе которых были целые кости.

Раскоп 1, яма 6 (хозяйственно-бытового назначения). Всего в заполнении ямы обнаружено 15 костей. Среди них находилась целая правая нижняя челюсть и практически целое левое ребро КРС. Обе кости происходят от одной или двух взрослых особей крупного размера, вероятно быка. Возможно, ребро было оставлено как заготовка для изготовления орудия. Остальные кости происходят от КРС и МРС и представляют собой обычные кухонные остатки. Из них 2 фрагмента имеют на своей поверхности следы погрызов собаками.

Раскоп 1, яма 7 (столбовая). В яме обнаружено 2 кости, обе целые: первая фаланга лошади и зуб из нижней челюсти КРС.

Таблица 2. Распределение следов искусственного воздействия на костях животных в археозоологической коллекции Старочутинской стоянки

Table 2. Distribution of traces of artificial impact on animal bones in the archeozoological collection of the Staryye Chuti campsite

Комплекс	Погрызы собаками	Погрызы грызунами	Порезы острым лезвием	Разбивание	Разрубы	Надрубы	Следы огня и высокой температуры	Следы обработки и использования	Следы окислов меди	Фрагментов со следами	% от общего количества костей
Раскоп 1											
Культурный слой (пласты)	11	1	2	201	1	0	87	4	0	307	43,9
Яма 4				1						1	50,0
Яма 6	2			7						9	60,0
Яма 7										0	0,0
Яма 13			1							1	100,0
Яма 21	4			13		1				18	46,2
Яма 22	1									1	11,1
Яма 44			1				1			2	100,0
Яма 50										0	0,0
Яма 51	5		8	39			6	2	15	75	38,3
Яма 58	2			9	1		1			13	23,6
Яма 59				1			1		4	6	85,7
Яма 62				7			8			15	35,7
Яма 71				1						1	16,7
Яма 72				3					1	4	33,3
Яма 73				3			2			5	29,4
Яма 75				4						4	50,0
Яма 76				5			1			6	33,3
Яма 91	2			29			1			32	30,8
Яма 102	1		1	2	1		1			6	42,9
Яма 103										0	0,0
Всего в раскопе 1:	28	1	13	325	3	1	109	6	20	506	40,5
Всего в раскопе 1, %	5,5	0,2	2,6	64,2	0,6	0,2	21,5	1,2	4,0	100,0	
Раскоп 2											
Культурный слой (пласты)	11	1	3	183	3	0	61	6	3	271	31,3
Яма 14			4	43	1		11	2		61	35,9
Яма 16										0	0,0
Яма 17							1			1	100,0
Яма 18							1			1	50,0
Яма 19	4	1	15	124	2		10	1		157	28,8
Яма 20				1						1	100,0
Яма 21							1			1	100,0
Яма 25				6						6	25,0
Яма 27				7			4	1		12	63,2
Яма 28		1		5						6	40,0

Яма 29										0	0,0
Яма 30				19			11			30	27,0
Яма 31							3			3	75,0
Яма 32										0	0,0
Яма 33			1				4			5	50,0
Всего в раскопе 2:	15	3	23	388	6	0	107	10	3	555	30,9
Всего в раскопе 2, %	2,7	0,5	4,1	69,9	1,1	0,0	19,3	1,8	0,5	100,0	
ВСЕГО:	43	4	36	713	9	1	216	16	23	1061	35,0
ВСЕГО, %	4,1	0,4	3,4	67,2	0,8	0,1	20,4	1,5	2,2	100,0	

Раскоп 1, яма 13 (столбовая). В яме находилась одна кость – правый астрагал КРС.

Раскоп 1, яма 22 (хозяйственно-бытового назначения). В заполнении ямы собрано 9 костей. Среди них находилась целая левая пястная кость КРС от особи в возрасте 2-2,5 лет и целый (сторона) астрагал КРС со следами погрызов собакой. Остальные фрагменты костей принадлежат лисице, МРС и свинье.

Раскоп 1, яма 58 (хозяйственно-бытового назначения). В яме обнаружено 55 костей животных, в том числе целый первый шейный позвонок КРС. Определимые фрагменты принадлежат КРС, лошади и МРС, два из них со следами погрызов собаками.

Раскоп 2, яма 14 (колодец). Заполнение ямы включает три слоя: сверху светло-серая супесь мощностью 50–60 см, далее темно-серая супесь со слоистыми вкраплениями угля мощностью 45–50 см, перекрывающая в западной части ямы слой светло-желтой перемешанной супеси, а по остальной площади – слой темно-серой супеси, лежащей на материковом дне и содержащей вдоль стенок ямы фрагменты плетня. Дно ямы ровное. В заполнении обнаружены разрозненные фрагменты керамики срубной культуры и кости животных, основная масса которых фиксировалась в нижней трети заполнения ямы, на границе темно-серой супеси со слоистыми вкраплениями угля со слоем темно-серой супеси. Среди костных остатков обнаружены два фрагмента костей КРС со следами использования в качестве орудий труда.

Выборка костей из ямы 14 включает 170 экземпляров. Из них до вида определено более половины (63,5%). Большая часть костей представлена во фрагментах, за исключением целых нижних челюстей и костей конечностей КРС (22 экземпляра) и МРС (6 экзем-

пляров) разного возраста (табл. 3). Кости КРС происходят минимум от 10 особей. Особям КРС первого полугодия жизни также принадлежат часть черепа и 2 фрагмента позвонков (шейного и грудного). МРС принадлежит целая нижняя челюсть от животного 4-6 месяцев, козе – левая пястная и правая плечевая кости от новорожденных особей, правая берцовая кость от особи 2,5-3,5 лет, нижняя челюсть от особи 4-6 лет, правая пястная кость взрослого животного. Кости происходят минимум от 4 особей. Кости КРС, по всей видимости, попали в яму не одновременно. Судя по возрасту животных первого года жизни, их остатки помещались в яму с интервалом в несколько месяцев. На целых костях КРС и МРС не зафиксировано следов искусственного воздействия. Они находились в слое вместе с фрагментами костей и не были зафиксированы как отдельное скопление. Они могут быть как обычными кухонными остатками, так и остатками ритуального комплекса (или нескольких комплексов). Разный возраст телят первого года жизни позволяет говорить об их разновременном попадании в колодец.

Обращает на себя внимание большое количество астрагалов взрослых особей КРС в заполнении ямы 14 – 8 экземпляров. Вместе с одноименными костями молодых животных астрагалы составляют 16,7% всех определенных костей КРС в яме. В культурном слое их доля составляет 6% на раскопе 2 и 2,7% на раскопе 1. На всех костях присутствуют следы порезов острым лезвием, оставленные при вычленении их из туш. Астрагалы часто встречаются в кухонных остатках, так являются одними из самых прочных костей в скелете и, поэтому, хорошо сохраняются в слое. В то же время, астрагалы КРС иногда используются в ритуальных целях. Следы такого использования обнаружены на поселениях срубной

Таблица 3. Целые кости КРС из заполнения ямы 14 в раскопе 2 Старочутинской стоянки
Table 3. Intact bones of cattle from pit 14 filling in excavation 2 of the Staryye Chuti campsite

Возраст	1-3 месяца		около 6 месяцев		около 6-12 месяцев		около 12-15 месяцев		около 15-20 месяцев		1,5-2 года		старше 3-х лет		Всего
	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	
Нижняя челюсть				1	1		1					1		1	5
Плечевые	1									1					2
Лучевые		1													1
Локтевые		1													1
Тазовые			1												1
Бедренные										1					1
Астрагалы						1	1					2			4
Пяточные					1		1				2				4
Всего:	1	2	1	1	2	1	3	0	0	2	2	3	0	1	19
Общее число костей/ количество особей:	3/2		2/1		3/2		2/1		2/1		4/2		1/1		19/10

Таблица 4. Целые кости КРС из заполнения ямы 19 в раскопе 2 Старочутинской стоянки
Table 4. Intact bones of cattle from pit 19 filling in excavation 2 of the Staryye Chuti campsite

Возраст	0-1 месяц		1-3 месяца		около 6 месяцев		около 12-15 месяцев		около 15-20 месяцев		около 3,5 лет		старше 3,5 лет		Всего
	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	правые	левые	
Верхняя челюсть					2										2
Нижняя челюсть	1		2	1	2	2		1						1	10
Лопаточные		1	2		1	4				2				1	11
Плечевые		1	1		1	1				1		1	1		7
Лучевые	1	1		2	2	1	1					1			9
Локтевые	1				1	1						1			4
Тазовые					3	4	2	4							13
Бедренные			1	1	1	1	1	2	1						8
Берцовые	1		1	1	2	2	1	1	1		2				11
Плюсневые					1	2				1				1	5
Пястные	1					2	1		1					1	6
Метаподии			1												1
Астрагалы	1		1	1			2	2		1		1			9
Пяточные					1	1						1		1	4

Фаланги I													5		5
Фаланги II													1		1
Всего:	6	3	7	6	18	21	8	10	3	5	2	5	7	5	106
Общее число костей/ количество особей:	8/2		13/2		39/4		18/2		8/2		7/2		12/1		106/15

культуры (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 40–48).

Остальные определимые фрагменты в яме 14 представляют собой обычные кухонные остатки, на которых зафиксированы, типичные для этой категории, следы кухонной разделки и воздействия огня. Вероятно, они попали в колодец в процессе его заполнения. Возможно, на каком-то этапе, он использовался в качестве хозяйственной ямы.

Раскоп 2, яма 19 (колодец). В заполнении ямы выделено три слоя: сверху светло-серая супесь мощностью 30–90 см, ниже слой золы с вкраплениями угля мощностью 15–65 см, нижнее заполнение ямы – темно-серая супесь с вкраплениями угля мощностью 60–65 см. Дно ямы ровное. В заполнении, во всех слоях, обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы (срубной культуры) и большое количество разрозненных костей животных, среди которых основная масса фиксировалась на дне ямы. Среди материалов выявлено левое ребро лошади со следами лощения и две индивидуальные находки.

В заполнении ямы зафиксировано 546 костей. До вида определено 80,2% всей выборки. Большая часть костей представлена во фрагментах, за исключением целых нижних челюстей и костей конечностей КРС разного возраста (106 экземпляров) (табл. 4). От этих же особей происходят 11 фрагментов черепов, 17 фрагментов позвонков, 14 фрагментов ребер. Точный возраст по этим фрагментам установить невозможно, но все они принадлежат молодым животным первого года жизни. Описанные кости КРС происходят минимум от 15 особей.

Наличие в яме костей молодых животных разного возраста свидетельствует о том, что они попали в яму не одновременно.

Мы не исключаем того, что некоторые кости животных могли попасть в столбовые и хозяйственные ямы в результате каких-либо ритуальных действий жителей поселения. Однако отсутствие повторяемости состава

таких комплексов не позволяет это утверждать. По своим параметрам эти кости, вероятнее всего, являются кухонными остатками и попали в ямы в процессе археологизации памятника. Что касается целых костей КРС и МРС в колодцах, то они, с большой долей вероятности, могут быть остатками ритуальных комплексов. Их выделение затруднено тем, что не было точно зафиксировано их расположение относительно друг друга. Основные параметры остеологической коллекции изучаемого памятника для костей из культурного слоя, столбовых и хозяйственных ям будут рассмотрены вместе. Целые кости КРС и МРС в заполнении колодцев в раскопе 2 не будут учитываться при анализе кухонных остатков.

Таким образом, остеологическая коллекция Старочутинской стоянки включает разные по своему происхождению категории костных остатков: кухонные отбросы, остатки косторезного ремесла и «ритуальные» комплексы в колодцах раскопа 2. Основную часть коллекции составляют кухонные остатки. Именно они будут использованы для характеристики хозяйственной деятельности жителей изучаемого поселения, связанной с обеспечением их мясной пищей.

Таксономический состав

Остеологическая коллекция раскопа 1 состоит из костей млекопитающих (99,3%) и птиц (0,7%). Подавляющая часть костей млекопитающих происходит от домашних животных: КРС (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), МРС – овцы (*Ovis aries*) или козы (*Capra hircus*), свиньи (*Sus scrofa domesticus*) (табл. 5). Среди остатков МРС определены 8 костей овец и 9 костей коз. Остальные фрагменты до вида определить не удалось, и они рассматриваются в рамках одной группы – мелкий рогатый скот. Больше половины всех костных остатков домашних копытных принадлежат КРС (67,4%), на втором месте по частоте встречаемости находятся кости МРС (20,2%), на третьем – лошади (9,4%), доля костей свиньи минимальна (3,0%) (табл.

5). Помимо остатков копытных в коллекции присутствуют 3 кости домашней собаки (*Canis familiaris*).

Соотношение костей домашних копытных, собранных в культурном слое, отличается от соотношения их костей в выборках из ям. В ямах процент костей КРС оказался ниже, чем в культурном слое (59,1% и 72,7% соответственно), а МРС – значительно выше (29,3% и 14,4% соответственно). Вероятнее всего, это связано с небольшим количеством костей в ямах – всего 259 экземпляров. При таких малых выборках высок фактор случайности в их формировании.

Все кости диких животных происходят из ям. В яме 22 находилась кость лисицы (*Vulpes vulpes*), а в яме 51 – кость бобра (*Castor fiber*). Кости птиц найдены на уровне 3 и 4 пластов культурного слоя и в яме 51.

В остеологической коллекции раскопа 2 присутствуют кости млекопитающих (99,3%) и птиц (0,7%). Видовой состав домашних копытных такой же, как на раскопе 1. Среди костей МРС определены кости овец – 5 экземпляров и коз – 18 экземпляров. Доля костных остатков КРС составляет 67,1%, МРС – 21,7%, лошади – 8,8%, свиньи – 2,4%. Разница в остеологическом спектре костей домашних копытных в культурном слое и в заполнении ям, скорее всего, также обусловлена малым объемом выборок. Доли костей КРС в них практически одинаковы, но значительно различаются доли костей МРС и лошади. В ямах процент костей лошади ниже, а МРС выше, чем в слое.

В коллекции присутствуют 2 кости домашней собаки. Дикие животные представлены костями птиц, рыб и раковинами моллюсков, которые найдены на уровне 2, 4 и 6 пластов культурного слоя и в ямах 14, 19 и 30.

На памятнике обнаружено 8 костей птиц и 1 кость рыбы. Костные остатки птиц принадлежат пяти видам: белолобый гусь (*Anser albifrons*) – 1 экз., кряква (*Anas platyrhynchos*) – 3 экз., лебедь кликун (*Cygnus cygnus*) – 1 экз., свиязь (*Anas penelope*) – 1 экз., широконоска (*Anas chryseata*) – 2 экз. Единственная кость рыбы происходит от щуки (*Esox lucius*).

В целом в остеологической коллекции Старочутинской стоянки совокупная доля остатков КРС составляет 67,2%. Количество костей овец и коз в два с лишним раза превышает количество костных остатков лошади.

Минимальной долей представлены кости свиньи – 2,7%.

Анатомический спектр костей домашних копытных

Оценка особенностей анатомического спектра костей на стоянке Старочутинской возможна только для КРС и МРС, чьи остатки являются достаточно многочисленными. Для сравнения взята модель кухонных остатков одной коровы, рассчитанная по схеме современной первичной разделки туш, принятой в мясной отрасли. В коллекции присутствуют все кости скелета этих видов (табл. 6). Наличие фрагментов костяных оснований рогов указывает на то, что в стаде имелись рогатые особи КРС и коз. В коллекции раскопа 1 количество нижних челюстей КРС значительно превышает их число в модели. Вероятно, это связано с тем, что, не смотря на высокую раздробленность, их фрагменты хорошо узнаваемы и, в большинстве случаев, определимы до вида. Позвонков и ребер КРС оказалось меньше, чем должно быть по теоретическим расчетам. Эти кости часто уничтожаются собаками, плохо сохраняются в культурном слое и их фрагменты не всегда пригодны для видового определения. Достаточно хорошо позвонки сохранились только в яме 19 (колодце) раскопа 2. Благоприятными условиями залегания можно объяснить и хорошую сохранность ребер МРС, значительная часть которых происходит из колодцев в раскопе 2. Значительно превышает модельный показатель число метаподий КРС и МРС. Даже с учетом прочности этих костей их доля объективно завышена. Явно превышает модельные значения и число берцовых костей МРС. Эти данные отражают неполноту кухонных остатков в целом. В раскопе 1 не было найдено ни одной фаланги МРС. В раскопе 2 они встречены только в заполнении ям. Возможно, это связано с особенностями разделки овец и коз, когда при снятии шкуры фаланги оставались в ней. Полностью утилизировались, по всей видимости, и туши лошадей – их остатки включают практически все элементы скелета. Выборка костей свиньи слишком мала для каких-либо обобщений.

Присутствие на поселении всех костей скелета КРС и МРС говорит о том, что разделка и утилизация их туш происходила на поселении или в непосредственной близости с

Таблица 5. Видовой состав домашних копытных и распределение их костей по стратиграфическим объектам на Старочутинской стоянке
 Table 5. Species composition of domestic ungulates and distribution of their bones by stratigraphic objects at the Staryye Chuti campsite

Объекты раскопок	Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	Овца или Коза (<i>Ovis aries/Capra hircus</i>)	Свинья (<i>Sus s. domesticus</i>)	Всего
Раскоп 1					
Культурны слой (пласты)	298	43	59	10	410
Культурны слой (пласты), %	72,7	10,5	14,4	2,4	100,0
Яма 6	4		5		9
Яма 7	1	1			2
Яма 13	1				1
Яма 21	9	7	10		26
Яма 22	2		1	1	4
Яма 44	1				1
Яма 50			1		1
Яма 51	67	4	25	8	104
Яма 58	15	4	3		22
Яма 59	2				2
Яма 62	11		4	1	16
Яма 71	6				6
Яма 72	3				3
Яма 73		1	4		5
Яма 75	2		3		5
Яма 76	5	1	2		8
Яма 91	15	2	15		32
Яма 102	9		3		12
Всего в ямах:	153	20	76	10	259
Всего в ямах, %:	59,1	7,7	29,3	3,9	100,0
Всего в раскопе 1:	451	63	135	20	669
Всего в раскопе 1, %	67,4	9,4	20,2	3,0	100,0
Раскоп 2					
Культурны слой (пласты)	249	58	67	8	382
Культурны слой (пласты), %	65,2	15,2	17,5	2,1	100,0
Яма 14	43	4	24	1	72

Яма 19	225	8	53	6	292
Яма 20	1				1
Яма 21	1		1		2
Яма 25	1		5	1	7
Яма 27	5		2	2	9
Яма 28	6		5		11
Яма 29	1		1		2
Яма 30	20	3	18	2	43
Яма 32			1		1
Яма 33	2		2		4
Всего в ямах:	305	15	112	12	444
Всего в ямах, %:	68,7	3,4	25,2	2,7	100,0
Всего в раскопе 2:	554	73	179	20	826
Всего в раскопе 2, %	67,1	8,8	21,7	2,4	100,0
ВСЕГО:	1005	136	314	40	1495
ВСЕГО, %	67,2	9,1	21,0	2,7	100,0

ним. Однако, в силу разных причин, не все кости попали в изучаемую коллекцию.

Возрастная структура забитых животных

Возраст забитых особей КРС на Старочутинской стоянке определен по фрагментам 6 нижних челюстей и 25 изолированным зубам. Крайне малый объем выборки может не достоверно отражать возрастную схему забоя КРС на поселении, но все же дает представление о том, в каком возрасте скот забивали и до какого возраста содержали. Зубы и челюсти происходят от 7 возрастных групп, среди которых самые молодые животные – новорожденные телята, а самые взрослые – особи старше 9 лет (рис.1). Наибольшее количество челюстей и зубов (41,9%) принадлежит молодым животным, не набравшим свой максимальный вес – от 8 месяцев до 3-х лет, среди которых преобладают остатки животных 1,5-3-х лет (35,5%). Взрослые особи (старше 3–4 лет) представлены долей 22,6%. Как правило, в этой группе преобладают самки, составляющие маточное стадо. Животным старше 6-ти лет принадлежат 25,8% челюстей и зубов. Содержание животных до 6–9 лет и старше предполагает использование их прижизненных продуктов, главными из которых являются молоко и физическая сила. По всей видимости, на

изучаемом поселении эксплуатация КРС была многосторонней, как минимум существовали две ее формы – мясная и молочная. Для достоверной оценки устойчивости естественного воспроизводства стада на Старочутинской стоянке данных недостаточно. Время забоя КРС по зубам можно установить для телят первого года жизни. Опираясь на знание сроков массового отела современного КРС в регионе (март-апрель), можно вычислить, что небольшое количество телят забивалось в конце весны-начале лета и осенью/в начале зимы.

Возраст забоя МРС, установленный по 5 челюстям и 4 зубам, включает 6 возрастных групп от 4–12 месяцев до 6–8 лет. Выборка краниологических материалов слишком мала для каких-либо обобщений. Плохая сохранность длинных трубчатых костей и их значительная раздробленность затрудняют оценку возраста животных, от которых они происходят, даже на качественном уровне. Можно отметить, что среди них имеются единичные кости новорожденных животных. Присутствие в хозяйстве овец и коз 6–8 лет свидетельствует об их длительном содержании, а, следовательно, и использовании жителями поселения их прижизненных продуктов – молока и шерсти.

Зубы из нижних челюстей лошади принадлежат животным около 5-ти лет и около 8-ми лет. По ростовым слоям в корнях зубов определен возраст особей 8-11 и 10-12 лет. Среди фрагментов длинных трубчатых костей преобладают остатки молодых и взрослых особей. По всей видимости, лошадей держали, прежде всего, в качестве рабочих животных.

По зубам свиньи установлено, что они принадлежат особям трех возрастов – взрослой, молодой (моложе 9–10 месяцев) и полувзрослой (моложе 15–20 месяцев). Молодое животное было забито зимой. Для свиньи

КРС на памятниках позднего бронзового века Среднего Поволжья (Петренко, 2007, с. 64. табл. 17)

Данных для оценки размеров МРС и свиньи на Старочутинской стоянке недостаточно. Промеры двух астрагалов овец и одного астрагала козы имеют наибольшую длину по латеральной стороне 29,9; 30,8 и 28,3 (соответственно). По своим размерам астрагалы овцы соответствуют мелким экземплярам на памятниках Южного Средневожья, а астрагал козы – средним (Поселение Малоюлдашево I..., 2016, с. 109. табл. 18).

Таблица 6. Анатомическая структура остатков домашних копытных на Старочутинской стоянке, %

Table 6. Anatomical structure of the remnants of domestic ungulates at the Staryye Chuti campsite, %

Элементы скелета	КРС (<i>Bos taurus</i>)		МРС (<i>Ovis aries/Capra hircus</i>)		Модель кухонных остатков одной коровы
	Раскоп 1	Раскоп 2	Раскоп 1	Раскоп 2	
Рог	0,2	0		4,5	1,0
Череп	3,3	4,9	3,0	6,1	3,5
Нижняя челюсть	17,0	6,3	7,4	7,3	2,5
Зубы	15,9	16,6	4,4	5,0	15,0
Позвонки	3,3	18,0	0,7	3,4	15,0
Ребра	10,4	11,4	19,2	19,0	24,0
Лопаточные	5,1	2,9	4,4	3,9	3,0
Плечевые	2,9	2,2	8,9	3,4	3,0
Лучевые	2,4	1,4	6,7	7,8	2,0
Локтевые	1,1	1,1	1,5	1,1	2,0
Тазовые	2,2	1,8	2,2	2,8	3,0
Бедренные	3,1	1,4	3,7	3,9	3,0
Берцовые	6,0	3,4	15,6	12,3	3,0
Метаподии	11,7	11,5	17,8	10,6	2,0
Подиальные	10,4	10,6	3,7	7,3	9,0
Фаланги	4,9	6,5	0,0	1,7	9,0
Общее количество костей	451	555	135	179	228

возможна только одна форма эксплуатации – мясная.

Размеры животных

Для оценки взрослых животных использовались размеры астрагалов КРС и МРС и первых фаланг лошади. Выборка астрагалов КРС включала 13 экземпляров. Их наибольшая длина варьирует от 52,1 до 69,1 мм (в среднем 63,0 мм). Такие размеры соответствуют средним и мелким одноименным костям

Лошади, судя по размерам четырех первых фаланг, были достаточно крупными (табл. 7). Их размеры близки самым крупным экземплярам одноименных костей на поселении Малоюлдашево I (Поселение Малоюлдашево I..., 2016, с. 100; 109), длина которых варьирует от 81,6 до 93,2 мм у фаланг из передних конечностей и от 81,1 до 85,9 мм у фаланг из задних конечностей. Превосходят они по своим размерам и фаланги из передних конеч-

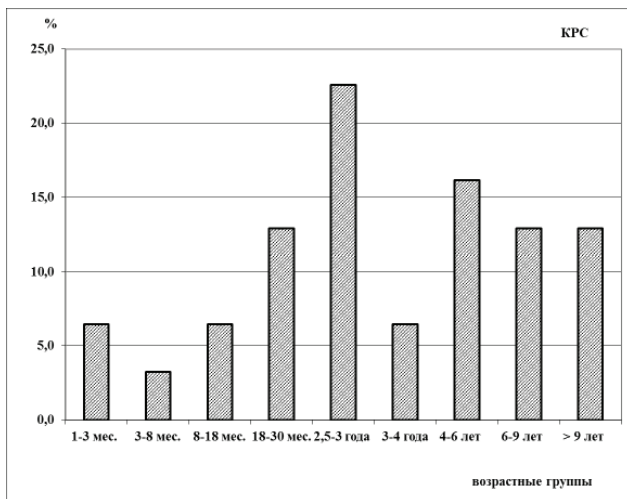

Рис. 1. Возрастная структура КРС, забитого на Старочутинской стоянке.

Fig.1. Age structure of cattle slaughtered at the Staroye Chuti campsite

ностей на Мурадымовском поселении, расположенном в лесостепном Приуралье, наибольшая длина которых составляет 84,0–90,0 мм (Петренко, 2007, с. 37).

Патологии на костях животных

В остеологической коллекции Старочутинской стоянки выявлены единичные кости со следами патологических изменений, что свидетельствует о хороших условиях содержания скота на поселении. На таранной и пяточных костях КРС зафиксировано разрастание костной ткани, связанное с воспалительным процессом. На одном из ребер КРС имеются следы срастания перелома кости.

Потребление мяса домашних копытных

Для оценки соотношения мяса разных видов домашних копытных в мясном рационе жителей Старочутинской стоянки был выполнен пересчет остеологического спектра костей в объемы потребляемого мяса по стандартной методике (Антипина, 2005б, с. 186). Результаты показали, что основу мясного питания местного населения составляла говядина. Конину, баранину, козлятину и свинину употребляли в незначительных объемах (табл. 8).

Сезон забоя домашних копытных

Для определения сезона забоя домашнего скота на Старочутинской стоянке были изучены ростовые слои в цементе корней зубов крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади и свиньи (табл. 9).

Установлено, что зубы принадлежат животным, забитым во все сезоны года: с весны до

зимы. При этом, среди всех четырех видов есть особи, забитые в разные периоды года. Малый объем выборки не позволяет оценить соотношение забитых животных в разные сезоны года. Можно предположить, что и в теплое и в холодное время года интенсивность забоя животных на поселении была одинаковая.

Существенное преобладание в остеологической коллекции Старочутинской стоянки костей КРС, а также говядины в мясном потреблении жителей поселения отражает его численное преобладание и среди разводимых животных (Антипина, 1997, с. 24–25). Подобная ситуация зафиксирована и на большинстве других поселений эпохи бронзы Восточной Европы. В материалах изучаемого поселения кости КРС составляют 67,2% определяемых костей домашних копытных. Этот показатель является самым высоким среди изученных бытовых памятников лесостепной зоны Волго-Камья (Мурадымовское, Казангулово I, Набережное I), на которых доля костей КРС не превышает 59,5% (Казангулово I) (Лыганов, 2011, с. 130). Это может быть особенностью хозяйственной деятельности жителей Старочутинской стоянки, а может являться следствием разных методик сбора костей в процессе раскопок и при отборе их в коллекцию на разных поселениях. На рассматриваемых поселениях имеется значительная разница в количестве костей лошади и МРС. Доля костей лошади варьирует от 13,0% до 33,0%, а доля костей МРС – от 21,4% до 40,0%. На памятниках, расположенных южнее – на границе степи-лесостепи и в степи (Малоюлдашево I, Максютовское, Успенское, Покровское, Кротовское I), остеологические спектры костей животных также различаются (Лыганов, 2011, с. 130; Поселение Малоюлдашево I..., 2016, с. 107, табл. 13; Рослякова, 2017, с. 489-490, табл. 3). Доля костей КРС в них составляет от 48,5% до 67,3%, МРС – около 30,0%, а лошади – от 4,9% до 22,0%. В целом на поселениях количество костей МРС преобладает над количеством костей лошади. Исключение составляет поселение Мурадымовское, в котором костей лошади больше, чем костей МРС. С чем связаны такие существенные различия остеологических спектров, пока сказать сложно.

Как и на других поселениях срубной культуры Восточной Европы на Старочутинской

Таблица 7. Размеры первых фаланг лошади на Старочутинской стоянке, мм
Table 7. The first phalanx sizes of the horses at the Staryye Chuti campsite, mm

Конечность	Максимальная длина	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина верхнего сустава	Поперечник верхнего сустава	Минимальная ширина диафиза	Ширина нижнего конца в буграх	Ширина нижнего сустава
передняя	88,6	-	-	-	-	36,5	-	-
передняя	90,2	54,1	-	52,8	-	36,2	48,3	47,5
передняя	94,2	60,0	40,8	54,7	-	36,4	46,3	43,3
задняя	86,5	56,3	39,7	52,2	31,1	33,3	41,7	23,7

Таблица 8. Структура потребления мясных продуктов на Старочутинской стоянке
Table 8. Consumption structure of meat products at the Staryye Chuti campsite

КРС	Лошадь	МРС	Свинья
остеологические спектры			
67,2	9,1	21,0	2,7
кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туши МРС			
6	5	1	1,2
соотношение объемов мясных продуктов в условных единицах потребления			
403,3	45,5	21,0	3,2
соотношение объемов мясных продуктов в %%			
85,3	9,6	4,4	0,7

Таблица 9. Результаты определения сезона забоя/гибели животных на Старочутинской стоянке
Table 9. Results of determining the season of slaughtering/death of cattle

№	Местоположение	Вид	Зуб	Возраст, лет	Время года	Наиболее вероятный сезон гибели
1	Р. 1, кв. 222/224, пласт 2, яма 91	<i>Bos taurus</i>	i	2–4	теплое	конец весны–начало лета
2	Р. 1, кв. 125/128, пласт 3, яма 51	<i>Sus scrofa domesticus</i>	M1-2	1,5	теплое	лето
3	Р. 1, кв. 18/20, пласт 4	<i>Bos taurus</i>	m1-2	1–2	теплое	лето
4	Р. 1, яма 51	<i>Bos taurus</i>	p4	5–6	теплое	конец лета–начало осени
5	Р. 2, кв. 9/6	<i>Equus caballus</i>	i1	10–12	теплое	весна
6	Р. 2, кв. 109/3	<i>Equus caballus</i>	m1-2	8–11	теплое	конец весны–начало осени
7	Р. 2, кв. 91/92, яма 19	<i>Bos taurus</i>	i	4–4,5	теплое	лето
8	Р. 1, кв. 213, пласт 6	<i>Bos taurus</i>	m1-2	4-5	холодное	поздняя осень–зима
9	Р. 1, кв. 189/205, яма 21	<i>Bos taurus</i>	m1-2	2–3	холодное	поздняя осень–зима
10	Р. 2, кв. 93/94, яма 14	<i>Bos taurus</i>	m1-2	4–5	холодное	поздняя осень–зима
11	Р. 2, кв. 93/94, яма 14	<i>Capra et Ovis</i>	m1; m2	6	холодное	поздняя осень–зима
12	Р. 2, кв. 91/92, яма 19	<i>Bos taurus</i>	P2-4	~8–9	холодное	поздняя осень–зима

стоянке реконструируется наличие нескольких форм эксплуатации домашних копытных. Животных содержали для получения мяса и прижизненных продуктов – молока, шерсти, мускульной силы.

По всей видимости, жители Старочутинской стоянки, как и в целом население степи и лесостепи Восточной Европы в эпоху поздней бронзы практиковали подвижную систему разведения скота (Антипина, Моралес, 2005). Различия видовых спектров животных на разных поселениях в Волго-Камье, может быть, связанными с локальными особенностями организации этой системы.

Изученные на Старочутинской стоянке комплексы целых костей КРС и МРС в заполнении и на дне колодцев, мы, предположительно, связываем с ритуальной деятельностью жителей поселения. Отсутствие четкой фиксации местоположения костей в колодезных ямах затрудняет интерпретацию этих находок. На территории Волго-Уралья кости животных в заполнении колодезных ям на поселениях бронзового века встречаются, однако для них либо отсутствуют видовые определения костей, найденных в них (Колев, Королев, 2017, с. 531; Файзуллин, 2024, с. 47–48; 54), либо костные остатки в них являются кухонными отбросами (Рослякова, 2017, с. 477; Поселение Малоюлдашево I., 2016, с. 95). Костные остатки животных в заполнении колодцев встречаются на поселениях синташтинской, срубной и алакульской культур в Зауралье. В колодцах синташтинской группы на поселении Каменный Амбар было встречено много находок – от бытового мусора и шлаков до разнообразных изделий: костное орудие из ребра КРС, каменный молот, миниатюрный керамический сосудик, несколько деревянных изделий. В придонной части одного из колодцев было обнаружено 10 пар челюстей МРС от 12 особей, уложенных горизонтально друг на друга (жертвенник?) (Епимахов, Берсенева, 2012, с. 165). Челюсти животных (КРС и МРС) найдены в колодцах поселений Устье, Аландское и Синташта. На поселении Аркаим на дне одного из колодцев зафиксированы «выкладки из нижних челюстей КРС или фаланг лошади» (Косинцев, 2000, с. 28). Археологизированные колодцы всех упомянутых выше памятников в подавляющем большинстве случаев заполнены сверху грунтом с большим количеством продуктов

горения: крупными углями (вплоть до сгоревших бревен), кусками глины, подвергшимися воздействию высоких температур и т.д. (Епимахов, Берсенева, 2012, с. 167). Заполнение колодцев на Старочутинской стоянке также включает прослойки золы и темносерой супеси с вкраплениями угля. Перечисленные факты косвенно подтверждают наше предположение о назначениях обсуждаемых комплексов. Жертвенные комплексы с черепами и дистальными частями конечностей КРС и МРС известны в могильниках срубной культуры. Большая часть из них состоит из остатков нескольких разновозрастных особей (Рослякова, 2012, с. 403), что также дает основание связывать изученные материалы в заполнении колодцев с ритуальной практикой жителей Старочутинской стоянки.

Заключение

Изучение остеологических материалов Старочутинской стоянки показало, что ее жители разводили все виды домашних копытных, среди которых основное значение имел крупный рогатый скот. Доля костей КРС на рассматриваемом памятнике оказалась самой высокой среди поселений срубной культуры в лесостепном и степном Волго-Уралье. Как и на большей части поселений срубной культуры на Старочутинской стоянке доля костей МРС в остеологическом спектре выше, чем доля костей лошади.

Наличие многообразных форм эксплуатации домашних копытных, а также малое число патологий на костях животных, свидетельствуют о высоком уровне развития скотоводческой деятельности на поселении. Охота велась на те виды животных, которые давали не только мясную, но и сопутствующую продукцию (пушнина, пух, перо и т.д.). Костные остатки рыб выявлены в единичном количестве, что не позволяет сделать выводы о потреблении рыбы на данном памятнике. Забой скота на поселении производился круглогодично. Избирательности в забое того или иного вида в определенный сезон года не было.

Остатки комплексов с костями животных на дне колодцев, изученные на Старочутинской стоянке, по всей видимости, являются жертвенниками. Существование подобной ритуальной практики у населения Волго-Уралья ранее не зафиксировано. Истоки этой традиции связаны с населением синташтинской, срубной и алакульской культур в Зауралье.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е.Е.* Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. 1997. № 3. С. 20–32.
- Антипина Е.Е.* Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Науч. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.
- Антипина Е.Е.* Острая Лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 225–242.
- Антипина Е., Моралес А.* «Ковбои» Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Ред. А.П. Бужилова. М.: ИА РАН, 2005. С. 29–49.
- Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А.* Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.
- Епимахов А.В.* Диагностирование мобильности по данным анализа изотопии стронция: возможности и ограничения // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2023. С. 63–66.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А.* Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2 / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 164–168.
- Клевезаль Г.А.* Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- Колев Ю.И., Королев А.И.* Поселение Русская Селитьба II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 526–573.
- Косинцев П.А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим / Ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Челябинск: Институт истории и археологии УО РАН, 2000. С. 17–44.
- Лыганов А.В.* Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4 (26). С. 126–132.
- Мимоход Р.А.* Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) / Отв.ред. П.П. Толочко. Запорожье: Запорожский гос. ун-тет, 1999. С. 175–181.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 144 с.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Т. 7, № 1. С. 33–48. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-2
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Таранные кости крупнорогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014. Т. 10, № 2. С. 31–56. DOI:10.14258/tpai(2014)2(10).03
- Ресурсы аридных регионов юга России и человек в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья / Отв. ред. Н.И. Шишлина, А.А. Казарницкий. СПб, М: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2023. 224 с.
- Рослякова Н.В.* Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн.1 / Ред. В.А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 399–404.
- Рослякова Н.В.* Археозоологические материалы из раскопок Кротовского I поселения // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 474–491.
- Файзуллин И.А.* Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья // Археология Казахстана. 2024. № 2 (24). С. 44–69.
- Шишлина Н.И., Азаров Е.С., Дятлова Т.Д., Рослякова Н.В., Бачура О.П., Й. ван дер Плихт, Калинин П.И., Идрисов И.А., Борисов А.В.* Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения

подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социальных групп // *Stratum Plus*. 2018. № 2. С. 69–90.

Шишлина Н.И., Рослякова Н.В., Колев Ю.И., Бачура О.П. Степное Поволжье эпохи бронзы: металл, животные и изотопы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 264–266. DOI 10.31600/978-5-907053-35-9-264-266

Ткачев В.В., Косинцев П.А., Бачура О.П., Д.А. Байтлеу. Модель скотоводческого хозяйства населения позднего бронзового века с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугоджарах (западный Казахстан) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т.23. №. 2. С. 377–395.

Anthony D. W., Brown D. R., Mochalov O. D., Khokhlov A. A., Kuznetsov P. F. (eds.). *A Bronze Age Landscapes in the Russian Steppes: The Samara Valley Project*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press, 2016. 511 p.

Eisenmann V., Alberdi M. T., de Giuli G., Staesche U. *Studying fossil horses. Vol. 1: Methodology. Collected papers after the New York International Hipparion Conference (1981, New York)*. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988. 71 p.

Grant A. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites / B. Wilson, C. Grigson & S. Payne (eds.). Oxford, England: BAR British series, 1982. Vol. 109. P. 91–108.

Kristiansen K. *Archaeology and the Genetic Revolution in European Prehistory*. Cambridge, 2022. 100 p.

Von den Driesch A. *A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites*. Harvard University, 1976. 136 p. (Peabody Museum Bulletin. N 1).

Scott A., Hermes T., Hagan R., Majander K., Krause J., Haak W., Warinner C., Hansen S., Reinhold S., Kalmykov A.A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Karapetian M., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Guliyev F., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J. et al. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // *Nature Ecology and Evolution*. 2022. Vol. 6. P. 813–822.

Silver I. The ageing of domestic animals // *Science in archaeology: a survey of progress and research* / D. R. Brothwell, E. S. Higgs, G. Clark (eds.). London: Thames and Hudson, 1969. P. 283–302.

Информация об авторе:

Рослякова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); roslyakova_n@mail.ru

Бачура Ольга Петровна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); olga@ipae.uran.ru

Жемков Алексей Игоревич, ООО «Поволжский археологический центр» (г. Саратов, Россия); jemkov_ai@mail.ru

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань); archaeozoologist@yandex.ru

Шаймуратова Диляра Наилевна, научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань); galimovad@gmail.com

REFERENCES

- Antipina, E.E. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 20–32 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnyye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 181–190 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2011. In Chernykh, E. N. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 225–242 (in Russian).

Antipina, E.E., Morales A. 2005. In Buzhilova, A. P. (ed.). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arheologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–49 (in Russian).

Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Mukhametdinov, V. I., Rosliakova, N. V., Usachuk, A. N., Faizullin, I. A., Khokhlov, A. A. 2016. *Poselenie Maloiuldashevo I epokhi neolita i pozdnei bronzy v Zapadnom Orenburzh'e (Maloyuldashevo I Settlement of the Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg Region)*. Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2023. In Tishkin, A. A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 3. Barnaul: Altay State University Publ., 63–66 (in Russian).

Epimakhov, A.V., Berseneva, N.A. 2012. In Alekshin, V. A. et.al. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 2. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 164–168 (in Russian).

Klevezal, G. A., 1988. *Registriruyushchie struktury mlekopitayushchikh v zoologicheskikh issledovaniyakh (Recording Structures of Mammals in Zoological Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kolev, Yu. I., Korolev, A. I. 2017. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 6. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 526–573 (in Russian).

Kosintsev, P. A. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii: trudy muzeya-zapovednika Arkaim (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim)*. Chelyabinsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for History and Archaeology, 17–44 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2011. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University)* 26 (4), 126–132 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 1999. In Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu B.N. Grakova) (Issues of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea region (to the 100th anniversary of B.N. Grakov))*. Zaporozhye: Zaporizhia State University, 175–181 (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhitovnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials))*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Cimidanov, V. V. 2013. In *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 7 (1), 33–48 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Cimidanov, V. V. 2014. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 10 (2), 31–56 (in Russian).

Shishlina, N. I., Kazarnitsky, A.A. (eds.) 2023 *Resursy aridnykh regionov yuga Rossii i chelovek v epokhu bronzy, rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya (The resources of the arid regions of Southern Russia and human being in the Bronze, Early Iron and Middle Ages)*. Saint Petersburg; Moscow: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (in Russian).

Roslyakova, N. V. 2012. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 399–404 (in Russian).

Roslyakova, N. V. 2017. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 6. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 474–491 (in Russian).

Faizullin, I. A. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 24 (2), 44–69 (in Russian).

Shishlina, N. I., Azarov, E. S., Dyatlova, T. D., Roslyakova, N. V., Bachura, O. P., Plixt, J. van der, Kalinin, P. I., Idrisov, I. A., Borisov, A. V. 2018. In *Stratum Plus* (2), 69–90 (in Russian).

Shishlina, N. I., Roslyakova, N. V., Kolev, Yu. I., Bachura, O. P. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.) *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste svyazei i vzaimodeistvii v*

evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts). 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, "Nevskaia Tipografiia" Publ., 264–266 (in Russian).

Tkachev, V.V., Kosincev, P.A., Bachura, O.P., Bajtleu, D.A. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 23 (2), 377–395 (in Russian).

Anthony, D. W., Brown, D. R., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Kuznetsov, P.F. (eds.). 2016. *A Bronze Age Landscapes in the Russian Steppes: The Samara Valley Project*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press.

Eisenmann, V., Alberdi, M. T., de Giuli, G., Staesche, U. 1988. *Studying fossil horses. Vol. 1: Methodology*. Collected papers after the New York International Hipparion Conference (1981, New York). Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill.

Grant, A. 1982. In Wilson, B., Grigson, C., Payne, S. (eds.). *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites*. Oxford, England: BAR British series 109, 91–108.

Kristiansen, K. 2022. *Archaeology and the Genetic Revolution in European Prehistory*. Cambridge.

Von den Driesch, A. 1976. *A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites*. Harvard University.

Scott, A., Hermes, T., Hagan, R., Majander, K., Krause, J., Haak, W., Warinner, C., Hansen, S., Reinhold, S., Kalmykov, A.A., Belinskiy, A., Buzhilova, A., Berezina, N., Karapetian, M., Kantorovich, A.R., Maslov, V.E., Guliyev, F., Gasimov, P., Jalilov, B., Eminli, J. et al. 2022. In *Nature Ecology and Evolution* (6), 813–822.

Silver, I. 1969. In *Science in archaeology: a survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 283–302.

About the Author:

Roslyakova Natalya V., Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education, Maksima Gorkogo str., 65/67, office 407, Samara, 443099, Russian Federation; roslyakova_n@mail.ru

Bachura Olga P., Candidate of Biology Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Marta str., 202, Yekaterinburg, 620144, Yekaterinburg, Russian Federation; olga@ipae.uran.ru

Zhemkov Alexey I., LLC «Volga Archaeological Center», 2nd Sadovaya str., 42/46, sq. 146, Saratov, 410017, Russian Federation; jemkov_ai@mail.ru

Askeyev Igor V. Candidate of Biology sciences. Associate Professor. The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Daurskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; archaeozoologist@yandex.ru

Shaymuratova Dilyara N., The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Daurskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Butlerova str., 30, Kazan, 420012; galimovad@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 930.2/902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.325.331>

**ПИСЬМО А.С. БАШКИРОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
АКАДЕМЦЕНТРА ТАТНАРКОМПРОСА С.С. АТНАГУЛОВУ
ИЗ БИЛЯРА 21 ИЮНЯ 1929 Г.**

© 2024 г. Х.М. Абдуллин

Впервые публикуется текст письма Алексея Степановича Башкирова (1885-1963), специалиста по древней и средневековой истории и архитектуре, археолога, написанное председателю Академцентра Татнаркомпроса ТАССР С.С. Атнагулову из Биляра 21 июня 1929 г. Письмо является важным источником характеризующим процесс организации и проведения археологических исследований на Билярском городище в 1928-1929 гг. Здесь впервые А.С. Башкиров пишет о своем тюркском происхождении и сложностях во взаимоотношении с чиновниками от науки. Источник помогает понять дух эпохи, в которой жил и творил ученый, а также его взгляды, которые через несколько лет послужат основанием для репрессий в период сталинского террора.

Ключевые слова: А.С. Башкиров, Биляр, экспедиция, археология, письмо, С.С. Атнагулов.

**LETTER FROM A.S. BASHKIROV TO THE CHAIRMAN
OF THE ACADEMIC CENTER OF PEOPLE'S COMMISSARIAT
FOR EDUCATION S.S. ATNAGULOV FROM BILYAR ON JUNE 21, 1929**

Kh.M. Abdullin

For the first time, a letter by Aleksei Stepanovich Bashkirov (1885-1963), a specialist in ancient and medieval history and architecture, an archaeologist, written to the chairman of the Academic Center of TASSR People's Commissariat for Education S.S. Atnagulov from Bilyar on June 21, 1929, is published. The letter is an important source describing the process of organization and conducting archaeological research at the Bilyar settlement in 1928-1929. Here for the first time A.S. Bashkirov writes about his Turkic origin and difficulties in dealing with officials from science. The source helps to understand the spirit of the era in which the scientist lived and worked, as well as his views, which in a few years would serve as the basis for repression during the Stalinist terror.

Keywords: A.S. Bashkirov, Bilyar, expedition, archaeology, letter, S.S. Atnagulov.

Письмо видного советского археолога Алексея Степановича Башкирова к председателю Академического центра Народного комиссариата просвещения ТАССР Салахетдину Садриевичу Атнагулову¹ было обнаружено среди документов, отложившихся в фонде № Р447 «Общества изучения Татарстана» (1925–1930) Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Адресат в заголовке не указан, однако в тексте есть прямое к нему обращение: «Вед[ь], тов[арищ] Атнагулов, за Москвой остаются расходы и часть исследования памятников Булгаро-Тат[арской] культуры». Документ подписан А.С. Башкировым с указанием места написания «Биляр» и даты: 21 июня 1929 года. Письмо написано карандашом на писчей бумаге, мелким почерком, на трех листах с оборотами.

В своем обращении ученый даёт краткое видение изучения Биляра и болгарской куль-

туры в прошлом, укоряя археологов периода Российской империи в том, что они «раскапывали места поселений каменного периода или того населения края, которое вымерло без остатка», а вот историей здравствующих народов не занимались. В этом он видел правительственную политику, впрочем, отдавая должное и старым научным кадрам в проведенных археологических исследованиях: «много полезного для науки, но далекого от современности нашей сделали старые археологи Казани».

Сенсационным в письме выглядит его откровение о своем тюркском происхождении: «Я со студенческой скамьи, как уроженец Татреспублики и как тюрк по отцу, интересовался объединенной Булгаро-Татарской культурой». Ни в одной из его официальных биографий этот факт никак не упоминается (Пятышева, 1963; Винокуров, 2016;

Кузьминых, Белозерова, 2017; Данилов, 2019; Непомнящий, 2019; Сташенков, 2021; Маммаев, 2023). Конечно, исходя из его фамилии такой вопрос можно было бы поставить чисто гипотетически, но мало ли в нашей стране людей с фамилией Башкиров, Чувашов, Мишарин, Татарский или Турчанинов? В этой связи интересно было бы провести исследование о его отце – сельском учителе Степане Башкирове, тем более что в письме он сообщает о нем довольно интересные подробности: *«В борьбе с казанскими миссионерами и русификаторами умер мой отец на посту сельского учителя. Его могила хорошо известна крестьянам Нижнего Услона, и на старом заброшенном кладбище она одна осталась под защитой крестьянской общины и сельсовета».*

В письме Алексей Степанович повествует о своем пути в болгаро-татарскую археологию в 1918–1919 гг., подготовленной книге «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» и конфликте по этому поводу с председателем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) Бруно Адлером², правда, не раскрывая сути его претензий. Сообщает, что, по его замыслу, вышедшая книга была лишь первой частью исследований и вторая тоже уже была приготовлена к изданию.

Археологические исследования «*болгарских мест*» в 1928 г. А.С. Башкиров называет самыми масштабными в истории Казани и подчеркивает, что в них *«все работники Казани принимали деятельное участие».* В то же время со свойственной ему прямоотой Алексей Степанович отмечает и трудности, которые возникли в работе, называя их *«скрытыми склоками».* Если в Казани таковые он видел в старом, сохранившемся еще с дореволюционных времен ОАИЭ, называя их *«русификаторами»*, то в центре для него в подобной роли выступали *«доброжелатели» чиновники от Главнауки*, *«попридержавшие»* выдачу открытого листа на проведение раскопок в 1928 году. Опять же со свойственной ему прямоотой А.С. Башкиров признается, что нарушил формальности и провел исследования без разрешительных документов, *«надеясь на то, что меня как победителя судить не будут, а Татарская республика меня поддержит пред Главнаукой Р.С.Ф.С.Р., которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за*

шиворот, не выдавая (через своих чиновников) отк[рытого] листа». Работы 1928 г. под руководством Алексея Степановича в итоге были одобрены в Казани, Москве и Ленинграде.

В 1929 г. история повторилась. А.С. Башкиров подает заявку на получение Открытого листа на раскопки в Биляре через Институт народов Востока. Его заверяют, что по получении листа он немедленно будет выслан в Музейный отдел Академцентра, однако по прошествии более трех недель вопрос с листом так и не нашел своего решения. Собственно, все письмо, так или иначе, строится вокруг проблемы получения Открытого листа исследователем. Республиканские научные власти по прошествии значительного времени и отсутствии решения этого вопроса присылают к ждущему в Биляре А.С. Башкирову отношение, затем просят вернуть часть денег, выделенных на экспедицию. Ответом на эти действия и явилось данное письмо.

Его ценность заключается и в том, что Алексей Степанович подробно, по пунктно описывает ход подготовки экспедиции, свои встречи и переговоры в Казани, перечисляет казанских исследователей, как связанных с археологией, так и конкретно этой экспедицией: *«больной Егерев, Корнилов, Р. Тагиров, Калинин, Вараксина, Акчурина»*, З.Тагиров, Гафаров, Сементовский, Али-Рахим. Дает финансовые расклады проведения экспедиции с обозначением расходов центральных организаций, которые А.С. Башкиров по-простому именует *«Москва».*

В письме импонирует прямолинейная открытость и решительность ученого в желании выполнить поставленные задачи: *«Я не могу допустить, ч[то] бы не был дан мне Откр[ытый] лист. Он должен быть и будет, т[ак] к[ак] работа прошлого года вполне удовлетворительна и нет повода к отказу в работе настоящего года. Здесь не увязка во времени и на основании формальных требований нельзя разрушать дело по существу».* Или *«Оставленный в одиночестве здесь в Биляре сотрудниками экспедиции, ч[то] считаю по меньшей мере странным[,] я обратился за помощью к местным краеведам, которые с увлечением вошли в работу и работа назначенная не будет сорвана[,] будет выполнена с честью не за страх, а за совесть и я докажу, ч[то] я не работник центра, а работник ВАИИ, как Вы говорили».*

В то же время, зная дальнейшую печальную биографию А.С. Башкирова, впрочем, характерную для многих советских ученых 20–30-х гг. XX века (Жанбосинова, 2023, с. 417–437), эта же его прямолинейность, особенно в национальном вопросе, приведет к печальным последствиям. Известный исследователь биографии Алексея Степановича Н.И. Винокуров в своей статье отмечает, что ученый был арестован 8 января 1935 г. по обвинению в создании контрреволюционной националистической группы и контрреволюционной деятельности. Группе «группа Башкирова, Бороздина, Захарова» вменялись агитация и пропаганда против советской власти, шовинизм и национализм. А.С. Башкирову отдельно еще и пантюркизм, за связи с археологами Крыма и Поволжья (Винокуров, 2016, с. 109–111).

Думается, что материал по этому поводу органами был накоплен значительный. Прямолинейность Алексея Степановича наверняка была не только в этом письме, но даже и этого одного письма хватило бы для целого «букета» обвинений в тот период. Вот только некоторые его «крамольные» мысли, навсегда оставшиеся на бумаге: «...я местный уроженец, давно зарыт в изучение прошлого Т[атарской] Р[еспублики] и я не позволю злобствующим русификаторам срывать работу, хотя бы и по самым формальным основаниям. Я не могу согласиться и с тем, ч[то] Ваши организации[,] работающие за счет Т[атарской] Р[еспублики], расклавивались пред органами центра[,] хотя бы и почтенными. Т[атарская] Р[еспублика] входит в РСФСР[,] она согласует действия с центром, но, мне думается, должна иметь

и свой достаточно веский голос. Чиновники центра не смогут меня опорочить, т[ак] к[ак] я работаю на археологической дороге 20 лет, и имею выучку не доморощенных археологов, а и западноевропейских».

Однако, несмотря на признательные показания А.С. Башкирова и три проведенных заседания суда, каким-то чудом 9 августа 1937 г. уголовное дело в их отношении было отложено и больше не возобновлялось. 14 сентября 1937 г. А.С. Башкиров и двое его коллег были сосланы на три года в Казахстан. Алексею Степановичу повезло: он продолжил в дальнейшем преподавательскую и исследовательскую работу. А вот адресату его письма, Салаху Атнагулову, – нет, в 1936 г. он был арестован, обвинён в связях с троцкистами и расстрелян.

Работы 1929 г. в Биляре всё же были выполнены: продолжена топографическая съемка городища (подробно были занесены на план 1928 г. средний и дальний вал и находящиеся между ними холмы от древних сооружений), были обнаружены два крупных кирпичных сооружения из дотатарского кирпича, изучались каменоломни Биляра около так называемого «Серебряного ключа». Кроме того, экспедиция провела работы на городище Джукетау и в Болгарах (Абдуллин, Бочаров, Ситдииков, 2016, с. 16–17).

Письмо А.С. Башкирова председателю Академцентра Татнаркомпроса ТАССР С.С. Атнагулову из Биляра, датированное 21 июня 1929 г., является важным источником по истории археологии региона, раскрывающим как многие общие вопросы, так личные взгляды автора.

Примечания:

¹ Атнагулов Салахетдин (Салах) Садреевич (1893–1938) – политический деятель, публицист, писатель. Окончил медресе «Галия». До 1917 года преподавал в медресе деревни Азеево Тамбовской губернии. После Февральской революции 1917 года занялся политической деятельностью, поддерживал платформу татарских левых эсеров и находился в оппозиции к Временному правительству. Депутат Миллэт Меджлиси (1917–1918 годы). Член и главный секретарь Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата. В 1918–1919 годах член Военной коллегии Татаро-Башкирского комиссариата, редактор газеты «Кызыл Яу» – органа политотдела 5-й армии Восточного фронта, военный инструктор Центрального бюро народов Востока при Центральном Комитете Российской коммунистической партии (большевиков), редактор газеты «Кызыл Армия». С 1920 года в Наркомате просвещения ТАССР (с перерывом, в 1921–1922 годах редактор газеты «Эшче» в Москве, в 1925–1927 годах редактор газеты «Кызыл Татарстан»). В 1927–1929 годах председатель Академцентра. Был сторонником перевода татарского алфавита с арабской графики на латиницу – яналиф. С начала 1930-х годов на научной и педагогической работе (до 1935 года). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

² Адлер Бруно Фридрихович (Бруно Вильгельм Карл Адольф Адлер) (1874–1942) – российский и советский географ, этнограф, антрополог, музеевед, общественный деятель. Основатель казанской этнографической школы.

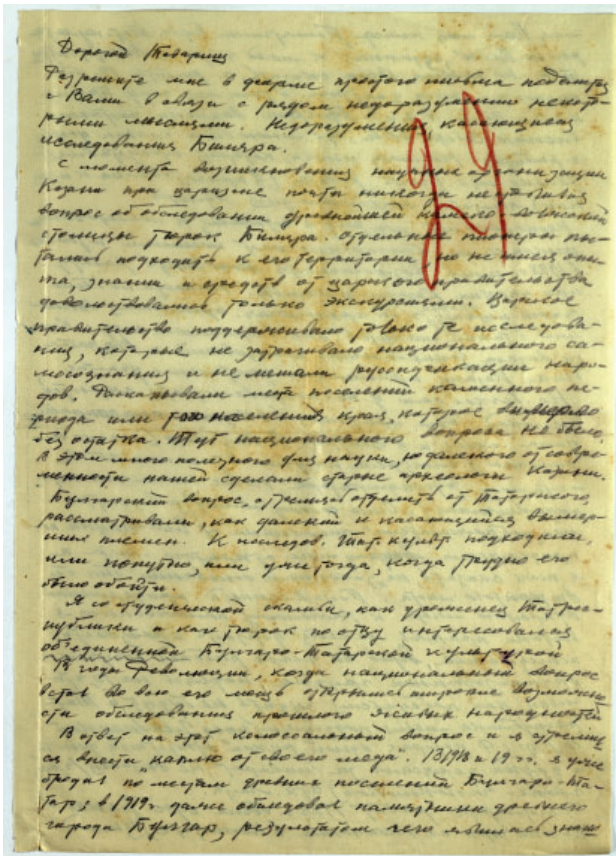

Рис. 1. Первый лист письма А.С. Башкирова. Государственный архив Республики Татарстан. Фонд Р-447. Описание 1. Дело 40. Лист 29.

Fig. 1. The first page of A.S. Bashkirov's letter. The State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. R-447. Aids 1. Folder 40. Page 29.

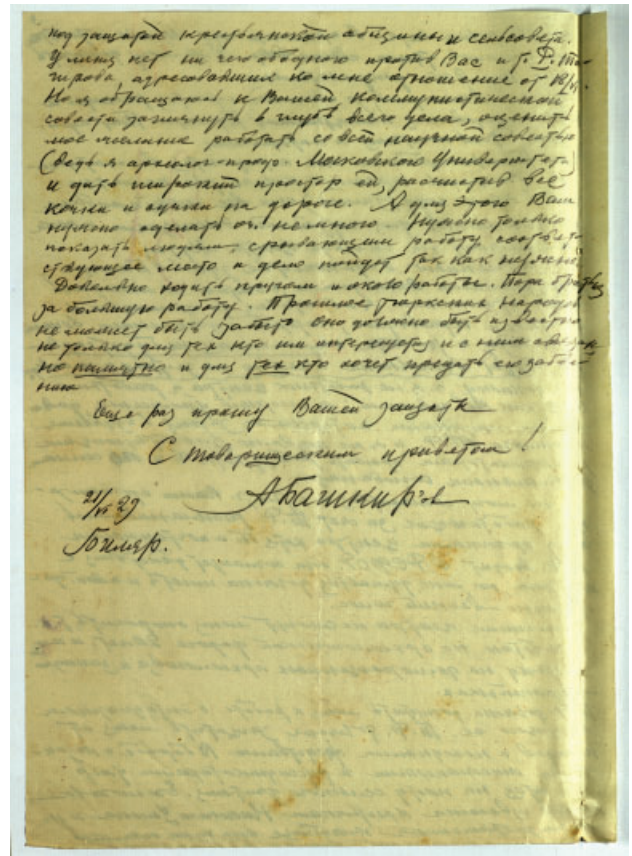

Рис. 2. Последний лист письма А.С. Башкирова. Государственный архив Республики Татарстан. Фонд Р-447. Описание 1. Дело 40. Лист 31 оборотный.

Fig. 2. The last page of A.S. Bashkirov's letter. The State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. R-447. Aids 1. Folder 40. Page 31, back.

Текст письма

Дорогой Товарищ

Разрешите мне в форме простого письма поделиться с Вами в связи с рядом недоразумений некоторыми мыслями. Недоразумения, касающиеся исследования Биляра.

С момента возникновения научных организаций Казани при царизме почти никогда не ставился вопрос об обследовании древнейшей камско-волжской столицы тюрок Биляра. Отдельные пионеры пытались подходить к его территории, но не имея опыта, знаний и средств от царского правительства довольствовались только экскурсиями. Царское правительство поддерживало только те исследования, которые не затрагивало национального самосознания и не мешали русификации народов. Раскапывали места поселений каменного периода или того населения края, которое вымерло без остатка. Тут национального вопроса не было. В этом много полезного для науки, но далекого от современности нашей сделали старые археологи Казани. Булгарский вопрос, стремясь отделить от Татарского, рассматривали, как далекий и касающийся вымерших племен. К исследов[анию] Тат[арской] культ[уры] подходили или попутно, или уже тогда, когда трудно его было обойти.

Я со студенческой скамьи, как уроженец Татарской Республики и как тюрок по отцу интересовался объединенной Булгаро-Татарской культурой. В годы Революции, когда национальный вопрос встал во всю его мощь открылись широкие возможности обследования прошлого живых народностей.

В ответ на этот колоссальный вопрос и стремился внести «каплю от своего меда». В 1918 и 19 гг. я уже бродил по местам древних поселений Булгаро-Татар; в 1919 г. даже обследовал памятники древнего города Булгар, результатом чего явилась знакомая Вам моя книга «Памятники Булг.-Тат. культуры на Волге», изданная к моей чести и Акадцентром Т.Р. Но нужно Вам сказать, ч[то] работа 19 б[ыл]а опорочена пред центром в том же году Председателем Об-ва А.И.иЭ. Адлером вопреки постановлению

Совета Об-ва, где мною был сделан доклад о работах. Но моя книга, которая представляет только еще I часть работы (II приготовлена к изданию) является клеймом для Адлера.

Несколько лет подряд я готовился к исследованию раскопками болгарских мест[,] поселений и только в 1928 г. имел возможность выполнить работу при участии Казани и Москвы. Никогда не было такого случая в Казани, ч[то]бы археологич[еские] изыскания выливались в такой масштаб, как в прошлом году и Казань не видела таких больших исследований и все работники Казани принимали деятельное участие.

Но всякое дело у нас сопровождается скрытой склокой: она притаилась в Казани[,] она сопровождала меня и в центре. В Каз[ани] косо (мягко выражаясь) смотрели на дело в том же Об[щест]ве – старом руссификаторе, ныне несколько переродившемся («Сила солому ломит»), а в центре мои «доброжелатели» чиновники от Главнауки попрдержали выдачу мне открытого листа и я так сказать, на «законном основании» был без открытого листа. Поставленный прдержкой открытого листа к тяжелому положению я все[-]таки принял на себя дерзость произвести исследование, встав во главе рабочей научно-организованной группы, надеясь на то, что меня, как победителя судить не будут, а Татареспублика меня поддержит пред Главнаукой Р.С.Ф.С.Р., которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за шиворот, не выдавая (чрез своих чиновников) отк[рытого] листа.

Результаты работ 1928 г. были одобрены в Казани 1) при их окончании в Комитете; 2) зимой на Съезде Об. А.И.Э. по докладу в собрании специалистов в связи с устроенной выставкой;

3) в Ин[ститу]те народов Востока РАНИОН;

4) в соединенном Заседании Моск[овской] секции Академии истории Матер[иальной] Культуры и Научной Ассоциации Востоковедения,

и 5) в самой названной Академии в Ленинграде.

Одним словом всюду санкции одобрения, благодарности за работы и открытие ценных результатов, а в результате... конфликт и опять история с Открытым листом. Опять задержка в выдаче, а на основании этого и срыв работы. Больше 3х недель прошло, как я подал чрез Ин[ститут] Нар[одов] Вост[ока] заявку на открытый лист. Обещано было немедленно выслать в Ваш Музейный отдел и до сих пор его нет.

Сегодня приехал в Биляр топографический отряд и доставил отношение Дома Тат[арской] Культ[уры] за №694; 18/V [2]9 г. копию его при сем прилагаю....

В Казани, как видимо, произошли какие[-]то соотношения сил[,] направленные против меня и дело тут не только в отк[рытом] листе от центра, а находится где[-]то в недрах Казани.

Я восстановлю все как было в Казани, где все было так хорошо и гладко.

1) Сначала я посетил Вас в Акад[емическом] Цен[тре], где имел с Вами ценную деловую и отзывчиво-приветливую встречу. Помню Вашу фразу: «мы Вас т[оварищ] Башкиров считаем своим работником».

2) Далее в Уз. заседание Комитета: (больной Егеров, Корнилов, Р.Тагиров, Калинин, Вараксина, Акчурина и др.): Рассмотрели план конкретных работ, распределили деньги (на Биляр 750 р.), наметили участников экспедиции (З.Тагиров, Акчурина, Гафаров, Сементовский, Вараксина и м[ожет] б[ыть] еще одного Али-Рахима - последний [неразбочиво]?)

3) Утром без особых затруднений я получил мандат за Вашей подписью, выдал деньги на Акчурина и Гафарова, а также Сементовскому и Вараксиной. Имел свидание с Али-Рахимом, который колебался между Биляром и Кисловодском.

На последнем я не настаивал, т[ак] к[ак] знал и Ваше мнение по этому вопросу[,] тем более, что он говорил о смете в 300 р[ублей]. Пред отъездом от Р.Тагирова я получил записку с пожеланием успеха. Все казанцы напутствовали тем же. По условию я выезжал 13/VI, д[олжен] быть в Биляре 15 (т[ак] к[ак] ехал через Булгары в Биляр), приготовить рабочих, 16/VI приступить к расчистке места раскопок. 16 веч[ером] должны б[ыл]и прибыть Акчурина[,] Тагиров З и Гафаров, а 17 или 18 Сементовский и Вараксина. 17/VI веч[ером] я получил от Р.Тагирова телеграмму о том[,] что приезд сотрудников задерживается и чтобы я выслал 300 р[ублей] телеграфом. Мне последнее показалось ошибкой и думая, ч[то] вместо 300 в оригинале 30 запросил телеграф о точности. Оказалось, ч[то] это не ошибка. Тогда же телеграфировал Корнилову: «почему нет сотрудников, почему Тагиров требует возврата 300»[,] В ответ 19го утр[ом] получаю: «Сементовский выехал, подробности у него[,] открытого листа еще нет». Ночью на 20ое прибыл Сементовский и вручил мне, прилагаемое в копии отношение за подписью Тагирова от Вашего имени.

На это отношение сообщаю следующее:

Я не могу допустить, ч[то] бы не был дан мне Отк[рытый] лист. Он должен быть и будет, т[ак] к[ак] работа прошлого года вполне удовлетворительна и нет повода к отказу в работе настоящего года. Здесь не увязка во времени и на основании формальных требований нельзя разрушать дело по существу.

Возлагать расходы по Биляру на Москву целиком я считаю по существу неправильным. Москва принимает участие в доле, а именно: мое содержание и дорога идут по Москве, З. Тагиров имеет от Москвы 75 р[ублей] и также должен был работать в Биляре без оплаты. Москва снабдила меня материалами (фотогр. чертежные, писчей, рисовальн) и инструментом на 300 р[ублей]. Кажется, 200 + 300 р[ублей] = 500 р[ублей] достаточно для доли участия. Далее Москва, по примеру прошлого года, берется оплатить расходы по обработке материалов (монтаж памятников, чертежи, фотографии, рисунки, доставка материалов в Москву и доставка обратно в подготовленном для Выставки виде. В прошлом году Москве обработка материалов стоила свыше 400 р[ублей]. Я это могу доказать от Ин[ститута] Нар[одов] Вост[ока] документально.

Вед[ь], тов[арищ] Атнагулов, за Москвой остаются расходы и часть исследования памятников Булгаро-Тат[арской] культуры. Роль почетная и интересная.

Для Татареспублики же передаются все материалы. Я передал огромное количество памятников в этом году (зимой) они все смонтированы на планшеты для музейной экспозиции и пока еще лежат на складе Центр[ального] Музея.

Оставленный в одиночестве здесь в Биляре сотрудниками экспедиции, ч[то] считаю по меньшей мере странным[,] я обратился за помощью к местным краеведам, которые с увлечением вошли в работу и работа намеченная не будет сорвана[,] будет выполнена с честью не за страх, а за совесть и я докажу, ч[то] я не работник центра, а работник ВАШ, как Вы говорили; я местный уроженец, давно зарыт в изучение прошлого Т[атарской] Р[еспублики] и я не позволю злобствующим русификаторам срывать работу, хотя бы и по самым формальным основаниям.

Я не могу согласиться и с тем, ч[то] Ваши организации[,] работающие за счет Т[атарской] Р[еспублики] раскланивались пред органами центра[,] хотя бы и почтенными. Т[атарская] Р[еспублика] входит в РСФСР[,] она согласует действия с центром, но, мне думается должна иметь и свой достаточно - веский голос.

Чиновники центра не смогут меня опорочить, т[ак] к[ак] я работаю на археологической дороге 20 лет, и имею выучку не доморожденных археологов, а и западно-европейских.

Т[атарская] Р[еспублика] должна допустить меня к работе с энтузиазмом ведущего ее. Т[атарская] Р[еспублика] должна защитить меня от походов с негодными средствами. В борьбе с казанскими миссионерами и русификаторами умер мой отец на посту сельского учителя. Его могила хорошо известна крестьянам Нижнего Услона и на старом заброшенном кладбище она одна осталась под защитой крестьянской общины и сельсовета. У меня нет ничего обидного против Вас и т[оварища] Р.Тагирова, адресовавших ко мне отношение от 18/VI. Но я обращаюсь к Вашей коммунистической совести заглянуть вглубь всего дела, оценить мое желание работать со всей научной совестью (ведь я археолог-проф[ессор] Московского Университета) и дать широкий простор ей, расчистив все кочки и сучки на дороге. А для этого Вам нужно сделать оч[ень] не много. Нужно только показать людям, срывающим работу, соответствующее место и дело пойдет так как нужно. Довольно ходить кругом и около работы. Пора браться за большую работу. Прошлое тюркских народов не может быть забыто[.] Оно должно быть известно не только для тех[,] кто им интересуется и с ним связан, но памятно и для тех[,] кто хочет предать его забвению.

Еще раз прошу Вашей защиты

С товарищеским приветом!

А Башкиров

21/VI 29

Биляр.

ГА РТ. Ф.Р447. Оп.1. Д.40. Л.29-31об.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Татарстане в 1924-1929 гг. // МИРАС–НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х томах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 16–17.

Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Боспорские чтения. Вып. XVII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. С. 92–118.

Данилов Е.С. Алексей Степанович Башкиров в Ярославле // РА. 2019. № 1. С. 177–186. DOI 10.31857/S086960630004123-4.

Жанбосинова А.С. Три поколения семьи Алдияровых: микроистория политических репрессий // *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (3). С. 417–437. DOI 10.69567/3007-0236.2023.3.416.437

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 1. С. 196–218.

Маммаев М.М. Вклад профессора А.С. Башкирова (1885-1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // *История, археология и этнография Кавказа*. 2023. Т. 19, № 3. С. 759–775. DOI 10.32653/CH193759-775

Непомнящий А.А. Алексей Башкиров: поступь ученого в развояющемся кримведении первой трети XX столетия // *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях, Томск, 03–04 октября 2019 года. Часть I / Отв. ред. Д.Н. Шевелев. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 160–166. DOI 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/27.*

Пятышева Н.В. А.С. Башкиров [1885–1963. некролог] // *СА*. 1963. № 3. С. 316–317.

Сташенков Д.А. Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 5. С. 153–156. DOI 10.24852/2587-6112.2021.5.153.156

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Россия), Xalimabd@mail.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 16–17 (in Russian).

Vinokurov, I. N. 2016. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Studies. Bosporan Readings) XVII. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 92–118 (in Russian).*

Danilov, E. S. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 176–182 DOI 10.31857/S086960630004123-4 (in Russian).

Zhanbossinova, A. S. 2023. In *Qazaq Historical Review*, 1 (3), 416-437. DOI 10.69567/3007-0236.2023.3.416.437

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 196–218 (in Russian).

Mammayev, M. M. 2023. In *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 19, (3). 759–775 DOI 10.32653/CH193759-775 (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2019. In Shevelev, D. N. (ed.). *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo) (Creative laboratory of the historian: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B.G. Mogilnitsky))*. 1. Tomsk: Tomsk State University, 160–166. DOI 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/27 (in Russian).

Pyatysheva, N. V. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 316–317 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 153–156. DOI 10.24852/2587-6112.2021.5.153.156 (in Russian).

About the Author:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences. Baturin St., 7A, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

УДК 9

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.332.340>

МАТЕРИАЛЫ ТЮРКСКИХ ДАСТАНОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОПЫТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

©2024 г. Д.М. Исхаков

В статье анализируются понятия «*Алтын Урда*», «*Ак Урда*» и «*Буз (Бöz) Урда*», присутствующие в исторической литературе, а также в тюркском дастане «*Идегей*». Основное внимание уделено происхождению данных терминов. Установлено, что более ранним является понятие «*Ак Урда*», использовавшееся, скорее всего, с XIII в., для обозначения правого крыла Улуса Джучи. В основе этого наименования лежит название ханской ставки (юрты, шатра), в XIII в. действительно бывшей белого цвета. В то же время следует помнить, что в тюркской маркировке сторон света «белая сторона/*ак як*» – это запад. Термин же «*Алтын Урда*» закрепился не ранее первых десятилетий XIV в., восходя также к обозначению политического центра Улуса Джучи, известном как «*Золотой шатер*» (в китайских источниках – «*Золотая юрта*»). Такому определению ханской ставки были две причины: а) широкое использование во внутреннем оформлении названной ставки золота; б) существование идущей еще со времен Чингисхана традиции именовать имперский центр как «*Большая Золотая ставка*» («*Урду-и заррин-и-бузург*»). В то же время в конце XIV в. применительно к Улусу Джучи известно и наименование «*Олуг Улус*», связанное внутренне с рассматриваемыми понятиями. Термин «*Буз (Бöz) Урда*» явно поздний, возникший в ходе деконсолидации Улуса Джучи начиная со второй половины XIV в., когда в результате проникновения из Кок Орды – левого крыла Улуса Джучи, в его правое крыло – Ак Орду, значительных групп населения и усиления значения династии Шибанидов, произошло частичное закрепление в исторических источниках и в дастане «*Идегей*» понятия «*Бöz Урда*», фактически заместившее термин «*Кök Урда*». Внутренняя связь между понятиями «*Ак Урда*» и «*Алтын Урда*» объясняется существованием у них общего содержания, восходящего к обозначению этими терминами не только владений, но и их политических центров – ханских ставок.

Ключевые слова: Улус Джучи, дастан «*Идегей*», кросс-культурное исследование, Ак Урда, Алтын Урда, Бöz Урда, Кök Урда, урга (урда).

MATERIALS OF TURKIC DASTANS AS A HISTORICAL SOURCE: THE EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL ANALYSIS

D.M. Iskhakov

The article analyzes the concepts of “*Altyn Urda*”, “*Ak Urda*” and “*Buz (Böz) Urda*”, taking place in historical literature, as well as in the Turkic dastan “*Idegei*”. The main attention is paid to the origin of these terms. It has been found out that the earlier concept is “*Ak Urda*”, which was most likely used since the XIII century, to designate the right wing of the Ulus of Jochi. This name is based on the name of the Khan's headquarters (yurt, tent), which was really white in the XIII century. At the same time, it should be known that in the Turkic marking of the cardinal directions, “white side / *ak yak*” is the west. The term “*Altyn Urda*” was consolidated no earlier than the first decades of the XIV century, also going back to the designation of the political center of the Ulus of Jochi, known as the “*Golden Tent*” (Golden Yurt - in Chinese sources). There were two reasons for this definition of the Khan's headquarters: a) the widespread use of gold in the internal design of the above mentioned headquarters; b) the existence of a tradition dating back to the times of Genghis Khan to name the imperial center as the “*Great Golden Headquarters*” (“*Urdu-i zarrin-i-buzurg*”). At the same time, at the end of the XIV century the name “*Olug Ulus*” is also known in relation to the Ulus of Jochi, which is internally linked with the concepts under consideration. The term “*Buz (Böz) Urda*” is clearly late, which emerged during the deconsolidation of the Ulus of Jochi, starting from the second half of the XIV century, when, as a result of penetration from the Kok (Blue) Horde - the left wing of the Ulus of Jochi, to its right wing – Ak (White) Horde, significant groups of population and strengthening the importance of the Shibaniid dynasty, there was a partial consolidation in historical sources and in the dastan “*Idegei*” of the concept of “*Böz Urda*”, which actually replaced the term “*Kök Urda*”. The internal link between the concepts “*Ak Urda*” and “*Altyn Urda*” is

explained by the existence of their common content, dating back to the designation by these terms not only of possessions, but also of their political centers - the Khan's headquarters.

Keywords: Ulus of Jochi, the dastan "Idegei", cross-cultural research, Ak Urda, Altyn Urda, Böz Urda, Kök Urda, urga (urda).

Введение

Тюркские народы обладают весьма богатым фольклором, имеющим длительную историю его изучения (Жирмунский, 1974; Райхл, 2008; Урманче, 2015). Но тюркская фольклористика все еще занята сбором и публикацией материалов народного творчества, что происходит в основном в рамках национального исследовательского поля, хотя есть множество фольклорных произведений, общих для ряда тюркских народов. Последнее учитывается не всегда, правда, бывают и удачные примеры привлечения к анализу отдельных эпосов сравнительного материала из фольклора других народов (такой комплексный подход в изучении дастана «Чура батыр», «Шора батыр» был реализован в казахской фольклористике: Қорғанбеков, 2014).

Кроме того, исследование тюркского фольклора все еще в содержательном плане остается в ряде моментов ограниченным. В частности, в тюркской фольклористике анализу исторического материала, присутствующего в произведениях народного творчества, в особенности в дастанах, уделяется недостаточное внимание. Между тем при обращении к эпическим произведениям с такой целью выясняется необходимость кросс-культурного подхода с полноценным сравнительным изучением содержания дастанов, бытовавших в прошлом у многих этносов. В качестве примера реализации такого подхода можем указать на нашу собственную работу (Исхаков, 2022), которая позволила выявить в тюрко-татарских эпических произведениях целый ряд весьма интересных данных исторического характера.

В настоящей публикации предпринимается попытка изучения значимой темы о разных наименованиях Улуса Джучи, содержащихся в общекрыпчакском (он имеется практически у всех кыпчакоязычных народов) дастане «Идегей». Речь идет о таких понятиях, как «Ак Урда», «Алтын Урда» и «Буз (Бöz) Урда». Необходимость обращения к данной теме вызвана тем, что генезис и смысл этих, в общем-то присутствующих и в исторической литературе терминов в научных исследова-

ниях в полной мере не объяснен, поэтому в исторических трудах можно встретить утверждение о том, что понятие «Золотая Орда» имеет русское происхождение, попавшее в научный оборот из «Казанской истории/Казанского летописца» (Кушкумбаев, 2017 а, с. 356). Действительно, в этом достаточно позднем (XVI в.) источнике имеется понятийный ряд «Золотая Орда», «царство Золотая Орда», «великие Орды Златыя» (Казанская история, 1954, с. 45, 49, 53, 55). Однако достаточно заглянуть в сочинение баварского солдата удачи Иоганна Шильтбергера конца XIV – начала XV вв., оказавшегося на службе у Идегея и хана Чекре, как сразу обнаруживается, что приведенное выше утверждение безосновательно. Действительно, у И. Шильтбергера мы видим такие выражения, как «Золотая Татария», «Большая/Великая Татария» (Шильтбергер, 1984, с. 33–34, 43–46). Так как «Татария» в данном случае это «страна татар», «государство татар», то есть, «Орда татар» (Исхаков, 2007), получается, что уже к началу XV в. применительно к Улусу Джучи понятия «Золотая/Большая (Великая) Татария/Орда» уже существовали, а в «Казанском летописце», если внимательно присмотреться, мы фактически имеем тот же терминологический ряд: «великие Орды Златыя», «Золотая Орда».

Имея в виду сказанное, для прояснения вопроса о разных номинациях Улуса Джучи было решено привлечь материалы из ряда вариантов дастана «Идегей», которые при их изучении на основе исторических источников позволяют разобраться с вышеназванными терминами. Правда, реализация этой далеко не простой задачи возможна только при сравнительном изучении существовавших в прошлом у разных тюркских народов и этнических групп версий дастана «Идегей».

Прежде всего нам необходимо разобраться с понятиями «Ак Урда» и «Алтын Урда».

В татарских вариантах дастана «Идегей» мы видим использование этих терминов как синонимов:

Алтын Урда, Ак Урда

Алтмыш йортка юл иде (Идегей, 1988, 20 б).

Однако понятие «*Алтын Урда*» в данном эпосе используется и отдельно, что мы можем обнаружить в текстах татарского и крымско-татарского происхождения:

Татарский вариант

Кырым, Казан, Әждархан
Башлы-башлы ил булды.
Алтын Урда таралды.
(Идегей, 1988, 245 б.)

Крымско-татарский вариант

Алтын Орду торкьалды,
Хан сарайы кьалмады.
Къырым, Казан, Аждархан
Айры-айры иль болды.
(Къырымтатар, 1991, 57 б.)

У других тюркских народов между тем вместо термина «*Алтын Урда*» в дастане «Идегей» фигурирует только понятие «*Ак Урда*». Например, так обстоит дело с ногайским, каракалпакским и казахским вариантами эпоса. У ногайцев в дастане «Эдигэ» присутствует высказывание «алтмыс/туксан басты Ак Урда» (Эдигэ, 2016, с. 79, 84, 302). У каракалпаков есть выражения «Белая Орда, где 190 кибиточных верхушек», «шатер из белого войлока», но одновременно «Белая Орда» у них выступает и как территориальное образование (Беляев, 1907, с. 3, 9, 202, 203; Едиге, 2019, 202 б.). У казахов в версиях эпоса «Эдигэ» есть выражения «Еңесі биік Ак Орда», «Алты канат Ак Орда» (Кушкумбаев, 2015, с. 41; Эдиге, 1989, с. 90). Но у них есть варианты «поставили белую кибитку 9 богатырей» (Идиге, 1904, с. 241). При изучении этих выражений можно обнаружить, что в татарской версии дастана «Идегей» тоже имеются понятия «алтмыш/туксан башлы Урда», но без обозначения этой орды как «белой/ак». Несмотря на это, и у татар в дастане «Идегей» есть одно место, где «*Ак Урда*» в эпизоде обращения Идегея к своему сыну Морадыну (Нур ад-Дину) все-таки появляется:

Алтын тауга барганмын,
Түрә булып алганмын,
Халкын жыеп алып килеп,
Ак Урдага салганмын.
(Идегей, 1988, 21 б.)

Из приведенных примеров явствует, что в рассматриваемом эпосе понятия «*Ак Урда*» и «*Алтын Урда*» использованы не только в значении владения, государства, но и в смысле ставки (шатра, юрты) правителя, на что

исследователи до сих пор не обратили должного внимания. Вот, например:

Татарский вариант:

Алтыннан суккан урдасын,
Көмештән суккан ишеген
Төсе суык чын булат
Очы белән ачмасам...
(Идегей, 1988, 85 б.)

Казахский и ногайские варианты:

Алтындан сокган ак орданын
Көмештен соккан ак эсик
Туьссе сувык чын болат
.....
(Эдигэ, 2016, с. 88).

Алтын соққан Ақордан
Күмістен соққан ақесік
(Идиге, 1904, с. 246; Кушкумбаев, 2017 а, с. 359).

Эти тексты ясно демонстрируют наличие у терминов «*Ак Урда*» и «*Алтын Урда*» смысла ставки – шатра (юрты) правителя. Поэтому, когда в казахских версиях дастана «Эдигэ» мы видим выражения «Еңесі биік Ак Урда», «Алты канат Ак Орда», речь в этих случаях идет вовсе не о владении (государства), а о шатре (юрте), ставке правителя как и «высоковерхая Белая Орда» (Идиге, 1904, с. 247). Тем более что в Улусе Джучи не было никакого деления на «шесть крыльев», их было только два (правое и левое крылья). В результате А.К. Кушкумбаев, правильно переведя выражение «Еңесі биік» как «высоковерхая, высокая, просторная», явно ошибочно попытался приписать это определение к государству – «Ак Орде» как владению (Кушкумбаев, 2015, с. 40–41). Об этом же свидетельствует и одно место из сохранившегося только в русском переводе ногайской версии эпоса «Эдигэ», когда Джамбай говорит, обращаясь к Идегею, чтобы тот, придя к хану Тохтамышу: «припади к его ногам в его высоковерхом белом шатре» (Эдигэ, 2016, с. 56; Идиге, 1904, с. 247). Наконец, в приведенных выше выражениях «*алтындан сокган ак орда*» (ног.), «*алтын соққан Ақ орда*» (казах.) и «*алтыннан суккан урда*» (тат.) ясно просматривается нечто «сбитое», «тканое», «изготовленное». Тот же смысл имеет и каракалпакское «к бело-златоглавой орде к хану Тохтамышу» (Беляев, 2017, с. 33). И такое понимание рассматриваемых понятий было вовсе не случайным, что мы увидим далее из анализа исторических

источников, в данном случае – из арабских летописей.

Рассказывая в своей летописи услышанное от послов из Мамлюкского Египта к золотоордынскому хану Берке, Абуали Шафи б. Мухаммад (ум. в Каире в 1329/1330 г.) сообщает: «... Они разъяснили ему (султану Бейбарсу – Д.И.) все, о каждой должности отдельно, равно как о том, что у него (Берке) войлочный шатер, в котором помещается 500 всадников и который внутри отделан жемчужинами и драгоценными камнями» (Золотая Орда, 2003, с. 70). Про эту же ставку/юрту (шатер) другой египетский летописец – аль-Муфаддал, писавший о том же событии (его труд датируется от 1259 по 1348 гг.), – приводит один важный нюанс насчет вышеуказанного шатра (юрты): «... царь Берке... находился в большом шатре, в котором помещается 100 человек (в др. вариантах – 500 человек/всадников), покрытом белым войлоком (вот она – Ак Орда! – Д.И.), внутри обшитом шелковыми материалами и китайками и украшенным жемчужинами и драгоценными камнями...» (Золотая Орда, 2003, с. 92–93, 97). Эту ханскую ставку в период правления Бату видели также европейские путешественники Плано Карпини и Вильгельм Рубрук, но она тогда представляла из себя шатер, изготовленный из льняной ткани, ранее принадлежавший, как утверждает Плано Карпини, венгерскому королю (подробнее см.: Путешествие, 1998, с. 73, 117). То есть это был военный трофей, из-за холодного зимой климата, похоже, укрытый затем белого цвета войлоком.

В дальнейшем этот центр власти Улуса Джучи трансформировался в цветовой и ином смысле, что выясняется из сообщения знаменитого арабского путешественника Ибн Баттуты, в 1332–1333 гг. при хане Узбеке, побывавшем в Улусе Джучи и оставившем весьма любопытные сведения в том числе и о ханской ставке. Он отмечает: «...в пятницу, после молитвы он (хан Узбек – Д.И.) садится в шатер, названный *золотым шатром* (выделено нами – Д.И.), разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными и позолоченными листками; ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Султан садится на [этот] престол; с правой его стороны хатунь Тайтуган и рядом

с ней хатунь Кабак, а с левой стороны хатунь Баялунь и возле нее хатунь Урдуджи...» (Золотая Орда, 2003, с. 132–133). Это была летняя ставка, а зимой, по известиям Ибн Баттуты и аль-Омари, золотоордынские ханы жили во дворце, расположенном в г. Сарае и именовавшемся «*Алтынташ/Алтынбаиш*», венчавшемся золотым полумесяцем (Золотая Орда, 2003, с. 109–143). Как видим, в обоих случаях в наименованиях ханских ставок Улуса Джучи фигурирует определение «золотой».

Замечу, что про летнюю ставку ханов Улуса Джучи сохранились уникальные данные в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. В эпизоде, где рассказывается о приглашении вдовой хана Узбека Тайдуллой султана Хызыра для занятия золотоордынского престола, последнему этой бегим в качестве свадебного подарка была преподнесена «золотая юрта, оставшаяся от Узбек хана и Джанибек-хана», которая Хызыром, не поладившим с Тайдуллой, была разломана (Утемиш-хаджи, 1992, с. 112). Хотя этот эпизод, не исключено, имеет иносказательный смысл, подразумевающий разрушение политического центра Улуса Джучи, тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что это тот же самый «золотой шатер», который видел Ибн Баттута. Отсюда понятно появление в отдельных китайских источниках такого наименования Улуса Джучи, как «Цзинь жань хань», то есть «Ханство Золотой Юрты» (Жычанов, 2000, с. 157). На деле же «Большая Золотая ставка» («Урду-и заррин-и-бузург») отмечена уже в 1224 г. у Чингисхана (Мункуев, 2023, с. 157). Ее наблюдал и Плано Карпини (Путешествие, 1929, с. 77–78), а Марко Поло в годы правления в Юаньской империи Хубилая такую ставку отмечает там (Путешествие, 1999, с. 251, 261–263). Вот «клоном» именно этих имперских ставок и являлась аналогичная «золотая юрта» Улуса Джучи. В свою очередь, отдаленные истоки подобных особых ставок каганов восходили еще ко временам древних тюрков (Кушкумбаев, 2017в).

Теперь попытаемся выяснить внутреннюю связь терминов «*Ак Орда*» и «*Алтын Орда*», а понятие «*Буз (Бөз) Орда*», использованное в дастане «Идегей» лишь в смысле ставки/юрты правителя, пока не будем затрагивать. Как уже указывалось, термины «*Ак Орда*» и «*Алтын Орда*» в эпосе выступают как сино-

нимы, но первый из них был более ранним, о чем отчасти свидетельствует и рассказ в сочинении Утемиша-хаджи «Чингиз-наме» относительно совета (видимо, подразумевается курултай), созданного Чингисханом для обсуждения вопроса о разделе территории Улуса Джучи. Хивинский историк сообщает, что Чингисхан принял решение передать Саин-хану (Бату) правое крыло (Поволжье с вилайетом), а Эджену (Орда-Ичену) – левое крыло (бассейн р. Сыры с вилайетом) Улуса Джучи. Согласно источнику, прибывшим для участия в решении этого важнейшего вопроса по распоряжению Чингисхана были поставлены три отдельные юрты: «белую юрту с золотым порогом... для Саин-хана; синюю орду (так! – Д.И.) с серебряным порогом... для Иджана; серую орду со стальным порогом... для Шайбана...» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 92–93, 121). В тюркском тексте это место передано как «*Алтун босагалы ак өргә*», «*күмүш босагалы көк орда*», «*болат босагалы боз орда*» (Утемиш-хаджи, 1992, 121 б.). Для правильного понимания этого места источника надо иметь в виду, что изначально термин «урга» – а от него «урда/орда» – у монголов означал юрту, ставку (подробнее см.: Кушкумбаев, 2017а, с. 356). В итоге получается, что в приведенном выше высказывании о трех юртах-ставках моделируется определенная иерархия владений – Батуиды с их «Ак Ордой» признавались самыми старшими, а Ордуиды с «Кок Ордой» – младше их; Шибан и его наследники, соответственно, оказались с «Бöz Урдой» самыми младшими. Но из-за того, что эти юрты-ставки олицетворяли также и политические центры трех владений, в реальности двухкрыльевое деление Улуса Джучи тут оказалось нарушенным. Однако, термин «*бүз/бöz*», имеющий значение «беловатый, бело-сероватый», по смыслу все же ближе к понятию «ак/белый», о чем, например, говорит и слово «*акбузат*», в татарском языке имеющее значение коня беловато-светлой масти. Вопреки разным мнениям о месте владения Шибанидов в ордынском политическом пространстве, оно вначале явно относилось к правому крылу Улуса Джучи – Ак Орде, но в постордынское время получило самостоятельное значение, что и прослеживается из труда Утемиша-хаджи через введение там особого наименования для него как «*Бöz Урда*».

Итак, изначальное владение Бату и его наследников – это «Ак Урда» и в XIII в. его политический центр располагался в юрте/шатре именно белого цвета, что важно. Но мы не должны упускать из виду, что по тюркской цветовой географической ориентации «ак» – это запад. Однако в силу доминирующего положения правого крыла в Улусе Джучи наименование «*Ак Урда*» могло также применяться и для обозначения государства в целом, включая также и «Кок Орду», хотя левое крыло государства, скорее всего, продолжало сохранять свое прежнее наименование. То, что маркировка «белым» цветом не только правого крыла, но и всего Улуса Джучи, существовала еще и при наследниках хана Узбека, достаточно хорошо видно из произведения «Хосроу и Ширин» Кутба, подготовленного в качестве подарка Тинибеку б. Узбеку, в посвяительной части которого, предназначенного его жене Малике, государство, где они жили, именуется как «*Ак Урда*» (Котб, 2003, 39 б.).

Несмотря на все сказанное, нельзя путать разные значения терминов, разбираемых тут. В частности, когда Утемиш-хаджи пишет «*Алтын босагалы Ак өргә*» – тут речь идет о ставке, политическом центре владения, известного как «*Ак Урда*», но напрямую не о самом владении. То же самое относится и к двум другим понятиям – «*күмүш босагалы көк орда*», «*болат босагалы боз орда*».

При таком понимании, однако, возникает одна проблема: из послания ордынского хана Тохтамышша за 1393 г. известно, что тогда государство, во главе которого он стоял, имело официальное наименование «*Олуз Улус*» (Özytegin, Kemalöglü, 2017, s. 40–41). Именно оно впоследствии в русских летописях передавалось формой «Большая Орда», обозначая после распада Улуса Джучи его ядровую часть, так сказать престольный центр, где располагался так называемый «Саинов юрт» (Посольская, 1935, с. 46). Тот же смысл имело и понятие «Большая, Великая Татария» у Иоганна Шильтбергера. Надо отметить, что у крымского автора XVIII в. Абдулгаффа-ра Кырыми применительно к походу Тимура против Улуса Джучи для обозначения последнего также использован термин «*Uluğ Ordo*» (Кырыми, 2014, s. 92). Нахождение в обороте в Крымском ханстве этого и близкого ему по смыслу другого понятия («*Олуз Улус*») было связано с присоединением в

1502 г. населения Большой Орды к данному ханству. Поэтому мы видим в послании крымского хана Менгли-Гирея в Москву за 1502 г. выражение «Великие Орды великого царя слово» (Сборник, 1895, с. 19, 27, 29). В данном случае понятия «Великая Орда/Великий Улус» обозначали Большую Орду (Исхаков, 2009, с. 67–68; см. также: Усманов, 1979). Как думается, наименование «*Олуг Улус*», которое можно переводить как «Большой/Великий Улус», охватывало в конце XIV в. всю территорию Улуса Джучи, включая как его правое (Ак Урда), так и левое (Кок Урда) крылья. Вот этому официальному понятию, обозначавшему в XIV в. весь Улус Джучи, больше соответствовал на самом деле термин «Алтын Урда», именно он был шире понятия «Ак Урда», тем не менее сохраняя в определенном смысле также значение ставки, политического центра всего государства. Когда мы видим у Иоганна Шильтбергера (начало XV в.) выражения «Золотая/Большая/Великая Татария», им точно соответствует понятие из «Казанской истории» «великая Орда Златыя». Однозначно, к ним близко по смыслу и значение китайского понятия «Ханство Золотой Юрты». Просто во всех этих случаях мы наблюдаем определенное смешение названий ставки правителя Улуса Джучи с наименованием собственно государства Джучидов. В результате содержание рассмотренных

понятий становилось несколько расплывчатым. В этом плане и закрепившееся в научной литературе для обозначения Улуса Джучи понятие «Золотая Орда»/«Алтын Урда» тоже не вполне безупречно, хотя конвенционально его применение вполне допустимо.

Наконец, надо сказать несколько слов о термине «*Бөз Урда*», как уже было показано, применявшееся в дастане «Идегей» исключительно в смысле ставки правителя (шатра/юрты). Мы не исключаем, что это понятие возникло лишь во второй половине XIV в., может быть еще позднее, когда начиная с периода «Великой замятни» последовал постепенный подъем Шибанидов, затем, уже в эпоху Тохтамышша, произошло перемещение из Кок Орды на территорию Ак Орды больших групп населения, в результате чего прежнее понятие «*Көк Урда*» могло быть замещено термином «*Бөз Урда*», правда, при бытовании там тем не менее и прежнего термина «*Көк Урда*» (в русских летописях это владение именовалось «Синей Ордой»).

По-видимому, происшедшие на постордынском политическом пространстве изменения по маркировке разных частей распадавшегося Улуса Джучи в XV в. сохранялись в историческом сознании татар Ногайской Орды, в среде которых был создан дастан «Идегей», и где рассмотренные наименования так или иначе появляются.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев И.А. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей Археологии и истории Востока. 1917. Вып. 3. С. 1–39.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.

Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения: сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / Сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.

Идеге (джирь) // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / ред. Н.И. Веселовский. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1904. С. 223–264.

Идегэй. Татар халык дастаны / Ред. М. Г. Госманов, М. З. Зэкиев, Э. Г. Исхак Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.

Едіге // Қазақ халық әдебиеті: батырлар жыры. Т. V. Қырымның қырық батыры (Мүрен жыраудан жазылған мұралар) / Жауапты шығ. А. Айдашев. Алматы: Жазушы, 1989. Б. 70–95.

Едиге. Каракалпак халық дәстаны. Өтенияз жырау Ийимбет улы варианты. Өтенияз жыраудан жазып алған Н. Өтениязов. Нөкес: Билим, 2019. 233 б.

Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Сборник материалов Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики» (Казань, 18–19 апреля 2007 г.) / Отв. ред. М.М. Гибатдинов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 293–300.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.

Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих («Түләк һәм сусылу», «Ак Күбәк», «Идегәй», «Чура батыр» дастаннарына һәм тарихи риваятьләргә анализ) / Туган жир. Родной край. 2022. II. Специальный номер. Казан: ООО «Грумант», 2022. 160 б.

Казанская история / Под-ка текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: АН СССР, 1954. 191 с.

Кутб Хорязмий. Хәсрәү вә Ширин. Казан: Мәгариф, 2003. 367 б.

Кушкумбаев А.К. «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» // Золотая Орда: история и культурное наследие / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BY-PRINT», 2015. С. 36–42.

Кушкумбаев А.К. «Алтын Орда»: об одном символе власти в империи Джучидов // Байыргы түрік күндылытары – 2017. Халыаралы ғылыми–теориялы және практикалы конференциясының моіалалар жинағы. Астана: ЕҮУ баспасы, 2017а. С. 356–361.

Кушкумбаев А.К. Термин «Орда» в кочевых империях Центральной Азии (домонгольское время) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 10/ Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017в. С. 84–91.

Бекиров Дж. Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы. Ташкент: Ўқитувчи, 1991. 248 б.

Кырьми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле / Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19 / Отв. ред. В.Н. Мельниченко, Б.М. Новиков. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 146–157.

Қорғанбеков Б.С. «Шора батыр» эпосы: нұсқалары, генезисы, тарихылығы. Астана: Фолиант, 2014. 304 с.

Мункуев Н. Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люе», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследования. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2023. 360 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489 – 1549 годов / сост. А.Б. Кельдасов и др. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 360 с.

Путешествие в Восточные страны / Гильом де Рубрук, 3-е изд. Книга Марко Поло, 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1999. 460 с.

Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Восточная литература, 2008. 387 с.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. 1508–1521/ Сборник императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 95 / Под ред. Г.Ф. Карпова, Г.Ф. Штендмана. СПб: Печатня С. П. Яковлева, 1895. 706с.

Урманче Ф.И. Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 2015. 448 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: изд-во Казанского университета, 1979. 321 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / пер. с немецкого Ф.К. Брука, изд., ред. и прим. академика АН Азерб. ССР З.М. Бунятова. Баку: Элм, 1984. 162 с.

Эдіге // Қазақ халық әдебиеті: батырлар жыры. Т. V. Қырымның қырық батыры (Мүрен жыраудан жазылған мұралар) / Жауапты шығ. А.Айдашев. Алматы: Жазушы, 1989. Б. 70–95.

Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н.Х. Суяновой. М.: Наука, 2016. 512 с.

Özyetgin A. Melek, Ketaloglu I. Altin Orda Hanligina ait Resmi yazismlar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 170 s.

Информация об авторе:

Исхаков Дамир Мавляевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уро РАН (г. Тобольск, Россия); monitoring_vkt@mail.ru

REFERENCES

- Belyaev, I. A. 1917. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Zakaspiyskogo kruzhka lyubiteley Arkheologii i istorii Vostoka (Minutes of meetings and reports of members of the Trans-Caspian circle of archaeology and history of the East enthusiasts)* 3, 1–39 (in Russian).
- Zhirmunsky, V. M. 1974. *Tyurkskiy geroicheskiy epos (The Turkic Heroic Epic)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Khrapachevskogo, R. V. (ed.). 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde Sources)* Vol. 1. *Arabskie i persidskie sochineniya: Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy v perevodakh V.G. Tizengauzena (Collected Works Related to the History of the Golden Horde in translated by Tiesenhausen, V. G.)*. Moscow: Center for the Study of Military and General History (in Russian).
- In Vaselovsky, N. I. (ed.). 1904. In *Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova (Chokan Chingisovich Valikhanov's works)*. Saint Petersburg: “Tip. Glavnogo upravleniya udelov” Publ., 223–264.
- Gusmanov, M. G., Zakiev, M. Z., Iskhak, A. G. (eds.). 1988. *Idegay. Tatar khalyk dastany (Idegey. Tatar Folk Epic)*. Kazan: “Tatar. kit.nashr” Publ. (in Tatar).
- In Aidashev, A. (ed.). 1989. *Kazakh khalyk adbiyeti: batyrlar zhyry (Kazakh folk literature: batyrlar zhyry)* 5. Almay: “Zhazushy” Publ., 70–95 (in Kazakh).
- Ateniyazov, N. (ed.). 2019. *Edige. Karakalpak khalyk dastany (Edige. Karakalpak is a folk tradition)*. Nukus: “Bilim” Publ. (in Uzbek).
- Iskhakov, D. M. 2007. In Gibatdinov, M. M. (ed.). *Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kongressa «Rossiyskaya istoricheskaya nauka na sovremennom etape: perspektivy issledovaniya i realizatsii natsional'noy obrazovatel'noy politiki» (Kazan', 18–19 aprelya 2007 g.) (The summary of congress papers the International Congress "The Contemporary Russian Historical Science: Prospect of Research and Realization of a National Educational Policy" (Kazan, april 18-19, 2007))*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 293–300 (in Russian).
- Iskhakov, D. M. 2009. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv. (The Turkic-Tatar states of the XV–XVI centuries.)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
- Iskhakov, D. M. 2022. *Khalkybyznyy epik asarlarendä milli tarikh («Tyläk häm susylu», «Ak Kybäk», «Idegay», «Chura batyr» dastannaryna häm tarikhi rivayat'largä analiz) (National history in epic works (analysis of dastans and historical legends "Tulak ham susylu", "Ak Kubak", "Idegai", "Chura Batyr"))* In *Tugan äçir. Rodnoy kray (Native land)*. IIS. Kaza: “Gumant” Publ. (in Tatar).
- Andrianova-Peretz, V. P., Moiseeva, G. N. (eds.). 1954. *Kazanskaya istoriya (Kazan history)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Qutb Khoryazmiy. 2003. *Khosrəy və Shirin (Khosrow and Shirin)*. Kazan: “Magarif” Publ. (in Tatar).
- Kushkumbaev, A. K. 2015. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie (The Golden Horde: history and Cultural heritage)*. Astana: BY-PRINT, 36–42 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2017. In *Bayyrly turik kyndylytary – 2017. Khalyiaralyi rylymi–teoriyalyi zhəne praktikalyi konferentsiyasyny moialalar zhinarıy (Meeting of the scientific – theoretical and Practical Conference of the indigenous Turkic peoples–2017)*. Astana, 356–361 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2017. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 10. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 84–91 (in Russian).
- Bekirov, C. 1991. *K"rymtatar khalk" ag"yz yaratydzhylyg"y (Qurımtatar halq ağız yaratıcılığı)*. Tashkent: “Ykituvchi” Publ. (in Uzbek).
- Kyrymi Abdulgaffar, 2014. *Umdet al-akhbar (Umdet al-akhbar)*. Book 1. Transkriptsiya, facsimile (Transcription, facsimile). Series: Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie (Textual Heritage) 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).
- Kychanov, E. I. 2000. In Melnichenko, V. N., Novikov, B. M. (eds.). In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 19. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 146–157 (in Russian).
- Korganbekov, B. S. 2014. *«Shora batyr» eposy: nısqalary, genezisy, tarikhylyxy (Epic "shore hero": versions, Genesis, historicity)*. Astana: “Foliant” Publ. (in Kazakh).

Munkuev, N. 2023. *Istochniki po istorii Mongol'skoy imperii («Khey-da shi-lyue», glavy 98 i 99 «Yuan' shi»): perevod i issledovaniya (Sources on the history of the Mongol Empire ("Hei-da shi-lue", chapters 98 and 99 of "Yuan Shi"): translation and research)*. Ula-Ude: "Respublikanskaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Keldasov, A. B. (comp.). *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 godov (The ambassadorial book on relations of Russia with the Nogai Horde in 1489-1549)*. Makhachkala: "Dagestanskoe kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma deRubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1999. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).

Reichl, K. 2008. *Tyurkskiy epos: traditsii, formy, poeticheskaya struktura (Turkic Oral Epic Poetry: traditions, forms, poetry)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).

In Karpov, G. F., Shtendman, G. F. (eds.). 1895 *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. T.II. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsieyu. 1508–1521 (Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers. Vol. 2. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai hordes and with Turkey. 1508–1521)*. Series: Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society) 95. SPb: "Pechatnya S. P. Yakovleva" (in Russian).

Urmanche, F. I. 2015. *Tyurkskiy geroicheskiy epos (The Turkic Heroic Epic)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).

Usmanov, M. A. 1979. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv. (Patents of the Ulus of Jochi of the 14th–16th cc.)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

Utemish-khadzhi. 1992. *Chingiz-name (Genghis-name)*. Alma-Ata: "Fylym" Publ. (in Russian).

Schiltberger, J. 1984. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god (Travel in Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

In Aidashev, A. (ed.). 1989. *Қазақ khalyq әdebieti: batyrlar zhyry (Kazakh folk literature: batyrlar zhyry)* 5. Almay: "Zhazushy" Publ., 70–95 (in Kazakh).

Suyunova, N. Kh. (ed.). 2016. *Edige: Nogayskaya epicheskaya poema (Edige: Nogai epic)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Özyetgin, A. Melek, Kemaloğlu, I. 2017. *Altin Orda Hanlığına ait Resmi yazışmalar*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

About the Authors:

Iskhakov Damir M. Doctor of Historical Sciences, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Academician Yuri Osipov, 15, Tobolsk, 626152, Russian Federation; monitoring_vkt@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

ХРОНИКА

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.341.342>**ВАДИМУ СЕРГЕЕВИЧУ МОСИНУ – 70 ЛЕТ !**

© 2024 г. А.А.Выборнов

22 ноября исполняется 70 лет Вадиму Сергеевичу Мосину. Значительную часть своей жизни он посвятил изучению каменного века Южного Урала, Зауралья и сопредельных территорий. Данная заметка посвящена отражению его творческого пути. Характеризуются его достижения в полевых изысканиях и аналитической работе. Отмечается его роль в изучении мезолита-энеолита Зауралья

Ключевые слова: археология, Южный Урал, неолит, Вадим Сергеевич Мосин

VADIM SERGEYEVICH MOSIN TURNED 70 YEARS OLD!

А.А. Vybornov

Vadim Sergeyevich Mosin turned 70 years old on 22 November. He devoted a significant part of his life to the study of the Stone Age of the Southern Urals, Trans-Urals and neighbouring areas. This article is dedicated to reflecting his creative path. His achievements in field research and analytical work are characterized. Vadim Sergeyevich's role in the study of the Mesolithic-Eneolithic of the Trans-Urals is noted.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Neolithic, Vadim Sergeyevich Mosin

Путь в археологию у Вадима Сергеевича был не как у большинства. До вуза успел поработать на заводе слесарем, и в армии отслужить. А после окончания университета учительствовал и со школьными археологическими кружками занимался. Археология началась еще со студенчества: разведки в Челябинской области, участие в раскопках стоянок неолита-энеолита на оз. Чебаркуль, памятников разных эпох в Северном Казахстане. В 1983-85 гг. вместе с Г.Б. Здановичем и В.В. Генингом исследовалось поселение и могильник Синташта. Затем были хозяйственные работы на Урале, в Северном Казахстане, на Украине. А в 1987 г. им (вместе с С.Г. Боталовым) был обнаружен Аркаим и заложен первый раскоп. Но это не везение, а результат упорной работы. Главное внимание сосредоточилось на каменном веке и эта увлеченность сохранилась до сих пор. При всем уважении к трудам его предшественников в деле изучения мезолита-энеолита оставалось еще много вопросов. С 1989 года, став научным сотрудником ИИА УРО РАН, именно их целенаправленной разработке и посвятил юбилей 35 лет. Он никогда не замыкался на одном периоде или территории. Об этом красноречиво свидетельствует кандидатская диссертация, успешно защищенная в ИИМК

в 1993 году, посвященная не только Южному Уралу, но и Северному Казахстану. Его организаторские способности проявились и после защиты, когда он был назначен на должность заведующего Южноуральским отделом. И следующие 10 лет ознаменовались интенсивной издательской деятельностью, когда им было опубликовано три обобщающие монографии. Эффективность полевых изысканий и проработке всех материалов проявилась и в том, что уже в 2005 году, что удается далеко не каждому, Вадим Сергеевич защитил докторскую диссертацию. В ней были не только введены в научный оборот все материалы от мезолита до энеолита Южного Урала, но и по каждому периоду предложена авторская версия. После защиты отдых не получился: в этом же году его назначили директором Южно-Уральского филиала ИИА УРО РАН. Административная работа хлопотна, но юбилей успевал не только ежегодно проводить раскопки очень важных памятников и делать отчеты, но и в течение 15 лет регулярно вести научно-методический семинар для археологов Челябинска и всех интересующихся, написать и издать серию монографий. Нашел время и работать профессором в Южно-Уральском государственном университете. Учитывая слабую базу радиоуглеродных дат

для памятников неолита-энеолита интересующей территории, Вадим Сергеевич направил на это значительную часть своей деятельности. А это и гранты, и многочисленные публикации. Многократно обращаемся к нему, как одному из наиболее авторитетных специалистов, за оппонированием диссертаций. И при всей этой многогранной круговерти юбиляр не оставлял разработок по неолиту. Результатом стала его оригинальная концепция социокультурного пространства, которая явилась

значительным событием в постижении новокаменного века. Своеобразным итогом научной деятельности стал том по каменному веку Южного Урала, увидевший свет в 2019 году. Заслуги юбиляра неоднократно отмечались как руководителями области, так и УРО РАН. Их неоспоримость подтверждается глубоким уважением к юбиляру со стороны его многочисленных коллег. Остается пожелать Вадиму Сергеевичу сибирского здоровья, кавказского долголетия и новых научных свершений!

Информация об авторе:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г.Самара, Россия): vibornov_kin@mail.ru

About the Author:

Vybornov Aleksandr A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation: vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 930.27:94

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.343.346>**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
АСТАФЬЕВ А.Е., БОГДАНОВ Е.С. ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС АЛТЫНКАЗГАН (III – ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА VI В.). АЛМАТЫ, 2023. 384 С.¹****© 2024 г. С.Г. Боталов, И. Э. Любчанский**

В 2023 году вышла монография «Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.)», подготовленная научным сотрудником Института археологии имени А.Х. Маргулана А.Е. Астафьевым и старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН Е.С. Богдановым. Представленная книга относится к разряду работ, которые означают приход некоего эпохального явления и проявления исторических образцов, ранее являющихся белыми пятнами на исторической карте Евразии. Итог почти десятилетних полевых работ в экстремальных природно-климатических условиях привел к открытиям нового цивилизационного масштаба. Период поздней древности и раннего средневековья в урало-казахстанских степях, как известно, являлся, образно говоря, своеобразным «смутным» непонятым – непознанным временем. С выходом настоящего издания раскрывается впечатляющая картина историко-культурных коммуникаций и культово-религиозных представлений кочевого и полукочевого населения гигантского региона Западного Казахстана, Хорезма и среднеазитского Междуречья.

Ключевые слова: Великое переселение народов, Алтынказган, средневековье, погребальный комплекс, культовые сооружения.

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY ASTAFYEV A.E., BOGDANOV E.S.
BURIAL AND MEMORIAL ASSEMBLAGE ALTYNKAZGAN
(III – THE FIRST HALF OF THE VI CENTURY AD).
ALMATY, 2023. 384 P.²****S.G. Botalov, I.E. Lyubchansky**

In 2023, the monograph "The burial and memorial complex of Altynkazgan (III – the first half of the VI century AD)" was published, prepared by a research fellow at the Margulan Institute of Archaeology A.E. Astafyev and a senior research fellow at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS E.S. Bogdanov. The presented book belongs to the category of works that mark the emergence of a certain epochal phenomenon and the manifestation of historical patterns that were previously blank spots on the historical map of Eurasia. The result of almost ten years of field works in extreme natural and climatic conditions led to new civilization-wide discoveries. The period of late Antiquity and early Middle Ages in the Ural-Kazakhstan steppes, as it is known, was, figuratively speaking, a kind of "vague" incomprehensible – unstudied time. This edition reveals an impressive picture of the historical and cultural communications and cult and religious beliefs of the nomadic and semi-nomadic population of the large region of Western Kazakhstan, Khwarazm and Central Asian interfluvium.

Keywords: Migration Period, Altynkazgan, Middle Ages, burial assemblage, ritual buildings.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII – XI вв.)», <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

² The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 24-28-20283 "The world of nomads of the Southern Urals in the light of Magyar archaeology (VIII – XI centuries)", <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

Авторы, представленной монографии «Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.)» (Астафьев, Богданов, 2023), вводят в научный оборот результаты многолетней работы на погребально-поминальном комплексе эпохи Великого переселения народов – Алтынказган. Анализу подвергается не только уникальность архитектурного решения комплекса, но и архитектура погребально-поминального комплекса. Исследователями выдвигаются гипотезы и научные предположения о причинах возникновения, функционирования и значении всего археологического комплекса на территории Мангыстау и северо-западных чинках плато Устюрт.

Монография начинается с обстоятельной физико-географической характеристики исследуемого региона, которая изложена в главе 1. На странице 20, 21 отмечено обнаружение 11 ритуальных комплексов с их классификацией, которая носит, по мнению авторов, условный характер. На странице 22 сообщается, что за время проведения исследовательских работ, проведенных в 2014–2023 гг., изучено 3 катакомбных захоронения и 19 из 202 наземных объектов. Также авторы предприняли попытки геофизических исследований, которые не дали ощутимых результатов. И, тем не менее, эти результаты введены в оборот, что в конечном итоге может предложить новые пути исследования.

В Главе 2 «Погребально-поминальные сооружения» дается полная характеристика исследованных конструкций. Появление погребально-поминальных сооружений, косвенно, связывается с наличием на этом участке пустынного плато пяти крупных объектов на доминирующей высокой гряде (стр. 131). К тому же немаловажным фактором, по мнению исследователей, является существование двух, пересекающих Алтынказганский комплекс, караванных троп.

Дальнейший анализ архитектуры комплекса с обилием однотипных памятников на очень ограниченной территории, представленный в главе 3 «Феномен Алтынказгана в контексте исторических процессов», позволяет А.Е. Астафьеву и Е.С. Богданову высказать мнение о выделении локального микрорайона культовых сооружений (стр. 134). При этом авторы обращаются к известному микрорайону на юго-восточной части Устюрта –

Чаш-тепе. Чаш-тепинский комплекс, очень осторожно, относится Раппопортом и Трудовой к крупному кочевому объединению. Продолжая анализировать материалы Алтынказганского комплекса исследователи определяют наличие общих, с Чаш-тепе, ритуально-семантических признаков: «масштабность занимаемой площади, единством идейного замысла, рядовой группировкой однотипных наземных сооружений, главенством оград в ритуальном предназначении всего комплекса..., бытованием огненных ритуалов, находками предметов полихромного стиля» (стр. 135). На страницах 137, 138 упоминаются случайные находки на территории комплекса, которые очень близки к материалам поселения Каракабак начального этапа его обживания. Упомянутое поселение находится в 18 км от Алтынказганского микрорайона. Одним из промежуточных выводов является утверждение о том, что появление оград определенного типа не является «процессом генезиса местных строительных традиций и обрядовости. Их происхождение... может быть связано с полукочевым населением, создавших комплекс Чаш-тепе» (стр. 142).

Логика анализа приводит авторов к суждению о том, что возникновение Алтынказганского микрорайона тесным образом связано с целенаправленной деятельностью династии Афригидов по освоению этой территории в соответствии с «госзаказом на присоединение этих земель» (стр. 145). Освоение этой части Мангыстау связано с мощной сырьевой базой (медь, железо, свинец, нефтепродукты). Строительство же грандиозных каменных сооружений, по мнению ученых, «продиктовано зороастрийскими верованиями пришлого населения и предписаниями...» (с. 147). Уже на стр. 152 делается промежуточный вывод о том, что на Алтынказгане фиксируется проведение зороастрийских ритуалов, связанных с «возлежаниями» хаомы и возжиганием огня при проведении погребальных ритуалов с выкладыванием тел умерших на специальные каменные постаменты-дахмы».

Наличие поблизости от микрорайона каменных гробниц-костехранилищ байтинского типа «позволяет с высокой долей вероятности говорить о предназначении строений Алтынказгана в качестве мест совершения зороастрийских погребальных ритуалов», а конструктивное изменение сооружений, «по

всей вероятности, находилось в прямой зависимости от этнического состава Каракабакского поселения» (стр. 162). Одними из интереснейших находок Алтынказганского комплекса является обнаружение 5 кладов с изделиями полихромного стиля. По мнению авторов, все эти клады носят ритуальный характер, а конская сбруя и пояса еще и несут сакральную нагрузку. В этом сегменте анализа исследователи выходят на мифологические сюжеты, связанные с фарном, единым идеологическим постулатом «поединка, борьбы и победы». В кладах также встречаются «маски-личины», почему-то названные гуннскими. Но их появление в обиходе авторы связывают с реформой императора Аврелиана 274 года, когда для сплочения римской империи были объединены культ Sol Invictus Imperii Romani с культом Митры (стр. 189). В результате этого Арало-Каспийский регион оказался в зоне влияния как западных религиозно-философских веяний, так и восточных. Авторы утверждают, что алтынказганские личины функционально являются фаларами и подражают позднеримским образцам митриистского культа. Таким образом, нахождение фаларов-личин в составе кладов можно рассматривать в контексте древнеиранских представлений. Авторы утверждают, что такой конь мог быть олицетворением как Митры, так и Сиявуша, Веретрагны или фарна.

Еще одним интересным моментом исследования выступает сюжет о месте производства полихромных изделий из кладов Алтынказганского комплекса. Всем известны ранневизантийские и сасанидские мастерские, но авторы считают, что был еще один центр по производству этих изделий, пусть только подражаний, но для ритуальных действий достаточных. Авторы считают, что таким центром мог выступать комплекс поселения Каракабак. Находки, которые происходят из Алтынказгана, имеют точные аналогии с поселением Каракабак (стр. 200, 202).

На наш взгляд, авторы монографии делают принципиальный вывод, который следует процитировать полностью. «Если связать воедино кризис торгово-экономических отношений из-за прекращения тока вод Амударьи в Каспийское море в IV в., бурный рост Каракабакского анклава в конце IV – V в. и географию каракабакской нумизматической коллекции этого времени, то увидим, как скорректировалось направление Понто-Каспийского водного пути, ставшего на это время составной частью локализованной структуры торговли под общим названием Великий Шелковый путь. С конца IV в. грузопоток был перенаправлен на побережье Мангышлака, через плато Устюрт к Каракабакскому поселению, отсюда новым путем Каспо-Волго-Донским путем в Черное море и Византию».

В заключительном разделе (стр. 226–233) авторы поэтапно описывают итоги историко-культурного развития региона в пределах трех этапов: первый этап – вторая половина I – II в.н.э.; второй этап – III – начало IV в.; третий этап – конец IV – первая половина VI в.

На этих страницах резюмируются основные события, разбираются этапы причинно-следственных связей появления чаш-тепинской кочевой группы на полуострове Мангышлак; изменение культово-ритуальной архитектуры (бидельтоидные – гантелевидные), многоволновой характер проникновения в IV–V вв. на северо-западные окраины Хорезма скотоводов Нижней Сырдарьи и финального затухания жизни в Каракабакском цивилизационном анклав с пересыханием Амударьинского и Каспийско-Понтийского водного пути.

Книга поражает богатством и тщательностью иллюстративного материала. В ней представлен относительно полный библиографический справочник, а также прекрасный каталог всех находок из Алтынказганского погребально-поминального комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.) / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XVIII. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. 384 с.

Информация об авторах:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Ураль-

ский государственный университет (национальный исследовательский университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

Любчанский Илья Эдуардович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Центр историко-культурного наследия г. Челябинска (г. Челябинск, Россия); hunns@yandex.ru

REFERENECES

Astafyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2023. *Pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Altynkazgan (III – pervaya polovina VI v.) (Burial and memorial assemblages Altynkazgan (III – the first half of the VI century)*. Series: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and research on the archaeology of Kazakhstan)* Vol. XVIII. Almaty: Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

About the Authors:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Lyubchansky Ilya E., Candidate of Historical Sciences, scientific secretary, Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Kommuny St 69, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; hunns@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ – Археологія і давня історія України
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
 БФ АН СССР – Башкирский филиал АН СССР
 ВВ – Византийский временник
 ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ЕҚМ НТК – Есік қорық-музейінің негізгі тіркеу кітабы (Главная книга поступления Заповедника-музея «Есік»)
 ЕНУ – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана)
 ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии РАН.
 ИАК – Известия археологической комиссии
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИГ СО РАН – Институт географии СО РАН
 ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИПС – исходное пластичное сырье
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 КазГИК – Казанский государственный институт культуры
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
 КИО – культурно-историческая общность
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/
 Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
 КФУ – Казанский федеральный университет
 МА РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 МИАК – Материалы и исследования по археологии Казахстана
 МИЦАИ Международный институт центральноазиатских исследований
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан (г. Алматы)
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИЦИА – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола» (г. Караганды)
 ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
 ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук.
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина

Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции

УАВ – Уфимский археологический вестник

УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета

УК – Уакытша кор (Книга временного фонда)

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 19.12.2024

Дата выхода в свет 20.12.2024

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,69

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

